

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ARMY

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКИЙ
ФОРУМ «АРМИЯ-2020»**

**23-29 АВГУСТА
ПАТРИОТ ЭКСПО**

WWW.RUSARMYEXPO.RU

ЭКСПОНИЦИОННЫЙ
ОПЕРАТОР

МКВ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНТРОЛИ И ВЫСТАВКИ

ВОИН РОССИИ № 2, 2020

ВОИН РОССИИ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Ирина ДЕГТЯРЁВА
Иранская турбулентность

Владимир ШИГИН
Штурм Корфу

Борис КУРКИН
Немецкая философия
в жизни капитана
Широкова

Олег ОДНОКОЛЕНКО
Тридцать топорных
попаданий

Сергей ДМИТРИЕВ
Пять войн поэта
Грибоедова

ISSN-2687-0355

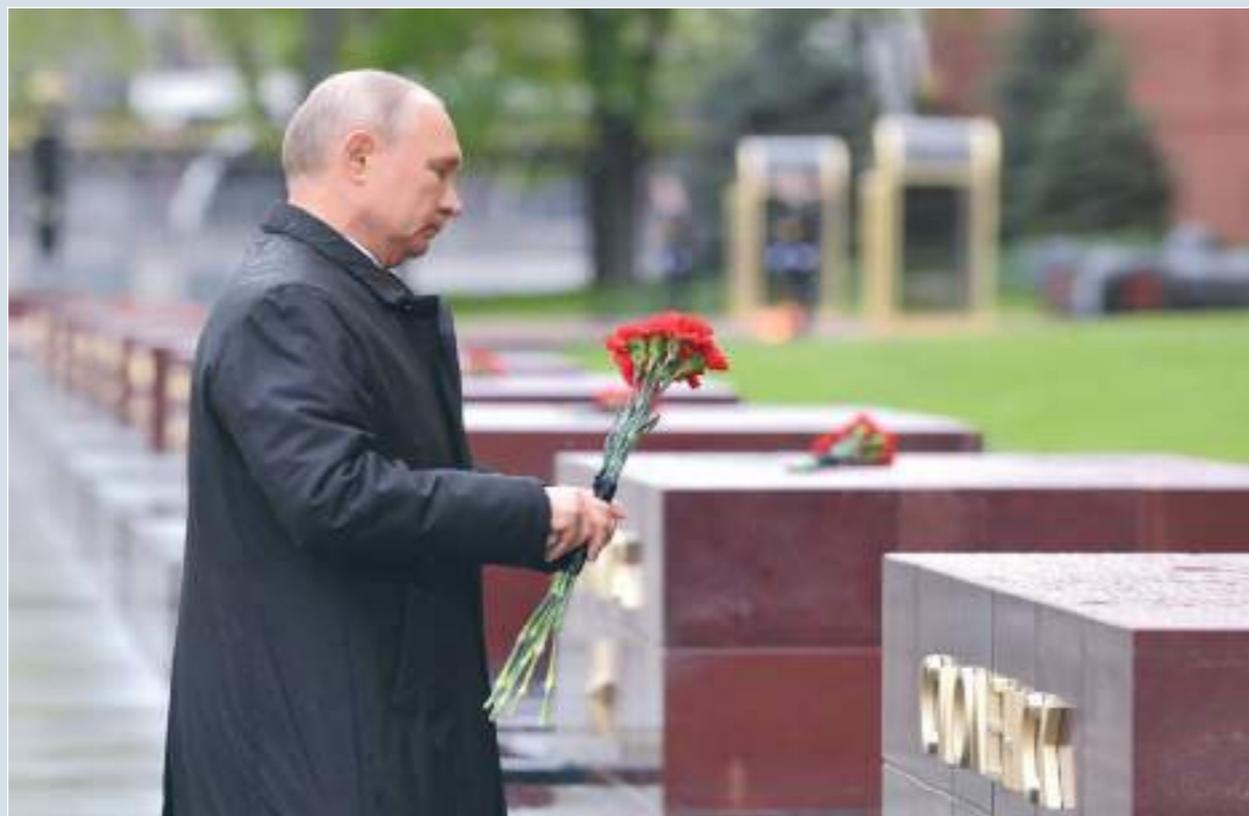

2.2020

Воздушный парад над Красной площадью 9 мая 2020 года. Фото Алексея Ерешко.

Президент России Владимир Путин возлагает в День Победы цветы на Аллее городов-героев у Могилы Неизвестного Солдата в Александровском саду. Фото Алексея Дружинина, РИА Новости.

Картины старшего мичмана Сергея Шевченко «Паруса над бухтой» и «Памятник затопленным кораблям».

Основан в апреле
1919 года

Выходит
ежеквартально

УЧРЕДИТЕЛЬ –
МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Зарегистрирован в Государственном
комитете РФ по печати.
Регистр. № 016300

Главный редактор
И.Н. ХРИСТОФОРОВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В.А. ДАНДЫКИН,
заместитель
главного редактора,
И.В. НИКОЛАЕВ,
ответственный секретарь,
Ю.Н. РОДИОНОВ,
Е.А. СЕВАСТЬЯНОВА

Художник О. МАЗУРИНА

Компьютерная верстка
И. НИКОЛАЕВ

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

125284, Москва,
Хорошевское шоссе, 38.
Телефон для справок: 8 (495) 941-27-60.

© «Воин России», 2020 г.
При перепечатке ссылка
на «Воин России» обязательна.

Сдано в набор 07.04.2020.
Подписано в печать 20.05.2020.
Выход в свет 11.06.2020.
Формат 84x108 1/16. Офсетная печать.
Печ.л. 16,0+1/2 печ.л. вклейки. Тираж 9614 экз.
Заказ № 0045-2020. Цена свободная.
Отпечатано в АО «Красная Звезда»
125284, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38
e-mail: kr_zvezda@mail.ru

<http://redstarprint.ru/> redstar_print
Тел. маркетинг: (495) 941-21-12,
(495) 941-31-62, (916) 192-93-82;
отдел распространения периодической
печати: (495) 941-39-52.
Издатель: ФГБУ «РИЦ «Красная звезда»
Минобороны России; тел.: (495) 941-23-80
125284, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38
E-mail: ricmorf@yandex.ru. Отдел рекламы –
(495) 941-28-46; E-mail: reklama@kornet.ru.

1-я стр. обложки:

Фрагмент картины художника
Александра АНАНЬЕВА «Парад
Победы 24 июня 1945 года».

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ВОИН РОССИИ

ИЮНЬ, 2020 г.
№ 2 (1984)

В НОМЕРЕ:

16+

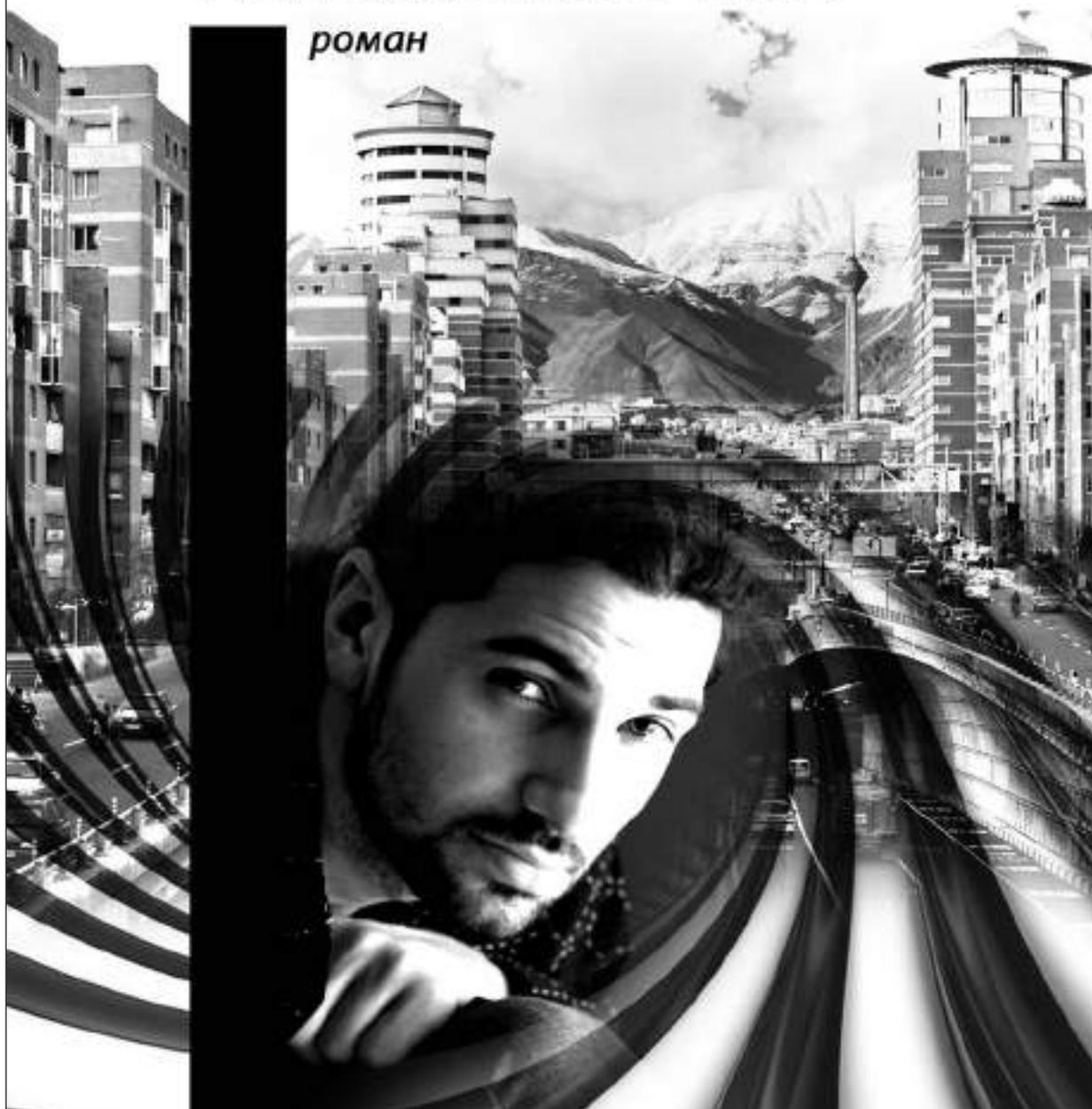
И. ДЕГТЯРЁВА. ИРАНСКАЯ ТУРБУЛЕНТНОСТЬ. Роман.....	2
Н. ТУЛАЕВ. НЕ ВЕРЮ Я В ЗЛЫЕ ПРОРОЧЕСТВА. Стихи.....	88
И. НИКОЛАЕВ. ГАВРИИЛ ДЕРЖАВИН. Инфографика.....	90
В. ШИГИН. ШТУРМ КОРФУ. Роман.....	92
О. ИГНАТЬЕВ. ЛЮБОВЬ К РОССИИ ТРЕБУЕТ УМА. Стихи.....	150
Б. КУРКИН. НЕМЕЦКАЯ ФИЛОСОФИЯ В ЖИЗНИ КАПИТАНА ШИРОКОВА....	152
И. ДОНЦОВ. СЛУЖБА: ДЕНЬ ЗА ДНЁМ.....	192
О. ОДНОКОЛЕНКО. ТРИДЦАТЬ ТОПОРНЫХ ПОПАДАНИЙ.....	194
И. НИКОЛАЕВ. ВСЕВОЛОД ВИШНЕВСКИЙ. Инфографика.....	202
Д. ЮРОВ. ИНИЦИАТИВНЫЙ ПРАПОРЩИК. Рассказы.....	204
Л. ПЕВЕНЬ. МОРЕ. Стихи.....	207
Ю. ПАХОМОВ. ТРИ ЕГОРА. Повесть.....	208
С. ДМИТРИЕВ. ПЯТЬ ВОЙН ПОЭТА ГРИБОЕДОВА.....	218
В. КОСТЕНКО. МИРУ БЫТЬ. Стихи.....	237
С. ХОЛОДОВ. ВОЙНА В КИНО И НАЯВУ.....	238
А. ТАВОБОВ. ПЕРЕСАЖЕННОЕ ДЕРЕВО.....	244
В. КОРНЕЕВ. ГЛАВНЫЙ ПАРАД СТРАНЫ.....	246
И. АЛЕКСЕЕВ. НЕВИДИМЫЙ ВРАГ.....	249
Л. ДОКТОРОВ. «КАТЮША». Стихи.....	252
В. ПАСЯКИН. ИЗ ЗАСЛУЖЕННОГО В НАРОДНЫЕ.....	253

Подписка на журнал «Воин России» на 2020 год принимается без ограничений в течение года. Оформить ее можно в любом почтовом отделении по каталогу «Газеты. Журналы» ОАО «Агентство «Роспечать» – подписной индекс 70847 и объединенному каталогу «Пресса России», 1-й том «Газеты и журналы» – индекс 43987.

Ирина Дегтярёва

Иранская Турбулентность

роман

Коллаж Ольги МАЗУРИНОЙ

Ирина Владимировна ДЕГТЯРЁВА родилась в Бразилии. Окончила Литературный институт имени А.М. Горького. Член Союза писателей России. Член Союза журналистов Москвы. Лауреат премии Министерства внутренних дел России «Щит и перо», премии Федеральной службы безопасности в области литературы, лауреат третьей (2010 г.) и первой (2014 г.) премий Международного конкурса имени Сергея Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков.

Работала специальным корреспондентом, обозревателем в журналах МВД. На данный момент литературный редактор журнала Министерства обороны «Воин России».

Ирина Дегтярёва регулярно публикуется в столичных журналах, газетах, сборниках. Издала более десяти книг, в том числе и за рубежом.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Тихая жизнь в Тегеране

2017 год

Наступала та часть ночи, когда вечерний смог начинал рассеиваться. Оставалось всего несколько часов затишья до рассвета, когда Тегеран засигналил десятками тысяч машин, голосов, гудков. Тонкими пронзительными нитями во весь этот гвалт будут вплетены азаны муэдзинов.

Но свежесть, если и наступит, то лишь на севере города, на отрогах Точала, горного хребта – зимой белоснежного, летом дымчато-серого. Там, за почти крепостными стенами, прячутся виллы с бассейнами.

В низине города скапливается стойкий запах выхлопных газов и неистребимой пыли. Его ненадолго смывают только апрельские дожди. Но до следующих дождей так же далеко, как до возможности переселиться на север города.

Фардин Фируз мог считать себя довольно успешным человеком. За почти тридцать лет жизни в Тегеране он смог из южных районов города перебраться ближе к центру. Перевалил через условную линию бедности и обрел уверенный статус среднего класса – с квартирой в шестиэтажке и машиной, пусть это и старенький иранский седан «Пейкан», серый, с малиновой полосой под дверцами.

Ночью припарковаться удалось лишь через две улицы от дома. В выключенном моторе что-то по-

щелкивало и посвистывало. Фардин наклонился к бардачку, но не стал его открывать, пошарил под теплой пластиковой панелью, двумя пальцами ловко выудил из потайной щели крошечный цифровой диктофон, нагретый, словно все еще велась запись.

Омида пришлось окучивать целый год. Нет, он не имел отношения к вопросам ядерных разработок напрямую. Разве что косвенно... Он был одним из тех ученых, кто занимался созданием способов лечения от химических поражений.

Однако Оmid до недавнего времени утверждал, что эти исследования в большей степени необходимы пожарным и сотрудникам химзаводов, а не военным и гражданским жертвам войны.

Но сегодня сработал наконец древний как мир способ развязать язык и не менее древний армянский арцах.

Из чего они его гнали – из винограда или из тувника, Фардин не уточнял, главное, что самогон был крепким и армянин строго соблюдал конспирацию, торгуя запрещенным в Иране алкоголем.

О да, Мовес вел себя осмотрительно в отличие от курдского торговца, лишившегося уже двух пальцев – по количеству задержаний за незаконную торговлю горячительными напитками...

Фардина волновал не столько способ лечения химических поражений, сколько область применения данных методик и связи Омида с военными. А они есть, эти связи, как убедился сегодня вечером Фардин, трезво фильтруя подогретую арцахом болтовню начальника.

Омид уже около года возглавлял исследовательский отдел Тегеранского медицинского университета. В структуре отдела функционировали шесть секций, и для работы в двух из них требовался специальный допуск.

Фардин взвесил на ладони диктофон, решая дилемму: оставить запись в машине или отнести домой. Старенький седан – не самый привлекательный объект для грабителей, и не так уж часто в их районе обчищают машины, и все же... Но и дома хранить такой компромат – риск еще больший.

Фардин ежедневно, ежечасно держал в уме возможность задержания и обыска. Нельзя давать ни малейшего повода иранским контрразведчикам. Они могут произвести арест и обыск по доносу, по подозрению, но если им в руки попадут вещественные доказательства его разведывательной деятельности, шансы выжить резко упадут до нулевой отметки.

Отправить запись по Интернету и тут же уничтожить ее было бы оптимальным вариантом. Но Интернет в Иране медленный, ограниченный, а стало быть, находится под строгим контролем спецслужб. Местные научились обходить препоны, но таких умельцев не слишком много, им «разрешают», но и следят за ними наиболее пристально.

Путями, проторенными местной контрразведкой, Фардин не ходил. Он предпочитал более долгие, обходные дороги – через Турцию, Венесуэлу, Сербию... Однако часто выезжать не мог. Отпуск, командировка – вот и все возможности.

Оглядев пустую ночную улицу, Фардин опустил в карман легкого пиджака диктофон. Бросил в рот жевательную резинку, которую ему сегодня утром все-таки продал назойливый мальчишка, бежавший за его машиной полквартиры. Она оказалась вишневой и, как и надеялся Фардин, перебила запах арцаха, хотя и выпил-то он немного. Ему не приходилось особо хитрить – Омид пил за двоих.

Фардин выявил у него эту слабость к алкоголю, когда поехал вместе с ним в командировку в Турцию. Он знал, что многие иранцы ездят в Турцию и в некоторые другие страны именно за выпивкой и проводят отпуска в состоянии регулярного подпития, а то и вовсе в непотребном виде. Омид, как выяснилось, относился к первой категории – все свободное время поддерживал легкий градус алкогольной радости...

Заперев дверь в машине на ключ, по старинке, безо всяких электронных штучек, и пройдя половину пути до дома, Фардин остановился в тени огромной акации. Отсюда его не могли увидеть те двое с автоматами Калашникова, стоящие в круге света уличного фонаря рядом с белым джипом «Ниссан».

КСИР¹. Здоровенные бородатые ребята в форме стражей будут приветливы и вежливы лишь до тех пор, пока не учуют запах водки... Хотя они, в общем, по другой части.

Сейчас стражи рыскают по городу в поисках подпольщиков, связанных с заграницей – Азербайджаном, Саудовской Аравией, Израилем, Великобританией.

С 2005 года произошло одиннадцать терактов, около двадцати офицеров и рядовых КСИР погибли. Вполне обоснованно, что они усилили патрули, только Фардину это не по душе. Не ночевать же в машине. Бредущий ночью по пустынной улице человек зовет у стражей интерес.

Документы у Фируза в полном порядке, но запашок алкоголя, смешанный с ароматизатором вишневой жвачки, – это уже повод для задержания и позорного телесного наказания плетью или палкой. Но что еще хуже, тюрьма на месяц или два. Фардин знал, тюрьма для него – это критическая точка на графике его существования в Тегеране. Второй раз заключения он не выдержит.

Фардин никогда не забудет ту страшную ночь 1990 года, когда пришли его арестовывать, выбив хлипкую дверь в квартире дяди Ильфара. Как страшно кричала бабушка. С растрепавшимися седыми волосами она стояла посередине комнаты в ночной рубашке и босая. Фардина повалили на пол, лицом вниз, и все, что он видел – ботинки стражей и бабушкины ступни, одутловатые, в фиолетовых прожилках, такие нездоровые и натруженные за прожитые годы.

В тот момент в голове жужжал целый рой мыслей, и все они жалили нещадно – он не ожидал столь стремительного развития событий и... провала. Однако, несмотря на страх и даже панику, молчаливую, не сопровождаемую активной мимикой, он больше всего переживал за бабушку. Фардин проклинал тот миг, когда согласился на уговоры и взял ее с собой в Иран.

Оторвать ее от родного дома в Баку, от могилы мужа казалось кощунством. Им пришлось бросить все вещи. Фардин запретил бабушке брать фотографии, в том числе и старинные, на плотном картоне, оставшиеся с тех времен, когда ее семья жила в Ширазе.

Они были вынуждены оставить в Баку и все документы, кроме советских паспортов, причем паспорт Фардина был слегка подправлен... Взяли лишь небольшой чемоданчик с одеждой и завернутые в бабушкин чулок серебряные ложки и вилки.

И она ведь не хотела ехать... Сначала в Ленкорань, затем пришлось идти через границу, оказав-

¹ КСИР – Корпус стражей исламской революции.

шись вне закона. Ильфар почти сразу приехал за ними на машине, которую одолжил у соседа.

Ложки и вилки – все, что осталось на нынешний день у Фардина из семейного имущества, да пара ковров от дяди Ильфара, сотканых мастерами еще в восемнадцатом веке, и такой же древний джанамази¹ с почти до дыр затертым михрабом².

Продав эти ковры, особенно исфаханский, Фардин мог уехать в Европу, скажем, в Париж, прикупить там небольшую квартирку и жить безбедно на проценты от оставшихся денег, положенных в банк.

Ковры сохранились на редкость хорошо, даже серебряные и золотые нити ничуть не потускнели, подчеркивая красоту трилистников и вьюнков растительного узора. Уже и цветы истлели, которыми вдохновлялся древний мастер, да и сам мастер бродит по садам аль-Фирдауса³, тоскуя по своему станку и отполированному до блеска челноку, сделанному из пальмы. А ковры не распались в прах...

Стоять под акацией становилось опасно: углядят его в глубокой тени ксировцы, это вызовет еще большие подозрения, чем если бы он просто прошел мимо них посередине жаркой ночи.

Рубашка липла к телу, хоть и небольшая, порция арцаха усиливала жар в лице, по лбу струился пот. Фардин ощупал диктофон через ткань кармана. И, пятясь, вернулся к машине. Присел на капот и закурил «Forvardin».

Он покупал самые дешевые сигареты, по восемь тысяч риалов за пачку. Привык экономить, хотя и зарабатывать довольно неплохо по меркам Тегерана: тринадцать миллионов риалов – около трехсот долларов, больше или меньше, в зависимости от колебаний курса, впрочем, инфляция неумолимо делала эту сумму меньше.

От дешевого табака саднило в горле и дым разъедал глаза, но Фардин докурил до фильтра, поскольку привык все делать основательно. Он снова коснулся кармана с диктофоном и решительно пошел в противоположную от дома сторону. Сделал солидный крюк и приблизился к своему подъезду с другой стороны, где росли две сосны с сильно обчекрыженными ветками, а у их основания – лохматый куст аморфы, который замаскировал Фардина и позволил ему проскользнуть к ступеням подъезда незамеченным.

Дом напоминал неровно поставленные один на другой кубы со стеклянной передней гранью – просторными балконами с прозрачным ограждением и массивными, на металлических ножках, цветочными ящиками, глубокими, на высоту ограждения. Еще

¹ Джанамази (перс.) – ковер для намаза.

² Михраб – арка, центр которой совпадает с Киблой – направлением на священную Мекку.

³ Аль-Фирдаус – рай.

Зиба высадила в ящики базилик и тимьян. От ветерка аромат этих трав заносило в квартиру, и навевало мысли о Средиземноморье и средиземноморской кухне. Иногда Фардин общипывал куст тимьяна, чтобы пожарить себе мясо в масле с веточкой, пахнущей то ли хвоей, то ли лимоном.

Перед тем как зайти к себе в квартиру, расположенную на последнем этаже, Фардин, выйдя из лифта, поднялся по узкой лестнице на крышу. Тут стояло несколько шезлонгов и зеленых зонтиков от солнца. Под ногами шуршал белый гравий, рассыпанный по всей поверхности крыши, защищающий верхние этажи от палящего летнего солнца. В дальнем углу за одним из кирпичей в кладке вентиляционного шкафа у Фардина был устроен тайник, куда он сейчас и спрятал диктофон. Только избавившись от него, Фардин почувствовал себя лучше.

Он прилег на шезлонг, пытаясь увидеть звезды за светящимся облаком из смога и множества огней Тегерана. С этой точки он мог видеть половину города, ниспадающую черной мантией, усыпанной драгоценными камнями огоньков – рубинами, янтарем, изумрудами и бриллиантами. В Тегеране не жалели электричества на иллюминацию. Даже сейчас, когда тут никого нет, на крыше светились многочисленные лампы подсветки вдоль бордюра, огораживающего край крыши, привлекая летучих мышей. Маяком над остальными огнями горел мутно-красный, словно хмельной, огонь на телевизионной башне.

Чаще Фардин испытывал чувство покоя при виде ночного Тегерана, но иногда ему казалось, что он в замкнутом пространстве, даже здесь, под открытым небом, а Точал давит своим каменным массивным телом высотой в почти четыре тысячи метров. И когда зимой вершину горы припудривало снегом, ощущение темницы не исчезало до конца. Некуда деться, и, даже если придется скрываться, перейти на нелегальное положение и попытаться бежать – удастся ли?

Бывало, что такими душными ночами, полными одиночества и липкого страха, он обдумывал план побега. Мысль о возможности скрыться в посольстве государства, на которое он работает, не вызывала облегчения. Скандал облепит всех, как туман над Точалом, полетят головы правых и виноватых, испортятся отношения между Ираном и Россией.

Его бросило в жар при мысли, что в посольство его и не пустят. Он – нелегал, а значит, оценивал все риски, с этим связанные, когда согласился работать. В крайнем случае, могут обменять. Но на кого? Нет же между Ираном и Россией такого активного шпионообмена, как, например, у России с США или Великобританией. Да и просидеть всю оставшуюся жизнь на территории посольства...

Наиболее приемлемым вариантом он считал бегство с помощью курдов в Ирак. Они шастали по горным тропам в Иракский Курдистан за контрабандой. Наркотики, алкоголь, оружие. Не зря Фардин поддерживал отношения с одним из них, регулярно покупал у него виски, который чаще всего выливал тут же, в ближайшем туалете какого-нибудь кафе, чтобы не тащиться с опасной ношей через весь город. Не зря Фардин держал две тысячи долларов в потайном кармашке бумажника... Он узнал у курда Джегера, сколько стоит нанять надежного проводника. Такие расспросы курда нисколько не напрягли, он озвучил сумму, почесывая беспалой рукой курчавую бородку...

Страх никогда не отпускал Фардина, но не мешал ему здраво мыслить. Он своими, порой неожиданными, всплесками адреналина бодрил его, как холодный душ, не позволяя расслабляться, когда изо дня в день Фардин проживал тихо, рутинно, предсказуемо. Это убаюкивало, усыпляло бдительность, имитировало жизнь настолько реалистично, что ему порой казалось, что вот она, его настоящая и единственная действительность – работа в Медицинском университете, прогулки по парку, тренажерный зал, наргиле-кафе, встречи с сыном на пятничной молитве, изредка командировки, закрытые вечеринки с друзьями, отпуск за границей...

Страх не вызывал панику, он существовал как данность, пожалуй, как насущная необходимость, наподобие сна или еды.

Сейчас, когда он созерцал небо Тегерана, занавешенное кисеей смога, отражающего иллюминацию, словно кривое зеркало, Фардин чувствовал, как адреналин все еще бурлит в крови. Но, спустившись в квартиру, он уже испытывал усталость, апатию, обязательно следовавшие за возбуждением. Он ненавидел эти нервные спады, но свыкся с ними как с неизбежным.

Разувшись и аккуратно поставив ботинки рядышком – носок к носку, задник к заднику, Фардин прошел по ковровой дорожке с изображенной на ней вазой с цветами. Тот самый ковер из Кермана, один из полученных от дяди в наследство. Впрочем, дядя еще жив и отдал ковры, посчитав, что у племянника они будут сохраннее. Район, где живет Ильфар, расположен на самом юге города, а стало быть, бедный и беспокойный. Ильфар, несмотря на то, что он герой Священной обороны¹, так и живет в районе торговцев базара.

Его огромный портрет висит на одном из домов в Тегеране, но что-то никто из начальства не стре-

мится улучшить его жилищные условия. Сколько этих ветеранов! Тысячи. Воевали в восьмидесятых и дети, и старики, и женщины в пасдаране². Дядя Ильфар, правда, был кадровым военным.

Из коридора Фардин зашел в большую гостиную с двумя клетчатыми диванами и коврами на полах, новыми, и одним из дядиных по центру комнаты – из Исфахана. Каждый раз, бросив взгляд на ковер, Фардин гадал, каким образом он попал к семье Ильфара, ведь такие шедевры ткацкого искусства дарили иностранным посольствам. Много тайн хранилось в их семье.

Привычно оглядев комнату, Фардин не заметил никаких тревожных изменений.

К нему раз в неделю заходила уборщица Шаиста, немолодая женщина из Афганистана, из Пули-Хумри. Но она после пары выговоров от привередливого хозяина не перемещала предметы с места на место, хоть и ворчала по этому поводу: «Я же не птичка, чтобы порхать по комнатам с пылесосом и вытирать пыль, не притрагиваясь ни к чему».

Фардин задернул плотную штору, открыв сперва балконную дверь. Свежести это не прибавило. Пахло в гостиную лимонным ароматизатором и старым ковром. Лучше было включить кондиционер, но Фардин экономил. Он заглянул на кухню, зажег три длинные лампы под навесными полками. В голубом холодном свете блеснул бок серебристого пятилитрового самовара, стоящего около газовой водонагревательной колонки. Подключенный к газу самовар всегда держал тепло.

Заглянув в холодильник, Фардин достал оттуда приготовленный Шаистой бадемджан³, который намазал на остатки утренней лепешки, тафтун, и с удовольствием умял, запив чаем. Самогон и адреналин разожгли нешуточный аппетит. Он бы сейчас и калепаче⁴ съел за милую душу. Им хорошо было насыщаться в Рамадан на рассвете. Горячий, душистый, с дерзким запахом чеснока, с упругими бараньими щеками и глазами...

Фардин с усилием перешел мысленно к другим баранам, несъедобным и, более того, неудобоваримым во всех отношениях. Начал анализировать сегодняшний разговор с пьяненьким шефом. Натренированная за последние годы память позволяла воспроизвести слова Омида практически дословно.

Заметки о разработках университета по лечению химических поражений выходили в газетах, Фардин тщательным образом их отслеживал, вырезал из

² Пасдаран – подразделения добровольцев.

³ Бадемджан – овощное рагу с основным ингредиентом баклажаном. Наподобие баклажанной икры.

⁴ Калепаче – похлебка из бараньей головы и копыт.

¹ Священная оборона, или Навязанная война – так называют в Иране ирано-иракскую восьмилетнюю войну 1980-1988 гг.

газет, распечатывал из Интернета и создавал свой архив. Статьи содержали весьма общие сведения, профильтрованные цензурой. Сегодня же Омид заговорил о своем активном сотрудничестве с военными, про доступ в их лаборатории к образцам боевых отравляющих веществ, а главное, он упоминал некоего майора Камрана из МИ¹, который, по-видимому, курирует разработки. Со слов Омиды, у него с Камраном наладились почти дружеские отношения. Хотя Фардин был склонен делить бахвальство Омиды пополам. Да и не верилось, что сотрудник МИ, человек, соблюдающий секретность, преисполненный своей значимости, станет приближать к себе кого бы то ни было.

Фардину доводилось наблюдать поведение офицеров МИ со стороны, оказавшись в одной компании. Надменность и неприступность. Они себе цену знают.

Фардин запомнил контрразведчиков МИ образца почти тридцатилетней давности. Тогда было разве что побольше фанатизма и подозрительности. Его держали в камере и били на допросах с большим энтузиазмом и даже азартом, пытаясь добиться признания в том, что он шпион.

Это продолжалось неделю, пока дядя Ильфар бегал по инстанциям с жалобами и воззваниями. Зачастую он брал и бабушку Фардина. Она тогда еще оставалась довольно подвижной и энергичной. Она кричала, рыдала, падала в обморок в приемных, куда приводил ее Ильфар в качестве иллюстрации своих доводов, дескать, профессиональные разведчики не таскают за собой старых и больших бабушек. Да и сам Фардин, как убеждал контрразведчиков Ильфар, просто растерявшийся мальчишка, спасшийся бегством от беспорядков в Азербайджане, после того как погиб его дед. Это не угроза безопасности Ирана, а просто-напросто воссоединение семьи.

Только чудо, а вернее, спрогнозированное в Москве чудо, позволило Фардину Фирузу выкарабкаться тогда. Учили, что Ильфар служит в армии (на тот момент), пользуется уважением – на это делалась основная ставка. И она сыграла.

Но пребывание в тюрьме аукнулось Фардину по сей день внезапным страхом, излишней подозрительностью и порой нерешительностью. Он боялся ошибок, ведь они могли повлечь за собой не банальное разочарование, а гибель...

В гостиной Фардин выключил верхний свет, оставив два бра на противоположных стенах и торшер – странное металлическое сооружение, напоминающее аиста в черной шапке-кубанке.

¹ МИ – министерство информации, бывшее САВАК (SAVAK) – министерство государственной безопасности Ирана времен правления шаха Пехлеви (1957-1979 гг.). Политический сыск, разведка, контрразведка.

Слабый песочный свет бликовал на выпуклой поверхности аквариума с двумя золотыми рыбками, оставшимися с навруза. Как биолог Фардин знал, что этих рыб нельзя выпускать в местные открытые водоемы. Нет, они не погибнут, золотые рыбки с виду только безобидные, но заносят в воду вирусы. Разве что в парковых прудах они не настолько опасны.

Рыбками в банках, стаканах, мини-аквариумах украшали праздничный новогодний стол в конце марта. Одну рыбку принес Дильдар – одиннадцатилетний сын Фардина, а другую подарила Симин...

Эта художница Симин с большими, продолговатыми, почти черными глазами, пухлыми губами и довольно крупным носом обладает такой притягательностью! Фардин попал к ней в плен, едва увидел. Похоже, она единственная на той вечеринке у бассейна в доме ее подруги оказалась со «своим» носом, не прооперированным.

Женщины в Иране делились на три категории. Те, кто уже сделал пластику носа, те, кто копил деньги, чтобы сделать, и те, кто не собирался. Симин относится к третьей, самой малочисленной группе. И непонятно – либо ее все устраивает в своей внешности, либо ей безразлично.

Она выглядела так же, как и ее живопись, – стихийно.

Напротив дивана в гостиной Фардина висел большой холст Симин с довольно сюрреалистическим изображением быка с раздутыми гневными ноздрями, топчущего окровавленный песок арены.

Свет из окна и балконной двери, дневной, а в особенности лунный, делал изображение на картине словно живым, мистическим, завораживающим, воплощением стихии. Правда, у Симин это не разрушительная сила, а созидательная, но не способная сдерживаться в своих порывах.

Подарила эту символичную картину она вскоре после знакомства. Каким чутьем уловила в тихом, чуть ироничном научном сотруднике его сущность, скрытую глубоко даже от него самого? Он ведь должен искренне верить в свою «тихость и научность».

Симин живет с братом и его женой. Она в разводе, подолгу обитает в Европе – то в Париже, то в Голландии и Америке, и отчасти поэтому их семья гораздо терпимее относится к несоблюдению мусульманских традиций. Во всяком случае, Симин принимает гостей-мужчин, оставаясь одна дома. К тому же ее огромная двухэтажная квартира совмещает в себе функции жилья и мастерской.

Почти весь второй этаж в пентхаузе занимает студия. Здесь всегда прохладно, в углу у окна такой же, как у Фардина, самовар, только электрический, а не газовый, но он точно так же все время подогревается, домовито, в ожидании гостей.

Сплетен соседней о вольных нравах хозяйки удавалось избежать благодаря тому, что посетители попадали сразу в квартиру – двери лифта открывались в холле пентхауса, и лифт ехал вверх только с разрешения хозяев. Художница держала дома даже собаку, небольшого плотного песика, гладкошерстного, с хвостом-крендельком и светлыми бровками на темной морде. Его звали Бобби, и этот шустрый субъект был вне закона в Иране. Гулять с ним нельзя, на машине возить тоже – иначе получишь штраф и пса отберут.

Тегеранцы тем не менее собак заводят, выгуливая их втихаря, где никто не увидит. К примеру, за высокими заборами своих вилл. Хозяевам вилл все можно. Даже «нечистых» животных держать...

Поглядев на бычью морду на картине, Фардин вспомнил их с Симин недавнюю встречу, случившуюся два дня назад. Он заехал к ней после работы. Заметил в огромной мастерской небольшую, ему по колено, деревянную скульптуру быка с извитыми острыми рогами, крепким загривком и мосластым задом. Бобби обходил изваяние стороной и поглядывал на быка с великим подозрением. Фардин гладил Бобби, ностальгируя по сибирскому коту, который был у семьи Фирузов в Баку.

В мастерской пахло масляными красками, растворителем, лаком и свежесваренным чаем, который пил Фардин, развалившись в кресле за спиной Симин. Девушка торопливо дорисовывала картину к выставке в Америке. Она работала то мастихином, то плоской широкой кистью. Черно-белый платок сбился на затылок (она всегда надевала платок при Фардине). Ее волосы почти невозможно задрапировать, слишком пышные. Она стояла у мольберта босиком на светлом паркетном полу – всегда работала босиком.

Растения в огромных вазонах теснились у балконных окон, чуть загораживая свет.

– Америка, Франция, Голландия... Ты так легко порхаешь. Туда-сюда, – Фардин несколько жеманно повел рукой, изображая перемещения Симин. – Саваковцы¹ еще не вязали тебя на карандаш?

Симин не обернулась, и он не видел выражение ее лица, она лишь пожала плечами. Понимай как хочешь. Фардину не понравился подобный язык тела.

Он поспешил сменить тему, почувствовав, как оледенела спина и онемели руки от страха.

– Скульптура быка твоя работа? – спросил он, стараясь не выдать возникшее волнение. – Я гляжу, анималистическая тема тебе близка. Моего быка ты рисовала с этого?

– Нет, в Испании. Коррида произвела на меня мало того, что неприятное впечатление, но и навела на определенные мысли. Бывает так в жизни, когда нет выбора.

Она умолкла, сосредоточившись на холсте, подвесив в пространстве мастерской недоговоренность. Хотя напряженному Фардину показалось, что все это она говорит, как бы поясняя свое неопределенное движение плечами.

«Нет выбора, – мысленно повторил он. – Не про быка же она, в самом деле... Метафора... Хотела признаться? В чем?»

Закралось подозрение, что она такая же художница, как и он ученый, – не на сто процентов. Если ее подослали к нему с заданием втереться в доверие, то он разоблачен. Фардин с трудом сдержался, чтобы не запаниковать. Неторопливо допив чай, он засобирался домой.

– Не стану нарушать твое творческое уединение. К тому же тебя сроки поджимают... – Он выбрался из глубокого кресла и потоптался у нее за спиной.

– Ты мне не мешаешь нисколько. Ты так очаровательно похрапываешь, когда я рисую.

– Вот еще! Пойду домой и там буду похрапывать, – изобразил обиду Фардин.

– Я вернусь через две недели! – крикнула ему вдогонку Симин.

По пути домой Фардин тщательно проверялся. Нескольким раз заходил в кафе, смотрел в отражение витрин, нет ли хвоста. А сам, в такт пульсации крови в висках, так и эдак прикидывал, существует ли вероятность того, что Симин ему подставили. Гарантированно такую вероятность он исключить не смог.

Ее внезапное появление в той компании у бассейна (там были примелькавшиеся лица, новых не допускали, избегая попадания в узкий избранный круг паршивой овцы – стукача). Свобода перемещений Симин по миру. Ее более чем свободные нравы. Все вместе это наводило на вполне конкретный след, отчетливый. МИ.

Вряд ли речь о кадровой сотруднице. Все-таки художница. Известная и в самом Иране, и в мире. Скорее, ее сотрудничество с МИ основано на обоюдных услугах. В ее распоряжении неограниченные возможности: в плане выезда за границу, участия во всевозможных выставках, биеннале и конкурсах. Он видел в квартире ее награды и фотографии, в том числе с Венецианской биеннале с девизом «All the world's futures»². На фото она рядом с чернокожим куратором выставки Эневезором, сияющая своими чудными глазами из-под края платка, в элегантном

¹ Саваковцы – так сотрудников МИ называют по старой памяти, по названию организации-предшественницы.

² «All the world's futures» (англ.) – «Все будущее мира».

золотистом расшитом традиционном плаще, скрывающем бедра и... да, в общем, все скрывающем, даром что короткий – до середины бедра.

Что она дает им взамен, если ее в самом деле курируют? Фардин уже не задумывался над тем, добровольно она «помогает» или ее приперли к стенке шантажом, банальным во все времена, но действенным. Вернее поставить вопрос так: что она может им дать? Уровень задач, которые ставят перед ней, зависит от степени доверия к художнице и ее компетенции. Вероятно, примитивные курьерские поручения.

Убедившись в отсутствии наружного наблюдения и успокоившись, Фардин облазил в тот же день всю свою квартиру, пытаясь найти следы тайного вторжения и прослушки, хотя и понимал, что есть способы поставить приборы слухового контроля, которые невозможно обнаружить, к примеру, вмонтировав в стены из квартир соседей. В конце концов, прослушивать можно и с улицы, снимая звуковую информацию с оконных стекол средствами акустической разведки. Но от этой напасти Фардин давно уже обклеил окна защитной пленкой, выполнявшей заодно и функцию фильтра от излишнего ультрафиолета.

Фардин не верил в случайности, однако же пришел к выводу, что Симин все-таки не по его душу. И вывод основывался не только на ощущениях.

В конечном итоге, количество ее поездок за границу привело его к этому выводу. «Министерство информации» только звучит безобидно. На деле – основной контрразведывательный и разведывательный орган Ирана. Занимается политической разведкой, готовит кадры, в том числе и для нелегальной работы. Вербуют агентов по всему миру. Главный принцип подбора иностранных агентов – вера. Только мусульмане. И предпочтение отдается, конечно, шиитам.

Но в случае с Симин – ее функции могут заключаться в дезинформации. Ее могут использовать в спецоперациях «nafaq»¹. Она играет в диссидентство, встречается за границей с оппозиционерами-эмигрантами. Работа для опытного провокатора. К тому же прощупать анти- или проиранские настроения никогда не бывает лишним.

Затем записи неосмотрительно сказанного оппозиционерами в частной беседе крутили почти на всех каналах «Голоса Исламской республики Иран» и давали распечатки в газетах «An-Nahar», «Al-Vefagh», «Jamejam», в англоязычной «Iran Daily» и других. Дискредитация, считай, прошла успешно.

Но если действовать только так, прямолинейно, то Симин и подобным ей агентам влияния хода не будет в группы оппозиции. Поэтому работать навер-

няка приходится аккуратнее, страховаться. Если догадаться, кто стоит за свободомыслящей одаренной художницей, могут просто-напросто ликвидировать. Оппозиция, которую подпитывают США, Израиль и саудиты, без проблем наймет киллера, да и в оппозиционной среде найдутся лихие парни.

Риск существует и в том, что люди, предавшие Иран и продавшиеся за доллары, могут так же, как Фардин, догадаться, что большое количество зарубежных поездок – это не только «художественная» необходимость, она поощряется и, возможно, даже спонсируется МИ.

В предыдущую встречу со связным, состоявшуюся почти полгода назад, Фардин сообщил ему, что Иран резко увеличил количество разведчиков, кадровых и агентов, которых включают в делегации, культурные и научные. Люди искусства частенько становятся удобными объектами для разведок. Гастроли – хорошая легенда. Сфера общения – высшее общество, чиновники, бизнесмены.

Для связного информация не стала новостью. Об этом трубили контрразведки европейских государств. Иранцев на этом не раз ловили за руку, что, впрочем, их не останавливало. Они продолжали наращивать обороты.

Фардин узнал об усилении разведки именно на «научно-культурном» направлении, когда от их Медицинского университета поехала делегация в Париж на конференцию. Он видел список делегатов. Пятеро из них оказались знакомыми ему учеными. Имена и фамилии остальных он, конечно, запомнил и сообщил в Центр при первой же возможности, понимая, что установочные данные наверняка фальшивка.

...Фардин проснулся на диване в гостиной в неудобной позе, с закинутой на спинку головой. В темноте мерцал экран телевизора, включенного на спортивном канале IRIB Varzesh. Экран отражался в покато боку аквариума параллелепипедом. Сонные рыбы с тупым выражением на морде и выпученными глазами тыкались в стекло своего жилища.

«Впадать в паранойю я не стану, – Фардин вернулся мыслями к Симин, словно и не прервал его размышления внезапный сон. За два дня улеглось волнение, и первое впечатление трансформировалось в шаткий вывод: – Могло же мне показаться? Я спросил, она всего-навсего не ответила...»

Как Фардин себя ни утешал, здравый смысл все же возобладал. Дело ведь не в том, как она пожалала плечами, а в фактах. И одним из таких фактов оставалась свобода ее перемещений по миру. Теперь предстояло понять – будет ли Симин сообщать своему куратору о новом знакомом или уже проинформировала?

¹ Nafaq (араб.) – разлад.

По всем правилам, должна. Тогда на Фардина обратят внимание, начнут проверять, и чем закончится подобная проверочка, одному Аллаху известно. Если же он по своей инициативе внезапно исчезнет с горизонта Симин, это ему не гарантирует отмену проверки. Наоборот, беспочвенный разрыв отношений вызовет подозрения.

Бормоча ругательства по-азербайджански, Фардин выключил телевизор, метнул пульт на кресло и, потирая шею, пошел в спальню, хотя бы остаток ночи провести в горизонтальном положении.

Сон выскользнул, подхваченный сквозняком, и увистал куда-нибудь к Арванд Руд¹, где с арабами бился не на жизнь, а на смерть дядя Ильфар во время Навязанной войны.

«Как это не вовремя, – Фардин вздыхал и ворочался на матрасе, огромном и холостячком. – Увлечся, старый дурак, – ругал он себя. – Начнут ковыряться в моем прошлом, припомнят и то задержание, и то, что из бывшей советской республики...»

Нет, Фардин был уверен – он не оставлял следов. Контакты со связным лишь на нейтральной территории. Никакой тайниковой связи. Тихая жизнь без попыток кого бы то ни было вербовать. В его обязанности нелегала вербовка не входила. Сбор информации, любой. Предпочтение отдавалось ядерной программе, составу КСИР, МИ – все, что удастся узнать без напора, без давления, по большой степени, самотеком. Если приплывет само в руки, как золотая рыбка. Тут главное правильно занять позицию, понимать, где ходят косяки таких золотых рыбок.

Центр страшился потерять Фардина – слишком много времени было потрачено на подготовку и внедрение, чтобы в одночасье все упустить.

Следов он не оставлял, однако, если в его отношении возникнет хоть малейшее подозрение, может последовать арест, и тогда уж признание выбьют. Со знается в чем угодно. Фардин не полагался на свою стойкость. Он уже испытал себя на прочность и не питал больших иллюзий. Дядины связи вряд ли помогут снова. Еще и старый Ильфар погорит. Не спасут его заслуги, медали Победы 3-го класса с бронзовыми пальмовыми листьями и Божьей помощи 3-го класса. К двум пальцам, потерянным в бою на Арванд Руд, добавятся еще отрезанные пальцы во время пыток...

Благодаря тактике «тихой жизни» Фардин продержался почти тридцать лет в отличие от израильских, американских и английских шпионов.

У американцев, англичан и французов есть шанс быть обменными. У моссадовских агентов прямой

¹ Арванд Руд – персидское название реки Шатт эль-Араб, пограничной между Ираном и Ираком.

путь на виселицу. Этих не возвращают. Вешали и тех, кто так или иначе связан с израильскими спецслужбами. Два года – это максимум, который способны продержаться израильские агенты, не будучи разоблаченными. Фардин уже давно побил все мыслимые и немыслимые рекорды. Американцы, те и вовсе довольствуются только информацией со спутников и беспилотников.

Некстати случилась Симин, поскольку у Фардина подошло время отпуска и его будет ждать связной в Венесуэле. Каждый день необходимо, пока не состоится контакт, приходиться в Caffe de Mokambo на площадь Каstellана. Там толпы народа, официанты не успевают обслуживать и навряд ли запоминают посетителей.

Связной подождет пять дней. Затем встреча может состояться через полгода, но уже в Турции, в стамбульском кафе неподалеку от собора Святой Софии. Если не удастся Фардину приехать, тогда придется оставить парольный знак в Тегеране, чтобы убедить Центр в своем благополучии.

Конечно, подобный знак – тоже след, особенно если не выявить вовремя наружное наблюдение. Однако еще в Союзе продумали такую систему постановки знаков, что они не могли вызвать ни малейшего подозрения даже в условиях плотного наблюдения за Фардином.

В лаборатории пахло морем. В больших квадратных аквариумах, с подсветкой и без, размещенных на стеллажах, колыхалась зеленая масса. Были и бассейны с теми же водорослями, как в Ширазском научно-техническом парке, куда Фардин ездил в командировку.

Одетые в зеленые халаты сотрудники наблюдали за показателями приборов, установленных и в самих аквариумах, и снаружи. В основном выращивали и исследовали спирулину с повышенным содержанием белка, железа и минералов.

Фардину нравились и запахи, и звуки лаборатории. Бульканье пузырьков воздуха в аквариуме. Стеллажи с чистыми колбами, пробирками, мензурками, препаратами. Фируз возглавлял и эту лабораторию, и разработки по водорослям. Как и руководство университета, он считал это направление чрезвычайно перспективным и в фармацевтике, и в космическом направлении – пищевая добавка для космонавтов.

– Мировой океан, – любил повторять Фардин, – это кладезь питательных элементов – и аптека, и легкие планеты, и салон красоты, и хранилище неиспользуемых пищевых ресурсов. А водоросли еще не

изучены досконально. С появлением новых технологий открывается все больше граней в исследовании свойств различных низших растений. Вот, скажем, спиролина, открытая только в середине прошлого века...

Далее Фардин садился на любимого конька, вызывая зевоту у окружающих.

– До сих пор толком неизвестно, как эта водоросль ухитряется накопить такое количество полезных элементов. Это лишний раз доказывает, что человек происходит от морских млекопитающих, ведь именно использование в рационе водорослей приводит к увеличению продолжительности жизни. Взять, к примеру, японцев...

В лаборатории Фардин становился очень строгим и требовательным. Доктор Фируз в отглаженном зеленом медицинском халате, надетом поверх рубашки без галстука, которые в Иране традиционно не носят, хмурил черные брови над темно-серыми глазами, не повышал голос, но говорил резко, если начинал сердиться на нерасторопных лаборантов.

– Доктор Фируз, вас вызывает доктор Омид, – сообщил секретарь Фардину, заглянув к тому в кабинет, находящийся тут же, в лаборатории, за перегородкой из бледно-зеленых стеклянных блоков.

Омид выглядел усталым, прикрыв дымчатыми квадратными очками мешки под глазами, он пил минеральную воду и грустно икал, источая запах мяты с тонким, едва ощутимым душком арцаха.

Даже если кто-то из сотрудников Медицинского университета и учует запах алкоголя, жаловаться не станут. Омида, может, и накажут, но он не перестанет быть начальником исследовательского отдела с правом «казнить и миловать».

Будто вчера и не пили вместе. Омид даже не предложил присесть. Однако, когда он заговорил, Фардину стало понятно – самогон растопил лед.

– Ты завтра в отпуск? Ну что ж, отдохни две недели. И с новыми силами за дело. У меня на тебя далеко идущие планы и на твою спиролину.

– Она не столько моя... – с замираньем сердца в предвкушении судьбоносных перемен пробормотал Фардин. – Вся лаборатория занимается. Я вам давно твержу, уважаемый доктор Омид, за исследованиями свойств спиролины будущее.

– Ну, допустим, нет ничего нового в том, что она полезна. Выпускают и в капсулах, и в таблетированном виде, и в порошке... Мне понадобится, чтобы ты отбросил все побочные исследования и сосредоточился на одном, основном, – Омид отпил еще минералки из высокого стакана, снова икнул. – Неплохо будет повторить наши с тобой теплые посиделки.

Фардин кивнул с дружелюбной улыбкой, пригладил бороду, которую скорее можно назвать многоне-

дельной щетиной. Бороды носили те, кто постарше, а доктор Фируз молодился. По документам он был взрослее своего подлинного биологического возраста на четыре года. Ему якобы уже исполнилось пятьдесят.

Эта хитрость с подменой даты рождения обуславливалась двумя мотивами. В девятнадцать лет он мог иметь диплом биологического факультета МГУ, но не смог бы объяснить, как его получил так рано, а заодно чтобы сбить со следа тех, кто попытается проверить его биографию.

Имя подлинное, а с датой путаница. И для легенды это даже лучше. Идеальность – не признак достоверности. Проверяющие решат, что подчистили хвосты.

– Мне бы не хотелось оставлять другие направления, – Фардин изображал фанатичного ученого, помешанного на теме, которой посвятил жизнь. – Что, урезали финансирование?

– Напротив. Сочли необходимым сконцентрировать силы и не распыляться, – Омид помялся и, понизив голос, добавил: – Не могу всего рассказать, но это до поры, до времени. Когда твою кандидатуру утвердят, с тобой будет говорить сотрудник безопасности Камран. Я снабдил тебя превосходными характеристиками, что соответствует истине. Педант, дисциплинированный, талантливый и перспективный ученый, великолепно образованный. Однако Камран дал мне понять, что есть некоторые осложнения. Надеюсь, ты никого не убил? – Омид хохотнул и снова икнул. – В следующий раз лучше виски, – попросил он.

Похолодев, Фардин кивнул.

– Если только подопытную крысу когда жизни лишил, и то не намеренно, без злого умысла, – он улыбнулся и вопросительно взглянул на Омиды, не решаясь расспрашивать, что происходит. Он и так догадывался.

– Не могу ничего сказать, – заметил его взгляд Омид. – Меня, знаешь ли, не посвящали в детали. Но, поверь, если с Камраном найдешь общий язык и развеешь его сомнения, то не пожалеешь. И работа что надо будет, и финансово... За секретность опять же доплаты... Ну пока преждевременно. Иди, иди, – он достал из-под стола еще бутылку с минеральной водой. – Мне надо пережить сегодняшний день. Сейчас бы шур¹ поесть.

– Да я бы тоже не отказался, – Фардин смущенно потер шею.

Едва Фардин вышел из кабинета шефа, наручные часы издали звуковой сигнал, напоминая о времени намаза. Многие сотрудники будут молиться,

¹ Шур (перс.) – соленое. Маринованные в рассоле овощи.

как обычно. Фардин на это время поднимался на крышу, где находилась опытная оранжерея.

Он ходил в мечеть только в джума¹. Иногда молился дома, когда тяжело становилось и особенно остро сдавливал тиски казавшийся тесным и душным Тегеран, а Точал словно бы грозил обрушиться на город вместе с шикарными особняками с бассейнами и кортами.

На крыше университета оборудовали зону рекреации с навесом и скамейками. Сотрудники сами сажали цветы в тяжелые квадратные кадки, и те медово пахли на раскаленной крыше. В оранжерее держали все окна открытыми, но работать внутри было возможно только ранним утром.

Несколько сотрудников, не следовавших так строго правилам и не молившихся по пять раз в день, сидели под навесом. Кто-то читал книгу, кто-то разговаривал или играл в шахматы, благоразумно исключенные великим аятоллой Хомейни из списка запрещенных азартных игр.

Фардин сел на самую отдаленную от выхода скамью у края навеса, так что солнце попадало ему на лицо. Он зажмурился и выглядел как человек, принимающий солнечные ванны, когда выдался небольшой перерыв в работе.

«За что боролись, на то и напоролись, – вспомнил он любимую поговорку деда. – Как-то все внавалку пошло, – думал Фардин, пытаюсь понять, как гадалка: что было, что будет, чем сердце успокоится. – Как бы мне самому не «успокоиться» на веки вечные. Хотел, рвался, чтобы оказаться поближе к одной из засекреченных секций исследовательского отдела. Надеялся, что проболтается пьяный Омид, хоть намекнет. Его обрабатывал долго, рисковал своей шкурой, проводя спецоперацию по закупке арцаха. Доступ к секретности, а стало быть, проверка – это мне противопоказано. И... Лучше бы все пошло насмарку, чем такое проявление доброй воли шефа. Немного же ему было надо, чтобы решить мне посодествовать в забеге по карьерной лестнице. – Фардин приоткрыл глаза. После яркого солнца все окружающее казалось темно-серым, черно-белым. – Нет, Омид прагматик. Все не так просто, как может показаться. В то время когда я обхаживал шефа, он наблюдал за мной и моей работой, пристально наблюдал. С перепоя решение о моем переходе шеф не принимал. И сделал это не сегодня и даже не вчера, если Камран уже успел изучить мою биографию и понял, что имеются «некоторые осложнения». Что он мог вкладывать в эту, возможно, фатальную для меня формулировку? Бегство из Азербайджана?

¹ Джума (араб.) – собрание – пятница, пятничная молитва.

Задержание? Этого достаточно, чтобы отклонить мою кандидатуру и, более того, возобновить проверку, начатую в 91-м. Тогда они отступились благодаря дядиным связям. Сейчас старик уже не имеет былых позиций...»

Фардин встал и прошелся вдоль стеклянной стены оранжереи. «Нет, Омид прагматичный, – снова повторил он про себя. – Он согласился выпить со мной и посидеть у него тогда лишь, когда принял по мне решение. Ответственность у него большая, засекреченные секции занимаются разработками, необходимыми, вероятнее всего, оборонному ведомству. Брать специалистов из симпатии, по благу он не станет. Отвечает головой за результат. Значит, им настолько нужны мои наработки, моя голова, и они могут махнуть рукой на мое прошлое. Вопрос состоит в том, насколько нужен конкретно я и как плотно они готовы закрыть глаза на мои экзерсисы почти тридцатилетней давности? Дадут мне поработать, выжмут, как лимон, а затем все же прихлопнут... Похоже, моей тихой жизни в Тегеране приходит конец. Наступил момент, назрел, когда я настолько приблизился к пламени, что невозможно не опалить крылышки. Я так стремился на этот теплый свет, обещающий потоки ценной информации, что теперь уже поздно поворачивать. Меня затягивает в водоворот событий, на которые я не могу влиять, задействовано слишком много персонажей. А главное, Камран».

Достав пачку «Forvardin», он подумывал закупить, но здесь это было запрещено.

«Отказаться от перевода, значит, вызвать подозрения. Какие основания для отказа? Предложение лестное. С повышением зарплаты. Да и вообще... Это само по себе повышение. Наверняка неограниченные возможности для ученого. Командировки. Кладезь информации. Засекреченной. И подотчетной, – мысленно посетовал Фардин, как медведь, увидевший огромный улей, сочащийся медом, как медведь, который слышит гул от сотен, от тысяч диких пчел, но у которого капает слюна с клыков, и он все же лезет на дерево, надеясь на крепость собственной шкуры. – Выявить источник утечки при хорошей организации секретности труда не составит... Если бы все зависело только от меня, мне бы удалось держаться в тени», – Фардин покусал губы, пытаюсь унять волнение.

Но ведь информация уйдет в Центр, ею наверняка захотят воспользоваться, иначе какой в ней смысл? А когда всплывет осведомленность России в том или ином вопросе, подсвеченном Фардином, включится механизм замедленного действия. Начнется обратный отсчет до момента, когда вычислят крота. И они вычислят. Фардин прожил в Иране почти три десятка лет и успел понять – власть и

спецслужбы тут контролируют ситуацию. МИ умело использовало в контрразведывательной работе наработки САВАК.

На базе той, шахской спецслужбы его и создали. Многие приемы работы САВАК перенял КСИР. А САВАК в свою очередь создавали по типу Моссада и ЦРУ. Уж во всяком случае, их спецы руку приложили. В шахском МГБ Ирана, как и в тех зарубежных спецслужбах, не гнушались калечащими методами допроса, а в комбинации с местным восточным колоритом это превращалось в адскую смесь. О подобном колорите писал еще Плутарх, отдавая пальму первенства персам в вопросах пыток и мучительных казней.

В Москве Фардина просветили относительно САВАК. Хоть ее и не существовало уже, но дело ее жило и процветало. До революции 1979 года САВАК активно сотрудничало с ЦРУ, позволявшим пользоваться персам своими источниками, чтобы получать разведывательную информацию об СССР. Это во многом связывало по рукам и ногам сотрудников советской легальной резидентуры.

В МИ довольно охотно принимали бывших офицеров из САВАК. Даже возглавил новую службу один из руководителей САВАК, что, в общем, говорило о большой лояльности саваковцев к революции 1979 года.

Фардин вернулся в лабораторию, запрятавшись от мира и проблем за зеленоватыми стеклами аквариумов, словно залег на дно морское, и микроскоп выполнял роль своего рода перископа, через который доктор Фируз предпочитал смотреть не на окружающих, а на предметные стекла, в глубь мира, в котором кипят страсти, сопоставимые с людскими, но они хотя бы не способны причинить Фардину вред. Работа его умиротворяла. Но не сегодня.

Он испытывал состояние, как школьник на выпускном. Детские игры закончились, прощай, школа и учителя... Фардин то и дело оглядывал лабораторию с тоской, как в последний раз. Он считал, что из Венесуэлы вряд ли вернется в Иран. Не стоит ждать, когда он сгорит во время проверки для работы в секретной секции.

Вернуться – значит, придется получать информацию, рискуя, как никогда, и нарушив первоначальную установку о «тихой жизни». Пойдет ли Центр на такие кардинальные изменения в тактике его работы? Смешивать долгоиграющий проект стайера со спринтерской манерой действий – хапнуть горячие сведения и раствориться в пространстве – подвергнуть опасности не только разведчика, много лет внедрявшегося, обраставшего связями, источниками, но и все его связи. Не говоря уже о родственниках Фардина. У него в Тегеране

сын, дядя и двоюродные братья и сестры. Ни у Фардина, ни у его начальства в Центре не возникнет сомнений относительно судьбы этих родственников в случае его провала. А еще есть друзья, знакомые. Всех их начнут допрашивать, вероятно, кто-то лишится работы из-за недоверия. Где гарантия, что шпион Фардин Фируз не использовал их втемную или открыто?

Решение Центра будет зависеть от того, насколько важна для них информация. Но на данном этапе Фардин практически ничего не знал о сути предстоящей работы в секретной секции. Только догадывался. Но главное он все же уловил из разговора с Омидом – будут очень серьезные проверки, они уже идут полным ходом. И есть вопросы у проверяющих. Дай бог, завтра его выпустят из Ирана, а если и выпустят, не факт, что по прибытии обратно у трапа самолета Turkish Airlines его не встретят крепкие парни в костюмах, вежливые до дрожи. Они, правда, недолго будут так деликатничать...

«Странно, что Камран не взялся за меня именно теперь, до отъезда в отпуск. Чего он ждет? Зачем оттягивает беседу, тем более если у него уже «возникли вопросы», как утверждает Омид? Будь я на его месте, не преминул бы провести предварительную встречу, пощупать исследуемый объект. Тем более что этот самый объект завтра может сделать ноги, почувяв опасность».

Нет, чем-то задержжка обусловлена. Либо Камран ждет ответа на какой-то запрос обо мне, повидимому, насчет того ареста, либо маринует меня, как шур. Он наверняка понимает, что я осведомлен о предстоящем переводе в засекреченную секцию, не исключено, что Камран сам санкционировал сегодняшнюю «болтливость» Омиды. Таким образом он хочет заставить меня нервничать и ошибаться. Наверняка уже установлено наблюдение».

И хоть Фардин не сомневался в своей осмотрительности, все же поехал от собственных выводов. Он явно попал в зону турбулентности. Среди ясной и тихой жизни.

В лабораторию заглянул помощник Омиды – Шахин. Встретился взглядом с Фардином и решительно направился к нему.

– Доктор Фируз, – он склонился к самому уху Фардина, что само по себе сигнализировало о нестандартности ситуации. Шахин ниже по рангу и не должен таким образом нарушать почтительную дистанцию. Но Фардин не стал ни взглядом, ни жестом, ни уж тем более словом ставить его на место, услышав, с каким посланием тот пришел: – Доктор Фируз, вам следует подняться на седьмой этаж, в кабинет семьдесят три. – Он уточнил: – Прямо сейчас. Не стоит заставлять ждать господина Соруша.

– Как зовут господина Соруша? – чуть дрогнувшим голосом уточнил Фардин, догадываясь, каким будет ответ.

Но Шахин смутился и развел руками, бочком выбрался по тесному коридору из аквариумов и скрылся за дверью, на которой был приколот плакатик с героями – мучениками Священной обороны, в том числе и с Мустафой Чамраном, ученым-физиком, бывшим министром обороны.

Фардин подумал было позвонить шефу, чтобы получить разъяснения, но делать этого не стал. Он неплохо успел изучить Омида, чтобы понимать – шеф лоялен до определенной черты. Да, Фардин вызывает у него симпатию, но полное доверие появится только после отмашки Камрана. А если сейчас донимать Омида расспросами о вызове в семьдесят третий кабинет, он наверняка ответит сухо или отчужденно. Фардин знает, каким холодным может в одну секунду стать шеф. Как горные цепи Загроса зимой.

Сняв медицинский халат, Фардин осмотрел рабочий стол. Выдвинул верхний ящик, достал из блока сигарет три пачки, рассовал их по карманам. Внимательно осмотрел содержимое ящика, зная, что здесь нет «посторонних» предметов. И все же эта проверка позволила ему собраться с мыслями.

«Сбежать сейчас – бессмыслица. Не паниковать! – урезонил он сам себя. – Если бы собирались задерживать, вряд ли провернули бы это в университете. Они и дома не задерживают. Чаще хватают на улице и впахивают в микроавтобус с затемненными стеклами. Внезапность позволяет сохранить улики, если они есть в доме. Да и с собой задержанный ничего не успеет сделать... Вздор в голову лезет».

Фардин прошел по коридору до лифта, машинально поздоровался с прошедшими навстречу сотрудниками. Даже перекинулся парой фраз, из которых не помнил ни одного слова, когда оказался перед дверью с цифрами семьдесят три.

Он постучал и зашел. Увидел господина Соруша со спины. Тот стоял у окна, глядя на запруженную машинами улицу, и пил чай.

– Вот и вы, доктор Фируз, – не сразу обернулся Соруш. То ли давал Фардину время выйти из обморочного состояния и обрести способность общаться, то ли засмотрелся на вечерний Тегеран.

– Присаживайтесь, уважаемый Фардин. Вы ведь позволите мне вас так называть? – Он обернулся и протянул руку, оставив чашку с недопитым чаем на подоконнике. – Меня зовут Камран Соруш.

Среднего роста, с черными выразительными глазами, густыми темно-русыми волосами, со щетиной на впалых, почти бледных щеках. Очень правильные черты лица – тонкий нос, почти пухлые губы. Он

явно вел свое происхождение не из семьи крестьян, трудившихся под открытым небом на палящем солнце где-нибудь на рисовых полях в северных останях¹ Мазендран и Гилян, на побережье Хазарского моря. Потомки тех крестьян обладали почти черной, продубленной солеными ветрами кожей. Этот же парень, чуть помладше Фардина, явно горожанин. Его легко было представить в Голестане или в Чехель-Сотуне Исфахана, где стены украшены изумительными, утонченными фресками. Вообще он напоминал Рустама из «Шахнаме», как его изображают на иллюстрациях, но не выглядел таким могучим, как великий богатырь.

«Нет на свете равных Рустаму», – припомнил строчку из поэмы Фардин.

Правда, в миниатюрах, иллюстрирующих поэму, Рустама изображали рыжебородым. Персидский список «Шахнаме» Фардину показали ленинградские сотрудники КГБ в библиотеке имени Салтыкова-Щедрина. Книгу в кожаном переплете с золотым обрамлением и с отделкой из сафьяна внутри.

Внутренняя дрожь почти прошла. Фируз уставился в глаза красавчика, такие ослепительно-яркие, как небо над Деште-Лут. Там бывает до плюс семидесяти градусов, и Фардин начал потеть.

Он порой негодовал на человеческую физиологию. Научившись сохранять невозмутимую мину, повлиять на другие реакции организма не мог. Краснел и потел. Сейчас это, к счастью, оправдывалось обстановкой.

В кабинете у таких, как Соруш, подобные реакции возникли бы у любого иранца, даже у тех, кто не сталкивался с МИ напрямую, как Фардин.

– Вы – ценный сотрудник – вот в чем загвоздка, доктор.

Он рукой указал на два низких кресла с круглыми сиденьями и высокими резными спинками. Между ними стоял круглый столик, настолько же неуместный здесь, как и кресла. Над этим чайным уголком висел портрет Хомейни, хмуро взиравшего на Фардина.

Соруш молча налил чаю Фардину и выглядел как человек, полностью поглощенный этим процессом. Фардин догадывался, какой от него ждут реакции, хотя его так и подмывало взять еще более затяжную паузу, начать смаковать чай, сделав вид, что ничего не слышал. Но он поступил как надо – испугался.

– Господин Соруш, какая загвоздка? В чем? Я всегда работал на совесть...

– Ни у кого нет сомнений в вашем трудолюбии и компетентности, – перебил Соруш. – Доктор

¹ Остан – административно-территориальная единица Ирана.

Омид, надеюсь, сообщил вам, что мы рассматриваем вашу кандидатуру для работы в секретном секторе. Разумеется, это влечет за собой ряд проверок. Так вот, в ходе одной из таких проверок всплыла информация...

Очередная пауза «вывела» Фардина из себя:

– Господин Соруш, вас, наверное, ввели в заблуждение относительно меня. Я работаю здесь довольно давно. Меня все устраивает, и я не стремлюсь что-либо менять. Так что, если у вас есть сомнения, не стоит принимать трудное решение. Просто подберите другую кандидатуру.

Соруш лучезарно улыбнулся, но чуть снисходительно.

– Ведь я с этого и начал, доктор. Вы – ценный сотрудник. Нам нужны именно вы, но возникли сложности. Проверки теперь затянутся. И понадобится ваша помощь, содействие.

– А если вам все же поискать другого?.. Мне дали понять, что большинство направлений моей работы придется отставить в сторону на неопределенный срок. Сосредоточиться на каком-то одном.

– Полагаю, у вас нет выбора. Вы ведь патриот? – этим вопросом он, видимо, собирался смягчить свой категоричный тон.

– Разумеется, – ответил Фардин, у него перехватило дыхание, словно Соруш взял его за горло. Но все еще только начиналось. – Возможно, вы знаете о том, что мой дядя...

– Да-да, Ильфар Фируз – уважаемый герой Священной обороны. Только ведь речь о вас, а не о нем.

– Не понимаю, чем я провинился? – смущенно развел руками Фардин, мол, вот он я весь как на ладони перед ясными очами Соруша.

– Стоит ли лукавить, доктор? Речь идет о вашем незаконном переходе границы с Азербайджаном в 90-м году и о последовавшем аресте.

– И в чем камень преткновения? – Фардин изобразил облегчение. – Ваши коллеги тогда разобрались и отпустили меня. Правда, едва не довели до инфаркта мою старенькую бабушку, с которой мы бежали из Баку. Но отпустили.

– Почему вы бежали оттуда? Вас преследовали? Это было уголовное преследование?

Вот теперь Соруш по-настоящему стиснул воображаемые пальцы на горле Фардина.

– Вы наверняка помните, что происходило в Союзе в конце восьмидесятых. Я не буду излагать вам прописные истины.

– Но ведь вы не армянин.

– Бандиты, забившие до смерти моего деда, думали иначе. То, что творилось тогда в Баку, я буду вспоминать до конца своей жизни, это приходит в страшных снах. Единственным выходом стало бегство.

– Ну это, по меньшей мере, авантюра, – Соруш пожал плечами. Под тканью серо-стальной рубашки с длинным рукавом стали заметны крепкие мышцы.

Контрразведчик достал сигареты «Bahman», одни из самых дорогих, и вальяжно закурил, предложив сигарету и собеседнику. В здании курить не разрешалось, и Фардин отказался, хотя в другой ситуации с удовольствием бы закурил. «Bahman» он себе позволить не мог – каждый день выкладывать по четырнадцать тысяч риалов за пачку...

– Вы ведь могли уехать в любую другую союзную республику.

– Кроме дяди Ильфара, у меня нет родственников. Да и ведь я перс чистокровный и всегда хотел побывать на родине предков... Когда ночью к бабушке ворвались головорезы, забрали все, что было ценного – серебряные ложки, украшения и даже ковер, еще тебризский, это было последней каплей. Я узнал от знакомых азербайджанцев, у кого родственники жили в Тебризе или Ардебиле, что они шастают через границу. Срезали колючую проволоку и снесли заграждения. Я понимал, что долго это не продлится, границу закроют и принял единственно правильное решение. У нас с бабушкой и вещей-то не было. Только документы и мой университетский диплом, – он замолчал.

Опустив голову, Соруш задумчиво курил.

– Вот, собственно, и все, – подытожил Фардин. – Если возвращение на родину считать правонарушением – тогда конечно. Я даже не в обиде на тех ваших коллег, которые меня арестовали. В итоге ведь разобрались по совести.

– В отпуск собираетесь? – неожиданно спросил Соруш.

– Полгода деньги копил, – охотно ответил Фардин. – Билеты дорогие.

– А почему Венесуэла? – Соруш встал, дав понять, что беседа подошла к концу.

– Так без визы же туда можно.

Соруш взял со стола листок чистой бумаги и положил перед Фардином на столик, отодвинув чашку в сторону.

– Не сочтите за труд! Напишите, куда конкретно направляетесь. Будете только в Каракасе или планируете посетить и другие города? Название гостиницы... – Он заметил внутреннюю борьбу, отобразившуюся на лице доктора Фируза, и добавил: – Надо, уважаемый Фардин. Считайте это производственной необходимостью. Вы ведь не впервые едете в Латинскую Америку?

– Ну да, – чуть замешкался с ответом Фардин. – В позапрошлом году летал в Эквадор.

– Охота вам в такую жару ехать?

– В Каракасе летом не так уж и жарко, дожди.

К тому же Карибское море. Мне понравился Кито с цветными старинными двухэтажными домиками. Немного напоминает Тегеран, наверное, из-за гор, которые его окружают. Но в Тегеране гораздо жарче.

– И все-таки долгий перелет, разница во времени. Шесть часов?

– Восемь, – уточнил Фардин, не понимая, к чему клонит Соруш. Но догадка уже мелькнула. – Хочется посмотреть мир.

Больше вопросов не последовало. Соруш вернулся к подоконнику и допивал остывший чай, дожидаясь, когда доктор допишет маршрут по Венесуэле, впрочем, ограниченный только Каракасом.

Фируз указал отель «Тибурон». По своему достатку он мог себе позволить только двухзвездную гостиницу.

В этот момент Фардин думал лишь о том, отпустит ли его так просто Соруш или играет с ним, как кот с мышью. Делает вид, что отпускает, чтобы развлечься, вселив надежду в жертву, затем схватить мертвой хваткой и наблюдать, как гаснет в глазах добычи эта самая надежда и жизнь.

У Фардина сложилось четкое ощущение, что Камран Соруш не поверил ни одному слову, сказанному в этом кабинете. И был бы ему грош цена, если бы он страдал доверчивостью.

В начале разговора Соруш излучал уверенность – у него, очевидно, сформировалось какое-то решение по Фардину. Но что-то в разговоре пошло не так, как ожидал Соруш, и он явно изменил первоначальные планы. Выглядел отрешенным, словно потерял интерес к доктору Фирузу, потеющему, краснеющему, робеющему перед контрразведчиком. Фардин описывал маршрут аккуратным, почти каллиграфическим почерком, творя, как известный каллиграф Мир Эмад Хассани.

Когда Фардин дописал и протянул листок хозяйни кабинета, тот вдруг спросил:

– А почему вы развелись, доктор?

Фардин понял, что нужно проявить характер.

– Господин Соруш, мне кажется, моя личная жизнь не имеет отношения к работе и уж тем более к назначению на должность, которая меня не слишком-то интересует.

– Это неправильный ответ, – покачал головой Соруш, опустил глаза на листок бумаги, исписанный слишком аккуратно, как может писать только человек с хорошим самообладанием. – В нашем обществе неотделима моральная составляющая от деловых качеств. Но в вашем случае это был сигэ¹?

Фардин произвольно оглянулся на дверь, словно бы загнанный в угол.

– Да, временный брак. Она сама не захотела его продлевать. Я не мог в тот момент предложить ей большее. Мы заключили сигэ по ее просьбе. Она вдова с дочерью от первого мужа.

– Но у вас ведь совместный сын.

Соруш демонстрировал осведомленность, но и прозрачно намекал, что после отъезда Фардина в отпуск в Тегеране остаются его родные. МИ не просто о них знает, но и приглядывает за ними. Наверняка, если бы доктор Фируз собрался в отпуск с сыном, нашлись бы веские причины, чтобы запретить ему выезд.

Фардина подмывало сказать, что он подумывает захватить с собой сына в Венесуэлу, но сдержал авантюрный порыв. Слишком большие ставки.

– Я содержу сына как и положено по закону, – он решился сообщить лишь об этом, и сказанное прозвучало оправданием.

– Когда вы вернетесь, – Соруш протянул руку на прощание, – мы с вами поговорим снова. И, я надеюсь, вы сможете сосредоточиться на научной деятельности, а я не буду тревожить вас своими проверками. Полагаю, ни нам, ни вам нет оснований беспокоиться по поводу проверок?

Промолчав, Фардин кивнул и, пятясь, двинулся к двери, заметив в углу кабинета аккуратно свернутый в рулончик джанамази.

«Набожная сволочь!» – подумал он ожесточенно. Только на этот всплеск эмоций у Фардина и хватило сил.

Он дошел до ближайшего туалета. К счастью, внутри никого не оказалось. За приоткрытыми дверцами кабинок виднелись напольные чаши, заменявшие в Иране унитазы. Фардин взглянул на них мельком, борясь с тошнотой, опершись о раковину, он пытался собраться с мыслями и проанализировать разговор.

«Выезд в Венесуэлу не вызвал возражений у Камрана по вполне понятным причинам, – Фардин кивнул своему отражению в зеркале и начал умываться, бросая пригоршни тепловатой воды в лицо, стараясь смыть испуг. – В Латинской Америке активно работают иранские спецслужбы».

Об этом Фардин знал из информации, которую дал почитать ему связной в их предыдущую встречу... Шла речь о Чили, Аргентине, Парагвае, Венесуэле. В Южной Америке, исторически революционно и радикально ориентированной, благодатная почва для исламских радикалов. Широкая агентурная сеть, нацеленная против Соединенных Штатов.

Эту информацию Центр переслал ему с определенной целью – если будет возможность, в Иране познакомиться с людьми, связанными с Латинской Америкой. Поэтому выбрали для проведения контак-

¹ Сигэ (перс.) – у шиитов временный брак.

та этот регион, чтобы при знакомстве у Фардина был повод сблизиться, хотя бы на банальной почве: «а я там был...»

Но Центр в информации упомянул также двух советских нелегалов... Связной недоумевал, зачем тащить на встречу эту опасную бумаженцию, которую, как казалось связному, можно довести до нелегала и устно. Однако сеньор Лопес и сеньора Герреро, вдова, выдававшая себя за сестру Лопеса, упомянутые в информации ни к селу ни к городу, оказались там не случайно.

Это стало продолжением разговора, состоявшегося в Москве почти тридцать лет назад. Тогдашний куратор, полковник Фролов, сообщил восемнадцатилетнему Фардину две фамилии – Лопес и Герреро – псевдонимы его отца и матери, которых юноша не помнил.

Фролов из их засекреченной папки смог извлечь только сведения о пропаже семейной пары разведчиков-нелегалов. Они перестали выходить на связь в 1986 году. Из-за того что их подозревали в предательстве, возникли сомнения, стоит ли продолжать подготовку Фардина к нелегальной работе, но все-таки доверие к деду Фардина пересилило все сомнения.

Уже тогда Фардин понимал, что в 1986 году проводились активные поисковые мероприятия родителей, но о результатах ему сообщили только в прошлом году в Кито в ресторанчике «Дон Джимми», помеси советской столовки и американского фаст-фуда, с металлическими столиками и скамьями, с разномастной посудой и местной простой и сытной, но не слишком аппетитной на вид едой – пищей простых эквадорцев с рабочих окраин.

Вложив листок в газету, связной передал ее Фардину, и тот сосредоточенно читал, облокотившись о липкую металлическую столешницу.

Эзоповым языком преемник Фролова сообщал, что поисковые мероприятия не дали результатов. По косвенным признакам с большой долей вероятности речь идет не о предательстве. Либо несчастный случай, либо разоблачение и арест. Поскольку не предложили властям СССР обмен нелегалов, возможно, их посадили или даже казнили. Фардина подводили к мысли, что родителей нет в живых.

Воспитывали Фардина дед и бабушка. И дед развернул бурную деятельность, с детства подготавливая себе смену. А Фараз Фируз был успешным разведчиком, завербованным советскими спецслужбами еще до Второй мировой. Дед называл так Великую Отечественную войну по привычке. Он всегда чувствовал себя иностранцем, говорил по-русски с сильным акцентом, при этом большего патриота Фардин не встречал в своей жизни. Причем любовь к СССР не мешала ему испытывать болезненную тоску по Ирану...

Фардин еще раз энергично умылся, заметив краем глаза, что в туалет зашел кто-то из сотрудников лаборатории.

«Он довольно легко отпускает меня в Венесуэлу, – продолжил размышлять Фардин, выйдя в коридор и почувствовав, как от сквозняка сушит капли воды на лице. Он неторопливо двинулся к лифту. – Если я не ошибаюсь и Камран не питает иллюзий на мой счет, то в Венесуэле меня встретят и будут приглядывать за моими перемещениями по Каракасу. Удастся ли встретиться со связным? Камран уверен, что я не скроюсь от его всевидящего ока. Ну это мы еще посмотрим».

Фардин остановился у двери лаборатории.

«Может, у меня паранойя? Профессиональный психоз? В каждом столбе видеть контрразведчика, а в случайностях – созданные противниками закономерности. Подстроили и перевод в секретную секцию, как повод для тщательной проверки. А нужен ли им повод или он создан для меня, чтобы войти со мной в прямой контакт, имея надежную легенду? И наконец, встреча с Симин. Все это вместе пахнет дурно. Обложили? Я вроде не давал никакого повода. Слабое звено только мой давний нелегальный переход границы. Нет, этого все-таки недостаточно для серьезного обвинения в шпионаже».

Подозрение. Лишь подозрение, требующее подтверждения. В эту теорию вписывается мой отпуск «на поводке». Их порадовал мой выбор – Венесуэла. Если судить по информации, даже арабы-шииты из тамошней иракской диаспоры действуют в Латинской Америке в интересах Ирана. А они уже занимают и политические посты и оккупировали бизнес. Значит, есть и финансовые возможности. Следить могут не профи-разведчики, а, скажем, банальные сыщики из частного детективного агентства или охранной фирмы. Им и знать ни к чему, зачем следят за каким-то там иранцем».

Фардин неохотно вернулся на рабочее место, расстроено думая, что и Симин хорошо укладывается в историю с проверкой. На «медовую ловушку» это, в общем, не тянет, хоть Камран и иже с ним способны импровизировать.

Накрутив себя такими предположениями, Фардин ушел пораньше домой, передав бразды правления лабораторией своему заму. Ехал по городу, невольно проверяясь, хотя не собирался в случае обнаружения наблюдения уходить от слежки, и понимая той частью мозга, которую не поглотила паника, что нет причин следить за ним именно сейчас.

В Иране слишком сложно осуществлять конспиративные встречи с нелегальным разведчиком или агентом. И МИ это знает.

Думая о том, что его наверняка ждет смертная казнь после мучительных пыток – ему не светит обмен, Фардин машинально притормозил около голосовавшего на обочине пожилого мужчины, явно не тегеранца. Скорее всего, крестьянин из провинции, ошалевший от темпа города.

Сперва Фардин рассердился на себя. «Нельзя действовать на автомате», – подумал он, подавшись вбок и распахнув дверцу перед стариком.

– Да пребудет с тобой мир и милость Аллаха и его благословение! – старик поправил на плече объемную и тяжелую по виду сумку. – До автовокзала. К терминалу «Бейхаги», – в его руке, покрытой пигментными пятнами, покачивались истертые деревянные четки.

– Садитесь, садитесь, – поторопил Фардин, прикинув, что человек с нечистой совестью или впавший в панику не станет подвозить попутчика, как делает это обычно. Если следят, убедятся в хладнокровии объекта слежки.

Он довез старика до площади Аржантин, до терминала, от которого шли рейсовые автобусы до Тебриза, Исфахана и Решта. Согласно таароф он начал отказываться от платы за проезд. Но старик, зная правила вежливости, предложил еще пару раз, пока Фардин не взял деньги.

Он посмотрел вслед крестьянину, спешившему домой из шумного Тегерана. Фардин и сам с удовольствием сел бы сейчас в автобус и уехал бы в Исфахан, посидел бы на берегу Заянде. А то и забрался бы в ее зеленоватые воды, лег бы на спину и его бы увлекло под арочными мостами все дальше и дальше, до Гавхуни, где он лежал бы на поверхности озера, и соль от палящего солнца запекалась бы на губах...

Маневрируя между мопедами и автомобилями, Фардин даже ощутил запах тины болотистого озера, словно наполнивший салон «Пейкана» и вытеснивший запах гари, бензина и уличной еды.

ГЛАВА ВТОРАЯ. **Венесуэльское хоропо¹**

Фардин стоял около лотка с фруктами, пытаясь разглядеть улицу в пыльной витрине позади смуглого продавца в шлепанцах на босу ногу. Продавец скалил белоснежные зубы и пытался говорить по-английски. Изнутри к стеклу витрины был приклеен выцветший плакат с Уго Чавесом. Покойный президент смотрел с укором за спину Фардина, на следившего за ним мужчину в кепке и солнцезащитных очках.

Вчера был другой, в соломенной драной шляпе.

Сомнительная маскировка и всего по одному наблюдателю, без подстраховки, подтверждали гипотезу Фардина о том, что, если за ним и станут приглядывать в Венесуэле, то задействуют местную наемную силу. Значит, не возлагают на слежку большие надежды. Однако она была навязчивой, началась еще в аэропорту Симона Боливара и продолжалась вторые сутки.

Несколько раз, гуляя по городу, смущаясь от непривычного вида полураздетых женщин, Фардин проходил мимо кафе, где ему назначили встречу со связным.

Впереди еще две недели отпуска, и он рассчитывал, что либо топтун устанет, да и убедится в безобидности объекта, либо связной, увидев блуждающего по улице Фардина с бесплатным и назойливым приложением, проявит инициативу и найдет возможность предложить вариант и обоюдоудобные безопасные условия для осуществления контакта.

Наконец Фардин решился и зашел внутрь Caffe de Mokambo на площади Каstellлана. Не глядя по сторонам, он заказал сок из маракужи и уселся на барный стул около окна и деревянной кадки с пальмой.

Над столом покачивалась от сквозняка медная лампа, отражающая свет из больших, до пола, окон. Над стеклянной витриной с тортами висел ряд черных досок с меню, исписанных разноцветными мелками, а еще выше, на своеобразной галерее, стояли в красных деревянных шкафах батареи бутылок.

Фардин взял еще сырный бургер, выяснив у продавца, что бургер без свинины. Стоил он дешево – говядину в Венесуэлу возят из Бразилии.

Перед тем как зайти в кафе, Фардин купил пачку сигарет за двадцать боливаров. И теперь прикидывал, сколько это в пересчете на риалы. Получалось почти восемьдесят пять тысяч. За эти деньги он мог купить в Тегеране восемь пачек дешевых «Zica», и осознание этого его нервировало.

Связной выглядел как рядовой латиноамериканец. Невысокий, худощавый, смуглый, кареглазый. В темно-синей джинсовой рубашке с коротким рукавом и серых мятых брюках, с барсеткой под мышкой. Поигрывал ключами от машины. Казалось, что он либо таксист, либо водитель персональной машины и возит какого-нибудь бизнесмена средней руки. Звали его Антонио, именно он встречался с Фардином год назад в Эквадоре и передавал информацию о родителях Фируза, вернее, то, что никакой информации нет. Ни слуху ни духу...

Антонио зашел в кафе, лениво скользнул взглядом по витрине, табличкам с меню и посетителям. Заказал что-то и с подносом двинул в направлении столика Фардина. Но иранец скомкал салфетку и

¹ Хоропо – национальный венесуэльский танец.

с недовольным лицом слез с барного стула. Он не рискнул обменяться с Антонио даже парой слов.

Очевидно, что у иранца проблемы. И эта «проблема» в кепке, поворошив кучу мусора на обочине дороги, двинула следом за Фардином вдоль сквера со старыми деревьями, растущими прямо напротив кафе «Де Мокамбо», где сидел Антонио.

«Вот пусть теперь мозгует, как избавить меня от хвоста», – не без злорадства подумал Фардин и направился в музей «Коллекция птиц Венесуэлы» Вильяма Фелпса, чтобы получить удовольствие и заставить страдать наблюдателя.

В музее было тоскливо и душно, но не для Фардина. Он с воодушевлением рассматривал тушки птиц, лежащие в ящиках, с бирками на скрюченных смертью тонких лапках. Тушки пучеглазо смотрели в пространство белыми восковыми пробками вместо глаз. Вдоль стен тянулись металлические стеллажи, уставленные банками, в которых плавали препараты, вызывавшие тошноту у тащившегося следом хвоста. Он наверняка был проинструктирован нанимателями, что особенно в музеях надо держать ухо востро и не упустить ни одного движения объекта. Любят встречаться разведчики со связными в культурных учреждениях.

Трупки попугаев ара лежали в ящиках навтытяжку, как павшие в неравном бою с пытливыми орнитологами гренадеры в красных мундирах. Ящики с птицами выдвигались из металлических боксов, занимавших стены от пола до потолка и напоминавших морг. Здесь хранились и гнезда в пластиковых коробках. Эта частная коллекция конца девятнадцатого века считалась одной из лучших и ценных в мире. Фардин фотографировал все в надежде похвастаться перед коллегами в Тегеране.

Когда самолет Тегеран – Каракас взлетел, Фардину начало казаться, что не все так уж критично, а уж тем более не фатально. Его выпустили из страны.

А убедившись, что за ним следит не профи, он понадеялся на положительный исход. Значит, Камран проверяет проформы ради. На дурачка. Вдруг недалекий доктор Фардин побежит на встречу, скажем, с американцами. Если Камран в чем-то и станет подозревать, только в том, что Фардин чей-нибудь агент, но никак не офицер нелегальной разведки.

В прошлый раз Антонио сообщил, что Фардину, уехавшему из СССР лейтенантом, присвоили звание полковника. Это ему польстило, но помнил Фардин про свой статус недолго. Воинское звание никак не овеществлялось, а вот доктором он себя ощущал понастоящему. Вот и сейчас, в музее, быстро нашел общий язык с испаноговорящими сотрудниками, обслуживающими коллекцию. Он знал латынь. На смеси английского и мертвого языка расспрашивал

и выражал глубокое почтение ученым коллегам-подвижникам.

Уже вечером к Фардину в номер зашел портье, слегка смущенный.

– Сеньор, принес для вас книгу, – он протянул завернутый в серую оберточную бумагу твердый сверток.

Фардин в самом деле заходил сегодня в книжный магазин и хотел купить латинско-английский словарь, но пожалел денег. Сейчас он смекнул, что не стоит отнекиваться, и забрал увесистую книгу. Пришлось давать чаевые.

Фардин не сомневался, видеоаппаратуру в номер не устанавливали. Он тщательно проверял. Поэтому, не таясь, развернул сверток. Покрутил в руках книгу на испанском. Какой-то любовный роман.

Записку он отыскал под обложкой и через минуту сжег ее, с трудом разобрав смутно знакомый почерк на английском.

Утром из номера иранца позвонили администратору гостиницы. Тот выслушал и пообещал:

– Хорошо, сеньор. Я сейчас же вызову вам доктора.

– Чего там? – спросил скучающий помощник портье. – Тот самый жадный араб?

– Он иранец, – улыбнулся администратор-креол, отыскивая в толстом телефонном справочнике номер доктора, которого обычно вызывал постоялец, чаще всего когда те страдали от похмелья. – Похоже, у него малярия. «Везунчик».

– Еще не хватало заболеть, – поежился помощник и, поглядев на нишу, где стояла фигурка Девы Марии, перекрестился. – У меня была в прошлом году.

– А я тебе говорил, не переливай цветы. Разведутся комары.

Через час прибыл медлительный, сонный седой доктор Пенья. Ему хватило одного взгляда на иностранца, сидящего на кровати закутавшись в одеяло, чтобы понять, что у того малярия.

– Озноб? Тошнота?

– Да, – кивнул иностранец. – И голова раскалывается.

– Рвало? – доктор Пенья знаком предложил пациенту лечь и попытался нащупать селезенку, а затем и печень.

– Пока нет.

Доктору Пенья не показалось, что селезенка увеличена, однако он не придал этому значения.

– Сколько дней вы в Каракасе?

– Три.

Врач поправил очки задумчиво, покопался в спортивной сумке, с которой пришел, и достал лекарство «Malarone».

– У вас в стране малярия есть? – уточнил он.
– Чтобы проявились симптомы, должно пройти десять-пятнадцать дней после укуса малярийного комара. Возможно, вы заразились еще на родине. Хотя бывает иногда и раньше. Но не через три дня.

– У меня малярия? – иностранца била крупная дрожь.

– Пропьете «Маларон» четыре дня по четыре таблетки и поправитесь, – утешил доктор Пенья. – Кровь сдавать не имеет смысла. Плазмодии она покажет, когда их будет слишком много. Советую не выпивать пока лечитесь.

– Вообще-то я мусульманин, – возмутился иностранец.

– Не вижу противоречий, – пожал плечами доктор. – Имейте в виду, алкоголь снижает действие препарата. Вот счет за мой визит.

Вместе с блистером лекарства он протянул написанный от руки квиток, чем еще больше расстроил болезного иностранца.

– Можно выходить на улицу? – закашлявшись, пациент протянул деньги доктору.

– Все зависит от вашего самочувствия. А выходить, конечно, можно.

Большой пожегился и осмотрительно заключил:

– Вряд ли захочется.

– Ну как он там, доктор? – поинтересовался портье.

– Plasmodium falciparum¹, – доктор обвел взглядом холл. На диванчике у кадки с фикусом сидел парень в синей кепке и читал газету. – Поаккуратнее поливайте, – посоветовал доктор Пенья. – Следите, чтобы в поддонах вода не скапливалась. Хотя заразился он, по-видимому, еще на родине. Откуда он там родом? Из Ирака или Марокко? Эти арабы все на одно лицо.

– Он из Ирана, – уточнил портье. – Может, там тоже арабы живут?

– Иранцы – персы, – пояснил более образованный доктор. – В любом случае, кем бы он ни был, дня на три-четыре выйдет из строя. Лежит с температурой.

Словно в подтверждение его слов больной постоялец позвонил на ресепшн и попросил его не беспокоить до ужина.

– Горничных к нему не посылайте, – с хмылкой проворчал портье, повесив телефонную трубку на

аппарат. – Да Лурдиту лишний раз и не заставишь по номерам с тряпкой пройтись. У нее теперь праздник...

Фардин хорошо ориентировался в незнакомой обстановке. Без труда нашел нужный девятиэтажный дом в тихом районе Каракаса с небольшим садом, разбитым полукругом около выхода. К подъезду вел широкий пандус, обрамленный бетонными бордюрами, с которых свисали легковесные ветви аспарагусов и колючие щупальца алоэ. Тут же на бордюре стояло несколько жестяных банок из-под сухого молока. Местные, видимо, использовали их вместо леек.

Впервые Фардин чувствовал себя свободным в Каракасе. В спину не дышал наблюдатель. Он так и остался сидеть в вестибюле гостиницы, когда Фардин вышел из номера, воспользовавшись служебным выходом.

Чем хорош был этот двухзвездный отель – никакой охраны, камер видеонаблюдения... Ленивый, но приветливый персонал, который мог вежливо поздороваться, но вряд ли запоминал постояльцев в лицо.

Все же Фардин надел очки с простыми стеклами, черную кепку и стал практически неузнаваем, сливаясь с местными благодаря смуглой коже и счастливому для разведчика свойству – он обладал неброской, незапоминающейся внешностью. Разве что темно-серые глаза – не такая уж редкость для перса, но все же слишком яркие для оужанина.

Он позвонил по домофону, с удивлением не встретив по дороге никаких жильцов дома – ни детей, ни мамаш с колясками.

– Мне необходим сеньор Варгас.

Именно так – «необходим» было написано в инструкции, полученной Фардином в книге.

– Седьмой этаж, квартира двадцать три, из лифта направо, – отозвался знакомый мужской голос.

– А меня предупреждали, что налево, – согласно инструкции «засомневался» Фардин, ломая голову, кто же ожидает его на конспиративной квартире.

– Простите. Все правильно, налево. Поднимайтесь.

Пискнуло запирающее устройство.

Пустой холл без почтовых ящиков, чистота, зелено-белая «шахматная» плитка на полу – все это навело на мысль, что здание используют под офисы,

Фардин и в самом деле свернул налево, выйдя из лифта. В конце коридора во всю стену окно, приковывающее взгляд – холм с типичными для Латинской Америки разноцветными домиками, укрытыми тенью тропических деревьев с сочно-зелеными кронами. Окно выглядело глянцево-открытой.

¹ Plasmodium falciparum (лат.) – вид простейших паразитов, вызывающих малярию у людей.

– Фардин, дорогой, – негромко по-английски окликнули его со спины. Голос с хрипотцой, довольно низкий и очень знакомый, но подзабытый с 1994 года.

Обернувшись, Фардин увидел Алексеева.

– Митя, – чуть севшим от волнения голосом сказал он.

Алексеев энергичным жестом пригласил его зайти и обнял, когда уже захлопнулась дверь квартиры.

– Вот уж не ожидал тебя увидеть! – по-русски заговорил Фардин. Он и в СССР говорил с заметным акцентом (дед заставлял дома общаться только на фарси, иногда по-азербайджански). Но акцент усилился. Теперь Фардин и думал на персидском. – Ничего, что я тебя так зову по старой памяти? – смутился Фардин, разглядев Алексеева в теплом желтоватом освещении от бра в глухом коридоре. Вдалеке белоснежным слепящим прямоугольником виднелся дверной проем.

От лейтенанта КГБ, с которым Фардин познакомился еще в 88-м году, осталось прежнее выражение голубых глаз, задумчивое и словно бы чуть испуганное, четко очерченный подбородок, ставший вроде квадратнее, седые волосы маскировались под светлые, остриженные очень коротко. Ничего юношеского. Сухой, худой, высокий, строгий.

– Брось, Фара! Пошли в комнату, у нас не так много времени, а разговор долгий. Как я понимаю, у тебя возникли осложнения в Тегеране.

– Да как посмотреть, – потер шею Фардин. Он понял, что приезд самого Алексеева – не знак особого расположения, а новые проблемы на тихом и безоблачном до того горизонте его тегеранского мирка.

В темпе джайва¹ рассказывая о своих перипетиях, Фардин не мог сосредоточиться. Он думал, что Алексеев, прикрепленный к Фардину во время подготовки к переброске в Иран, попал в жернова смутного времени. Начав службу в СССР, не ушел в девяностые из полуразвалившихся спецслужб. Может, не видел себя ни в какой другой профессии. Да и обидно было быть вечным лейтенантом запаса. Только потому, что он остался в системе, в 94-м году вспомнили про Фардина, который уже начал терять надежду на встречу со связным. Вернее, он совершенно уверился в том, что его бросили на произвол судьбы. Забыли.

Это слово «забыли» висело над ним кувалдой на протяжении четырех лет. Он просыпался среди ночи, лежа на полу на жестком матрасе в доме дяди, прислушивался к тяжелому дыханию бабушки и проклинал себя, что втянул ее в авантюру.

Чтобы окончательно не свихнуться, он окунулся с головой в работу, с помощью дяди устроившись лаборантом в Медицинский университет. Тогда же он получил дополнительное образование. Приходил домой поздно вечером, валился от усталости на свой матрас, но ночью снова просыпался. Над ним словно в колокол били: «Бросили, забыли!»

В те годы существовала еще возможность оставлять парольные знаки и даже тайниковые закладки в самом Иране. По плану Центра предполагалось, что в первые годы пребывания в Иране Фируз не сможет выезжать за границу, исходя из финансового положения и элементарной осторожности.

Фардин со свойственной ему настойчивостью выполнял все инструкции Центра. Но через год работы перестал получать отклик. Он не видел подтверждения тому, что его парольные знаки сняты, поэтому не делал тайниковых закладок. Очевидно, что их некому было забирать. И все же он продолжал.

Его действия напоминали действия моряка-подводника, чья лодка легла на грунт посередине Атлантического океана при неработающей рации. Можно лишь выстукивать разводным ключом по железному корпусу SOS в безумной надежде быть услышанным случайно проходящим мимо судном.

К счастью, Алексеев знал о залегшем на грунт нелегале. Только он и остался служить из тех, кто помнил о Фардине. Увидев знак, свидетельствующий, что его парольный знак сняли, Фардин разволновался настолько, что, вернувшись домой, расплакался.

Через полгода интенсивной тайниковой связью состоялась первая поездка Фардина за границу. В Стамбуле он встретился с тогда уже капитаном Алексеевым. С тех пор тайниковая связь свелась к нулю в Тегеране. Только изредка Фардин оставлял парольные знаки, свидетельствующие об его благополучии. Но на контакт Алексеев сам больше не приезжал, только связные. Затем Фардин узнал, что куратор у него уже другой человек.

Он надеялся, что у Алексеева нет неприятностей по службе, но о его судьбе не пытался расспрашивать Центр.

Посылая Алексеева в Стамбул, Центр в последнюю очередь руководствовался тем, чтобы подбодрить этой встречей Фардина и вдохновить его на свершения. Тот контакт после длительной паузы требовалось провести с человеком, лично знающим разведчика, чтобы избежать подмены и удостовериться в подлинности личности, убедиться в его прежнем настрое на работу, лояльности и в том, что он не ведет двойную игру.

Новое появление Алексеева, спустя двадцать три года, встревожило Фардина.

¹ Джайв – один из самых быстрых латиноамериканских танцев.

Он передал Дмитрию книгу, в которой содержалась информация об исследованиях оборонной направленности в секретной секции, возглавляемой Омидом. Те крохи, что удалось извлечь из пьяных откровений и полунамеков шефа.

– Ну это довольно общие сведения, если я правильно понимаю, – покивал Алексеев. – Все будет гораздо детальнее, когда ты вернешься и станешь трудиться в этой секции. Как думаешь, что конкретно их заинтересовало в твоих разработках водорослей?

В очень светлой комнате с белыми стенами и черно-белыми фотографиями людей из африканских племен отчего-то казалось, что за окнами зима. То ли из-за кондиционера, который охлаждал воздух чересчур, то ли от «стерильного» света.

– Спирулина – очень полезная водоросль, – сел на своего конька Фардин, но строгий взгляд Алексеева поубавил энтузиазма. – Думаю, их интересует способность водоросли поглощать радиоактивный материал.

– И каково применение спирулины в данном контексте? – Алексеев выглядел озадаченным.

– Как мне кажется, тут возможны два направления для научных изысканий. Первое – создание препаратов на основе спирулины для тех, кто подвергается радиоактивному облучению, а второе – утилизация радиоактивных отходов.

– С помощью водорослей? – скривил лицо в скептической гримасе Алексеев. – Да ты фантазер! Одно очевидно – каким-то образом работа секции связана с ядерной программой Ирана. Предложение Омиды можно считать огромным шагом вперед.

– А проверка Камрана? Слежка здесь? Тебя не напрягает?

– Я бы не паниковал. Мы посмотрели за этими топтунами. Оба сотрудника одной иранской фирмы. По моим сведениям, эта фирма не связана ни с КСИР, ни с МИ. Нефтяная компания. Скорее всего, это частная инициатива твоего Камрана.

– Как это может быть «частной» инициативой?

– Если он не хочет обращать на тебя лишнее внимание, задействовав официальные каналы. Но и опростоволоситься не должен, опасается. Вдруг ты, вырвавшись в Каракас, развернешь бурную деятельность. Начнешь встречаться с резидентами различных разведок. Скажем, с моссадовцами или цэрэушниками. Легкая проверка и страховочный вариант.

– Возможно, – кивнул Фардин. Он и сам пришел к тому же выводу. – А что за нефтяная компания?

– Еще при Чавесе начали бурить скважину в штате Ансоатеги. Работы тут непочатый край. Пояс реки Ориноко, битумнозные пески – залежи горячих сланцев – это клондайк. Переплюнули Саудовскую Аравию по запасам. У американцев на Ближнем

Востоке не слишком-то ладится, им вот-вот надоест возня в Сирии, обратят свой алчный взор сюда. Уже обращают, начали тут воду мутить, – Алексеев подошел к столику у окна с дымчатой стеклянной столешницей и вырезанной из черного дерева африканской скульптурой воина с копьем, стоящей в центре стола. На копье какой-то шутник повесил ключи.

– Чай, кофе? – предложил он. – Что ты такой напряженный?

– А что ты думаешь по поводу Симин?

– Ты в нее втюрился, – улыбнулся Алексеев, наливая чай.

– Как? Что это значит?

– Не прикидывайся, что ты настолько забыл русский. Влюбился ты в эту художницу – вот что это значит. Условия знакомства, ее разговоры... Не думаю, что она связана с Камраном хоть каким-то боком. Уж если говорить о принадлежности ее к службе, то это, вероятнее всего, внешняя разведка МИ. Они работают активно по дискредитации оппозиции вне Ирана. Она в самом деле хорошая художница?

– По мне так мазня, люблю классическую живопись. Хотя, – Фардин вспомнил картину с быком, висевшую в его тегеранской квартире, – что-то есть в ее работах магнетическое.

– Очень хорошее прикрытие для ликвидатора, – Алексеев сел к столу, хотя Фардин расположился довольно далеко от него, в кресле у журнального столика. Дмитрий взял чашку двумя руками и пил торопливыми глотками, словно в станционном кафе, опаздывая на поезд. Он тоже заметно волновался.

– Что за чепуха?!

– Ты разве не помнишь, в конце девяностых при Наджафабади¹ разгорелся скандал по поводу ликвидации нескольких десятков журналистов, политиков из оппозиции? По лицу вижу, что вспомнил ту историю.

– Так то было внутри страны. А ты намекаешь, что она делает это за границей. Даже в страшном сне не могу представить, чтобы женщина, такая хрупкая...

– Не будь ребенком! – Алексеев фыркнул чаем. – Женщинам порой гораздо проще войти в доверие, сократить дистанцию и – ампула в чай или небольшой укол. – Он замолчал. Алексеев то и дело замолкал. Эти паузы выдавали его озабоченность. До главного он пока так и не дошел.

– Думаю, она в самом деле выполняет роль дезинформатора и... – Фардин нехотя добавил: – И провокатора. Встречается за границей с эмигрантами-диссидентами и пудрит им мозги.

¹ Аятолла Корбанади Дори-Наджафабади – государственный и религиозный деятель Ирана, министр разведки и национальной безопасности в 1997-2009 гг., генпрокурор Ирана в 2005-2009 гг.

– Может, и так, – согласился Алексеев, хотя было заметно, что он остался при своем мнении насчет девушки. – Полагаю, сближение с ней нам как раз на руку.

– В каком смысле? – Фардин достал сигареты и, не спрашивая разрешения, закурил.

Алексеев наконец оторвался от чашки и пересел поближе к Фардину.

– Водоросли, радиация, ядерная программа – это все хорошо и правильно. Но сейчас нам от тебя надо совсем другое. И потребуются более активные решительные действия. Тихая жизнь закончена.

– Митя, ты изменился, – скорбно сказал Фардин. – Когда мы с тобой обитали на той конспиративной даче в Подмосковье... Помнишь? Ты был как-то добрее. Или потому что на тебе лежало меньше ответственности, чем теперь? Приходится посылать людей на смерть, поэтому превратился в циника?

– Ты всегда был паничным, – вздохнул Алексеев, догадываясь, что легкой прогулки в отношении Фардина не будет.

Этому иранцу родом из СССР, сыну и внуку нелегальных разведчиков, нужна сильная мотивация и железные доводы. Он любит все просчитывать и не станет бессмысленно рисковать. Фардин не из тех, кто бросится на амбразуры за други своя. Он бросится, но найдет потайную тропинку, чтобы обойти ДЗОТ противника с тыла и без ущерба для себя, тюкнет противника по темечку чем-нибудь тяжелым. Это может выглядеть не столь героично, не так романтично, зато не менее эффективно.

Однако есть ситуация, когда только ты и амбразура и никаких запасных вариантов. Фардин не выносил такую безальтернативность, избегал ее всячески. Это Алексеев уяснил еще в конце восьмидесятых, когда много времени проводил с персом, изучал его, до сих пор помнил проводимые с Фардином психологические тесты. Изобретательность, изворотливость, чутье на опасность – Фардин обладал этими качествами уже в юные годы.

– Ты не жил в Иране, тебе не понять! – вздохнул Фардин. – Нет, там не так уж плохо. При одном маленьком условии: если ты не шпион. Кроме того, решительные действия подразумевают быструю связь. Каким образом Центр собирается ее осуществлять?

– Тебя только это волнует? – улыбнулся Алексеев. – Это обнадеживает.

– Напрасно. Не обольщайся, – не оценил прирительную интонацию Фардин. – Если бы меня за шпионаж просто казнили, я бы, возможно, отнесся к этому философски, но сразу ведь не прикончат. К примеру, школьников, торгующих наркотиками, сажают, чтобы подождать совершеннолетия и казнить. Как это тебе?

– Гуманненько, – улыбка Алексеева потускнела. – С тобой, разумеется, обойдутся гораздо хуже. В качестве оправдания может послужить только одно. В данном случае ты, в общем, будешь действовать в пользу Ирана.

Фардин склонил голову к плечу, пытаясь сообразить, к чему клонит Алексеев.

– Раз это не связано с моей научной деятельностью и работа предстоит в режиме цейтнота – это либо терроризм, либо политика. Помню, в 2009 году выборы сопровождались демонстрациями и беспорядками. Но сейчас выборов не планируется.

– А ты за кого голосовал? Часом не за Мир-Хосейна Мусави?

– За Ахмадинежада, – отрезал Фардин, не понимая, почему Алексеев ходит вокруг да около. Это приводило иранца в еще большую панику. Про себя он решил, что в Тегеран не вернется.

– Ты близок к истине, – Алексеев стрельнул сигаретку из пачки Фардина, чем вызвал недовольство перса. Усевшись поглубже в кресло, он закинул ногу на ногу, закурив, выпустил несколько клубов табачного дыма и наконец перешел к сути задания: – В России мы задержали одного типа. Он связан с ИГ.

– ДАИШ? – переспросил Фардин.

– Верно. Но принадлежит он «Моджахедин-э Халк» – ОМИН¹.

Фардин выругался. Он прекрасно знал, что это террористическая организация, запрещенная в Ираке и Иране, со штаб-квартирой в Европе, в Париже, основанная в 1965 году в Тегеране.

Тогда, в 65-м, они боролись с режимом шаха, ратовали за исламский терроризм, теперь – против нынешней власти. Но если и было во всей их затее позитивное зерно, то оно выросло в скором времени в уродливый росток предательства родины. Пригретые Ираком и даже базировавшиеся на их территории, а до этого во Франции, они напали на Иран, вооруженные Ираком танками, артиллерией и даже вертолетами.

Дядя Ильфар не раз вспоминал их наступление во время Священной обороны в 88-м году, названное «Вечный свет». Правда, ответили персы им как следует, разбив группировку ОМИН, но и сами понесли большие потери. У Ильфара в тех жарких боях середины лета погибли двоюродный брат и много сослуживцев.

Американское вторжение в Ирак принесло еще большие потери ОМИН. Очень многие оказались в том числе и в лагере Букка, где наверняка контактировали с сидевшим там будущим главарем ИГИЛ

¹ «Моджахедин-э Халк» – организация моджахедов иранского народа (ОМИН).

– Абу Бакром аль Багдади. Поэтому с игиловцами связь у ОМИН определенно существует.

Американцам не нужны были на подконтрольной территории еще и иранские террористы, хотя до того они прикармливали их так же, как и иранских радикальных курдов, посредством иракских курдов в Иракском Курдистане, куда шастали через границу курды из Ирана, где получали оружие и отдыхали на базах РПК.

– А ты знаешь, – Фардин хлопнул себя по колену, словно вспомнил анекдот, – что ОМИН исключена из списка террористических организаций сначала в Европе в 2009 году, а затем и в США через три года. Как тебе такой расклад? Особенно если сопоставить это исключение с волнениями в Иране после выборов 2009 года и с «арабской весной» 2011 года.

– «Арабская весна» не коснулась Ирана, – напомнил Алексеев без энтузиазма. Он понимал, о чем говорит Фардин. – На вот, посмотри пока, я отойду на минутку, – из черной пластиковой папки, лежащей на журнальном столике, он достал фотографию, а сам, выбравшись из глубокого кресла, удалился из комнаты.

На фото Фардин увидел дом на улице Камо в Баку и уставился на него, как на привидение. По сути, так и было. Он не видел этот дом почти тридцать лет. А дом, судя по всему, все так же стоял.

Одноэтажный, с нелепыми надстройками. Его грозились снести и расселить жильцов. Но... Белье сушилось на веревках, и даже виноградная лоза все еще росла у стены дома недалеко от окон квартиры Фирузов. Раньше их росло две – черный и белый сорта винограда. Хозяин черного из вредности пустил свою лозу поверх белого и загубил его. А за своим бдительно следил, чтобы детвора не слопала незрелый виноград. Но ни разу не дождался урожая. Пацаны под предводительством Фардина оказывались проворнее.

Фардин померещилось, что через бликующее на фотографии оконное стекло их квартиры виднеется стопка его собственных школьных учебников в обложках из газет. Бабушка делала эти обложки из «Коммуниста» – газеты, издававшейся на армянском. Дед выписывал кипы газет.

Фардин словно почувствовал запах двора на улице Камо. Пахло кошками, общественным туалетом, стоящим во дворе, и жареной рыбой. В доме не водились отопление, горячая вода, зато водились крысы и уйма кошек. Вот только рыжих котов местные не любили...

Уже не чаял Фардин увидеть двор детства и отчего-то испытал обиду. Все там как прежде. Он изменился, столько всего пережил за двадцать семь

лет, а двор прежний. Уехали лишь соседи-армяне, бежавшие от резни. А остальные небось живут, как и раньше.

Алексеев вернулся в комнату с двумя тарелками, на которых лежали аппетитные лепешки, разрезанные вдоль и начиненные разными начинками.

– Это арэпа. Пробовал? На пустой желудок разговор что-то у нас не идет, – он поставил тарелку около Фардина. Тот все еще держал в руках фотографию. – Стоит твой домишко. Ты в прошлый раз у связанного спрашивал.

– Вижу, – нахмурился Фардин. – Спасибо. Только ведь туда я не вернусь. Я вообще куда вернусь? И вернусь ли?

– Ты жаждешь вернуться? – Алексеев принялся с аппетитом есть.

– Ну тебя! – засмеялся Фардин и тоже налег на еду. – Выкладывай, что от меня хочет Центр? А то ты как в русской сказке. Сперва напои, накорми, в баньке попарь...

– Париться ты будешь в Тегеране, – Алексеев по-мальчишески облизал пальцы.

Фардин вспомнил, как Митя приехал на дачу сообщить о гибели Фараза Фируза в Баку. Сорвал по дороге к даче ветку сирени, теребил ее в руках, чтоб не смотреть в глаза Фардину. Смерть деда с тех пор ассоциировалась у Фардина с ароматом сирени и с виноватым лицом Мити.

– А ты что, снова мой куратор? Или по старой памяти навестил?..

– Я бы сказал, по старой дружбе. Меня ведь ушли из нашей элитной службы. – На вопросительный взгляд Фируза Митя ответил сдержанно и неохотно: – Была оплошность с моей стороны, и меня... попросили. Опыт большой, перевели в легальную разведку. Так что я теперь почти дипломат, – он усмехнулся. – Ну давай к нашим делам... Ты помнишь Рауфа Мамедова?

– Это его вы арестовали в России?

– Не мы, а Управление по борьбе с терроризмом. И не его, а другого. Но он вывел на Мамедова. И нас снабдили этой информацией, адресованной нашему разведчику, то есть тебе, дорогой Фардин.

– Хитер ты, Митя. Создаешь атмосферу, фотографии подсовываешь, а чего меня водить за нос, я ведь тертый калач. Как я понимаю, Рауф в Иране, иначе какого... – он проглотил ругательства, – обращаться ко мне.

– Все верно, верно, – Алексеев взглянул на часы, опершись локтями на колени, он посмотрел на Фардина исподлобья. – Мамедов оказался в Иране у своих родственников в Ардебиле. Как мы полагаем, адаптировался он там гораздо проще и безболез-

неннее, чем ты. Причем довольно быстро примкнул к ОМИН. Довольно радикальный йолдаш¹.

Это забытое советское словечко у Фардина вызвало улыбку.

– Он ведь не только твой одноклассник, но и друг? Когда я поднял списки всех твоих знакомых и друзей, составленные тобой еще в 89-м, подивился. Ты и тогда ко всему подходил с научным педантизмом. Описание дотошное.

Фардин кивнул, вспомнив, как они с Рауфом сматывались из школы, уезжали на пыльном автобусе за город купаться. В городе вода пахла нефтью... Возвращаться не хотелось, в море мальчишки могли сидеть часами, загоревшие до черноты, мокрые, блестящие на солнце, как облитые нефтью, тонконогие и тонкорукие статуэтки. Но голод гнал домой, и даже страх перед законным возмездием от деда Фараза и Мамедова-старшего не мог перебить аппетит.

Фардин окончил школу экстерном и уже в пятнадцать лет уехал в Москву, где учился на биологическом факультете МГУ. Уже тогда у него были другие документы, благо он выглядел старше своих лет, и к тому времени знал фарси, азербайджанский, схожий с ним турецкий, английский усиленно изучал. Пожалуй, русский у него оказался слабее остальных, слишком уж дед усердствовал с персидским.

– Центр запланировал нашу с Рауфом встречу. Молодцы! – Фардин хлопнул себя по колену. – Все хорошо, да забыли про овраги. Первое, – он начал загибать пальцы, – Раф мог измениться. Я знал его мальчишкой. С тех пор много воды утекло. Второе. Если он в Ардебиле, как я с ним встречусь? Есть ли его адрес и как я ему объясню свое появление? Он прошел по моему пути, попал в Иран так же. Он не наш? Так ведь? А если он чей-нибудь еще? Скажем, КГБ Азербайджана...

– СВР, – поправил Алексеев, с интересом следя за ходом мыслей Фардина. – Мы об этом думали и проверяли. В то время когда тебя забрасывали, он точно не мог представлять те же службы. Мы бы знали. Да и возраст... Ты же у нас вундеркинд.

– Азербайджанцы не знали обо мне, – пропустил мимо ушей шутку Фардин. – Кто им мог помешать втихаря от вас провернуть свое дельце? К тому времени они готовились к независимости активно. Турки подзуживали. Потом они, правда, показали им фигу с маслом, как говорили в моем детстве.

– И все-таки нет, – отрезал Алексеев. – С КГБ – нет. А вот с их нынешними спецслужбами вероятность связи велика. Чего ты смеешься?

– А что мне еще остается? Сам посуди, Митя. Я сейчас небезуспешно пытаюсь внедриться в секрет-

ную секцию, связанную с ядерной программой и, возможно, с химоружием. И речь не о мирном атоме. Я в положении подопытного кролика – Камран меня исследует под микроскопом. Он наверняка захочет проверить мое бакинское детство. Ты же понимаешь, что при активности иранских спецслужб в Азербайджане проверить будет несложно. Радует, что у азербайджанских коллег нет на меня никакого досье, – он бросил взгляд на Алексеева, тот кивнул. – Я уезжаю из Тегерана с ощущением, что пятки горят, подумываю о бегстве... И тут появляешься ты, подкрадываешься, как камышовая кошка на мягких лапах, и выдаешь на гора такое, от чего волосы шевелятся. Находясь под наблюдением Камрана, после почти тридцати лет выстраивания безупречной карьеры поехать ни с того ни с сего в Ардебиль, к чело- веку, состоящему в запрещенной в Иране террористической организации. Это самоубийство. Я уж не говорю о том, что обо мне подумает Раф и как меня примет. Что, если он или его нынешние дружки убьют меня как провокатора?

– Все? – холодно уточнил Алексеев. – Лирика закончилась? Согласен, есть некоторая толика авантюризма в нынешнем решении Центра. Но неужели ты думаешь, я приехал сюда, перелетел океан, не имея в кармане некоего плана, алгоритма действий?

– Это обнадеживает, – ерничая, заметил Фардин. – После твоих слов у меня от сердца отлегло. И теперь с легкой душой я кинусь в омут с головой. Когда контрразведчики станут пытаться, воспоминания о нынешнем разговоре будут создавать анальгезирующий эффект. Может, ты все-таки внесешь ясность? С какой целью мне выходить на контакт с Рауфом?

– По нашим сведениям, Мамедов занимает один из ключевых постов в ОМИН.

– Неожиданно. Его можно поздравить с продвижением по карьерной лестнице.

Алексеев хмыкнул и снова потянулся к сигаретной пачке Фардина, лежащей на столике между ними. Перс отодвинул ее. А в ответ на недоумевающий взгляд сказал:

– Ты же не курил раньше, не стоит и начинать. Так что там с Мамедовым?

– О нем мы получили информацию от парня, задержанного в Крыму в январе. Тот имел связь с радикальной религиозной группой, которая в свою очередь контактировала с членами ОМИН. Проходили подготовку в одних и тех же учебных лагерях, – Алексеев поморщился, встал и начал прохаживаться по комнате. Его лакированные бежевые туфли поскрипывали. – Времени потеряли много, как ты понимаешь, информация между ведомствами проходит медленно, со скрипом, – он покосился на свои

¹ Йолдаш (азерб.) – товарищ.

туфли. – Почти в то же время в Центр стали поступать сведения о готовящейся попытке переворота в Иране.

– Продолжение остросюжетного фильма? Что-то вроде «Арабская весна-2»? У нас это технически сделать гораздо сложнее. Интернет ограничен, а именно им пользовались мятежники в Тунисе и Египте – Фейсбук, блоги, когда координировали свои действия.

– Ты, я гляжу, в теме, – удовлетворенно кивнул Алексеев. – В том-то и дело, что в Иране сложнее для оппозиции, за спиной которой стоят США, Израиль и другие, но не менее трудно и иранским властям. А нам не нужны ни беспорядки в Иране, ни тем более хаос, смена власти на подконтрольную Западу. Иран сейчас во многом обеспечивает шаткое равновесие в Ираке и помогает в Сирии. Воздушное пространство опять же.

– И еще ядерная программа. И это в то время, когда в Израиле больше двухсот ядерных боеголовок. Они хотят быть монополистами на Ближнем Востоке. Это сионистское образование мутит воду во всем регионе и делает это мастерски.

– Ты говоришь как настоящий иранец, – хмыкнул Митя. – Тебя охватили тамошней пропагандой.

Фардин не принял шутку и с недовольным лицом поглядел на часы.

– Ты хочешь, чтобы я предотвратил в одиночку предстоящий переворот? Каким же образом? Судя по всему, ОМИН в доле, их участие в беспорядках ожидаемо.

– Есть вероятность, что основные силы будут представлены азербайджанскими сепаратистами. Плюс ОМИН и финансирование извне. Обычный для этого региона триумvirат – США, Израиль, Саудовская Аравия. Успехи в Сирии им как кость в горле. Предотвратить или остановить процесс мы вряд ли сможем. А вот направить спецслужбы Ирана по следу, скоординировать их действия – это реально.

– Ха! – сказал Фардин грустно.

– Не «ха». Но тебе придется это сделать. Любой ценой.

– Звучит «оптимистично». Как практически я смогу действовать, если работаю полный рабочий день и уж тем более не смогу уехать куда бы то ни было из Тегерана? Я должен один бороться с «мировым империализмом»?

– Это в тебе еще советские пережитки, – хмыкнул Алексеев. – Очевидно, придется задействовать Ильфара, у твоего дяди много знакомых азербайджанцев. Поскольку Фараз со своей семьей жил в Азербайджане, Ильфар с ним контактировал через азербайджанцев, у которых родня по ту сторону границы. Сам же понимаешь, в СССР родственники за

границей не приветствовались. Да и в Иране к этому относились не очень. Антисоветские настроения процветали. Слишком много накопилось между нашими странами...

– Хватит мне мозги пудрить. Я лучше тебя историю знаю. А мой дед и вовсе эту самую историю, можно сказать, создавал своими руками. И Ильфара я в это дело впутывать не намерен.

– Придется, – категорично отрезал Алексеев. – Есть еще кое-что... У нас имеется информация об одном солидном и опасном игроке, который уже начал свою партию. Майк Д'Ондре. Тебе это имя о чем-то говорит? – Алексеев увидел, что Фардин поморщился, словно дурно запахло.

– Цэрэушник, руководивший контртеррористическим отделом. Он занимался поисками Усамы бен Ладена. И успешно. О нем довольно много писали. С помощью дронов уничтожали неудобных лиц в Пакистане, Афганистане, в Сирии и в Йемене. Так расправились два года назад с одним из крупных деятелей «Хезболлы».

– Все верно. Еще допросы с изощренными пытками по отношению к тем, кого он и его люди считали террористами или причастными. Об этом писали даже в «Нью-Йорк Таймс». Вероятнее всего, намеренная утечка, чтобы знали и боялись. Но тревожит другое. Д'Ондре сейчас назначают руководителем спецсектора по Ирану.

– Это плохо, – покачал головой Фардин. – К тому же в контексте недавнего военного контракта США с Саудитами на почти полмиллиарда долларов. А часть контракта предназначена для израильского концерна «Рафаэль».

– Учитывая предстоящее назначение Д'Ондре, человека жестокого, умного, резкого, все вместе говорит об одном. Они не только готовят переворот, но и в качестве козырной карты на повестке дня у них война. И они готовятся.

– Ты ведь неспроста заговорил о Д'Ондре? Я слышал, что он принял ислам, женился на мусульманке и окопался где-то на Ближнем Востоке. Хотелось бы знать о нем больше.

– Как в Центре предполагают, по косвенным данным, он в Объединенных Арабских Эмиратах обретается. Ну это еще предстоит проверить. Само собой, в Иран не сунется. Американского посольства у вас нет. Им поэтому крайне затруднительно там работать. Иранцы неплохо обеспечили безопасность.

– Если бы не азербайджанцы, – догадливо подхватил Фардин. – В Азербайджане янки имеют и влияние, и возможности. И конечно же, используют их. Причем визы азербайджанцам для въезда в Иран не нужны, а нам, персам, для посещения Азербайджана нужны. Вот тут ахиллесова пята и есть... Так значит,

аятолла Майк окопался в Абу-Даби или Дубае? Что о нем еще известно?

– Он в ЦРУ с 1979 года. Работал в легальной резидентуре в Танзании. В Дар-эс-Саламе. В 1998 году террористы подорвали американские посольства в Найроби и в Дар-эс-Саламе. Больше местных пострадало. Дипломаты погибли только в Найроби. Именно после тех чудовищных взрывов имя бен Ладена стало притчей во языцех. «Террорист №1» – тогда он получил это прозвище. Нет достоверных данных, служил ли в Дар-эс-Саламе Д’Ондре в тот период. Совпадение, что именно Д’Ондре его прикончил... Еще до Африки он служил в Каире и в Багдаде.

– Занимательно. Особенно учитывая, что по тому же маршруту прошли катком «демократии» американцы. Добрый дядя Д’Ондре. Он проникся Ближним Востоком. Мне все это до боли напоминает англичан, они были очарованы Индией, везли оттуда драгоценности, предметы быта, при этом расстреливали сипаев из пушек. Одно не противоречило другому. Так же, как американцы продают в своих шопах сувениры из культуры уничтоженных ими почти на корню индейцев.

– Говорят, он очень набожный, – с непроницаемым выражением лица сообщил Алексеев.

– От этого и страшнее, – поехался Фардин. – Что насчет связи? Надеюсь, не с дипломатами придется встречаться?

– У нас появился надежный человек. Он по работе много ездит, чаще всего в Стамбул, и там с легкостью передаст нам все твои сообщения и получит инструкции для дальнейших действий. Читай, запоминай, – он протянул Фардину листок с подробными условиями контакта.

– Книжный магазин? – поднял глаза от бумаги иранец с тоской во взгляде. Он понимал, что нынешнее задание Центра для него добром не кончится. – Ты в курсе, что иранцы в массе своей народ небогатый? Я – не исключение. Ты знаешь, как у нас газеты покупают? Так вот, их не покупают, а по утрам по дороге на работу висают над лотками с газетами и читают передовицу, чтобы не покупать. А я буду бегать в книжный. Я же не смогу не приобретать книги.

– Наверняка тебе повысят зарплату, если все же перейдешь в секретную секцию. Хотя на данном этапе тебе бы лучше сорвать переход, дискредитировать себя.

– Каким образом?

– Напиться... – робко предложил Митя.

– Меня побьют на площади и только. А скорее всего, Омид прикроет меня, поскольку сам употребляет. С чего бы мне вдруг сорваться? Столько лет идеальное поведение. Это еще более подозрительно.

– Ты можешь захаживать в книжный, чтобы просто поглядеть на книги, полистать, почитать, понюхать, – Алексеев оставил в покое скользкую тему.

– Но для общения с этим торговцем книг Шахабом Юсефом нужна легенда. Центр не предлагает, как всегда, ничего конкретного?

– Центр доверяет тебе и полагает, что там, на месте, тебе виднее, как поступить. Изначально встреча с ним – заказ книги, которой заведомо нет в книжном, и название этой книги – составляющие пароля. Затем вполне обоснованно, если ты с ним станешь поддерживать приятельские отношения на почве... – Алексеев задумался на мгновение. – Он будет доставать тебе нужные книги и со скидкой.

Дмитрий замолчал, глядя на погрузившегося в размышления Фардина. Иранец изменился. Не то чтобы постарел, но стал совсем иностранцем. От советского юноши – студента биофака, каким помнил его Алексеев, остался разве что корявый русский язык. Дмитрий взглянул на часы.

– Пора тебе возвращаться... Давай подытожим. Мы делаем ставку на Рауфа. Он, кстати, не в Ардебиле. Задержанный говорил, что во время их последнего общения Рауф жил в Мешхеде. Надо найти его. Восстановить ваше общение. Есть смысл продемонстрировать, что ты разочарован во власти, в нынешних порядках, царящих в Иране, жалеешь, что эмигрировал. Задача – выяснить, какие силы задействованы, какие сроки, источники финансирования. Я имею в виду, не в общих чертах, а конкретные фамилии, адреса... Есть опасения, что группа Рауфа переместится в Тегеран. Это предположить задержанный, во всяком случае, такие планы обсуждались при нем. Если так, тебе будет легче его отыскать. Аналитики в Центре не исключают, что основная цель этой группы при таком раскладе будет ликвидация высших чиновников Ирана. Возможно, посредством терактов в столице. Начнутся беспорядки и одновременно в час «Х» прозвучат взрывы в министерстве обороны и в госучреждениях Тегерана.

– Если Центру известно о том, что планируются беспорядки и, возможно, госпереворот, стало быть, это произойдет в ближайшее время. В течение месяца-двух, так? Неужели ты думаешь, что мне удастся так расшевелить Рафа, напомнив ему о школьной дружбе, что он выложит мне как на духу весь расклад? Я его вообще узнаю? Видел его сто лет назад.

– Наши специалисты сделали его портрет на основе ваших школьных фотографий. Состарили Рафа, – Митя дал фотографию Фардину. – У тебя полный карт-бланш, вплоть до полномочий по вербовке, в том числе и Рауфа, если возникнет необходимость и ты поймешь, что это безопасно для тебя самого.

Надеюсь, время у нас есть. Косвенные признаки указывают, что приготовления идут, но пока не в фазе низкого старта. Рауф – цель. Однако это не исключает параллельных разработок. Камран любопытный персонаж. Попытайся с ним сблизиться. Симин не сбрасывай со счетов. У вас есть более близкие отношения?

Фардин покачал головой, чувствуя, что «тихая» жизнь закончилась. Главный фактор теперь – время. А значит, придется действовать резко.

– Думаю, Центр не будет возражать насчет более тесного общения, – Алексеев наклонил голову, пряча улыбку. – Если мы правы насчет художницы, она пригодится. Мы проработаем ее кандидатуру. Если она не агент, а кадровый офицер, могут быть некоторые варианты твоего прикрытия на пожарный случай. Но лучше не доводить до пожара.

Митя вроде шутил, пытался вести себя непринужденно, однако чувствовалось, что он мнетя, оставив напоследок нечто важное.

– Есть еще кое-что, но это не по делу. Личное. По поводу сеньора Лопес и сеньоры Герреро. Ты же понимаешь, о ком речь?

– Митя, не тяни. Что-то удалось узнать?

– Они пропали в 1986 году, – повторил Алексеев то, что уже было известно Фардину об его родителях, работавших в Венесуэле. – Нам только сейчас удалось найти человека, который жил рядом с ними. Он совсем старик, обитает в доме престарелых. Они погибли в автокатастрофе.

Фардин подумал, что это, наверное, судьба у Алексеева такая – сообщать ему о гибели близких.

– Считаешь, их убили?

Фардин и сам удивился, что ничего не почувствовал в отличие от того раза, когда узнал о гибели деда. Тогда горе обрушилось лавиной, придавило и даже раздавило. Либо за долгие годы ожидания новостей он уже смирился с мыслью, что их нет в живых, либо сыграло роль то, что он их вовсе не знал.

Думая о своем сыне Дильдаре, Фардин часто проводил параллели со своей судьбой. Он, в отличие от своего деда, не планировал готовить сына к работе разведчика. А главное, сын его хотя бы знал и, хоть и нечасто, но они виделись, общались.

Фардина отдали деду с бабушкой в младенчестве. Сейчас он испытал только жалость к родителям, погибшим в чужой стране, не успевшим попрощаться ни с кем из близких, не видевшим, как вырос их сын, появился на свет внук. И своей ли смертью они умерли?

– Этот человек, их сосед, рассказал, что они ночью попали в сильный дождь на машине и слетели в обрыв. Он ездил их опознавать, поскольку никто не знал их лучше него.

– Не понимаю. Вы же проводили расследование. Искали концы. Неужели история с аварией никому не была известна? Где в те годы находился этот свидетель?

– Сразу после их похорон уехал работать в Бразилию. А другие соседи ни о чем не знали.

– Не может быть, чтобы они ничего не слышали! Алексеев развел руками.

– Они похоронены на кладбище в Каракасе. Это Южное муниципальное кладбище рядом с вещевым рынком. Район бандитский. Впрочем, в большинстве районов Каракаса такая петрушка. Там и нищие, бездомные гужуются. Нашего человека, который отыскал могилу, там ограбили, он чуть не остался на кладбище сам в качестве постояльца. Прости... Неуместная шутка. Но это я к тому, что туда ездить рискованно. Тем более за тобой наблюдают, – Алексеев набросал на листке бумаги какую-то схему. – Но ты же все равно захочешь побывать. Только не расстраивайся. Могила здорово разворована.

– Что там брать? – изумился Фардин.

Но Алексеев только пожал плечами.

– И кроме того, их похоронили как католиков. Увидишь там расколотый крест.

Фардин свернул листок со схемой и сунул поглубже в карман.

Высокий потолок спальни укреплялся балками, мощными, окрашенными белоснежной краской. Кажется, что лежишь на дне трюма старого парусного корабля. Блики от бассейна за окном попадали на потолок, усиливая сходство с парусником. Смущало, что в трюме оказалась шикарная огромная кровать с коричневым шелковым бельем, а под потолком вращался вентилятор с полированными деревянными лопастями, с пультом управления, вмонтированным в спинку кровати.

За окном шуршала пальма, как костяной китайский веер. Такой был у бабушки Фардина еще в Баку. Она доставала его из шелкового чехла, только когда шла в театр. К вееру еще прилагалось темно-синее платье из бархата, чуть попорченное молью на груди. Дефект маскировался брошью. Жили Фирузы очень небогато. Никто не знал о наградах деда, об его нелегальной работе в Иране.

Это сыграло злую шутку с Фардином, когда известие о гибели деда вынудило его вылететь в Баку. Ему не могли помочь из опасения засветить его принадлежность к нелегальной разведке (в тот момент Фардину уже присвоили звание «лейтенант»).

Он не сразу отыскал деда в морге одной из городских больниц, с трудом опознал. Организация

похорон – все это легло на плечи юноши, убитого горем и потерянного. Когда Фардин покупал для деда одежду для похорон, он крепко задумался, правильно ли выбрал профессию. Хочет ли он вот так же умереть безвестным, спрятав ордена и медали в коробку из-под обуви? Правда, коробка эта лежала в небольшом сейфе...

– Ты такой отрешенный, словно обдумываешь научное открытие, – Симин зашла бесшумно босиком в длинной, до щиколоток, абайе¹, шелковой, небесно-голубой.

Так же неожиданно, как сейчас, она объявилась в Каракасе. Вернее, сначала возникло ее послание на электронной почте Фардина...

Он вернулся в отель после встречи с Алексеевым, пробрался в свой номер и в телефоне обнаружил сообщение: «Фардин, ты ведь затерялся где-то в Каракасе? А я решила из США приехать в Латинскую Америку, отдохнуть. Ты где? Адрес сообщи, если ты, конечно, не жаждешь уединения».

Фардин не жаждал. Отправил Симин адрес отеля и попытался уснуть.

Дремал он час, беспокойно. Ему мерещилось, что он в старом бакинском доме. Слышал скрип расхожих досок под ногами давно ушедших и самых близких людей. А может, этот скрип деревянных полов раздавался на той даче в Подмосковье, где обитал Фардин то с Алексеевым, то с кем-то из инструкторов. Дед прилетел навестить его туда всего на два дня накануне своей гибели. Убили его, когда он возвращался на улицу Камо из аэропорта ночью.

А накануне он впервые был предельно откровенен с внуком и решил рассказать ему о своей работе в Иране до войны. Они сидели почти всю ночь на террасе финского домика. В открытые окна тянуло майской свежестью, ароматом сирени, и пели соловьи около близкой речки. В темноте террасы вспыхивал и гас огонек сигареты Фараза, гипнотизирующе, магнетически...

Дернувшись, Фардин проснулся. В темноте гостиничного номера светился красный огонек на телевизоре, тоже завораживающе, как кончик сигареты в полусне.

Духоту не разгонял кондиционер, источающий запах мокрой пыли. Хотелось открыть окно, но оно выходило на стену соседнего дома, и не слишком бы добавилось воздуха, распахни его хоть настежь...

Фардин прислушался, пытаясь понять, что его разбудило. Зазвонил телефон на столике в изголовье. По-видимому, он принимался звонить уже не в первый раз.

– Сеньор Фируз, простите, что беспокою вас в неурочный час, но сеньорита настаивает. Я взял на себя смелость сказать о вашей болезни.

– Что за сеньорита? – Фардин фальшиво покашлял.

– Не хочет представляться. Разрешить ей к вам подняться или...

– Я спущусь сам, – вздохнул он.

Не догадался, что это может быть Симин. Заподозрил происки людей, связанных с МИ. Но у стойки администрации стояла художница, опираясь на ярко-красный зонтик-трость. Темно-синий платок сбился на затылок так, что растрепавшиеся волосы, черные с медным отливом, обрамляли смуглую, с чуть заметным оливковым оттенком кожу лица.

– Вот и он! – отчего-то по-английски вскрикнула она. – Я у вас его похищу. – Затем заговорила на фарси: – Поедем, я сняла отличную виллу в Каракасе до конца твоего отпуска, взяла машину напрокат. Ты болен? – Она приблизилась, провела рукой по его щеке, чего раньше на людях никогда не смела делать, да и он не позволил бы, опасаясь за нее.

Разрешение Алексеева на сближение с художницей, скорее восстановило статус-кво, чем изменило что-то. Фардин просто не стал афишировать, что зашел несколько дальше. Зачем так нервировать куратора, хоть и бывшего? Фардин, может, и признался бы в отношениях с Симин, если бы Алексеев категорически воспротивился.

Теперь Фардину стоило прикинуть, надо ли уезжать с иранкой открыто? Как это в конечном счете скажется на выводах Камрана о личности доктора Фируза? Вернее, чем грозит его аморальное поведение?

В крайнем случае, его не возьмут на секретную работу. «Так это и к лучшему в данной ситуации», – мелькнуло в голове, когда он улыбался Симин, и, понимая, что деньги за оставшиеся дни в отеле ему не вернут, все же решил съехать и пошел за вещами, недоумевая, зачем Симин подняла такой шум в вестибюле отеля.

«Есть и другой вариант, – Фардин быстро перемещался по номеру, кидая вещи в сумку, благо еще не успел разложить все по шкафам. – Камран будет держать меня на крючке. С теми, у кого рыльце в пушку, работать проще. Заставит стучать на коллег, станет легче манипулировать, однако в таком случае и подозрений меньше. Разведчика в недотепе не заподозрят».

Фардин оглядел номер напоследок, не оставил ли чего... Он, конечно, убеждал себя в правильности того, что делает. А в это же время перед мысленным взором, словно отпечатавшись на сетчатке, фигурка Симин в светлом бежевом плаще, традиционном

¹ Абайя (араб.) – традиционное женское платье

для Ирана, скрывавшем бедра. И этот восхитительный красный зонт, при том что ночь на дворе – нет солнца и нет дождя. Капает только из трубки кондиционера, попадая на жестяной козырек над кондиционером этажом ниже. Мерный звук падающих капель нисколько не отрезвил Фардина.

По пустому ночному Каракасу они промчались на красном «Фиате». Выскочили за город, направляясь на восток.

Лицо Симин, подсвеченное голубым светом от приборной доски, казалось потусторонним. За ними плелась машина – ни цвет, ни марку не разобрать, лишь фары упрямо сверлят тропическую темноту.

– Ты говорила, вилла в Каракасе. – Он заметил, как Симин с легкой тревогой поглядывает в зеркало заднего вида, но никак не комментирует увиденное. Ее молчание относительно странной машины на пустынном шоссе, прилепившейся к ним, объяснялось лишь тем, что она приняла образовавшийся хвост на свой счет, и это укрепило Фардина в подозрениях по поводу принадлежности ее к иранским спецслужбам.

– В Каракасе помойка, – засмеялась она. – А для меня мой американский агент снял виллу в Рио Чико. Там национальный парк недалеко – Гуатопо.

– Что, мы уйдем в леса?

– Не ворчи! Два с небольшим часа – и окажемся в раю.

– Мне еще рановато туда. И в аду неплохо, то есть в Каракасе. Что это? – испуганно дернулся он.

По машине словно камни или пули забарабанили.

– Дождь! Сейчас же сезон дождей.

На подъезде к Рио Чико дождь так же внезапно прекратился, оставив лобовое стекло и боковые зеркала в каплях. В боковое зеркало Фардин увидел искаженное каплями воды отражение машины наружного наблюдения, которая так и тащилась следом, веером разбрызгивая воду, не сходявшую с дорожного полотна.

Виллу в темноте Фардин как следует не разглядел. Пошуршав гравием на подъездной дорожке, «Фиат» подкатил к белеющим в темноте дверям гаража. Внутри дом Фардин тоже не успел осмотреть – они сразу переместились в спальню. До рассвета оставалось еще четыре часа...

Утро он встретил на коричневых шелковых простынях под высоким покатым потолком с вентилятором. Безликий дом, огромный, блестящие полы из плиток, бриз с моря, душевая как кабина звездолета, тонкий хвойный аромат моющих средств. Из вещей Симин – этюдник в гостиную, деревянный чемоданчик с тюбиками масляной краски и бирюзовый пластовый чемодан с закругленными углами.

Они сели завтракать около барной стойки на высокие стулья с хромированными ножками. И молчали. Поглядывали друг на друга и смущенно улыбались. Оба знали, что нарушают правила. Оба не привыкли так долго оставаться вместе наедине.

– Может, нам пожениться? – робко предложил Фардин.

– Почему тебе не приходило это в голову, когда мы встречались у меня в мастерской? Все давным-давно было, разве что не живем вместе. У тебя работа, в которую ты погружен с головой, у меня – тоже. Выставки, презентации, мастер-классы... Временный брак, конечно, упростит дело в плане встреч, но безопасные условия для встреч и так имеются.

– У тебя есть кто-то еще на примете? – обиженно поинтересовался Фардин, все же вздохнув с облегчением.

– Не выдумывай, – Симин поглядывала на часы, висевшие над диваном. – Мне надо съездить в Каракас. Я собиралась встретиться с одним человеком.

– Ну вот, – понурился он, – я же говорю, что у тебя есть кто-то...

– Это женщина.

– Еще лучше! Ты падаешь все ниже и ниже.

Они рассмеялись, но продолговатые почти черные глаза художницы казались грустными или настороженными. Она сама не своя была. Фардин чувствовал ее напряженность и даже отчужденность.

«И в самом деле, не завела ли она кого-нибудь?»

Отказ от хоть и временного брака не вызвал подозрений. Ей могли запретить в МИ, а если бы она и настояла, Фардина снова замордовали бы проверки. Да и таким, как она, могут подобрать мужа в интересах дела.

Уже в машине она объяснила, что в Венесуэле довольно большая иранская община, и среди этих венесуэльских иранцев есть женщина, которая заинтересовалась творчеством Симин и планирует приобрести несколько полотен для своего дома в Каракасе.

В Каракасе Симин припарковала «Фиат» около небольшого ресторанчика. Пока ждали покупательницу и пили ледяную минералку, Симин нервничала. Бегала то и дело к барной стойке звонить по местному телефону.

Фардин выпил воды столько, что заledenело горло, смотрел на художницу и не мог понять, свидетелем чего он является.

Он сразу смекнул – никакой встречи с покупательницей не состоится или придет некто под видом покупательницы. Он сам нужен Симин в качестве прикрытия, ширмы. «Алиби, – пришла ему на ум более точная формулировка. – Но кому вообще может понадобится ее алиби?»

Отчего-то всплыло в памяти рассказанное вчера Алексеевым про иранскую общину. В особенности об их наблюдениях за наркотрафиком из Колумбии. Это осуществлялось в том числе и с территории Венесуэлы.

Однако это не такая уж нелегальная работа. Еще Уго Чавес способствовал тому, чтобы иранские спецслужбы взяли под контроль каналы поставок наркотиков в США из Колумбии. Удалось наладить контакты с основными поставщиками – лидерами леворадикальных группировок. Они сами не занимаются наркотрафиком, но держат руку на пульсе и прибыль подгребают под себя. Отрезать США от наркотиков в случае войны – это неплохой ход. Нелегальный рынок настолько велик, что резонанс, очевидно, будет.

– Трубку не берет, – посетовала Симин, вернувшись за столик.

Через пять минут она снова устремилась к телефону, бросив на ходу:

– Закажи что-нибудь и на мою долю. Рыбное. А то с голоду тут помрем.

Фардин уткнулся в меню. Но внезапно что-то заставило его глянуть по сторонам. В маленьком коридорчике, ведущем к туалетам и подсобным помещениям, он увидел Симин, разговаривающую с мужчиной.

Бритый, без привычной для иранского глаза бороды, с татуировками, по-видимому, покрывающими большую часть тела. Некоторые из них виднелись из-под ворота футболки и языками узоров заходили на шею.

Первым порывом было вскочить, отбросить меню и напомнить Симин о правилах поведения. Как она осмелилась разговаривать с мужчиной, когда рядом нет Фардина? Однако пыл у него мгновенно угас, едва он подумал о том, что и Симин хорошо знает правила. Если разговаривает, значит, хочет общения.

Фардин прикрылся меню в тисненой обложке и выглядывал, пытаясь понять, на каком языке Симин разговаривает с бритым. Парень стоял в пол-оборота, и Фардин не смог разглядеть его лицо как следует. Симин говорила явно не на фарси. Вроде бы на испанском. Фардин не подозревал, что она владеет испанским.

Парень не вышел в обеденный зал, а исчез в глубине коридора. Наверное, существовал задний выход. Симин тоже сразу не вернулась. Фардин стал смотреть на улицу в надежде увидеть свой хвост. Но того словно ветром сдуло. Не видел Фардин и вчерашней машины. Они доехали от Рио Чико до Каракаса в гордом одиночестве.

Это лишний раз подтверждало версию Фардина о Симин. Наблюдатель, разумеется, доложил своему

начальству о появлении на горизонте девушки. А когда поняли, кто она, получили указание оставить в покое и ее, и незадачливого любовника.

Фардин вообразил, что Симин максимум на что способна – это передавать поручения местным агентам МИ или, возможно, контактерам со стороны колумбийских леворадикалов – ФАРК или АНО¹. И те, и другие подпитывают партизанские ресурсы, контролируя часть наркоторговли, а зачастую владея собственными плантациями. Большая доля принадлежит ультраправым группам.

Когда Фардин прикидывал, может ли бритоголовый принадлежать к леворадикальным группировкам Колумбии, связан ли он с наркотрафиком, вернулась Симин, раздраженная и взъерошенная.

– Не придет она. Что-то у нее не срослось. Я так и не поняла. То ли муж не санкционировал, то ли она из этих дурочек, что переделывают себе носы на европейские, а мозги остаются дремуче-патриархальными.

– Не замечал за тобой феминистских наклонностей, – сдержал улыбку Фардин.

– Ты, я смотрю, в благостном настроении. Это хорошо. Где моя еда?

Он и раньше обращал внимание на то, как Симин ловко уходила от скользких и конфликтных тем. Наверное, поэтому с ней было легко общаться.

– Несут твою рыбу, стейк из меч-рыбы. Существовала бы еще рыба-щит, и тогда тебя можно было бы считать полностью укомплектованной.

– Ты остришь примерно так же, как приправлена эта рыба.

– Верно, я – остроумный, а венесуэльцы любят все приправлять.

– Но эта рыба почти пресная, – оборвала его хвастовство Симин. – Я купаться хочу. Сидели бы сейчас на пляже, пили бы ананасный сок. Там и рестораны в Рио Чико лучше. И кстати, есть теннисные корты.

– Почему «кстати»?

– Ты же любишь пикироваться. И в теннисе мячик туда-сюда.

– Управы на тебя нет, – досадливо покачал головой Фардин. – Того и гляди, скоро снимешь платок...

Бритоголового Фардин увидел еще раз через два дня, когда Симин внезапно надоело сидеть на пляже.

Утром она вдруг снова засобиралась в Каракас:

– Во мне ананасный и апельсиновый соки уже плещутся через край, обгорело все лицо.

¹ АНО – Армия освобождения Колумбии, основана в 1964 году. Вторая по численности организация после ФАРК.

– Зато в буркини у тебя все остальное закрыто, – удовлетворенно заметил Фардин. – Хотя здесь пляж у нас частный и ты могла бы не выглядеть как первый иранский космонавт.

В Иране часто подшучивали по поводу иранской женщины – космической туристки Ансари. Она эмигрировала в США с семьей еще в восьмидесятые. Женщина, турист, да еще американка, пусть и этническая иранка, – всерьез ее полет не восприняли. А на днях Фардин прочел в Интернете, что Иран и вовсе отказался от программы по пилотируемому полету из-за дороговизны.

– Ты такой храбрый до первого мужчины, который случайно забредет на наш пляж. И что ты лежишь? – возмутилась она, нависнув над Фардином, лежащим у бассейна на шезлонге, влажном после ночного дождя.

Дом окружали пальмы и олеандр с розовыми пахучими цветами. Ливень оббил с кустов много цветков, и лепестки напоминали ошметки розовой кожи, лежащей на мокрых плитках кафеля вокруг овального бассейна. Плитки начинали высыхать и казались пятнистыми, с белым налетом, словно от морской соли.

– Чего подхватилась? Ты очень беспокойная.

– Мы поедем в Каракас, купим что-то из одежды для званого ужина.

– И куда тебя звали?

– Нас. – Она села на пластиковый табурет рядом с Фардином, запустила пальцы в его густые волосы. Он млел, как старый кот, чувствуя аромат ее духов с сандалом, розой и мускатом. Их запах накатывал волнами, насыщенными, горячими.

– Нам ехать надо, – напомнила Симин. – Ты тоже в числе приглашенных. Это сотрудник нашего посольства пригласил. Атташе по культуре. Милый человек. Пожилой милый человек, – уточнила она. – Вставай же!

– Я тоже уже немолодой, – Фардин с напускным кряхтением поднялся с шезлонга. – А кто оплачивает этот домишко? – уперев руки в бока, он с прищуром посмотрел на двухэтажную виллу. Солнце выступило краем из-за крыши, слепило его, высверкивая дождевые капли на пальмах и кустах.

– Говорила же, агент снял. Агентство и оплатило.

«За какие же заслуги такие подарки? – подумал Фардин. – Вот только вряд ли платили американцы из арт-агентства. Разве что благодетели из ЦРУ? И на меня манна небесная просыпалась, хоть я не Моисей и не его роду-племени».

В магазине, поглядев на ценники, Фардин приуныл. Он не хотел тратиться на костюм, чтобы идти на чужой праздник. Ворчал до тех пор, пока Симин не утешила его, что она и планировала совершить покупки за свой счет.

– Ты хочешь меня унижить? – завел новую песню Фардин, так что Симин закатила глаза. – И в качестве кого меня пригласили?

– Перспективный ученый. Пришлось сказать, что ты мой муж. Ты же понимаешь.

– Я все понимаю. В том числе и то, что до старости буду «перспективным». Иди меряй платье. Тебе продавщица полмагазина в примерочную отнесла.

И пока Фардин мерил костюм, звякнул колокольчик на двери в магазин. Фардин глянул в щель между шторками примерочной кабинки. Лениво оглядываясь по сторонам, с флегматичным видом в центре зала стоял бритоголовый. Проследив за направлением его взгляда, Фардин догадался, что бритый смотрит на те места, где чаще всего в магазинах вешают видеокamеры.

Фардин отступил, когда из своей примерочной вышла Симин. Бросив быстрый взгляд на кабинку Фардина, она шагнула за висевшую на стойке череду брюк. Туда же последовал бритый.

Прислушавшись, Фардин услышал быструю испанскую речь. К моменту начала разговора он включил диктофон на телефоне. Едва разговор закончился, звякнули колечки шторы по металлической штанге, и Симин вернулась в свою кабинку. Фардин успел высунуться и сфотографировать на тот же телефон бритого, правда, уже выходящего.

Усевшись в трусах и с телефоном в руке на пуфик в примерочной, Фардин смотрел в стену перед собой.

На случайность списать вторую встречу с бритоголовым уже не получится. Не зря Симин выбрала именно этот магазин и торопилась, хотя до вечернего приема еще уйма времени.

Отсутствие хвоста делало возможной встречу Фардина со связным, а может, и с самим Алексеевым. Он обещал не уезжать из Венесуэлы до конца отпуска Фардина. Только Дмитрий в состоянии перевести записанный разговор. Давать прослушать запись первому встречному – безумие. Что, если они обсуждали поставки наркотиков или убийство? Можно будет сказать переводчику, что это шутка. Но поверит ли? Не стоит рисковать.

– Ты уснул там, что ли? – Симин постучала в перегородку примерочной.

– Иду-иду, – Фардин торопливо примерил пиджак. Ему было все равно, как он выглядит, его заботило сейчас другое – в какой игре он стал пешкой, прикрывающей королеву?

Симин потащила его в музей естественных наук, расположенный в здании из белого камня с колоннами на полукруглом фасаде в древнегреческом стиле.

Когда Симин лихо подкатила к музею на машине, Фардин не удержался от вопроса:

- А ты уже бывала в Венесуэле?
- Нет. Почему ты спрашиваешь?
- Фардин пожал плечами.
- Хорошо, что ты знаешь об этом музее.
- Читала про него в Интернете.

На самом деле Фардин интересовался не из-за музея. Симин все дни ездила по городу и окрестностям, не пользуясь ни бумажной, ни электронной картой.

Как ни пытался отвергнуть версию Алексеева о художнице, все настойчивее к ней возвращало его происходящее в эти дни, то, на что другой человек и внимания не обратил бы.

Симин посещением музея хотела угодить Фардину и убить время до приема. Но сама увлеклась, зависла над большой коллекцией морских раковин. Вдохновившись, даже сделала несколько быстрых карандашных скетчей. Фардин заинтересовался рыбами и чучелами животных. Очень кстати пришлось эта импровизированная экскурсия, снаружи начался ливень.

Фардин смог позвонить из музея, убедившись, что Симин делает зарисовку чучела жирафа и не сможет подслушать. Он обнаружил городской телефон еще при входе, на экскурсионной стойке. Девушка, сидевшая за стойкой, не возражала.

- Это Морис? – спросил Фардин по-английски.
- Нет. Но я могу ему передать. Дословно.
- Завтра мне хотелось бы видеть доктора, это возможно?
- Он будет ждать в течение дня.

Они вернулись на виллу почти в три часа ночи. За руль пришлось сесть Фардину – Симин засыпала на ходу. Полтора часа разницы с Нью-Йорком только сейчас неожиданно дали о себе знать. Когда он въехал в гараж и стал впопыхах искать дверь, ведущую в дом (выключатель он так и не нашел), Фардин обнаружил велосипед, который упал ему на ногу. Симин благоразумно вышла из машины еще во дворе и, зайдя в дом через парадный вход, спасла Фардина, открыв ему дверь из кухни.

Оставлять «Фиат» на улице они больше не решились после прошлой дождливой ночи, когда всю машину облепили лепестки бугенвиллии и олеандра.

Рафинированный прием в иранском посольстве не понравился им обоим, за исключением традиционной иранской еды, по которой оба уже успели соскучиться.

Фардин утром вскочил чуть свет в отличие от Симин. Она, завернувшись в огромную простыню, как в кокон, спала бесшумно и крепко.

Он решил съездить на рынок, находящийся неподалеку, на том злополучном велосипеде, который отбил ему ногу, но не охоту прокатиться. Убедившись, что шины накачаны, он несколько метров вспоминал подзабытые с детства навыки.

Солнце еще не вошло в силу, да и светило сквозь дымку, но Фардин взмок почти сразу от высокой влажности.

На оживленном рынке кипела торговля. Сильнее всего пахло свежелью выловленной рыбой. Чуть дальше от моря продавали фрукты. По иранской привычке поторговавшись с местными на смеси персидского, английского и испанского, Фардин наполнил металлическую корзину на багажнике манго, пиньей, маракужой, а сверху уложил бумажный сверток с креветками и меро – каменными окунями. Фардин увлеченно исследовал прилавки с рыбой, испытывая научный интерес.

Уже выезжая из поселка, он заметил маленький супермаркет, где купил сигарет. Вдруг его взгляд упал на стойку со свежими газетами.

На первых полосах сразу нескольких газет большими буквами заголовок «Rapo» и американский флаг. Фардин спросил у продавца, что такое «rapo», и получил ответ: киднепинг.

В Венесуэле много убийств и похищений, и это никого из местных не шокирует. Молодой парень-продавец, к счастью, сносно знал английский и в общих чертах перевел статью о похищении двух бизнесменов, один из которых племянник всемирно известной венесуэльско-американской дизайнерши. Ее наряды надевала дочка нынешнего президента США.

Фардин купил газету и, свернув ее до размеров почтового конверта, сунул в карман.

Он припарковал «Фиат» на обочине, когда из дома его нельзя уже было видеть. Небольшой технический карман на дороге, море внизу, слепящее в полуденный час, обрыв сразу за дорожным полотном, оживающая от дождей трава и цветы на склоне.

Фардин опустил стекло рядом с водительским местом, вдохнув морской воздух. Подумал, что с такого же склона, наверное, слетела машина его родителей...

Он быстро начал осматривать содержимое бардачка. Документы на «Фиат», вернее, договор аренды, – вот что он искал, поскольку в доме его не обнаружил.

Симин с легкостью отпустила Фардина в город и дала ключи от «Фиата». Он объяснил свою поездку необходимостью посетить врача, поддерживая удоб-

ную легенду о малярии. Делал вид, что принимает лекарства.

Художница предложила поехать с ним за компанию. Но ему довольно легко удалось ее отговорить, пообещав, что вернется очень быстро, а она могла бы приготовить рыбу к его приезду, почти как жена. А после обеда хорошо бы пойти на пляж...

В бардачке лежали рекламные буклеты, в том числе и про бюро аренды, которому, по-видимому, принадлежал «Фиат». Сам договор Фардин так и не нашел. Осмотрел и багажник, и даже отсек под полом багажника, где хранилась запаска. Ничего необычного или подозрительного.

По дороге на конспиративную квартиру он заехал в агентство по аренде машин. Наплел невероятную историю, что его подруга арендовала машину, потеряла договор, ее задержала полиция за нарушение правил дорожного движения и требует документы на авто. Подруга помимо прочего забыла адрес агентства. Теперь Фардину приходится ездить по агентствам города и выяснять, кому принадлежит красный «Фиат», чтобы получить дубликат договора. Он назвал госномер авто.

– На что только не пойдешь ради любви, – подытожил он, разведя руками и ожидая сочувствия от полноватого менеджера.

Ушлый венесуэлец решил воспользоваться ситуацией:

– Да, машина наша. Но, сеньор, эта информация конфиденциальная. Должна приехать ваша подруга, только ей я смогу выдать копию договора аренды.

– Как же она приедет, если она в полицейском участке и от нее требуют договор?

– Тогда должен быть официальный запрос полиции.

– Как бы вам объяснить, я с полицией договорился... неофициально, что просто принесу им договор и подругу отпустят без составления протокола, – Фардин уже мысленно расстался с энной суммой на взятку менеджеру. – Войдите в положение. Я в долгу не останусь.

Двенадцать миллионов боливаров подпортили настроение Фардину, но он вышел из агентства с копией договора в кармане. Договор был заключен на некоего Тадео Ньюто. Там же содержались установочные данные на этого Тадео.

Фардин огорошил Алексеева сразу же сообщением о внезапном прибытии Симин в Каракас.

– Проходи, проходи, – Дмитрий запер дверь и подтолкнул Фардина в комнату. – И что сие означает? Как она объяснила?

Фардин потер шею, поискал сигареты, оттягивая момент признания, закурил и, как в омут с голо-

вой, поведал, что все эти дни они с Симин неразлучны.

Алексеев слушал молча, но Фардин с тревогой заметил, как вздулись вены у Мити на шее.

– Любопытно, – сдержанно сказал Дмитрий. – Любопытно, почему ты пустился во все тяжкие с художницей, едва она тебя поманила? Почему ты сразу же не известил меня?

– С ее стороны был такой напор, – смущенно улыбнулся Фардин. – Все произошло за несколько часов. Сообщение на электронную почту, тут же ее нашествие в гостиницу. Не успел я опомниться, как уже сидел в арендованном «Фиате» и мы мчались в Рио Чико.

– Зная тебя, не поверю, что ты мог сломя голову куда бы то ни было броситься, не имея в кармане готового плана, вплоть до нескольких запасных вариантов. Чем ты руководствовался? Чем-то ты же руководствовался, я надеюсь...

– Я бы, может быть, подумал, стоит ли с ней ехать, нарушая свой отшельнический отпуск, но Симин подвесила интригу, да так, что все постояльцы гостиницы, вплоть до второго этажа, слышали, что взбалмошная девица прикатила из США к любовнику, чтобы провести с ним часть отпуска.

– Не знал, что рядовые граждане Венесуэлы свободно владеют новоперсидским, – скептически и даже возмущенно сказал Алексеев.

– Они и древнеперсидским не владеют, – отмахнулся Фардин. – В том то и дело, что говорила она по-английски и громко.

– Работала на публику? Знала, что за тобой хвост? – Алексеев встал, сунул руки в карманы брюк и отошел к окну. Приподнятые плечи говорили о том, что он удивлен.

– Я тоже тогда стал прикидывать варианты. Мне показалось, что овчинка стоит выделки, как любил говорить мой дед. И вот... – он выложил на стол мобильный телефон, нажал кнопку, демонстрируя фото бритоголового.

– С этим типом она пересекалась дважды. Практически у меня под носом. Оба раза в помещениях, где нет камер. Выглядело это как случайная встреча, словно бритый спрашивал ее, скажем, как пройти в туалет. Второй разговор я записал на телефон. Качество записи так себе, да и испанского я не знаю.

Алексеев вернулся в кресло и нагнулся над журнальным столиком, разглядывая бритоголового внимательно.

– Включай, – распорядился Дмитрий и прослушал запись склонив голову набок.

Прослушав дважды, он перевел дословно:

– Мужчина сказал: «Дело сделано. Пару дней раскрутим его. Лео затеял взять с них деньги. Тут это

распространено. Будет натуральнее». Он еще что-то говорил, я не разобрал. А вот она ответила: «Зачем второй? Большой риск. Он готов общаться?» Бритый ответил: «Пока нет. Но не так уж важно. Основная задача другая». Они еще о чем-то говорили, но очень тихо. Не заподозрили, что ты записал? Ты нам нужен в Тегеране, нельзя тебя потерять. Что там у тебя еще?

Фардин достал из кармана свернутую газету и договор аренды.

– Хорошо бы проверить и договор аренды виллы в Рио Чико, – прокомментировал он. – Подозреваю, что она снята тоже на чужое имя.

– Похищение – их работа? – пожал плечами Алексеев. – Зачем им племянник дизайнерши? Он же венесуэлец. Считаешь, связан с ЦРУ?

– Более чем уверен. Американцы ведут активную работу здесь. Как удобно иметь местного парня, вхожего, благодаря деньгам и связям тетушки, в высшие круги Венесуэлы. Сбор информации. Допустим, иранцы захотели этот источник пресечь, а предварительно вытрясти то, что уже утекло на сторону.

– Какой Ирану с этого прок? – Алексеев перечитывал договор. Он поднял глаза на Фардина, не услышав быстрого ответа. – Ты расстроился из-за Симин? Мне казалось, ты не настолько впечатлительный.

– По-видимому, она из группы ликвидации, – кивнул он. – Вынужден это констатировать. Все на это указывает. Она приехала сюда не из Тегерана, прибыла по другому паспорту, я нашел его, пока она спала. В телефоне есть фото ее другого паспорта. От рассеянного ученого она не ожидает такого подвоха. Симин ориентируется в Каракасе и окрестностях лучше, чем я в Тегеране. Она пользуется машиной, арендованной на чужое имя. Возможно, и дом тоже...

– Это я узнаю, – встрял Алексеев.

– Установили объект другие, – продолжил он невесело. – Вот хоть бритый этот и его группа, которая, само собой, существует. Но у них задача, как видно, не только ликвидация, поэтому – похищение. Второго схватили за компанию? Не знаю. Не уверен, что он тоже не связан с цэрэушниками. А Иран, ты спрашиваешь, при чем? Думаю, что те круги, где вращался наш племянничек, так или иначе связаны с иранцами, с местной диаспорой, в которой хватает наших агентов, – он улыбнулся и поправился: – Агентов Ирана. «Деятельность» племянника не осталась без внимания, за ним наблюдали, и он представлял большую опасность, раз его решили ликвидировать. И его напарника «по бизнесу».

– Считаешь, они уже мертвы?

– Сложно сказать, – Фардин прикурил и налил

себе чаю из чайника, стоявшего на столе. – Она никуда не уезжала. Со мной везде как попугайчик-не-разлучник. Правда, сегодня с легкостью отпустила в город. И даже тачку отдала, но, думаю, она никуда не уедет из дома в мое отсутствие. Она, как я считаю, исполняет роль координатора и руководителя. Это ломает мою версию о том, что она всего лишь агент и работает в какой-то степени из-под палки.

– Кадровая сотрудница? – Алексеев взял со стола зажигалку, пощелкал ею, посмотрел на пламя. – Тогда твое сближение с ней может стать фатальным. Если ты ее заподозрил, где гарантия, что и она к тебе не станет приглядываться? Рыбак рыбака...

– Вряд ли. Я в ее глазах скуповатый чудаковатый ученый, витающий в облаках. Раз она решилась использовать меня в качестве фигуры прикрытия, значит, я перед ней кристально чист. По документам ее формально здесь нет, а если кто-то ее случайно узнает, есть я. Приехала встретиться с приятелем.

– А как законы шариата?

– В посольстве она выдавала меня за своего мужа. Ты же говорил, что, если она кадровая сотрудница, мы сможем это использовать в качестве возможного моего прикрытия. Чего же ты теперь приуныл?

– Вот, кстати, о посольстве... – Алексеев спрятал копию договора аренды в карман, пропустив мимо ушей колкость Фардина. – Зачем она там засветилась? За посольством приглядывают местные контрразведчики, станут проверять, кто приходил. Ты здесь официально, в отпуске, иранец. А она?

– Я могу объяснить это только тем, что ей необходимо было срочно передать некую информацию сотруднику легальной резидентуры. Как это сделать, не выдергивая сотрудника, за которым наверняка следят? Прием в посольстве – отличный способ не вызвать подозрений у местных.

– Значит, так, – Алексеев присел на подлокотник кресла Фардина и хлопнул перса по плечу. – Тебе скоро обратно. Встречаться больше нам не стоит. Я постараюсь максимально раскрутить эту историю здесь. Разведаем насчет аренды дома, о личности Тадео Ньето. И попытаемся выявить, кто этот бритоголовый. Фото хоть и плохое, все-таки есть. При первом контакте с новым связным в Тегеране он передаст тебе эти сведения. Раскрутим и девушку в качестве запасного варианта. Не слишком по душе мне распоряжение Центра относительно тебя. Шапкозакидательством попахивает.

– Уж не планируешь ли ты пытаться вербовать Симин?

– Пока у тебя есть конкретная установка. Приложи все усилия на этом направлении. Рауф Мамедов – вот твоя цель.

Воспользовавшись отсутствием слежки, Фардин решил все же съездить на кладбище. Он не знал, когда еще сможет попасть в Венесуэлу. Будет ли еще шанс?

У ворот кладбища ветер гонял пыль и мусор. Сидели несколько мрачных типов прямо на земле. Один в грязном и драном пончо припустился было к Фардину, но тот сделал вид, словно тянется к кобуре скрытого ношения под полой ветровки. Его жест поняли однозначно, и субъекты куда-то укывляли вдоль облезлой стены.

Фардин следовал по схеме Алексева, несколько раз сбивался с пути, возвращался на исходную позицию и снова ходил между могильными плитами. Некоторые могилы были зарешеченными. Таких странных склепов Фардин никогда не видел. Он не сразу догадался, что такие сооружения от вандалов. Почти на всех могилах чего-то не хватало, либо креста, либо плиты. От них уцелели лишь цоколи. Тут воровали все подряд.

«Педро Лопес и Инеса Герреро».

Остановившись, Фардин ощутил тяжесть в ногах, словно гири вдруг подвесили к ботинкам.

– Вот и я, – сказал он негромко на фарси.

Тут же подумал, а поняли бы они его? Какой язык для них был привычнее всего? Русский? Азербайджанский?

Расколотый белый крест мародерам не пригодился. Он лежал поверх могильной плиты. На нем читались имена и дата смерти – 1986 год.

Фардин опустил на короточки рядом с плитой и положил ладонь на шершавую поверхность, теплую, нагретую чужим солнцем.

Накануне отлета из Каракаса Фардин испытал неодолимую потребность совершить намаз. Он извлек из кармана дорожной сумки компас, определил направление на Каабу и, совершив омовение, приступил к молитве.

Намаз упорядочивал его мысли и приносил успокоение. Фардин ничего не просил у Аллаха. Он просто совершал последовательные ракаты. Прочел суру Аль-Фатиха и, заканчивая ее, произнес шестой и седьмой аяты: «...Веди нас прямым путем, путем тех, кого ты облагодетельствовал, не тех, на кого пал твой гнев, и не заблудших». Ему нравилась эта первая сура Корана особенно потому, что читать ее было в традиции пророков во время их миссии.

Каждый раз, произнося по-арабски «заблудших», он примерял это к себе. Кто он перед Аллахом? Заблудший? Ведь он перс по крови, а работает против Ирана. Или, присягнув той Родине, где родился, все же идет прямым путем?

Но сегодня намаз не принес ему успокоения. Его беспокоила ситуация с Симин, но еще больше тревожило возвращение домой, в Тегеран. Что ждет после эпопеи в Каракасе со слежкой? Как расценят его общение с Симин, более чем близкое?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Дерби в Абу-Даби

Майк Д'Ондре совершал намаз и произносил суру Аль-Фатиха точно так же, как Фардин и многие миллионы мусульман по всему миру.

От Каракаса Майка отделяли двенадцать с половиной тысяч километров. За окнами его кабинета в деловом центре Дубая Джумейра Лейкс Тауэрс виднелись только ярко-голубое небо и соседние небоскребы, напоминающие огромные шахматные фигуры – туры, светлые, белые. Богатые люди, живущие здесь, по жизни ходят белыми, имеют право первого хода.

Расположенные между небоскребами зеленые искусственные озера правильной геометрической формы выглядят фантастически сверху, инопланетно. Уж больно странный оттенок воды.

Д'Ондре с легкостью тренированного человека поднялся с коленей, свернул в рулон сажжада¹ и поставил его за шкаф с разноцветными папками. Он снял пиджак со спинки массивного рабочего кресла, обитого белой кожей, и с нетерпением взглянул на часы, подгоняя время предстоящей встречи.

Он слишком давно вынашивал этот план. Как приятно чувствовать себя помощником Бога. Не самим Богом – Майк признавал, что всего он не может, но обладает большинством полномочий и более чем щедрым финансированием. Карт-бланш от правительства он получил после уничтожения Усамы бен Ладена. И новое назначение, весьма перспективное.

Широкий фронт, в прямом и переносном смысле, для того чтобы подтвердить свой сложившийся за годы службы образ железного, непримиримого человека, готового для родины на все. Он тот самый белоголовый орлан со звездно-полосатыми крыльями, хищный, стремительный. В природе птица чаще ест рыбу, хотя разнообразит рацион и мелкими млекопитающими.

Майк предпочитает двуногую дичь, причем, как умный охотник, маскируется под эту самую дичь. Но маскировка только отчасти блеф, она не мешает ему быть истовым мусульманином, женатым на мусульманке.

– Мистер Торнтон, – зашел секретарь в костюмной тройке, тощий, тщедушный, с рыбьими глазами, во-

¹ Сажжада (араб.) – коврик для намаза.

дьянистыми и равнодушными, как у не слишком свежей рыбы, – прибыл мистер Бельман.

– Пригласи его, Джек, и принеси ромашковый чай, как он любит.

Аарон зашел в огромный кабинет с длинным стеклянным матово-белым столом для переговоров. Бельман ходил словно вприпрыжку. Майк подозревал, что это из-за ранения, полученного им в одной из спецопераций в секторе Газа.

Они обнялись как старые друзья и расселись на двух белых диванчиках, стоящих один против другого у панорамного окна во всю стену.

– Деньги есть, – сказал Д'Ондре, которого здесь знали как Роджера Торнтонна. – Теперь надо не ошибиться, кому их давать.

– Саудиты расщедрились? – Аарон и сам больше походил на араба с крупным носом и прищуренными хитрыми глазами. Прозорливый, ушлый, с боевым опытом, полученным в спецгруппе, откуда ушел по ранению.

Бельман знал, что Торнтон представляет ЦРУ, но не был в курсе, что он тот самый легендарный Майк Д'Ондре, что, впрочем, не мешало ему строить догадки по этому поводу, основанные на разведданных Моссада и на своих собственных наблюдениях за Торнтонном, человеком моложавым, без возраста, лощеным, подтянутым. Такие непременно бегают кроссы по утрам, а может, и по вечерам, следят за диетой и не таскаются по любовницам, потому что слишком осмотрительны, настолько, что контролируют себя, в том числе и на физиологическом уровне. Тотальный контроль – вот девиз подобных людей, потому они успешны, но тяжелы, вязки в общении.

Торнтон мог задавать вопрос, словно его судьба зависела от ответа. Он крайне внимательно выслушивал ответ и умничанье собеседника, поддакивал, задавал наводящие вопросы, а затем предлагал свой вариант, очевидно, заготовленный раньше, продуманный детально и утвержденный у руководства. Порой Бельман испытывал досаду от разговоров с Торнтонном, ощущая себя в роли туповатого статиста.

– Проблема в том, что у нас есть задача, вполне конкретная, но практически нет инструментов, обычных в таких случаях. Будут затруднения с оперативностью связи. Интернет в Иране ограничен. Нам нужна мобильная группа, автономная, адаптированная к местным реалиям, не вызывающая особых подозрений ни у КСИР, ни у МИ. Тут, как на войне, нам надо сосредоточить превосходящие силы в решающем месте, в решающее время.

– Курды РЖАК¹. Мы их активно финансируем, – моссадовец вздохнул. – Это, по сути, единственная

¹ РЖАК – Партия свободной жизни в Курдистане. Иранский аналог турецкой РПК.

возможность работать в Иране, дистанционно. Их руками, их глазами... В 2011 году мы действовали довольно успешно. Теракты, нападения на воинские части. Ликвидация десяти офицеров КСИР.

– Ну и КСИР ведь в долгу не остался, – напомнил Майк, приглаживая волосы с заметной проседью и пряча усмешку наклонив голову. – Контртеррористическая операция – и всех ваших прикормленных курдов вытеснили с территории Ирана, быстро и эффективно. Теперь они торчат в горах Кандиль и кормятся на американские деньги.

– Допустим, не всех вытеснили, и связь между теми, в Иракском Курдистане, и оставшимися налажена неплохая. Там ведь много контрабандистов шныряет. Сигареты, алкоголь, то да се. Они активно ведут пропаганду...

– Контрабандисты? – насмешливо уточнил Майк.

– Да нет же, наши люди. Некоторые из них, впрочем, в самом деле, контрабандисты. Но это хорошая легенда...

– До тех пор пока им пальцы или даже руки не отрубят за их лихой промысел, – он взглянул на наручные часы «Шопард».

Здесь, в ОАЭ, считалось моветоном носить дешевые часы. Эти выглядели просто и очень дорого. Кроме обычного циферблата был еще и указатель часовых поясов. Майку нравилось, что среди других городов указывались родной Лос-Анджелес, Дубай и Каир, ставший тоже почти родным.

– Насколько я знаю, – продолжал Майк, – в среде курдов, в самом Иране, РЖАК пользуется дурной славой. Как они поведут за собой людей? Тех курдов, которые не состоят в РЖАК, в Иране относительно немного, около восьми миллионов. К тому же курды – сунниты, семьдесят процентов из них. Они не любят режим, существующий в стране, хотя революцию 79-го года вначале приняли. Затем пошли на попятную. Их лидеров уничтожали планомерно, выдавили в Иракский Курдистан. Вы начали мутить воду, способствовал созданию Партии свободной жизни. Так? Моссад решил действовать через курдов, когда у вас раз за разом случались провалы ваших агентов в Иране. Так ведь? Ну а теперь жаль затраченных денег? Надо же их использовать. Не расстраивайся, курды понадобятся чуть позже, когда мы заварим хорошую кашу. Израиль хоть и ближе к Ирану, но Штатам не меньше вашего хочется расправиться с режимом аятолл. Их присутствие в Сирии, в Ираке – они просто-таки вездесущие. Отношения с Россией. Ядерное оружие. Слишком усилились, взяли власть на Ближнем Востоке.

Бельман расслабленно закинул ногу на ногу и ожидал готового решения, понимая, что игра Торнтонна в «умного и дурака» подходит к кульминации.

– Чуть меньше половины населения Ирана – это азербайджанцы. Тридцать миллионов – гораздо больше восьми.

– Ну допустим. Нам, дорогой Роджер, не удается вести разведывательную работу в полной мере на территории Ирана. Но ведь и у вас успехов на этом направлении нет. Да, курды в Иране под особым контролем. Но и азербайджанцы живут довольно скученно. Мешхед, Ахар, Зенджан... И в случае беспорядков их, в какой-то степени, легче будет изолировать. Часть задержать, часть, возможно, уничтожить. Иранцы действуют в таких случаях решительно, без промедления. Мусульмане настолько же горячи, насколько послушны и дисциплинированы. Надлежащий баланс, возможность иногда спустить пар и помитинговать, и снова тишина, мир и контроль. Тотальный. Мышь не проскочит.

– Я понимаю, Аарон, ты о наболевшем. Но сейчас не такая уж плохая ситуация. Капля камень точит. Складываются условия...

– Извини, перебыю, – Бельман потер гладковыбритые щеки. – Я бы на твоём месте не обошлся насчет официального Азербайджана. Они, конечно, с охотой поддержат заварушку, если им пообещают присоединение Южного Азербайджана. Так они называют часть территории Ирана. Будет шанс, если они окажут помощь, хотя бы моральную... Но приговления к подобным действиям станут известны в Иране. Слишком много иранских шпионов в Азербайджане, причем, как мы полагаем, персы окопались в СГБ¹ Азербайджана.

– Есть достоверные сведения? – оживился Торнтон.

– Пока ничего конкретного, – вздрогнул Бельман.

– Так вот насчет условий, которые складываются в нашу пользу, – Торнтон задержал взгляд на Аароне, словно, говоря о другом, все еще переваривал сказанное прежде. – Огромная инфляция в Иране мало радует персов. Это факт. Мы достигли этого санкциями.

Бельман знал, что санкции против Ирана, успешные и не очень, применялись еще с 50-х годов, еще при шахе. Но Торнтон, очевидно, имел в виду санкции нынешние, возобновившиеся с февраля, уже после согласия Ирана на снижение темпов по ядерной программе. Именно Моссад убеждал мировую общественность, что программа Ираном активно форсируется, а отнюдь не приостановлена.

– Плюс ко всему около сорока процентов населения, а то и больше, – молодежь. Пятнадцать – тридцать лет – наш потенциальный контингент.

К тому же малообразованные. Есть лидеры среди азербайджанских радикалов в Иране. Мы сделаем ставку на них. Кто нам реально способен помешать – это Россия. Как думаешь, они более успешны в плане внедрения?

– Есть только аналитические выкладки. Да, гипотетически могли бы... Посольство у них там есть, но легальную резидентуру держат под жестким контролем. Единственная возможность, по моим представлениям, – это как раз азербайджанцы. Среди них мог бы затесаться нелегал, представляющий интересы России. Азербайджанцев много проживает в современной России. Вот только едва ли русские нашли бы подходящего. Должно совпасть слишком много факторов. И что может сделать один нелегал? Нам-то он уж точно не помеха. Сидит и трясется, как бы по его душу не пришли.

– Ты говоришь со знанием дела, – Торнтон прошел к письменному столу и вызвал секретаря: – Джек, через десять минут я выезжаю в Абу-Даби.

– Машина будет у входа через десять минут, сэр, – откликнулся Джек.

– У меня приятель там погиб, – мрачно в спину надевающему пиджак Торнтону сказал Бельман, поднявшись из кресла. – В 2008 году его повесили. Он был нашим надежным агентом. Ему не требовалось привыкать, адаптироваться. Его связи в Организации по атомной энергии Ирана выглядели надежными и перспективными. Но вдруг, как гром среди ясного неба, арест. Продержали его до казни почти два года. Ты же понимаешь, Роджер, что они с ним делали, – он сказал это таким голосом, что у цэрэушника, в общем, не слишком впечатлительного человека, мороз продрал по коже. – А от нас-то что требуется?

– Радиоразведка обстановки.

– Ваши же в Ираке по соседству базируются, – заметил Бельман. – Вам и карты в руки.

– Ну не будем меряться ни частями тела, ни степенью информированности в том или ином регионе земного шарика. Нам нужна будет помощь ваших людей на разных этапах, для объективной оценки, чтобы понимать, как идет процесс, стоит ли наращивать обороты или уже притормаживать на поворотах. Это что-то вроде работы акустика на подводной лодке. По отзвукам от подводных предметов понимать, куда двигаться в кромешной темноте и мути. Именно так нам представляется обстановка в закрытом Иране. Ну мы еще обсудим детали...

Выходя из кабинета, Бельман пробормотал себе под нос:

– Вот теперь мы и в самом деле на подводной лодке. Только куда плыть в пустыне?

Аарон не был сторонником происходящего на Ближнем Востоке, особенно за последние пятнад-

¹ СГБ – Служба государственной безопасности Азербайджана.

цать лет. Нет, он бы обрадовался, если бы арабы вдруг исчезли, как по волшебству, как в старой арабской сказке, остались бы в легендах и преданиях. Но грязные игры, войны, разбежавшиеся по Европе беженцы не казались ему удачным решением для Израиля территориальных, энергетических и политических проблем.

Израильяне натравили США на Ирак, интриговали, провоцировали, лоббировали свои интересы в Европе. Но в итоге получили террористов под боком и руины Ирака, распадающегося на куски, – в частности, с отколовшимся Иракским Курдистаном. Усиление шиитов, а как следствие – возрастающее влияние Ирана в Ираке.

Совпадение или нет, что дочь Каддафи оказалась в группе юристов, защищавших Саддама Хусейна? Во всяком случае, символично. Следующий на повестке дня был именно Каддафи и его Ливия. Хотя он выступал всегда против Израиля заодно с арабским миром, в последние годы Каддафи попытался заручиться поддержкой Израиля, хорошо зная, кто стал зачинщиком свержения Саддама.

Эксклюзивное право на разведку и разработку нефти, формирование вооруженных сил Ливии – этим он соблазнял Израиль. Но даже опасения израильтян, что в Ливии в ходе восстания к власти придут исламские радикалы, не подвигли Израиль к более решительным действиям в плане поддержки Каддафи. Они одновременно не менее успешно вели переговоры и с повстанцами.

Затем Сирия. С ИГИЛ договориться не составило труда. Игилловцы не предпринимали попыток влезть в Израиль.

В случае с Ираном, как считал Бельман и некоторые его коллеги, этот номер не пройдет. Помочь Штатам можно, но не слишком усердствуя. Ровно настолько, чтобы в случае успеха стричь купоны, а при неудаче не оказаться слишком вовлеченными в очередной скандал, который наверняка разгорится.

Бельмана раздражала туповатая наглость американцев. В данном случае он вовсе не ожидал от Торнтонна такого подхода по Ирану. «Если я не ошибаюсь и Роджер тот самый Д'Ондре, то его недалёковидность, по меньшей мере, странная. Он должен был неплохо изучить мусульманский мир, тем более сам принял ислам. Впрочем, для мусульман он все равно останется чужаком, так же, как для нас принявшие иудаизм иностранцы останутся всего лишь чудаками, гоняющимися за модными религиозными тенденциями. Будут вызывать снисходительную улыбку. А сейчас иудаизм, как ни странно, в моде. Д'Ондре может хоть лоб отбить во время намазов, ни мусульманином, ни уж тем более арабом он не станет и менталитет арабский не постигнет. Как и персидский».

Собираясь доложить начальству, Бельман планировал, как всегда, донести и свои соображения по этому поводу. Он считался в Моссаде человеком непримиримым и занудливым. К нему не слишком прислушивались. Общую политику действий диктовало правительство. А значит, они в заварушку, организованную ЦРУ, влезут охотно, взахлеб. Очень уж Иран не любят.

Д'Ондре поглядывал в окно своего «Роллс-Ройса фантома» на персидский залив, вдоль которого вело шоссе до Абу-Даби. Позади ехала охрана на «Мерседесе». Майк доверял охрану только арабам, причем начальник охраны был дальним родственником жены Майка, из бедуинов. Огромный, почти чернокожий, угрюмый. Его отец еще кочевал с верблюдами по пустыне, а он прошел курсы телохранителей и, до того как его нанял Д'Ондре, охранял шейха.

Майк и сам не мог понять, почему волнуется перед предстоящим приемом в посольстве России в ОАЭ. В прошлый раз, когда он там был по приглашению посла, он не застал начальника резидентуры. Майк знал, что Алексеев – резидент. Фамилия наверняка оперативный псевдоним.

Д'Ондре не терпелось с ним познакомиться, поговорить, и он считал сегодняшнее приглашение результатом инициативы Алексеева.

Удалось разузнать в Москве про Дмитрия Алексеева кое-что, особенно взволновавшее Майка. Нынешний резидент – спец по Ирану, свободно разговаривает на фарси, кандидат исторических наук, защищался по истории Ирана. Что такому человеку делать в ОАЭ? Хотя и арабским он владеет.

Не связано ли его назначение с усилением Ирана и попыткой русских разведать здесь и в Саудовской Аравии тенденции в отношении персов с целью защиты своих партнеров? Майк подумал о том, что наблюдение за Алексеевым и его подчиненными необходимо усилить.

Уже полгода русский резидент здесь, а вдруг уехал на две недели, и не в Москву для консультаций, что было бы объяснимо, а в Венесуэлу. Там за ним пытались следить, однако он растворился в Каракасе с легкостью, вызвав вспышку ярости у Майка, хотя его мало кому удавалось вывести из себя.

С кем встречался Алексеев? Не на солнышке же загорал и в море купался... Большая иранская диаспора существует в Венесуэле. Разве что с кем-нибудь из них виделся? Теперь остается только гадать.

Д'Ондре увлекла идея расшатать Иран. Он хорошо знал, как работает механизм запуска революции.

Несколько миллионов долларов – это обязательный ингредиент. Для этого успешно функционирует американский Национальный фонд демократии. Затем нужна площадка, где будут обрабатывать дурачков, необразованных, желающих без труда получить кучу денег.

Таковыми площадками становятся неправительственные организации. Учеба, семинары – все бесплатно, с завидным альтруизмом натаскивают молодежь, исподволь вселяя в умы антиправительственные настроения и присматривая потенциальных лидеров.

Инструкторы на подобных курсах, а зачастую это сотрудники ЦРУ, обучали и методам борьбы на мирных митингах. Даже не требовалось радикальных мер. Эти способы выкладывались в Интернет, сотни способов, предложенные якобы такими же борцами за свободу в арабских странах. Фальшивые имена авторов подобных статей, фальшивые интернет-адреса...

Еще в 93-м году вышла методичка ненасильственных протестов. Много добавилось к подобным инструкциям – поливание полицейских краской, закидывание яйцами и помидорами. Эти, казалось бы, невинные протесты в арабском мире перерастают в торнадо ярости и немотивированной жестокости.

Первые результаты созданных революций на Ближнем Востоке ошеломляли даже самих создателей из ЦРУ. Возникло понимание, что такая реакция толпы – это национальный темперамент, племенной менталитет, сидящий в подкорке. Даже если они давным-давно живут в городах, приметы цивилизации сдувает с них ветром перемен, остаются инстинкты выживания и жестокие нравы кочевников.

Разорванный толпой диктатор – это удачная иллюстрация справедливой народной борьбы за демократию. Так рассуждал Д'Ондре, когда смотрел на кадры чудовищной и кровавой расправы над Каддафи, которого ЦРУ отследило, в том числе и посредством дронов, которыми занимался Д'Ондре. Запись избиения Каддафи Майк видел прежде других. Не испытал удовлетворения от увиденного, но лишь от проделанной работы своих коллег. Сам он был вовлечен в это косвенно.

Задачи, поставленные руководством страны по Ирану, он воспринял с энтузиазмом. В Иране народ не менее заводной. Это показала революция 1979 года, не менее яростная. Зверства во время ирано-иракской войны со стороны персов соперничали только с ответными зверствами арабов. Попытки во времена шаха достигали запредельного уровня. Как догадывался Д'Ондре, персы вряд ли изменились за прошедшие годы.

Отсутствует в Иране полноценный Интернет, а также неправительственные организации, через которые в других странах США проводят пропаганду и

осуществляют разведывательные действия. Нет возможности массово привлекать молодых иранцев за границу для «учебы» – промывки мозгов. Взбаламутить, настроить против тысячелетних, в том числе и религиозных, традиций в данном случае не удастся.

Остается работать с тем, что заложили в прошлые годы, в том числе и в шахские времена. Отчасти и Советский Союз постарался, создавая иранскую коммунистическую партию «Туде», теперь называющуюся НПИ (Народная партия Ирана) и действующую подпольно, в основном за пределами страны, в эмиграции.

ОМИН, РЖАК, о которой твердил Бельман, и многие другие организации, спонсируемые Саудовской Аравией, Штатами, Катаром, как и планировал уже несколько лет Д'Ондре, задолго до своего назначения, станут опорой для предстоящих беспорядков. Они должны в идеале обернуться государственным переворотом.

Переговоры с ОМИН шли успешно. Оминовцы в своих лагерях уже охотно готовили боевиков из числа иранских азербайджанцев для предстоящих акций. А разговор с Бельманом, по сути, являлся формальностью. Заручиться поддержкой Израиля и Моссада – это дополнительный бонус и увеличение шансов на успех.

Бельман не самый лучший для авантюры человек. Д'Ондре это осознавал, но Аарон являлся главным контактером от израильской разведки. Майк считал, что евреи не слишком отличаются от арабов по части взрывного темперамента. Их порой сложно раскачать, но существуют болевые точки, затронув которые удастся легко подвигнуть их на решительные действия и агрессию. К примеру, Голанские высоты – сирийские земли, сектор Газа, Западный берег реки Иордан – палестинские земли, Иран, готовый противопоставить свое ядерное оружие израильскому, – все это для Израиля красная тряпка для быка.

Майку уже не требовалось проявлять себя. Он давно всем все доказал. Теперь, когда ему перевалило за пятьдесят, хотелось просто работать, расслабленно, в удовольствие – интриговать и подтверждать свой образ жесткого психопата. Пусть боится...

Майк нередко бывал в посольстве РФ в Абу-Даби и в генконсульстве в Дубае, где такой уютный двор с пальмами и кадками с ухоженными растениями, стоящими вразброс у бассейна. Приглашали его как американского бизнесмена, которого активно сватало посольство США в качестве официального сотрудника торгового представительства.

Сегодня в зале приемов посольства в Абу-Даби гулял холодный кондиционированный ветерок, пропитанный ароматами от фуршетного стола. Шаги

многочисленных гостей скрадывал мягкий ковер. На столах с длинными белыми крахмальными скатертями поставили цветочные композиции, бело-синие-красные, как российский флаг.

Д'Ондре поздоровался с посланцем и несколькими знакомыми дипломатами, которые держали его за высокопоставленного сотрудника торгпредства. Но пока он бесшумно ходил по залу, передвигаясь в легких бежевых мокасинах на босу ногу, как североамериканский индеец, он ощущал на себе чей-то пристальный взгляд. Майк не сразу определил источник.

Около перистой пальмы стоял сухощавый высокий мужчина в серо-голубом льняном костюме, одетый, пожалуй, слишком элегантно для русского. По мнению Майка, они одевались, как правило, либо безвкусно, либо дорого и еще более безвкусно. Пережитки советского прошлого, когда любая заграничная шмотка казалась верхом совершенства.

Майк с улыбкой приблизился к нему. Тяжелый подбородок, тяжелый взгляд голубых глаз, короткие светлые с сединой волосы аккуратно причесаны, если не сказать зализаны, и даже ответная улыбка нисколько не снизила впечатление Д'Ондре, что тип этот чрезвычайно скрытный.

– Вы случайно не мистер Алексеев? – Майк не собирался ходить вокруг да около. – Ваш посол говорил, что вы были в отъезде, а он мне вас анонсировал с самой лучшей стороны.

– В качестве кого, мистер...

– Торнтон. Роджер Торнтон – специалист торгпредства США. В качестве коллеги, заместителя торгпреда.

– Тогда я к вашим услугам, – Алексеев шагнул к столу и поставил стакан с соком, который держал в руке.

Он подозревал, что этот Торнтон и является тем самым Майком Д'Ондре, недавно назначенным руководителем операций ЦРУ по Ирану.

Алексеев только выглядел суровым и хладнокровным. Сейчас волнение зашкаливало. Возможно, он видел перед собой одиозную личность, одного из главных идеологов готовящейся «революции» в Иране. Дмитрий злокозненно подумал, что неплохо было бы ликвидировать цэрэушника. Но это вряд ли что изменит. «Отряд не заметит потери бойца». Машина запущена, задействованы уже большие силы. При мысли о предстоящем Фардину в условиях Ирана Алексееву становилось не по себе.

Забавляло желание Торнтон встретиться с Алексеевым. Настойчивое и, мягко говоря, нестандартное для опытного разведчика. Он создал уже столько шума своей открытой заинтересованностью. Вспокоил даже посла. Встревожил контрразвед-

чика, усиленно не рекомендовавшего еще сегодня утром Алексееву встречаться с Торнтоном.

Однако у Алексеева был свой интерес. Он, конечно, не рассчитывал, что Торнтон, оказавшись он тем самым Д'Ондре, выдаст детали плана насчет Ирана. Алексееву хотелось просто идентифицировать Д'Ондре. Были оперативные данные, которые могли помочь установить подлинность личности цэрэушника. Но для этого необходимо личное общение.

Были описание от нелегала в Ираке и некие наблюдения от человека в Египте. Они оба считали, что видели именно Д'Ондре. Не верить их донесениям у Алексеева не было никаких оснований. Особенно иракскому источнику.

Д'Ондре засветился в Ираке после вторжения американцев. Он, видимо, еще тогда отработывал свою программу «усиленных» допросов. Проще говоря, пыток. Чуть позже он совершенствовал свое мастерство в Афганистане, проводя опыты над известными террористами, причастными к событиям 11 сентября.

В Ираке произошла утечка в прессу о приезде американца Д'Ондре. Тираж местной газетенки изъят, журналист, ляпнувший об его приезде в Ирак, исчез бесследно. Но в те годы многие пропадали в Багдаде.

Однако Д'Ондре вряд ли подозревал, что офицер нелегальной разведки России, живущий в Багдаде, успел переговорить с журналистом до его исчезновения. Журналист видел Д'Ондре в Умм-Касре и довольно детально описал внешность американца. Д'Ондре отметил там, по-видимому, участвуя в организации лагеря Букка.

Когда стало известно о назначении Д'Ондре на нынешнюю должность, подняли все донесения от нелегалов и агентуры. Каирский агент, напрямую связанный с МИДом Египта, давал практически идентичное описание Майка.

Необходимость знать Д'Ондре в лицо объяснялась просто – Фардин будет искать связь иранских радикалов с ЦРУ. Маловероятно, конечно, что с рядовыми бойцами или даже с командирами «Моджахедин-э Халк» Майк встречался лично. Но если все же подобные контакты происходили, то фотография Д'Ондре станет отличным подспорьем для изысканий Фардина.

Стоило пренебречь в данном случае предупреждениями контрразведчика, как решил для себя Алексеев. Опыт подсказывал, что Торнтон подкатывает к нему не для банальной провокации. Фото американца уже негласно сделали в прошлые визиты и в посольство, и в генконсульство, но достоверной информации, что он тот самый Д'Ондре, как не было, так и нет.

Алексеев поглядел на улыбающегося деловой, дежурной американской улыбкой Торнтон. Поулыбался в ответ, рассматривая лицо Роджера, прокручивая в памяти словесный портрет Д'Ондре.

«Вроде похож, – решил Дмитрий и тут же с досадой себя одернул: – Сидит небось сейчас настоящий Д'Ондре где-нибудь в Саудовской Аравии, в Эр-Рияде, не факт, что работает под прикрытием посольства. Вряд ли в Ираке или в Египте. И там, и там работал подолгу, уже примелькался. Афганистан? Не исключено. Но так хочется верить, что вот он, передо мной, лыбится, как кот Базилио, увидевший наивно-го дурачка Буратино».

Роджер взял Алексеева за локоть.

– Знаю, что у вас с Эмиратами в общем объеме торговли только по сельскохозяйственной продукции двадцать процентов, – он увлек резидента к выходу из зала.

– Жарко во дворе, – оказал вялое сопротивление Алексеев. – Градусов сорок.

– Я думаю, мы уравновесим температуру высоким градусом интересной интеллектуальной беседы.

Он не сомневался в том, что Алексеев заинтересован в разговоре с ним.

– Да мы со всеми дружим и торгуем. – Во дворе тень под навесом у входа не спасала. Разве что не так сильно тут слепило глаза солнце. – Мы Эмиратам – драгоценные камни, зерно, нефть, черные металлы. Они нам – различное оборудование, специи, чай, кофе, химию, мебель... И много еще чего. В этом нет никаких секретов. Мы открыты любому сотрудничеству.

– А что касается военно-технического сотрудничества – это секрет? – рассмеялся Торнтон.

– В какой-то степени... Впрочем, то, что есть в открытом доступе. Скажем, с двухтысячного года за четырнадцать лет мы продали Эмиратам на семьсот четырнадцать миллионов долларов военной продукции.

– Я слышал, что ОАЭ заказали у вас первыми ЗРПК «Панцирь-С1».

– Вы неплохо осведомлены для обычного сотрудника торгпредства, – Алексеев достал из кармана солнцезащитные очки в золотистой тонкой оправе. – Занимались этой темой или хобби?

Торнтон снова засмеялся:

– Почему бы мне не знать о ваших продажах БМП-3 и ЗУР 9М 311... Вы же сами говорите, есть в открытом доступе.

Алексеев кивнул, принимая ответное словесное туше, гадая, как бы ему посмотреть на внутренний сгиб локтя Торнтон, скрытый льняным меланжевым пиджаком. По описанию исчезнувшего иракского журналиста, на руке Д'Ондре было коричневатое

красное пятно, напоминающее то ли родимое пятно, то ли старый шрам.

Первую спонтанную затею опрокинуть на американца стакан сока он отверг. Вдруг Торнтон не станет снимать облитый пиджак? Или под пиджаком окажется рубашка с длинным рукавом.

– Экспорт-импорт у вас за последние года два упал по большинству пунктов. В том числе ваши закупки фармацевтической продукции у Эмиратов на ноль сошли.

– Не потому ли, что есть страна, не терпящая честной конкуренции и применяющая санкции в качестве методов ведения торговой войны?

– Ну что вы, мистер Алексеев! – Торнтон поднял руки вверх, сдаваясь и демонстрируя мирные намерения. – Я вовсе не сторонник санкций. Хотя и работаю на правительство. Но ведь так часто бывает, что мы согласны не со всем, чем промышляет наше правительство.

– Промышляет? – Алексеев хмыкнул. – Очень может быть. Но у нас, наверное, по-другому. Если работаешь на правительство, безоговорочно принимаешь политику своего государства.

– Но ведь работа на правительство не уничтожает вашу личность. Вы же способны чувствовать, мыслить здраво.

– Так и я о том же. Ведь в здравом уме принимаешь решение работать на правительство. Хотя кто как.

– Мне нравится ваша позиция, Дмитрий. Можно вас так называть? – Роджер снова ухватил его за локоть, заглядывая в глаза.

– Пожалуйста, – Алексеев отметил, какие у Торнтон глаза, – жесткие, злые и улыбающиеся, почти золотисто-желтые. И цвет, и взгляд чуть исподлобья, как у волка, с узкими зрачками, гипнотизирующий, циничный.

– Зовите меня Роджер. В вашем посольстве не так много людей, независимо мыслящих и в то же время не боящихся показать себя истинными патриотами.

– А я давно не встречал людей, использующих такую безыскусную лесть. Хотя не скрою, приятно. Понять бы еще, что вы от меня хотите. И все встанет на свои места.

– Я в вас не ошибся, – без тени иронии заявил Торнтон. – Но какой интерес может быть в приятном общении? При условии, что это взаимно.

– Ну взаимности лучше ждать от женщины. А от мужчин, тем более облеченных властью, солидной должностью, ждут взаимности по бизнесу. Однако же, учитывая санкции, об этом вряд ли идет речь.

– Отнюдь. Вы же прекрасно знаете, Дмитрий, что товарооборот с вашей страной не пресекался. И

Штаты торгуют, и Европа. Но в данном случае речь не идет о США. У меня есть очень и очень хорошие контакты с влиятельными людьми ОАЭ, которых мало волнуют санкции, а только лишь бизнес. Ваш торговый оборот мог бы существенно вырасти или хотя бы вернуться на прежние позиции. Возможно, не на государственном уровне... А на прямых договоренностях с серьезными людьми в России.

– Допустим, однако вам лучше бы с торгпредом обсудить все ваши предложения. Но, прямо скажу, выглядит странным и провокационным предложение о посредническом сотрудничестве между русскими и арабами от американца. Вам не кажется?

– Местные богатые, очень богатые арабы хотят с вами договариваться о торговле. Я здесь имею свой бизнес и некие интересы. В накладе, если вас сведу, я не останусь.

– Так что насчет торгпреда? – упорствовал Алексеев.

Торнтон поморщился, оглядел двор посольства. Над кромкой забора, присыпанной битым стеклом, нависло облако розовых цветов, от которых с волнами горячего воздуха приносило пряный аромат.

– Ну что же, чтобы вы не подумали ничего предосудительного, я приглашаю вас и вашего торгпреда завтра на скачки в «Эквестриан Клуб». Разумеется, с супругами. Состоятся последние скачки в этом сезоне. Фестиваль проходит под патронажем шейха Мансура бен Заида Аль Нахайяна, будет зам премьер-министра и многие другие. Вы наверняка знаете, что на этом фестивале арабских скакунов имени шейха Заида заключаются миллиардные сделки. Для вас приготовлены приглашения в VIP-ложу. Вам доводилось бывать там?

– Нет, – слегка смутился Алексеев, польщенный приглашением и решивший вдруг, что обозначился.

Похоже, перед ним обычный деляга, который где-то даже на грани фола обстрипывает делишки, не чурается никаких связей. По-видимому, арабские бизнесмены в приватном разговоре с ним затребовали к себе русского торгпреда.

Очень много бюрократических препон возникло, когда торгпред просил аудиенцию у местных министров. Порой приходилось хитрить и заходить с заднего входа благодаря личному обаянию и наработанному за годы заграникомандировки связям. А тут предоставляется отличный повод пообщаться с сильными мира Эмиратов накоротке.

– Это в десяти минутах от центра в районе Аль-Мушариф. Там надо быть в восемнадцать часов. Спадет жара. Немного, – добавил он, усмехнувшись. – Будет очень приятная атмосфера. Завтра утром передам с курьером приглашительные биле-

ты. Вы с женой? Это я к тому, что дамы должны быть в шляпках. В билете будет указан дресс-код.

– Жена в Москве. Спасибо за приглашение, Роджер, – Алексеев протянул ему руку, испытывая некое разочарование. – Завтра увидимся. А сейчас, прошу прощения, оставлю вас. Есть еще сегодня рабочие моменты. Кроме того, предупрежу торгпреда, чтобы он скорректировал на завтра свое расписание.

Торнтон почти сразу уехал, о чем Алексееву сообщил посольский охранник. Сомнения резидента усилились. Даже желание американца познакомиться именно с ним не казалось таким уж подозрительным. Торнтон, сотрудник торгового представительства посольства США, мог параллельно с решением задач по своему ведомству выполнять поручения своей резидентуры.

Вечером, связавшись с Центром, Алексеев доложил о сегодняшней встрече. Спросил насчет Бакинца. Дмитрий хоть и вынужден был перейти в легальную резидентуру, все еще душой был с нелегалами. Именно он вел Фардина, и Алексеева держали в курсе дела из-за их давнего хорошего личного взаимодействия.

Алексеева беспокоило состояние Фируза. Камран, навязавшийся на голову Фардина, вызывал серьезные опасения. Хоть Алексеев и успокаивал Фардина, сам он не был стопроцентно уверен, что Бакинца не задержат в Тегеране, едва тот сойдет с трапа самолета. А еще почти абсурдная история с Симин и ее потенциальной работой на Министерство информации. Каким боком все это обернется для Фардина?

Ответ пришел из Центра довольно оперативно:

«Бакинец вышел на связь. Без осложнений. В случае с торговцем (так они обозначили Торнтон) стоит продолжать. С осмотрительностью, продумывая каждый шаг. Присутствие торгпреда не снижает опасности провокации. Интерес все же наибольший представляете вы. Он, очевидно, вел запись разговора, для этого вывел вас во двор. Довольно прямолинейное его поведение сводит вероятность, что это искомый объект, к нулю».

Изумрудные газоны окаймляли ипподром. В центре – живописные водоемы. И еще множество конкурных площадок. При дефиците воды в пустынных районах ОАЭ газоны питались от подземной системы полива, от канализационных сточных вод.

Трибуны для зрителей с навесами, VIP-ложа с прохладным кондиционированным микроклиматом. Шейх со свитой в белых дишдашах и накидках из тончайших дорогих тканей, в гутрах, белых и клет-

чатых, красно-белых. Местные женщины были закутаны привычно с головы до ног. Гости конного праздника из Европы и США одеты по-светски. Супруга торгпреда, женщина немолодая, в фиолетовой шляпке с вуалью выглядела нелепо, хотя храбрилась и вела себя довольно естественно, оказавшись в столь гламурной обстановке.

Женщины в бриллиантах и золоте, столы с невероятными арабскими яствами, почерневшее бархатное небо над Абу-Даби, ароматы еды, свежескошенной сочной травы на газонах, кони, как из сказки, с длинными тонкими ногами, с легкими жокеями в шелковых разноцветных курточках, парусивших, когда они неслись сломя голову, освещенные прожекторами.

Торнтон в самом деле познакомил торгпреда с влиятельными людьми. С некоторыми из них он даже, не теряя времени, уединялся в подтрибунных помещениях, где были оборудованы комнаты для подобных деловых совещаний. В это время Алексееву приходилось развлекать торгпредшу.

Вопреки опасениям Дмитрия Роджер не проявлял особой настойчивости, находился рядом, вел светские беседы. Рассказал, что у коней здесь условия лучше, чем у некоторых дипломатов. Кондиционеры в конюшнях, семидесятиметровый бассейн... И это удивительно, если эти кони приносят победу в скачках, а призовой фонд составляет более миллиона евро.

– Местные помешаны на лошадях. Шейхи первоклассные наездники, – рассказывал Роджер, подавшись к Алексееву, перекрывая шум стадиона. – Конных заводов у них и здесь хватает, но они разводят лошадей и в своих европейских владениях – в Германии и во Франции. А вот любопытно, в Иране тоже увлекаются конным спортом?

– Почему вы спрашиваете? – как можно беспечнее спросил Алексеев.

– Кто-то говорил мне, что вы прекрасно говорите на фарси. Вот я и подумал – вы ведь наверняка бывали в Иране. Мне, как вы понимаете, туда дорога заказана.

– Любопытно, кто вам мог это сказать?

– Не помню, – отмахнулся Торнтон. – Такая закрытая страна. Может, все же однажды удастся там побывать. Так все-таки вы ездили в Иран?

Алексеев успел обдумать ответ:

– Так ведь и в Афганистане фарси, и в Таджикистане. Вот там я бывал.

Досада едва ли отразилась на лице Роджера. Он умел скрывать эмоции.

– Удивительно, что человека со знанием фарси отправили в Эмираты, – зашел он с другой стороны.

– Я и арабским владею, – обезоруживающе улыбнулся Алексеев. – Вот вы тоже арабист, ваш

арабский очень хорош, – Дмитрий слышал, как Торнтон разговаривал с бизнесменами, когда знакомил их с русским торгпредом. – Почему же вы так хотите посетить Иран?

– Для коллекции. Я везде бывал на Среднем Востоке, кроме Ирана.

– И в Ираке? И в Египте? – полюбопытствовал Алексеев, с замиранием в сердце понимая, что спрашивает слишком в лоб.

– Конечно, – легко согласился Торнтон, словно не придавал этому никакого значения.

А ведь это «география» рабочих перемещений Д'Ондре, что, впрочем, не мешало бывать там же Роджеру Торнтону.

– Я тоже люблю лошадей, держу в конюшнях клуба «Эквестриан» прекрасного жеребца. С удовольствием покажу его вам после финального заезда. А сейчас покину вас на несколько минут. Сделаю ставку. Вы не желаете?

– Вы же сами сказали, что дипломаты живут хуже местных лошадей. Поэтому, пожалуй, воздержусь.

Алексеев, глядя на беговые дорожки в свете прожекторов, впал в задумчивость, забыв, что рядом сидит жена торгпреда.

– Между нами говоря, Дмитрий Степанович, этот Торнтон крайне неприятный тип. Скользкий такой.

– Вы удивительно прозорливы, Тамара Сергеевна, – кивнул Алексеев, выйдя из ступора. – Но он может быть нам полезен.

Скачки подходили к концу. Состоялось награждение жокеев и владельцев лошадей. Под трибунами именитые гости из Германии, Швейцарии, Италии, из королевских европейских семей не торопились развезжаться, продолжая обсуждать свои дела с партнерами по бизнесу.

Тут сложилась удобная и располагающая к этому обстановка. Торгпред все еще вел оживленный разговор с заместителем премьер-министра, и Алексеев был вынужден ждать, так как приехали они на одной машине, которую дал им посол по случаю важного мероприятия.

– Вот вы где! – Торнтон настиг его внезапно, когда Алексеев собирался поторопить торгпреда и выжидал удобный момент, чтобы встрять в разговор торгпреда с эмиратским чиновником. – Пойдемте, покажу вам своего Элвиса. Вы умеете ездить верхом?

– Не доводилось. Все больше на мне ездили верхом, – отшутился Алексеев. – Тамара Сергеевна, вы...

– Я здесь подожду, – отказалась она, обмахиваясь веером.

Они с Торнтоном спустились с трибун, прошли мимо площадки, где конюхи вываживали лошадей после скачек. Слышались всхрапывание усталых коней, арабская речь, стрекот цикад. Здесь особо ощущался запах навоза и лошадиного пота.

Алексеев пожалел, что согласился углубиться в дебри ипподрома. Мало ли что на уме у этого мутного Торнтон. Но Роджер и в самом деле подвел его к хорошо освещенным конюшням. Уже вывели черного огромного коня, приветливо заржавшего, почуяв хозяина.

– Мощный конь. Вы на нем совершаете прогулки по городу? – пошутил Алексеев. – Или ездите по делам торгпредства? На него взобраться можно только со стремянкой.

Торнтон позвал конюха по-арабски и велел принести седло. Он явно вознамерился покрасоваться перед русским. Когда конюх быстро заседлал коня, Торнтон предложил лукаво:

– Попробуете?

– Нет уж, увольте, – Алексеев попятился от игривого молодого коня, от нетерпения наступавшего на незнакомца.

– А я, пожалуй... – Роджер собрался сесть верхом.

– Вы пиджак снимите, – посоветовал Алексеев. – Сковывает движения. Я подержу, – он протянул руку.

После секундной заминки Торнтон стянул пиджак и отдал Дмитрию. Около освещенной конюшни тот отчетливо разглядел отметину на внутреннем сгибе руки Торнтон. Д'Ондре. Теперь уж точно. Алексеев вспомнил поговорку: «Бог шельму метит». Но скорее всего, это след от огнестрельного ранения.

«Мы о нем мало что знаем», – подумал Алексеев, глядя, как ловко вскочивший на коня Д'Ондре едет кругами по небольшой площадке для вываживания лошадей после скачек.

...Алексеев сел в машину рядом с шофером, обернувшись к торгпреду с женой, расположившимся сзади, уже с полчаса дожидавшимся резидента и начавшим терять терпение.

– Как ваши переговоры? Все успешно? – примирительно спросил Дмитрий.

– Кое с кем по-настоящему важным удалось пересечься. Мы сейчас сосредоточены на промышленной кооперации. А сегодня здесь присутствовали представители авиа- и судостроительной промышленности. Они, правда, были увлечены скачками и ставками, но это не помешало назначить несколько встреч. А как у вас?

– У меня тоже неплохо, – коротко ответил Алексеев.

Торгпред не стал уточнять детали. Он знал, кем является Алексеев, и теперь тревожно думал, не втянул ли его Дмитрий Степанович в свои схемы, из-за которых в одночасье можно стать невыездным.

Посольский шофер вырулил из очереди лимузинов, поджидавших своих богатейших в мире хозяев, и поехал по ночному Абу-Даби к улице Халифа. Алексеев попросил подбросить его на работу по дороге к дому торгпреда. Он собирался отправить в Центр фото Д'Ондре с детальным описанием этого человека. Еще никто из русских разведчиков не видел его так близко.

Дмитрий вовсе не испытывал уверенности, что Фардину понадобится фотография Д'Ондре, однако именно этот человек собирался взбаламутить спокойные воды Ирана, мнившиеся ему застойным болотом.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Крокодил из Белуджистана

Под потолком висело сизое облако кальянного дыма, смешивавшееся с табачным дымом от сигареты Фардина. Ильфар сидел на низком твердом диванчике, застеленном рыжим ковром.

Даже после того как дядя отдал племяннику несколько старинных ковров, их отсутствие не стало заметно в его квартире. Любовь иранцев к коврам – показателю их благосостояния – привела к тому, что Ильфар разве что сам не заворачивался в ковер.

Ковровая дорожка лежала даже на узкой кухне с серыми кухонными шкафчиками, делавшими ее похожей на казарму, с дежурным самоваром, таким же, как и в квартире Фардина, подключенным к газовой колонке.

Жена Ильфара принесла блюдо с фесенджаном, дымившимся и источавшим аромат курицы, приправ и орехов от гранатно-орехового соуса.

Но у Фардина кусок в горло не лез. Он утешался сигаретами. Разговор с дядей принял, мягко говоря, нелюбезный оборот.

Формально племянник пришел навестить его с сувенирами из Венесуэлы. Он бы привез Ильфору бутылку рома. Раньше, до революции, дядя не гнушался крепких напитков. Однако теперь и ввезти в страну через таможеню это не удалось бы. Поэтому он подарил дяде резную духовую трубу. Ильфар очень музыкальный и стал бы, наверное, музыкантом, если бы не бедность и война. Он с легкостью играл по слуху на любом музыкальном инструменте, который попадал ему в руки.

Его жене Фардин купил сумку с латиноамериканскими яркими узорами. Детям – несколько шоколадок из натурального какао.

Нынешняя жена уже третья у Ильфара. Двух он пережил. И теперь, в шестьдесят с лишним, снова стал отцом, уже четырежды с третьей женой.

Его сопливые отпрыски от двух до десяти лет, все мальчишки, встретили Фардина во дворе, где они играли среди штабелей пластиковых разноцветных овощных ящиков из магазина, на задворках которого находился дом Ильфара. Мальчишки схватили шоколадки и с добычей скрылись за ящиками.

Иногда с ними гулял Дильдар – сын Фардина, живущий с матерью неподалеку...

Фардин пришел по большей части с корыстной целью – задействовать связи дяди. Тот поддерживал отношения со многими из азербайджанской диаспоры по старой памяти. В конце восьмидесятых через своих азербайджанских друзей он переписывался с Фаразом, живущим в советском Баку.

Услышав просьбу племянника отыскать Рауфа Мамедова, Ильфар так втянул дым из кальяна, что вода в колбе буквально закипела. Это при том, что Фардин не уточнил о связи Рафа с «Моджахедин-э Халк». Если бы упомянул, то дядя свои угрозы преворил бы в жизнь тут же...

– Ты ошалел совсем? Не поверю, что ты решил вспомнить детство и бакинскую школу. Ты как крокодил из Белуджистана. Попадет тебе палец в рот, ты и утащишь на глубину. Был бы ты помоложе, отходил бы тебя палкой или ремнем. Жалею, что не сделал этого, когда вытащил тебя из тюрьмы. Может, исправил бы тебе мозги. Ты такой же, как твой дед!

– Чего ты взъелся? – Фардин посмотрел в его лицо, смуглое, испещренное морщинами, с почти лысым бугристым черепом и седоватой топорщащейся щетиной.

Кроме сына Дильдара, дядя единственный родной человек в Тегеране, да и во всем мире. Сейчас Фардин готов был придушить старого упрямца.

– Это всего лишь мой бывший одноклассник.

– Вот и ищи его сам! – огрызнулся Ильфар. – Я не хочу исполнять твои сомнительные поручения, а потом висеть вниз головой с ржавыми крюками под ребрами и объяснять саваковцам, что этот Мамедов всего лишь бывший одноклассник моего слабоумного племянника. Старый Фараз этим промышлял и тебя подрядил, – он взглянул на Фардина многозначительно. – Лучше мне ничего этого не знать. И вытаскивать тебя из тюрьмы я снова не стану...

– Да, лучше тебе не знать, – угрюмо согласился Фардин.

Ильфар отбросил мундштук кальяна, тот повис на подлокотнике дивана.

– У меня семеро детей. Четверо малолетние. Не забывай и о своем Дильдаре... Хотя ты вряд ли ког-

да-нибудь беспокоился о нас. Здесь тебе не Баку! Тюрьма тебя ничему не научила.

По некоторым словам Ильфара можно было догадаться, что и Фараза, и Фардина он держит за диссидентов, коммунистов, но не разведчиков.

– Ешь лучше фесенджан, – примирительно сказал дядя, пододвигая к Фардину блюдо. – Потом будем пить чай...

—

Вернувшись домой, Фардин покормил рыбок, которых на время отпуска оставлял на работе.

По дороге от дяди он зашел в книжный к связанному Шахабу Юсефу, оказавшемуся весьма немолодым иранцем, лет шестидесяти, а может, и старше, с седой короткой бородой и узловатыми подагрическими пальцами.

Фардина теперь весьма занимал вопрос, чем Юсефа заманил Центр? Насколько ему стоит доверять? Фардин неплохо изучил персов и не стал бы полагаться на соотечественников безоглядно.

Неделю до того, как решиться зайти в маленький книжный магазинчик, скорее напоминавший гипертрофированный газетный киоск, Фардин тщательно проверялся. Не обнаружил никаких наблюдений за собой и насторожился еще больше.

С чего вдруг Камран даже не вызвал его по приезде? В университете Фардин его не видел, но они и раньше не пересекались – работали на разных этажах. Фардин ждал вызова от Камрана, из-за подвешенного состояния не решался выйти на встречу со связным. Однако и тянуть дольше было нельзя. Центр запаникует.

Связной передал ему фотографию бритоголового из Венесуэлы, запись разговора Симин с бритым в магазине, копию статьи из газеты о пропавшем племяннике дизайнерши и его бизнес-партнере. Там же оказалась статья о том, что выкуп семьи похищенных заплатили, но, несмотря на это, через неделю после похищения полиция нашла трупы мужчин со следами пыток. Их выбросили у дороги, ведущей из Каракаса в Ла-Гуайру.

Еще копии договоров на дом и автомобиль, не на имя Симин и не на имя ее арт-агента. Алексеев через венесуэльских агентов выяснил, что арендатором был один бизнесмен, работающий в порту Каракаса и не имеющий отношения к иранской диаспоре, к МИ, а уж тем более к искусству Симин.

Все материалы, в том числе и копия фальшивого паспорта Симин, были вложены в две книги, которые «купил» Фардин. Прежде чем кормить рыбок у себя дома, он спрятал книги в тайнике на крыше.

Погасив верхний свет, Фардин сидел на диване при свете мерцающего телевизора и круглой лампы с матовым голубым плафоном.

Облокотившись о колени, он уткнулся взглядом в стеклянную столешницу журнального столика. В ней отражался перевернутый экран телевизора.

Опустошенность – вот единственное, что испытывал сейчас Фардин. Напряжение, не отпускавшее его на протяжении последнего месяца, ожидание провала, ареста, пыток обернулись вакуумом. Ожидание не разрешилось предсказуемой кульминацией, а повисло в воздухе, преобразовалось в недоумение. Что могло заставить Камрана отступить?

Информация о связи Фардина с Симин? Либо уловка? Отступить, усыпить бдительность, скажем, нашпиговать техникой квартиру в его отсутствие. Но первое, в чем убедился Фардин, вернувшись, что метки не тронуты.

Но почему и разговоры про переход в секретную секцию прекратились? Хотя с учетом нового задания Центра отмена перевода в секцию или отсрочка пришлись как нельзя кстати. Однако, поскольку этому не имело объяснений, тревожность только возрастала.

Единственное разумное толкование происходящего (если отбросить худшее, за которым следует арест) Фардин нашел для себя в тренингах, конкуренции между управлениями министерства информации. Камран контрразведчик, он не захочет иметь под боком человека, связанного с разведкой, пусть и связанного косвенно, посредством любовницы из МИ.

Либо Фардину придется вовсе забыть о переводе из лаборатории в секретную секцию, либо нужно время, чтобы Камран разобрался в опосредованном отношении Фардина к МИ. Многое зависит от необходимости заполучить в секретную секцию именно Фардина с его наработками в исследованиях водорослей.

Но в большей степени чувство опустошенности овладело им из-за нехватки времени и невозможности действовать свободно. Где искать Мамедова и как, чтобы не привлечь лишнего внимания?

Ему хотелось не выходить из дома, не идти завтра на работу. Но это было неосуществимо и невысказано... Он поднял взгляд на быка на картине Симин.

«Что будет, если им удастся переворот? – подумал Фардин, глядя на бычью агрессию. – Гражданская война? Репрессии? ДАИШ перехлестнет из Сирии сюда. Начнется все заново, если и не попытка воссоздать черный халифат, то теракты, особенно направленные против шиитов. Таких, как дядя Ильфар, героев войны с иракцами-суннитами, начнут преследовать и убивать в первую очередь, да и они сами отсиживаться не станут».

Фардин долго жил в Иране. Он понимал, что здесь, как и в любой стране, заложены конфликты – национальные, религиозные, социальные. И в мирные годы существует равновесие, которое, как показывает история «оранжевых» революций, при определенной сноровке довольно легко нарушить.

– Чай, – решительно встал с дивана Фардин и пошел на кухню. – Чем крепче, тем лучше.

Ему надо было думать и вспоминать. Два способа запоминания действовали безотказно. Первый «Кухня Ильфара», второй «Пруд».

На кухне дяди, в узкой пеналобразной комнате без окна, стену, противоположную унылым серым шкафчикам с кухонной утварью, занимало бесчисленное количество фотографий в рамках, сделанных мастеровитым дядей.

Вся семья Фирузов. И дед с бабушкой, и родители Фардина – это совсем старые фотографии, еще до их отъезда в Венесуэлу.

Больше всего черно-белых фотографий, и это правильно, как считал Фардин. В человеческой памяти обычно остаются либо очень радостные моменты, либо горе. Черное и белое. А детали, как и цветные оттенки, нивелируются.

После тюрьмы Фардин жил у дяди, ночевал на матрасике на полу кухни. Изучил фото на этой стене памяти до мельчайших деталей. И к каждой детали умозрительно прикрепил определенные фамилии, связанные с его жизнью в Иране.

Свой доиранский период он систематизировал (благо не слишком много пришлось запоминать и архивировать в памяти) на конспиративной даче. Его научили запоминать большое количество информации.

Пруд, покрытый льдом, весной напоминавший огромный нарыв. Лед стал желтоватого неприятного оттенка (может, ветром наносило песок и пыль с показавшейся из-под снега и подсохшей дороги), стянулся к центру от берегов с сухими стеблями травы, торчащими неряшливо. Кое-где на поверхности вскрылись отверстия, как гейзеры, видно, где били со дна ключи.

Наученный специалистом по мнемотехнике, Фардин выбрал этот «нарвавший» весенний пруд с мостками. Перед мысленным взором представляли, например, одни из четырех мостков, а на досках оказывались надписи – адрес дома Фирузов в Баку, адреса в Москве, где он учился, фамилии педагогов, имена сокурсников. На других мостках школьные связи – адреса, телефоны.

Требовалось только «увидеть» тот или иной кусок пруда или фотогалерею в квартире Ильфара, отчетливо увидеть. А чтобы вспомнить, где и что зафиксировано, необходимо время – провести мыс-

ленную экскурсию и перебрать все предметы. Важна сосредоточенность, ведь очень много информации.

Фардин из-за отказа Ильфара решил пойти другим путем, предсказуемым и оправданным. Поиск одноклассников по Баку. А через них разузнать хоть что-то о Мамедове.

Сидя с чашкой крепкого чая под тихий бубнеж телевизора, Фардин уставился на картину с быком отсутствующим взглядом. Он сейчас нестерпимо хотел увидеть Симин, но понимал, что такой вечерний визит уж точно не оценят ни соседи, ни ее брат с женой, и будут крупные неприятности.

После их внезапного совместного отпуска в Венесуэле Фардин растерялся. Он осознал, что привязался к Симин гораздо сильнее, чем мог себе позволить, и теперь мысли о ней смущали его и мешали сосредоточиться.

Он знал, что вряд ли Симин участвовала непосредственно в ликвидации бизнесменов в Каракасе, она, судя по всему, выступала в роли координатора. Но мысль о гибели этих двоих из головы не шла, и это, как ни странно, только усиливало притяжение к Симин, перераставшее в мучительное чувство.

Фардин отвернулся от картины с быком, забрал чашку с журнального столика и вышел на балкон.

В воспоминаниях из блока «Пруд» затерлись наставники по оперативной и боевой подготовке.

Чаще к Фардину приезжали на конспиративную дачу и проводили с ним занятия там. Но иногда он выезжал на «Волге» с зашторенными окнами на учебный полигон или в Москву. Кроме педагогов и инструкторов, ни с какими другими курсантами он не пересекался. В тот момент не знали, как именно удастся использовать его в Иране, поэтому готовили буквально к любому развитию событий, в том числе к диверсионно-террористической деятельности. При невозможности начать тихую мирную жизнь, что планировалось в идеале, вариантом «В» значилось внедрение в радикальные группы, исследование их состава и планов. С какой целью? Этому Фардину не сообщали. Зато обучили стрельбе из разных видов оружия, владению холодным оружием, обращению со взрывчатыми веществами и ядами. И много чему еще.

Ему снились уже в Иране чуть пыльные гофрированные салатные шторы на окнах «Волги». От них пахло застарелым табачным дымом и бензином...

Через два часа непрерывных раздумий, схожих с медитированием, он вспомнил телефоны половины одноклассников. Фардин мог бы сделать довольно оперативно запрос в Центр. Там хранились тетрадки, исписанные им собственноручно, затем их перепечатали на пишущей машинке, и материалы содержались в его личном деле. Список его знакомых и близких.

Но этот запрос отнял бы бесценное время. Фардин понятия не имел, сколько у него времени, поэтому исходил из самого пессимистичного варианта.

Лалэ Мерзилиева – это имя он вспомнил на исходе второго часа, ее адрес и домашний телефон. Это было самое козырное воспоминание. Теперь оставалось молиться Аллаху, чтобы она не сменила адрес, если и вышла замуж. Или чтобы ее родители жили, где и прежде.

Долговязая староста с крупными грубыми чертами лица в темно-коричневом шерстяном платье с воротником-стойкой, обшитым белой кружевной тесьмой, с длинными рукавами и в черном фартуке, на лямке которого висел комсомольский значок. Лалэ носила стоптанные синие туфли сорокового размера и старый портфель, при том, что ее отец – нефтяник. И не рядовой рабочий...

Мерзилиева все и про всех знала. Всегда есть в классе такой человек, который и спустя двадцать лет и тридцать после окончания школы, как радар, настроенный на определенные цели, всех отслеживает, куда бы ни закинула судьба одноклассников.

Взглянув на часы, Фардин поднял трубку городского телефона. Старый телефонный аппарат, темно-зеленый, с вращающимся диском, напоминал ему дом и прежние времена.

Баку отстает на полчаса от Тегерана, а Фардин отстал от родного Баку почти на тридцать лет. Он испытал такое щемящее чувство, когда услышал гудки, словно бы связывающие его с городом детства, рвущие ткань завесы времени и отчуждения.

Пока он ждал, что кто-то ответит на звонок, подумал, с каким удовольствием звонил бы сейчас к себе домой, на улицу Камо, будь там дед или бабушка. Но туда, где они сейчас, невозможно позвонить...

Ему ответили по-азербайджански, чуть удивленно и сонно, очень знакомым голосом.

– Салам, Лалэ, это ты? – со сдерживаемой радостью спросил он тоже по-азербайджански, хотя в школе они говорили по-русски.

– Да-а, – растерянно протянула она. – А кто это?

– Фардин Фируз, – не стал он играть в угадку. – Помнишь такого одноклассника?

– Фара? Не может быть! Кто-то говорил, что ты погиб во время событий 90-го года, – она перешла на русский. – Кто-то выдумывал, что ты сбежал в Тегеран.

– Так и есть, – с улыбкой согласился он, не опасаясь прослушки. Что криминального или необычного в разговоре одноклассников? – Уехал на родину предков. У меня же тут дядя. Я из Тегерана звоню. А ты как? Вот уж не чаял застать тебя по старому адресу...

– Я с мужем здесь живу. Его дом снесли. Он был такой же старый, как твой дом на Камо.

– Господи, как давно все это было! А что про кого из наших слышно?

Лалэ, как и ожидал Фардин, знала обо всех. Кто погиб в 90-м году, кто оказался в Чечне в 95-м на стороне боевиков и тоже погиб, в том числе и одноклассники-армяне. В Армении их не ждали с распростертыми объятиями, хотя международную рознь инициировали как раз армяне, начав изгнание азербайджанцев из Нагорного Карабаха.

– Да ведь и Раф, твой дружок закадычный, тоже в Иране, – вдруг осенило Лалэ. – Разве ты не знал?

– Я как уехал, так ни с кем не виделся больше. По счастью, в старой записной книжке твой телефон отыскал. Вот так сюрприз! Встретиться бы с Рафом. А ты случайно его адрес или телефон не знаешь?

– Погоди-ка. Мне про него Сережка Арцумян писал. Где же это письмо? Сейчас, – она бросила трубку, через минуту снова заговорила: – Ага, вот то письмо. Он из Ленинграда, то есть Питера, писал совсем недавно. Они же тоже с ним дружили, в футбол вместе играли, – она говорила, а сама шуршала письмом. – Ну правильно. Ха! Так и Мамедов в Тегеране. – Она назвала адрес, к удивлению Фардина, оказавшийся буквально через дом от жилища дяди Ильфара.

– Мы почти соседи. Спасибо, Лалэ. Ты – сердце нашего класса. Как твоя жизнь?

– Неплохо. Муж – нефтяник, как и отец. Трое детей. А у тебя?

– Сын есть, жены нет. Был временный брак. Как там наша школа, мой дом?

– И школа стоит, и твоя халабуда. Вчера мимо проходила. Грозилась снести, но она еще всех нас перестоят.

– Лалэ, ты ведь помнишь, как мы хоронили деда? Твой отец договорился, дал грузовик ЗИЛ. Я тогда здорово растерялся. До сих пор добрым словом дядю Гияма вспоминаю, да ниспошлет ему Всевышний долгие годы.

– Спасибо. Я уж думала, ты забыл. До того ли тебе было тогда, чтобы что-то запоминать, – со слезами в голосе сказала она, расчувствовавшись.

– Лалэ, ты наверняка бываешь на кладбище. Не могла бы ты навестить и могилу деда Фараза? Я вряд ли смогу приехать.

– А я навещала... Фара, ты бы дал адрес своей электронной почты, Фейсбук или...

– Лалэ, ты забыла, где я живу, – вздохнул Фардин. – Интернет тут не ахти. Ты же умная девочка.

– А-а, – протянула бывшая староста. – Ну хоть письмо черкни или звони, как сейчас.

Они еще поговорили о чем-то не столь значительном для обоих, но для поддержания беседы. Оба испытывали тоску по тем временам.

Положив трубку, Фардин еще несколько секунд смотрел на телефонный аппарат, словно ждал, что Лалэ перезвонит, будто они не договорили о самом важном, о том, как жестоко время.

Никаких писем в прошлую жизнь он писать не собирался. Самым главным противопоказанием было то, что Фардин принципиально старался не оставлять нигде и никаких письменных собственноручных следов. Одно дело разговор по телефону, другое – письмо однокласснице. А как она может быть его одноклассницей, если по его нынешним документам он старше Лалэ на четыре года? Разве что четыре раза на второй год оставался.

Алексеев утверждал, что Мамедов в Ардебиле или в Мешхеде. Хотя предположения о его переезде в Тегеран все же звучали. Каким ветром его занесло в Тегеран? Ветром предстоящих революционных перемен? Готовят людей в столице, и в Ардебиле, и в других городах Ирана, где азербайджанская диаспора очень представительна. Есть кого баламутить.

Хотя Фардин знал, что живущие в Иране азербайджанцы, любящие эту землю, работающие на земле, вряд ли поддадутся на провокацию и начнут бузить.

А вот среди азербайджанцев-горожан, молодых бездельников, охотников до легких денег и острых ощущений, наверняка баламуты найдутся. Их-то и будет обрабатывать Мамедов.

Фардин выключил телевизор и побрел в спальню, оставив недопитый чай на столике у дивана. Повалился на матрас, снова подумав о Симин, прежде чем провалился в сон.

Ему снился дом в Баку и дед Фараз, стоявший в тени у стены, опершись на крепкую резную трость, которой он в ту роковую ночь пытался отбиться от нападавших. Делал он это, видимо, мастерски, потому что при нем обнаружили трость в крови, а на соседней улице труп парня с пробитой головой. Фараз дорого продал свою жизнь.

Теперь во сне Фардин видел, как из той самой трости начала сочиться кровь, впитываясь в асфальт. Она из ручейка превратилась в мощный поток, захлестнувший Фардина по щиколотки...

Пробуждение сопровождалось сердцебиением и лихорадочным состоянием. Фардин сел, откинув влажную простыню, глядя ошалело в стену напротив. На поверхности стены, покрытой белой глянцевой краской, отражался розовый свет восходящего солнца.

Уже через полчаса, дожевывая на ходу бутерброд, Фардин садился в машину. Он намеревался до работы съездить по адресу, полученному от Лалэ.

Первый этаж, ставни-жалюзи на окнах заперты и покрыты пылью, ощущение, что в квартире давным-давно никто не обитает. Фардин не поленился зайти в подъезд и позвонить, а затем и постучаться в дверь. Тишина. Фардин испытывал ощущение, что за ним наблюдают. Он даже оглянулся. Напротив, через лестничную площадку, была еще одна квартира, и дверь в нее выглядела тоже нежилой, обшарпанной.

Он все же решил оставить записку. Несмотря на всю эту запущенность, Фардин пришел к выводу, что это имитация. И живут тут, и бурно проводят время, но так, чтобы до поры, до времени никто об этом не догадывался. Надо просто знать, как именно позвонить или постучать, а может, сперва позвонить по телефону?

По сути, обыкновенная конспиративная квартира. Скрепя сердце Фардин написал по-азербайджански: «Раф, не застал тебя, но очень хочу увидеть. Помнишь нашу улицу Камо, старый дом и заплывы в море вместо алгебры? Зайду в ближайшее время. Надеюсь, ты окажешься дома. Лалэ дала этот адрес. Фара Фируз».

Он злился, что пришел сюда, что пишет эту записку и вынужден вылезти из своей норы, тихой, удобной для наблюдения за окружающими. Он чувствовал себя так, словно его заставили бегать голым по городу.

Фардин намеренно не оставил ни номер телефона, ни свой адрес. Что, если записка окажется в чужих руках?.. Но если попадет к Рафу, то в следующий раз при появлении Фардина заветная дверь откроется.

Не успел Фардин отъехать от дома Рафы, и квартала не проехал, как на выезде на улицу Вали-е Аср рядом с ним поравнялся мотоциклист в темно-синем шлеме, поблескивающим на солнце. У него за спиной сидел пассажир, тоже в шлеме.

Движение из-за утренних пробок позволило им поехать рядом и стукнуть в стекло «Пейкана». Фардин опустил стекло. Одновременно с этим пассажир на мотоцикле приподнял защитный щиток на шлеме.

– Хочешь увидаться с Рауфом? Двигай за нами, – велел он и сразу начал движение, не дожидаясь комментариев или вопросов.

Поэтому у Фардина не осталось выбора. Вернее, он существовал – либо сломя голову пуститься во все тяжкие и ехать за неизвестными мотоциклистами, либо тихо-мирно проторчать в пробках еще минут сорок и добраться до работы. Прежний Фардин ратовал за второй вариант, а нынешний, обновленный после поездки в Венесуэлу, требовал решительных действий.

Фардин свернул в переулок, удаляясь от загроможденных машинами улиц. Мотоциклист словно забыл,

что пригласил Фардина следовать за ним, и прибавил газу так, что Фардин еле поспевал за ним. Мотоциклист, покрутившись по кварталу, прибыл к тому же дому, от которого Фардин отъехал двадцать минут назад.

– Он ждет, – бросил мотоциклист и снова захлопнул свое забрало.

В этот раз даже стучаться не пришлось. В чуть приоткрытую дверь на лестницу тянуло сквозняком, смешанным с запахами из квартиры – табак, кальян, пережаренная еда. Так пахнет, когда вместе живут одни мужчины, скажем, бригада строителей из Шираза, из приморских Хазарских районов или бойцы из «Моджахедин-э Халк», планирующие отнюдь не мирные мероприятия.

Узкий коридор, обшарпанные, окрашенные синей краской стены с царапинами, словно тут гробы носили, а скорее ящики с патронами и оружием.

У Фардина стало морозить затылок, еще когда с ним на перекрестке заговорил мотоциклист, так это ощущение до сих пор не исчезло.

Центр толкал его буквально в доменную печь, где он сгорит в секунду. Столько лет подготовки, адаптации, чтобы сейчас можно было получать уже более зрелые плоды труда и многолетнего терпения.

Но именно теперь все летит под откос. Фардин понимал, что без крайней нужды Центр не стал бы так разбрасываться разведчиками, но это понимание не утешало.

Мелькнула мысль, что сейчас навстречу выйдет не Мамедов, а офицер МИ. Засада вполне возможна, если вскрыли ячейку ОМИН.

Они не виделись почти тридцать лет, но у Фардина не возникло сомнений, что вставший ему навстречу здоровенный бородатый мужик тот самый Раф, бывший тоненьким, дочерна смуглым мальчишкой, который здорово играл в футбол в нападении, готов был за друзей в огонь и воду. Только вот между тем пареньком и нынешним мужчиной мало того что три десятка лет, но и переезд в другую страну, ислам, ставший для бывшего комсомольца чем-то большим...

– Фара, ну ты даешь! – со смехом заговорил по-русски Раф раскатистым басом. – Я-то думал, что тебя укокошили в 90-м. – Он шагнул к нему и обнял, крепко стиснув в могучих объятиях. – Ты исчез внезапно.

– До девяностого, Раф, дорогой, – сам того не ожидая, растрогался Фардин. – Успел до событий свинтить.

– Ну ты же перс! – хлопнул себя по лбу Раф. – Тебе сам Аллах велел. Лалэ тебе про меня сказала? Наша старушка Лалэ. – Он мечтательно закатил глаза. – Да, были деньки. Чего ты на часы поглядываешь?

– На работу опаздываю. Я ведь думал заскочить к тебе на минутку, чтобы договориться о встрече. Лалэ не знала твоего номера телефона, иначе я бы позвонил. А что это за хмыри на мотоцикле? Они меня, честно сказать, напугали. Я было подумал, что под меня копают.

– Да это мои приятели. Я их попросил тебя нагнать. А чего тебе бояться? – Его взгляд стал внимательным, шарил по Фардину, словно сканировал.

– Лучше не спрашивай, – отмахнулся Фардин.

Продумывая встречу с бывшим другом, он сочинил для себя нечто вроде девиза: «Естественность и непосредственность». Он не ожидал, что встреча состоится так быстро, но вел себя как и запланировал.

– И все-таки? У меня не праздное любопытство, – черные глаза Рауфа выглядели слишком серьезными.

– Да не хочу я об этом вспоминать! Что ты как на допросе? Давай договоримся о встрече, и я побегу...

– А где ты работаешь? Ты же не окончил школу, куда-то исчез.

– Я доктор биологии. Дед сорвал меня из школы. Я окончил ее экстерном, чтобы поступить в МГУ. А потом деда убили.

– А бабушка? – вспомнил Рауф. – У тебя же была бабушка. Она готовила отличную долму.

– Мы с ней вместе в Иран бежали. Она тут и умерла. Так ты приходи ко мне вечером. У тебя здесь нора какая-то, а не квартира. Я тебе черкну адрес, – Фардин достал из кармана блокнот. Быстро написал, поглядел на Рауфа: – А ты совсем не изменился, разве что борода. Как же я рад тебя видеть! Приходи часиков в семь.

—

В тот момент когда был налажен контакт с Рауфом и предстояла самая кропотливая работа, на горизонте Фардина возник Камран собственной персоной. Сам, в прямом и в переносном смысле, снизошел с седьмого этажа в лабораторию – царство Фардина.

– Приветствую, доктор Фируз, – он улыбался, и сотрудники лаборатории могли подумать, что они большие друзья с доктором, однако многие из них догадывались, кем является Камран, и не питали иллюзий на его счет.

Лаборанты попытались слиться с окружающей обстановкой, прильнули к окулярам микроскопов, забились за стеклянную стену из аквариумов. Фардину отступать было некуда. Он выбрался из-за письменного стола, ответил на рукопожатие и поглядел вопросительно.

– Что же вы, дорогой Фардин, словно избегаете меня? Вернулись из отпуска и до сих пор не зашли.

– А надо было? Я полагал, что необходимость в моем переводе отпала. Надеялся. Мне бы хотелось заниматься...

– Доктор Фируз, давайте поднимемся ко мне в кабинет, там договорим.

Залитый солнцем кабинет Соруша выглядел все так же умиротворяюще: кресла с резными спинками, через резьбу которых проходили солнечные лучи, а на полу лежала резная тень от них, создавали почти домашний уют.

– Присаживайтесь, доктор. Вам придется подписать пару документов, чтобы обезопасить себя, нас и ту работу, что вам предстоит выполнять, – он положил перед Фардином несколько листов.

– Что? – испуганно дернулся Фардин, едва пробежав глазами бумаги. – Секретность? Но позвольте, а как будет с возможностью выезжать за границу? Я люблю в отпуск путешествовать. Мне бы не хотелось сесть на приколе.

– У нас в Иране множество мест для отдыха и познавательных экскурсий, – цинично сообщил Камран.

– Я могу подумать? – Фардин продолжал ломаться, зная, что теперь, к счастью, он в Иране обеспечен связью.

Но необходимо вести себя естественно. Если обуза в виде секретности сваливается на обычного человека, и это не следствие его призвания и осознанного выбора, он трижды подумает, а стоит ли? Фардин мимически отыгрывал подобные сомнения.

– Не стоит, – Камран все еще улыбался, но интонация его изменилась. – Вам лучше уже остепениться. Знаете ли, поездки, свободная любовь... – он многозначительно взглянул на Фардина. – К тому же ваше прошлое. Арест. Будем говорить прямо, вы должны радоваться, что при всем этом государство поручает вам важную работу, оказывает доверие. Вы ведь добросовестный гражданин Ирана и хотите, чтобы наш Иран стал могущественным и процветающим?

– Конечно, – поторопился с ответом Фардин, отирая пот со лба. Теперь все предельно ясно. Камран не намерен давать слабину. – Арест был ошибкой. Меня отпустили. Разобрались и отпустили.

Фардин дрожащей рукой подписал документы.

– Да и вот еще что, – черные глаза Камрана уставились на Фардина пристально. – Не стоит пытаться задействовать кого бы то ни было или стремиться играть на два поля.

– Не понимаю, о чем вы, – Фардин похолодел и так заметно побледнел, что Камран отступился.

– Не важно. Будете иметь в виду мой добрый совет. Завтра же приступайте к работе. Ваш кабинет триста двенадцатый. Ваш непосредственный руководитель – доктор Омид. Он введет вас в курс дела.

Только оказавшись за дверью, Фардин сообщил, на что намекал Камран. Конкуренция между структурами внутри министерства информации. Узнав, кому принадлежит Симин, коллеги Соруша заподозрили, что и Фируз связан с разведкой МИ. Вот почему после приезда Фардина из Венесуэлы Камран не сразу вернулся к разговору о переводе в секретную секцию.

Соруш струхнул и поджал хвост, но не сдался. Осуществил проверку. Вряд ли о своих агентах или разведчиках МИ будет выдавать информацию кому бы то ни было. Наверное, у Соруша оказались хорошие связи.

В случае с Симин коллегам Камрана дали по рукам. Наверняка, когда те сунулись было наблюдать и за ней в Венесуэле, после того как Фардин привел их к ней. Но если речь зашла о Фардине и его принадлежности к МИ, то тут Камрану вполне могли ответить хотя бы «нет». Снизойти до ответа. Плохо в этой ситуации, что контрразведчики своими запросами могли обратить на Фируза еще большее внимание. Если только это был неофициальный запрос...

Полной уверенности у Камрана все же нет. Иначе он бы не завел сегодня этот пространственный разговор. Хотел посмотреть на реакцию. Ну и предостереечь от болтливости, если все же Фардин связан с разведкой.

Табачный дым сложился по комнате, рассеиваясь в чуть пыльным закатном свете. Рауф оказался не менее заядлым курильщиком, чем Фардин. Несмотря на свои религиозные воззрения, Мамедов принес с собой две бутылки виски и охотно пил сам и подливал другу.

А Фардин делал вид, что не знает о связи Рафа с ОМИН. Он намеревался получить эту информацию из первоисточника. А «первоисточник», разувшись, полулежал на низком диванчике с сигареткой в руке, расслабленный от приличной дозы принятого виски.

– Мирзаг¹ Фардин, – с усмешкой обратился он к Фирузу, – а ты неплохо устроился, дружище. Средний класс, да?

По дороге с работы Фардин купил барбари² и позвонил Шаисте, чтобы она приготовила что-нибудь к ужину. Она расстаралась и приготовила куфту чалау³ из баранины с чечевицей, рис и булани с кар-

¹ Мирзаг (азерб.) – устар. Почтительное обращение к ученым и образованным людям.

² Барбари – длинный овальный хлеб с хрустящими краями, с кунжутом.

³ Куфта чалау – бараны, говяжьи или телячьи котлеты в соусе.

тошкой. Родные афганские блюда Шаиста готовила лучше всего.

– Женщина у тебя есть? – оценил стряпню Раф. – А где она?

– Жениться слишком дорого. Мне по карману только прислуга-афганка. Она убирается и готовит иногда. А у тебя как с личной жизнью?

– Примерно так же. Дело не только в деньгах. Жизнь у меня слишком беспокойная, – он испытующе взглянул на Фардина.

Но тот не клюнул на первую попавшуюся наживку.

– В самом деле жизнь сейчас непростая, – посоветовал он. – Все безумно дорого. Санкции эти... Между нами говоря, иногда жалею, что уехал тогда из Баку. Теперь в Азербайджане, пожалуй, лучше.

– Почему не вернешься?

– Куда? – грустно улыбнулся Фардин. – Дома там нет, близких тоже. А тут квартира, машина, хоть и старенькая, работа. Еще бы власть сменилась, тогда и вздохнули бы полной грудью. К тому же в Баку СГБ вряд ли пропустит такой объект, как я. Перс, сбежавший из Советского Азербайджана, а затем вернувшийся спустя почти тридцать лет. Глядишь, еще и преследовать начнут, заподозрят бог знает в чем.

– Думаешь, азербайджанцам тут легче жить? – скривился Рауф. – Нас тут вроде много, но есть разница между теми, кто живет в Иране давно, и такими, как я, беженцами. Я здесь меньше, чем ты. Но ты вовремя уехал. В январе 90-го была самая страшная ночь, когда ввели войска. МВД, КГБ, «Альфа», корабли, вертолеты. Они перли по Сумгаитскому шоссе, – он передернул плечами, – стреляли по людям на балконах. Убили дядю Даниза, нескольких знакомых. Самая заварушка была у метро «11-я Красная армия». Столько трупов.

– А ты где был?

– Мать спрятала нас с братом в подвале. Не хотелось погибнуть от шальной пули. Потом я уехал в Москву. Там троюродный брат торговал на рынке. Рэкет, банды. Все это я проходил. Со стволом ходил, а на ночь под подушку его клал. Потом РУБОП на меня начал бочку катить. Я свалил сначала домой, в Баку, но меня объявили в международный розыск, и в Баку было тоже опасно оставаться. А потом я уехал в Ардебиль к родственникам. Мне в Азербайджан дорога заказана.

– РУБОП? – переспросил Фардин.

– Управление по борьбе с организованной преступностью. По большому счету, те же бандиты. Они частенько и крышевали сами. Кое-кого все-таки ловили, сажали, но большинство нашего брата сами друг дружку перестреляли.

– А здесь ты чем занимался? – Фардин пододвинул к нему пепельницу, потому что, заговорившись,

Рауф забыл о сигарете и с нее вот-вот мог упасть на диван столбик пепла.

– Да тем же самым. Только тут КСИР покруче УБОПа будет. За контрабанду руки рубят и за это, – он щелкнул ногтем по бутылке. – Мне вот тоже такая власть поперек горла. Слышал про ОМИН?

Фардин покачал головой и подлил виски себе и Рафу.

– Я бы, наверное, даже в ДАИШ подался, – признался Фируз, опрокинув в себя рюмку и закусив хрустящей корочкой барбари. – Такое, знаешь ли, разочарование во всем. Денег ни на что не хватает. Даже сигареты курю самые дешевые. На работе не дают разрабатывать то, что мне интересно... А что за ОМИН такой?

– Организация моджахедов иранского народа.

– Ах, это! Так они же, по-моему, националисты. А ты ведь азербайджанец.

– Не скажи. Я – иранец. Национально-освободительная армия Ирана, вооруженное крыло ОМИН, включает в себя различные оппозиционные организации, – он умолк и поглядел на Фардина вопросительно, ожидая реакции.

– Не напугал. Меня уже ничем не напугаешь. Меня ведь пихнули в тюрьму формально за то, что нелегально перешел границу. Если бы не заслуги дяди Ильфара – ветерана Священной обороны, я бы, наверное, погиб там...

– Били? – Раф сел на диване, вроде как протрезвев.

Его расслабленность исчезла. Черные глаза, внимательные, умные, выдавали быстрый ум. Он не получил высшего образования, но жизнь научила гораздо большему и не самому лучшему.

Как бы сложилась его судьба, будь у него такие наставники, как у Фардина? Алексеев утверждал, что Мамедов добился солидного поста в ОМИН. Что он сделал, чтобы попасть в организацию? Вряд ли просто за счет знакомств. Быстрый карьерный рост мог быть связан либо с терактами, спланированными или осуществленными Рауфом, либо с его участием в боевых действиях в Ираке.

Однако большинство членов ОМИН американцы разоружили и арестовали в Ираке. Большинство, но не всех. Именно тогда же, как подозревал Фардин, у американцев, и в частности у Д'Ондре, была возможность обработать оминовцев, отобрать тех, с кем впоследствии можно вести плодотворную работу, кому стоит платить, и это принесет результат.

– И били, и спать не давали. Не знаю, что бы со мной стало, если бы дядя меня не вытащил. И хотя потом мне палки в колеса не ставили на работе, меня не преследовали, но, как в анекдоте, «осадо-

чек остался». И знаешь, живу, в общем, неплохо, вот, как ты говоришь, квартира, машина, работа... А бывает, вскочишь среди ночи, таращишься в темноту и мысль только одна, что я снова в одиночке и сейчас за мной придут... – Фардин говорил с чувством. Ему не приходилось ничего выдумывать.

– Знакомая история, – Рауф поднялся, прошелся по комнате, поглядел на картину Симин. – Что это за расчлененка? – изумился он, разглядывая абстракцию. – Какой псих это нарисовал?

– Вообще-то это бык. И не сумасшедший рисовал, а молодая женщина.

– По мне, так это кровавая бойня, – Мамедов склонил голову к плечу. – А женщина эта того, – он покрутил пальцем у виска.

– Мне кто-то говорил, что ты жил в Ардебиле. Мы бы, наверное, так и не встретились, если бы я не стал ностальгировать и не нашел телефон Лалэ. Помотала тебя жизнь? Куда тебя еще заносило?

– К примеру, в Ирак, – Рауф все еще стоял спиной к Фардину. – Я же неспроста сказал тебе, что страшные сны после тюрьмы мне тоже знакомы.

– Ты в Ираке сидел?

– Недолго. И не били слишком. – Он сел в кресло за выступом стены, и свет от круглой лампы-шара не попадал на него. Только чуть поблескивали белки глаз в слабом отсвете. – В 2005 году.

– Как же ты выбрался? Сбежал? Ты к американцам в лапы угодил?

– В том-то и дело. Нет худа без добра, – Раф подался вперед, и его лицо выплыло из темноты. – Ты же понимаешь, что этот разговор между нами.

– Мог и не уточнять, – обиделся Фардин. – Про мои злключения тоже мало кто знает, я афишу не вывешиваю. Сказал тебе в расчете на старую дружбу. Или что-то поменялось?

– Нет, дружище, я прежний бакинский мальчишка, и вряд ли это удалось кому-то вытравить во мне. Загнали глубоко внутрь, но я все помню. Наши с тобой разговоры обо всем тогда у моря. Я отчего-то был уверен, что судьба нас еще сведет. А когда сидел в камере, все время вспоминал наше море, тихий плеск волн, песок на коже. Я не верил, что может в этой жизни все так банально закончиться. В одиночной камере с сырыми грязными стенами, исписанными по-арабски. Там ругательства перемежались с призывами к Аллаху. И меня бросало то в жар, то в холод, от молитвы – к проклятьям. А потом стал приходиться на допросы один человек, благодаря которому я жив и нахожусь здесь.

– Что за благодетель такой? – Фардин не поверил своим ушам. Неужели Д'Ондре?

– Неважно. Важно то, что благодаря их помощи мы можем снова подняться с колен. Нам бы только

встать, а затем американцев мы погоним взащей. Им это невдомек. Они думают, что могут манипулировать. Деньги и манипуляции – больше ничего. Но нам чужды их идеи. Кто-то считает парадоксом сочетание в ОМИН религиозности и левых идей устройства общества...

– Я вот лично ничего такого не считаю. Честно скажу, не такой уж я религиозный человек. Но верующий. С нынешними властями нас ничего хорошего не ждет – мы в инфляции и в страхе живем. Что видели иранцы? Свергли шаха. Пусть. Тот тоже был хорош. Но почти сразу началась война с Ираком. Арабы, конечно, ждали, когда мы ослабнем, но мы дали им прикурить. Однако целое поколение – инвалиды, если не физические, то в моральном плане. Мой дядька боится собственной тени. КСИР шныряет везде, Корпус все пронизывает в обществе не хуже, чем шахские псы из САВАК. Тех ведь тоже американцы натаскивали и моссадовцы.

Рауф согласно покивал. Они оба замолчали.

Фардин на самом деле так не думал. Наблюдая жизнь Ирана изнутри и в то же время отстраненно, он раз за разом приходил к выводу, что и в арабских странах, и в Иране, где хватало необразованной, неуправляемой и легко воспламеняемой молодежи, религия и власть – тот сплав, что цементирует общество, дает стабильность, кажущуюся извне застоєм и жесточайшей тиранией. На деле эти две составляющие являются основой, железобетонной, проверенной столетиями. Запад нанес удар сперва по власти, убеждая несознательное большинство, молодые, потенциально взрывоопасные слои восточного мира, в том, что их развитию и финансовому благополучию мешают правители в их странах. Второй удар пришелся по религиозной составляющей.

Попытка создания халифата – отличная задумка. Часть молодежи, фанатичная или разочарованная в действительности, их окружающей, ринется в ИГИЛ и погибнет в качестве пушечного мяса точно не во славу Аллаха. Остальные разочаруются в исламе. Единицы сохранят здравый смысл, не откажутся от своих корней, веры. А ведь самое коварство в создании ИГИЛ – борьба между суннитами и шиитами внутри одной религии, внутри одних территорий.

Фардин прислушался к себе и понял, что ему не жалко Мамедова. Судьба свела их в детстве, усадила за одну парту, подружила и разлучила по окончании школы, повела схожими путями. Они оба были вынуждены жить в тени, хоть и по разным причинам и с различными целями. Оказались в тюрьме, но один плотно молчал, другой, очевидно, пошел на сделку с американцами. Д'Ондре лично его вербовал или нет, это еще предстоит выяснить, хотя не столь важно кто именно, важен результат.

Не вытащи Ильфар племянника из тюрьмы, ничего бы не изменилось. Фардин так же твердо придерживался бы своей легенды.

– Фара, ты говорил, что работаешь в Медицинском университете? Так ты врач, что ли?

– Теоретически... – начал было Фардин и рассмеялся. – Вообще-то я занимаюсь исследованием водорослей. Но некие представления об анатомии человека у меня имеются. К чему ты спрашиваешь?

– Ты лечить можешь? Оперировать.

– Гипотетически да. Я интересовался медициной, помимо учебы в МГУ был вольным слушателем в Первом меде, – Фардин лукавил, вернее, излагал легенду. Он прошел спецкурс, мог оперировать, не ограничиваясь оказанием первой помощи. Это прорабатывали как вариант его трудоустройства в Иране, если не удастся найти себе применение по основной специальности. – А чего ты хочешь?

– Ты мог бы нам оказать большую помощь. Мы лишились врача в Ираке. А здесь где его взять? Проще водку купить, чем договориться полечить бойцов ОМИН в частном порядке. У нас есть хирургические инструменты, в препаратах нет нехватки. Этим нас снабжают. А вот врача заполучить уже полгода не удается. У нас парни есть на нелегальном положении, некоторые получали ранения в Ираке. Короче, возмемься? – Он увидел испуг и сомнение на лице Фардина. – Ты весь вечер толкал пламенные речи. Чего вдруг сдулся? Да, укатили тебя тут. Помню, в Баку ты отчаянным парнем был.

– Сравнил! Не боишься, что я кого-то из ваших на тот свет отправлю? Практики у меня ноль.

– Ничего, риск благородное дело.

– Сам же говоришь, никто не соглашается лечить бойцов ОМИН... Если только ты лично гарантируешь мою безопасность. Тебе я доверяю. Но имешь ли ты вес среди своих соратников?

– Не волнуйся. Я у них босс. Возглавляю одно из больших подразделений, в том числе базирующихся и в Тегеране.

– А что насчет бабок? Идея – вещь, несомненно, замечательная, но...

– Будет все. Но это не значит, что ты должен бросать основную работу. Так безопаснее, – Рауф растянулся на диване и прикрыл глаза. – Я переночую у тебя? Таскаться ночью под градусом небезопасно. Утром уйду рано. Будить не стану.

...Через час, когда Рауф похрапывал в гостиной, зазвонил мобильный. Лежащий без сна в спальне Фардин встревоженно глянул на экранчик мобильного. Симин.

– Куда ты пропал? – вкрадчиво спросила она.

Фардин представил, как она стоит у мольберта в ярко освещенной студии, в руках держит палитру и

кисти, телефон зажала между ухом и плечом, поверх длинного платья черный фартук, заляпанный красками. Когда пишет маслом, она заплетает пышные волосы в две косы.

Сейчас Фардин с наслаждением прижался бы к ее волосам, к теплым щекам, какие бывают у детей спросонья. Хотелось целовать ее лоб, глаза. Пыл у него нисколько не угас от осознания того, что произошло в Венесуэле.

Однако профессиональное в нем сидело крепко, и он решил подначить Симин. Не для того чтобы вызвать на откровения. Это вряд ли возможно на данном этапе. Но с целью хотя бы заставить оправдываться. Какие доводы она отыщет для оправданий?

– Мне сейчас не до свиданий. У меня на работе неприятности. Еще до отъезда шла речь о переводе в другой отдел. Там и заработок побольше. А после возвращения начались какие-то неприятные вещи. Сперва вообще тема с переводом заглохла, а потом все же перевели, но с намеками нехорошего свойства.

– А что за намеки? – игривость из голоса Симин исчезла. – Ты говоришь таким тоном, словно я в чем-то виновата.

– Не знаю, кто и в чем виноват, но мне начали говорить о неподобающем поведении в Венесуэле. Ты понимаешь? Как они узнали, что это означает? Тебе, может, грозят неприятности? Специальный человек у нас в университете (ты догадываешься, о ком я?) предостерегал не работать на два поля. Какие два поля? – Вопрос задан, и Фардин, устроившись поудобнее на матрасе, приготовился пожинать плоды.

– А что за отдел, в который ты перешел?

Фардин опешил от неожиданного контрудара. Теперь ему придется подбирать слова.

– Я не могу сказать. Да и к чему тебе это?

– Я хочу тебя видеть, – не ответила она. – В Каракасе так было хорошо.

Фардин запамятовал, что у женщин в диалоге всегда есть секретное оружие – женские штучки. Зачем отвечать на вопрос, если можно, скажем, улыбнуться и признаться в любви. Тем более что это неплохо работает. Собеседник обескуражен и млеет...

– Не поеду же я к тебе ночью. Такой визит уж наверняка не пройдет незамеченным. И соседи, и твой брат не те люди, которые одобряют поздний визит.

– Завтра загляни, – попросила Симин.

Она не сразу отключила телефон, будто слушала дыхание Фардина.

– С кем ты? – в спальню заглянул встрепанный Рауф.

– Знакомая. Чего не спишь?

– Слишком беспокойно сплю после Ирака. – Он прислонился плечом к дверному косяку. – Я вот сей-

час отчего-то вспомнил, как ты у меня тротил просил. До сих пор гадаю, зачем он тебе понадобился. Это же было после смерти деда Фараза? Ты выглядел тогда плохо.

– Я почти не помню те дни. Слишком расстроен был, – лукавил Фардин. – Кажется, хотел подорвать тех, кто убил деда. Мальчишество. Попытайся заснуть. Мне ведь завтра на работу.

– Да, извини, – Рауф ушел из спальни. Оттуда потянуло табачным дымом.

Мамедов и правда достал ему тротил. У него отец был военным инженером и любителем рыбалки. Браконьерской. Фардину же взрывчатка понадобилась для определенной цели. Он собирался взорвать сейф деда, который нашел в погребе под полом квартиры.

В последнюю встречу в Подмосковье, незадолго до гибели, дед сказал о существовании тайника, но не сообщил, где он находится.

Фардин отыскал сейф и взорвал, увезя за город, благо железный ящик оказался небольшим, самодельным, рассчитанным больше на то, чтобы содержимое не пострадало от огня, а не от воров.

Внутри лежал бельгийский браунинг, кажется, еще дореволюционный. Оглушенный от взрыва, Фардин продолжил исследовать содержимое сейфа, радуясь, что деду хватило ума не положить туда парочку гранат на черный день.

Два ордена Красной Звезды и орден Боевого Красного Знамени.

Взять их с собой Фардин не мог. Передать своим не рискнул бы. В тот момент его куратор велел не выходить на контакт в Азербайджане, только в экстренном случае. Это вряд ли можно было назвать экстренным. Поэтому Фардин, сложив дедово наследство в железную коробку и замотав в полиэтилен, закопал там же, за городом, рассчитывая когда-нибудь вернуться.

Затем он перешел границу с бабушкой, а через небольшой отрезок времени Союз развалился, похоронив под обломками мирок детства Фардина, и тайник в Баку, и, наверное, и сами заслуги деда перед Отечеством, которое не всегда оставалось с ним ласковым...

Осень 2017 года

Информация по секретной секции текла скудно. Поначалу Фардину нарезали только ограниченные участки работы, и в целом картинка начала вырисовываться далеко не сразу. Он не форсировал, занятый обработкой Рафа.

Те крохи, которые узнавал в университете, не спешил сообщать через книжный, чтобы не засвечивать лишний раз связного.

Хотя о возможном наблюдении он предпочитал не думать, учитывая тесное общение с Рауфом. Ведь если контрразведчики следят, то арест последует неминуемо, когда станет известна подноготная Мамедова.

Обнадеживало то, что Раф сам опасался слежки и осторожничал. При нем Фардин не мог продемонстрировать профессиональные навыки, не проверялся, полагаясь на то, что во время спецкурса у американцев Рафа обучили конспирации и привили навыки обнаружения наблюдения.

Но все же при мысли о слежке у Фардина возникло замирание, как если бы он стоял на подоконнике шестнадцатого этажа.

Несколько раз по вечерам после работы Фардин отправлялся к Рауфу на конспиративную квартиру ОМИН. Там он оперировал в специально оборудованной комнате. Ушивал ножевые ранения, извлекал пули. Не задавал лишних вопросов, прислушивался, запоминал, втирался в доверие. Стал своим парнем, человеком-невидимкой. При нем велись все более откровенные разговоры, во многом благодаря неограниченному доверию друга детства.

После очередной такой подпольной хирургической операции Фардин сидел с Рауфом все в той же прокуренной комнате, где впервые увиделся с другом несколько месяцев назад. Они ели лабу, купленную подручными Рафа. От блюда со свеклой пахло осенью. Зимой и поздней осенью вареную свеклу на улицах продают с тележек прямо на улице.

Фардин смотрел на кусочки свеклы, понимая, как быстро пролетело время. Вот уже осень. А существенного пока ничего, кроме разрозненной информации. Несколько фамилий руководителей групп, и не только ОМИН, но и азербайджанских сепаратистов в провинциях Ирана, и все. МИ такая информация пришлась бы кстати. Им было бы проще выявить этих субчиков, обезглавить группы провокаторов.

Но Центру маловато. Крайнее сообщение куратора содержало мутный намек, который сложно назвать приказом. Предполагалось, что каким-то немислимим образом Фардину придется действовать самостоятельно. Навести МИ на след заговорщиков, при этом не попасть самому под раздачу, потому что, как писали из Центра, «вас еще планируется задействовать. Излишне не рискуйте». Куда уж больше?

Фардин до последнего питал надежду, что реализовать полученную информацию, как козырную карту, Центр планирует сам, дабы выторговать что-нибудь у властей Ирана за помощь в предотвращении искусственной революции, срежиссированной

извне. Однако Центр, передав подобную информацию через официальные каналы, подвергнет опасности и Фардина, и, возможно, других, о ком Фардин и не догадывается, работающих на той же территории.

Попутно возникло еще одно задание, повергшее Фардина в уныние. Учитывая общение Фардина с представителями азербайджанской диаспоры, радикально настроенной, требовалось понять, насколько будет задействован официальный Азербайджан и будет ли? А главное, каковы шансы предотвратить вмешательство соседей в иранскую заварушку?

Фардин собирался воспользоваться тем, что они с Рауфом остались сегодня наедине. В последнее время ему не удавалось поговорить с Мамедовым с глазу на глаз. В квартире все время кто-нибудь толкался. Разные люди. Они приходили, стараясь остаться незамеченными для соседей, и уходили так же скрытно.

– Ты так оперируешь, словно всю жизнь этим занимался, – подивился Рауф. – Режешь, зашиваешь. Бр-р! Мне доводилось убивать, и не всегда с дистанции выстрела. Доводилось допрашивать с пристрастием. Но брезгливость никуда не делась. Хотя нас в Неваде водили в морг. Приучали к виду трупов, позволяя совершать с ними некие манипуляции.

Фардин поморщился. Он знал, что оминовцы довольно изощренно пытали своих же, попавших под подозрение. История про Неваду заинтересовала его куда больше.

– А что ты в Америке делал? Это из-за того человека, который вытащил тебя из тюрьмы?

– Между нами, – Раф подался вперед, почти соприкоснувшись лбом с Фардином. – Тот человек сейчас ого как поднялся. Теперь мы с ним не видимся. А тогда... Он назвался Роджером. Этаким красавчик, спортивный. Вроде не качок, стройный, но, видать, тренированный. Он, кажется, все про меня знал. Вся мою жизнь, и в Азербайджане... А получить там информацию свободно могут только цэрэушники. В общем, долго ему меня уговаривать не пришлось. Он ведь ничем не требовал поступиться. Делай, что делал, и получай деньги и поддержку.

– В Неваду-то тебя как занесло? – Фардин сосредоточенно ел свеклу.

– Бойцы сил спецопераций нас там тренировали на своей базе. Ее замаскировали под территорию министерства энергетики, – он усмехнулся. – Там было интересно. Пострелять дали из всего, что стреляет, обучили радиоделу и криптографии. Все серьезно. Я даже почувствовал себя немного шпионом. Но ты – ботаник, тебе этого не понять, да и не надо заморачиваться, – снисходительно добавил он.

– Пожалуй, что так, – согласился Фардин. – А почему он вообще к тебе прицепился? Ты разве уже был тем, кем являешься сейчас? Руководил?

– Честно? – с Рауфа слетел гордый вид. – Да, я ему стал особенно интересен. Это было заметно. Потом уже я анализировал... То, что я азербайджанец, его привлекло больше всего. Азербайджанская диаспора в Иране слишком многочисленная. Связи здесь, связи, оставшиеся там, – он махнул рукой за спину, имея в виду Баку.

– Они надеются, что Азербайджан поднимется? Вряд ли рассчитывают на авось. К тому же иранцы из ОМИН воспротивятся подключению Азербайджана к... Ну ты понимаешь... Завяжется гражданская война, ведь Баку давно ратует за присоединение Южного Азербайджана. У них свой интерес.

– Я не жажду войны. Сменить режим – да, но не война, – покачал головой Рауф. – А насчет Азербайджана, боюсь, ты прав. ЦРУ там неплохо себя чувствует. Работу проводит активную, на авось не полагаются. Мы скоро начнем. Хорошо бы Азербайджан поддержал, но без территориальных претензий.

– Это вряд ли, – Фардин встал, скрывая волнение. – Вот если Азербайджан к нам присоединить, – улыбнулся Фардин. – Пусть будет единый, как и раньше, но... в составе новой Персидской империи. Нельзя допустить, чтобы они начали дербанить Иран.

– А может, наоборот? – оживился Раф ехидно. – У нас ведь тут гораздо больше азербайджанцев, чем официально говорится. Миллионов сорок против двенадцати миллионов персов.

Фардин слышал о подобных подсчетах. В самом деле, многие этнические азербайджанцы при регистрации выдавали себя за персов, чтобы не возникло препятствий в карьерном продвижении. Однако азербайджанцы все же преувеличивали свое присутствие в Иране. Это тешило их самолюбие.

– Пора мне, – Фардин встал, потирая поясницу. – Не хочется простоять в пробках уйму времени. А ты считаешь, начнется скоро? Достаточно ли времени на тщательную подготовку? Или только американцам это ведомо?

– Ну прям! Мы тоже кое-какой вес имеем. Ду-маю, к декабрю управимся, – Раф встал, чтобы проводить Фардина до двери. – Если все пойдет, как мы планируем, сделаю тебя в будущем правительством министром здравоохранения...

Когда, оглядываясь, Фардин пробирался к своей машине, припаркованной на соседней улице, он думал о словах Рауфа, поражаясь его наивности.

Те, кто вершил революции или чьими руками их вершили, редко оставались у власти или совсем ненадолго, а еще чаще эти люди становились жертвой собственной деятельности. Расшатав общество,

разрушив структуру власти, они пожинают порой смертельные плоды.

Фардин предполагал, что некий Роджер вовсе не делает ставку на главарей оппозиции. Поначалу им дадут порулить, но вскоре, как водится, придут американские советники, а затем вынут из нафталина податливых руководителей или привезут из Америки или Европы кого-нибудь – предателя иранского народа, диссидента, готового на все.

На следующий день Фардин читал лекцию у студентов университета. В связи с работой в секции возможность преподавать он отстоял. Не из любви к педагогике, а из-за желания общаться с молодежью – неиссякаемым источником всевозможной, пусть порой и разрозненной, информации. Причем в университете училось немало иностранцев. Около пятидесяти процентов ото всех учащихся. Фардин читал лекции на английском. Азербайджанцы, как местные, так и приехавшие из Баку, в данном случае занимали Фардина больше всего.

Один из студентов напоминал Фардину его самого, молодого, полного надежд, переступившего порог МГУ. Эльнур Велиев с удовольствием задержался после лекции поболтать с преподавателем, так хорошо знавшим азербайджанский язык и родной Баку.

У Эльнура молодое свежее лицо с тонкими губами, чуть удивленным волооким взглядом черных глаз. Он подошел к высокой деревянной кафедре во время перерыва (была сдвоенная пара), и Фардин мог видеть только его сияющее лицо и плечи.

– Доктор Фируз, группа секреторно-выделительных тканей и структур – нынешняя тема лекции. Это же все относится к высшим растениям?

– Конечно, я с этого и начал. Это папоротниковидные, голосеменные, покрытосеменные и плауновидные. Я же в большей степени специализируюсь на низших. На альгологии.

– А я не знаю, вернусь ли на второй семестр.

Фардин только сейчас заметил, что улыбка Эльнура невеселая.

– Что случилось? Финансовые проблемы?

– Да нет, денег хватает. Просто ходят слухи, что будут беспорядки, – понизив голос, сказал Эльнур. – Отец боится за меня.

– Что за слухи? – как можно беспечнее спросил Фардин. – Мало ли кто и что болтает. Нельзя же всему верить. В Тегеране все будет спокойно. Ни президент, ни высший руководитель не допустят ничего подобного.

– Мне очень нравятся ваши лекции и вообще... учиться здесь, – он оглянулся на распахнутую дверь аудитории. Но в коридоре было пусто, там от сквоз-

няка похлопывал большой плакат с героями Священной обороны из числа сотрудников университета. – Но это не просто слухи. Мой отец работает там, где знают чуть больше, чем другие.

– В правительстве, что ли? – прикинулся дурачком Фардин.

– Доктор Фируз, это между нами, он работает в СГБ.

– Это уже серьезнее, – Фардин продолжал улыбаться, давая понять, что не воспринимает сказанное всерьез. – И все же. Неужели в Азербайджане, при всем моем уважении, знают лучше, чем мы здесь?

Эльнур пожал плечами:

– Во всяком случае, на второй семестр отец не собирается меня отпускать.

– Не расстраивайся. Мне почему-то кажется, что все в Иране будет хорошо. Я оптимист, знаешь ли.

На площади Фирдоуси Фардин зашел в павильон автобусной остановки. Очень кстати, ведь на улице начинался студёный дождь со снегом. Тут работал телевизор, подвешенный к потолку, а через стекла павильона можно было глазеть на улицу, как мерзнут торопящиеся пешеходы.

Фардина познабливало от волнения. Он особо тщательно проверялся, прежде чем прийти сюда и купить билет Тегеран – Мешхед за десять минут до отхода рейсового автобуса.

Его всегда поражало, зачем в Иране на автобусных билетах пишут наименования по-английски, а заполняют на фарси. Откуда, куда, цена, время отъезда на английском, а саму суть – на персидском. Это к тому, что друг поймет, враг не догадается?

Вчерашний звонок Рауфа выбил Фардина из колеи. Мамедов попросил о встрече на нейтральной территории, объяснив причину уже при встрече, у небольшого наргиле-кафе: «В квартире слишком много ушей». У Фардина некстати сработало воображение. Он подумал, что это стало бы эксклюзивным дизайнерским приемом – украшать стены ушами разных размеров, форм и цветов.

Они с Мамедовым забились в самый темный и задымленный угол наргиле-кафе, взяли кальян и чай. Рауф выглядел утомленным, а может, просто так тени падали на его лицо.

– Чем ближе к началу заварушки, тем больше вскрывается недочетов, то и дело слабые звенья возникают то там, то тут. Появляются сомневающиеся в правильности наших действий, – возмущенно заговорил Раф. – Все это уже в печенках! Доверять никому нельзя. Спецслужбы рыщут по городу, как

шакалы. Чуют неладное. Возможно, придется сниматься с места.

– Как я тебя тогда найду?

– Не волнуйся, я-то знаю твой адрес, – Раф хлопнул его по плечу.

– Так к чему паника? – Фардин не торопился взять свой мундштук кальяна, хотя Рауф уже жадно затягивался.

– Мне надо подбодрить наших бойцов в Мешхеде. Отправить некого. Никому не доверяю – это во-первых, а во-вторых, – он махнул рукой, – многие в розыске. Ездить куда бы то ни было – попасть под наблюдение. Пускай сидят до событий тихо.

Фардин понял, что Раф подбирается к главному, и это «главное» уже заранее не нравилось Фардину.

– Только тебе могу поручить. Ты же рвался участвовать как можно активнее. В Мешхеде у меня есть парень, тамошний командир оминовской ячейки – Фархад Гарун. От него стали поступать противоречивые отчеты. Кажется, он мне не доверяет. Боюсь, в последний момент они откажутся выступать вместе со всеми.

– А что ты от меня хочешь? Мало того, что меня на работе не отпустят, я только из отпуска, так еще и твой Фархад...

– Он знает уже, что ты приедешь. Вопрос решенный. Возьмешь за свой счет дня три, плюс выходной. Лучше на автобусе. Не на своей машине. Ну что ты кривишься? Потрясешься часов десять, зато так безопаснее. В дороге если кто-то будет спрашивать, куда и зачем едешь, скажешь, что паломник.

Фардин вспомнил, что в Мешхеде Харам-е Разави¹ – центр притяжения паломников-шиитов со всего мира.

Мамедов дал ему адрес Фархада, вернее, явочной квартиры ОМИН в Мешхеде.

– Ты красноречив, умеешь убеждать. Надо чтобы Фархад не отступился. Взбодри его. А главное, это, – Раф протянул сверток под столом. – Лучший аргумент.

– Раф, ты спятил, что ли?! Представь, меня задержат, я талдычу, что паломник, а в кармане бабки. Небось доллары?

– Никто тебя не задержит! – отмахнулся Рауф. – Поезжай. Ты мое доверенное лицо.

И вот на следующий день это «доверенное лицо» сидело в заднем ряду рейсового автобуса. Трястись предстояло до утра. С остановкой в Себзеваре.

По вечернему Тегерану проталкивались долго по пробкам, а затем выехали за город. Когда проезжа-

¹ Харам-е Разави (перс.) – мавзолей имама Резы. Реза – восьмой шиитский имам, считается потомком пророка Мухаммада в седьмом поколении. Один из самых известных знатоков Корана и мусульманского права.

ли мимо книжного магазина, торгующего самоучителями по английскому языку, Фардин вспомнил про другой книжный. Там его должно ждать послание из Центра.

В автобусе большинство были паломники, остальные – торговцы, судя по опустевшим баулам, которые они долго записывали в грузовой отсек. От этих мужичков в старых помятых костюмах пахло чесноком, табаком и специями, которыми пропитывались все, кто побывал на базаре.

Стюарды раздали сухпай, входящий в стоимость билета: сок, бисквит и пачку вафель. Не особо хотелось есть среди ночи. Сильнее Фардин жаждал курить. Достал пачку сигарет и ерзал в кресле. К его радости, автобус остановился – спустило колесо, и можно было выйти перекурить. Другие пассажиры тоже высыпали на ночное шоссе, мокрое и стылое.

Обочина блестела от выпавшего и стаявшего снега. Торговцы курили, обсуждая, насколько задержит автобус поломка. Хотя по опыту Фардин знал, что в Иране народ больше изображает деловитость, чем на самом деле куда-нибудь торопится. Причем мужчины отличались болтливостью не меньшей, если не большей, чем женщины.

Уже колесо подкачали совместными усилиями и с помощью полезных советов и перекурили по два раза, а все еще стояли, обсуждая, какие колеса лучше, какие насосы эффективнее и все в таком духе.

Фардин вернулся в теплый салон и попытался снова задремать.

Омид довольно легко отпустил его, когда доктор Фируз соврал, что его дядюшка в Мешхеде совсем плох.

Сперва Фардин собирался назвать другой город, но не желал попасться затем на этом банальном вранье, которое имеет обыкновение всплывать в самый неподходящий момент, вызвав волну подозрений.

Хотя он здорово рисковал, указав верное направление. Сообщил Омид о внезапной поездке Камрану, тот может попросить своих коллег в Мешхеде приглядеть за доктором Фирузом. Одно утешало – он не сообщил вид транспорта и время отъезда. А до автобусной станции добирался со всеми предосторожностями. Нет, за ним не должно быть слежки. Да и к чему она теперь? В секции он работает уже не первый месяц...

У него сложилось впечатление, что Рауф чего-то недоговаривает насчет их группы в Мешхеде. Там не просто недовольство. Мамедов боится этого Фархада Гаруна. Не хочет, чтобы с ним пообщались его ближайшие подручные из Тегерана, а лучше – лицо незаинтересованное, «доверенное», которое не испугается того, что услышит, или не поверит в это. Кто не предаст.

Накануне событий всегда находятся особенно нервные персоны, готовые в последнюю минуту сбежать, донести. Не выдерживали нервы, у кого-то просыпалась совесть, кто-то боялся неизбежных последствий. Смертная казнь – это не то, к чему они все стремились.

Одним из бойцов говорили, что нужны преобразования в стране, другим внушали, что они станут героями, и играли на их тщеславии, третьи ненавидели власть по личным мотивам – либо сами отсидели в тюрьме, либо пострадали их родственники от репрессий.

Но были и те, кто осознанно шел на мятеж, ничем не оправдывая его, не подыскивая благородных целей. Авантюристы, жаждущие легких денег. Никакой правды они не искали, только приключений. Эти, с холодной головой, опытные, побывавшие не в одной заварушке, – самые опасные. Впрочем, именно с ними можно было договориться и банально их перекупить.

Фанатики, борцы за правду, будущие «герои» Ирана – те будут стоять до последнего. Они идейные. На них не действуют внушения, их не испугают пытки. Они готовы стать мучениками революции. Эти, как правило, необразованные, с затуманенными пропагандой мозгами. Если бы на их жизненном пути до вербовщиков ОМИН, ДАИШ и тому подобных организаций встретились, скажем, любители цветов, умеющие убеждать не хуже, фанатики стали бы поборниками настурции и петунии, воинами розы и хризантемы.

Ерзавшего в автобусном кресле без сна Фардина позабавила эта гипотеза. Но он понимал, что его предположение слишком уж гипотетическое. Все-таки этим парням требовалась идея высокая. Нет, цветоводами они бы не стали ни при каких обстоятельствах.

Что-то в природе этих людей заложено фатальное, обреченность, что ли, какая-то. Они, скорее, мотыльки, летящие на свет. Но не все же насекомые подвержены положительному фототаксису¹. Есть и те, кто отсиживаются в темном углу, под камнем, и никаким светом не прельщаются, сторонятся его. Есть и пещерные виды, которые вовсе нейтральны к свету.

А если свет – фальшивка? Ведь не существовало когда-то электрических, газовых, масляных ламп... Только естественные светила – солнце, луна.

Террористам-смертникам подсовывают такую фальшивку. На стадии подготовки перед ними все время идут люди с факелами – психологи, агитато-

¹ Фототаксис (др. греч.) – свойство насекомых ориентироваться и двигаться по направлению к источнику света или от него.

ры, инструкторы. Они убеждают, что знают верную дорогу, приведут куда надо. Подбадривают по пути. Вокруг крошечная темнота – шахидов ограждают от внешних воздействий, отбирают телефоны, изолируют от новостей и общения. Куда им еще идти, как не за людьми с факелами? А затем вдруг факелы в мгновение ока гаснут, и шахид уже летит в бездну, ведь «люди с факелами» привели его к краю каменистого обрыва.

...Фардин проснулся уже в Мешхеде, когда автобус завернул на автобусную станцию «Имам Реза». Здесь, в этом городе, втором по величине в Иране, почти все было пропитано духом веры – и улицы, и заведения имени имама Резы.

Года два назад Фардин приезжал сюда. В Медицинский университет имени Фирдоуси. Он с месяца читал лекции по альгологии. Жил в общежитии. Город знал неплохо и, не теряя времени, направился на площадь Бейт-оль-Могаддас. Перед входом в мавзолей располагалась камера хранения.

Внутри не пускали с сумками и фотоаппаратами. Это Фардин помнил еще с тех пор, когда был здесь. Сейчас он постоял несколько минут, понаблюдал. И понял: чтобы попасть к ячейкам камеры хранения и воспользоваться одной из них, необходимо сперва пройти охранников с металлодетекторами. Его это не пугало. Однако, если бы Фардин положил вещи в камеру хранения, а затем вышел бы с территории мавзолея, это вызвало бы подозрения. Вариант с камерой хранения отпал. Но он не собирался отказываться от идеи подстраховаться перед визитом к Фархаду.

Фардин планировал прощупать почву, прежде чем давать деньги Фархаду. Да и вообще, заявляться с деньгами к оминовцу, который, со слов Рауфа, начал нервничать и саботировать приказы Мамедова, просто-таки опасно для жизни. Деньги возьмет, а Фардина треснет по темечку, и дело с концом.

Поглядев на золотистый купол мавзолея издалека, пожалев, что не может сейчас присоединиться к сотням людей, заходящих на территорию Харам-е Разави, Фардин пошел прочь.

Вдруг он услышал биение барабанов и крики, усиленную динамиками грустную музыку. По улице двигалась странная процессия – мужчины, одетые в зеленые шелковистые рубашки, с транспарантами на зеленой ткани. Мужчины избивали себя цепями, собранными в пучок, как семихвостая плеть, били, не жалея сил.

В первую секунду испуганный Фардин решил, что начался мятеж, и Рауф обманул его насчет декабря. Но тут же с облегчением сообразил, что как раз в конце октября отмечают День страдания имама Резы.

По улицам шли плакальщики, занимаясь самоубиением в память об имаме. Фардин слышал, что раньше они били себя саблями, истекая кровью. Сейчас это стало более гуманной традицией.

Здесьняя конспиративная квартира находилась недалеко от железнодорожного вокзала и проспекта Данешгаха. На вокзале Фардин и оставил сверток с деньгами в камере хранения.

В глубине квартала, среди узких улочек, где асфальт настолько расплавлялся летом в жару, что стал вогнутым, как желоб, пахло сыростью и зимой. Градуса три сейчас держалось, а как солнце вечером зайдет, температура упадет до нуля, потянет холодом с горного хребта Биналуд, видневшегося из города.

Фардин очень хотел разведать побольше, поэтому не отказался категорически от поездки в Мешхед, но, приближаясь к нужному дому, слегка замандражировал. Почему Рауф с такой опаской говорил о Фархаде?

Когда Фардин условным стуком постучал в дверь, поднявшись на третий этаж, дверь со скрипом открылась сразу, словно его ожидали, стоя у порога. Высунулся парень в резиновых шлепках, тощий, смахивающий на наркомана.

– Чего тебе? – глядя под ноги Фируза, спросил он.

– Мне бы Фархада.

– Кого? – нагло переспросил парень.

Фардин оглянулся, прикидывая, как быстро он успеет сбежать по лестнице. Все-таки ему уже не двадцать и даже не двадцать пять, чтобы скакать по ступеням. От этого парня в шлепанцах можно и пулю в спину схлопотать, если он заподозрил Фардина.

«Да нет, стрелять в подъезде, посреди города, он наверняка не станет, – подавил в себе панику Фардин. – Иначе они спалят квартиру. Главное, чтобы он сам не оказался из спецслужбы».

– Я разве ошибся адресом? – рассердился он. – Мне сказали, что здесь Фархад. Позови его живо, некогда мне тут с тобой препираться.

– Ты от кого? – парень потер левой ногой икру правой. Казалось, что он сейчас сплюнет под ноги Фардину.

– Если ты не Фархад, то я не собираюсь тебе ничего объяснять!

– Пусти его, – велели из глубины квартиры.

Темный коридор, ни лучика света, словно дверные проемы в комнаты замурованы. Фардин пытался что-нибудь разглядеть, подспудно ожидая удара по голове. Но его не ударили. Голос спросил:

– От кого?

– От Рауфа.

– Азербайджанец? – уточнил тот же голос.

– Я похож на азербайджанца? – вопрос и интонация Фардину не понравились. Азербайджанцев тут, очевидно, не любят, хоть и вместе с ними собираются участвовать в мятеже. В этом, по-видимому, загвоздка. ОМИН ведь все же изначально иранская организация, националистическая, и они не хотят конкуренции в виде многочисленного этнического азербайджанского населения Ирана.

Его ответ вызвал смех, поскольку в темноте увидеть, на кого похож пришедший, не представлялось возможным.

– Иди, потолкуем. Ты должен был привезти деньги.

Парень в шлепках схватил Фардина за локоть и потащил в темноте куда-то, вдруг вспыхнул свет, когда сопровождающий распахнул черную штору, плотно закрывавшую дверной проем в комнату.

– Выйди, – велел мужчина средних лет, обращаясь к привратнику в шлепанцах.

Хозяин сидел на низкой скамейке скрестив бо- сые ноги и шевелил пальцами.

– Ты тоже азер?

– Нет, перс, – с той же интонацией ответил Фардин, пытаясь вести себя уверенно, говорил с легкой усмешкой. – Рауф предупреждал, что ты тут бузишь, волнуешься сам и волнуешь людей.

– Деньги где? Мне Рауф говорил, что ты бабки привезешь.

– Они в надежном месте, а мне надо сперва убедиться, что ты по-прежнему верен нам и на тебя можно положиться. Я-то склонен тебе верить.

– С чего бы? Ты же приятель Рауфа, – Фархад слегка сдulsя, не получив обещанных денег. Его власть над людьми зиждилась на тех деньгах, которыми его снабжали. Он сеял смуту, но вряд ли его теперь станут слушать, когда финансирование иссякнет, бойцы вернутся в общее с ОМИН русло, а Фархада уберут.

– Я ему такой же приятель, как и тебе. Послали, я приехал. Между нами говоря, азеров на дух не переносу. Не понимаю, как они пролезли в ОМИН.

– Ты это говоришь, чтобы спровоцировать меня, – догадливо покивал Фархад. Но даже не подозревал, насколько он прав. Именно спровоцировать его соби-рался Фардин, но имея совершенно другие мотивы. Не компромат для Рауфа он собирал, а на Рауфа.

– Не знаю, что у тебя с Рауфом за трения, но я его тоже недолюбиваю. Слишком тянет на себя одеяло. А с какой стати? Кто его выдвинул? Командует всеми! Я у него, можно сказать, полковой лекарь. Оперирую. Рискую наравне со всеми. Ни спасибо, ни в финансовом плане благодарности. Вот, понимаешь, наболело. Американцы нам деньги дают, и то хорошо. А при чем тогда здесь азербайджанцы?

– Присаживайся, – предложил Фархад. – Так бабки-то где?

– Да здесь недалеко припрятал. Не волнуйся. Все получишь. Просто Рауф запугал меня. Я опасался идти к тебе сразу с деньгами. Буду уходить, оставлю номер ячейки на вокзале и код. Сам заберешь.

– Американцы тоже лезут, но те платят, – согласился Фархад, закурив и предложив сигарету Фардину. – Пусть и не свои деньги – катарцев или саудитов... А вот азеры, те в самом деле поперек горла. Но ведь Рауф не местный, приехал из Баку в свое время. Ты знаешь?

Затягиваясь сигаретой, Фардин покачал головой, давая возможность оминовцу выговориться.

– Говорю тебе, из Баку. Он из СГБ, это точно! И такие люди у нас тут верховодят.

– Да ну, брось! С чего ты взял, что он из спецслужб? Он же воевал в Ираке, насколько я знаю. И уже давно в составе ОМИН.

Малосимпатичное и, пожалуй, даже уродливое лицо Фархада приняло лукавое выражение.

– Мы с Рауфом одно время жили в Ардебиле. Так вот я сам не один раз возил его на границу с Азербайджаном. Он ездил туда, говорил, что в Баку у него родственники остались.

– Ты уверен, что он пересекал границу?

– Своими глазами видел, более того, через несколько дней я приезжал его забрать. Конечно, может, он там и с родней встречался... – Фархад пожал плечами. – Не знаю, не знаю. По мне, так он слишком хитер, ловит рыбку в мутной воде. Ты поосторожнее с ним.

– Да я уж понял, что вляпался. Вместо борьбы за наши идеи американцы и азербайджанцы решают свои проблемы. Но все равно, как прежде, мы тоже жить больше не можем. Действовать надо в любом случае. Ты нас не подведешь? Мы выступим вовремя, втянемся в процесс, а там уж у нас всегда будет возможность всем дать по заслугам. Избавиться от чужаков. Ты понимаешь?

– Ты мне свой телефончик оставь, – попросил Фархад. – Своим надо держаться вместе. Мы-то выступим. Сделаем все, как договаривались. Так и Рауфу доложи, – он подмигнул. – Мы друг друга с тобой поняли. Я ведь опасался, что он пришлет какого-нибудь соотечественника, которыми он себя окружил. Побоялся, наверное. Мои бойцы сильно недовольны. Ушел бы посланник живым? Не знаю. Не уверен. Ты у нас побудешь?

– Да нет, ехать надо. Я уж и билет купил на поезд. А что?

– Нам бы тоже лекарь не помешал...

Фардин оставил Фархаду номер ячейки и код. А сам дошел до вокзала не чуя ног. Будь у него под ру-

кой такие же цепи, как у плакальщиков, он бы себя отходил ими за самонадеянность. Он, конечно, выкрутился, симпровизировал, однако дрожь не мог унять, даже когда поезд отъехал от платформы в направлении Тегерана.

Если встреча с Фархадом была проверкой от Рауфа и сегодняшний разговор записан, то Фардин построил его так, что сможет оправдаться перед Мамедовым. Скажет, что нарочно провоцировал Фархада, чтобы выяснить истинное отношение парня к Мамедову. Будет ли участвовать в революции, не спасует ли в последний момент?

Сам-то Фардин беседу записал. Это слишком хилое доказательство связи Рауфа с СГБ Азербайджана, однако он помнил, что Мамедов как-то упоминал, что в Азербайджан ему дорога заказана. Зачем соврал, если в самом деле все же ездил?

Перед эмиграцией в Иран он сбежал из России в Азербайджан. Раф оговорился, что его объявили в международный розыск. А что, если в тот момент его задержали сотрудники СГБ, обработали? Поставили перед выбором – или тюрьма, или работа в Иране. Могло быть и так. А может, уехал в Россию на заработки, где подвизался рэкетиром, уже по заданию спецслужбы? Тогда был завербован или вовсе кадровый разведчик, как и Фардин?

«Да нет, слишком много разведчиков на один квадратный метр улицы Камо, – подумал Фардин, покачиваясь в поезде и глядя на зимний Иран, пасмурный и щемяще родной. – С другой стороны, почему нет? Я понятия не имею, куда он направил стопы после школы. Надо бы попросить Центр пройти по следам Рауфа на предмет выявления его связи со спецслужбами. Проще это будет сделать в России, однако начать придется с Азербайджана, чтобы найти затем концы в Москве».

Так Фардин и сделал, едва добрался до Тегерана и до книжного магазина. А Рауфа он убедил, что Мешхед вступит в дело своевременно и без саботажа. Деньги парни взяли охотно и заверили в своей преданности делу.

А недели через две Фардин получил ответ из Центра.

Оказывается, как только в деле всплыла фигура Рауфа Мамедова, нынешний куратор Фардина подключил сперва к делу Алексеева, а затем, когда тот вернулся в Объединенные Арабские Эмираты из Венесуэлы, они, посоветовавшись посредством шифровок, решили, что личность Рауфа заслуживает более пристального внимания.

К моменту нынешнего запроса Фардина в Центре уже собралась информация о Мамедове. И не только...

Удалось отыскать сотрудника КГБ Азербайджанской ССР. В 1992 году тот уехал в Россию. Сбежал. И тому были веские причины.

Тогда уже существовала в МНБ практика, когда должности себе покупали, в прямом смысле слова. Набирали сотрудников по блату, без спецпроверок. К тому же изживали из Министерства национальной безопасности – предшественницы СГБ русскоязычных сотрудников. Устраивали экзамен на знание азербайджанского языка.

Сотрудника этого в спецслужбы России не взяли из-за справедливых опасений, хотя он рвался работать по специальности. Но помогли с трудоустройством. В связи с историей Мамедова его опросили осторожно.

Когда его опрашивали в 90-е, сразу после бегства из Баку, он сетовал что азербайджанцы развалили всю агентурную сеть и разведку. Во время нынешнего опроса он припомнил, что работу его коллеги все же кое-какую вели. В его бытность в МНБ он был в курсе подготовки молодых парней, ярых националистов, для заброски в Иран для диверсионной работы. Их дальнейшая судьба ему неизвестна, даже то, состоялась ли в итоге заброска этой группы или нет.

«Майору предъявили фотографии для опознания, в том числе и фото Мамедова, сделанное вами недавно, – сообщал Центр. – Он безошибочно опознал Мамедова, как одного из членов той группы националистов».

Фардина удовлетворил ответ, поскольку подтверждал его интуитивную догадку. Однако пока что эти сведения лежали мертвым грузом. Куда и как их применить?

Зато вторая часть послания из Центра его просто ошеломила. Это касалось Симин. Фардин не рассчитывал на такой подарок судьбы и презент от военных контрразведчиков, действовавших в Сирии весьма продуктивно.

Фардин считал себя патриотом в полном смысле слова, но Центру порой не слишком доверял, осознавая, что тот всегда придерживает информацию, выдает нелегалу только процентов двадцать и только тогда, когда считает необходимым это сделать. Фардин понимал, чем это обусловлено – в случае провала на момент ареста он должен обладать минимумом свежей оперативной информации. Даже не столько недоверием это было с его стороны, а подобием обиды мальчишки на родителей, которые из лучших побуждений дают ему только по конфете в день.

Сегодня Фардин получил из Центра «торт». Со свечками и фейерверками, с кремовой розочкой в виде Симин в самой середине кулинарно-разведывательного произведения.

Досье на художницу. Впрочем, Центр, как всегда, из полной информации ухитрился сделать фитюльку, но с подобной фитюлькой, как успел оценить Фардин, можно горы свернуть.

В Сирии удалось освободить из плена ИГИЛ нескольких иранских офицеров из КСИР. Один из них оказался сотрудником МИ, как выяснили российские военные контрразведчики. Иранцы – союзники, и речь не шла о грубых попытках вербовки, однако и прошляпить такой фрукт контрразведчики не могли. К тому же инициативу проявил сам офицер МИ.

Что уж там происходило – и в плену, и после освобождения, Фардину оставалось только гадать, однако Каве Сами, так его звали, наотрез отказался возвращаться в Иран. По-видимому, наши сотрудники инсценировали гибель Сами и вывезли его в Россию.

Высокопоставленный офицер МИ обладал таким широким спектром информации, что можно было лишь руки потирать и успевать записывать за ним. В службу, которой принадлежит Фардин, поступила та часть сведений, полученных от Сами, где он касался персоны некой Симин.

После событий в Венесуэле, произошедших с Фардином, в Центре вспомнили о тех крупницах информации, связанных с художницей, сопоставили, идентифицировали ее как ту самую Симин и уже все-ррез насели на Сами. И вот детали его откровений о девушке попали в руки Фардина.

От подробностей биографии Симин и ее становления, как сотрудницы МИ, Фардину стало не по себе. Он спрятал досье на крыше в тайнике с таким выражением лица, словно по ошибке вылил на себя ядовитый химикат. Ни смыть, ни обеззаразить, во всяком случае, до поры, до времени. Информация разъедала его изнутри, но Фардин решил выжидать до предельного градуса накаливания обстановки вокруг себя, чтобы использовать новообетенные знания в самый критический момент.

В книжном так заманчиво для ученого человека пахло бумагой, клеем от переплетов и особенно притягательно, остро и дерзко, от книжек с иллюстрациями. Тут продавались и канцелярские принадлежности. Напоминал магазинчик советский «Союзпечать», который обожали все мальчишки с улицы Камо. Там продавали пластмассовые значки с персонажами мультфильмов и всякую мелочевку вроде стеклянных шариков, перочинных ножей, календариков с переливающимися картинками.

От этих воспоминаний у Фардина портилось настроение. Во-первых, он понимал, как неумолимо время, а во-вторых, ему становилось жаль себя того,

маленького, словно он, уже взрослый, обманул его самые чистые и наивные ожидания от жизни...

Новость об отце Эльнура требовала и проверки, и осмысления. Студент мог соврать, чтобы перед уважаемым преподавателем подтвердить свои слова о предстоящих беспорядках. А если нет, что это дает в сложившейся обстановке, или парня стоит приберечь на перспективу? Но будет ли она, эта перспектива? Совершат переворот американцы рука об руку с Израилем и саудитами, и уже Эльнур вряд ли сунется в Тегеран, да и судьба самого Фардина окажется под большим вопросом. Ему тогда придется вести себя еще тише, чем до поездки в Венесуэлу.

А чем на деле может быть полезен Эльнур? Вербовка? Его психотип, который Фардин уже успел для себя определить, не слишком подходящий. С одной стороны, он готов и умеет подчиняться, привык к этой модели поведения с детства, с другой стороны – труслив и безынициативен. К тому же его отец не станет с ним откровенничать о делах СГБ, а шпионаж за папашей, скорее всего, быстро вскроется.

Захват взаложники – слишком грубо. А вот скомпрометировать парня, начать шантажировать отца и таким образом вынудить работать в пользу чужого государства – это да. Однако насколько он дождет сыном и на что готов пойти ради него?

Но время, время... Фардин физически чувствовал, как оно истекает, убегает, улепетывает. Он все время видел его «спину» перед собой, «спину», состоящую из шестеренок, идеально подогнанных друг к другу, промасленных, не отстающих и не спешащих. Порой оно работает на противников, неумолимо и неподкупно.

Все, что знал на данный момент, Фардин передал связанному. Он считал необходимым теперь почаще информировать Центр. В любую секунду все может измениться.

В своем сообщении в Центр Фардин настойчиво предлагал обратить взор на Азербайджан, поскольку очень велика вероятность, что Баку вмешается так или иначе в назревающие беспорядки. Их отношение и влияние на иранцев азербайджанского происхождения, связанных родственными узами, будет сродни керосину, который подливают в костер. Если взбунтуются азербайджанцы Ирана, не склонные к открытым выступлениям и агрессии, спровоцированные чем-либо, тогда власти Ирана не справятся. Провокацию устроить не так уж сложно. Достаточно вбросить фальшивку о том, что МИ массово арестовывает азербайджанцев и пытается. И поверят, и выйдут на улицы, а, встретив жесткий отпор силовиков, лишь усилят натиск. Будет бойня.

Фардин уже знал месяц, на который намечено начало событий, предполагая, что речь идет о

двадцатых числах. Большинство мятежей и искусственных революций планируют на конец года намеренно. Мировая общественность в подготовке к празднованию Нового года, а католики еще и к Рождеству – за неделю до Нового года не обрушится с комментариями, критикой, не станет собирать заседания, а после новогодних и рождественских каникул уже и не вспомнит, что существовала Исламская республика Иран, а появится другое государственное образование, полностью управляемое извне.

Кроме того, Фардин предположил в своем сообщении, превратившемся в аналитическую записку, что Роджер, упомянутый Мамедовым, – это Д'Ондре, и отсиживаться в ОАЭ американец не станет. Ближе к событиям переместится либо в Ирак, либо в Азербайджан. Сильные позиции у ЦРУ в обеих странах, но Баку предпочтительнее.

Основную ставку американцы и иже с ними делают на азербайджанских сепаратистов. Возможно, силы ДАИШ, уцелевшие в Сирии, через Ирак перенаправят в Иран. Рауф как раз познакомил Фардина с несколькими парнями, повоевавшими в Сирии.

Переезд Д'Ондре поближе к Ирану будет означать, что очередная «цветная» революция вот-вот стартует. Залп «Авроры» не прозвучит, просто такие, как Рауф, в разных городах Ирана получают сигнал к началу. По телефону, по Интернету.

Благодаря некоторым компьютерным программам даже обыватели довольно легко обходят препоны и пользуются Фейсбуком, запрещенным в Иране. А уж если дело касается контрабандистов, уголовников, оппозиционеров, то у них тем более не возникает препятствий.

С новоприобретенной книгой «Сравнительная биохимия водорослей» Фардин вышел из книжного с довольной физиономией человека, который давно мечтал узнать о сезонном изменении химизма водорослей и теперь, вернувшись домой, наконец прочтет об этом.

Домой он, правда, не пошел. Все чаще проводил вечера у Симин. Особенно после сообщения из Центра. Он возлагал на нее большие надежды.

После того ночного телефонного разговора с ней что-то изменилось. Даже ее брат стал смотреть на его появление в неурочный час с удивительной для мусульманина лояльностью.

Фардину пришла в голову крамольная мысль, что никакой он не брат Симин, либо, что тоже возможно, она имеет авторитет в семье из-за своей популярности в мире искусства, а, как следствие, финансовое благополучие позволяет ей содержать брата с семьей, и он воздерживается от комментариев по поводу ее личной жизни.

Фардин тешил себя надеждой, что нравится ее брату. Человек не слишком молодой, хорошо образованный, ученый... Как он может не вызывать симпатию?

Оставшись вдвоем, Фардин и Симин подолгу сидели обнявшись на деревянном диванчике в ее мастерской. На мягких подушках с шелковыми наволочками, диковинно расписанными самой Симин. Верхний свет не горел, лишь бра за изогнутой спинкой дивана, от которой сладковато пахло сандалом. Даже запах масляных красок не забивал этот тонкий древесный аромат.

Они молчали. Ночь накрывала Тегеран, осенняя, уже почти зимняя. Фардину хотелось впасть в спячку, как зверю, как медведю, забиться в берлогу вместе с Симин и чтобы про них забыли. Он вел мысленный диалог с ней, рассказывая все, о чем никогда никому не расскажет. Симин, возможно, делала то же самое. Молчаливая исповедь.

После того ее ночного звонка, дней через пять, в субботу, в первый же рабочий день недели, его вызвал Камран. Вдруг медоточивым голосом стал спрашивать о здоровье, о том, как доктору Фирузу работает на новом месте, всем ли он удовлетворен?

Настороженный Фардин связал эти экивоки с вмешательством тех, кто стоит за Симин.

Любое внимание к своей персоне он воспринимал как сигнал тревоги и благодарности к Симин не испытывал. Сладкие речи Камрана непременно обернутся новой удушающей волной проверок.

Он стал проверяться с удвоенной энергией. Вот и в этот раз, возвращаясь от Симин, расслабленный и поглощенный лирическими мыслями, около своего дома Фардин все же сосредоточился.

Припарковав «Пейкан» привычно на соседней улице, он заглушил двигатель. Мотор урчал, остывая и все еще источая тепло.

Фардин внимательно разглядывал улицу через лобовое стекло и через зеркала заднего вида, опустил стекло, прислушался, ощущая, как щеку холодит декабрьский ветерок. Температура около нуля, а то и легкий минус. Точал со снежной вершиной белым призраком парит над городом...

Проезжали редкие машины. Из темноты салона Фардин провожал их взглядом и редких пешеходов. Наконец он решился выйти, закурил, обошел вокруг «Пейкана», попинал колеса. Ему не хотелось идти домой. Он не испытывал прежнее чувство пусть и мнимой, но безопасности – ни в городе, ни дома, ни на работе...

Кубы со стеклянной передней гранью, из которых состоял дом, виднелись издали, теплились светом. Фардину показалось, что и в его окне отсвет,

словно на кухне или в коридоре (в глубине квартиры) включена лампа. Он убедил себя, что это отблеск от уличных фонарей, но замедлил шаг.

Метка около пожарного шкафа, на пути от лифта до двери квартиры, была нарушена. Да и сама дверь не заперта. Прикрыта, но все же оставалась щелка.

Холодный пот выступил щедро у него на лице, будто он шел по лесу ранним утром и наткнулся на паутину в бисеринках ледяной росы.

Бежать бессмысленно. Если его пропустили, в квартире работает опергруппа. Обратного уже не выпустят. Ловушка захлопнулась.

Он прислонился к стене, пытаясь собраться с мыслями. Несколько секунд, чтобы взять себя в руки.

Почему они действуют так открыто? Наглость МИ свойственна, таким образом напугать, деморализовать – это правильно. Однако глупо. Никто из опытных контрразведчиков не допустит, чтобы шпион, понимая, что все кончено, оставался хоть на малейший промежуток времени предоставлен самому себе. Если при нем материалы, он их может уничтожить, да и себя... уничтожить.

К Фардину вернулось самообладание.

«Нет, тут что-то не то, – подумал он. – И на грабителей не похоже. Замок цел, не взломан...»

Он тихонько приоткрыл дверь и увидел на ковре из Кермана кроссовки тридцать седьмого размера. Поскольку ему лично пришлось выложить за эту растоптанную уже пару, пострадавшую в футбольных баталиях, кругленькую сумму, Фардин прекрасно знал, кому они принадлежат.

– Дильдар! – крикнул он раздраженно, но все же испытывал облегчение. – Где ты там?

Из кухни вышел мальчишка с бутербродом в руке и обманчиво виноватым лицом, однако уверенный в своем праве находиться здесь и шуровать в холодильнике.

– И каким ветром тебя занесло? – Фардин стал разуваться, а развязывая шнурки, заметил, как дрожат пальцы.

Сын дожевывал и не торопился отвечать, рассматривая макушку отца, склонившегося над ботинками.

У Дильдара были ключи. Деньги Фардин обычно завозил его матери сам, но, видно, сын решил выклянчить что-то сверх ежемесячной суммы. Похожий на Фардина серыми глазами, а на мать особенно темной кожей (она из южных районов).

«И наглостью он в нее, – подумал Фардин, поставив ботинки аккуратно, как обычно, носком к носку, задником к заднику. – Только деньги клянчит».

– Убери кроссовки с ковра! Кто тебе разрешил прийти? Ты знаешь, который час? Чумазный и с гряз-

ными руками... Иди умойся, я вызову такси, и отправляйся домой. Мать вообще знает, что ты здесь?

Фардину не требовались ответы или комментарии. Он читал Дильдара как открытую книгу. Довольно живая мимика мальчишки выдавала его с головой.

– Я хочу остаться. Вы совсем не приходите, – заныл Дильдар. Он обращался к Фардину на вы, как принято во многих семьях Ирана. – Только не говорите, что у вас нет времени, я видел вас несколько раз в нашем квартале. Вы приходили к дедушке Ильфару. А дед врет и сердится. Якобы вас у него не было.

Фардин ходил к Рауфу, а не к дяде. Он разозлился, что сын знает больше, чем надо, и хлопнул Дильдара книжкой о водорослях по макушке.

– Я кому сказал, руки мыть! И физиономию. Можешь не хныкать. Сейчас же отправишься домой. Будешь спорить, узнаешь, какая у меня рука тяжелая.

Сгорбившись, Дильдар побрел в ванную комнату.

Фардин старался не приближать его к себе по определенным причинам. Он не мог планировать и прогнозировать собственную жизнь. К тому же с ним самим дед с бабушкой держали дистанцию, по принципу знай свое место. Он не хотел и не умел обращаться с сыном по-другому. Никаких нежностей, никаких послаблений. Хотя воспитывала Дильдара по большей части мать, как чаще всего и бывает в мусульманских странах.

Умытый, грустный, Дильдар вернулся в коридор. Привыкший из матери вить веревки, он наткнулся на отца, как на бетонную стену.

– Уроки небось не выучил, отметки плохие. Так? Что ты вдруг тихим стал? – Фардин шагнул к мальчишке.

Тот испуганно попятился.

– Я, я... – пытался собраться с силами Дильдар. – Разбил...

– Чего ты там бормочешь? – поторопил Фардин, взглянув на наручные часы.

– Разбил, разбил... – продолжил мямлить мальчишка, – портрет.

– Чей, где? – начал терять терпение Фардин.

– Хом... Хомейни, – голос у Дильдара совсем иссяк, как и остатки его смелости.

– Лучше бы ты башку себе разбил! – Фардин прикинул, не будет ли каких-нибудь политических преследований за разбитый портрет аятоллы Хомейни. Он решил хотя бы провести отцовскую профилактическую работу: – Ты знаешь, кто такой аятолла Хомейни? Это наше все! Благодаря ему мы имеем наш Иран, независимый, сильный... Как у тебя, шалопаю, рука поднялась?

– Это была кроссовка... Ай!

Дильдар получил крепкую оплеуху от отца.

– Ты еще и ботинком в портрет швырялся? – закричал Фардин.

– Он не мой. Это Шада. Сначала он в меня кинул, а я ответил и попал... – сдерживая слезы, ответил Дильдар.

– Вот чем ты в школе занимаешься! – Фардин снова замахнулся, Дильдар зажмурился, но не закрылся, покорно ожидая трепки. Фардин не ударил.

– Мерзавец, бездельник. Хотел велосипед? Ничего не получишь! Тебя выгоняют из школы?

Дильдар приоткрыл один глаз, затем и второй, поглядел удивленно.

– Никто не выгоняет. Учитель велел вам завтра прийти, надо будет деньги за портрет отдать, – Дильдар шагнул назад. – Портрет большой был... Наверное, дорогой...

– У тебя школьная сумка с собой?

Увидев, что Дильдар кивнул, Фардин позвонил бывшей жене.

Он решил оставить сына у себя до утра, а перед работой заехать вместе с ним в школу. Зиба поклядисто согласилась, чем вызвала у Фардина подозрение, что она и отправила сына к отцу, чтобы не раскошелиться на портрет.

– Всыпь ему как следует, – попросила она. – Он совсем не слушается.

– Мать хочет, чтобы я тебе всыпал, – он решил погугать Дильдара. – Надо бы за хулиганские выходки. Скажи спасибо, что я устал. Но ты дождешься у меня, дрянной мальчишка!

Дильдар, опустив голову, ждал вердикта. Но Фардин отправился в спальню, не желая больше разговаривать. Оттуда крикнул:

– Спать ложись в гостиной!

Среди ночи Дильдар пробрался к нему на матрас и, свернувшись калачиком, уснул рядом. Фардин проснулся от его дыхания. Испуганно вздрогнул, увидев почти черный силуэт на светло-серой простыне. Он подтянул одеяло на сторону сына и укрыл его. Затем порывисто встал и вышел на кухню.

Подогревающийся самовар жил своей жизнью, сипел, пофыркивал. В полутьме горел его красный огонек и проникал свет из окна – этого было достаточно, чтобы не потерять ориентиры на маленькой кухне. Фардин, наверное, с час сидел на табуретке, курил и смотрел в окно. Так и не стал пить чай, просто слушал, как подогревается самовар. Этот звук умиротворял.

...Утром пришлось внимать нотациям строгого учителя. Его отчитали, будто он сам школьник. Фардин осмотрел объект приложения кроссовки Шада. Расколотую раму. Портрет Хомейни уже бережно извлекли.

Шад – афганский мальчишка, в такой же школьной серой рубашке, как у Дильдара, вился в коридоре, пока Фардина пользовал учитель. Чует кошка, чье мясо съела.

Афганцев в школах становилось все больше. Афганцы, приезжающие для черных работ, здесь плодились и размножались. Им не хотелось возвращаться в нищий Афганистан. Иранцам не слишком нравилось это нашествие. Уже были случаи конфликтов, в том числе и среди школьников. Дильдар с Шадом, судя по их перешептываниям, закадычные дружки.

Дильдар с самого утра был тихий. Сама скромность. Он еще надеялся получить велосипед – отец покипитится и простит. Но вышедший от учителя с опустошенным кошельком и рассвирепевший, Фардин не производил впечатления человека, готового остыть и раскошелиться на велосипед.

Он схватил Дильдара за локоть и отвел в сторону от любопытствующего Шада.

– Не смей водиться с этим оболтусом! Вины оба, а расплачиваюсь я один. Куда это годится? Ты у меня дождешься! Вот заеду вечером к тебе с матерью и выпорю как следует.

Дильдар сопел и молчал, делая вид, что воспринимает это не как обещание, а как угрозу, не слишком его напугавшую.

Фардин заехал к дяде Ильфару, благо попутно. Ильфар сидел во дворе закутавшись поверх свитера в какую-то дурацкую шаль. Он мастерил очередную фоторамку для своего кухонного пантеона. Дядя все еще сердился – с лета не звонил. Сейчас взглянул угрюмо и не поздоровался.

– Я не уговаривать тебя пришел, – сказал Фардин. Он положил на верстак перед Ильфаром плотный конверт с деньгами. – Вот тут немного риалов. купишь велик Дильдару ко дню рождения.

– Еще чего! – опешил Ильфар, за раздражением пряча тревогу. – Во-первых, я не нищий, во-вторых, ты сам можешь.

Фардин переступал с ноги на ногу, искал сигареты по карманам, но они кончились. Он пододвинул конверт, покашлял...

– Нет-нет, пусть будут. Я его наказал, обещал не покупать, а... все же...

– Темнишь, – пожал плечами Ильфар. – Твой дед точно так же исчез. Все его родные, которые оставались здесь, искали его. Негласно, конечно. Боялись обратить на себя внимание. Подозревали, что его арестовала шахская служба. Но оттуда никаких вестей поступить не могло... Только когда он прислал весточку из Союза, под другим именем, разумеется, родные все поняли. Да и в письме Фараз эзоповым языком изъяснялся. Догадались, что это он, сразу

письмо уничтожили. Он же был из Хизби «Туде». Ты ведь знаешь об этом?

Фардин кивнул.

– Если что, меня не ищи. Будут спрашивать, скажешь, что мы давно в ссоре. Что бы ни говорили, стой на своем.

– Да что случилось-то? – Ильфар в сердцах отбросил стамеску.

– Ничего. Надеюсь, ничего и не произойдет. Ты деньги-то прибереги.

Фардин сам не решился снова идти за ответом из Центра. Такой вариант они оговаривали с Алексеевым. Нет ничего странного и подозрительного в том, чтобы отправить лаборанта из прежней лаборатории Фардина в магазин за книжкой. Парень с охотой исполнил просьбу бывшего шефа. Даже если бы он решил по дороге сунуть нос в книгу, не увидел бы там ничего предосудительного.

Чтобы он принес не одну только книгу, но и рабочие материалы, дабы не вызвать подозрения, загодя Фардин попросил лаборанта подготовить ему справку по биологическому анализу воды с помощью водорослей.

Если нет возможности взять анализ воды в том или ином водоеме, то водоросли станут тем косвенным признаком, по которому можно определить степень загрязнения. По сортам размножающихся водорослей и количеству. Именно этим сейчас усиленно занимался Фардин, безусловно понимая, что эта работа напрямую пригодится разведке Ирана. За взятие проб земли и воды в районе, в котором заинтересованы спецслужбы Ирана, можно угодить в тюрьму. А вот просто посмотреть на водоросли и сличить их со спецтаблицей (ее составлял Фардин и его лаборанты) – в этом нет криминала. Просто человек интересуется биологией. Именно биологией, так как водоросли не относятся к разделам ботаники.

Лаборант воспользовался обеденным перерывом и съездил за книжкой для доктора Фируза. Он принес ее, как и просил Фардин, с распечаткой материалов по запросу доктора. Он передал документы через охранника, сидевшего за стойкой, отгораживающей ту часть коридора, где располагались лаборатории и кабинеты сотрудников секретной секции, от другой половины коридора, где работали обычные сотрудники. То, что передавалось через охранника, в том числе и почта, развозилось на специальной тележке по кабинетам одним из ассистентов начальника секции.

Фардин слышал скрип колес, когда обеденное время еще не закончилось. Он размышлял о том, как

предотвратить затеянную американцами бучу. Последнее время он постоянно перебирал мысленно варианты – имена, фамилии, должности, адреса всех тех, с кем сводила его судьба в Иране. Кому он мог сообщить горячую информацию с перечнем имен азербайджанских сепаратистов и бойцов из ОМИН, о которых Фардин уже успел узнать? При этом надо, чтобы тот, кому удастся изложить информацию, не только был бы в состоянии принять самые решительные меры, но и ни в чем не заподозрил бы Фардина, дабы тот смог продолжить тихо-мирно работать в Тегеране.

Кое-какие варианты имелись. На вечеринках, куда Фардин активно ходил в последнее время, встречались среди золотой молодежи Ирана дети высокопоставленных чиновников. Но во-первых, это всего лишь их дети, а не сами чиновники, а во-вторых, шапочное знакомство, к тому же не возобновляемое уже многие месяцы, не гарантировало, что Фардина воспримут всерьез. Нет. Надо было выбрать кандидатуру идеальную – второй попытки не будет, и продумать линию поведения. Вероятнее всего, придется действовать не самому лично. Тогда увеличивается риск провала, без личного контроля. Фардин способен импровизировать, но требовать вдохновения и импровизации от посыльного не приходится. Да и где взять такого посыльного, посредническое звено? И время, время... Чем дольше Фардин думал, тем безнадежнее виделось ему мероприятие.

...На излете обеденного перерыва Фардин поднялся на крышу университета с книгой под мышкой. Цветы в кадках ударило ночным морозцем, окна оранжереи запотели, но внутри зеленели растения, которых легкие заморозки не страшили. Внутри несколько сотрудников работали, проигнорировав обед.

Полученная от связного информация, зашифрованная в купленной в книжном магазине книге, еще больше заставила волноваться. Центр подтвердил правоту его выкладок. Это был тот исключительный случай, когда Фардину совершенно не хотелось гордиться своей правотой.

В Баку прибыла группа, состоящая из американцев и израильтян. Неизвестно доподлинно, есть ли среди них Торнтон, он же Д'Ондре, однако, как общал из ОАЭ Алексеев, там Д'Ондре нет. Он уехал из Эмиратов, во всяком случае, такую информацию давали в американском посольстве, кто бы его ни спрашивал.

По разведанным, группа иностранцев в Баку встретила с министром по делам азербайджанской диаспоры в Иране. Какие полномочия у этих «специалистов», если они запросто встречаются с

министром страны? Независимой. Затем последовало общение в меджлисе и в Минобороны, а после со студентами-иранцами, азербайджанцами по происхождению, и с некоторыми депутатами.

Просочилась информация, что прибывшие спецы готовят людей на базах в Азербайджане для последующей заброски провокаторов, способных в мгновение ока стать диверсантами-террористами, когда понадобится. Когда заварится каша. Кровавая каша.

Однако во время последних разговоров с Рауфом, буквально две недели назад Фардин с ним виделся (одному из бойцов пришлось удалять осколок, который вдруг дал о себе знать спустя годы, вызвав воспаление), речи об открытой помощи от Азербайджана не шло. Уж Мамедов должен бы знать об этом. Он относился к возможности подобной подмоги скептически. О нынешнем руководстве Азербайджана сказал: «И вашим, и нашим – вот их лозунг! Не будут ссориться с ЦРУ, однако и в драку не полезут. Мало ли, здесь не получится, а революция, чего доброго, к ним перекинется. Да и бои на границе, гражданская война. Они сперва ввязались в эту историю, поскольку не думали, что все это не шутка и придет к логическому завершению».

Фардин сидел на скамье под навесом на крыше университета в накиннутой на плечи куртке, прикидывая, куда бы в ближайшие дни податься, чтобы хоть наметить, в каком направлении двигаться дальше.

Самое перспективное – напроситься к дочери Омида. У нее собираются особо ценные кадры. Но весенне-летний сезон вечеринок у бассейна закончился. Девушка грызет гранит науки в институте. Но все же попробовать стоит. Мелькнула отчаянная мысль подкинуть информацию под дверь МИ.

Исключать наблюдение за своей персоной Фардин до конца не мог, поэтому для контрразведки вычислить «анонима» не составит труда.

Навалилась еще одна проблема. Всю неделю Фардин не чувствовал наблюдения. Никакого. Он не замечал слежку и раньше, но ощущал ее, не постоянно, но очень профессиональную.

И вдруг ощущение пропало. Совершенно. Будто Фардин что-то потерял и не мог отыскать. Он доверял своему чутью, но сперва отнес это к усталости. Нельзя жить в напряжении слишком долго. Срабатывает механизм защиты, и чувства притупляются. Но прислушавшись к себе, Фардин понял – слежку сняли.

Могло быть два объяснения этому. Первое – слишком оптимистичное, сигнализирующее, что проверки теперь уже в самом деле окончены и от него отвязались. Тому подтверждением стало расширение спектра задач в работе в секции. Но быть оптимистом Фардин не мог себе позволить, учиты-

вая, что на протяжении этих месяцев общался с парнями из ОМИН.

Что, МИ закрыло глаза на это? Или все же удалось сохранить все в тайне? Вряд ли. Тогда с содроганием Фардин приходил ко второму объяснению. Фатальному для карьеры нелегала и, скорее всего, летальному.

То, что за ним резко бросили наблюдать, могло означать готовящийся арест. Его бояться спугнуть. Усыпляют бдительность. Вот теперь Фардину стало по-настоящему страшно.

Но уверенность в самом худшем исходе превратилась почти в абсолютную, когда на крыше вдруг появился Камран. Он с равнодушным видом огляделся, будто подыскивал местечко побезветреннее или хотел оценить плотность тегеранского смога, повисшего над городом.

А Фардин не сомневался – господин Соруш высматривает его персону. По-видимому, для самоуспокоения, что птичка не упорхнула.

Фардин не опустил глаза, когда взгляды их встретились, даже нашел в себе силы помахать рукой в то время, когда его пробил озноб. Он неторопливо поднялся и прошелся вдоль оранжереи, направился к выходу.

– Куда же вы, доктор Фируз? – окликнул его Камран.

– Да пора за работу братья. Перекусил вот на свежем воздухе, – Фардин поднял на ладони скормленную промасленную бумажку от бутерброда.

Он с трудом заставил себя досидеть до конца рабочего дня. Перед тем как покинуть лабораторию, засунул книжку с зашифрованной и скрытой в ней информацией из Центра в глубину большого книжного шкафа. Научная книга среди множества таких же вряд ли привлечет внимание. Перед выходом сделал телефонный звонок дочери Омида.

Она, как ему показалось, с радостью ответила на звонок и согласилась с тем, что слишком давно они не встречались. Зима – тоскливое время, и ее надо расцветить в хорошей, теплой компании молодых, веселых людей, к коим она причислила не слишком молодого и не такого уж веселого Фардина Фируза.

После разговора с ней Фардин подумал, что не все так плохо. Омид всегда держит нос по ветру, и если бы он имел хоть малейшее подозрение по поводу Фардина, вряд ли его дочь стала бы любезничать с доктором Фирузом.

Фардин подъехал к дому уже в темноте. Протолкался два часа в пробках. Извелся от бесконечно прокручиваемых в голове вариантов дальнейших действий. Он мучительно хотел спать.

Вышел из машины, хлопнул плохо закрывающейся дверцей, оглушительно на безлюдной улице...

И в этот момент на него напали. Их было слишком много, чтобы пытаться оказать сопротивление. Столько рук, как многорукое чудовище. Схватили и за запястья, и за предплечья, и за плечи, стиснули в ладонях виски, обхватили за пояс.

Ощупывали воротник куртки и рубашки, по-видимому, в поисках вшитой ампулы с ядом. Затем накинули черный полотняный мешок на голову. Запястья стянули слесарными пластиковыми жгутами. Так же поступили со щиколотками. Подняли за ноги и за плечи и закинули, судя по гулкому удару о металлический пол, в микроавтобус.

Но везли недалеко. До дома Фардина. Схватили за руки и потащили куда-то. Пластиковые хомуты впелись в кожу настолько, что и руки онемели, и от боли яркие вспышки перед глазами осветили крошечную темноту мешка на голове.

Кровь била в виски так, что он почти ничего не слышал, кроме собственного пульса и хриплого дыхания.

Однако, когда его завели куда-то, он понял, что это его собственная квартира, понял необъяснимо, по ощущениям. И не ошибся.

– Не надо его калечить раньше времени, – цинично сказал кто-то густым, бархатистым голосом. – Разрежь.

Хомут на запястьях разрезали. Но боль все еще простреливала от запястий до плеч.

– Надень лучше браслеты, – посоветовал тот же голос, и звякнули наручники. – И на ногах разрежь... Не убежит, – он засмеялся.

Хомуты сняли и с ног, кровь хлынула в ступни, вызвав еще большую боль. Фардин непроизвольно застонал, тут же разозлившись. Если бы у него не были связаны руки, он бы хлопнул себя по щеке, чтобы перестать паниковать.

Его посадили на стул, потому что стоять он не мог. Сдернули мешок с головы.

Зажмурившись, Фардин не сразу открыл глаза. Он мысленно одновременно молился, соображал, что говорить и стоит ли вообще, при этом надо было взять себя в руки и начать отыгрывать невинно задержанного. Хотя хотелось лишь одного – забиться в угол и скулить, как побитая собака.

В молитве он благодарил Аллаха, что тот уже дал ему опыт задержания и пребывания в тюрьме.

Фардин понимал, что сейчас не будет как тогда. А тогда все обошлось. Может, удастся выскочить из огня и теперь?..

Надежда оставалась и придавала сил и желания бороться. Понять бы только, что на него есть у МИ? От этого зависит тактика поведения. Но Фардин прекрасно понимал, что стоящий перед ним красавец офицер (это он являлся обладателем бархатного ба-

ритона) не будет выкладывать все козыри. Фардин бы на его месте стал наблюдать за подозреваемым, давал информацию малыми порциями и ждал бы реакцию на каждую в отдельности.

Одетый в костюм, сотрудник МИ выглядел как офицер. Выправка, уверенность, властность.

Фардин мельком увидел, насколько оперативники успели перевернуть вверх дном все в комнате. Картина с быком съехала набок, ходившие по комнате мужчины хрустели осколками от аквариума. Рыбки еще приподнимали жабры, но уже умирали. Книжки и газетные заметки, которые годами собирал Фардин, валялись на полу, на них наступали, не обращая внимания. На Фардина бы тоже наступили, будь он на полу. Для них все здесь мертво, как эти рыбки, как Фардин, хоть он еще тоже шевелит жабрами.

– Безобразия! – воскликнул Фардин. – Что происходит? Кто вы такие? Что вам нужно?

Его не удостоили ответом. Да он и не ждал разъяснений, просто отыгрывал роль сотрудника университета, обывателя – свою вторую натуру. Он ни в чем не виноват, исходя из этого необходимо вести себя испуганно, истерично, требуя справедливости.

Об его провале станет известно через неделю, когда в пятницу он не придет в мечеть. Центр уже сточил режим на время. Раньше Фардин оставлял паролый знак о своем благополучии раз в месяц.

– Да кто вы такие, в конце концов? Я – доктор, научный работник. Трещусь на благо Ирана. Как вы смеете? Я буду жаловаться!

– Знаем мы, на кого ты работаешь! – красавчик поддернул брюки и сел на диван напротив Фардина. – Всё мы знаем.

– Что за вздор ты здесь несешь?! Я тебе в отцы гожусь! – Фардин наступал.

Он собирался взять психологическую инициативу, и ему удалось. Получив удар в живот от вскочившего в ярости красавчика, Фардин услышал то, что хотел, и это его слегка успокоило.

– Оминовское отродье!

Продышавшись после удара, Фардин поднял глаза, честные и чистые.

– Как ты меня назвал, мерзавец?! Ты за все сегодняшние издевательства ответишь. Господин Сорун узнает о твоём самоуправстве. Я занимаюсь секретными разработками.

– Не волнуйся, мы и с Сорунем разберемся, как он допустил тебя до секретной работы с твоим послужным списком.

– С каким списком? Что ты городишь?

– Харун, мы ничего не нашли, – негромко сказал один из оперативников. – Никаких брошюр «Моджахедин-э Халк».

– У него тут столько макулатуры, вы не все просмотрели, – разозленно пробормотал он.

«Ищите, ищите», – злорадно подумал Фардин, и это превосходство его взбудрило. Он не переставал усиленно думать, поражаясь, как сейчас быстро работает мозг.

По нескольким репликам он понял, что, если бы Харун действовал по инициативе Соруша, он вряд ли бы пообещал разобраться и с самим Сорушем.

Да и будь у Камрана серьезные подозрения насчет Фардина, он бы не допустил его до работы в секции. Доктору Фирузу не поручили бы и ту работу по анализу воды с помощью водорослей как индикатора загрязнений, которой он занимался последние две недели. Камран-то ведь считал его связанным с разведкой МИ после венесуэльского хоропо с Симин.

Но как на него могли выйти в таком случае, если не по наводке Соруша? Ну а если бы следили за Мамедовым, то уже арестовали бы всю компанию.

«А может, и арестовали, – обреченно подумал Фардин. – Ни Рауф, ни его дружки, которых я оперировал, молчать не станут, заложат меня с потрохами. Тогда – конец. От пособничества террористической организации не отвертишься».

Оперативники продолжали сосредоточенно обыскивать комнаты. Уже вспороли матрас в спальне – Фардин услышал звук треснувшей ткани. Так же обошлись с диваном в гостиной. Ощупывали шторы, простукивали стены, просвечивали их специальными приборами.

Следили за реакцией Фардина, когда приближались к шкафу или к тумбе под телевизором. Но он оставался безучастным, изображая подавленность и нервный спад. Хотя интенсивно прикидывал варианты.

«Нет, – успокаивал он себя, – будь они уверены, не рылись бы так лихорадочно в вещах в поисках улики, доказательств моей причастности к ОМИН. Они не уверены. Кто-то им настучал обо мне и моей связи с террористами. Наверняка в окружении Мамедова появился стукач. – Страх внутри начал свою работу, медленную, разъедающую мозг помимо воли. – МИ – достойный правопреемник САВАК. Им не нужны доказательства. Был бы клиент, с кем можно работать... Начнут спрашивать, к кому я ходил в тот дом... Или знают все же про поездку в Мешхед?»

Заготовки на этот счет у Фардина, конечно, были, лишь бы ему предоставился шанс дать ответ. Он переживал только об одном: не просчитался ли, не промедлил ли в отношении Симин? Может, стоило форсировать после получения той информации из Центра? Сработает ли его запасной план теперь? Может, не было бы ареста, предприним он решитель-

ные шаги загодя? Центр дал ему козырные карты, он не оставил его без шансов на выживание в экстремальной для нелегала обстановке. Позволил и вербовать при необходимости. Будет ли теперь возможность увидеться с Симин и воспользоваться бесценной информацией Центра?

– Майор, ничего, – снова подошел оперативник, взмокший от бессмысленных поисков. – А квартирката у него солидная. Неужели этот докторишка...

– Молчать, – зашипел Харун. – В машину его и в изолятор. Мы поговорим с ним там.

Фардину накинули мешок на голову и поволокли к выходу. Его присутствие при обыске явно планировалось. Как акт деморализации. Напугать не удалось, задержанный вел себя дерзко. Вот и сейчас, пока его тащили к двери, он ругался и кричал:

– Сейчас не шахские времена! Я буду жаловаться в Гаагский суд по правам человека. Я уважаемый человек, и вы не смеете...

Его ткнули несколько раз кулаком в бок, чтобы затих. И он умолк, считая задачу на данный момент выполненной и жалея собственные ребра. Теперь только ждать. Ход за Харуном, он, судя по всему, следовательно, и с ним предстоит схлестнуться. Сейчас Фардин пытался морально подготовиться к предстоящему.

Очень сложно перестать быть человеком, а стать подследственным. Его личность, мысли, надежды, чаяния никому не нужны и не интересны. Просто объект, способный давать информацию, и до тех пор пока ее дает, в нем существует надобность.

Его приволокли в изолятор. Сначала вели по длинному, гулкому холодному коридору, Фардин видел только черный кафельный пол из-под мешка.

«Как в морге, – подумал он с содроганием и впервые с момента задержания всерьез усомнился в том, что удастся выбраться из переплета живым. – И пахнет тут так же», – ему почудились запахи формалина и запекшейся крови.

С Фардина сняли мешок и толкнули к металлической скамье, стоящей посреди квадратного помещения с душевыми вдоль одной из стен. Никаких окон, никакой надежды ни на что...

– Раздевайся, – велел конвоир.

Спорить бессмысленно, только тратить силы. Раздевшись догола, Фардин сжался от холода и унижения, пока равнодушные к его моральным страданиям сотрудники изолятора прощупывали все швы, вынули шнурки из ботинок и ремень из брюк. В прошлый раз, когда его схватили контрразведчики, ему выдали что-то вроде серой робы, напоминающей госпитальную пижаму.

Сейчас вернули его собственную одежду, предвзвешенно отнеся ее в соседнее помещение, –

Фардин решил, что ее просвечивали чем-то вроде рентгена. Одевшись в свое, он снова ощутил веяние слабой надежды... В его положении любой знак, даже такой незначительный, что не отобрали одежду, дарил шанс на спасение.

Отвели в камеру, где оказались сокамерники, к радости Фардина. Две духъярусные койки в узком пенале без окна. Лампочка под металлической сеткой. Ему пришлось занять верхнюю койку. Местные обитатели, на первый взгляд, старше Фардина, сидели тихо, ответив испуганно на приветствие и снова – молчок. Они и между собой не разговаривали. Однако их молчание позволяло сосредоточиться и поразмышлять. И было над чем. Шпионов не сажают в общие камеры, значит, в самом деле обвиняют его только в причастности к ОМИН. «Только, – невесело повторил по себя Фардин. – Мне этого хватит с лихвой, чтобы оказаться на виселице».

Фардин прилег на комковатый матрас, пропахший чужими людьми, потом и кровью, бурые пятна которой виднелись в верхней части матраса. Заболели ребра и живот, по которым били, захотелось пожалеть себя, но Фардин подавил это желание. Попытался расслабить тело. Мышцы закаменели от стресса. Нельзя раскисать, надо беречь силы, чтобы организм не дал сбой в самый неподходящий момент.

Фардин подозревал, что сегодня, хоть и ночь, его не оставят в покое.

«Кровати есть, уже неплохо», – искал положительные моменты Фардин, глядя на сетку вокруг лампочки, которая светила настолько слабо, что на нее можно было безболезненно смотреть.

В прошлый раз в одиночке, где сидел Фардин, лежал драный ковер на полу, его использовали вместо кровати. Чем только не испятнанный. От него воняло так, что скулы сводило.

Неожиданно для самого себя он уснул. Казалось, спал часа два, но на деле передышку дали только на полчаса. Растолкали, снова надели наручники, мешок на голову и провели на этаж ниже – на ступеньках Фардин несколько раз едва не упал. Тычками под ребра предупредили, что лучше держаться на ногах, а то добавят уже по лежачему, ногами.

Его посадили на металлический стул, холодный и жесткий. Пристегнули к холодному же столу. Какое-то перемещение по допросной, движение воздуха, запах пота и чье-то тяжелое, астматическое дыхание. Тишина, словно молча обмениваются знаками, ведут немой диалог.

Наконец сдернули мешок с головы. Фардин прикрыл глаза от яркого света, к тому же отражавшегося в слепяще-серой металлической столешнице.

Проморгавшись, Фардин увидел напротив себя

парня, которому две недели назад удалял осколок. Даже не знал его имени. Они почти не общались, лишь когда Фардин его осмотрел и поставил диагноз – воспалились ткани вокруг старого осколка, который не извлекли сразу после боя из-за того, что не было условий для операции или просто парень побоялся тогда, и рана затянулась сама. А вот теперь осколок «проснулся» и дал о себе знать. Фардин предупредил Рауфа, что, возможно, уже началось заражение и лучше бы все-таки в больницу, но тот махнул рукой, что могло означать полное доверие или то, что боец не так уж и важен. Больной он им в любом случае не нужен.

Фардин силился вспомнить его имя, но не смог. Узнал его две недели назад. «Две недели, – повторил про себя Фардин. – За эти две недели я был у Рауфа дважды. Уже легче. Что этот парень знает обо мне? Мы с ним не говорили, если только от Рауфа. Тоже вряд ли. Тот не из болтунов. Откуда оперативники его выкопали? Арестовали у Мамедова? Вместе с Рауфом? Или на нейтральной территории?».

За спиной Фардина кто-то стоял вне зоны видимости. Ждал реакции задержанных, когда они увидят друг друга.

За себя Фардин мог поручиться – его лицо оставалось спокойным. Но и парень, к удивлению Фардина, не заволновался, будто видел доктора впервые.

Харун шагнул из-за спины Фардина, взглянул ему в лицо и выглядел слегка обескураженным:

– Вы ведь знакомы. Может, хватит комедию ломать?

Фардин ждал версию парня, чтобы не сболтнуть ничего лишнего. Тот дрожащим голосом сказал:

– Я попал в больницу, у меня разошлись швы, я тяжести таскал, а там меня и повязали ваши сотрудники. Но вы сами это знаете.

– Ты сдал явку ОМИН, – с презрением, жестко сказал Харун. – Даже если бы мы тебя выпустили, то свои пришьют за длинный язык. Но тебя ждет смертная казнь. Хотя... Если будешь честен, может, пожизнь. Ты знаешь этого?

Парень вздохнул и покачал головой:

– Не знаю, не видел никогда.

Он сказал это так убежденно, что Фардин засомневался, его ли он оперировал? Не обознался ли с перепугу?

– Вы можете объяснить, что происходит? Кто этот человек? – Фардин решил подать голос. – Какая явка? Какой ОМИН? Куда я ходил?

– Глупо отпираться, – Харун выложил перед ним фотографии, на которых видно, как Фардин заходит в дом, где находилась квартира ОМИН.

– И что? – Фардин даже улыбнулся с облегчением. – Разве преступление заходить в дом?

Харун обошел стол по кругу, улыбаясь и качая головой. Он уже догадался, что Фардин не рядовой боец ОМИН.

Образованный, хитрый. Ведет себя уверенно, не раскис. Все же Фардин перестарался, выверяя линию поведения при аресте.

– А если я скажу, что вы и оперировали этого субчика? Что в этом доме, куда вы шастали, явочная квартира террористической организации «Моджахедин-э Халк».

Фардин отметил этот знаковый переход на вы. Значит, он добился некоего психологического преимущества, изменения плоскости диалога. Уже появился диалог, а не злобные выкрики.

– Я занимаюсь альгологией. Чтоб вы понимали – это наука о водорослях. Никогда не лечил людей, а тем более оперативными методами, а тем более террористов. Я – законопослушный гражданин, порядочный мусульманин. Не стал бы связываться ни с какими сомнительными личностями, хотя бы потому, что однажды довелось попасть в тюрьму. Вы наверняка об этом знаете, а если нет, то я и не скрываю, поскольку наши справедливые органы правопорядка разобрались и отпустили. Я надеюсь, что и у вас хватит порядочности во всем разобраться. Ведь так?

Харун прошелся снова около стола, поглядел в лицо оминовца, тот сидел опустив голову, безучастный.

То, что на очную ставку не приводили ни Рауфа, ни кого-либо из его людей, говорило о том, что они успели скрыться. Фардин снова про себя повторил: «Две недели. – Он быстро сообразил, что ошибся в подсчетах. – Две недели назад я его оперировал, но кто сказал, что его повязали сразу же после операции в больнице, куда он попал с кровотечением? Могла пройти неделя и больше...»

По фотографии, неосмотрительно показанной ему в качестве улики, он определил, когда его засняли. В последний визит к Рауфу. Значит, доктора Фируза не смогут обвинить в регулярном посещении явочной квартиры ОМИН.

– Уведите! – сказал в пространство Харун.

Его услышали. Тут же появились двое конвойных и забрали оминовца, так и оставшегося безымянным для Фардина.

– Ну что же, господин Фируз, так как вы объясните эту фотографию?

– Для этого достаточно было меня просто спросить, не переворачивая вверх дном мою квартиру, не позоря меня перед соседями, не сажая меня сюда. Я ходил туда к моему школьному приятелю. Мы дружили с ним в Баку. Вот и все.

– Фамилия, имя вашего приятеля?

Харун не сказал: «А, ну теперь все понятно. Вы свободны», хотя на нечто подобное в глубине души рассчитывал Фардин.

– Сергей Арцумян, – без опасения за Сережку, проживающего в Петербурге, сообщил Фардин. – У вас закурить не найдется? У меня все отобрали.

– Нет. Арцумян? Кто же он? Армянин?

– Да. Недавно я позвонил в Баку, и бывшая одноклассница обрадовалась, что Сергей в Тегеране. Я наведалься в тот дом.

Фардин хотел было сказать, что никого не застал, но у наружки есть информация о том, сколько он там пробыл. Он не был столь наивен, чтобы не понимать, что люди Харуна уже прошерстили окрестные дома, показывали его фото, и не так сложно установить, как часто он заходил в тот дом. Однако в этом квартале Тегерана люди не слишком охочи до общения с властями.

– Почему же вы не пришли снова? Вы же застали его? – уловил недоговоренность Харун.

– Ну знаете как бывает, увиделись спустя много лет, а человек уже не тот. Мне показалось, что он занимается чем-то незаконным, и я не хотел бы иметь к нему отношение. По-видимому, моя интуиция меня не подвела. Он в чем-то замешан? В этой самой ОМИН?

Харун поглядел пристально на Фардина, но тот выдержал взгляд.

Сотрудник МИ так и не присел за все время – он явно не планировал долгий допрос.

Когда оминовец, задержанный в больнице, выдал явку, за ней понаблюдали несколько дней. Выделили Фардина из общего потока посетителей, походили за ним, выяснив, что он работает в серьезном заведении, решили не тянуть с задержанием.

– А если мы предположим, – Харун уперся кулаками в металлическую столешницу, и Фардин успел оценить размеры кулаков, – что вам за небольшую услугу просто заплатили, у вас ведь зарплата не слишком солидная. Ну, скажем, отнести пакет в ваш университет. А потом там прозвучит взрыв. Или, скажем, вынести пробирку со штаммом какого-нибудь вируса, который затем попадет в городской водопровод.

Фардин не сомневался, что его взяли не только из-за случайного визита в дом с явочной квартирой. Под задержание подвели вполне солидную базу с подкупом небогатого научного работника с запятанной биографией, уже попадавшего на карандаш к спецслужбам.

– А почему не главную мечеть мне поручили взорвать? Вы в своем уме? Вы знаете, как у нас в университете все охраняется, а тем более секция, где я работаю? Меня только что проверяли, прежде

чем допустить на ответственный пост. Вы не доверяете своим коллегам? Ни к каким вирусам я отношения не имею. Повторяю, я занимаюсь водорослями, а не химическим или бактериологическим оружием.

Харун улыбался, не веря ни одному слову. У него симпатичное лицо, мужественное, с короткой аккуратной бородой, за которой он ухаживает тщательно, ежедневно, в свободное от работы время. Харун любит себя, ценит свое положение в обществе, добивался он его долго, переступал через многое и многих.

Он и теперь порой вынужден душить свою инициативу в зачатке. Однако в случае с «оминовскими вырожденками», как он их сам называет, ему дали свободу действий. Давняя и большая тема Ирана – моджахеды, спонсируемые из-за рубежа, базирующиеся на территориях соседей.

Поступил сигнал из больницы о подозрительном парне с разошедшимся швом после хирургического вмешательства, со шрамом от огнестрельного ранения. Когда его спросили, где ему проводили операцию, он не смог ответить ничего внятного.

Харун с самого начала оказался на этом деле. Вцепился намертво в оминовца и вытряс из него всеми правдами и неправдами адрес. Заветный адресок. Решил не торопясь наблюдать, чтобы выявить всех посетителей квартиры. Но прошло несколько дней, список оминовцев пополнялся, и вдруг поступил тревожный сигнал от наружки, что около дома подозрительное затишье. Произошла утечка, и Харун до сих пор лихорадочно прикидывал, где потекло. Но с этим он решил разбираться параллельно.

Когда в квартиру нагрянула группа захвата, никого там не обнаружила. Сунулись по другим адресам, куда наружка доводила оминовцев от явочной квартиры, – пусто, пусто, пусто...

Над Харуном нависла угроза не просто увольнения, но и пособничества террористам за преступное промедление. Тогда он схватился за Фардина Фируза, недотепу-ученого, как за соломинку, благо докторишка каким-то чудом не успел удрать и перейти на нелегальное положение. Видимо, его не предупредили.

А сейчас Фируз, оказавшись отнюдь не прощачком, выскальзывал как угорь, хотя поначалу Харуну казалось, что он схватил пятиметрового усатого сома, хорошо зарывшегося в ил. Он и не догадывался, насколько правильным было его впечатление относительно доктора Фируза...

Смущала недавняя проверка в отношении Фардина. Неужели в самом деле упустили диссидента, сочувствующего террористам, или еще что похуже? Втайне Харун надеялся посадить кого-нибудь из коллег-контрразведчиков, курирующих спецобъект

в Медицинском университете, за преступную халатность, тогда, глядишь, и сойдет ему с рук упущенная ячейка ОМИН. Но и ее Харун рассчитывал отыскать, выжав до капли Фардина.

Харуна угнетала мысль, что проверять Фируза придется очень долго. Существует ли в природе этот армянин Арцумян? Баку не даст ответов на подобные запросы. Придется задействовать тамошних агентов. Тревожить их по пустякам нельзя. Сочтет ли руководство запрос о школьном дружке задержанного Фируза заслуживающим внимания? Харун даже не хотел об этом думать.

Горячность порой подводила Харуна, но отказать ему в интуиции нельзя, а если учесть, что его отец служил в САВАК, оставался работать и после свержения шаха, то чутье у него наследственное. И это самое чутье подсказывало ему, что перед ним сидит не простой любитель водорослей. Но кто? Ведет он себя именно так, как вел бы себя интеллигент, уверенный в своей невиновности, и такое хрестоматийное поведение, собственно, и вызывало подозрения.

Фардин слишком контролировал ситуацию, не болтал лишнего. Отвечал ровно столько, что не удавалось зацепиться, чтобы развивать, раскручивать...

– Мы продолжим завтра, – решил Харун. – За оставшиеся несколько часов до утра у вас будет время подумать и осознать, что бесконечно юлить вам не удастся. Пока мы с вами беседуем мирно, но я потихоньку теряю терпение. Поверьте, вам не понравится, если я утрачу самообладание.

В камере оба соседа спали. Один из них храпел, тяжело, надсадно, словно до утра не доживет. Фардину оставалось молиться, чтобы Рауф и его друзья не попали в руки Харуну. Гарантировать, что все парни Мамедова окажутся стойкими оловянными солдатами, невозможно. И скорее всего, Фардина заложат все, кто успел его узнать за несколько месяцев общения с ОМИН.

Тогда конструкция, сооруженная сегодня перед Харуном, рухнет и погребет Фардина под обломками.

Почувяв кровь, Харун вцепится мертвой хваткой. Он уже встал в стойку охотничьего пса, подогнув переднюю лапу и вытянув чуткий нос по направлению жирной утки в камышах. Разленившийся в сонном мирке тегеранской тихой заводи, Фардин стал той самой неповоротливой уткой.

Чтобы из него не повыдергивали перья и не зажарили на вертеле над костерком, надо вертеться. А костерок уже разложили, и Фардин чувствовал, что пахнет жареным.

«Выжить, выкрутиться, выполнить задание, – пытался взбодрить себя Фардин. – Иду на вы...» – шутка не прошла. Настроение не улучшилось.

Он глядел на серый потолок остекленевшим взглядом, мысленно перебравшись на подмосковную дачу. Он порой так спасался от тоски, силой воображения перемещаясь в прошлое, в тот день, вернее, вечер, когда еще был по-настоящему счастлив и наполнен верой, идеями, окружением близких. Оставалось несколько часов до начала опустошения, которое началось с гибели деда.

А тогда еще дед не просто здоровствовал, но и приехал в гости с позволения руководства. Фараз привез бакинскую пахлаву, банку варенья из зеленых грецких орехов бабушкиного изготовления, и мед. Да еще азербайджанский чай в жестяной банке, белой, с цветочным узором.

На террасе сразу запахло свежесваренным чаем. Аромат смешивался с запахом испуганного лесного клопа, которого смахнули с занозистого подоконника в сад. Из сада тянуло мокрой землей, напитанной недавним ливнем. Капли все еще шлепали с куста жасмина, с листа на лист, сочно, свежо.

– Я жил там, – заговорил вдруг дед. Перед этим он бодро передавал приветы от бабушки, одноклассников Фардина, соседей, а затем иссяк, умолк, долго глядел в окно на глубокие сумерки, словно силился что-то разглядеть в саду. – До 1952 года. Меня завербовали в 37-м году. Я тогда стал членом Хизби «Туде».

– Ты в войну там был? – удивился Фардин, грея руки о чашку с нарисованными клубничками на боку и с отколотой ручкой. Он озяб от вечерней сырости.

– Американские поставки по ленд-лизу шли через Бендер-Аббас. Коммунисты «Туде» охраняли поезд от грабителей. Но меня больше занимали происки англичан. Если бы немцы не поперли в Европу на Западном фронте, либо Франция, либо Англия в сговоре с шахским правительством сами влезли бы в конфликт с Союзом. Собирались бомбить бакинские районы нефтедобычи. Английских шпионов в Иране хватало. Но потом полезли немцы. Особенно в районы, граничащие с Союзом. Немцы и не таились. Они с шахским правительством действовали рука об руку. Среди них очень много гражданских и военспецов.

– Чем они занимались? – Фардин боялся спугнуть деда в его откровениях. Никогда внук не слышал от него про жизнь в Иране.

– Строили железные дороги, поставляли оборудование, управляли паровозами и шпионили. От двух до четырех тысяч немцев, по подсчетам англичан, находилось в Иране. В какой-то момент мы начали действовать с англичанами, не то чтобы заодно, но по одну сторону баррикад. Против фашистов. Од-

ного немца мне пришлось ликвидировать, – дед потер кончик носа, напоминаящего перезрелую сливу.

– Ты думаешь, мне тоже придется? – напрягся Фардин.

– Ко всему надо быть готовым, хотя вряд ли... Времена не те. Тогда шла война. Действовать приходилось очень быстро. В 49-м после неудачного покушения на Пехлеви, партию Хезби «Туде» закрыли. Моих товарищей хватали, бросали в тюрьмы, пытали, приписали нам это покушение. Кого не арестовали, те бежали кто куда – в Турцию, в СССР. Искали проводников, чтобы перейти границу. Меня прятали родственники, и довольно успешно. Я переехал в другой город, мне выправили фальшивые документы. Но один парень, в общем, случайно, не по злобе, узнал меня и пришлось бежать снова. В этот раз я потерял и связь с Центром, решил выбираться из Ирана. Залез в машину, в которой везли ткани, много тюков, под которыми я спрятался. У меня был НЗ – приличная сумма, на нее купил водку. Водитель расплачивался ею. Не бутылкой, а сразу ящиком.

– Пограничники брали водку?

– Нет. Это еще на территории Ирана были посты. Отлавливали эмигрантов. До границы я вообще уже шел пешком. Увидел советских пограничников и бросился к ним. Меня остановили предупредительной очередью, прямо передо мной полоснули, ну я и бросился на землю, кричал. Несколько слов знал по-русски: «Коммунист, помогите, я свой» – и что-то в этом же роде, – Фараз усмехнулся.

– Почему ты все-таки не остался? Ты же мог быть очень полезен. Союз тогда начал терять позиции в Иране. Там уже усиливалось влияние американцев.

– На тот момент нереально было что-то менять. Снова переезжать, – он пожал плечами. – Я потерял связь с Центром, меня разыскивали. Допустим, мне удалось бы исхитриться, раздобыть новые документы... Не знаю. Я чувствовал, что у меня на хвосте САВАК. После ликвидации того немца. У иранцев толковые парни работали в контрразведке. И сейчас работают, ты не обольщайся. Моссадовская школа.

– А что пограничники? Как они отнеслись к твоему появлению?

– Из Ирана в тот период бежали многие. У пограничников был переводчик. Только мне это не помогло. Меня арестовали как шпиона. Сколько я ни твердил, чтобы вызвали товарища Карпова, без толку. Били, убеждали признаться, что я вражеский лазутчик, что меня особенно раздражало. Короче, отправился я по этапу.

– Ты шутишь? – не мог поверить Фардин.

– Какие уж тут шутки. Мне удалось передать записку на волю. Парень честный попался, отправил

письмо по адресу, которым меня снабдили для подобных ситуаций. Меня освободили через год. А уж после я приехал в Баку, устроился на завод, получил комнату, а потом и квартиру на Камо. Выправили документы, дали паспорт политического эмигранта. По нему я получил жилье, имел и другие льготы. Но в то же время паспорт был как клеймо. Если выезжал в другой город, надо было получать разрешение, а по прибытии и убытии – регистрироваться и выписываться. Чего ты испугался? Тебе это не грозит. Я имею в виду лагерь, тюрьму. Разве что в Иране. Там теперь жизнь напоминает 38-й год в Советском Союзе.

– А что потом? – Фардин и в самом деле напрягся. – Как ты жил дальше?

– Кстати, судя по всему, дело идет к распаду СССР, – дед не ответил на вопрос, словно и не слышал его. – Видишь, что творится? Сосед идет на соседа, брат на брата. Подогреваются националистические настроения извне. Дали слабину – полезли изо всех щелей диссиденты, эмиссары. В Азербайджане турки, да и американцы. Конец стране. Куда мы катимся? – Он закурил.

Фардин смотрел на его крупные руки, узловатые, натруженные. Ему хотелось обнять деда, но у них в семье разве что бабушка иногда могла проявлять «телячьи нежности».

– Спрашиваешь, как жил? Как обыкновенный советский человек. Никто не знал о моих государственных наградах, которые мне вернули, вернее, вручили, поскольку в Иране я знал о награждении, но орден не видел. Получил и спрятал их подальше... Женился...

– А бабушка? Она же ведь тоже персиянка. Как она оказалась в России?

– Я встретился с ней в Ашхабаде, когда ездил туда в командировку. Ее вывезли из Ирана девочкой, младенцем, в 1920 году, когда была первая волна эмиграции. Революция в России взбудоражила многих интеллигентов в Иране. Ее отец работал учителем. Вступил в только созданную компартию, в одну из разрозненных ячеек. Его направили в Союз, чтобы перенять опыт. А в Союзе приняли за шпиона. Как и меня. Он сел в тюрьму, и его жену посадили. Детей распахали по детдомам. Выпустили сначала мать. Она забрала детей из детдомов. Один сын к тому времени умер. А твоя бабушка выжила. Училась в интердоме в Иваново. Там была хорошая школа-интернат для детей политэмигрантов. Вот и все, о чем тебе стоило бы знать, – Фараз погладил ладонью по скатерти с вышитыми по углам петушками. – С собой ты ничего не сможешь взять, а воспоминания не возбраняются. Ими я жил и живу до сих пор. Я люблю Иран, мучительно... Это как занозу вытаскивать,

больно, но приносит облегчение и удовлетворение. Завидую, что ты едешь туда, – он похлопал Фардина по плечу, что было немислимим проявлением нежности, встал, прошелся по террасе, пол скрипел, от его шагов вибрировали доски, и на плите из-за этого подпрыгивал и дребезжал чайник. – Я хотел бы вернуться на Родину, увидеть родных, если кто-то еще жив и не проклял меня.

– Ты же фактически предал Иран, – опасаясь получить затрецину, все же не удержался Фардин. – И меня подготовил в качестве своего преемника.

– Не болтай ерунду! – осек его дед. – Любить Отчизну – это одно. Но не тех, кто ею правит. Я – коммунист. А это не просто приверженность партии, это образ жизни, мышление, религия. Хотя я и стал коммунистом уже в конце тридцатых, но всегда чувствовал себя «старым коммунистом», так называли тех, кто вступил в партию до революции 1917 года. Они считались самыми верными приверженцами идей коммунизма. Что ты скалишься?

У Фардина то и дело возникали споры с дедом по поводу политического строя, заканчивавшиеся рукоприкладством деда, когда тому не хватало аргументов. Фардин, продукт перестроечного времени, относился со скепсисом к советскому строю. Его скепсис, помноженный на юношеский максимализм, порой приводил Фараза в бешенство.

Фардин и вовсе был противником революций, считая их все искусственно созданными, порождением больших, тщеславных или корыстных людей, в большинстве своем управляемых врагами той страны, где происходит взрыв хаоса.

Быстро теряют люди облик человеческий, события обретают стихийный характер. Возникает символика, непеременимые атрибуты, как для распознавания «свой – чужой», так и для продвижения идей, красивая обертка, внутри которой кровавое месиво. Изуродованные судьбы, развалившаяся экономика, голод, гражданская война. Что это, если не злой план враждебного государства? Никакая идея не стоит того, чтобы начались разруха, массовое истребление друг друга. Причем те, кто оказывается втянут в бойню, как правило, не идеологи. Эти несчастные толком и не понимают суть той идеологии, которую им навязывают. Для них создают примитивный ликбез в виде речевок, лозунгов, банальных частушек. «Землю – крестьянам», «Религия – опиум для народа», «Свобода, равенство, братство», «Мир хижинам – война дворцам» и все в том же духе.

Никакому народу не свойственно самоорганизовываться. Нужен лидер, нужно финансирование и пропаганда, необходимо указать путь. Это не возникает спонтанно, как бы кто потом ни убеждал, что все именно так, отводя от себя подозрения.

Однако сейчас дед сдержался.

– Не знаю, увидимся ли мы еще до твоей переборки. Там всякое может случиться. Я не хочу узнать, что ты спасовал, сдался... Я этого не приму.

– Ты думаешь, мы увидимся?

– Надеюсь, нет. Иначе это будет означать твой провал. Но и тогда... Они тебя не выпустят в случае разоблачения, вряд ли обменяют. Ты сейчас должен осознать, так сказать, на берегу...

– Мне объяснили, – опустил голову Фардин.

Ему неоднократно говорили о таких перспективах – никогда не увидеть Родину. Но только сейчас пришло осознание, когда перед ним стоял семидесятилетний старик, родной человек, воспитавший, растивший с малолетства, обеспечивший профессию и будущее. Сколько он проживет и бабушка? Одному Богу известно... Очевидно, что Фараз не дождется внука и никогда его больше не увидит...

На прощание они обнялись у калитки. Дед пошел к железнодорожной станции пешком, за ним не прислали машину. А Фардину не рекомендовалось лишний раз покидать дачу.

Через несколько часов Фараза не стало. Он ушел в небытие, как и та страна, за которую он готов был погибнуть, из-за которой навсегда потерял связь с близкими и родной землей, ставшей в его воображении утерянной навеки Атлантидой, сказочной и многострадальной.

Утро в тюрьме не принесло ни бодрости, ни оптимизма. Лишь свинцовую тяжесть во всем теле. Словно Фардина всю ночь заставляли глотать рыболовные грузила, а вскорости, отяжелевшего, утопят. И пойдет он на дно камнем.

Ночные то ли видения, то ли воспоминания, пришедшие непрошено и добавившие свинца в душу, все же навели его на некое решение, единственный шанс. Когда идея оформилась, Фардин понял, что вынашивал этот запасной вариант давно и даже неосознанно вел подготовительную работу, начиная с Венесуэлы.

Он сперва решил выждать несколько дней, не прибегая к крайним мерам, а вдруг Харун одумается и отпустит его добровольно. Нет никаких улик...

Но раз за разом прокручивая ночной допрос и поведение контрразведчика, Фардин убеждался, что на пути ему попалась кирпичная стена, и нужна старая добрая кувалда.

Харун возьмется за университет. Прошерстит кабинет Фардина, лабораторию, как только получит разрешение на обыск в секретной секции. Есть надежда, что разрешение не дадут, но шансы исчезающе-малы.

Только в лаборатории есть действительно опасная вещь – книга с зашифрованным посланием. Вчера он не успел ее ни спрятать, ни уничтожить. Харун видит в нем диссидента, а не шпиона. Будет ли он искать микроточку в книгах? Вряд ли. Скорее литературу экстремистского содержания, листовки, вложенные между страницами научных книг.

Но нельзя исключать, что вещи из кабинета, попавшие к специалистам-контрразведчикам, все же осмотрят под определенным углом зрения.

«Нет, не стоит давать фору Харуну, – думал Фардин, сверля взглядом серый потолок камеры. – Иначе он до чего-нибудь докопается. Его имя звучит почти как Харон, он так же, как слугитель загробного мира, быстренько переправит меня на плаху».

И все же Фардин решил немного подождать. До нового допроса. Но его не вызывали весь день.

К вечеру Фардин сам постучал в дверь камеры.

– Мне необходимо видеть следователя. Это срочно, есть важная информация, – сказал он, когда приоткрылось в двери окошко, через которое подавали еду, отвратительную по виду и по вкусу.

Фардин не стал повторять, уговаривать, вообще не позволил себе просительные нотки в своем заявлении. Бросил эти слова в потное лицо охранника и отошел в сторону. Мол, хочешь, докладывая по начальству, хочешь – нет. Тебе же отвечать придется, если что-нибудь случится и выяснится, что ты просто-напросто вовремя не доложил.

Он доложил. Уже через полчаса Фардина вывели из камеры и повели по коридору, отчего-то забыв надеть мешок на голову. Фардина напугали перемены. К добру или к худу? Он пытался подбадривать себя. «Я уже привык к мешку, а теперь уши мерзнут, – мысленно подшучивал он, хотя его даже подташнивало от страха. – Что, если заведут сейчас в глухой коридор и выстрелят в затылок?»

Но его привели в допросную. Здесь все пропитал дух канцелярщины. Никаких тебе устрашающих металлических столов и стульев. Самый обычный кабинет. С тремя стульями с мягкой коричневой обивкой, стол со следами от чашек, настольная лампа с плафоном-конусом со срезанной вершиной, шкаф с синими и красными папками, портрет Хомейни над Харуном, сидящим за столом. У следователя собрались морщины на лбу то ли от усталости, то ли от скуки.

Он не походил сейчас на человека, замыслившего хитрый план по разоблачению кого бы то ни было, более всего напоминал человека, страдающего от хронического гастрита, апатии и смертной тоски, которую наводили на него все эти диссиденты-диверсанты со своими тайнами и бредовыми идеями. Ему бы домой и куриного супчику...

Фардин решил, что поторопился, до тех пор пока казавшийся утомленным Харун не заговорил:

– Сами попросились на допрос, значит, дозрели? У вас есть еще шанс во всем добровольно признаться, тогда сможете рассчитывать на смягчение своей участи. Сегодня мы изъяли все ваши вещи, книги, рукописи из университета. Ими займются наши специалисты.

– А почему не теми книгами и рукописями, которые у меня дома? – усмехнулся, похолодев, Фардин. – Или испугались большой и бессмысленной работы? Вы с таким же успехом можете исследовать любую библиотеку Тегерана. Вам нечего делать, вместо того чтобы ловить террористов? Настоящих террористов, – уточнил он.

– Не стоит беспокоиться, мы работаем и являем в том числе таких, как вы. Думаете, удастся играть в интеллигентного докторишку, невинно задержанного? Мы уже установили, что вы неоднократно бывали в том квартале.

«Хорошо работают, – подумал Фардин, – амплитудно».

Ему не хотелось упоминать дядю, но тут уж пришлось сказать, что в этом квартале он бывает у родственников.

– Или что, в Тегеране теперь есть запретные зоны для посещения гражданами?

– Вы лишний раз подтверждаете, что стоит покопаться в вашей биографии и жизни.

– А может, не стоит? Как бы не пришло горькое разочарование и выгоды от вашего руководства за бессмысленное расходование госсредств на проверку ваших интуитивных догадок.

– Так что вы, собственно, хотели? Словами бросались. А сказать-то и нечего. Признавайтесь, я вам говорю! Сдайте всех, кого знаете, и будет вам снисхождение от суда. Хотя я бы вас, этих интеллигентиков, уж если не в расход, то плетью на площади воспитал бы. И руки поотрубать, как вора, которые норовят навредить Ирану, украсть у нас государство, нашу самоидентичность.

«О, да ты философ, – заключил Фардин. – Доморощенный». А вслух сказал:

– Вы же мне более важную роль в этой ОМИН нарисовали, не так ли? Что же так мелко берете? Вооришкой называете. Нет, господин следовательно, вы хоть и патриот, в своем роде, но и я родину люблю. Только с вами мы каши не сварим. Мне необходимо поговорить с одним человеком. Тогда у нас дело сдвинется с мертвой точки.

– Уж не с самим ли Рухани, осмелюсь спросить? – хрюкнул от смеха Харун.

– Да нет, пожалуй, его мы беспокоить не станем, – решил Фардин. – А вот Симин Сарда, художницу,

потревожить придется. До тех пор пока она не придет, ни о чем больше разговаривать ни с вами, ни с кем-либо другим я не стану. Одно добавлю: речь идет о государственной безопасности и вероятности государственного переворота.

– Это что, ваша пассия? – улыбка у Харуна, несмотря на тон, медленно таяла, тускнела, хотя он вряд ли знал Симин, если только его не просветил Камран.

Соруша наверняка не допрашивали, но опрашивали. А вот рассказал ли он о наблюдении за Фардином в Венесуэле? Вряд ли. Тут уже межведомственная конкуренция. Он ответит лишь на прямые вопросы, а лишней информацией не снабдит ни Харуна, ни любого иного коллегу МИ, если не пойдет речь о шпионаже в пользу другого государства.

– Вы можете удовлетворить ваше любопытство, встретившись с ней и спросив лично.

Фардин увидел на красивом лице Харуна промелькнувшую ярость, и следовательно ударил бы Фируза по физиономии, если бы не уверенность в голосе задержанного и не странные заявления.

Харун вызвал конвоира и, не говоря больше ни слова, отправил Фардина в камеру.

Сокамерники тихо переговаривались, сидя на нижней койке. Запуганные, пришибленные, наверное, те самые «интеллигентики-диссиденты», которых Харун жаждал высечь на площади. Они боялись всего, в том числе и Фардина, подозревая в нем подсадного. Фардина устраивал такой расклад – его не беспокоили расспросами, оставив наедине с мыслями и переживаниями.

Фардин пытался просчитать ходы, как в шахматной партии. Мозг буксовал от нехватки информации. Где Рауф? Что предпримет Центр? Есть ли у них запасной вариант?..

Но самый главный вопрос, сверливший голову, – Симин.

...Четыре дня. На четыре долгих дня о Фардине забыли. Так ему начало казаться. Это могло означать что угодно. Либо Харун наплевал на его просьбу и продолжает копать на доктора Фируза, возможно, ждет результатов экспертиз по книгам и рукописям из его кабинета. Либо ищет Симин Сарда. Она могла уехать в очередную «гастроль» за границу.

«Хотя бы не бьют», – невесело утешался Фардин, прислушиваясь к шагам в коридоре.

Его забрали из камеры ночью пятого дня, когда он и не ждал. Снова не воспользовались ненавистным мешком.

Привели его в тот же кабинет, что и несколько дней назад, но на сей раз Харуна тут не было. Конвоир позволил Фардину сесть, а сам стоял за спиной.

От него тяжело пахло сир-торши¹, и он со свистом сопел. Ждали долго. Фардин начал терять терпение, но старался никак не проявлять волнение. Наручники с него не сняли, но хотя бы застегнули их впереди, а не за спиной.

Позади него открылась дверь, что-то негромко сказал конвоир, дверь закрылась, и Фардин почувствовал запах духов розы, сандала и мускуса. Он ни с чем бы их не спутал. Его вещи, привезенные из Венесуэлы, очень долго хранили запах ее духов.

Симин вышла из-за его спины. Серые брюки, такой же серый плащ до колен, черный платок, довольно плотно закрывающий голову, хотя обычно она надевала его так, что он едва держался на макушке, почти не прикрывая волосы.

Перед ним возникла совсем другая Симин. Холодная, усталая, деловая. Она села на стул под окном, забранным решеткой, и на его фоне в своем скромном облачении выглядела сама как заключенная.

Фардин понял, почему она пришла ночью. Ее никто не должен видеть входящей в здание тюрьмы. Что в таком заведении делать всемирно известной художнице?

– Меня отыскали, сообщили о твоём задержании. Я очень расстроена, однако не понимаю, что происходит и почему меня привезли сюда.

Она отыгрывала свою легенду довольно натурально. Фардин мог бы поверить, если бы не ночной визит и не досье на Симин, присланное ему Центром.

Сейчас Харун и его коллеги прильнули к монитору, куда транслировалась запись из кабинета. Вслушивались в каждое слово. Этот фактор тоже не стоило списывать со счетов.

– Я не буду юлить, – Фардин смотрел ей прямо в глаза. – Тебе необходимо добиться, чтобы меня перевели или обеспечили здесь условия, при которых мы смогли бы пообщаться с глазу на глаз, без соглядатаев. Это для твоей и моей безопасности. Чем быстрее, тем лучше. Разговор будет серьезный, обстоятельный. Речь о государственной безопасности.

– Почему ты решил, что я... что мне об этом вообще стоит говорить? И как, по-твоему, я могу что-нибудь обеспечить, организовать?

– Может, стоит написать? У тебя есть листок?

Из небольшой сумочки, висевшей у нее на боку, она достала блокнот и ручку. Молча протянула Фардину.

Он начал писать, прикрыв написанное обложкой блокнота сверху. Написав, протянул блокнот Симин.

– Есть чем поджечь? – спросил он.

– Найдется, – кивнула она, читая, прищутив черные глаза, шевелила пухлыми губами, разбирая почерк Фардина.

«Она умная, должна понять. Она умная», – как мантры, повторял он про себя.

«Обычному человеку не позволили бы прийти, тем более среди ночи к политическому заключенному, подозреваемому еще и в пособничестве терроризму. И писать записки под камерами тоже... Мне вспоминается бритый парень из Каракаса, виденный мною в магазине и в кафе, и услышанный там разговор. А затем – заметки в газетах о похищении. Я попал в ненужное место в неудачный момент. Сейчас я стал невольным обладателем информации о предстоящем государственном перевороте в декабре. Точной даты не знаю. Надо поторопиться».

С задумчивым выражением лица Симин извлекла из сумки зажигалку и подожгла листок, вырванный из блокнота. Она положила горящий листок в пепельницу и смотрела на пламя так увлеченно, словно только за тем сюда и пришла. Симин размышляла, Фардин не торопил, разглядывая ее жадно и беззащитно. Несмотря ни на что, он не мог побороть свое влечение. Может, в силу родства профессий.

Теперь он видел перед собой не игривую девушку-художницу, вольно думающую и вольно себя ведущую, а собранную, хладнокровную, не бросающую лишними словами. И такой она нравилась ему, пожалуй, сильнее. Пока что он решил на банальный шантаж. Если дело выгорит, придется идти дальше, но не под видеокameraми и прослушкой.

– Мы поговорим еще, – сказала Симин и вышла, оставив за собой запах духов и надежду. Пока еще слабую, но она окрепла, когда рано утром Фардина подняли с койки и, снова воспользовавшись мешком, повели по коридорам на выход.

Фардин понадеялся на то, что мешок – это от злобного бессилия Харуна и его коллег, у которых вырвали из пасти сочную дичь.

В микроавтобусе без окон с Фардина сняли мешок. Конвоиры сами были в масках. Очевидно, другое подразделение МИ. У Фардина возникла тревога и одолели сомнения. Не навлек ли он еще большую беду на свою голову? Какие выводы из его осведомленности сделала Симин? Может, слушать ничего не станут о заговоре? Начнется раскрутка доктора Фируза как обыкновенного шпиона.

Эту догадку подтвердила одиночная камера, куда его поместили. С бледно-желтыми стенами, застеленной чистым бельем койкой. Камера была, судя по всему, для эксклюзивных заключенных. Как подозревал Фардин, для прощтрафившихся чиновников. Прежде чем казнить, их все же содержали в

¹ Сир-торши (перс.) – маринованный в уксусе чеснок.

условиях, более-менее соответствующих их статусу. Наверняка небольшая внутренняя тюрьма в одном из зданий МИ на два десятка камер.

Даже накормили прилично впервые за все дни заключения. Обидно, потому что именно сейчас кусок в горло не лез. Опасения роились в голове, как пчелиный рой.

После обеда состоялась очередная встреча с Симин.

– Ты уверена, что разговор не записывается? – уточнил Фардин.

Его все еще держали в наручниках, выводя из камеры, но его это не волновало. Куда важнее предстоящий разговор и его результаты.

– Я не за себя беспокоюсь, – пояснил Фардин.

Симин покачала головой. Он вдруг заметил морщины у нее на лбу и около глаз.

– Кто ты? – спросила она.

– В каком смысле? Ты знаешь, кто я. И я вовсе за тобой не шпионил, если ты об этом. Просто наблюдательный человек, и это неудивительно, учитывая мою профессию. Дело научного работника – наблюдать и анализировать. Некоторые твои фразы, поездки за границу, причем в те страны, которые нашему Ирану не желают добра и процветания. Странное поведение в Каракасе. Пропажа тех двоих бизнесменов, совпавшая с твоим приездом, и тот разговор в магазине с бритоголовым, который подался нам на каждом углу. Мир тесен, но не настолько же.

– Допустим, – Симин его слушала опустив глаза.

Эта комната скорее напоминала переговорную в каком-нибудь банке, чем допросную.

Овальный стол темного дерева, мягкие кресла около стола и вдоль стены, у окна с опущенными белыми жалюзи кадушка с дежурным фикусом. На квадратном столике в углу чайник, заварные пакетики, графин с водой и стаканы.

– Допустим, – повторила она и посмотрела ему в глаза. – Что это меняет? В твоём положении я бы думала о собственной шкуре, как ее спасти. Ты хотел что-то сообщить? Изволь!

– С удовольствием, ведь я люблю родину и не хочу, чтобы американцы, израильтяне и саудиты учинили хаос в Иране, взбаламутили людей, толкнули к гражданской войне. Кстати, с помощью Азербайджана и задействуя ресурсы азербайджанской диаспоры в Иране. Но я выдам все, что волей случая узнал, только когда получу гарантии. Гарантии освобождения без последствий, чтобы нигде не остались протоколы допросов и вообще, чтобы испарился сам факт моего постыдного задержания. Повторяю, я ни в чем не виноват и не хочу, чтобы вся эта история отразилась на моей работе.

– Все зависит от твоих показаний, – пожала плечами она.

– Нет, Симин, дорогая, не показаний, а добровольной помощи, за которую меня, если и не награждать должны, то хотя бы избавить от унижений. Я собирался в день ареста приехать к тебе и все рассказать, но болван Харун решил выслужиться, предварительно вспугнув ячейку ОМИН, окопавшуюся практически в центре Тегерана, под носом спецслужб.

– Рассказывай, – поторопила Симин.

– Вот я думаю, – Фардин откинулся на спинку кресла, закинув руки в наручниках за голову, – что, если мировая общественность узнает подробности ликвидации племянника американской дизайнерши? Скажем, будут обнародованы запись разговора всемирно известной иранской художницы с мутным типом в Каракасе накануне гибели этого самого племянника и его друга-бизнесмена, а также фамилии людей, на чьи имена арендовались машина и дом за городом. Необязательны ведь стопроцентные факты, довольно будет заронить подозрения. А уж пресса и цэрэушники раскрутят дело до основания, а еще больше домыслят. Будет искра, будет пожар. А на твоей карьере придется поставить крест. Да и все эти проколы, когда простой доктор Фируз, которого художница излишне приблизила к себе и так неосмотрительно предложила своему руководству использовать любовника в качестве прикрытия и обеспечения алиби, даже он смог догадаться. Я читаю детективы от нечего делать, Симин, и сложить два и два мне по силам. А я уж не говорю о моральной подоплеке дела. Про моральную сторону забывали, пока так было выгодно, но о ней непременно вспомнят в случае неудачи и поставят тебе в вину.

– Кто ты? – Симин заметно побледнела. – ЦРУ? Моссад?

– Когда ты благоразумно согласишься на мои невышенные требования и я расскажу то, о чем узнал по стечению обстоятельств, ты поймешь, что я патриот до мозга костей. Не наивный болван, как ты предполагала, а человек неглупый, некорыстный, но доведенный до крайности, до необходимости шантажа, поскольку со мной обращаются несправедливо. В высшей степени. Меня – доктора, образованного, работающего в секретной секции университета на благо страны, бьют по ребрам, таскают в вонючем мешке на голове, унижают и грозят смертной казнью.

– То, о чем ты сейчас упомянул, – диктофонная запись, фамилии арендаторов... Это существует, как я понимаю, и хранится в надежном месте?

– Да. И фото бритоголового. Оно, конечно, не лучшего качества, снимал-то я на телефон. Ведь я не

профессионал, как ты себе надумала. Тогда я сфотографировал и записал разговор, опять же на телефон, из-за банальной ревности. Из этих же соображений проверил, на чье имя аренда дома и машины. Думал предъявить тебе и вывести на чистую воду. Но тогда уже мелькнула догадка о том, чем ты на самом деле занималась в Каракасе. Я испугался и спрятал все это. А вот теперь, пока сидел в тюрьме, понял, что мой компромат на тебя единственный шанс выбраться из передраги, отмыться от несправедливых, чудовищных наветов. Если тебя это задевает, прости. Но ты использовала меня в Каракасе втемную, не подумав, что я перевожусь в секретную секцию и нахожусь под пристальным наблюдением спецслужбы. Из-за тебя уже возникли подозрения в мой адрес у сотрудника безопасности университета.

– Ты про Соруша? Да, пришлось его слегка утихомирить.

– Вот-вот. А у меня сплошные неприятности. В какой-то степени и арест – следствие всей цепи событий, связанных так или иначе с тобой.

– Не прибедайся, – Симин встала и подошла к столику с чайником. Выпила воды. – Насколько известно, тебя взяли за связь с оминовцами. Ты шастал в квартиру, где они организовали что-то вроде штаба. Ты прав, Харун – болван. Он упустил всю банду, а в тебя вцепился. Как ты объяснишь связь с ОМИН?

– Гарантии? – напомнил Фардин. – И я все объясню. И ты сможешь единолично присвоить себе всю славу от разоблачения козней Запада, и в частности ЦРУ, инициированных Майком Д’Ондре. Тебе это имя о чем-то говорит?

– Что ты примешь в качестве гарантии? Мое слово? – на ее лице впервые за обе встречи появилось мягкое выражение, ироничное.

– Твоего слова мне достаточно, чтобы возродиться, как птица Феникс, а уж для того чтобы поверить, само собой. Тем более мне сложно вообразить письменное обязательство такого рода, написанное тобой или твоим руководством.

– Мы не сможем отпустить тебя сразу же после дачи показаний, – медленно, с паузами, выдавила Симин. – Это и для твоей же безопасности, и для наших гарантий. Нам они тоже нужны. Кто знает, что у тебя на уме? Ты выйдешь и предупредишь тех, кого сдал нам сейчас из чувства страха или по другой причине.

– В этом нет логики. Я про то, что побегу предупреждать тех, кого сдал. Меня тут же уничтожат.

– Я до конца не понимаю твою мотивацию. И это тревожит. Мне необходимо проконсультироваться, прежде чем давать тебе какие бы то ни было обещания.

– Это хорошо, что ты так сказала. Если бы сразу стала разбрасываться обещаниями, я бы не поверил. Вы, конечно, можете меня обмануть, но я буду утешать себя тем, что действовал во благо страны. Моя судьба в твоих руках и на твоей совести. Не забывай, у нас мало времени, и твои консультации, если затянутся, дадут фору террористам из ОМИН. Может, ускорит дело и убедит твое руководство информация о том, что в Азербайджан уже прибыли американцы и израильтяне, собираясь руководить с ближней дистанции беспорядками. Вы легко можете проверить это. У вас ведь наверняка есть там агенты.

– Ты рассуждаешь как разведчик, – Симин нахмурилась. – Так речь идет о беспорядках в Иране?

– Очередная «цветная» революция из череды многих. А по поводу работы на разведку, – Фардин улыбнулся снисходительно, – чушь. Сама посуди, если бы я был разведчиком, разве стал бы спасать страну, против которой работаю? Нелепица! Обладателями элементарной логики являются не только разведчики. Да и потом, зачем мне вообще что-то говорить? Почитай литературу, посмотри кино. Пойманый разведчик молчит героически. К тому же меня только что проверяли, чтобы я мог работать в секретной секции. Какие основания у тебя не доверять своим коллегам?

– Разберемся и с коллегами. Вообще не моя работа. Я здесь потому, что твоя знакомая, – Симин уже приблизилась к двери, собираясь выйти.

– Это теперь так называется? – посмотрел ей в спину и чуть ниже Фардин.

Она одернула плащик, призванный скрывать женские формы, обернулась и уточнила, как бы между делом:

– А тот компромат. Он где у тебя? Вернее, когда и как ты можешь пустить его в ход?

– Все зависит от твоего усердия и умения убеждать начальство в моей невинности и необходимости моего освобождения. Но информация окажется в общем доступе через два дня.

– Но тебя не отпустят через два дня.

Испуг промелькнул у нее в глазах.

– Как же ты сможешь отменить... Чтобы не обнародовать. Зачем ты вообще это задумал, если, как ты утверждаешь, не разведчик и не имеешь злого умысла?

– Объясню, – вздохнул Фардин. – Когда я угодил в историю с ОМИН, я опасался чего-то подобного, – он обвел комнату сразу двумя руками, скованными наручниками, имея в виду тюрьму. – Не поверят, нужен железный довод.

– Почему я должна верить, что ты не собирався продать эту информацию врагам?

– Придется поверить на слово. Я же тоже вынужден верить твоим обещаниям. Если мы договоримся, я скажу, что необходимо сделать, чтобы дать отбой моему приятелю. Где оставить знак. Он убедится, что у меня все в порядке, и отложит обнаружение компромата на определенный срок, до следующего сигнала. Да, имей в виду, один и тот же сигнал два раза не прокатит. В следующий раз он будет другим, поэтому я должен быть жив и уверен, что все для меня складывается хорошо, чтобы сообщить его тебе. Нас точно не слушают? – спросил он, понизив голос. Симин устало покачала головой. – Тогда дам тебе совет. Скажи, что я твой человек, который узнал полезные сведения, но попал под наблюдение коллег и был арестован по ошибке. Ты искала меня, но я сам объявился в тюрьме.

– Как я объясню, что не оформила агента как положено? – Симин побледнела и покрылась красными пятнами.

– Задним числом. Придумаешь что-нибудь.

Она смотрела ему в глаза слишком долго и слишком пристально. Теперь все зависело от того, что она выберет – предложенный им вариант или решится рассказать всю правду руководству и окажется в неизвестности относительно своей собственной дальнейшей судьбы.

Как она, разведчица, объяснит начальству, что ее без особых усилий расколол доктор Фируз, занимающийся водорослями и любитель детективной литературы? Мало того, что расколол, но и собрал факты о действиях группы иранских ликвидаторов в Венесуэле. И то, что она ставила себе в плюс, за действовав лопушка-доктора в качестве прикрытия, обернулось таким минусом, который может ее проткнуть насквозь, как бабочку-однодневку.

Симин, больше ничего не сказав, ушла. За Фардином никто не приходил, из чего он сделал вывод, что она вскоре вернется.

Пот стекал у него по лбу обильно, ноги стали ватными.

«Старею, – подумал он. – Так, глядишь, начну соответствовать своему паспортному возрасту. – Он отер пот рукавом. – Возьми себя в руки. Если она что-то и поняла, а она поняла... – Фардин отер новую волну пота. – Сдержит ли ее подвешенный мной противовес? Я не знаю их внутренней кухни в МИ. Достаточно ли ее напугала перспектива разоблачения? Подготовка подобной ей разведчицы, легендированной очень капитально, – это трудоемкая работа. В одночасье засветить такого разведчика – очень серьезный провал».

Симин появилась не одна. С молодым человеком в модном серебристом зауженном костюмчике, с папкой под мышкой.

– Это Мехран Мас. Он тебя опросит. Он знает, что ты действовал по моему заданию. К тебе вопросов нет. Но мы для твоей же безопасности поддержим тебя у нас недолго. – Она протянула ему блокнот: – Напиши, как подать знак тому человеку. Ты знаешь, о ком я.

Фардин тут же сочинил парольный знак, где и как его оставить. Только Центр может решить обнародовать информацию о действиях Симин в Каракасе, Фардин никак не влияет на принятие этого решения. Но пускай Симин успокоится, все же она прислушалась к доводам Фардина.

Наверняка Симин высадит в засаду людей, чтобы поймать того, кто снимет парольный знак. Под каким соусом она оформит сие мероприятие – большой вопрос. Фардин лишь посочувствовал случайным прохожим, которые могут попасть под раздачу.

– Я зайду к тебе на днях, – Симин спрятала блокнот. – Мехран, пускай с него снимут наручники. Это наш человек. Попрошу повежливее.

Она вышла, и появился конвоир. С легким недоумением на лице он снял браслеты и, позвякивая наручниками, скрылся за дверью.

– Доктор Фируз, мы сразу приступим к главному...

Фардин, прокрутив, продумав неоднократно в камере свою речь, старался не делать пауз, чтобы не возникло подозрений, якобы он юлит или сочиняет.

– В работе на МИ я решил использовать своего старого приятеля, бывшего одноклассника. До меня доходили слухи, что он занят чем-то незаконным. Сам Бог велел поинтересоваться.

– Сразу попутные вопросы, – встрял Мас. – Где вы учились? Вы знали, что он связан с ОМИН?

Фардин прикинул, что надо фильтровать слова еще тщательнее.

Мас, несмотря на молодой вид, оказался цепким, быстро соображающим оперативником.

– Учились мы с ним в Баку. Да, именно про «Моджахедин-э Халк» шла речь.

– Как вы попали в Иран? Вы и он, – Мас подвинул диктофон поближе.

– Вы говорили, что сразу стоит приступить к главному, – Фардин поворошил бороду, отросшую за последние дни. Подстригать ее в камере не было возможности. – Ну что же, начнем с второстепенного. Из Баку мы оба эмигрировали в 90-е. Я – перс, переехал к родне. Рауф Мамедов, так зовут моего одноклассника, замутил бандитский бизнес в Азербайджане, сбежал оттуда в Иран, какое-то время торчал в Ираке, уже будучи в составе ОМИН. Там его задержали, как и большинство участников этой организации. В тюрьме его завербовали американцы. Один из них некий Роджер, – Фардин тщательно опи-

сал его в робкой надежде, что персы знают Д'Ондре в лицо так, как знают его русские разведчики. – Со слов Мамедова, он и такие же, как он, из ОМИН проходили обучение в Америке...

Фардин стал рассказывать все, о чем с ним откровенничал Рауф. Сожалений о судьбе старого друга он не испытывал. Описание посетителей конспиративной квартиры, детальное, с фамилиями, все, о чем слышал, что успел заметить профессиональным взглядом нелегального разведчика.

– Хотелось бы узнать, почему вам выразили такое доверие? – не отставал въедливый Мас. – По моему опыту, оминовцы народ крайне недоверчивый.

– Так и есть. Я вынужден был проявить чудеса изворотливости. Поиграл на детской дружбе, а главное, им нужен был врач. Я хоть и биолог, но разбираюсь в медицине. Вырезал пару осколков и пуль. Зато стал своим человеком. Я собирался в ближайшее время вскрыть эту ячейку, но тут вмешались ваши оперативники. Задержали в больнице бойца ОМИН. Его я недавно оперировал. Он сдал адрес их квартиры. Несколько дней они следили, засекли и меня. В итоге топорной работы вспугнули всех. А меня взяли, потому как я и не прятался. В общем, ряд недоразумений, а время уходит.

– Точной даты начала их выступления нет? – приуныл Мас. – Необходимо сделать фотороботы, недостаточно словесного описания всех этих забойщиков. Ведь они станут заводить толпу?

– Думаю, да. Есть еще несколько адресов, которые мельком упоминались. И не только в Тегеране, но и в Мешхеде, Шахредкорде и Хорремабаде. Их арест сейчас не предотвратит выступления, а вот арест в процессе мятежа деморализует, напугает и покажет законопослушным гражданам силу нашей власти.

– Так есть ли смысл держать вас здесь? – засомневался Мас, не зная о подоплеке решения Симин.

Фардин не собирался рушить договоренности с Симин и не намеревался форсировать. В конце концов, заложенный им Мамедов знает его адрес и, возможно, в курсе ареста. Если вдруг Фардин появится дома как ни в чем не бывало, ему могут предъявить справедливые претензии.

– Я бы не стал торопиться, – возразил он. – Про мой арест они наверняка знают, выпустить меня – это все равно что вывесить транспарант «Фируз – стукач». Долго ли я после этого проживу? А Рауф бывал у меня дома.

– Ясненько, – Мас потер ладони в предвкушении охоты. Он выключил диктофон и, подавшись к Фардину, улыбнулся: – С Симин у вас не только

сотрудничество? Видел я, как вы смотрите друг на друга. Она крайне редко у нас появляется по вполне понятным причинам. Она всегда суровая, а тут такой взгляд...

Фардин, нахмурившись, промолчал. Мас осекся.

Симин вышла с территории изолятора и села на заднее сиденье машины поджидавшего ее «брата». Его присутствие чаще всего раздражало девушку. Соглядатай, охранник, сопровождающий мужчина. Если бы не традиции исламского общества, она с куда большим удовольствием одна разъезжала бы по миру и наверняка уже выше продвинулась бы по карьерной лестнице.

Она довольно быстро втянулась и в работу МИ, и в новый для себя образ жизни, хотя, казалось, еще совсем недавно была другим человеком.

Состоятельная семья, вилла у подножия Точала с бассейном и прислужгой. Родители большую часть времени проводили в Америке или в Европе из-за отцовской работы.

Симин была, по сути, предоставлена самой себе. К ней приходили друзья, за высокой оградой виллы они позволяли себе гораздо больше, чем допускал их возраст – шестнадцать-семнадцать лет, религия и традиции Ирана. Девушки на подобных вечеринках оставались без платков и привычных глаз плащей, закрывающих бедра, в ходу были выпивка и легкие наркотики.

Один из таких загулов окончился фатально для двух подружек Симин, и ее саму привел бы к позору и позору семьи Сарда, а возможно, и к гибели, если бы не Каве Сами...

Она его увидела, когда открыла глаза после чудовищного удара... Это, наверное, было сродни новому рождению и встрече с Создателем. В тот момент ей подобные рассуждения, конечно, в голову не пришли. Она просто вяло, с трудом припомнила, что же произошло.

Симин с двумя подружками в пьяном дурмане решила прокатиться на машине из отцовского гаража. Ночная дорога после дождя, хмель в крови, внезапно возникшая из темноты черная машина и ослепивший яркий всплеск фар.

Инстинктивно Симин вывернула руль, спасая себя и подставив правую сторону машины под удар. Автомобиль потащило по мокрой дороге юзом, и он влетел в черный «Раннэ».

Очнувшись, увидела сначала ночное небо, приближенное, как через телескоп, не отгороженное от нее вылетевшим лобовым стеклом, а затем на фоне неба выплыло его лицо, разозленное, бледное, с дорожкой крови, стекающей по виску.

Он выволок Симин из-за руля, в бардачке отыскал документы на машину с фамилией владельца, имя которого у Каве было на слуху. Он спросил, как зовут девушку, заподозрив, что она с подружками угнала машину, но, услышав ее фамилию, понял, что Симин дочка хозяина автомобиля.

Каве осмотрел двух других девушек и, убедившись, что они обе мертвы, одну из них перетащил с пассажирского сиденья на водительское место.

Соображал Каве быстро, потому и работал в МИ, был на хорошем счету, и именно ему доверили привезти из Мексики кейс с пробирками, украденными иранским агентом из американской секретной лаборатории.

Это первое, что он проверил после аварии, – целостность кейса, который вез из аэропорта в лабораторию МИ. Случилась бы большая беда, если бы произошла утечка радиоактивного вещества, доставленного им из Латинской Америки.

Затем он взялся за девчонку и отправил Симин домой.

– Уходи сейчас же! – велел он таким тоном, что не осталось сомнений в ее протрезвевшей голове – только подчиниться, только положиться на этого грубого человека. Он, похоже, знал, как быть в любой ситуации, даже когда в ее машине два трупа и в его еще один – водителя, встретившего Каве в аэропорту.

Она спряталась дома и не отвечала на телефонные звонки своих многочисленных друзей. Никто не приходил к ней из полиции. Словно ей просто-напросто все приснилось. Но мнимый сон прервал позвонивший Каве. (Прислуга позвала Симин к телефону, хотя она распорядилась не звать ее, только если будут звонить знакомые.) Он напомнил об аварии и велел ждать его в гости, удалив прислугу, чтобы его не видели в доме Сарда.

Когда он сидел у нее в гостиной развалившись в кресле, а перед ним с неестественно ровной спиной замерла семнадцатилетняя Симин, он объяснил ей, что говорить родителям, что произошло «на самом деле» и как будет теперь жить дальше девочка Симин, если вообще хочет жить.

Симин хотела. От Каве она узнала, что машину отца угнали и разбили неизвестные ей люди. Про двух погибших девушек вообще не шла речь. Нет их, как и не было.

– Ты будешь учиться и для меня выполнять небольшие услуги.

Он узнал о ее серьезном увлечении живописью, и вскоре она поступила в училище изобразительных искусств Тегерана, не прилагая особых усилий.

Несколько раз ей приходилось выезжать за границу под видом учебы на дополнительных курсах и там, сняв платок, встречаться с указанными ей Каве мужчинами. Первого Симин попросили только привести в определенное место, затем оставить там. Она догадалась, что его ждала печальная участь. Второму девушка уже самолично подсыпала порошок в виски. Третий оказался самым трудным заданием – израильский бизнесмен. Художница попала в Израиль через третью страну по поддельному паспорту. Она ликвидировала бизнесмена на его же яхте в Средиземном море, и ей пришлось долго добираться вплавь до суши.

Затем она стала учиться уже не живописи, а прошла разведывательный спецкурс, получила офицерское звание, все это соблюдая конспирацию и получив псевдоним Нора по имени известной аргентинской художницы, сестры Борхеса, родившейся в начале двадцатого века. Они и внешне были очень похожи – Симин и Нора.

И уже начав карьеру профессиональной разведчицы, Симин вдруг узнала, что о ее работе на Каве до обучения в разведшколе никто в МИ не знает. Только она и он в курсе дела, ее нынешний куратор и... любовник. Симин догадывалась, что ее руками он решал какие-то свои проблемы и теперь она с ним настолько повязана, что только смерть разлучит их. Так и вышло. Он погиб в Сирии. Об этом стало известно год назад.

У Симин земля ушла из-под ног. Никто не назовет ее больше Зердана. Так звал ее лишь он, считая, что название иранского эндемика, растущего на скалах, как нельзя лучше подходит ее решительной натуре, способной на многие лишения ради выбранного раз и навсегда пути.

Год она оставалась потерянной, без опоры, без надежного прикрытия. Она укрепляла свои позиции в МИ, закусив удила, блестяще реализуя все поручения Центра.

А через год встретила Фардина, показавшегося ей антиподом Каве – мягкого, интеллигентного, красивого. И все же неосознанно она ощущала в нем ту же закваску, что и в Каве...

Проезжая по улицам родного Тегерана после посещения Фардина в тюрьме, она пыталась понять, что же сегодня произошло? Очередное лобовое столкновение, после которого ее жизнь снова изменится кардинально? Как же ее размягчили и ослабили эти отношения, что она так прокололась?

В тот же день Фардин встретился с экспертом-криминалистом для составления целого вороха фотороботов.

Затем Фардин попросил Маса приносить ему свежие газеты и держать в курсе, насколько это возможно.

Потянулись дни и ночи ожидания и бездействия, когда от Фардина уже ничего не зависело. Его, правда, периодически вызывали для уточнения деталей. Газетами доктора снабжали исправно. Принесли и бритвенные принадлежности. Он не брился, но подстригал бороду, убивая всесильное и бессмертное время.

Приближался западный Новый год, и Фардину оставалось только гадать, что происходит на воле, что думает об его пропаже Центр, выйдет ли он на свободу или после расследования подготовки мятежа вплотную займутся самим Фардином?

О начавшихся акциях протеста, полыхнувших сперва в Мешхеде 28 декабря, он узнал через несколько дней от взволнованного Маса. Тот явился прямо в камеру со словами: «началось» и «ты был прав». Они за время общения с Фардином перешли на ты.

– В Мешхеде подожгли мотоцикл полиции, – сообщил Мас. – Перекинулось и в другие города. В Абхаре жгли портреты аятоллы Хаменеи, в Доруде открыли стрельбу. Формально выступают против высоких цен, как ты и говорил, в эту болевую точку бьют больше всего. Против Рухани. Мы успели кое-кого схватить, и массовости манифестаций особой нет. Самое большее – несколько тысяч, а то и несколько десятков всего-навсего. Американцы твякают, что мониторят у нас ситуацию. Наши чихали на их высказывания. Полиция ведет себя обоснованно жестко. Задерживает десятками, мы развернули пропаганду, призываем мирных граждан не ввязываться в мятеж. По IRIB¹ сообщают о том, что все это происки Запада. Экономические проблемы – лишь предлог, чтобы погрузить страну в хаос. Да, – Мас хмыкнул, – ты был прав насчет речевок и лозунгов. Все есть. К примеру: «Не Газа, не Ливан, моя жизнь – Иран!», «Оставьте Сирию, подумайте о нас!» Так же все начиналось в Ливии и в Сирии. Но мы это уже проходили в 2009 году. Справились тогда и справимся сейчас. Наша агентура подавала сигналы, а твоя информация и вовсе оказалась бесценной.

– Не вижу пока повода для радости, – был настроен скептически Фардин. – Затягивают это американцы, израильтяне тоже ведь рассчитывали на что-то, вкладывали деньги.

– Судя по отчетам с мест, там все держат под контролем. А этот Роджер, как мы выяснили, – Майк Д'Ондре, цэрэушник, назначенный весной руководителем спецсектора по Ирану.

– А что Азербайджан? Как они реагируют?

– В Пираншехре был бой с азербайджанскими сепаратистами. Трое из КСИР погибли. Изъяли у боевиков автоматы, гранаты. В Ардебиле примерно то же самое. Да еще инструкции изъяли по устройству беспорядков. А вот Азербайджан держит нейтралитет. Официально от всего откестился. Но 2 января, вчера, пытались взвинтить ситуацию – у посольства Ирана в Баку митинговали с лозунгами о воссоединении с «матерью-родиной»... А вообще я пришел за тобой. Руководство считает, что пора тебе, затворнику, выйти на волю. Единственное, Симин просила подписать кое-какие бумаги.

Мас достал из своей дежурной папочки, которую таскал все время с собой, несколько листов.

Фардин, не ожидавший такого расклада, встревоженный, прочел документы. Один из них был предсказуемым – подписка о неразглашении. А второй – о согласии работать на Министерство информации, оформленный задним числом – маем 2017 года. Это был страховочный вариант уже для Симин.

– Это формальность, – благожелательно сказал Мас, протягивая ручку. Он, по-видимому, не вдавался в содержание бумаг и решил, что это все связано с вопросами соблюдения секретности.

У Фардина не оставалось выбора, и он все подписал, чтобы наконец выбраться из тюрьмы.

Став агентом спецслужбы, Фардин ломал голову, начнут ли его задействовать как агента в дальнейшем и как сложатся отношения с Симин? Вернее, продолжатся ли они?

Впрочем, на ее счет у него были вполне определенные планы.

Оказавшись на улице, Фардин поймал попутку и доехал до дома. Деньги ему вернули вместе со шнурками и ремнем, а вот про ключи от дома он вспомнил только у двери в собственную квартиру. Фардин так спешил вырваться на свободу, что забыл про ключи.

Он засмеялся, стоя у двери, а она вдруг распахнулась. На пороге стояла Симин.

– Проходи, проходи, – разрешила она снисходительно. Указала на столик у двери, где лежали ключи. – Ты забыл их взять. Вот решила выручить.

– Если тебе нужен был дубликат или просто порываться в моей квартире... – Фардин зашел, тщательно запер за собой замки, разулся и поставил ботинки носком к носку, задник к заднику. – Добро пожаловать! Я ничего не скрываю от тебя. Не боишься доносов соседей? Одна у мужчины.

– Брат внизу ждет.

– Брат? – с усмешкой переспросил Фардин.

Симин отвернулась и прошла в гостиную. Звук ее каблучков то глух в ворсе ковров, то звенел, вырвавшись на оперативный простор паркета.

¹ IRIB – государственная телекомпания.

– Жизнь твоя теперь несколько изменится... – Она села в кресло и огляделась. – Я тут слегка прибралась. Но зашивать обивку мебели придется самому.

На журнальном столике лежали два конверта, очевидно, с деньгами.

– Там компенсация за погром, деньги за работу агента и премиальные.

– Ты все еще не веришь мне? – Фардин задумчиво пригладил бороду. – Это твое право. Но я не хочу работать агентом. Можешь забрать деньги.

– Поздно. Ты уже подписал серьезные бумаги. Оснований для отказа никаких. Для моей подстраховки тебя отстранили от работы в секретной секции, ну и для возможности выезжать за границу на симпозиумы и конференции.

– Какие?.. А, ты хочешь, чтобы я работал, как ты?

– До меня тебе еще расти и расти. Будешь встречаться со своими коллегами в разных странах, общаться с иранцами-эмигрантами. Слушать, запоминать, выводить на откровенность. Судя по тому, что ты проделал с этими азербайджанцами, тебе это вполне по силам. Если ты не разведчик, значит, человек, очень подходящий для такой работы. И грех тебя не использовать. Возможно, ты за проделанное получишь даже госнаграду. А я уже получила за работу с агентом. Вот так.

– Раз я твой агент, так уж и быть, снабжу тебя кое-какой информацией, которую придержал. Но сперва скажи, вы взяли среди других мятежников Рауфа Мамедова?

– Допустим, – кивнула она. – У тебя с ним личные счеты? Ты так стремился его засадить. Он увел у тебя девушку?

– Он пытался увести у меня страну, – то ли в шутку, то ли всерьез сказал Фардин. – Так вот, не торопитесь пускать его в расход. И отправлять в обычную тюрьму, а то он там, не ровен час, помрет от плохих условий. Он ведь азербайджанский разведчик.

– С какой стати ты это решил? – Симин выглядела взъерошенной, не понимая, что происходит.

– Я ездил в Мешхед, где встретил парня из ОМИН – Фархада, я упоминал о нем на допросах, не рассказал только, что Фархад убеждал меня в принадлежности Рауфа к азербайджанским спецслужбам. Рауф утверждал, что не ездит в Баку, Фархад же говорил, что, наоборот, отправлялся он туда частенько. Если вы взяли и Фархада, он даст показания. Принести в клювике такого субчика – это, и правда, на награду тянет.

Она встала и подошла к нему совсем близко.

– Ты ведь обманул меня. Ты не собирал на меня компромат и не планировал его обнародовать? – кончиками тонких пальцев она коснулась его руки.

– Я же говорил, что не разведчик. Все вышло спонтанно. Ревность – двигатель прогресса, – переиначил он известное изречение. – Меня поставили в такие условия, что пришлось защищаться всеми доступными средствами.

– Так ты не ответил, – она подалась вперед, так что он почувствовал ее щекочущее дыхание у себя на шее. – Компромат – запись, фото, копии документов на аренду..

– Пусть это останется моей маленькой тайной. – Он приблизился к ее губам.

Оторвавшись от них, он шепнул:

– С агентом тебе же нельзя, ты теперь мой начальник... начальница.

– Куратор, – пояснила она, притянув его снова.

Но он отстранился.

– Есть серьезный разговор. Не хотелось бы общаться в четырех стенах. У меня на замкнутые помещения теперь легкая аллергия, как ты понимаешь. Прогуляться бы в парке, уединенно. Это в твоих же интересах.

Симин взглянула на него испуганно. Чего-то подобного она ожидала и опасалась.

Шантаж – только затравка, холодная закуска. Ею надолго сытым не останешься. Будь Фардин банальным шантажистом, который волею случая влез во взрослые игры спецслужб, его можно было бы легко убрать.

Как правило, слова о спрятанном где-либо компромате – блеф. Симин хватило бы месяца, чтобы выявить все его связи и не допустить утечки компрометирующей ее информации. Физическое устранение – и дело с концом. Но она не торопилась планировать решительные шаги в отношении Фардина – догадывалась об его истинной сущности.

– Можно прогуляться сейчас, – она взглянула на часы. – Это ведь ненадолго? Напротив твоего дома есть небольшой сквер.

– Что же, давай не станем оттягивать.

Спонтанность в данном случае была ему на руку.

Они молча спустились на лифте, Фардин, выйдя из подъезда, мельком бросил взгляд вдоль улицы. В машине, припаркованной около бетонной клумбы, сидел «брат» Симин, не включая свет в салоне, только то и дело вспыхивал огонек его сигареты за пыльным лобовым стеклом автомобиля, тускло отражающим свет уличных фонарей.

Фардин не торопился начинать беседу до тех пор, пока они не перешли дорогу и не оказались в глубокой тени огромной акации, хоть и обнажившейся на зиму, но с загущенной старой кроной.

– Понимаешь ли, дорогая Зердана, ты ведь уже взрослая девочка, – заговорил Фардин, используя интонации Каве, с какими тот обращался когда-то к Симин.

Каве восхищался ее способностью приспосабливаться к любой обстановке и стрессу. Она очень легко приняла правила игры, которые он ей навязал, будто и не выросла в богатой семье изнеженным цветком, а пробивалась в жизни в бедных районах Тегерана, среди торговцев и крестьян.

Симин так побледнела, что даже в густой тени дерева стала заметна белизна ее лица, обрамленного платком.

– Не понимаю... Откуда... Это имя знал только он, – прошептала она. – Слово мертвый восстал из гроба...

Фардин не остановился:

– Ты доставила мне много неприятностей. Та авария, я вез слишком ценный груз, и тебе, в общем, повезло, что я не стал разбираться на месте. Слишком спешил. Два трупа твоих подружек, оставшиеся в машине, и мой погибший водитель. Они не являются тебе по ночам? Ты ведь без зазрения совести бросила их тогда в папиной машине. А те люди, которых ликвидировали с твоей помощью. Это ведь было до начала твоей службы, до начала создания твоего досье. Я решал свои проблемы, частные, ты об этом тогда не знала, думала, что это важно для Ирана, не так ли? Спешу тебя разуверить. Это, по сути, была обыкновенная уголовщина, Зердана, – Фардин придержал за локоть пошатнувшуюся девушку и шепнул: – Ты же догадываешься, кто мог бы тебе это сказать? Кроме него и тебя, никто не знал... Теперь ты понимаешь, как меня надо оберегать?

– Это ведь... Я... – Симин опять не смогла сразу подобрать слова. Она почувствовала такую же беспомощность, как тогда, когда возвращалась домой после аварии, прихрамывая, понимая, что случилась катастрофа в прямом и переносном смысле, но Каве все же оставил ей надежду на благополучный исход. И сейчас надежда на выживание теплилась.

Она видела в своем воображении помост для казней на темной площади, но в деревянном помосте имелась потайная дверка для бегства, и Фардин все же открыл ее перед ней.

– Теперь ты подпишешь бумажку и будешь оберегать меня пуще зеницы ока, используя все свои ресурсы и знакомства. Никакого наблюдения за мной, никаких проверок, никакого риска для меня, связанного с моей работой на тебя. Ведь ты мой куратор теперь. И необходимо, чтобы ты им оставалась всегда, я повторяю, всегда, чего бы тебе это ни стоило. Я буду спокойно исследовать водорос-

ли, а ты, возможно, через какое-то время сведешь мою деятельность в качестве агента к нулю, я потеряю ценность или что-нибудь в этом роде, чтобы про меня забыли. Но это обсудим позже.

– Это все? – с надеждой спросила Симин.

Фардин благодушно рассмеялся, и от этого смеха Симин прошиб пот.

Никакой лазейки, никакой щелки, дверка под помостом для казни оказалась ловушкой, клеткой для редкой птички.

Наконец, оставшись в квартире один, он сидел на диване с полотенцем на шее, наслаждаясь хоть и временным, но затишьем, тем, что удалось вымыться по-человечески.

Фардин включил телевизор и ждал новостной программы, пытаясь осознать, к какому знаменателю он пришел.

Вербовка Симин прошла удачно. Она теперь в лепешку расшибется, чтобы его оберегать.

Открылся выезд за границу, а значит, появилась снова возможность осуществлять связь со своими не в самом Иране, где очень рискованно. Стать агентом Министерства информации – это несомненная удача для разведчика, но головная боль. Хотя теперь у него есть надежная Симин...

На телеэкране появился бригадный генерал, командующий КСИР Джафари.

– Мятеж окончен! Наши граждане могут быть спокойны за свою безопасность, – лицо седоватого генерала с морщинами и грустными глазами слишком много знающего человека вызывало доверие. Он не часто улыбался, а сейчас выглядел убийственно суровым. Темно-зеленая форма подчеркивала его строгость. – Наши враги снова попытались напасть на нашу Исламскую Республику. Сейчас мятежники, которым заплатили США, Израиль и Саудовская Аравия за их гнусную, подлую работу, арестованы. Это известные нам боевики «Моджахедин-э Халк», запрещенной в Иране террористической организации, и внедренные в ряды мятежников головорезы ДАИШ. Мы справились малыми силами, проведя ограниченные спецоперации в трех провинциях – Исфahan, Лурестан и Хамадан. Двадцать человек пострадали в боевых столкновениях. Враги недовольны успехом и прогрессом иранского народа. Ну что же, мы в состоянии дать отпор, не допустить «цветных» революций. Мы обесцветим любую подобную провокационную, сеющую хаос революцию. Пусть не питают иллюзии некоторые страны, наши соседи, что можно разбить Иран, отделить от него территории. Скорее мы сами вернем утерянные нами в силу

обстоятельств исконные территории, ставшие искусственным государством, к тому же пригревшим «специалистов» из ЦРУ и Моссада, дабы они могли быть поближе к руководимым ими боевикам на нашей территории.

Он явно намекал на Азербайджан. Фардин с легкой полуулыбкой слушал генеральскую речь, полную бравады и гордости за страну.

– По нашим разведданным, атаку на нашу страну, попытку устроить очередную революцию, подобную Ливийской, Сирийской и многим другим, подрывающим исламский мир, организовали агент ЦРУ Майк Д'Ондре и высокопоставленный человек из Моссада. Они и название придумали – «Доктрина последовательной конвергенции» и разрабатывали этот план несколько лет. А провалился он в одночасье. Сброд и террористы пытались выдать себя за тружеников-иранцев. Но настоящие иранцы не терпят на своей земле бандитов, сеющих западные аморальные ценности и мечтающих захватить богатства нашей страны. Они хотят конвергенцию, то есть уподобить нас их западным моделям, экономическим и жизненным. Но наша древняя цивилизация и самобытность пережили разные периоды и попытки сломить нас. Мы как существовали, ведя свою историю с VI века до нашей эры, так и будем существовать. И помогать другим, кто попросит нашей помощи, в том числе и странам, задыхающимся в огне ДАИШ, порожденным все тем же Западом.

Он что-то еще говорил в том же духе, активно жестикулируя. Фардин удовлетворенно покинул и подумал: «Изучаем водоросли, предотвращаем «цветные» революции». Собрался было закурить, но заботливо принесенный Симин блок сигарет, поразмыслив, отверг. Нашел записку на шкафу и, задымив комнату, переместился на балкон.

Ежась от январского холода, он вспомнил, как видел несколько передач российского телевидения в Венесуэле. В политологических спорах провокаторы, которых непонятно для Фардина называли «либералами», слово в слово повторяли все лозунги, использованные в эти дни в Иране. Только с другими географическими названиями. Россию призывали заниматься собственными внутренними проблемами и не лезть в Сирию и на Украину. Значит, и Россия, и Иран хорошо намозолили глаза США в Сирии, раз оплаченные ЦРУ провокаторы, как под копирку, транслируют одни и те же речевки.

В пять утра Фардин пошел отведать калепаче, жирный и наваристый. Наевшись на весь день, он и вовсе повеселел. Жизнь вливалась в свое привычное русло. Выдержав на работе подозрительные взгляды (слухи о нем уже распространились), Фардин воца-

рился в своей прежней лаборатории. Там не успели назначить нового начальника. Его зам исполнял обязанности.

После работы Фардин заглянул в книжный магазин. Шахаб встретил его ошеломленным взглядом, но никак на словах не проявил своего удивления и радости при появлении Фардина. Доктор Фируз полистал несколько книг, в одной из них незаметно оставив сообщение для Центра о своем освобождении и об успешно проведенной вербовке Симин Сарда.

Попросил без лишней необходимости его пока не беспокоить, контакты проводить, как и прежде, за границей, о выезде он сообщит по старому каналу.

Через неделю после шифровки перса, пришедшей из Тегерана, Алексеев собирался на встречу с Д'Ондре. Узнав окольными путями о возвращении Майка в Объединенные Арабские Эмираты, радуясь и потирая руки, Алексеев позвонил не солоно хлебавшему Роджеру Торнтону. Тот бодрился изо всех сил и согласился поужинать вместе.

Алексеев пригласил его в иранский ресторан «Бахар» на пристани Дубай-Марина. Роджер после едва заметной паузы согласился, видимо, мысленно проклиная скрытую иронию Алексеева.

Просидев в ресторане около часа, Алексеев с удовольствием закусил фисташковым супом, кебабом из баранины и выпил чаю за здоровье Бакинца. Д'Ондре так и не явился и не отвечал на звонки.

Через год, в декабре 2018 года, разгорелся скандал в СГБ Азербайджана. Выявили шпионскую сеть из бывших сотрудников спецслужбы, работающих на Иран. Фардин от Симин узнал, что состоялся обмен двоих разведчиков на Мамедова. И это косвенно подтвердило, что коллеги Симин все же раскрутили Рауфа, хотя подробности художница пока не разузнала, Фардин и не требовал, чтобы не подставлять ее без лишней надобности.

Новость об этом обмене слегка успокоила совесть Фардина, жалевшего Рауфа по старой памяти...

В этом же году США полностью восстановили санкции против Ирана, в августе, когда окончательно убедились, что переворот не удался. А в 2019 году и вовсе объявили КСИР террористической группировкой, идя на поводу Израиля. В ответ Иран внес в свой список террористических организаций вооруженные силы США. Штатам просто-напросто надоело спать спокойно.

Николай ТУЛАЕВ

Николай Петрович ТУЛАЕВ родился в 1954 году в деревне Бакуры Екатериновского района Саратовской области. После окончания средней школы в 1971 году поступил слесарем на завод, в 1972 году был призван в армию. Служил на Северном флоте. В 1973 году поступил в Киевское высшее военно-морское политическое училище. После его окончания служил на Балтийском флоте. В 1985 году окончил Военно-политическую академию имени В. И. Ленина. Службу завершил в должности старшего офицера группы психологической подготовки управления боевой подготовки штаба Балтийского флота.

После увольнения в запас в 1994 году был избран депутатом Калининградской областной думы. С 2000 по 2011 годы — член Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации от Калининградской области, возглавлял там комиссию по регламенту и организации парламентской деятельности.

Стихи пишет с курсантской юности. Автор нескольких поэтических сборников.

НЕ ВЕРЮ Я В ЗЛЫЕ ПРОРОЧЕСТВА

* * *

*Уезжает Колька, уезжает —
Говорят, что немцы под Москвой.
Мать ему сестру рождает.
Завалило дворики листвой.*

*Рядом фронт, война грохочет —
Там отец, пехоты рядовой.
Только Колька уезжать не хочет,
Ждёт отца с передовой.*

* * *

*Московия —
Страна богатая и славная.
А главное,
Ты Родина моя!
Есть в мире земли экзотичнее,
От красоты их я не мел,
Они прославлены с античности,
Но ты милее всех земель,
Московия!
Могучий твой народ.
А если реки льдами скованы,
Я верю, будет ледоход!*

* * *

*Я вновь пишу — и это чудо!
А я ведь думал: не дано.
Стихи — беда?
Стихи — причуда?
Безделье,
Может быть, вино?
Стихи — любовь,
Стихи — награда
За ночь бессонную, за боль.
Не тишина, а канаода
И не покой, а бой, а бой.*

НА СМЕРТЬ ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО

*Для поэта сорок — много.
Его в старость не зови.
Коротка судьбы дорога
К Богу, славе и любви.

Он и сам иной природы,
Непонятной нам пока.
Смертным жизнь дарует годы,
А ему — века, века.*

* * *

*Я родился в деревне
И в деревне умру.
Над могилой деревья
Зашумят на ветру.*

*И прошепчет им поле,
Цену зная всему:
Жил, мол, дедушка Коля,
Царство Божье ему.*

* * *

*Поговори со мной, поговори.
Быть может, полегчает.
Давай присядем, выпьем чая —
Вот сахар, мёд и сухари.
Поговори со мной, поговори.
Душа моя в смятенье,
Легли на сердце тени,
И нет ему зари.
Поговори со мной, поговори.
Прошу не помощи — участия,
Простого слова, веры в счастье,
Возьми же чудо сотвори —
Поговори со мной, поговори.*

* * *

Всё бросить — и в деревню,
В саратовскую глушь.
Сварить бы там варенье
Из яблок, слив и груш.

С соседом, старым мельником,
Поспорив, не заснуть.
Распить чекушку беленькой
И близких помянуть.

* * *

Постою под липой на Арбате,
Пока дождик смывает грехи.
Помолюсь тихонько об утрате,
Об удаче прошепчу стихи.

Жизнь прошла, и всё уже свершилось.
Берег близок у её реки.
И таить в мешке не стоит шило,
Но и жемчуг прятать не с руки.

* * *

Уж видно, так самой судьбой
Вот этот край суровый, северный
Нам суждено обжить с тобой
Под звон бокальный новоселья.
Ты не печалься, что цветы
Растут здесь в редком исключении,
И часто у меня реченья,
И встречи ждём напрасно ты.

* * *

Увезёт меня поезд,
Самолёт унесёт.
Может быть, уже поздно?
Наплевать бы на всё
И остаться мне дома.
Уезжать на кой чёрт,
Но дороги истома
Всё влечёт и влечёт.

ТУАПСЕ

Городок морской, портовый,
Он рабочий и фартовый,
Славой ратной знаменит,
Неприступный, как гранит.
Здесь судьбы моей начало —
От его уплыл причала.
И к нему опять причаляю:
В радости или в печали,
В орденах или без наград —
Он любому будет рад.

* * *

Отцвела черёмуха,
Почернела ягода.
И считаю я года,
Их удачи, промахи.
Столько было разного,
Дряни и хорошего,
А осталась разве —
Только память прошлого.
Но спасибо всё же,
Жизнь, тебе за это.
За весну и лето
И за осень тоже.

* * *

Хочу тепла — зима не в радость,
От холодов устал и непогод.
Не тот судьбой мне выпал градус
Географических широт.

И в этой личной незадаче
Мечты народной вижу крах:
На юге он искал удачи,
А обретал на северах.

* * *

А любовь — это осень.
А любовь — это лето.
Это мая цветенье
И зимы снегопад.
Есть печаль у любви,
Радость есть,
Только это
Надо всё заслужить
Нам ценою утрат.
Что поделаешь, друг,
Нелегко, это правда,
Уходить на полгода —
Не на день, не на час.
А какая нас ждёт
С возвращеньем награда,
Мы не будем гадать.
Всё зависит от нас.

* * *

Обломаю куст сирени
Для любимой в день рождения.
Пусть подумают соседи,
Что проказничают дети,
И простят мои грехи
За весёлые стихи.

* * *

Очарован тобой
Как неожиданную радостью,
Как взъерошенным ветром,
Пустившимся в пляс.

Очарован тобой
И немею я рядом
С синевой бездонной
Родников твоих глаз.

Очарован тобой —
Нет тебя в мире краше,
Моей юности ты
Голубиный полёт.

Очарован тобой
И хожу ошарашенный,
Будто звёзды упали
Ко мне в огород.

* * *

Пишет тебе капитан-лейтенант
Рождения сорок шестого года.
Командир МПК, женат,
Поэт и философ своего рода.
Хотел написать в шутовском тоне,
А вышло как-то прозаично.
И океан в семь баллов стонет
Вполне обыденно и привычно.
И нет ничего необычного
В нашей с тобой разлуке.
И только забылись руки,
Глаза твои, сына личико.
И съедает тоска одиночества,
Сердце жмёт, стихи вторя.
Но не верю я в злые пророчества,
С набежавшей волною споря.
Благодарен тебе навек
За великий женский талант —
На посту не смыкающий век
Капитан-лейтенант.

* * *

Переправь меня, паромщик,
На ту сторону любви.
Может, ты мне не помощник,
Только всё же подсоби.
Помоги мне разобраться,
Что не так и что не то.
То ли плакать, то ли драться,
Да не знаю я за что.

Гавриил Державин

Гавриил Романович Державин родился в семье мелкопоместных дворян в имении Сокуры под Казанью 14 июля 1743 года.

В январе 1762 года поступил на военную службу рядовым в Преображенский полк.

В июне 1762 года в составе полка участвовал в военном перевороте на стороне Екатерины II.

В 1773 году на службе обнародовал свои первые стихи.

В 1773-1775 гг. в составе полка участвовал в подавлении восстания Емельяна Пугачева.

В 1778 году женился на Екатерине Бастидон, дочери бывшего камердинера Петра III.

В мае 1784 года был назначен Олонецким губернатором.

С 1786 по 1788 годы служил правителем Тамбовского наместничества.

В 1791 году перешел на службу к Екатерине II ее личным кабинет-секретарем.

В 1794 году после смерти первой жены поэт женился во второй раз на Дарье Дьяковой.

При императоре Александре I он служил министром юстиции.

В 1803 году ушел со службы на пенсию и поселился в своем имении Званка.

В 1772 году был произведен в офицерский чин прапорщика.

В 1777 году вышел в отставку и поступил на гражданскую службу коллежским советником в Сенат.

В 1783 году стал широко известен как писатель после опубликования оды «Фелица» с посвящением Екатерине II.

В 1784 году написал оду «Бог».

В 1791 году написал оду «Гром победы, раздавайся!» на взятие Суворовым Измаила, долгое время считавшуюся неофициальным гимном России.

В 1800 году взял на попечение сыновей своего умершего друга Петра Лазарева, в том числе Михаила, ставшего впоследствии адмиралом, первооткрывателем Антарктиды и губернатором Севастополя.

В 1816 году поэт скончался в своем новгородском имении Званка.

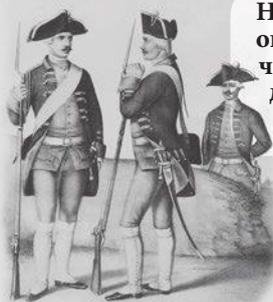
Среди предков Гавриила Романовича был Алексей Нарбеков по прозвищу Держава, который служил в Казани. От него и произошла фамилия поэта.

Он родился недоношенным, потому что беременная мать по дороге домой из Казани выпала из кибитки и начались преждевременные роды.

Первое слово, которое Гавриил произнес в полгода, было «Бог». Именно поэтому он так назвал одну свою оду.

Первые стихи, написанные им на солдатской службе, были сожжены на карантинной заставе при въезде в Санкт-Петербург, где свирепствовала чума.

На военную службу он был призван рядовым, потому что не нашли его документов о дворянстве и не могли сразу дать офицерское звание.

Детей Державин не имел ни от первого, ни от второго брака.

В Олонецком крае он спас от уничтожения водопад Кивач.

Державин очень хотел получить назначение губернатором в Казань, но Екатерина II отправила его в Петрозаводск.

Творчество Державина – вершина русского классицизма, начатого творчеством Ломоносова и Сумарокова.

В Петрозаводске Г.Р. Державин построил первую больницу.

В Тамбове им была основана первая городская типография и начат выпуск первой губернской газеты «Тамбовские ведомости».

При Павле I он отвечал за сбор налогов и организацию поставок продовольствия для армии и снискал славу своей честностью.

За время службы был награжден орденами: Святого Александра Невского, Святого Владимира 3-й степени, Святого Владимира 2-й степени, Святого Иоанна Иерусалимского, Святой Анны 1-й степени

Имя Державина носит Тамбовский государственный университет

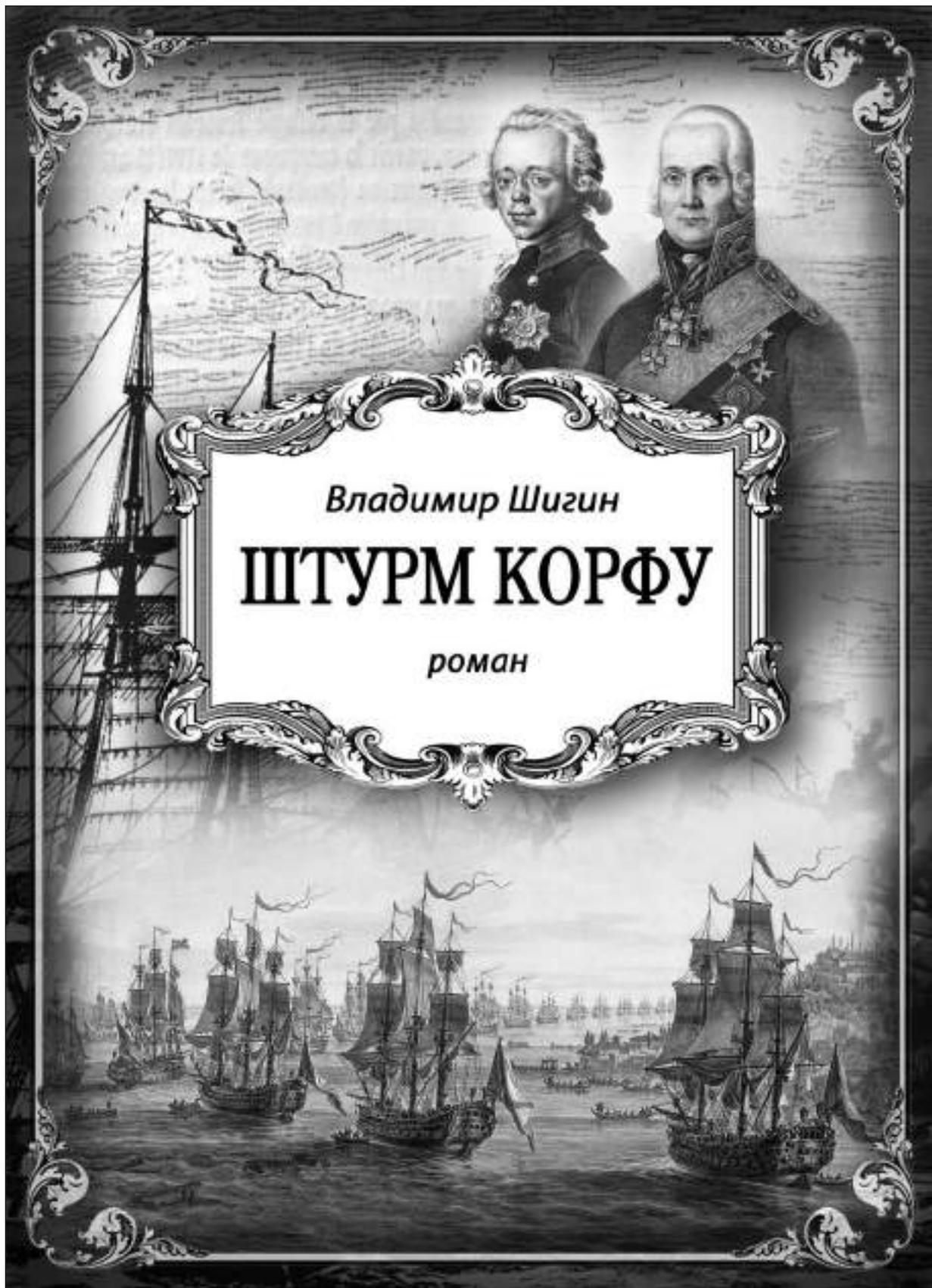
После выступления перед ним юного Пушкина он попросил отыскать его, но будущего гения русской литературы, убежавшего в возбуждении из зала, в тот день так и не нашли.

Чтобы показать мягкость русского языка, он написал стихотворение «Если б милые девицы так могли летать, как птицы...», в котором нет ни одного слова с буквой «Р».

В Великом Новгороде на памятнике «1000-летие России» среди 129 фигур самых выдающихся личностей в российской истории (на 1862 год) есть фигура Державина.

Коллаж Ольги МАЗУРИНОЙ

Владимир Виленович ШИГИН родился 12 марта 1958 года в Севастополе. Моряк в пятом поколении. После окончания в 1981 году Киевского высшего военно-морского политического училища служил на Балтийском флоте. В 1991 году после окончания военно-педагогического факультета Военно-политической академии имени В.И. Ленина был назначен заместителем начальника пресс-центра ВМФ.

С 1996 года по настоящее время – редактор отдела литературы журнала «Морской сборник». Член Союза писателей России. С 2013 года секретарь Союза писателей России.

Капитан 1 ранга запаса. Награжден орденом Почета. Заслуженный работник культуры РФ. Лауреат литературных премий.

Владимир Шигин – автор множества романов на морскую и историческую тематику.

Предлагаем начало нового масштабного, познавательного и захватывающего романа автора, продолжение которого будет опубликовано в последующих номерах нашего журнала.

*Чему, чему свидетели мы были!
Игралища таинственной игры,
Метались смущенные народы,
И высились, и падали цари,
И кровь людей, то славы, то свободы,
То гордости багрила алтари.*

А.С. Пушкин

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОТ БАСТИОНОВ МАЛЬТЫ ДО ПИРАМИД ГИЗЫ

Глава первая

ПАСЬЯНС ИМПЕРАТОРА ПАВЛА

Взойдя на престол после внезапной смерти матери императрицы Екатерины Второй, Павел провозгласил невмешательство России в европейские дела и сосредоточение на делах внутренних. Но долго оставаться вне Европы у нового императора не получилось. Уже через год пришлось серьезно задумываться, с кем и против кого дружить. Армии революционной Франции взламывали одну за другой старые границы. Якобинцы сумели отбить австрийское нашествие и изгнать англичан из Тулона, а затем никому еще неизвестный генерал Бонапарт захватил Италию. Было очевидно, что отсидеться за погранич-

ными столбами не удастся. На фоне вражды с Парижем неожиданно для всех наметилось сближение с извечным врагом – турками. Канцлер Александр Андреевич Безбородко по этому поводу иронизировал, имея в виду французов:

– Это же надо быть такими уродами, чтобы подружить нас с турками, чего отродясь не бывало!

Ситуация была на самом деле весьма необычная. Когда российский посол в Константинополе Кочубей получил письмо Павла Первого, он не поверил своим глазам и перечитывал его снова и снова: «По общим делам в настоящем положении, когда непрочное французского правления существование, а притом и не самые решительные воюющих против нее держав успехи, полагают всю войну сию в число самых неизвестных. Мы охотно согласимся дружелюбно объясниться с приятными к нам державами... Из числа приятных сил держав не изъемлем мы и Порты...»

Впрочем, доказать султану Селиму Третьему, что Россия теперь его союзник, было непросто. Французы тоже не сидели сложа руки и, как всегда, не уставали подстрекать Константинополь против Петербурга.

К исходу 1797 года Виктор Павлович Кочубей осторожно, но откровенно внушил великому визирю и капудан-паше мысль об опасности владычества французов в Адриатике. При этом существовала опасность, что турки, объединившись с французами, направят объединенный флот в Черное море.

Труды Кочубея медленно, но продвигались. Первым он переманил на свою сторону капудан-пашу Кючук-Гуссейна. В конце концов, тот заявил:

– Как ревностный слуга своего падишаха, я почитаю дружбу с русским царем наиболее полезной для Порты. Посему нахожу необходимыми меры осторожности против вероломства франков.

Кочубея несколько смущало то, что тот же капудан-паша готовился отправиться с войском к российским границам.

– А почему же вы ведете войско в Румелию?

– Причины вы знаете, о досточтимый посол! – вздохнул Кючук-Гуссейн. – Проклятый видинский паша Пасван-Оглу поднял мятеж, и я поклялся бросить его голову к ногам потрясателя Вселенной. Через неделю наступает назначенный астрологами день начала победного похода. Но я скоро приеду обратно, и мы вернемся к нашему разговору.

Кочубей ответом удовлетворился, судьба видинского паши волновала его меньше всего.

– Состояние политическое наше столь запутано, что и не знаешь, с чего начинать, – печалился в эти дни в далеком Петербурге Павел Первый.

– Мы надеемся на лучшее, но готовиться следует к самому худшему, – внушал императору канцлер Безбородко. – Кроме этого, надо провести и рокировку послов в Константинополе. Кочубей хорош, но сейчас там нужна новая фигура. Дружбу с турками следует начинать с чистого листа.

Пока Кочубей набивался в дружбу туркам, император слал письма старшему черноморскому флагману адмиралу Мордвинову, требуя «привести флоты и берега наши в безопасность». Командующему корабельным флотом вице-адмиралу Ушакову велено было готовить свои корабли на случай войны с Турцией. Рескрипт гласил: «Вследствие данного уже от нас вам повеления о выходе с эскадрой линейного флота в море и занятия позиции между Севастополем и Одессой, старайтесь наблюдать все движения как со стороны Порты, так и французов, буде бы они покусились войти в Черное море или склонить Порту к какому-либо покушению».

А вскоре Кочубей уже покидал Константинополь, передавая дела приехавшему из Петербурга Василию Степановичу Томаре. Два дипломата, запершись в кабинете, обсуждали сложившееся положение дел, прикидывали что и как.

Кочубей, более опытный, советовал:

– Порта всегда плясала под французскую дудку, но то было при власти королевской. Ныне все переменилось, особенно как французы подошли к берегам морейским и албанским. Теперь в Констан-

тинополе боятся, что греки и албанцы заразятся желанием вольности.

– Изменилось ли отношение к нам греков после воцарения Павла? – интересовался Томара.

– Они по-прежнему гордятся, что мы единоверцы. Причем ежели раньше греки говорили «наша Екатерина», то теперь так же говорят «наш Павел». Да скоро вы это и сами все увидите.

Между тем Высокая Порта все больше и больше склонялась к союзу с Россией. Вскоре у Томары установились вполне доверительные отношения с рейс-эффенди Измет-беём. Разговоры большей частью они вели о французской угрозе. Посол был откровенен:

– Усиленная подготовка французов к вторжению в Англию составляет предмет наших общих беспокойств. Мечты французов о захвате Мальты, Архипелага и Египта составляют другой предмет.

Упоминание об Архипелаге и Египте озадачило турецкого министра иностранных дел.

– Порта никогда еще не имела такого могучего флота, как сейчас, – заметил он послу. – Если он будет еще усилен и русскими судами, то, сколь бы ни были сильны французы на море, мы их разобьем.

– Для этого не мешало бы укрепить и оба устья Нила, – добавил Томара.

Рейс-эффенди утвердительно кивнул:

– Русские явные враги франкам, мы же пока только тайные, но в своей вражде не уступаем вам.

Что же, в Константинополе пока все складывалось неплохо.

* * *

Еще весной 1796 года французские войска под началом молодого и агрессивного генерала Бонапарта вторглись в Северную Италию и в течение года захватили ее. После этого была легко сокрушена древняя Венеция, республика купцов и моряков. Венеция пала, но оставались еще ее морские владения – Ионические острова, что протянулись цепью вдоль берегов Адриатики.

От внимания Бонапарта они, разумеется, не ускользнули. Командующий итальянской армией мгновенно оценил их стратегическую выгоду.

– Я еще и еще раз заявляю, что Ионические острова для меня важнее, чем вся Италия вместе взятая, – не уставал повторять он своему окружению.

Такими же письмами Бонапарт бомбардировал и Париж. Французская оккупация островов становилась лишь делом времени.

Главный остров Ионического архипелага был известен мореплавателям как Корфу. Греки, однако,

предпочитали называть его Керкирой. Корфу – самый северный в цепочке Ионических островов. Отсюда рукой подать до Италии, а в хорошую погоду виден и албанский берег. Корфу лежит на перекрестке морских дорог, это место встречи Востока и Запада, и неудивительно, что веками он не знал покоя. Римляне и норманны, крестоносцы и венецианцы, турки, французы и англичане – кто только не бывал здесь.

Гористый берег острова изрезан бухточками и заливами. Серо-зеленые склоны поросли оливами и кипарисами. Главный город острова, носящий имя острова – Корфу, по праву считался одним из красивейших в Греции. Византийские церкви и венецианские лестницы, извилистые и узкие итальянские улочки с неизменным бельем на веревках. Наконец, центральная улица, как две капли похожая на парижскую Риволи.

Со склонов к морю сбежали красные черепичные крыши. Самое почитаемое место на острове – церковь Святого Спиридона. В последний раз Спиридоний спас остров во время турецкой осады в 1716 году. Тогда туркам ночью явилась огромная фигура монаха. В одной руке он держал крест, в другой – факел. Турки, испугавшись, сняли осаду и ушли. По крайней мере, так гласила легенда.

Над церковью колокольня с красным куполом. Внутри, в серебряной гробнице, покоятся мощи самого святого. Неподалеку и кафедральный собор, хранящий останки византийской императрицы святой Феодоры.

В целом корфиотам жилось под дланью Венеции спокойно. Местная аристократия была записана в знаменитую Золотую книгу венецианского дворянства и очень этим гордилась. Теперь же старый остров пребывал в преддверии новых событий, которые могли перевернуть уклад его жителей.

Старшины островных общин не на шутку волновались, и было от чего! Всем ясно, что былая размеренная жизнь под властью венецианских дождей, которые больше двух веков ни с кем не воевали, закончилась. Теперь острова и их жители оказались ввергнутыми в круговорот европейских революций и войн.

– Я вижу выход только в покровительстве русского царя, – поразмыслив, высказал мнение старший из корфиотских архонтов.

Его поддержали остальные:

– Иного выхода у нас, кажется, нет. Не к туркам же или якобинцам нам подаваться. И там, и там нас ждут разорение и смерть.

На самом деле, под чье правление еще идти, как не к могучим единоверцам! Коллективное письмо греческих старшин сопроводил запиской майор

Соттири – российский резидент в Триесте, а ранее эмиссар императрицы Екатерины на Балканах. В записке Соттири обосновывал все выгоды возможного покровительства для российской короны: «Надеюсь, что Его Императорское Величество все милостивейше воззрит на желания сего народа, искони преданного по единоверию и природной склонности к российскому императорскому двору и в нынешних удобных обстоятельствах желающего пожертвовать именем и жизнью для славы Российского государства. Осмелюсь притом донести, что город Корфу и заливы Перевеза и Левкада выгодны во время войны для содержания знатного флота и сухопутной армии, а Корфу может служить арсеналом, будучи защищаем одною из лучших итальянских крепостей...

Жители острова Корфу... решились сопротивляться французам... коих войска, как слышно, идут к вышеупомянутым областям, куда разослали они уже нарочных, обещали восстановить древнюю вольность. Помянутые жители клятвенно обещались защищаться до самой крайности... Если французы поселятся в Корфу, следовательно, и на всех в Леванте венецианских островах, то, без сомнения, трудно будет всякой воюющей с Оттоманской Портою державе пройти флотом через сии области в Архипелаг».

Увы, от Триеста до Петербурга путь неблизкий, к тому же важные политические решения тоже требуют времени.

В Париже к этому моменту было уже все решено. Для захвата Ионических островов Бонапарт определил эскадру в шесть линейных кораблей. На кораблях десантный корпус генерала Джантили. Вместе с ним был отправлен и комиссар директории профессор-эллинист Арно.

На подходе к Корфу Джантили известили, что на берегу в ожидании французов собралось много народа.

– Возможно, это добрый знак, а возможно, и нет. Черт их знает, этих греков, что у них на уме, – досадовал Джантили. – Не хотелось бы начинать освобождение с расстрела, а потому пошлем вперед комиссара, пусть докажет, что знает душу эллинов.

Вперед эскадры был отправлен фрегат с комиссаром Арно. Профессора на берегу встречала большая толпа во главе с местным митрополитом. Тут же на набережной Арно зачитал на греческом языке напыщенное обращение Бонапарта:

– «Потомки первого народа, прославившегося своими республиканскими учреждениями, вернитесь к доблестям ваших предков, верните престижу греков первоначальный блеск... и вы обретете вашу доблесть античных времен, права, которые вам обеспечит Франция, освободительница Италии!»

Речь Арно произвела должное впечатление, и толпа радостно его приветствовала.

– Отныне мы свободны от власти венецианцев! Теперь мы все свободны и не надо платить никаких налогов!

Отдельные неодобрительные возгласы потонули в общем восторженном крике. Комиссар перевел дух:

– Просигнальте Джантили, он может начинать высадку десанта!

Российский вице-консул на Корфу Демиан Загурийский был раздосадован:

– О эти переменчивые греки! Еще вчера они желали быть под покровом нашего самодержца, а теперь радуются новому рабству.

В тот же день французы вступили на землю Корфу. Над Старой и Новой венецианскими цитаделями были подняты трехцветные флаги. История древней Венеции окончательно ушла в небытие...

На старых венецианских верфях французам достались пять почти законченных постройкой линейных кораблей и несколько фрегатов. Для принятия судов прибыл коммодор Перре. В специальном письме к Перре Бонапарт указывал: «Скажите, что я послал войска в Корфу для удержания его за Венецианской республикой и что отныне ей необходимо деятельно работать над приведением своего флота в хорошее состояние. Под этим предлогом Вы приберете все к своим рукам, проповедуя постоянно на словах единство обеих республик... Я же намереваюсь захватить для Франции все венецианские корабли и всевозможные припасы».

Затем на острове начались торжества. Вначале местные старшины вручили генералу Джантили символ власти – оливковую ветвь. Потом началось шествие. Впереди ехала запряженная квадригой колесница. Из хроники событий: «На колеснице представлена... Французская республика. Подъемлющая угнетенную Грецию и готовящая ее к высоким ее назначениям; на той же колеснице видны... раздробленные оковы Греции и разные гении, представляющие республиканские доброжелатели». За колесницей ехал сам Джантили, далее маршировали войска с лавровыми ветками в ружейных стволах. Далее брел хлебопашец с сохой, украшенный цветами, лаврами и маслинами. Затем все собравшиеся под звуки оркестра спели «Марсельезу», а Джантили публично облобызал греческого хлебопашца. После чего состоялся подъем воздушного шара с французскими и греческими надписями. Далее французские солдаты показывали ружейные приемы и перестроения. На центральной площади Спианада, что напротив Старой крепости, французы торжественно сожгли Зо-

лотую книгу венецианских аристократов и посадили дерево свободы – воткнутый в землю шест, на конце которого болтался красный фригийский колпак. После этого вокруг символа революции напившиеся французы танцевали карманьолу, а завершившие празднество вечерние фейерверки и иллюминация «свидетельствовали о всеобщей радости прекрасно-го сего дня».

На этом вся свобода для корфиотов и закончилась. Уже через несколько дней на остров была наложена контрибуция в 60 тысяч талеров. Это было намного больше, чем при старой власти. Старшины, надеясь, что Джантили что-то перепутал, пришли к нему за разъяснениями. Генерал старшин попросту выгнал:

– Вы жирные коты, потерявшие нюх! Я нахожусь здесь не для того, чтобы вы грели свои животы, а ради блага Франции. Мы сражаемся против всей Европы, и нам не до сантиментов. А потому контрибуцию немедленно собрать! Или деньги, или петля!

Делать нечего, старшины поделили огромную сумму по городкам и деревням, хотя понимали, что это вызовет всеобщее возмущение. Так оно и оказалось. Известие о предстоящем грабеже облетело остров в течение нескольких часов. В домах обывателей стояли плач и ругань. Часть жителей сразу же, собрав пожитки, ушла в горные деревни, чтобы жить вольно. Другие грозились взяться за оружие.

Теперь уже корфиотские старшины зачастили в дом русского вице-консула с просьбой о помощи.

– Прости нас, Демиан, и заступись перед своим царем! – кланялись они Загурийскому.

– Но вы же несколько дней назад так радовались карманьоле, – злорадно хмыкнул вице-консул.

– О мы так угнетены неправосудием, воздеваем руки к небесам и молим об избавлении от ненавистного племени якобинского! Пусть твой царь шлет к нам свой флот. Мы примем русских как братьев!

– Я отпишу Его Величеству вашу слезницу, – пообещал Загурийский. – Большого не обещаю.

Между тем французы забирали власть все круче. Всюду насаждались шпионы, поощрялось доношительство.

– Мы должны знать мысли каждого, и мы будем их знать! – потирал руки назначенный комендантом острова генерал Шабо. – На подкуп денег не жалеть, ибо цель оправдывает и средства, и затраты. Хлеб мы у греков забрали, но зрелища мы им оставим, пусть развлекаются.

Вскоре каждый из членов нового правления уже ежедневно писал кляузы на своих соратников. Жителям же «ничего другого не оставалось, кроме слез, дабы плакать и помнить во всю жизнь вольность, которую французы им принесли».

Чтобы отвлечь корфиотов от дел насущных, Джантили с подачи Арно объявил о возрождении Олимпийских игр. Игры состояли в том, что мальчишки беднейших семей бегали наперегонки, а французские офицеры и солдаты делали ставки, как на конских бегах. На победителя возлагался трехцветный бант, он получал два талера и разрешение обойти вокруг дерева вольности. Выполняя инструкции Бонапарта, Джантили льстил корфиотам, именуя их не иначе как потомками древних афинян и спартанцев. Но помогало это уже мало.

Заключение в октябре 1797 года Кампо-Формийского мира между Францией и Австрией ознаменовалось окончательным закреплением Ионических островов за Парижем.

Отныне бывшая колония Венеции стала французским департаментом. Местное самоуправление было разогнано. Всю власть поделили командующий гарнизоном и комиссар. Тогда же на Корфу объявили манифест генерала Бонапарта, запрещающий под страхом смерти переписку греков с Россией. В церквях велено было устроить казармы и магазины, а монахам сбрить бороды. Все это вызвало недовольство, а потом и месть. Теперь почти каждое утро на улицах стали находить убитых французских солдат. В ответ начались карательные походы.

Понимая, что четырех тысяч штыков мало для удержания в повиновении столь большого архипелага, Джантили отправился в Рим к генералу Шампигонету просить у него еще хотя бы семь-восемь тысяч солдат. На время своего отсутствия он передал власть герою недавних боев на Рейне дивизионному генералу Шабо, начальнику неглупому и решительному.

Едва Джантили покинул Корфу, Шабо немедленно двинул батальоны в горы наводить порядок. Узкие дороги кружили между горами. Выше всех прочих вершина могучего Понтократора.

Склоны гор покрыты вечнозеленым маквисом – буйным переплетением можжевельника, мирта и фиесташи. Далее серо-зеленая листва оливковых деревьев, прорезанная темными пиками кипарисов. Под кронами олив, у толстых узловатых стволов, разложены рыбацьи сети – для сбора оливок. Многим оливам уже по несколько сот лет, они помнили еще знаменитого корсара Барбароссу и дона Жуана Австрийского. Сейчас французы вырубали оливки, чтобы сломить волю мятежников, но вызывали этим лишь еще большую злобу.

В деревнях дома под красными черепичными крышами, беленые стены, прикрытые листвой оливковых деревьев. Все дома были пусты. Жители поднялись в горы и сверху наблюдали за французами.

Солдаты выкатывали на улицу бочки с вином, ели пригоршнями оливки, ловили кур.

Почти неделя понадобилась Шабо, чтобы занять самую западную точку острова – Ангелокастро (крепость ангелов).

Чуть южнее было еще одно убежище недовольных новой властью – монастырь Палеокастро. Там французы срывали золотые и серебряные оклады с икон, силой резали бороды монахам.

Из воспоминаний французского капитана Беллэра: «Генерал (Шабо. – **В.Ш.**), видя упорное сопротивление греков и желая щадить свои войска, велел бомбардировать Мандухию (предместье города Корфу. – **В.Ш.**) артиллерией с Нового форта, с двух полугалер и бомбардирского судна «Фример». Огонь этой артиллерии принудил бунтовщиков покинуть дома, которые они занимали. Чтобы отнять у них надежду на возвращение туда и чтобы особенно наказать жителей, генерал приказал сжечь предместье. Вследствие этого гренадеры 79-й полубригады вошли туда. Одни из них сражались с греками, тогда как другие, снабженные факелами и горючими веществами, рассеялись по домам и поджигали их... После семи часов сражения бунтовщики были вытеснены из их позиций и большинство домов в Мандухии было сожжено».

Затем на Корфу пришел флот вице-адмирала Брюе в 11 линейных кораблей и 6 фрегатов. Под прикрытием местных фортов он чувствовал здесь себя в безопасности. Местным жителям было велено обеспечить Брюе всем необходимым. Пребывание французских матросов ознаменовалось дебошами и драками в местных тавернах. Перед отплытием Брюес потребовал у Шабо матросов для пополнения команд.

– Греков бери сколько хочешь. А солдат не дам ни одного, – ответил тот. – У меня сейчас нет и полутора тысяч, а местные разбойники только и ждут случая, чтобы изрубить нас в куски.

– Так ты хочешь этих разбойников отдать мне? – даже привстал со стула Брюе.

– Вас ведь все равно рано или поздно перебьют англичане, так пусть греки умрут с пользой для Франции, – пожал плечами Шабо.

– Они раньше перережут моих матросов! – окончательно вышел из себя вице-адмирал. – От такого пополнения меня уволь!

Заполнив трюмы продовольствием, Брюе покинул Корфу, взяв курс на Тулон. Там затевалось нечто грандиозное, и в Тулон стягивался французский флот из всех портов.

А затем на Корфу неожиданно стали прибывать французские полки. В местном адмиралтействе спешно переоборудовали суда для перевозки людей

и лошадей. В тавернах заговорили о какой-то морской экспедиции. Корфиотов, честно говоря, эти слухи мало занимали.

– Чем больше французов уберется от нас, тем лучше, а куда и зачем они поплывут, то нам без разницы! – говорили они промеж себя.

Никто еще не предполагал, что скоро, очень скоро Корфу станет ключевой точкой в большой европейской игре. Карты Адриатики изучали уже не только в Париже, но и в Лондоне и Петербурге.

* * *

Вступив на престол, Павел Первый сразу же объявил, что сохраняет за собой звание генерал-адмирала, пожалованное ему матерью в девятилетнем возрасте. А первым распоряжением нового императора было возвращение в Петербург из Кронштадта Морского кадетского корпуса. Уже через девять дней кадеты были на новом месте и император приехал к ним на новоселье.

Затем Павел объявил, что летом следующего, 1797 года он намерен лично командовать Балтийским флотом. Для этого, к неудовольствию англичан, даже вернули в Кронштадт эскадру вице-адмирала Макарова, что крейсировала ранее с ними в Северном море.

6 июля Павел вместе с женой, старшими сыновьями и свитой прибыл на корабли, стоящие на внешнем рейде. Через два дня эскадра вышла в море, взяв курс на Ревель. Однако штормовой ветер и большая волна заставили корабли повернуть обратно. Сильная качка стала настоящей бедой для императорской свиты. Молоденькие фрейлины ползали на карачках по палубе и, потеряв всякий стыд, блевали желчью прямо на себя. Говорят, что именно с тех дней старший сын Павла великий князь Александр (будущий император Александр Первый) на всю свою жизнь возненавидел флот.

Четырех дней хватило и самому императору Павлу, чтобы охота плавать у него исчезла навсегда. Отныне он будет руководить моряками только с берега. Увы, но правнук пошел совсем не в своего великого прадеда, которому он всю свою жизнь пытался подражать.

А в воздухе уже носились тревожные слухи о подозрительном сосредоточении в Тулоне французского флота. Наиболее вероятным все считали вторжение в Англию. Для чего еще надо собирать такую армаду?

Российский же флот в ту пору находился в цепких руках вице-адмирала Кушелева, вчерашнего лейтенанта, ничем и нигде себя не проявившего. Волею случая отставной лейтенант был взят наследником

Павлом в капитаны гатчинской потешной флотилии, быстро став там капитаном 1 ранга. С воцарением же Павла карьера Кушелева вообще стремительно пошла в гору. Уже на следующий день он стал контр-адмиралом, а весной 1798 года и вице-адмиралом. За годы проживания в Гатчине Кушелев прекрасно изучил характер своего сюзерена и всегда знал, как с ним себя вести. Может, именно поэтому фаворит императора так быстро и прибрал себе всю власть в адмиралтейств-коллегии. Относительно полезности трудов Григория Кушелева историки спорят до сих пор. Все сходятся в том, что он очень старался, но у него далеко не все получалось. Кушелеву не хватало ни опыта, ни знаний, ни авторитета. Зато хватало недоброжелателей.

Многое, впрочем, стало поначалу меняться к лучшему. В одном из первых указов Павла адмиралтейств-коллегии он с горечью констатировал: «С восшествием нашим на прародительский престол приняли мы флоты в таком ветхом состоянии, что корабли, составляющие оные, большей частью оказались по гнилости своей на службе неспособными».

Во всех портах для надзора за кораблестроением Павел ввел обер-сарваеров, чтобы те вели наблюдение за верфями и проверяли расходование средств. Из адмиралтейства были изгнаны мздоимцы, кое-какой порядок был наведен и в снабжении такелажем, парусами, пушками и другими припасами. Были учреждены и форшмейстеры, смотрящие за сохранением корабельных лесов. В Кронштадте вместо деревянной гавани наконец-то начали строить каменную. Введены были и новые увеличенные штаты для кораблей, составлен новый Устав военного флота. Ушла в небытие роскошь расшитых золотом офицерских кафтанов. На их место пришли скромные вицмундиры. Все офицеры отныне расписывались по дивизиям и судам, и переводы делались только по уважительным причинам и не иначе как с разрешения самого императора. Отныне даже о кратковременных отпусках офицерам из Кронштадта в Петербург надо было докладывать Павлу. Толку от всего этого было немного, но видимость порядка создавалась. Многие делались наспех и второпях. Сам Павел об этом говорил так:

– Я вступил на престол в том возрасте, когда другие уже кончают царствовать, а потому мне все надо успеть.

Переменчивый характер императора был порой совершенно непредсказуем. Так, став императором, Павел сразу же произвел сына знаменитого адмирала Чичагова в капитаны бригадирского ранга, но уже через год изгнал его со службы «за строптивость нрава без пенсии». Впрочем, подумав, уже через не-

сколько месяцев он вернул его на службу, но уже контр-адмиралом.

Увы, ничего необычного в происходящем не было. Со времен Анны Иоанновны каждое новое царствование в России начиналось именно с того, что флот предыдущего самодержца признавался негодным, отчего создавался очередной комитет для его преобразования. Несколько лет что-то делалось, но потом все шло так, как всегда, до очередного нового восшествия на престол. Уже спустя полтора года царствования Павла все повторилось. Императора стали заботить другие вопросы, и на флоте все постепенно начало возвращаться на круги своя.

Тем временем, готовясь к защите своих берегов от французского вторжения, премьер-министр Вильям Питт был готов ухватиться за любую соломинку. Чарльз Уитворт буквально умолял канцлера Безбородко о помощи Англии русским флотом. Не поленился заехать посол и к вице-адмиралу Кушелеву. В результате этих визитов появился рескрипт императора Павла: «По отношению к нам Его Величества короля Великобританского в требовании помощи морским нашим силам вследствие заключенного с нами союзного оборонительного договора противу французоз, покушавшихся ныне сделать впадение на берега Его Величества короля Великобританского, решились мы послать эскадру нашу, состоящую в 10 линейных кораблях, трех фрегатов и одном катере под вашею командою в соединение с английскими флотами, в число которых повелели мы следующей эскадре от города Архангельского под начальством вице-адмирала Е.Е. Тета иттить прямо к английским берегам для соединения с вами и быть под вашим началом».

Помимо отправленной к английским берегам эскадры Тета в море вышли еще три эскадры. Так, на всякий случай, прикрыть собственные берега. Первая, под началом вице-адмирала Скуратова, заняла позицию в устье Финского залива, вторая, адмирала Круза, – в центре Балтийского моря и, наконец, третья, передовая контр-адмирала Шишкина, – на траверзе Любекской бухты. Помимо этого в Кронштадте готовилась еще и резервная эскадра контр-адмирала Карцева. Впрочем, все надеялись, что у французоз хватит других забот, чем непонятно зачем лезть в балтийские пределы.

Куда бóльшие опасения вызывала безопасность берегов черноморских.

* * *

О приготовлениях некой операции французского флота в Петербурге стало известно уже в самом

начале 1798 года. Слухи о том, куда поплывет французский флот, были самые разные. Более всего вначале говорили об Ирландии, что наших политиков не слишком волновало, но потом адресат возможного вторжения французоз изменился. наших политиков более всего пугал вариант вторжения французоз через проливы в Черное море. Кто знает, как поведет себя султан Селим, когда ему предложат в качестве подарка Крым и Очаков?

Обеспокоенный всем этим, Павел Первый уже в начале февраля велел Черноморскому флоту ускорить подготовку к новой кампании, которая обещала быть боевой. Помимо этого велено было организовать неусыпное наблюдение за берегами Крыма, Керченским проливом и морским побережьем от Аккермана до Тендры. Хорошо было бы приглядеть за турками и у Босфора, но, дабы не раздражать соседа, от этого отказались.

Получив бумагу, командующий корабельным флотом вице-адмирал Федор Ушаков немедленно разослал по морю крейсера и стал поспешно вооружать к плаванию все двенадцать своих линейных кораблей.

Между тем лавина слухов нарастала. В начале апреля пришло сообщение, повергшее всех в смятение, – французский флот уже втягивается в Мраморное море! Загоняя лошадей, в Севастополь помчались фельдъегери. Император требовал: «Вследствие данного уже от нас вам повеления о выходе с эскадрою линейного флота в море и занятии позиции между Севастополем и Одессой, старайтесь наблюдать все движения как со стороны Порты, так и французоз, буде бы они покусились войти в Черное море или наклонить Порту к каковому-либо покушению».

Читая эту бумагу, Ушаков только затылок чесал. Вице-адмирал никак не мог взять в толк, с кем ему предстоит драться: с французами или с турками, а может, с теми и другими сразу?

Вскоре выяснилось, что слух о приходе французоз в Константинополь не подтвердился, но радости от этого было мало. Напряжение только возрастало. И послы в европейских державах, и лазутчики твердили о том, что французозы, вероятнее всего, хотят захватить наши черноморские порты.

– Но зачем им это надо? – пожимали плечами издававшие виды ветераны екатерининской дипломатии. – Они что, уже все свои дела в Европе переделали? И как можно развязывать войну на востоке, не кончив ее на западе? Это же безумие!

– О чем вы говорите, – усмехались более молодые. – Это для нас таковой пасьянс абсурден, а для якобинских выскочек вполне нормален. Кто знает, какие идеи кипят сейчас в их безумных головах?

13 мая из Петербурга командующему корабельным флотом в Севастополе последовал новый рескрипт: «Господин вице-адмирал Ушаков. Коль скоро получите известия, что французская военная эскадра покусится войти в Черное море, то, немедленно сыскав оную, дать решительное сражение, и мы надеемся на Ваше мужество, храбрость и искусство, что честь нашего флота соблюдена будет, разве бы она (эскадра) была гораздо превосходнее нашей, в таком случае делать Вам все то, чего требует долг и обязанность, дабы всеми случаями мы могли воспользоваться к нанесению вреда неприятелям нашим».

А затем европейские столицы замерли – французский флот с огромным экспедиционным корпусом на борту бесследно исчез из Тулона. Теперь оставалось только ждать и надеяться, что у дирекции хватит ума не ввязываться в драку с Россией.

Император Павел, мучаясь неизвестностью, буквально изводил своих близких за обедами, а подчиненных на вахтпарадах.

Глава вторая

ДЕЛА МОРЯЦКИЕ

Над Северной бухтой Севастополя кружили вездесущие чайки. Команды стоящих на внутреннем рейде судов только что отзавтракали, и теперь бачковые выкидывали остатки пищи за борт. Бесстрашно подлетая к бортам судов, чайки на лету хватили то, что бросали люди.

На стоящем ближе к Сухарной балке фрегате «Григорий Великая Армения» всюду шла утренняя приборка.

Ныне фрегатом командовал капитан-лейтенант Иван Шостак, принявший его всего пару месяцев назад у капитана 1 ранга Антона Алексиано, ушедшего с повышением на «Богоявление Господне». Свое достаточно необычное название фрегат Шостака получил в честь священномученика епископа Григория, просветителя Великой Армении, жившего в далеком III веке. Матросы именем фрегата гордились, и, хотя о самом священномученике почти ничего не знали, фрегатские всегда с гордостью говорили:

– Мы с «Великого»!

По своей конструкции, размерениям и вооружению (60 пушек) «Григорий» относился к тяжелым фрегатам, предназначенным не столько для разведки и крейсерства, сколько для поддержки линейных кораблей в генеральных сражениях. Назначение командиром самого мощного фрегата на

флоте было актом особого доверия и последней ступенькой перед должностью капитана линейного корабля – пределом мечтаний каждого флотского офицера. Надо ли говорить, что столь высокое назначение Шостака вызвало не только радость друзей, но и зависть тех, кто также рассчитывал на эту должность, но не получил. Если сказать честно, своим назначением командир «Григория» был обязан вице-адмиралу Ушакову, который еще со времен последней войны с турками благоволил к толковому офицеру.

Проснувшись, Шостак первым делом глянул в окно. Солнце еще не взошло, но рассвет уже был совсем близок.

Поднял глаза к потолку. Там, на потолочном бимсе, только вчера по его приказу закрепили шлюпочный компас, чтобы, даже лежа в койке, командир мог иметь представление о курсе своего судна. Придумка не новая, но в море весьма полезная.

С вахты пробили склянки. На шканцах был слышен хриплый голос Макара Ратманова – старший офицер уже отдавал указания на утреннюю приборку.

О таком помощнике, как Макар, можно только мечтать, ибо тот прошел и огонь, и воду. Сразу по выпуску из морского корпуса Ратманов отвоевал со шведами, дрался при первом Роченсальме и за отличие был пожалован лейтенантом. За храбрость же в сражениях при Красной Горке и Выборге был пожалован двухлетним старшинством в чине, что ценилось офицерами не ниже ордена. Затем участвовал в перегоне нового линейного корабля из Архангельска в Кронштадт вокруг Скандинавии (дело по тем временам тоже далеко не простое). На Черном море опыт переведенного туда Ратманова оценили, и он сразу же стал капитанствовать, вначале бригаantinой «Ахилл», затем и транспортом «Принцесса Елена». Капитан-лейтенант уже собирался командовать бригадой, когда в марте 1797 года «Елена» была застигнута жесточайшим штормом у Одессы и затонула. Председателем следственной комиссии по гибели транспорта определили вице-адмирала Ушакова. Все действия командира транспорта Ушаков нашел правильными и своевременными. Ратманов боролся за судно до последней возможности, а затем спас команду, не потеряв ни одного человека, сам покинул судно, когда оно уже погружалось, последним, со шканечным журналом под мышкой и шпагой в зубах. Подписав итоговые бумаги, Ушаков вызвал к себе ждавшего решения своей судьбы Ратманова. Долгих разговоров вице-адмирал не любил, а потому сразу перешел к делу:

– Вины твоей в гибели старушки «Елены» нет никакой, так как само плавание на этих дровах уже было

подвигом. Как моряк и как капитан ты сделал все возможное. Однако с капитанством придется все же повременить. Пусть все немного позабудется. Пока же можешь послужить на берегу при адмиралтействе, должность я тебе там подыщу.

– Ваше превосходительство! Я просил бы вас все же изыскать место на судах вашей эскадры, так как без моря не мыслю жизни своей. Согласен на любую, даже мичманскую должность! – срывающимся от волнения голосом обратился к вице-адмиралу Ратманов.

Ушаков молча посмотрел на офицера, покачал головой и сосредоточенно зашелестел судовыми списками.

– Вот, кое-что нашлось. Могу предложить тебе место первого офицера на фрегате «Григорий». Судно, сам знаешь, первостатейное. Фрегат только что принял Иван Шостак, а помощника пришлось списать по здоровью. Отплаваешь кампанию на «Григории», а там посмотрим, куда тебя дальше девать. Согласен ли?

– Согласен, ваше превосходительство! – обрадовался капитан-лейтенант.

Так Ратманов на «Григории» и оказался.

С капитан-лейтенантом Шостаком он сразу нашел общий язык. Зная большой опыт Ратманова, тот своему старшему офицеру во всем доверял, «старшой» же старался это доверие оправдывать и служить на совесть...

* * *

Позевывая, капитан-лейтенант покинул свое жесткое спальное ложе. Скинув ночную рубашку, ополоснулся из умывальника водой. Окинул взглядом свою обитель – вокруг сущий бедлам.

Вчера вечером он вернулся на фрегат, попрощавшись с супругой Натальей Петровной. Та собрала мужу в плавание груды всего, что может пригодиться вдали от дома. Прежде всего целый ворох одежды: от теплых чулок до вязаной безрукавки, которую он мог бы поддевать под мундир в ненастье. Особенно оценил Шостак превосходные вязаные перчатки с тремя отделениями для пальцев. Кроме большого они имели персональное отделение и для перста указательного на тот случай, если придется стрелять или что-то писать на палубе в холодную погоду.

Вещи были вестовым уже разложены по их принадлежностям, но еще не распаханы в шкаф. Это Шостак велел ему отложить на сегодня, так как хотел выспаться. В дальнем углу каюты отдельной кучей лежали продукты. По традиции капитаны не

питаются в кают-компании, а вкушают пищу в одиночестве. Это и привилегия, и наказание, ибо все приходится закупать самому. Хорошо, когда у тебя где-нибудь имение в Рязанской губернии на две-три сотни душ. А когда живешь на одну зарплату, да еще на шее супружница с детками малыми, вот тогда и почешешь затылок: не лучше бы с остальными столотаться в складчину?

Капитан-лейтенант получал в ту пору 400 рублей серебром в год, да в плавании еще деньги на столование. Четыре сотни – деньги немалые, но и небольшие, только-только чтобы прожить. При уходе в плавание семейные офицеры обычно большую часть денег оставляли по аттестатам женам. Шостак также оставил супруге аттестат, сам решив перебиваться лишь столовыми деньгами.

Капитан любого судна всегда обречен на одиночество, так как согласно уставу должен соблюдать дистанцию с остальной командой. По этой причине даже капитанскую каюту на русском флоте именуют не иначе как ящик отшельника.

Чтобы скрасить это свое одиночество, капитаны как могли украшали свои каюты: или сами, или же при участии жен, в соответствии с их вкусом и тяжестью кошелька. Занавески на окна, как правило, шили из ситца, те, кто побогаче, – из камчатной ткани, ну а самая нищета – из обычной парусины. Впрочем, даже парусиновые занавеси, сделанные из тонкой ткани, но хорошо выбеленные, смотрелись вполне прилично. Состоятельные капитаны набивали подушки лебяжьим пером, бедные – просто паклей. Особое отношение было к покрывалам. Это был особый культ, где существовали свои каноны и свои модные поветрия. Заботливые жены порой вышивали на покрывалах целые картины. Там были и милые пастушки в кругу овец, и античные нимфы, в которых без труда угадывались черты любимых жен, и уютные домики, из окон которых выглядывали ждущие своих мужей все те же верные жены. У холостяков все было попроще. Как правило, покрывала им расписывали масляной краской судовые маляры в соответствии со своим эстетическим вкусом. Поэтому в каютах холостяков обычно присутствовали чудо-юдо-рыбы-киты, единороги, вещие коты-баюны и прочий сказочный сброд. Особой популярностью пользовались русалки с неправдоподобно огромными формами. Если же маляр не был романтиком, то рисовались просто розочки да листочки.

Что касается Шостака, то у него на покрывале был изображен традиционный домик с садиком и девушкой в окошке. Впрочем, жена у командира «Григория» была не только рукодельницей, но и вообще женщиной хозяйственной, цену копейке знала,

а потому мужа в плавание собирала загодя, соля не-жинские огурчики да варя в огромных тазах варенье, вишневое и абрикосовое. Особенно же гордилась капитанша, что по случаю приобрела у одесского купчины за полцены почти фунт отличного чая.

Уже перед расставанием Наталья Петровна подарила Шостаку свой портрет, писанный каким-то местным живописцем.

– Чтобы в море меня не забывал и на мою персону любовался! – сказала, дар свой торжественно вручая.

Живописал портрет мадам Шостак, разумеется, далеко не Боровиковский, а потому с оригиналом он имел сходство весьма относительное, хотя красок художник не пожалел. Особенно ярко были намалеваны щеки, получившиеся больше похожими на два помидора. Жене, впрочем, портрет нравился, а это самое главное. Не спорить же о вкусах в грустный момент расставания.

И вот теперь Шостак вертел парсуну в руках, примериваясь, куда бы ее приладить. Наконец определился повесить в изголовье койки. Проснулся – сразу с супружницей поздоровался, а засыпая, пожелал покойной ночи. Лучше и не придумать!

Решив вопрос с портретом, намылил щеки и принялся за бритве. Плохо правленная бритва больно царапала щеки. Но на правку времени уже не было.

Еще с вечера на флагманском «Святом Павле» на полдень назначено совещание у командующего. Ничего необычного от совещания Шостак не ожидал – скорее всего, командующий будет ставить задачи на предстоящую морскую кампанию, все как обычно.

На стуле еще с вечера лежали заботливо приготовленные вестовым чистая рубашка и штаны.

– Ваше высокоблагородие, завтрак уже готов, – просунул голову в проем двери и сам вестовой Тимоха, веселый и расторопный ярославец.

На «Григории» капитанская каюта просторная и поделена на два отделения. Ближняя к выходу для работы и общения, дальняя – спальня. Сейчас все бумаги были сдвинуты на столе в сторону, и перед креслом стоял поднос с завтраком: яичница в три яйца, масло да в хлебнице свежий хлеб с румяной корочкой.

Чай был уже заварен и источал ни с чем несравнимый аромат. Шостак сел за стол. Тимоха привычно повязал салфетку. Не слишком свободно, но и не туго.

Поставив перед командиром хорошо прогретую тарелку, вестовой неслышно исчез, как и подобает настоящему вестовому. Намазывая хлеб маслом, Шостак прислушался. Над головой слышался топот ног и команды, это боцмана выстраивали команду на подъем флага.

Отзавтракав, Шостак надел мундир, прицепил кортик. Все привычно рассчитано до мгновения. У него оставалось в запасе еще несколько минут. Глянул на себя в зеркало, висящее на переборке рядом с медным умывальником. Как всегда, остался недоволен: последние дни подготовки к кампании он был в большом замате, а потому осунулся. Все, пора! Часовой у дверей каюты отдал честь.

Наверху команда уже стояла вахтами побортно, равняя босые пятки, во главе с урядниками. Офицеры выстроились на шканцах.

– Здравствуйтесь, господа! – поздоровался с офицерами. – Здорово, братцы! – с командой.

Братцы ответили дружным хором четырех с лишним сотен глоток:

– Здра-жла-ваше-выс-родие!

Вахтенный начальник глянул на истекающую струйку песочных часов.

– До подъема флага одна минута!

С соседних кораблей неслись крики приветствия, там командиры также здоровались со своими командами.

– Господин капитан-лейтенант, время вышло! – громко отчеканил вахтенный начальник.

– Командуйте! – кивнул Шостак.

– На флаг шапки долой! Флаг и гюйс поднять!

Медленно поползло вверх бело-синее полотнище Андреевского флага – самый торжественный и волнующий момент на русском флоте. Певуче запел тонким свистом канарей-блок. С соседних судов вторили другие канарей-блоки, каждый на свой лад. Вот флаг поднят до конца флагштока. Порыв ветра развернул его на всю ширину.

Шостак с удовольствием вдохнул полной грудью свежий севастопольский воздух. Глянул в бездонно-синее небо и в нескончаемую морскую даль. Господи, до чего же хорошо!

* * *

Итак, очередной судовой день начался. Часть команды была сразу назначена на вытяжку такелажа, остальных боцмана развели на малярные работы и погрузку запасных стенок и рей. Штурман съехал на берег в навигационную мастерскую выверять хронометры, а заодно и получить обновленные карты Черного моря. С ним отправился и доктор, у которого тоже оказались какие-то неотложные дела в госпитале.

Свой же день капитан «Григория» начал с осмотра артиллерии. Вначале отправился к кормовой коронде левого борта. Внимательно осмотрел пушку и даже, к некоторому разочарованию, не нашел ни-

каких упущений. Расчет стоял тут же, смотря в глаза начальству. Кивнув, пошел дальше. Еще пушка, еще... Везде полный порядок. Картузы с порохом, клещи, гандштуги, затравочные перья, банники и пробойники – все было в полном комплекте, все на своих местах. Остановившись у одного из расчетов, придирчиво осмотрел канониров. Те замерли, перестав даже дышать. Пробежал взглядом по лицам. Старых и опытных спрашивать смысла нет, они все знают не хуже него самого. А вот на фланге мальчишка-рекрут. Шостак остановил взгляд на матросике. Тот сглотнул слюну:

– Матрос второй статьи Затехин Иван сын Козьмы!

– Ну и каковы твои действия, сын Козьмы, в сражении будут?

– Так что я это... это... это... – начал заикаться, краснея от волнения, матросик-рекрут.

Стоявший рядом седой канонир ткнул его в бок локтем.

– Так я это, ствол чищу, ваше высокоблагородие! – обрадованно закричал матросик. – А ежели дядька прикажет что другое делать, так я и рад буду ему во всем помочь!

– Молодец! Дядьке своему помогать и вправду надо, но и про пушку не забывай! – подбодрил матросика Шостак, понимая, что, отругав он сейчас рекрута, тому потом достанется на орехи. А мальчишка шустрый, и толк со временем, видимо, будет.

Обойдя орудия, заслушал содержателя трюмов, переловлены ли крысы. И хотя и Шостак, и содержатель понимали, что переловить этих вездесущих тварей невозможно, унтер-офицер с готовностью доложил:

– Так что, ваше высокоблагородие, почти всех перебили. Ежели и остались, то самую малость.

На это капитан-лейтенант лишь кивнул. Что поделать, пройдет пара месяцев плавания, и крысиное племя снова будет властвовать в трюме до следующего побоища. Помимо крыс у моряков парусного флота была и еще одна напасть – клопы. С ними тоже велась никогда не прекращающаяся война, в которой верх попеременно брала то одна, то другая сторона. Сейчас по всему фрегату матросы искали гнезда клопов, найдя, тут же выскабливали, заливали скипидаром, а затем закрашивали краской в несколько слоев, но часто, когда уже, казалось, что все покончено, неподалеку обнаруживались новые и новые гнезда.

Затем Шостак остановил старшего боцмана. Еще раз напомнил, что все на верхней палубе должно знать свое место и быть надежнейше закреплено. Боцман в том клялся, хотя и прибавил от себя:

– До первого шторма, ваше высокоблагородие, никогда до конца не узнаешь, что может сдуть да смыть с палубы.

– Это у плохого боцмана не узнаешь, а у хорошего все всегда на своем месте! – слегка пристыдил старого моряка Шостак. – Проверь все крепления ежедневно и спрашивай с виновных без всякого снисхождения.

– В этом вы не сумлевайтесь, – улыбнулся ветеран. – Как цепкой дудочной по заднице наддам, враз ум да память у любого восстановятся!

После этого вместе со старшим офицером капитан-лейтенант отправился посмотреть крьют-камеру, все ли готово к завтрашнему приему пороха. Фонарь над световым люком светил ровно столько, чтобы подносчики пороха видели заряженные картузы, передаваемые им через двойной саржевый полог, отделяющий пороховое хранилище от остального судна. Днища фонарей в крьют-камере залиты водой, но все равно пользоваться ими стараются как можно меньше – огонь, он и есть огонь, с ним шутки плохи.

Внутренность крьют-камеры – вотчина ее содержателя унтер-офицера Василия Кирвиля. Он здесь царь и бог. Но зато с него за все и спрос. Должность содержателя особая, и назначают на нее самых ответственных и толковых. Завидев командира и старшего офицера, содержатель выставил перед ними пампуши – бумажные тапки, без подков и гвоздей, чтобы ненароком никто искры не высек. Надев тапки, Шостак с Ратмановым разом вывернули наизнанку карманы. Это тоже правило, обязательное к исполнению, независимо от чина и должности. Вдруг по забывчивости в кармане кресало какое-то затерялось, а потом он еще случайно им и чиркнет. Если же хоть одна искра попадет на порох рассыпанный, тогда взлетишь в небеса, прежде чем скажешь «аминь». Крьют-камера – место особое, и требования устава морского здесь исполняются неукоснительно, ибо вопрос всегда стоит о жизни и смерти сотен людей.

Сам содержатель с помощником в таких же пампушах и в бумажных фартуках были заняты тем, что вымывали палубу, стараясь выковырять из пазов весь скопившийся там старый порох с грязью.

– К завтрашнему успеете приготовиться? – поинтересовался Шостак.

– Успеем, ваше высокоблагородие! – хмыкнул Кирвиль. – И не сумлевайтесь!

– Полоки уже вычистили? – поинтересовался Ратманов, оглядывая стеллажи, на которых будут расставлять пороховые припасы.

– Сверкают что у котла яйца, ваше высокоблагородие! – отозвался Кирвиль.

Содержатель входит вместе со старшим писарем, старшим коком и боцманом в судовую унтер-офицерскую элиту, а потому может позволить себе некоторую вольность в общении с офицерами, хотя и самую малость. Пусть скоблящие палубу матросики порасскажут потом дружкам, какой он, унтер-офицер Кирвиль, бойкий на язык перед самим капитаном.

Но Шостак юмора не оценил:

– Ты бы лучше за исправностью мытья смотрел, чем шуточки со мной шутить, – сказал хмуро и направился на выход.

Ратманов подозвал растерянного содержателя к себе:

– Как закончишь, сразу доклад, спушись и самолично проверю!

– Так точно! – закивал пристыженный унтер-офицер.

Тем временем в глубине бухты показалась небольшая баржа, следующая к «Григорию». Это везли мясо только что забитого скота. Бычьи и коровьи туши обычно рубили пополам, чтобы легче таскать, баранов же и свиней грузили целиком.

– Макар Иванович, проследите, чтобы мясо принесли и солью просолили надлежаще! – напомнил старшему офицеру Шостак, хотя прекрасно понимал, что Ратманов и так все знает, но напомнить лишний раз никогда не помешает.

Затем командир «Григория» занялся самым муторным и нелюбимым делом – бумагами. Всего несколько дней он откладывал их в сторону, а, поди, уже накопилась целая куча. По флоту уже много лет ходила байка об адмирале Полянском, который еще в правление императрицы Елизаветы, вконец измученный бумагами, велел собрать их на всех судах Балтийского флота и сжечь. Надо ли говорить, с каким удовольствием исполнили капитаны эту команду. Но уже через какой-то месяц на их столах высились еще большие пирамиды из меморий, ордеров, всевозможных запросов и неизбежных ответов. Урок был усвоен хорошо, и более уже никто на сожжение казенных бумаг не покушался – чего жечь, коль чинуши адмиралтейские сейчас же новые настрочат.

Взяв в руки перо, поморщился – перо было из левого крыла гуся. Такие перья стоили гораздо дешевле правых, так как верхний конец левых все время тыкал в глаз пишущему. Но что поделывать, дражайшая Наталья Петровна считала покупку правых перьев неразумной тратой денег, и с этим приходилось мириться. По стенам каюты прыгали веселые солнечные зайчики, а грустный Шостак читал и расписывался, отвечал на письма и сам писал бесконечные заявки. По старой своей привычке Шостак время от времени покусывал конец пера, раздумыва-

вая над какой-нибудь затейливой фразой – бумаги он писал официальные, и каждое слово в них должно быть выверено.

За час до назначенного командующим временно командир фрегата велел подать к трапу разъездную гичку. За полчаса сошел в нее и велел править на стоявший напротив Южной бухты «Святой Павел». Над фок-мачтой корабля был поднят вице-адмиральный флаг, это значило, что Ушаков уже вступил в командование практической эскадрой. Отныне ни один из командиров вверенных ему судов не имел права покинуть палубы без письменного разрешения вице-адмирала. Теперь только он Бог, царь и судья семи тысячам офицеров, матросов и солдат.

* * *

Со всех стоящих на рейде судов к «Павлу» торопились катера и шлюпки – то съезжались вызванные капитаны. Над 74-пушечным кораблем «Захарий и Елисавет» с утра на верхней оконечности брам-стеньги грот-мачты поднят широкий вымпел – знак того, что командир корабля капитан 1 ранга Селивачев с сегодняшнего дня вступил в права командира отряда. Значит, вправду среди командиров судачили, что в нынешнюю кампанию именно Селивачев возглавит эскадренную арьергардию. Стало быть, через год-два выйдет Селивачев в контр-адмиралы.

Оглянувшись, оценил Шостак со стороны и свой фрегат. Сейчас «Григорий» еще недогружен, а потому видна вся ватерлиния, при полной же боевой загрузке осадка составит целых 13 футов. Отметил, что фрегат несколько сидит носом в воду, и надо будет сказать Ратманову, чтобы часть наиболее тяжелых грузов переместили ближе к корме, а то судно будет слишком рыскать на курсе.

На подходе к правому парадному трапу Шостак велел табанить весла, чтобы пропустить вперед линейных командиров. Вот катер со «Святого Петра». На его кормовой банке по-хозяйски сидит Дмитрий Сенявин – один из самых блестящих черноморских капитанов, умный, но злой на язык. По возрасту они ровесники, но за Сенявиным стоит весь его знаменитый морской род, адъютантская служба у Потемкина, дружба с самим Мордвиновым, да и немалые связи в самой столице. По этой причине Сенявин со всеми и держится независимо, может позволить себе даже демонстративно своевольничать, что же касается Ушакова, то командир «Святого Петра» откровенно с ним фрондирует. У Шостака с Сенявиным дружбы нет, но оба относятся друг к другу уважительно. Вот и теперь, увидев друг друга, они обменялись кивками. В соответствии со старшинством Шостак пропустил

катер с «Петра» вперед себя. За Сенявиным к вываленному трапу причаливали другие катера. Последним капитан 74-пушечной «Марии Магдалины» Гришка Тимченко. Он хоть и в одних чинах с Шостаком, но уже капитан-линейный.

Наконец катера линейных кораблей высадили капитанов. Теперь уже и самого Шостака пропустили вперед капитаны фрегатов, стоящие ниже его на служебной лестнице. Вот приподнял шляпу известный на флоте джентльмен командир «Счастливого» Григорий Белли.

Высоченный борт «Святого Павла» навис над головой. Отказавшись от помощи фалрепных, Шостак легко перепрыгнул на трап. Едва его голова поравнялась с верхней палубой корабля, барабанщики ударили марш, а стоящие на верхней площадке четверо морских солдат разом вскинули мушкеты «на караул». Тут же подошел и вахтенный офицер:

– Прошу пройти в адмиральский салон!

С бака «Павла» гулко выстрелила полуденная пушка. В адмиральском коридоре застыл безмолвный часовой, у входа в адмиральскую обитель вестовой так же молча принял шляпу. Переборки ушаковского салона были оббиты голубой камчатной тканью, у стола полка с книгами в кожаных переплетах, лощи, переводы гостовские да жития святых. В дальнейшем углу два задрапированных орудия. Молоденький мичман объявил, что командующий дописывает некие важные бумаги и с минуты на минуту выйдет. То был племянник Ушакова Иван. Официально Иван числился адъютантом командира флагманского корабля, но фактически состоял при своем дядюшке.

Командиры судов коротко здоровались между собой и рассаживались за столом также в порядке старшинства. Свое место в капитанском списке каждый из них знал как «Отче наш», впрочем, как и старшинство любого другого из присутствующих.

Наконец из кормовой каюты показался Ушаков с какими-то документами в руках. С ним и младший флагман контр-адмирал Овцын.

– Господа офицеры! – скомандовал капитан «Павла» Евстафий Сарандинаки.

Загрохотали отодвигаемые стулья. Все разом встали. Ушаков нетерпеливо махнул рукой:

– Господа офицеры!

Снова движение стульев – расселись.

– Я собрал вас, чтобы огласить расписание судов на нынешнюю морскую кампанию. На сей год нам предстоит крейсерство на широте Севастополь – Очаков. Мой флаг будет и впредь поднят на «Святом Павле», младшим флагманом корабельной эскадры определен контр-адмирал Овцын. Его флаг на «Святой Троице». Начальствовать же арьергардией опре-

деляю капитана Селивачева с поднятием ординарного вымпела на корабле «Захарий и Елисавет».

Зачитав состав авангарда, кордебаталии и арьергарда, командующий перешел к заслушиванию самих капитанов. Каждый доложил о готовности к плаванию, о том, что уже им получено и что еще недополучено. Ушаков всех внимательно слушал, с чем-то соглашался, с чем-то нет, но все аккуратно записывал в тяжелую шнуровую книгу, которую эскадренные остряки не без ехидства именовали «книжкой добрых дел». Затем флаг-офицер ознакомил командиров с очередностью подхода пороховых и продовольственных барж, получения запасного такелажа на ближайшие дни.

О том, что уже имеется высочайшее повеление быть готовыми к встрече с французским флотом, Ушаков пока командирам не объявил, так как бумага была секретной. У французов везде шпионы, и перестраховаться никогда не помешает. Зато для каждого командира уже были приготовлены секретные пакеты, в которых все самым подробным образом изложено. Пакеты эти командиры вскроют уже по выходу в море по его сигналу.

Расписываясь у флаг-офицера в получении, командиры по очереди брали тяжелые парусиновые пакеты. Каждый пакет был полностью просмолен, чтобы защитить корреспонденцию от морской воды, в каждый вложена еще и горсть шрапнели, чтобы в случае крайней надобности его можно было быстро утопить и враг не узнал того, что знать ему не положено.

После совещания Ушаков, как хлебосольный хозяин, пригласил всех капитанов отобедать у него чем бог послал. От ушаковских приглашений отказываться не было принято. Потому остались все, включая даже фрондера Сенявина.

Из воспоминаний современника: «Федор Федорович Ушаков был гроза турок, именуемый ими паша Ушак, приобрел все чины и звания, знаки отличия без всякого покровительства, храбростью и усердием; был роста среднего, сухощав. В плечах широк; лицо имел моложавое, приятное... Нрава был чрезвычайно вспыльчивого: беспорядки, злоупотребления заставляли его выходить из приличия, но гнев скоро утихал».

Обеды у Ушакова всегда были простые, но сытные, да и держал командующий всегда себя за столом по-домашнему радушно. Сам почти не пьющий, он тем не менее всегда имел запас хорошей водки, которой с удовольствием и в меру потчевал гостей. Хлебное вино у Ушакова было действительно знатным. После перегона в кубе «надлежащим образом» адмиральский кок настаивал его на истолченной корице, а затем еще и на мелко изрезанной померан-

цевой корочке, отчего водка приобретала соответствующий и запах, и вкус.

Посреди стола медные хлебницы, искусно сделанные в виде транспортных судов, наполнены свежими сухарями. На тарелках изображение флагманского корабля, летящего куда-то в неизвестность на всех парусах.

– Ваш тост, господин лейтенант! – поднял первую рюмку Ушаков, оборотившись к командиру посылного судна «Ирина» Анастасию Влито.

По старой традиции первый тост за офицерским столом всегда говорит младший по чину.

– За здоровье государя нашего императора Павла Петровича! – поднявшись, провозгласил смущенный всеобщим вниманием Влито.

Капитаны разом поднялись, тост за императора всегда пьется только стоя. После первого тоста дело пошло веселее.

Испили капитаны адмиральской водочки под грибочки и огурчики соленые, похвалили. Затем, вооружившись ложками, закусили горячими щами и кашей мясной.

Ушаков первым густо намазал лежавший на его тарелке кусок мяса горчицей. За ним потянулись к горчице и командиры кораблей. Именно так в море отбивали запах у не слишком свежей солонины. И хотя сейчас мясо было самым свежим, привычка у всех осталась.

Беря сухари, офицеры, как по команде, застучали ими о край обеденного стола. Делалось это, чтобы выбить засевших в сухарях жучков. Разумеется, сейчас все знали, что адмиральский вестовой перед накрытием стола заранее простучал каждый сухарь, но привычка сказалась и в этом. Командующий на этонисколько не обиделся, более того, он и сам постучал сухариком.

Перекусив, командиры начали собираться по своим судам. До выхода в плавание оставались считанные дни, дел у всех еще было невпроворот – кто-то порох не загрузил, кто-то продовольствие. При этом еще никто не наливался водой. Дело в том, что воду каждый командир старался брать в самый последний момент, чтобы та как можно дольше хранилась в свежести. Когда же десятки шлюпок со всей эскадры одновременно начинали черпать пресную водицу в устье Черной речки, то там порой возникали недоразумения. Посему на этот раз Ушаков загодя определил туда офицера, который бы и правил всей очередностью заливки.

Командующий никого из капитанов не задерживал. Видно было, что и сам он не склонен затягивать обеденные посиделки. Дел хватало и у него. Взять только продовольствие, ведь без малого семь тысяч

человек команд нуждались в ежедневном питании. Для этого помимо всего прочего необходимы тысячи пудов сухарей, да не простых, а тех, что делали только из особого сорта муки, а потом еще и соответствующе закаливали. На солонину в Севастополь гнали сейчас целые стада скота крупного и мелкого. В одной из балок устроили бойню. Туда же с Перекопа возами везли соль и бочки для засолки. Процесс засолки тоже не так прост, как кажется. Если засаливать будет настоящий мастер, то мясо получится вкусным, да и храниться будет куда дольше. Поэтому здесь присмотр тоже нужен немалый. Часть скота на корабли и суда надо грузить живьем, чтобы хотя бы первые недели у команды было свежее мясо. Особая проблема – бочки. Их нужны тысячи и тысячи, как для солонины, так и для воды. Лучшие из всех бочек – это дубовые, но где в Крыму найдешь столько хорошего дуба? Поэтому бондари делали их из другого дерева, стремясь придать по возможности прочность и герметичность. Каждую из бочек надлежало проверить и принять. Кроме того, надлежало закупать, привезти и загрузить всевозможные крупы, специи, вино и зелень. И это только продовольствие. А порох и ядра? А холстина для картузов? А дерево для починки рангоута? А сам рангоут? А такелаж – многие версты различных канатов, которые также надо было проверить на прочность, ибо от этого зависела жизнь людей. А многопудовые чугунные якоря, доставка которых в Севастополь также была весьма непроста? Кроме всего этого команды надлежало еще и одеть да денежным довольствием и лекарствами обеспечить. Надо было подготовить и сами суда: отклеивать, заменить гнилое и вызывающее сомнение дерево, выкрасить и вычистить. И за все, от выверенности навигационных инструментов до качества матросской махорки, отвечал он – командующий эскадрой.

На выходе от командующего Шостак наскоро переговорил с командиром фрегата «Михаил» Сорокиным. У обоих назавтра назначена погрузка боезапаса. Договорились, что до обеда красная (пороховая) баржа пойдет к Сорокину, а уже после обеда перетянется к «Григорию». Время же до обеда Шостак планировал занять погрузкой шкиперского имущества, которое уже получено и сложено на стенке Артиллерийской бухты.

– Сдается мне, что нынешняя кампания будет столь же тоскливой, как и предыдущая, – недовольно пробурчал Сорокин, обменявшись с Шостаком прощальным рукопожатием.

– Поживем – увидим! – ответил тот, уже спускаясь в свою гичку.

Корабельные оркестранты разом задудели в трубы, а литавщик от всей души ударил в тарелки.

Это провожали младшего флагмана Овцына. Но едва голова контр-адмирала оказалась на уровне палубы, музыка столь же резко оборвалась. Так велит провозжать российских адмиралов морской устав, и никто не вправе что-либо в этом менять. Командирам кораблей и судов первых рангов при подъеме и сходе оркестр не положен по чину, им бьет барабан и свистят дудки, командиры же мелких судов и вовсе обходятся одной дудкой.

* * *

1798 год вообще выдался для Черноморского флота непростым. Уже в январе у входа на Севастопольский рейд был снесен ветром и выброшен на берег у Артиллерийской бухты транспорт «Березань» под командой лейтенанта Ивана Сытенского. Люди, слава Богу, остались живы, и командира по суду оправдали.

В июле флот постигла уже куда более страшная трагедия. Возвращавшийся из-под Евпатории кирлангич «Ахилл» под командой лейтенанта Кононовича был опрокинут жестоким шквалом. Погибла вся команда из 76 человек. Чудом уцелел лишь один матрос Ермолай Лазарев. Уцепившийся за обломок мачты, он был выброшен на берег, там подобран дозорными казаками и привезен в Севастополь с вестью о трагической гибели «Ахилла». Впрочем, мало ли и раньше гибли моряки в штормах да бурях?

К моменту прибытия фельдъегеря корабли уже вытягивались на середину Севастопольской бухты, заканчивая загрузку припасов и последние приготовления к повеленному плаванию. Письмо императора произвело на вице-адмирала должное впечатление. И было отчего! В новом рескрипте уже ни слова не говорилось о турецкой угрозе, зато черным по белому значилось: в случае прорыва французов в Черном море дать им генеральный бой.

«Мы надеемся на ваше мужество, храбрость и искусство, – писал император Павел, – что честь нашего флага соблюдена будет...»

– И мужества, и храбрости, и искусства нам не занимать, – прочитав бумагу, вздохнул Ушаков. – Ну а что касается чести флага, то оную черноморцы всегда выше иных доблестей ставили.

В те дни Севастополь напоминал развороченный муравейник. Все куда-то бежали, что-то везли, что-то грузили. Один за другим корабли и суда эскадры вытягивались на внутренний рейд, где окончательно приводили себя в порядок и отрабатывали корабельную организацию.

В последнюю очередь на корабли началась погрузка солдат черноморских батальонов полковни-

ка Скипора, майоров Буаселя и Бриммера. Солдаты грузились с песней:

*Не бушуйте вы, ветры буйные,
вы, буйные ветры осенние.
Успокойся ты, море синее,
не волнуйся ты, море Средиземное.
Ты постой, постой, лето теплое,
не теки, постой, солнце красное!
По указу царя Белого
наказать врага вероломного...*

* * *

Свой флаг вице-адмирал Ушаков поднял на 84-пушечном «Святом Павле». Младшим флагманом к себе просил он контр-адмирала Гавриила Голенкина, командовавшего в ту пору Херсонским портом. С Голенкиным Ушакова связывали старая дружба и боевые дела. Но Мордвинов демонстративно отказал, причем не по необходимости, а из вредности. Младшим флагманом к Ушакову он определил своего человека – контр-адмирала Овцына.

Командиром флагманского корабля стал давний соратник и товарищ Ушакова капитан 1 ранга Евстафий Сарандинаки. Никакого образования у Сарандинаки не было, зато опыта хватало. Еще в 60-х годах под началом знаменитого капера Качиони дрался он с турками на Средиземном море. Затем со своей фелюкой прибыл к адмиралу Спиридову и поступил на русскую службу, чтобы снова воевать, но уже под Андреевским флагом. В войну 1787—1791 годов с турками Сарандинаки уже командовал фрегатом, воевал храбро и умело и за Калиакрию получил заслуженный Георгиевский крест.

С Ушаковым командир «Святого Павла» просто дружил, а потому и на его корабле пребывать ему было приятно.

Несмотря на все старания, Ушакову не удалось отстоять второго близкого к нему командира – капитана 1 ранга Ознобишина, командовавшего новым кораблем «Захарий и Елисавет». Ознобишина Мордвинов просто списал на берег. Вместо него командиром «Захария и Елисавет» был определен старейший из черноморских капитанов 50-летний Иван Андреевич Селивачев, лишь немного уступавший в старшинстве самому Ушакову. Уже начало прошлой войны с турками он встретил в чинах капитанских и в должности командира линейного корабля «Слава Екатерины». Имел и Георгиевский крест за Калиакрию. В последнее время Селивачев уже частенько прибаливал и тяготел к береговой службе, а потому последние два года служил презусом генерального военного

полкового кригсрехта (председателем гарнизонного трибунала). Должность считалась почетной, но пенсией. Новое назначение стало для Селивачева неожиданностью, однако моряк отказываться не стал. Тем более что помимо командования кораблем Селивачев назначался и начальником арьергардии с правом поднятия брейд-вымпела.

Вторым новостроенным линейным кораблем «Святой Петр» командовал самый молодой из капитанов 1 ранга 36-летний Дмитрий Сенявин, бывший генеральс-адъютант Потемкина, герой набега на Синоп, любимец Мордвинова и недруг Ушакова. Впрочем, при всем этом Сенявин был выдающимся моряком и честным человеком. Отметим и то, что и Ушаков, и Сенявин, при всей личной антипатии друг к другу, признавали профессионализм и талант друг друга. Как известно, на такое способны весьма немногие.

Историк Д.Н. Бантыш-Каменский так вспоминал о командире «Петра»: «Дмитрий Николаевич Сенявин росту высокого и стройного; имел прекрасные черты и много приятности в лице, на котором изображалась доброта души и всегда играл свежий румянец. Наружность его вселяла любовь и почтение. Будучи крепкого сложения, никогда не жаловался он на болезни, и лечение его состояло в домашних простых средствах. Он отличался веселым, скромным и кротким нравом; был незлопамятен и чрезвычайно терпелив; умел управлять собою; не предавался ни радости, ни печали, хотя сердце чувствительное; любил помогать всякому; со строгостью по службе соединял справедливость; подчиненными был любим не как начальник, но как друг, как отец; страшились более всех наказаний – утраты улыбки, которою сопровождал он все наказания свои и с которою принимал их донесения. Кроме того, он был исполнен преданности к престолу и дорожил всем отечественным. В обществах Сенявин любезен и приветлив. С основательным умом он соединял острый, непринужденный разговор; знал языки немецкий, французский, английский и итальянский, не говорил ни на одном из них и с иностранцами всегда объяснялся посредством переводчика».

Пройдет совсем немного времени, и Дмитрий Сенявин станет одним из самых выдающихся флотоводцев в истории России...

74-пушечным «Богоявление Господне» командовал хорошо известный на Черном море капитан 1 ранга Антон Павлович Алексиано. Еще в молодости Алексиано отслужил пять лет матросом в британском флоте, поплавав от Америки до Индии. Затем дрался капером с турками, был принят адмиралом Спиридовым на русскую службу и снова воевал под началом своего старшего брата Паниотти, будущего

контр-адмирала русского флота и героя Очаковского сражения. Младший Алексиано также отличился под Очаковом, имел орден Владимира 4-го класса за Тендру и Георгиевский крест за 18 морских кампаний. Как и Сарандинаки, Алексиано никогда ничему не учился, а все постигал сам. При этом он был прекрасным моряком, знал английский, итальянский и испанский языки. В послужном списке его значится: «В поведении и должности хорош и рачителен, но по совершенной слабости здоровья часто бывает болен».

74-пушечной «Святой Троицей» командовал Иван Степанович Поскочин. В 1781 году он начальствовал галерой во время путешествия императрицы Екатерины Второй по Днепру. Затем воевал на Дунае, имел Георгия за Измаил. Но в чинах продвигался плохо. Не имея никаких взысканий, отбарабанил восемь лет капитан-лейтенантом. Говорили, что виной тому был его вспыльчивый и прямой характер. Но Ушакову Поскочин нравился, и в 1796 году он забрал его с галер к себе на линейный флот, сразу произведя в капитаны 2 ранга. А накануне отправки эскадры в Средиземное море Поскочин наконец-то стал и капитаном 1 ранга.

Наконец, 74-пушечной «Марией Магдалиной» командовал еще один питомец ушаковской школы – капитан 2 ранга Григорий Иванович Тимченко, имевший Георгиевский крест за Фидониси.

На самом мощном из черноморских фрегатов 60-пушечном «Григорий Великая Армения» капитанствовал уже известный нам капитан-лейтенант Иван Шостак. В 1787 году он вместе с Поскочиним сопровождал императрицу Екатерину по Днепру. В турецкую войну отчаянно дрался в Лимане, за взятие Тульчи и Исаки получил первого Георгия, а за штурм Измаила – особый золотой знак с прибавлением старшинства в три года. Затем достойно показал себя при обстреле Гальца и Браилова, удостоившись за это еще одного Георгия, уже 3-го класса. Шостак был единственным из черноморских капитанов, имевших сразу два Георгиевских креста. Весь флот знал, что Шостак любимец Ушакова, но сам капитан-лейтенант, несмотря на это, всегда держался предельно скромно, за что и был уважаем особо.

Теперь, командуя тяжелым фрегатом, он был первым кандидатом в командиры линейного корабля. Все зависело от того, как Шостак проявит себя в ближайшей кампании.

50-пушечным фрегатом «Святой Михаил» командовал капитан 2 ранга Александр Сорокин. Как и все остальные капитаны, хорошо показал себя в турецкую войну: воевал в Лимане, штурмовал Очаков, получив капитан-лейтенанта «за отличие». Затем, служа старшим офицером на корабле «Мария Магдалина»,

участвовал во всех сражениях Ушакова: при Тендре, под Керчью и при Калиакрии. За Тендру орден Святого Владимира.

Хороши были и остальные капитаны: Фома Мессер с 46-пушечной «Богородицы Казанской», Кирьяк Константинов с «Сошествия Святого Духа», племянник бывшего черноморского флагмана граф Дмитрий Войнович с «Навархии», капитаны «Святого Николая» Павел Марин и фрегата «Счастливый» Григорий Белли.

Каждого из них Ушаков знал не один год, с большинством прошел не одно сражение. Неплох был и младший офицерский состав, большая часть которого тоже была крещена огнем. В последние два года команды пополнились рекрутами. Но старые матросы все же имелись еще в достатке.

Вперед эскадры к Томаре был отправлен авизо «Панагия» лейтенанта Тизенгаузена – сообщить о выходе эскадры из Севастополя.

Черноморский флот России начинал очередную морскую кампанию, которая обещала быть весьма насыщенной плаваниями. Однако никто еще не предполагал, что она получится и на редкость боевой.

Глава третья

ПОГОНЯ ЗА БОНАПАРТОМ

В самом конце 1797 года в Париж вернулся генерал Бонапарт. Только что он собственноручно продиктовал австрийцам условия Кампо-Форминского мира, предварив его каскадом своих ошеломляющих побед в Италии. Всем было очевидно, что над Европой взошла новая полководческая звезда. В столице Директория французской республики устроила триумфатору торжественную встречу. Пока один директор республики Баррас говорил напыщенную речь, второй, Бурьенн, рыдал в объятьях генерала. Еще недавно почти никому неизвестный Бонапарт был теперь нужен всем. С ним искали встреч, и на этих встречах без всякой меры заискивали самые влиятельные политики.

– Нашему герою всего двадцать восемь лет, а он уже выиграл двадцать сражений! – восхищались обожатели. – Что же он наделает к шестидесяти? Дойдет до Индии или покорит весь мир?

Женщины, видя маленького и худого юношу с бледным лицом и длинными волосами, падали от возбуждения в обморок. А вскоре генерал Бонапарт выступил с пылкой речью:

– Сограждане! Приложим все наши усилия в сторону моря и уничтожим Англию! После этого вся Европа будет лежать у наших ног!

Когда первые страсти улеглись, Бонапарт как новый командующий армией вторжения в Англию объехал порты вдоль Ла-Манша. Результаты поездки были неутешительны. Состояние французского флота не оставляло никаких шансов благополучно добраться даже до недалекого враждебного берега.

Вторя ему, французский посол в Генуе Сотен публично заявил, поглядывая на английского посланника:

– Наша экспедиция направлена против Англии, а потому пусть они заранее готовятся к капитуляции. У Франции осталось теперь лишь два противника: Англия и собственное естество!

Что подразумевал посол под «собственным естеством», так и осталось для всех загадкой.

Некоторое время французы думали высадить десант прямо в Англии и одним махом покончить с ней и со всеми проблемами. Для этого на побережье они расположили армию генерала Луи Шарля Дезе. Начали понемногу собирать в Бресте и флот. Перебросили туда с Корфу эскадру вице-адмирала Брюе, начали строить и мелкосидящие канонерские лодки. Однако пыл нетерпеливых остудил генерал Бонапарт. Его авторитет после блистательных побед в Италии был непререкаем.

– Мы уже имеем печальный опыт ирландской экспедиции 1796 года, когда, кроме потерь и позора, не было больше приобретено ничего. Пока мы не завоюем господство на море, о вторжении в Англию лучше и не мечтать, – внушал он народным депутатам. – Мы нанесем удар, но там, где англичане его ожидают меньше всего. Угрозу же вторжения непосредственно в Англию будем использовать лишь как дезинформацию.

– Куда же мы ударим? – спросили решительного генерала депутаты.

– А ударим мы по британским колониям.

Бонапарт мечтал о славе Александра Македонского. Директория в свою очередь уже начала опасаться этого не в меру энергичного и тщеславного генерала, считала за лучшее слышать о его победах в далеких пустынях, чем видеть в Париже. Кроме этого далекий поход флота и армии непременно оттянул бы за собой часть британского флота и тем самым облегчил подготовку к вторжению на Британские острова через пролив.

В узком кругу членов директории, куда призвали и Бонапарта, решали, что делать дальше.

– Увы, мы не можем сейчас ничего противопоставить Англии, – сокрушался директор Бурьенн. – Льву трудно драться с китом.

– Отнюдь! – тут же возразил ему Бонапарт. – Да, мы пока не можем атаковать саму Англию, но мы

вполне можем испортить кровь англичанам в других местах. Наш враг силен своими конюшнями-колониями, и как только он почувствует, что мы поджигаем эти конюшни, то сразу примет все наши условия.

– Что же вы конкретно предлагаете? – подал голос Баррас.

– Нанести удар там, где англичане его меньше всего ожидают, – усмехнулся генерал.

– И где же? – даже привстали со своих кресел члены директории.

– В Египте. Захватив его, мы возьмем англичан за горло. Мне хватит шести лет, чтобы добраться до Индии.

Несколько мгновений в зале заседаний царилла полная тишина, зато потом начался шум и гвалт. Мнения собравшихся сразу же разделились, и теперь каждый старался доказать соседу свою правоту.

Впрочем, для многих идея молодого и честолюбивого генерала неожиданностью не стала. О вторжении в Египет мечтал еще четверть века назад великий Лейбниц в своем секретном докладе Людовика Четырнадцатому. О том же мечтал в свое время и всемогущий министр Шуазель. Тогда был даже заключен договор с мамелюкскими беями об открытии французам торгового пути в Ост-Индию. С началом революции об этих замыслах, казалось, забыли, и вот теперь о Египте снова заговорили.

Спустя несколько дней решение о подготовке египетской экспедиции было принято. Так как в стране то и дело открывали роялистские заговоры, а агенты, как Бурбонов, так и англичан, шныряли всюду, было решено цель похода хранить в большом секрете. Тогда же главнокомандующим еще несуществующей Восточной (Египетской) армии был назначен Бонапарт.

Итак, подготовка к секретной экспедиции началась. В Тулон потянулись войска и обозы. Везли продовольствие и фураж, ядра и порох. Везли все, что только могло понадобиться солдатам в тысячах лье от Франции. По раскисшим от грязи дорогам маршировали войска. Помимо регулярных батальонов в армию были включены несколько особых отрядов «*colonnes mobiles*», укомплектованных убийцами и насильниками. Приговоренным к гильотине во Франции предложили на выбор – смерть или экспедицию в Египет, почти все выбрали последнее. Преступники не скрывали своих намерений:

– Нам главное добраться до ближайшего города, а там мы покажем, на что способны. Уж мы-то сумеем развязать языки обывателям, выбивая их них золотом и камешки!

Тем временем слухи о цели французской экспедиции все множилось и множилось. Газеты цити-

ровали речь директора велеречивого Жана Барраса: «Мы просто обязаны увенчать столь прекрасную жизнь нашей Франции завоеванием, которое удовлетворило бы оскорбленное достоинство великой нации!»

От таких заявлений становилось не по себе. Затем вместо первоначальных известий, что французы нацелились на Гибралтар, Сицилию или Сардинию, стали говорить, что директория решила идти на помощь турецкому султану против России, чтобы помочь ему вернуть Крым и вольность Польше.

– Зачем сейчас французам Россия? – недоумевали наиболее здравомыслящие. – У них что, нет других проблем?

– Это же якобинцы! – отвечали им. – А у этих все не как у людей!

Англичане тешили себя робкой надеждой, что Париж оставит их в покое. Но этим надеждам не суждено было сбыться.

Вскоре с целью дезинформации Бонапарт потребовал от директории принять обратно на службу всех бывших морских офицеров, изгнанных за годы революции. В Англии опять заволновались:

– Французы готовятся высаживать десант через Канал!

Началось спешное укрепление берегов. Туда стягивались войска и свозились пушки. Боевых кораблей англичанам для выполнения одновременно всех задач уже не хватало. Пришлось идти на поклон к российскому императору Павлу Первому. Тот милостиво согласился помочь.

Командующему эскадрой на Балтике вице-адмиралу Макарову доставили императорский рескрипт: «По отношению к Нам Его Величества Короля Великобританского в требовании помощи морскими Нашими силами вследствие заключенного с Нами союзного оборонительного договора противу французов, покушающихся ныне сделать нападение на берега Его Величества Короля Великобританского, решились Мы послать эскадру Нашу, состоящую в 10 линейных кораблей, 3 фрегатов и одном катере под вашею командою в соединение с английскими флотами, в число которой повелели Мы следующей эскадре от города Архангельского под начальством вице-адмирала Е.Е. Тета иттить прямо к английским берегам для соединения с вами и быть под вашим началом».

Одновременно Павел Первый подписал указ организовать крейсерство в Балтийском море еще трех эскадр: адмирала Круза, вице-адмирала Скуратова и контр-адмирала Шешукова. В Кронштадте помимо них готовилась еще и резервная эскадра контр-адмирала Карцова.

А посол Сотен тем временем уже вещал в Генуе, что Бонапарт хочет перерезать Суэцкий перешеек, затем прорыть канал из Средиземного моря в Красное, чтобы затем переправить флот на Индию. В самом же Париже распускали слух, что десант Бонапарта будет высажен в Вест-Индии. Европа терялась в томительном ожидании, а французы тем временем заканчивали свои последние приготовления.

Для участия в экспедиции был собран 36-тысячный корпус. Французский военный флот состоял из 72 судов, а транспортный – из 400. Помимо французских судов в его состав было включено множество захваченных венецианских. Республика Святого Марка прекратила существование, но ее большой торговый флот сразу же обрел нового хозяина.

В самом Тулоне спешно переделывали линейные корабли под транспортные суда, складировали боеприпасы, амуницию и медикаменты.

Помимо всего прочего с подачи Бонапарта директория распорядилась определить в экспедицию 167 академиков – весь цвет тогдашней французской науки. Кого там только не было: математики и астрономы, натуралисты и химики, художники и архитекторы, медики и историки, геологи и механики, музыканты и даже поэты. Среди тех, кому предстояло прикоснуться к древним тайнам, были светила мировой науки: великий геометр Гаспар Монж, великий химик Клод Бертолле, великий математик Жан Фурье и многие другие. Была подобрана и научная библиотека экспедиции – более 500 томов. Не жалея денег, закупалось и научное оборудование.

Во главу флота был определен чудом выживший при якобинцах вице-адмирал Брюе, храбрый и опытный. Генералитет Бонапарт подобрал из своих соратников по Италии, тех, кому он лично доверял.

28 апреля в Тулон для проведения генерального смотра войскам прибыл Бонапарт. Обойдя полки, он взобрался на близлежащий холм.

– Солдаты! – обратился он к своей армии. – Я принял над вами команду, когда вы были голы и безоружны. Я обещал вам, что обогачу вас и приведу к победам. Сдержал ли я свое слово?

– Сдержал! – глухо отозвались батальоны.

– Я повел вас в Италию, где вы сверхмеры получили награды за вашу храбрость. Теперь я поведу вас в другую страну, где все вы станете еще богаче, а Отечество познает вкус новых побед. Вернувшись, каждый из вас сможет купить шесть десятин лучшей земли. Верьте мне, я и теперь сдержу свое слово!

Речь командующего была встречена неподдельным восторгом.

– Да здравствует республика! – кричали солдаты.

Уже перед самым отплытием был пущен новый слух, что экспедиция отправляется к Дарданеллам, чтобы изгнать турок из Европы в Азию. Для чего понадобилось вдруг французам изгонять турок, не мог понять никто, однако все усвоили твердо, что «якобинцы» твердо желают «ограбить области, принявшие их перемену, и отнять у них все золото и серебро».

Вскоре началась посадка войск на суда, и 8 мая флот вышел в море, взяв курс мимо Генуи на Корсику.

– Наша сабля наконец-то удалась! – с облегчением произнес директор Баррас, получив известие об отплытии Бонапарта из Тулона.

Сам же Бонапарт поднял свой флаг на 120-пушечном линейном корабле «Ориент», где находился и командующий флотом вице-адмирал Брюе.

Стоя на четвердеке флагманского корабля, генерал вглядывался в уходящую за горизонт вереницу кораблей и транспортов.

– С такой силой мы непобедимы, – довольно заметил он, убрав от глаз зрительную трубу.

– Пока не напоремся на англичан! – сухо заметил Брюе.

На траверзе Аяччо состоялась встреча с еще одним подошедшим отрядом судов. Затем потянулись однообразные дни плавания. На флагманском «Ориенте» Бонапарт коротал время в кают-компании в окружении генералов и ученых. После обеда они вели многочасовые разговоры от вопросов политических до религиозных. Об англичанах старались не думать. Душой компании был генерал-инженер Кафарелли, одаренный не только умом, но и чувством юмора. Что касается Бонапарта, то он любил слушать споры о Боге набожного математика Монжа с материалистом химиком Бертолле, принимая в большинстве случаев сторону первого.

* * *

Английские газеты тех месяцев пестрели тревожными статьями о победном марше французов по Италии, о растерзанных австрийских дивизиях, об изгнанном с престола Римском папе Пие Шестом. Затем Англия вздрогнула, получив известие о том, что властолюбивый и талантливый Бонапарт публично грозит нанести удар Англии там, где она его меньше всего ожидает. Это не сулило для Туманного Альбиона ничего хорошего. И точно! Вскоре стало известно о большом флоте, энергично вооружаемом в Тулоне. Лазутчики доносили об отборном корпусе, который уже сосредоточен в лагерях под Тулоном. Говорили, что и сам Бонапарт объезжает южные порты Франции, усиленно занимаясь военными приготовлениями. Было совершенно ясно, что настоящая битва

за Средиземное море еще впереди. Французы явно что-то затевали в южных водах, но что именно и где? Необходимо было срочно усилить военно-морские силы в средиземноморских пределах. Желаящих возглавить вновь формируемую эскадру было хоть отбавляй. Седые и заслуженные флотоводцы буквально толпились в коридорах адмиралтейства в надежде на столь престижный и ответственный пост. Командующий Средиземноморским флотом адмирал Джервис требовал назначить на эту должность своего любимца контр-адмирала Нельсона. В кампанию обсуждения кандидатур включилась и пресса. Решение журналистов было однозначным: новую эскадру должен возглавить Нельсон – одорукий герой недавней победы над испанцами при мысе Сент-Винсенто.

Так как отказать герою в сложной политической ситуации было нельзя, Нельсон вскоре и получил назначение одним из младших флагманов на флот адмирала Джервиса (ставшего после одержанной победы графом Сент-Винсентом). Его флот должен был осуществлять блокаду Кадиса и крейсировать по Средиземному морю.

Назначению предшествовала долгая беседа первого лорда Спенсера со своим помощником лордом Минто о политической обстановке. Поводом к разговору послужила статья в «Таймс», где говорилось о непонятных военных приготовлениях французов в Тулоне.

– Французы, кажется, замышляют что-то весьма серьезное, – озабоченно поделился своими соображениями первый лорд адмиралтейства. – А потому нам сейчас следует как можно быстрее усилить флот Джервиса, чтобы он мог быть готовым к любому повороту событий. Туда мы сейчас будем отправлять лучшие корабли и лучших офицеров.

– Именно туда следует отправить и нашего бывшего знакомого сэра Нельсона, – затянувшись трубкой, кивнул лорд Минто. – Героя Сент-Винсента и Террифа.

Лорд Спенсер неопределенно дернул плечами. Поняв этот жест как неуверенность, лорд Минто вынул трубку изо рта:

– Он так хорошо знает Средиземное море, как вы, ваша светлость, знаете комнату, в которой мы сейчас сидим.

– Да, я знаю Нельсона только с лучшей стороны, – кивнул наконец первый лорд. – Но сможет ли он драться без глаза и без руки?

– Не волнуйтесь, ваша светлость, – снова затянулся трубкой лорд Минто. – Он уже почти здоров и прямо-таки рвется в бой. Кому, как не ему, разобратся с тулонской интригой.

– Что ж, – немного поразмыслив, согласился лорд Спенсер, – я согласен.

На следующий день в кабинете лорда Спенсера был уже и сам Нельсон. Первый лорд объяснил контр-адмиралу все тонкости его назначения. Затем выразил надежду, что граф Сент-Винсент использует Нельсона именно так, как планирует адмиралтейство. После этого первый лорд перешел уже непосредственно к разъяснению задачи.

– Самое главное – это слежение за каждым шагом тулонцев. Ни один из них не должен выскользнуть в море незамеченным. Вы должны знать о каждом их шаге и немедленно принимать ответные меры. Кораблей у вас, конечно, меньше, чем у французов, но ведь на них английские команды, – разъяснил Нельсону суть его задачи Спенсер.

– Я вас понял, сэр, – вскинул голову Нельсон. – На меня вы можете полностью положиться.

– Я и не сомневаюсь, – кивнул первый лорд.

Буквально на следующий день первый лорд был приглашен премьер-министром. Вильям Питт-младший был озабочен.

– Сведения из Тулона с каждым днем все тревожнее, – начал он разговор, сухо поздоровавшись со Спенсером. – Кроме этого мы не можем рассчитывать на создание сильной антифранцузской коалиции, пока не восстановим полностью нашу репутацию на морях. Нужна генеральная победа над французским флотом.

– Я уже отдал соответствующие указания графу Сент-Винсенту, – кивнул головой Спенсер. – Думаю, что возвращение нашего флота в Средиземное море явится тем фактором, от которого будет зависеть судьба Европы.

– Усилили ли вы графа кем-нибудь из опытных высших офицеров? – спросил премьер-министр.

– Да, сэр! Только вчера я подписал указ о назначении в его распоряжение контр-адмирала Нельсона.

Вильям Питт немного помолчал:

– Я не являюсь поклонником этого безрукого безумца, но в данном случае считаю его кандидатуру вполне уместной. Надеюсь, выбор окажется удачным.

В те дни по Лондону ходила злая шутка, что лорд Спенсер не смог найти лучшего наблюдателя и ловца французов, чем одноглазого и безрукого Нельсона. Особенно много спорили и обсуждали новое назначение в портовых трактирах, где собирался люд, морское дело знающий и обо всем свое собственное суждение имеющий.

– Видно, совсем уж плохи наши дела, коли таких убогих в море посылать начали. Куда уже дальше! – говорили одни, далеко не первую кружку пива в себя пропуская.

– Для адмирала убогость не главное, – отмахивались другие, только что заказавшие себе по первой.

– А что же тогда главное, коль слепой да одноруким?

– А чтобы удача была. Будет удача, тогда и глаз с рукой ни к чему. Все само придет.

– Ну а есть ли у вашего Нельсона удача? – не унимались заядлые спорщики.

– А кто ж его знает, поживем – увидим, – приходили к общему выводу те и другие и, громко сдув пугающую пень, припадали к вожделенному ячменному напитку.

На вооружение корабля, вербовку команды, загрузку припасов ушла еще пара месяцев, и только в апреле 1798 года Нельсон смог оставить за кормой Спитхедский рейд. Его синий контр-адмиральский флаг трепетал на бизань-мачте «Вэнгарда».

Прощание Нельсона с женой было грустным и трогательным. Последнее ранение Горацио и забота о нем Фанни очень их сблизили.

Прощаясь с женой, Нельсон нежно ее приобнял:

– Дорогая, как ты знаешь, мое честолюбие уже удовлетворено, и теперь мне хотелось бы только возвысить тебя до того положения, которого ты достойна. Именно поэтому я хочу прославиться в грядущих битвах, заслужить титул пэра Англии, который бы обеспечил тебе прочное положение.

– Ах, мой милый Горацио, как ты добр ко мне! – только и всплакнула преданная Фанни.

74-пушечный «Вэнгард» покидал Портсмут. Впереди его ждали нелегкие боевые будни, шторма и блистательная победа.

* * *

Переход в Средиземное море прошел вполне успешно. У Кадиса «Вэнгард» под салютационные залпы верхних деков присоединился к флоту, и Нельсон поступил под начало графа Сент-Винсента.

Адмирал Джервис встретил своего старого соратника радушно.

– Обстановка не располагает к безделью, – сразу же предупредил он младшего флагмана. – Только что я получил донесение консула из Ливорно. Французы собрали до четырех сотен вымпелов в портах Прованса и Италии. Готов к выходу и весь военный флот и сорокатысячная армия. Куда двинет Париж эту армаду, нам неизвестно: может, в Португалию или Ирландию, возможно, к Сицилии или на Мальту, а может, даже в Египет.

– Какова вероятность последнего пункта? – спросил Нельсон.

Сент-Винсент пожал плечами:

– Маловероятно. Зачем французам лезть в Африку, когда у них еще полно дел в Европе. Впрочем, если Директория решила низвергнуть нас из Индии, то тогда она готова будет пожертвовать и половиной своей армии.

– Чем мне предстоит командовать?

– У Кадиса тебе пока делать нечего. Я справлюсь здесь и сам. Возьмешь для начала три линейных корабля и несколько мелких судов. Отправишься к южным французским портам и попробуешь на месте разобраться в ситуации. Держи меня постоянно в курсе дел. Когда потребуется, я немедленно вышлю к Тулону еще десять линейных кораблей.

– Кто будет ими командовать? – сразу насторожился Нельсон.

Сент-Винсент ухмыльнулся. Нельсон явно не желал идти в подчинение к кому бы то ни было, кроме главнокомандующего. Но дело в том, что на флоте, блокировавшем Кадис, были еще два младших флагмана, причем оба значительно старше Нельсона выслугой: контр-адмирал красного флага Уильям Паркер и контр-адмирал белого флага Джон Орд. При этом оба имели безупречные послужные списки. Нельсон же со своим третьеклассным синим флагом был самым младшим, а значит, имел наименьшее количество прав на самостоятельное командование.

– Отдельной эскадрой будешь командовать ты! – стукнул кулаком по столу Сент-Винсент. – В критические для страны моменты я должен вверять передовую эскадру не старейшему, а достойнейшему. С остальным же разберемся после, сейчас же важен результат. А я в тебя верю.

– Сэр! – порывисто вскочил Нельсон со своего стула. – Я сделаю все, чтобы оправдать ваше доверие! Когда начинать движение?

– Только что мы перехватили французский бриг из Тулона. Матросы проболтались, что туда прибыл известный генерал Бонапарт. Он якобы назначен командовать экспедицией. На рейд уже выведены и вооружены пятнадцать линейных кораблей под флагом адмирала Брюе. Войска также готовы к посадке на транспорты. Не сегодня завтра экспедиция будет начата, а потому вам, Горацио, следует спешить к Тулону немедленно.

Остановив свой выбор именно на кандидатуре Нельсона, умный Сент-Винсент предварительно посоветовался в письме с первым лордом, предлагая ему разделить ответственность за назначение самого младшего из флагманов на столь ответственный пост. Лорд Спенсер намек понял.

«Если вы полны решимости послать эскадру в Средиземное море, – написал в ответ первый лорд, – я думаю, что нет нужды давать вам советы о целесо-

образности поручить командование ею сэру Горацио Нельсону, чье знание этой части мира, равно как и его активность и характер, кажется, делают его особенно подходящим для выполнения данной задачи».

Как и предвидел Сент-Винсент, его откровенное протезирование самому младшему из флагманов обернулось серьезным скандалом. Обиженные Паркер и Орд немедленно написали возмущенные протесты на действия своего главнокомандующего в адмиралтейство. Узнав об этом, разъяренный Сент-Винсент велел обоим немедленно спустить свои флаги и убраться в Англию.

– Мне не нужны кляузники! Мне нужны боевые офицеры! – бросил обоим контр-адмиралам на прощание.

Но и на этом дело не кончилось. В Англии оба обиженных развернули большую кампанию против наглого попрания всех флотских правил и традиций вероломным Сент-Винсентом и его любимчиком Нельсоном. В скандал должен был вмешаться первый лорд. После этого Уильям Паркер несколько поутих, но его коллега Джон Орд только еще больше вошел в раж. Он продолжал шумно протестовать против нанесенных ему незаслуженных обид, налево и направо давал обличительные интервью газетчикам. Когда позднее Сент-Винсент вернулся в Англию, Орд немедленно вызвал его на дуэль. Главнокомандующий принял вызов своего бывшего подчиненного. Чтобы предотвратить адмиральское смертоубийство, должен был вмешаться сам король. Орда подвергли домашнему аресту, а Сент-Винсенту велели некоторое время не покидать своего дома.

И все же граф Сент-Винсент ни разу впоследствии не усомнился в правильности своего выбора. Он был непоколебим: эскадрой, отправленной в Средиземное море, мог командовать только Нельсон!

* * *

А в это время эскадра Нельсона на всех парусах уже мчалась на перехват французского флота. В ее состав входили 74-пушечные линейные корабли «Вэнгард» Эдвара Берри, «Орион» Джеймса Сомарца и «Александр» Джона Белла. Помимо этого имелись еще четыре легких фрегата и бриг для ведения разведки.

В целях сохранения тайны корабли Нельсона отделились от основного флота глубокой ночью. Вскоре они уже миновали Гибралтар. Затем сразу повернули на норд-ост, к южным берегам Франции. Здесь англичанам не повезло. На них обрушился жесточайший шторм. Поменявшийся норд-вестовый ветер отнес корабли Нельсона от французского побережья

и разбросал по морю. «Вэнгард» потерял в битве со стихией фок-мачту и две стеньги. Ни мастерство флаг-капитана Берри, ни опыт самого Нельсона, сутками не сходившего с квартердека, не могли исправить ситуации.

– Это не случайный шторм, а небесная кара за мою непомерную гордыню, – признался в минуту отчаяния Берри однорукий контр-адмирал.

Ветрами флагманский корабль отнесло к Сардинии. «Александр» под командой храброго капитана Белла успел взять своего флагмана на буксир, перед тем как того едва не выбросило на скалы. Некогда Нельсон познакомился с Беллом во Франции, куда ездил изучать язык. Тогда Белл Нельсону почему-то не понравился. Не был он в восторге и от назначения Белла в свой отряд. Зато отныне контр-адмирал сразу же объявил Белла своим лучшим другом.

Повреждения «Вэнгарда» были столь велики, что корабль нуждался в трехмесячном доковом ремонте. Но этого Нельсон позволить не мог. Обстановка требовала иного решения, и он приказывает чиниться прямо на переходе. Что-что, а мобилизовать команду Нельсон всегда умел. К счастью, на корабле оказался некто Джеймс Моррисон – лучший плотник всего королевского флота, под началом которого матросы за каких-то четыре дня поставили стеньги и соорудили временную фок-мачту. Теперь «Вэнгард» был вполне способен выполнять свои задачи.

Но на этом испытания Нельсона не закончились. Прибыв в условленное место randevу, он не обнаружил там ни одного из своих фрегатов. Как оказалось, их капитаны, видя бедственное положение уносимого к Сардинии «Вэнгарда», не сомневались, что тот будет вынужден идти для ремонта в Гибралтар, а потому направились туда. Нельсон рвал и метал. Фрегаты – это глаза и уши любой эскадры. Теперь же он остался без таковых, причем в самый ответственный момент!

Пока контр-адмирал собирал свои потрепанные корабли в точке условленного randevу и пока они затем добрались до Тулона, там было уже пусто. Огромный транспортный флот Бонапарта с десантным корпусом на борту и в сопровождении военного флота скрылся в неизвестном направлении.

Как оказалось впоследствии, противники прошли буквально в паре миль друг от друга, но взаимному обнаружению помешали сильный туман и отсутствие у Нельсона разведывательных судов. Пока удача была полностью на стороне Бонапарта.

Немедленно преследовать ускользнувшего противника Нельсон не мог. Корабли все еще нуждались в ремонте. Разбитую волнами обшивку также латали прямо в открытом море. Это было чрезвычайно труд-

но, но иного выхода не было. Кроме этого Нельсон поджидал обещанный ему резервный отряд от адмирала Джервиса.

25 мая, когда отряд Нельсона был на широте Корсики, его настиг бриг «Мутайн» капитана Томаса Гарди. Прибыв на борт «Вэнгарда», Гарди бойко доложил:

– За мной следуют одиннадцать кораблей под брейд-вымпелом капитана Трубриджа.

– Отлично! – обрадовался контр-адмирал. – Теперь наступает время самых активных действий.

Вскоре на горизонте показались и паруса эскадры Трубриджа.

Прибыв на «Вэнгард», Трубридж вручил контр-адмиралу пакет. Нельсон разорвал сургучные печати. Приказ графа Сент-Винсента был предельно выразителен и краток: «Уничтожить!»

– Их сиятельство приказал искать и топить неприятеля всюду, куда бы он ни направился, вплоть до Черного моря! – дополнил содержание послания на словах Трубридж.

Присланное Нельсону пополнение было настолько мощным, что позволяло теперь схватиться со всем французским флотом. Однако среди присланных ему судов тоже не было ни одного фрегата. А значит, контр-адмирал по-прежнему оставался слеп в поисках французов и мог надеяться только на свои умо-заклучения да еще на везение. Необходимо отметить и то, что английская эскадра не имела на всем Средиземноморье ни одной базы. Одновременно с поиском французов Нельсону надо было провести переговоры с дружественными Англии Королевством Обеих Сицилий и Тосканским герцогством. Время не ждало. Дорога была каждая минута.

Пока корабли выбирали якоря и ставили паруса, Нельсон написал короткую записку своему главнокомандующему: «Даже если он (Бонапарт. – **В.Ш.**) направится к Антиподам, вы можете быть уверены, Ваша Светлость, что я не упущу возможности навязать ему бой».

Одновременно Нельсон пишет письмо в Неаполь тамошнему английскому послу Гамильтону. Письмо официальное и деловое. Нельсон напоминал послу об их былом знакомстве и просил помощи в деле установления местонахождения французского флота. Несколько лет назад, будучи командиром корабля, Нельсон познакомился как с послом, так и с его очаровательной женой. Недавно посол с женой сами напомнили о себе письмом Нельсону.

Что любопытного в письмах четы Гамильтон? Сам посол, и это совершенно очевидно, торопится возобновить дружеские отношения с новым командующим эскадрой, которого некогда знал еще рядовым капи-

таном. Гамильтон намекает на старое знакомство, напоминает об обязанности Нельсона по отношению к защите Королевства Обеих Сицилий. Помимо всего прочего, помня, какое впечатление на молодого, не слишком искушенного в любви Нельсона произвела его красавица жена, скромно передает от нее неформальный привет.

Как раз в эти дни в Неаполь зашел пополнить запасы воды фрегат «Бон Ситоев», где служил пасынок Нельсона Джосаи Нисбет. Фрегат искал эскадру Нельсона. На правах старого знакомого Джосаи посещает Гамильтонов, и те передают ему новое послание для контр-адмирала.

Обстановка в Неаполе к этому времени была крайне напряженная. Париж демонстративно назначил своим послом в Королевство Обеих Сицилий одного из членов суда над Людовиком Шестнадцатым и его женой Марией-Антуанеттой. И теперь королеве Марии-Каролине приходилось улыбаться на приемах убийце своей родной сестры. А из Северной Италии к Неаполю уже двигались победоносные французские войска, и их приход тоже не сулил королевству ничего хорошего. Вся надежда была только на английский флот, но он где-то гонялся за флотом французским. Надежд на благополучный исход оставалось с каждым днем все меньше и меньше.

Неожиданно для Нельсона он получает письмо от жены посла Эммы. В письме та умоляет адмирала одержать победу, откровенно намекая, что готова в этом случае стать его любовницей.

Играющий в свою игру Гамильтон прилагает к письму жены свое: «Нам ничего другого не остается, как горячо молить Бога за ваши успехи, а Эмма, с тех пор как вы появились в нашей гавани, носит ленту, на которой вышито: “Да поможет Нельсону Бог”».

Последнее утверждение – явная и откровенная ложь. С какой стати жене посла носить в течение пяти лет ленту, посвященную какому-то рядовому капитану, которого она толком-то и узнать не успела? Однако ситуация настолько тревожна, что Гамильтон врет напропалую, лишь бы вызвать у Нельсона положительные воспоминания о пребывании в своем доме и о своей жене.

* * *

Еще надеясь настичь французский флот, Нельсон разделил свою эскадру на три колонны. Первую из них составили флагманский «Вэнгард», «Миновтавр», «Леандер», «Одасъез» и «Дефенс». Вторую – «Зилиес» (брейд-вымпел капитана Гуда), «Орион», «Голиаф», «Маджестик» и «Беллерофон». Эти две колонны должны были атаковать боевые корабли и свя-

зять их боем. Третья же колонна: «Куллоден» (брейд-вымпел капитана Трубриджа), «Тезей», «Александр» и «Свифтшур» – должна была в это время уничтожить транспорты с войсками.

Однако пока у Нельсона ничего не получалось. Куда бы ни направляли форштевни своих кораблей англичане, море по-прежнему оставалось пустынным.

– Я прекрасно понимаю, что репутации многих больших особ приколочены гвоздями к верхушкам моих мачт, но что поделать, если детям дьявола дьявольски везет! – невесело иронизировал Нельсон в те дни.

Нервничал и граф Сент-Винсент, нервничал и лорд Спенсер, не находил себе места и премьер-министр Вильям Питт. Чувство тревожного ожидания витало над всей Англией.

В отчаянных попытках разыскать хоть какие-то следы французской армады Нельсон завернул к Неаполю. На берег он там не сходил и никакими записками с Гамильтонами не обменивался. Было не до того. На берег съехал лишь капитан Трубридж. К послу у него было лишь три вопроса:

– Где находится флот Бонапарта? Предоставит ли неаполитанский король свои фрегаты во временное распоряжение Нельсону? Могут ли британские корабли заходить в неаполитанские порты?

На эти вопросы был получен более чем лаконичный ответ:

– Не знаю. Нет. Нет.

Политическая ситуация в Средиземноморье менялась явно не в сторону Англии, и неаполитанский двор быстро в том сориентировался. Чтобы хоть как-то умилостивить разъяренного Нельсона, ему неофициально было сообщено, что король Фердинанд не будет возражать, если корабли английского флота будут заходить в его порты, но только по одному, на короткое время и тайно.

– Впрочем, по Неаполю ходят непроверенные слухи, что французы отправились на захват Мальты, – завершил свой доклад Трубридж.

– Спасибо хоть на этом, – кивнул ему контр-адмирал. – Поднимаем якоря! Курс на Мальту!

Чтобы не дать магистру Мальтийского ордена заставить себя врасплох, Нельсон с самым быстрым кораблем посылает ему письмо, в котором предупреждает о грозящей опасности и советует как можно скорее выслать навстречу ему весь свой флот, до последних фелюк включительно, чтобы, объединившись, разгромить французский флот.

Намерения Нельсона были правильными, но, увы, запоздалыми. Тем временем 27 мая французская армада приблизилась к Сицилии, приведя в тре-

пет все тамошнее население. Обыватели начали вооружаться, готовясь к защите своего острова. Однако Бонапарт послал на берег своего адъютанта поляка Сулковского.

– Я уполномочен сообщить вам, что наш флот приблизился к сицилийским берегам исключительно по причине противных ветров, – заявил он местному губернатору. – А потому никаких неприятельских намерений мы не имеем.

– Куда же, если не секрет, вы направляетесь? – с невинной улыбкой поинтересовался итальянец.

– В том-то и дело, что секрет, – усмехнулся Сулковский. – Однако ждать уже осталось недолго, и вы непременно все узнаете.

Спустя несколько дней, ко всеобщему облегчению сицилийцев, французский флот действительно исчез с горизонта.

– Передайте в Неаполь королю, что французы удалились на зюйд-ост, а о намерениях их мы ничего не знаем, – велел губернатор.

Глава четвертая

ПАДЕНИЕ МАЛЬТЫ

Тем временем французский флот подошел к острову Мальта, вот уже более двухсот лет принадлежавшему ордену рыцарей-госпитальеров. Некогда госпитальерам принадлежал Родос, но потом они вынуждены были перебраться на более западную Мальту. Все века госпитальеры были самыми непримиримыми врагами мусульман на Средиземном море и по праву гордились своими победами над турками и алжирцами.

Ла-Валлетта – столица ордена мальтийских рыцарей (названная в честь знаменитого великого магистра XVII века), славилась своими бастионами на всю Европу. Укрепления Ла-Валлетты начали возводить еще в XVI веке и все время достраивались и укреплялись. На всем Средиземноморье с ней могли сравниться только цитадели Корфу. Гарнизон цитадели – 3 тысячи солдат да 10 тысяч ополченцев. Штурмовать Ла-Валлетту дело безнадежное. В XVI веке под ее стенами турки целую армию положили, но так с позором и ушли. Великим магистром ордена госпитальеров в ту пору был барон Фердинанд Гомпеш, уроженец Дюссельдорфа, первый немец в таком сане. До своего избрания великим магистром он был послом Австрийской империи на Мальте. Особым авторитетом магистр не пользовался, так как слыл человеком нерешительным и посредственным. Всем в ордене верховодило французское лобби.

Мальта была слишком лакомым кусочком, чтобы ведущие державы не обращали на нее внимания. Сам орден, давно переживший свое время, никакого интереса не представлял. Кому нужны несколько сотен чванливых дармоедов? Но стратегическое значение острова, контролирующего все Средиземноморье, заставляло относиться к рыцарям с должным почтением. Когда революция лишила французских рыцарей их владений, то Англия немедленно предложила им свою протекцию, а Россия деньги. Рыцари не отказались ни от того, ни от другого. Не сидели сложа руки и австрийцы, тоже бывшие не прочь прибрать остров к своим рукам. К венскому двору склонялся, прежде всего, сам Гомпеш.

Решение о захвате Мальты Бонапарт вынашивал уже давно и деятельно к этому готовился. Он заранее наводнил Мальту своими шпионами, которые не столько собирали нужные ему сведения, сколько склоняли рыцарей на союз с их родиной. Одних госпитальеров уговаривали, взывая к голосу крови, других – к золотому звону. Еще осенью 1797 года на острове появились агенты Бонапарта француз Пусьельгэ и мальтиец Винченцо Барабара. При содействии французского консула Карюсона они тайно обследовали укрепления Валлетты и состояние гарнизона. Вскоре их отчет уже внимательно читал Бонапарт.

Уговаривая членов директории на захват Мальты, Бонапарт был убедителен:

– Остров имеет решающее значение на всем Средиземном море. Взяв его, мы сразу станем владеть над всеми торговыми путями, и англичанам придется потесниться. Но и это не все. Католический мир и клир оскорблены тем, что орден нашел себе покровителя в лице русского царя. Переметнувшись к схизматику Павлу, госпитальеры предали идеалы и должны быть за отступничество наказаны. Впрочем, орден давно пережил себя и Мальте давно следовало бы принадлежать Франции.

– Мы убеждены и согласны на отпущение, – кивали члены Директории.

Дело в том, что еще со времен революции рыцари-госпитальеры предоставляли убежище всем желающим аристократам-эмигрантам. Мало того, они демонстративно давали им самые высокие должности. В отместку революционеры конфисковали все владения ордена во Франции. В ответ на это Мальтийский орден подтвердил все привилегии французских дворян. Кроме этого орден объявил, что готов сдать остров стране, которая воюет с Францией. О какой именно стране идет речь, рыцари не пояснили, воевали же тогда с Францией сразу три державы: Англия, Австрия и Россия. Однако в любом случае вызов Парижу оказался уж слишком дерзким, чтобы

на него можно было закрыть глаза. Сразу Париж ответить Мальте не смог, было не до того. Но вот теперь наконец час расплаты настал. Поэтому директория с радостью подписала указ о захвате острова и уничтожении госпитальеров.

* * *

Бонапарт внимательно рассматривал в зрительную трубу форты неприступной Ла-Валлетты. Затем послал адъютанта Сулковского к великому магистру с просьбой впустить в гавань французский флот для пополнения запасов воды. Уловка была столь прозрачна, что на нее не клюнул даже Гомпеш. Вместо этого магистр собрал совет. Рыцари (всего их было 332) решали, что им делать – сдаваться или драться? Одни утверждали, что, имея сильный гарнизон, большие запасы продовольствия и боеприпасов, крепость может выдержать трехлетнюю осаду. Иные взывали к сдаче, памятуя, что орден Святого Иоанна Иерусалимского был призван воевать с мусульманами, но никак не с соотечественниками-христианами. В довершение всего влиятельный командор Буаредон де Рансюэ объявил, что отказывается поднимать оружие против Франции. Командора и еще нескольких согласных с ним рыцарей тут же отправили в тюрьму.

Из хроники осады: «10 июня Доломье, который находился на борту одного из французских кораблей в группе ученых, сопровождавших Бонапарта в египетской экспедиции, передал своему другу, командору овернского языка Жану де Басредону-Рансижа, письмо, содержавшее весьма великодушные условия капитуляции. Басредон передал их Гомпешу, добавив, что «отказывается воевать с оружием в руках против своей родины». По приказу Гомпеша он был немедленно арестован и посажен в тюрьму. Однако по примеру Басредона ряд французских рыцарей отказались стрелять в своих соотечественников. В этот момент, по свидетельству очевидцев, Гомпеш полностью потерял волю к сопротивлению. А между тем, оказавшись он более решительным полководцем и организатором, французам пришлось бы нелегко!»

Большинством голосов рыцари решили все же защищаться. Торговый представитель Каруссон передал Бонапарту волю совета – рыцари разрешили войти в гавань лишь четырем судам.

Бонапарт деланно рассердился:

– Я возмущен отказом рыцарей дать нам воды. А потому мы возьмем силой то, что должны были получить по закону гостеприимства!

Французские корабли подошли ближе к крепости, в открытые порты выглянули жерла пушек. А утром следующего дня начался шторм. Пока кораб-

ли обстреливали Ла-Валлетту, сам Бонапарт с тремя тысячами солдат тем временем беспрепятственно высадился между городом и бухтой Святого Павла. С фортов некоторое время отстреливались, затем рыцари предприняли смелую вылазку, которая, впрочем, была легко отбита. На этом боевой пыл госпитальеров иссяк. Потери ордена составили три убитых и шестеро раненых, среди которых не было ни одного кавалера, а лишь слуги.

Историк пишет: «Орден располагал всего лишь 200 французскими рыцарями, 90 итальянскими, 25 испанскими, 8 португальскими, 5 баварскими, 4 германскими. Едва ли не четвертая часть их состояла из больных и стариков, не способных носить оружие. К бойницам были выкачены пушки, которые не использовались более века. Порох отсырел, опытных канониров не хватало. Солдаты городского ополчения выполняли приказы без энтузиазма, сама мысль о предстоящем сражении против французской армии, считавшейся лучшей в Европе, казалась им неприемлемой». Однако, спрашивается, кто виноват во всей этой ситуации, как не сами обленившиеся и разжиревшие на дармовых хлебах рыцари? Уж за две сотни лет к обороне подготовиться было можно!

Впоследствии Бонапарт писал в своих мемуарах: «Мальта не могла бы выдержать 24-часовой бомбардировки; остров, несомненно, обладал громадными физическими средствами к сопротивлению, но был абсолютно лишен моральной силы. Рыцари не сделали ничего постыдного; никто не обязан добиваться невозможного».

Только шестнадцать рыцарей оказались верны традициям Ла-Валлетты. Когда ополченцы покинули позиции, кавалер де Ля Тур де Пенем лично подносил порох к пушкам на стенах Валлетты. Кавалер де Лорас организовал ту самую единственную контратаку против французских войск. А кавалер Томмази пытался удержать позиции, возглавляя отряд из трех десятков рыцарей. Пример храбрости показал и 80-летний балли де Тинье. Неспособный двигаться без посторонней помощи, он приказал вынести себя на носилках на оборонительную стену.

– Во время битвы каждый рыцарь должен быть на поле боя! – заявил старец, когда в руки ему вложили не менее старый меч.

Но эти единичные примеры храбрости уже не могли ничего изменить.

В городе к тому времени уже началась паника. Взбунтовавшаяся чернь растерзала четырех рыцарей, пытавшихся было навести порядок. «Из-за каждой двери можно было услышать, – писал современник, – плач женщин, проклиняющих и французоз, и

великого магистра». Не переставая, звонили колокола. Наконец огромная рыдающая толпа устремилась к дворцу великих магистров. На носилках жители несли статую заступника острова апостола Павла. А вечером во дворце появилась депутация от местного дворянства.

– Мы не понимаем, почему должны сражаться против христианской державы, с которой мы никогда не ссорились! – объявили мальтийские дворяне.

– Если бы я был великим магистром, я бы повесил этих негодяев немедленно! – схватился за меч балли Каравальи, из итальянцев.

– Вешают грабителей и убийц. Депутатов нации, которая может все потерять и ничего не приобретет в войне, следует выслушать, – был ответ Гомпеша, из немцев.

– Депутаты говорят истину, и мы не имеем права драться с единоверцами! – подали голос сразу несколько членов капитула из французов.

Утром следующего дня мальтийцы начали скопом покидать боевые позиции. В начавшейся неразберихе был ранен российский поверенный в делах ордена шевалье О'Хара. Вскоре побросали мечи и рыцари. На этом оборона одной из неприступных крепостей Европы закончилась.

Пару часов спустя французский эмигрант Милан уже поднялся на борт «Ориента» с посланием магистра Бонапарту и частным письмом к Доломье. В письме секретарь магистра кавалер Миари умолял его помочь ордену, используя свое влияние. Бонапарт вскрыл оба письма собственноручно. А прочитав, поручил Доломье вместе с бригадиром Жюно и агентом Пуссельгэ провести переговоры о перемирии:

– Будьте решительней и как можно жестче с этими трусами. Дело уже сделано и остались лишь некоторые формальности.

И вскоре над легендарными фортами Сент-Эльмо и Рикасолли были подняты белые флаги.

Соглашение о перемирии Бонапарт велел подписывать на борту «Ориента». Пока кавалеры добивались до флагманского корабля, их сильно укачало. Посланцев так отчаянно тошнило, что Бонапарт к ним даже не вышел.

– Зачем мне смотреть на мальтийскую блевотину, когда я тут и французской насмотрелся! – скривился он, узнав, в каком состоянии прибыли переговорщики.

Акт о капитуляции он подписал не глядя, прямо в постели. При этом Бонапарт подписал акт капитуляции как генерал-аншеф... индийской армии. И прилепнул особую печать: с изображением пирамиды с пальмовым деревом.

– Рыцари выставили много оговорок, – осторожно заметил ему бывший тут же начальник штаба армии Бертье.

– Это не имеет для меня никакого значения, – отмахнулся Бонапарт. – В случае необходимости мы отменим все оговорки несколькими залпами.

В ту ночь безутешный барон Гомпеш оставил потомкам скорбную запись: «Удивительно и прискорбно, что столь славная мальтийская крепость под защитой кавалеров должна была сдаться в 24 часа».

На следующий день над Ла-Валлеттой подняли трехцветный французский флаг.

По условиям капитуляции Гомпеш получил 30 тысяч гульденов годовой пенсии и княжество в Германии, а каждый из кавалеров по 35 луидоров. Всем рыцарям было разрешено выехать, куда они хотят. Впрочем, директория впоследствии не утвердила выдачу луидоров кавалерам, и те остались без ничего. К сдавшимся без боя рыцарям французские офицеры отнеслись с нескрываемым презрением. Всю жизнь готовиться к подвигу и в конце концов струсить! Такое же отношение ждало бывших госпитальеров и в Европе, где вчерашних рыцарей перестали пускать в приличные дома.

Помимо важнейшего стратегического пункта Бонапарту досталось почти 1,5 тысячи пушек, 40 тысяч ружей, 500 тысяч фунтов пороха. Пополнился и французский флот. В порту были захвачены два линейных корабля, фрегат, несколько галер и большое количество корабельного леса.

– Я смел взять, и я взял! – с гордостью говорил Бонапарт, осматривая неприступные бастионы.

На что начальник штаба армии Бертье, усмехнувшись, заметил:

– Нам просто повезло, что мы нашли того, кто открыл ворота этой крепости.

Подумав, Бонапарт решил остаться благодарным главному изменнику орденового дела – великому магистру Гомпешу. Ему было обещано командорство в Германии и 300 тысяч франков ежегодной пенсии. Однако лично встретиться с предателем генерал так и не пожелал.

Сам Гомпеш, покидая остров, прихватил из собора Ла-Валлетты три христианские святыни: кусок дерева от креста, на котором был распят Иисус Христос, мощи правой руки Иоанна Крестителя и чудотворную икону Богородицы Палермо, а также орденовые печать, корону и «кинжал верности». На австрийском судне он прибыл в Триест, откуда разослал депеши, оповещая великих приоров о постигшем госпитальеров несчастье. Затем бывший магистр перебрался в Рим, где и затаился, проживая французские деньги.

В течение последующих нескольких дней Бонапарт полностью перекроил жизнь острова. Первым делом он разогнал сам орден, изъяв все его ценности. На острове были отменены титулы, рыцарские гербы сбили с фронтонов зданий. Из тюрем были освобождены и отправлены восвояси более двух тысяч невольников-мусульман, в основном разбойников и пиратов. Мальтийцы поначалу радовались нововведениям французов. Кому неприятно, когда унижают твоих вчерашних угнетателей! Но скоро их восторги поубавились. Французы разогнали большинство священников, закрыли большую часть церквей. Все улицы, носящие имена чтимых на острове святых, были переименованы в улицы Братства, Свободы и Равенства. Никак не могли взять в толк местные крестьяне и то, почему им отныне запрещено праздновать дни памяти апостолов Петра и Павла, а велено веселиться в день взятия какой-то неведомой Бастилии, которую наивные мальтийцы почему-то считали французской Богородицей.

В общем, на Мальте произошло то же самое, что ранее и на Корфу. Едва французы заняли остров, как там начался вселенский грабеж. Тащили все, что попадало под руку, одних только книг вывезли во Францию более миллиона. Прежде всего обчищен был дворец магистров, потом церкви.

– Истинные христиане должны быть бедны как Христос! – назидательно говорили гренадеры, выкидывая иконы из золотых окладов.

Но особенно поживились французы в соборе Святого Иоанна, где были собраны все драгоценности, накопленные за восемь веков существования ордена. Казначей Бонапарта оценили их в 27 239 520 мальтийских лир. Сумма по тем временам просто фантастическая! Судьба этого богатства до сих пор в точности неизвестна. Придет время, и мы еще вспомним о нем...

Часть рыцарей сразу же поступили офицерами во французский флот. Еще с полсотни кавалеров записались в армию, образовав особый Мальтийский легион. Остальные были изгнаны на материк. Орден в третий раз за свою историю оказался «бездомным».

3 июня в честь бескровной победы были организованы торжества с выпивкой и салютом. Затем французы начали подготовку к дальнейшему походу. Надо было поторапливаться, так как пришло известие о появлении в Средиземном море эскадры Нельсона. Не дожидаясь отплытия главных сил, генерал Бонапарт распорядился выслать вперед

отряд фрегатов, чтобы захватывать все попадающиеся на пути английские, турецкие и российские торговые суда для сохранения в тайне маршрута плавания. Одновременно был обнародован манифест, запрещающий под страхом смерти всем грекам с бывших венецианских островов вести переписку с Россией.

Вечером в каюте «Ориента» Брюе откровенно беседовал за фужером вина со своим бывшим сослуживцем рыцарем командором Буаредоном де Рансюэ.

– Мы имеем перед Нельсоном выигрыш по времени всего в две недели.

– Как ты оцениваешь свои шансы в бою с англичанами? – спросил командор.

В ответ вице-адмирал махнул рукой:

– Шансов у нас нет никаких. Мои офицеры храбры, но мало кто соответствует своему месту. Старые и опытные уничтожены якобинцами, новые слишком молоды. Что говорить о сложных маневрах, когда я не могу научить их плавать даже кильватерной колонной! Немногим лучше дело и с матросами. Их у меня не хватает шесть тысяч.

Буаредон де Рансюэ пообещал помочь в вербовке матросов среди местных жителей.

– Много не наберем, но несколько сотен, пожалуй, здесь найдется. Главное, что это вполне опытные люди.

– Ну а как сам Бонапарт? – поинтересовался после очередного фужера де Рансюэ. – Какие у тебя с ним отношения?

– Генерал молод и честолюбив. Возможно, он гений в сухопутных делах, но, к сожалению, в морских полный невежа, – покачал головой Брюе. – Бонапарт написал приказ при встрече с английской эскадрой идти на abordаж и в рукопашной драке захватывать их корабли.

– Но это же откровенная глупость, – поразился рыцарь-моряк.

– Я ему сказал так же, но Бонапарт ответил мне, что об этом плане он сообщил в директорию и там его уже одобрили. Остается надеяться, что нам повезет и мы разминемся с англичанами.

Перед отплытием с Мальты Бонапарт отправил вперед крейсерский отряд. Капитанам судов было велено топить все английские, турецкие и русские суда, которые они встретят на пути. На самом же острове был оставлен гарнизон в четыре тысячи солдат во главе с генералом Вобуа.

8 июня французский флот покинул Мальту. Французам по-прежнему везло во всем, в том числе и с погодой. Как и прежде, им дул самый попутный ветер при весьма небольшом волнении. Что же

касается оставленного на Мальте гарнизона, то он спустя какой-то месяц станет почти небоеспособен. Почти треть солдат, дорвавшаяся до местных проституток, свалилась от «французской болезни». Что же, на войне бывают и такие потери...

Во Франции взятие Мальты вызвало, разумеется, самое бурное ликование. Газеты называли Бонапарта «величайшим героем нынешнего века». Сам остров же было велено считать еще одним французским департаментом.

Реакция европейских мальтийских рыцарей на известие о позорном падении Мальты была молниеносной – лишить изменника Гомпеша его сана. Шеф немецкого языка ордена старый герцог Хайтерсхайм в гневе заявил, что считает сдачу Мальты оскорблением, и потребовал подвергнуть своего земляка публичному суду рыцарской и христианской чести.

Как ни странно, но первым начал сводить счеты с разгромленным орденом тот, кто раньше более всего перед ним заискивал. Неаполитанский король Фердинанд, узнав о случившемся, немедленно выставил из своей столицы мальтийского посланника и приказал сбить орденский герб с резиденции иоаннитов. В Великом герцогстве Тосканском и Сардинском королевстве все имущество Мальтийского ордена было немедленно разграблено. Что касается Вены, то австрийский император милостиво разрешил посланнику ордена, как и прежде, представлять его интересы, но при этом госпитальеры потеряли все свои права на имущество и земли. Папа Римский Пий Шестой публично осудил Гомпеша за сдачу Мальты и подчеркнул, что земные дела трусов иоаннитов понтифика более не интересуют. Верность злополучному великому магистру сохранила только Бавария, где родственники Гомпеша занимали довольно высокие посты при дворе курфюрста.

В Санкт-Петербурге известие о взятии Мальты вызвало праведный гнев императора Павла. Потеряв всякое приличие, он сорвался: бегал по дворцу и брызгал слюной.

– Неслыханная наглость! – кричал он канцлеру Безбородко. – Этот выскочка Бонапарт не мог не знать, что я покровительствую ордену.

Немного успокоившись, император начертал декларацию протектору ордена, в которой выразил свое негодование изменой Фердинанда Гомпеша и других «рыцарей церкви». Декларация заканчивалась словами: «Мы приглашаем все языки и великие приорства священного ордена Святого Иоанна Иерусалимского и каждого его отдельного члена присоединиться к нашему решению с целью сохранения этого достойного похвалы братства и восстановления его во всем прежнем блеске».

– Я, как рыцарь ордена иоаннитов, просто обязан выступить против похитителей тронов! – объявил Павел за обедом. – Я приведу Францию в ее старые пределы и отниму охоту беспокоить других.

Присутствующие (супруга Мария Федоровна и старшие сыновья Александр и Константин) молча внимали, зная, что Павел должен выговориться.

– Тогда я предлагаю тост за спасение тронов и алтарей! – поднял бокал присутствовавший на обеде хитрый Ростопчин.

– Вот-вот! – закивал головой император и пригубил свой бокал. – Я выкорчую якобинскую заразу и обеспечу спокойствие Европы!

* * *

К моменту подхода Нельсона к Мальте остров уже находился в руках противника. Над фортами Лавалетты развевались французские флаги. Из бойниц выглядывали жерла сотен пушек. Французский гарнизон – это вам не рыцарское сборище! Французского флота у острова тоже не было. Капитан торгового генуэзского судна, сам чудом избежавший французского плена, сообщил Нельсону, что генерал Бонапарт с флотом и армией направился куда-то на юго-восток.

– Итак, Неаполь как цель нападения окончательно отпал, ибо если был таковой, то давно подвергся бы атаке, – рассуждал Нельсон, собравши у себя капитанов и нервно расхаживая перед ними по каюте. – Не была конечной целью экспедиции и Мальта, так как после ее захвата французский флот и армия не вернулись в Тулон. Спрашивается, куда мог направиться Бонапарт? Ответ остается только один – в Египет.

Того же мнения были и его капитаны: Сомарец, Трубридж, Белл, Дарби и Берри.

И снова эскадра Нельсона спешит на всех парусах, чтобы перехватить и уничтожить французов.

Отечественный историк Владимир Трухановский пишет: «Напряжение и нервозность Нельсона нарастали, он плохо владел собой. Контр-адмирал днем и ночью жил только предстоящим сражением с французами. Он вынашивал планы битвы на все возможные случаи, вызывал капитанов и обсуждал с ними свои замыслы. Через некоторое время капитаны уже подробно знали, как их командующий поступит в любой из возможных ситуаций, знали и свои задачи. Эскадра превратилась в единый организм, способный четко действовать и мгновенно реагировать на все маневры противника. В свою очередь, капитаны в походе вели непрерывные артиллерийские учения, неустанно тренируя офицеров и матросов».

Наконец показались берега Египта. И снова разочарование: французов в Египте нет! Так где же Бонапарт?

Увы, но судьба еще раз сыграла с Нельсоном злую шутку. Он настолько спешил догнать Бонапарта, что по дороге обогнал его и примчался в Египет раньше французского флота. Хитрый Бонапарт, понимая, что англичане ищут его по всему морю, решил идти в Египет не кратчайшим локсодромическим курсом, а кружным путем мимо африканского побережья. Что касается Нельсона, то он, конечно же, мчался к Египту самым коротким путем. И снова промахнулся! В Египте все было тихо, ни о каких французах там и слухом не слыхивали. Вот тут-то бы неугомонному Нельсону передохнуть дня два-три! Если бы он поступил именно так, французы бы сами приплыли к нему в руки. И английскому контр-адмиралу не оставалось бы ничего, как топить их суда и пленять беспомощную армию. Но Нельсон был слишком нетерпелив. Он рассуждал так:

– Если французов нет в Египте, значит, они еще в пути, так как обременены большим количеством тихоходных транспортов. Но, возможно, я опять ошибся в цели экспедиции. В таком случае остается последнее – Сицилия. Впрочем, Бонапарт может нанести удар и прямо по Константинополю. Поэтому вначале осмотрим остров, а затем и Дарданеллы.

– У нас почти не осталось воды, – напомнили Нельсону капитаны.

– Мы не можем задерживаться. Сократить нормы выдачи вдвое и курс на Сицилию! – решает он, и английские корабли, словно свора изможденных гончих, продолжила свою погоню за французским призраком.

На обратном пути от Египта противники вновь разминулись ночью, на этот раз едва не прорезав походные порядки друг друга. Дистанция была настолько мала, что адмирал Фрэнсис Брюе слышал даже сигнальные выстрелы английских пушек, но благоразумно отмолчался. Французские матросы было запаниковали, однако офицеры быстро навели порядок. Что касается Бонапарта, то он велел Брюе не менять курса, а сам провел ночь в чтении книги о кругосветных плаваниях капитана Кука.

Можно только представить, что стало бы с французским флотом, обремененным большим количеством транспортов, набитых войсками. Это был бы настоящий погром, после которого звезде будущего императора Франции вряд ли суждено было подняться. Но вновь удача была на стороне Бонапарта, и Нельсон опять проскочил мимо, так ничего и не заметив.

Итак, противники в который уже раз разминулись. Англичане торопились на северо-запад, чтобы

проверить, не направился ли Бонапарт на покорение Константинополя, а тот продолжил неспешный путь к египетским берегам. Спустя всего три дня после ухода Нельсона с александрийского рейда Бонапарт был уже там. Он совершенно беспрепятственно высадил армию, занял Александрию.

Оставив в Александрии небольшой гарнизон, Бонапарт велел вице-адмиралу Брюе отвести флот в Абукирскую бухту, расположенную в двадцати милях от Александрии.

– Если бухта окажется для стоянки неудобной, то следуйте на Корфу, – сказал он Брюе, уезжая к армии.

Вскоре с 13 кораблями и 4 фрегатами Брюе перешел в Абукирскую бухту, встал там на якорь.

А Нельсону тем временем снова не повезло. Его эскадра попала в длительную полосу противных ветров и едва продвигалась вперед в утомительных лавировках. Но вот наконец и Сиракузы, где о французах тоже никто ничего не знает.

– Я чувствую, что в чем-то ошибся, – в сердцах говорит капитану Беллу Нельсон. – Но в чем?

Он показывает Беллу свое письмо Сент-Винсенту, где кается в совершенных ошибках и просит прощения за то, что не смог отыскать французский флот.

К удивлению Нельсона, Белл рвет его письмо в мелкие куски:

– Сэр! Никогда не надо оправдываться до того, пока вас не стали обвинять!

Из Неаполя доставили почту. Из писем было ясно, что в столице Королевства Обеих Сицилий царил настоящая паника. Все ждали французского десанта. Среди прочей корреспонденции Нельсон нашел и письмо жены английского посла. Леди Гамильтон писала: «Я боюсь, что здесь все потеряно... Я надеюсь, что вы не уйдете из Средиземного моря, не захватив нас».

Но сразу покинуть Сиракузы Нельсон не мог. Надо было налиться водой, пополнить запасы продовольствия. Губернатор Сиракуз, однако, оказывать помощь англичанам не торопился.

– Сейчас я обеспечу ваши корабли мясом и овощами, а затем придут французы и вздернут меня за это на веревке, – честно признался он посланному на переговоры Трубриджу.

Пришлось Нельсону слать письмо в Неаполь и просить посла Гамильтона воздействовать на короля. Вместе со своей женой сэру Уильяму удалось уговорить короля Фердинанда отдать распоряжение о тайном обеспечении эскадры припасами. Одновременно в письме Нельсон вновь просил посла склонить короля к союзу с Англией и войне с Францией, а задно

поговорить и о предоставлении в его распоряжение нескольких неаполитанских фрегатов.

Пока все это тянулось, уходили драгоценные дни. Нельсон метался по своей каюте, но ничего ускорить не мог. Но вот наконец трюмы забиты бочками со свежей водой, а в палубных загонах мычат стреноженные быки. Фрегаты король дать отказался. Как бы то ни было, но в море выходить было уже можно. После долгих сомнений контр-адмирал решает еще раз посмотреть французов у Египта, а затем уже идти к Дарданеллам.

Глава пятая

ПЕСКИ МАРАБУТА

В конце XVIII века в Египте властвовали храбрые мамлюки. То было уникальное сообщество бывших рабов, ставших властителями огромной страны и правивших ею на протяжении пяти столетий.

Вот что писал о мамлюках впоследствии сам Бонапарт: «Мамлюки рождаются христианами, покупаются в возрасте 7-8 лет в Грузии, в Мингрелии. С Кавказа доставляются константинопольскими торговцами в Каир и продаются беям. Они – белые и являются красивыми мужчинами. Начиная с самого низшего положения при дворе бея, они постепенно возвышались, становясь мультазимами в деревнях, кишифами или губернаторами провинций и, наконец, беями. В Египте их род не продолжался. Обычно они вступали в брак с черкешенками, гречанками или иностранками... Количество мамлюков мужчин, женщин и детей исчислялось в 1798 году 50 тысячами».

Османам мамлюки подчинялись только формально. Сам султан был им не указ, а турецкий паша в Египте являлся больше заложником. Всеми властвовали два мамлюкских соправителя – Ибрагим-бей и Мурад-бей. Первый правил в Александрии, второй в Каире. За мамлюками многовековая слава непобедимых воинов Азии. Теперь же им предстояло встретиться с лучшей армией и лучшими полководцами Европы.

Вечером 30 июня флот Бонапарта подошел к песчаному берегу египетского островка Марабута. Повинуясь сигналу с флагмана, почти три сотни кораблей и судов перестраивались из походного порядка в стояночный, шумно бросая якоря. Перед французами была легендарная Александрия.

С подошедших лодок сообщили, что англичане были здесь всего два дня назад.

– Высадку начинать немедленно! – заторопился Бонапарт. – Дорог каждый час!

Вице-адмирал Брюе пытался отговориться:

– Гражданин Бонапарт, суда отдалены от берега. Не лучше ли дожидаться утра? Над морем туман, и мы не знаем, куда кого высаживать.

Но «гражданин Бонапарт» был непреклонен:

– Фортуна дала нам всего два-три дня, и, если мы не успеем высадить армию, мы погибли!

Между тем погода быстро портилась, и вскоре море уже кипело пеной. А высадка еще только началась. До рассвета высаживали в основном пехоту. Лошадей просто бросали в воду, и они плыли к берегу сами. Добравшись до пляжа, солдаты собирались в группы и ждали утра, коротая время за разговорами. Всех мучила жажда, так как в горячке высадки о воде просто забыли. Инженера Кафарелли, имевшего вместо одной ноги деревяшку, солдаты вынесли из шлюпки на руках.

Садясь в шлюпку, Бонапарт тепло попрощался с Брюе. Глядя вслед уходящей к берегу шлюпке, вице-адмирал тяжело вздохнул:

– Это покидает меня моя удача!

Увы, слова командующего французским флотом оказались пророческими...

Из воспоминаний Наполеона: «Ярко светила луна. Беловатая сухая почва Африки была освещена как днем. После долгого и опасного плавания люди очутились на взморье Древнего Египта, населенного восточными народами, чуждыми нашим нравам, нашим обычаям и нашей религии. Сколько опасностей, сколько событий, сколько случайностей, сколько утомительных трудов впереди!»

– Когда-то именно здесь высадились рыцари Людовика Святого! – вытер платком пот с лица Кафарелли.

– Тогда французы слишком много молились, а потому были разбиты в первом же сражении. На этот раз все будет иначе! – усмехнулся подошедший к нему Бонапарт.

Едва встало солнце, Бонапарт принялся рассматривать Александрию в подзорную трубу. До города было рукой подать, но на берег еще не свезли артиллерию, а потому генерал решил вступить в переговоры с мамлюками. Но из этого ничего не вышло: гордые владетели Египта отказались говорить с пришельцами. Вместо этого из города выбежала толпа людей, потрясающих саблями. С крепостных стен ударили пушки.

– Мы не можем ждать! На штурм! – объявил Бонапарт.

Наскоро сбитые батальоны двинулись вперед. Атака была дерзкой, без артиллерийского прикрытия. Впереди атакующих колонн встали генералы Мену, Клебер и Бон. Отбросив выбежавшую из города толпу, французы сами ринулись на стены и овладели

ими. Боев в городе почти не было. Мамлюки ускакали прочь, а остальные сложили оружие. Очевидец пишет, что французы вошли в Александрию, «убивая все, что им в глаза ни попадало». Вскоре на башне города был поднят трехцветный флаг.

А в гавань захваченной Александрии уже входили транспортные суда. Началась выгрузка артиллерии и припасов.

Тем временем Бонапарт принимал вождей местных арабских племен. Те откровенно радовались бегству мамлюков и обещали генералу свою помощь.

– Всякий, кто назовет себя моим другом, будет жить хорошо. А тот, кто перебежит к моим врагам, погибнет! – говорил генерал притихшим вождям.

Историк В. Овчинников пишет: «Пробыв в Александрии, Бонапарт взял с жителей 75 тысяч талеров, поменял на деньги тамошним откупщикам все драгоценности, взятые из церквей на Мальте, и раздал их жителям Кокары, тем самым обезоружив их. С лицемерным коварством он объявил жителям, что вошел в Египет как друг Порты и с ее согласия, но при этом разорил греческую и католическую церкви, избив и повесив их священников, после чего в католическом храме последовали многие неистовства и мерзости».

Спустя несколько дней, оставив в Александрии комендантом Клебера (во время штурма тот был ранен в голову), Бонапарт с главными силами двинулся через пустыню на Каир. Мешки с припасами везли на верблюдах и ослах. Там же в Александрии из мелких судов была спешно сформирована и речная флотилия во главе с младшим флагманом Брюеса контр-адмиралом Перре, которая немедленно двинулась к Каиру вверх по Нилу.

Переход по пустыне был невероятно тяжел для непривычных к такой жаре солдат. В суконных синих мундирах они тащили на себе ружья и ранцы, патроны и провизию. Ноги утопали в песке, градом катил пот, и каждый шаг давался с трудом. На третьи сутки похода у многих от жары начиналось помешательство, и седые ветераны рыдали как дети.

Попадавшиеся на пути редкие деревушки были сожжены и не могли дать ничего. Феллахи, убегая, засыпали песком немногочисленные колодцы. Вдоволь было только арбузов, которые росли всюду. Солдаты поглощали их в таком количестве, что началась неизбежная дизентерия.

Возглавлявший авангард генерал Дезе слал Бонапарту короткие записки: «Ради Бога, не оставляйте нас в этом положении. Войско теряет бодрость и ропщет. Велите нам быстрее идти вперед или отступить...» Вокруг бредущей армии, точно стервятники, кружили бедуины, стараясь напасть на отставших.

– Здесь круче, чем в Вандее, – сетовали ветераны далекого девяносто третьего года.

– Это не Италия, – вздыхали те, кто были помоложе.

Ехавший рядом с командующим французский консул в Египте Магеллон нахваливал каирские красоты:

– Чего там только нет! Это настоящая жемчужина Африки! Красивейшие дворцы, утопающие в садах и увенчанные сотнями минаретов, подпирающие небо пирамиды и великий каменный человек-лев!

Бонапарт рассеянно слушал. Пока перед ним до горизонта расстилалось лишь безбрежное песчаное море.

Несколько дней тяжелейшего пути по Дамангурской пустыне – и солдаты начали роптать.

– Какого черта нас занесло в этот Египет? – спрашивали они у офицеров. – Кроме песка, тут ничего нет. Где все обещанные богатства?

Особенно раздражали солдат бестолковые ученые, которые на каждой стоянке мчались что-то смотреть и исследовать. Ученых приходилось вместо отдыха охранять и, что уж совсем плохо, откапывать для них какие-то старые развалины. Все видели, как командующий опекает этих несуразных людей. Едва рядом с бредущими дивизиями показывались неуловимые мамлюки, как Бонапарт командовал:

– Ослов и ученых в середину!

Затем кто-то пустил слух, что вся экспедиция была организована вообще для этих нелепых очкариков, а потому на ученых смотрели уже с неприкрытой ненавистью. Учеными командовал одноногий Кафарелли. Остроумный и обаятельный, он шутками пытался отвлечь солдат от тяжелых дум.

– Ребята! Согласитесь, что мне намного легче, чем всем вам! – говорил он, ковыляя на своей деревянной ноге рядом с бредущей колонной.

– Это почему же? – поворачивали к нему головы хмурые гренадеры.

– А потому что у меня одна нога в Египте, а другая во Франции!

Ответом был дружный хохот.

Если солдаты только роптали, то среди офицеров возник самый настоящий заговор. Во главе его стал бригадный генерал Мирер. Заговорщики выставили Бонапарту ультиматум, требуя возвращения в Александрию. Но тот бумагу разорвал, а недовольных велел арестовать. Не дожидаясь развязки, Мирер пустил себе пулю в лоб.

Плавание вверх по Нилу тоже оказалось не из легких. Река была французам неизвестна, а ветер непостоянен, меняя направление то и дело по всей катушке. По этой причине флотилия то обгоняла

бредущую вдоль берега армию, то, наоборот, отставала.

Безрадостными были и новости из только что оставленной Александрии. Вожди племен, подписавших мировую с французами, получили фетву улемов и шейхов Каира, приказывавшую им снова браться за оружие во имя веры. Пока вожди еще придерживаются мира, но все могло измениться в одно мгновение.

Нервы у всех были на пределе. Во время ночевки у деревни Даманхуру солдаты едва не перестреляли друг друга в ночной суматохе. Тем временем местный шейх-аль-белед пригласил Бонапарта с Дезе в свой шатер. Там генералов угостили печеным в золе хлебом и чашкой козьего молока. Когда оба покинули шатер, Дезе усмехнулся:

– И это обещанная изысканная восточная кухня!

У селения Рахмании армия вышла на берег Нила. И тогда все, от мальчишек-барабанщиков до почтенных генералов, не раздеваясь, толпой бросились в воду. В тот день несколько человек умерли, опившись.

* * *

Когда первые слухи о высадке французской армии в Египте достигли Лондона, они вызвали шок. Это было неслыханно: запертый и заблокированный со своими кораблями в Тулоне, генерал Бонапарт сумел вырваться из западни, трижды обмануть Нельсона и без всяких потерь перевезти армию в Египет, откуда его теперь не так-то просто выковырнуть. Главным виновником позора всей нации в одно мгновение стал ее недавний всеобщий любимец Нельсон. С таким же усердием, с каким еще вчера пресса нахваливала добродетели контр-адмирала, она теперь поливала его грязью. Нельсону сразу припомнили все. Если раньше его раны почитались как свидетельства героизма, то теперь газеты наперебой писали, что слепым и безруким следует сидеть дома, а не воевать на морях, где и здоровым-то приходится несладко.

Обойденные Нельсоном в чинах и должностях тоже подняли шум. Лорд Спенсер только перекрестился, что вовремя перевел стрелки от себя на адмирала Джервиса, который тоже стал виновником неудачи, так как именно он выдвинул на пост командующего эскадрой своего протеже.

Больше иных злорадствовал все еще не сложившийся оружием контр-адмирал Джон Орд, который публично заявлял:

– Вот что бывает, когда зарвавшемуся сопливному мальчишке дают взрослые поручения!

Озадаченные беспрепятственным плаванием Бонапарта в Египет и кажущимся бездействием (или не-

умением) Нельсона, лорды Адмиралтейства уже прикинули текст письма об отстранении неудачливого контр-адмирала от командования эскадрой и назначении на эту должность более опытного.

– Проникновение французов мимо нашей эскадры настолько вопиюще, что нуждается в судебном разбирательстве, ибо по своим последствиям равно тяжелому поражению, – говорили самые нетерпеливые из лордов. – Давно пора уже почистить конюшни Сент-Винсента!

* * *

Пока в Лондоне злословили и интриговали, эскадра Нельсона вновь возвращалась к египетским берегам. Первый пункт осмотра – Александрия. Но александрийский рейд оказался пустынен. Для Нельсона это было ударом. Упадок духа произошел и на всей эскадре. Корабли потеряли строй и сгрудились в одну кучу.

Затем Нельсон решает не задерживаться подле города, а направляет эскадру вдоль берега на восток. Так как французов нигде не было видно, на эскадре объявили обед. Капитан «Ориона» Джеймс Сомарец впоследствии вспоминал: «Уныние чуть не захватило меня, и я никогда еще не чувствовал себя так скверно и так не в духе, как когда мы сели за обед».

В час тридцать пополудни 1 августа вперёдсмотрящие с салингов передового «Зилиеса» хором прокричали:

– Прямо по курсу видим большой флот! Это французы! У них полтора десятка «боевых повозок»!

– Слава Господу! – снял шляпу Нельсон. – Кажется, догнали!

Из воспоминаний капитана «Зилиеса» Самуила Гуда: «В исходе первого часа человек с фор-салинга дал знать на низ, что видит корабль, и через несколько минут потом донес, что целый флот стоит на якоре. Я послал с трубою на салинг, и тогда могли ясно различить 18 больших судов, из которых 14 казались линейными кораблями. Сигналом известил я об этом адмирала. Он немедленно поставил все паруса и сделал сигнал по способности построиться в линию и приготовиться к сражению».

Известие об обнаружении противника вызвало бурю ликования. И снова воспоминания капитана Сомареца: «Посудите, какая произошла перемена в настроении, когда в конце обеда прибежал вахтенный офицер и доложил: «Сэр, только что сделан сигнал, что неприятель находится на якоре в линии баталии в Абукирской бухте». Офицеры вскочили и подняли бокалы, чтобы выпить за успех предстоящего боя, а затем поспешили наверх».

Когда же поднялся на четверть сам Сомарец, ожидавшая его команда встретила своего капитана криком восторга. То же происходило и на других кораблях. Эта стихийная матросская радость была хорошим знаком для скорой битвы.

Вскоре Нельсон уже с удовлетворением рассматривал лес корабельных мачт в Абукирском заливе. Там отставался на якорях весь линейный французский флот.

Над «Вэнгардом» взлетела россыпь флагов: «Приготовиться к сражению». А сам командующий в прекрасном расположении духа распорядился подать себе обед, пригласив на него капитанов. Поднимаясь из-за стола, он с присущей ему прямоотой громко объявил:

– Завтра к этому времени я заслужу или титул лорда, или Вестминстерское аббатство! Третьего мне не дано, да и не надо!

* * *

У селения Шебриз французская армия впервые столкнулась с войском мамлюков. Восемь тысяч отборных всадников бешено атаковали оцетинившиеся штыками каре. Атаковавшие были отбиты с большими потерями. Их просто расстреляли картечью и из ружей. Мамлюки были изумлены своей неудачей. Особенно поразила их небывалая организованность французов, когда тысячи воинов одновременно перестраиваются и стреляют.

– Их шейх настоящий чародей. Он держит своих воинов на невидимых нитях и управляет ими, дергая эти нити, – говорили они между собой.

Спустя неделю французы достигли селения Улем-Динара. Вдалеке в дымке виднелись великие пирамиды. Вокруг французских походных колонн кружили мамлюки, и их число пребывало с каждым часом.

– Теперь до Каира рукой подать, какие-то пятнадцать миль, – уведомил Бонапарта консул Магеллон.

– Войскам день на отдых и готовиться к генеральному сражению. Мамлюки Каир без драки не отдадут! – объявил Бонапарт.

Среди ночи французская армия двинулась вперед. На рассвете авангард Дезе столкнулся с большим отрядом мамлюков. Но тот рассеялся после нескольких орудийных залпов.

А затем двадцать тысяч французов разом закричали что было мочи. Еще бы, на фоне восходящего солнца они увидели все четыреста каирских минаретов! Это означало конец изнурительного похода и богатую добычу.

Между тем войско мамлюков под началом Мурад-бея изготовилось к решающему сражению. С правого фланга у укрепленного лагеря у деревни Имбаба расположились двадцать тысяч янычар, арабов и каирских ополченцев. Там же стояли сорок пушек. На левом фланге, примыкавшем к пирамидам, еще восемь тысяч замотанных в бурнусы бедуинов. В центре же, сдерживая горячих скакунов, расположились двенадцать тысяч отборных мамлюков, каждый из которых имел при себе несколько вооруженных слуг. На Ниле тоже было тесно, там приготовились к бою три сотни египетских судов. Большинство из них были простыми лодками, но несколько имели весьма внушительные размеры. Особенно флагман, оцетинившийся тремя десятками пушек. Помимо всего прочего на правом берегу реки собралось почти все население Каира, чтобы поглазеть на побиение грозными мамлюками чужеземцев, а заодно и поживиться грабежом в конце сражения.

Шейхи и беи, разъезжая среди воинов, кричали:

– Неверные пришли сюда, чтобы сразиться с нами. У них огромные ногти, огромные пасти и свирепые глаза. Они одержимы дьяволом Иблисом, а в бой идут скованные цепью!

Бонапарт, оглядев боевые порядки противника, несколько не огорчился:

– Опасность для нас представляет лишь мамлюкская конница. Пехотинцы-ополченцы разбегутся после первого же залпа. Немногим больше стоят и янычары, которые со своими кривыми саблями будут бессильны против наших штыков. Итак, мы атакуем!

Выехав перед марширующими колоннами, он выхватил из ножен саблю:

– Солдаты! Сорок веков взирают на вас с вершины этих пирамид!

Первой продвигалась вперед дивизия Дезе. Пройдя мимо укрепленного лагеря, она развернулась против мамлюков. За колонной Дезе в некотором отдалении дивизии Ренье, Дюгуа, Виалья и Бона. Никто не стрелял, и французы шли в полном молчании.

В боевых порядках мамлюков была личная гвардия Мурад-бея, отряды всех двадцати четырех эмиров и свободные наемники-халки. Каждый из них в совершенстве владел своим оружием и был отличным наездником. Каждый прошел многолетнее обучение-фуруссию и не ведал страха в бою. На всадниках – кольчуги и доспехи-джавшаны. Если у простых всадников на голове тюрбаны, то у богатых мамлюков металлические шлемы. У каждого в седельных сумках по четыре заряженных пистолета, а за плечом мушкет. Помимо этого копье, сабля и булава. У каждого помимо двух-трех лошадей еще и пара верблюдов для перевозки снаряжения и припасов, а также

по два-три слуги. Один слуга всегда бежит вслед за своим хозяином. В бою он заменяет ему оружие, поит водой, а в случае ранения вытаскивает из боя. Каждый мамлюк старается выделиться среди остальных одеждой, не жалея на это денег. Главным отличием предводителей являются богато украшенные золотом, серебром и драгоценными камнями пояса. На востоке считается, что каждый мамлюк может справиться с пятью противниками. При этом, если мамлюки встречали на поле боя более малочисленные отряды противника, то всегда старались их окружить. Этой тактики они решили придерживаться и теперь.

Перед боем всадники по своему обычаю выстроились в боевой порядок. Вперед под воинственные крики выехал сам Мурад-бей и громко прочитал молитву. Вместе с ним помолилось и все войско. Затем Мурад-бей воскликнул: «О Аллах! Пошли нам победу!» – первым помчался навстречу французам. Атака мамлюков была стремительной. Восемь тысяч отборных наездников вихрем пронеслись между дивизиями Дезе и Ренье, взяв их в кольцо. Дезе едва успел перестроить своих солдат в каре. По коннице был немедленно открыт ружейный и пушечный огонь. В ответ нападавшие на всем скаку метко палили из седельных пистолетов. Пока мамлюки отважно, но безрезультатно атаковали две передовые дивизии французов, дивизия Дюгуа во главе с Бонапартом придвинулась к Нилу и зашла мамлюкам в тыл. Впрочем, Дюгуа также был атакован и в течение часа отчаянно отбивался. Храбрые всадники кидались на штыки и гибли на них сотнями. Мурад-бей сам первым атаковал французов, стараясь ворваться внутрь ближайшего каре. Во время этой атаки он был ранен и вынесен с поля битвы слугами.

Отдельные храбрецы даже врвались в боевые порядки французов и на всем скаку проскакивали каре насквозь, но это были лишь отдельные успехи, которые не меняли общей картины. Французские каре по-прежнему стояли нерушимыми бастионами среди бушующего моря неприятельской конницы.

Одновременно началось сражение и на реке. Там флотилия Перре атаковала египетский флот. Вскоре удачным выстрелом был взорван флагман неприятеля, и весь флот стал в беспорядке уходить вверх по реке. Преследуя противника, французские суда из-за обмеления реки вылезли на мель.

Перре, оглядев суда противника в трубу, не слишком расстроился:

– Египтянам от нас все равно никуда не уйти, они тоже сидят на мели. Подождем подъема воды и снова атакуем.

...Наконец мамлюки утомились и отхлынули. Большая часть всадников во главе с Мурад-беем

ускакала к Гизе по дороге в Верхний Египет. Другая часть конницы пыталась защитить укрепленный лагерь. Когда же дивизия Бона пробилась к лагерю, а генерал Рампон захватил ров и дамбу между селом Имбабой и Гизой, остатки конницы бросились к реке, где многие утонули. Лагерь египтян был захвачен без всякого сопротивления. Арабы, видя разгром дотоле непобедимых мамлюков, просто разбежались. Ближе к вечеру Мурад-бей еще несколько раз атаковал, но каждый раз был отбиваем с большими потерями. Уже в темноте Мурад-бей окончательно ушел на юг, предварительно велел сжечь свой севший на мель флот. Впрочем, в Верхний Египет ушли не все мамлюки. Полторы тысячи храбрых воинов остались в Каире во главе со вторым правителем Ибрагим-беем в надежде отстоять столицу. Однако, видя, что арабы разбежались, и понимая, что Каир уже не защитить, Ибрагим-бей в последний момент увел свою конницу в Сирию.

Сражение закончилось. Темные южные ночи – самое лучшее время для мародеров. Всю ночь французские солдаты обшаривали трупы мамлюков, находя в их поясах порой до трехсот золотых монет. В Каире, в преддверии смены власти, население всюду грабило дома беев.

24 июля Бонапарт торжественно вступил в Каир. Каирские шейхи выслали навстречу делегацию. Генерал ее милостиво принял. Резиденцией Бонапарт выбрал дворец Эльфи-бея на окраине города.

Довольные солдаты отдыхали от понесенных трудов. Городские склады были полны провизии и других припасов. На площадях глашатаи читали призывы Бонапарта сохранять спокойствие. Впрочем, уже через несколько дней в пригородном селе Алькам жители убили нескольких мародеров. Село было немедленно сожжено, а его жители перебиты.

– Пусть каждый знает, что поднявшего руку на француза ждет смерть! – самодовольно заметил Бонапарт, выслушав доклад об итогах карательной экспедиции.

Командующий был горд собой: противник разгромлен, его столица захвачена. Вдогонку Ибрагим-бею уже послан неутомимый Дезе, который вскоре добьет его в битве при Седимане. Дельту Нила к этому времени привел в повиновение Клебер. Теперь у ног Бонапарта лежал весь Египет. Отныне он был уже не просто генерал республики, а султан Кебир (великий султан!). Что можно желать еще? Увы, торжество нового султана было недолгим. Беда пришла оттуда, откуда он ее меньше всего ждал...

В те дни при встрече с английским министром иностранных дел наш посланник граф Воронцов высказался так:

– Даже если этот дерзкий корсиканец успел сделать высадку в Африке, я верю, что его эскадра не избежит кавалера Нельсона, и он получит что заслуживает!

* * *

Известие о высадке Бонапарта в Египте было воспринято с удивлением. Никто никак не мог взять в толк, зачем директории понадобилось вдруг воевать с турками, с которыми у французов всегда были дружеские отношения. Вся отлаженная десятилетиями система союзов и альянсов в одно мгновение полетела в тартарары.

– Возможно, во всем виноваты марсельские купцы, испугавшиеся, что купцы английские прибегут к рукам всю торговлю в Ливанте? – шептались в европейских политических салонах. – А может быть, французы замахнулись и... на Индию?

От последней фразы становилось дурно английским посланникам, которые тут же мчались домой составлять срочные послания о страшных слухах, гуляющих по Европе.

На Певчем мосту нападению Бонапарта на турок были, честно говоря, рады. Лучше уж пусть французы воюют в неблизких пустынях египетских, чем будут распевать «Марсельезу» под Николаевом и Екатеринославом! Поразительно, но волей какого-то дивизионного генерала Турция, этот многовековой враг России, в одно мгновение превратилась в союзника. Но определенная тревога все же оставалась. От Египта рукой подать до Константинополя, а это уже угроза Крыму и всему Причерноморью. Но пока до этого еще далеко, да и смогут ли французы дойти до Черного моря?

Посланник Томара извещал вице-канцлера, что султан весьма боится за свои владения и весьма надеется на помощь России в войне с коварными франками.

– Из всех известных мне союзов этот будет, вероятно, самым внезапным, – не без удовольствия констатировал Безбородко, прочитав очередное письмо Томары и отложив его в папку для доклада императору. – Теперь осталось только ждать, когда турки слезно попросят нашей помощи.

– А долго ли ждать? – поинтересовался император Павел после доклада вице-канцлера.

– Чем быстрее Бонапарт будет шагать по пустыням египетским, тем раньше мы получим султанскую слезницу. Не думаю, что это займет много времени. Во всяком случае, нам следует быть готовыми.

В тот же день император продиктовал новый рескрипт вице-адмиралу Ушакову: «По получении сего

имеете вы со вверенной в команду вашу эскадру немедленно отправиться в крейсерство около Дарданелл... Ежели Порты потребует помощи, где бы то ни было, всею вашей эскадрой содействовать с ними буде от министра нашего получите уведомление о требовании Блистательной Порты вашей помощи, то имеете тотчас следовать и содействовать с турецким флотом против французов, хотя бы то и далее Константинополя случилось».

Теперь дело оставалось за малым – ждать, что бы объединить флоты для действий в Средиземном море пожелали сами турки. Ждать этого, впрочем, долго не пришлось.

Глава шестая

НОЧЬ АБУКИРА

Было бы наивно думать, что вице-адмирал Брюе не понимал, чем ему грозит стоянка на таком незащищенном рейде, как Абукирский. Французский командующий намеревался в Абукирской бухте лишь передохнуть и пополнить припасы, а затем уйти на Корфу, где под защитой неприступных фортов можно было бы чувствовать себя в полной безопасности.

В первый же день своего нахождения в бухте Брюе собрал капитанов. Обсуждался вопрос, что делать в случае появления англичан. Все присутствующие высказались единодушно:

– Принимать сражение следует только стоя на якоре.

Особое мнение объявил лишь младший флагман контр-адмирал Бланке.

– На якоре выгодно сражаться лишь в том случае, когда само якорное место защищено огнем береговых батарей, – сказал он веско.

Но большинство капитанов младшего флагмана не поддержало.

– Разумеется, без береговых батарей драться на якоре плохо, но маневрировать во время боя с нашими некомплектованными и плохо обученными командами будет еще хуже, – возразили они.

– К тому же я отдал приказание, чтобы на берегу немедленно начали возведение артиллерийской батареи. А потому кое-какое прикрытие у нас все же будет, – подал свой голос и командующий.

Бланке ничего иного не оставалось, как согласиться.

– Я поддерживаю решение большинства, – сказал он, потрянув головой. – Однако хотел бы просить командующего поставить мой «Франклин» рядом с флагманом, чтобы я мог прикрыть его в бою.

– Решено! – кивнул Брюе. – Будем драться на якоре!

Позднее исследователи тех далеких событий придут к выводу, что в тогдашних условиях решение принимать бой на якоре было единственно верным. Однако, приняв верное решение, Брюе по непонятной причине не сделал ничего, чтобы укрепить свою позицию. Он не додумался выгрузить орудия тыльного борта с кораблей, а их самих перевести на мелководье к самому берегу. Освободившиеся при этом орудия можно было бы с успехом использовать для береговой обороны. Именно так, вполне успешно, поступили турки в 1790 году под Анапой, когда отряд русских крейсеров под началом Ушакова приблизился к берегу.

Помимо этого на эскадре так по-настоящему и не была начата подготовка к отражению возможной атаки, а часть экипажей и вовсе была свезена на берег для пополнения запасов воды и отдыха.

Да, на прикрывающем рейд островке Абукир была установлена одна батарея, но она имела всего лишь две мортиры да четыре 12-фунтовые пушки, которые были совершенно беспомощны против сотен и сотен стволов английской эскадры.

Помимо всего прочего Брюе не позаботился даже о том, чтобы поставить свои корабли на шпринг.

Это была уже не служебная небрежность, а преступная халатность.

* * *

Держа курс в Абукирскую бухту, Нельсон принял решение атаковать прежде всего авангард и центр французского флота. Свежий норд-норд-вест вполне способствовал быстрому сближению.

Подойдя к бухте, Нельсон оценил диспозицию французов. Весь французский флот стоял на якоре, построенный в единую линию протяженностью в милю. Линия при этом была достаточно изогнута. Ближе к берегу располагались четыре фрегата. С правого крыла обороняющихся прикрывала небольшая береговая батарея. Акватория вокруг французского флота была окружена песчаными отмелями, не позволяющими кораблям подходить к берегу ближе трех миль.

Когда эскадра подошла к траверзу первой отмели, Нельсон приказал лечь в дрейф, а сам в жестяной рупор окликнул капитана передового «Зилиеса»:

– Достаточно ли далеко мы держим к осту от мели и можем ли ее обогнуть?

В ответ Гуд прокричал своему командующему в точно такой же рупор:

– Сейчас нахожусь на 77 футах глубины. Карты залива не имею. Однако если мне будет позволено,

то я спущусь и со всем вниманием буду обозначать глубины, чтобы провести эскадру как можно ближе к мели и в то же время безопасней.

– Хорошо, Гуд! – прокричал Нельсон. – Действуйте, но будьте осторожны!

Было около четырех часов дня. Брасопя паруса, «Зилиес» медленно двинулся по самой кромке отмели. Следом за ним подвернул и «Голиаф» Томаса Фолея.

– Держать на подветренный крамбол переднего мателота! – велел Фолей вахтенному лейтенанту.

– Есть, сэр! – с готовностью отозвался тот.

Пока передовые линейные корабли медленно втягивались в Абукирскую бухту, капитан Гард на своем юрком «Мутайне» перехватил местную рыбацью фелюгу. Предприимчивый Гард тут же снял с суденышка рыбаков и шлюпкой переправил их на «Вэнгард», чтобы Нельсон мог использовать рыбаков в качестве лоцманов.

В это время «Зилиес» и «Голиаф» продолжали быстро сближаться с противником. Заметив, что эскадра заметно отстала от них, на кораблях несколько поубавили парусов.

– Что это они там заробели? – тут же увидел происходящее Нельсон. – Поднимите немедленно: «Продолжать движение. «Голиафу» быть первым».

Отрепетовав сигнал, капитан Фолей еще раз подвернул свой «Голиаф» и, обойдя французский флот с носа, протиснулся между стоящими на якоре неприятельскими кораблями и берегом.

«Благородный и храбрый поступок этот, – вспоминал позднее один из офицеров «Голиафа», – примеру которого немедленно последовал капитан Гуд, решительность продолжать идти под всеми парусами, между тем как прочие корабли английской эскадры привелись в дрейф, поджидая шлюпки с «Мутайна», все это имело весьма важные последствия».

– Сейчас поглядим, у кого «боевые повозки» крепче! – в запале кричали матросы на двух передовых британских линкорах.

* * *

Появление английской эскадры и сигнал с корабля «Эрю» «Неприятель приближается и держит к заливу» были для французов громом среди ясного неба. На их кораблях все еще не были заведены шпринги, а часть команд по-прежнему пребывала на берегу.

На тот момент французский флот был построен в следующем порядке: передовым 74-пушечный «Геррье» (под началом Жана-Тимотэя Трюллета-старшего), затем 74-пушечные «Конкеран» (Этьена Даль-

барда), «Спартанец» (Мориса-Жюльена Эмерио), «Аквилон» (Генриха Тевенарда), «Пепле-Суверен» (Пьера-Поля Раккорда), 80-пушечный «Франклин» (Мориса Жильета), 120-пушечный «Ориент» (командора Коза-Банка), 80-пушечный «Тоннант» (командора Дюпти Туара), 74-пушечные «Эрю» (Жан-Пьера Этьена) и «Меркурий» (Камбона), 80-пушечный «Вильгельм Тель» (Сольнье), 74-пушечные «Женере» (Лежойля) и «Тимолеон» (Жана-Тимотэя Трюллета-младшего). Сам вице-адмирал Брюе держал свой флаг на трехдечном «Ориенте». Там же находился начальник его штаба контр-адмирал Гонорэ Гантома. Авангардом, составлявшим семь передовых кораблей, командовал контр-адмирал Бланке-Дюшайла, флаг которого развевался над «Франклином». Во главе арьергарда был поставлен контр-адмирал Сильвестр Вильнев, расположившийся на «Вильгельме Телле».

Стоящие под берегом фрегаты – 44-пушечные «Диана» и «Джустик», 36-пушечные «Артемз» и «Сэррез» – возглавлял контр-адмирал Дионисий Декре.

Сегодня считается, что суммарный бортовой залп французской эскадры составлял 1186 орудий против 1030 орудий у англичан.

Обнаружив приближение противника, Брюе велел быстрее перевозить людей с берега на корабли. Но было поздно, большей части из них так и не удалось до конца боя попасть на свои боевые посты. И они стали лишь свидетелями грандиозной картины сражения. Чтобы хоть как-то восполнить команды линейных кораблей, пришлось передать часть команд с фрегатов. Но это внесло больше неразберихи, чем принесло пользы.

Навстречу английской эскадре устремились два брига: «Алерт» и «Райлер». Они должны были своим ложным маневром навести передовые английские линкоры на мель. Капитан «Алерта» действовал особенно отчаянно. Он почти вплотную приблизился к «Голиафу», затем дерзко развернулся прямо перед ним и, поставив все паруса, помчался прямо на каменный риф. «Алерту» чудом повезло, и он благодаря своей малой осадке проскочил через риф невредимым. На французском флоте, затаив дыхание, смотрели, клюнут англичане или нет. Англичане не клюнули! Нельсон быстро разгадал эту незамысловатую хитрость и приказал своим капитанам не отвлекаться на подобные штучки.

А день уже медленно клонился к закату. И снова надежда! Заметив, что английские корабли ложатся в дрейф, Брюе решил, что свою атаку Нельсон, по видимому, отложил до следующего утра. Кто же нападет в сумерках! Если все будет обстоять именно так, то в течение ночи он вполне успеет подготовить

свой флот к обороне и уж тогда утром англичанам не поздоровится!

– Впрочем, – советовался со своим начальником штаба Брюе, – ночи здесь весьма темные, а потому мы вполне можем попытаться выскользнуть из бухты и уйти на Корфу.

– Думаю, что это верный шанс и на этот раз оставить их одноглазого героя в дураках, – кивнул контр-адмирал Гантом.

На французских кораблях дружно заскрипели блоки, то начали поднимать тяжелые брам-реи – верный признак того, что флот готовится вступить под паруса.

Однако то, что было понятно французским адмиралам, было столь же очевидно и для Нельсона, а потому он своей атаки откладывать не пожелал. И в шестом часу вечера движение английской эскадры было продолжено. Первыми, как и прежде, резали форштеньями волну «Голиаф» с «Зилиесом», за ними следом «Орион», «Одасез», «Тезей», «Вэнгард», «Минотавр», «Дефенс», «Беллерофон», «Маджестик» и «Леандер». Английская эскадра, выстроившись в линию, шла в галвинд правым галсом, то есть под углом в 90 градусов к ветру, дующему справа.

Несколько севернее продвигался «Куллоден», а далее на значительном удалении к западу «Александр» и «Свифтшюр», посланные Нельсоном в свое время для разведки Александрийского порта и теперь отчаянно догонявшие своих ушедших вперед товарищей. Быстрота, с какой англичане сумели выстроить боевую линию, была просто изумительна. Это не скрылось от глаз французских офицеров и особого оптимизма им не прибавило.

Теперь вице-адмиралу Брюе стало окончательно ясно, что сражение последует незамедлительно, как только английские корабли сблизятся на дистанцию залпа. Никаких отсрочек до завтра быть уже не может. Теперь из последних сил, торопясь, французы выправляли свою боевую линию, заводили дополнительные якоря, клали свои стоп-анкеры за кормой задних мателотов, чтобы была хоть какая-то возможность разворачиваться бортом к противнику во время боя. Однако среди спешки и всеобщей неразберихи успели сделать далеко не все.

Тем временем передовые «Голиаф» и «Зилиес» уже проследовали мимо французской береговой батареи на острове Абукир. С берега по англичанам палили, но без особого успеха. Затем, сблизившись с передовым французским линкором «Геррье», английские корабли убрали все паруса, кроме крьюселя.

* * *

Итак, сражение началось. «Конкеран» и «Спарта-нец» разрядили по англичанам орудия своего правого борта, но ядра их легли в воду. «Голиаф» уже успел проскочить зону поражения, а «Зилиес» еще до нее не дошел. Пока же французы перезаряжали пушки, мимо них благополучно проскочил и «Зилиес». «Геррье» же так и не сделал ни одного выстрела вообще. Как оказалось, столь безграмотная стрельба передовых французских линкоров произошла из-за отсутствия на своем месте командира авангарда. Контр-адмирал Бланке-Дюшайла в это время спешил к своим кораблям на катере с «Ориента», где получал последние указания на сражение. Прибудь французский адмирал на свой корабль на каких-то десять минут раньше или же хоть немного задержись с началом атаки Нельсон, Абукирское сражение началось бы с больших потерь для англичан, но Бог в тот день был явно на их стороне.

За двумя передовыми английскими кораблями тем временем подтянулась вся остальная эскадра. И сразу же несколько кораблей обрушили шквал своего огня на передовой «Геррье».

Наконец опомнились французы. Свою первую порцию ядер получил от них «Голиаф». На нем сразу же был перебит бегучий такелаж. Пришлось отдавать якорь и, расположившись со стороны берега между вторым и третьим французскими линкорами, вступить в бой сразу с двумя. Неподалеку от «Голиафа» бросил якорь и «Зилиес». Вдвоем драться с французами им было легче. И снова англичане не могли нарадоваться тому, что французский огонь так слаб. «Такое быстрое исполнение маневра надобно приписать отчасти тихой погоде и отчасти неготовности неприятеля встретить нас с левой стороны. На «Геррье» пушки нижнего дека с этой стороны не были выдвинуты за борт, и порта других деков были завалены кисами и разными вещами», – писал позднее один из участников сражения.

Именно поэтому на один залп «Зилиеса» «Геррье» мог отвечать только одним. Результат такого поединка не замедлил сказаться. В тот момент, когда заходящее солнце коснулось горизонта, фок-мачта «Геррье» упала за борт. Первое серьезное повреждение противника вызвало целую бурю ликования на английской эскадре. В честь героев «Зилиеса» на всех кораблях трижды прокричали «ура». Чтобы поднять дух своих команд, французские капитаны заставили кричать «ура» и своих матросов, но из этой затеи ничего не получилось. «Ура» вышло жиденьким и вызвало у английских матросов только громкий смех, а у французских еще большее уныние. Спустя каких-то пять минут с «Геррье» упали грот- и бизань-мачты. Почти одновременно рухнула в волны и грот-мачта

«Конкерана», удачно перебитая артиллеристами «Голиафа».

К этому времени основная часть английской эскадры уже приблизилась к французской линии вплотную и стала обходить ее со стороны моря, беря тем самым противника в два огня. В шесть часов сорок минут вечера флагман Нельсона «Вэнгард» бросил якорь напротив «Спартанца» и «Аквилона», открыв сразу же по обоим яростный огонь. По кратчайшему пути достигли своих мест боя «Одасъез» и «Тезей».

– Передайте Гульдону и Миллеру, чтобы не вздумали бросать носовые якоря! – велел Нельсон, внимательно наблюдая за развитием ситуации. – Пусть бросают только кормовые!

Опытным взглядом Нельсон увидел, что если только «Одасъез» с «Тезеем» отдадут носовые якоря, то пройдет немало времени, пока течение развернет их в нужном направлении. За эти минуты французы смогли бы несколько раз пройти по их палубам всесокрушающими продольными залпами. Отдав же кормовые якоря, корабли почти сразу же вступили в бой. «Одасъез» расположился между изувеченным «Геррье» и «Конкераном», сразу же начав палить по обоим почти в упор.

Тем временем со стороны моря французов уже обходил третий корабль – это был «Орион». Разрядив мимоходом свои орудия в многострадальный «Геррье», Сомарец двинулся дальше, чтобы завершить окружение французского авангарда.

Капитан Сомарец направлял свой «Орион», тщательно выбирая противника. Описав большой круг, он прошел по правому борту «Тезея», который к тому времени уже вовсю дрался с французским «Спартанцем». В ходе этого маневра «Орион» подвергся храброй, но безрассудной атаке маленького фрегата «Сэръез», капитан которого отважно бросился спасать свои линейные корабли.

Старший лейтенант «Ориона» подошел к Сомарецу:

– Сэр! Давайте отгоним этого наглеца!

– Ни в коем случае! – повернулся к нему Сомарец. – Со стрельбой пока следует повременить. Пусть наш маленький друг наберется еще храбрости и подойдет как можно ближе. Прикажите убавить парусов и зарядить орудия правого борта двумя ядрами.

Когда фрегат сошелся с «Орионом» почти вплотную, последовала команда «Огонь!». Десятки ядер устремились к цели. Минута – и на месте храброго «Сэръеза» плавала лишь куча обломков.

Впрочем, честь уничтожения фрегата впоследствии оспаривала команда «Голиафа». Голиафцы утверждали, что это именно они нанесли «Сэръезу»

решающие повреждения, а «Орион» только добил это обреченное судно.

Как бы то ни было, но без четверти семь вечера «Орион» отдал свой якорь между кормой «Пепле-Суверена» и носом «Франклина». Таким образом, теперь французский авангард был полностью окружен и спасти передовые французские корабли не могло уже ничто.

Команда «Ориона» была в полном восторге, их капитан так удачно поставил корабль, что они могли теперь драться сразу с двумя противниками, да к тому же еще и постреливать в сторону флагмана французского флота, стоявшего неподалеку.

– Первый залп по «Франклин»! – распорядился Сомарец. – Поглядим, насколько тверды барабанные перепонки у адмирала Бланке-Дюшайлы.

Нельсон, расхаживая по четвертьдеку «Вэнгарда», некоторое время озабоченно поглядывал на корабли французского арьергарда, но затем махнул на них рукой.

– Думаю, что, находясь под ветром, они никак не смогут оказать помощь своим передовым собратьям, – сказал он капитану Эдварду Берри. – Не будем их пока даже трогать. Арьергард – это наш десерт.

– Думаю, сэр, что все именно так у нас и получится, – ответил капитан.

Как раз в это время произошла и первая накладка с английской стороны. Линейный корабль «Куллоден», намереваясь обойти «Леандер», плотно сел на каменный риф у острова Абукир. На большой зыби он быстро потерял руль, а вместе с рулем упустил и возможность участвовать в сражении. Капитан Трубридж рвал и метал. Но что поделать, теперь ему надо было думать уже не об атаке противника, а о спасении собственного корабля.

В это время напротив французского «Аквилона» помимо «Вэнгарда» бросил якорь и «Миновтавр», а следовавший за ним «Дефенс» проложил внешнюю английскую линию, встав далее напротив «Пепле-Суверена». Что касается шедших следом за ним «Беллерофона» и «Маджестика», то они прошли дальше с твердым намерением атаковать французскую кордебаталию. В скором времени «Беллерофон» несколько опрометчиво бросил якорь против 120-пушечного «Ориента», а «Маджестик» борт в борт с «Тоннантом».

* * *

Над Абукирской бухтой быстро опускалась густая темнота, и с каждой минутой опознавать противника становилось все труднее. Чтобы капитаны не потеряли ориентиры и не спутали свои корабли с француз-

скими, Нельсон распорядился поднять белые Георгиевские флаги и вывесить на бизань-мачтах по четыре зажженных фонаря.

Несчастный «Геррье», три часа подряд нещадно избиваемый со всех сторон, уже являл собой бесформенную грудку развалин, на которой едва успевали тушить пожары, но трехцветного флага, гордо развевающегося на обрубке грот-мачты, упорно не спускал. Капитан «Зилиеса» Гуд уже в какой раз кричал своему французскому коллеге капитану Трюллету предложение о сдаче, но тот молчал и отстреливался из последних пушек. Но с каждым залпом «Зилиеса» ответный огонь становился все слабее. И только когда в девять часов вечера Гуд направил к Трюллету шлюпку с офицером, чтобы еще раз предложить сдаться, его предложение было наконец принято.

Последнее, что успел сделать капитан Трюллет перед сдачей, это пустить брандер на палящий в отдалении по его собрату «Аквилону» «Орион». К этому времени «Орион» потерял уже почти все свои плавсредства. И его команда с ужасом ждала приближения самодвижущегося снаряда. На счастье «Ориона», брандер прошел всего в двадцати метрах от его левого борта.

Когда англичане взошли на сдавшийся им «Геррье», их взору предстала жуткая картина: бушприт и корма разбиты взрывом, борт вырван огромными кусками, вся палуба завалена рангоутом и такелажом, повсюду горы трупов и реки крови. При всем этом якорный канат французского линкора остался цел и крепко держал разбитый корабль под огнем английских пушек.

Почти одновременно с «Геррье» пришла и очередь его ближайшего соседа «Конкерана». Против этого бедолаги дрались «Голиаф» и «Одасъез», причем последний расстреливал его непрерывными продольными залпами. Вскоре после начала сражения был тяжело ранен капитан «Конкерана» Дальбард. Спустя четверть часа интенсивного обстрела «Конкеран» потерял все свои мачты и выбросил белый флаг, прося пощады.

Следующий во французской линии корабль «Спартанец» сошелся в поединке с «Тезеем». Однако вскоре с правой стороны его атаковал еще и «Вэнгард». В довершение всего огонь по «Спартанцу» из своих кормовых орудий открыл и «Минотавр». А едва сдался «Конкеран», как в «Спартанец» полетели ядра и с «Одасъеза». Выстоять в таком огне было просто невыносимо. Некоторое время «Спартанец» кое-как держался, но затем потерял все мачты, большую часть команды и вынужден был также спустить свой флаг.

На помощь «Спартанцу» пытался было прийти «Аквилон». Не имея против себя конкретного противника, он удачно вытянул шпринг и начал расстреливать продольными залпами «Вэнгард». Флагман английской эскадры в считанные минуты получил тяжелые повреждения и потерял больше сотни человек. Впрочем, «Вэнгарду» повезло: у него уцелели все мачты. Отлетевшей щепой был ранен в голову Нельсон. На некоторое время ему пришлось даже сдать командование эскадрой. Однако обстановка для англичан улучшилась. Вскоре на «Аквилон» обрушил всю мощь своего огня «Минотавр», а с левого борта по нему почти одновременно начал палить и «Тезей». Теперь «Аквилону» стало уже не до «Вэнгарда». Впрочем, капитан Тевенар сопротивлялся отчаянно. На «Минотавре» он в несколько залпов выбил еще сотню человек и с полсотни на «Тезее».

К этому времени гремело и полыхало уже по всей линии. В ночной темноте то там, то здесь вспыхивали выстрелы, слышался треск ломаемого ядрами дерева и отчаянные крики погибавших. От огня «Дефенса» и «Ориона» рухнули мачты на «Пепле-Суверене». Обрубив якорный канат, он с большими повреждениями выбрался из линии и бросил якорь невдалеке от флагманского «Ориента». В перестрелке досталось и «Дефенсу». У него слетела за борт форстенгга, разлетелся в куски бушприт, потери составили два десятка матросов. «Орион» при этом потерял не менее сорока человек.

Попал в хорошую переделку «Беллерофон». Он неудачно занял боевую позицию против 120-пушечного «Ориента» и поплатился за это. Французы быстро сбили ему вначале бизань-, а потом и грот-мачту. По всей палубе полыхали пожары, выглядевшие на фоне ночного неба особенно зловеще. Наконец, к половине девятого вечера «Беллерофон» не выдержал огня, обрубил канат и с помощью вспомогательного паруса-блинда, который кое-как укрепили под огрызком бушприта, начал выходить из зоны огня. Но и здесь «Беллерофону» не повезло: беспомощно дрейфуя вдоль линии сражения, он поочередно попал вначале под огонь «Тоннанта», а затем еще и «Эрю». Когда кораблю все же удалось выбраться в сторону от боя, на его борту было уже две сотни убитых и раненых. На этом участие «Беллерофона» в сражении завершилось. Состояние линейного корабля было такое, что с ним шутя теперь бы расправился последний фрегат.

Против французского линкора «Тоннант» дрался «Маджестик». И ему не слишком повезло. Спустя полтора часа напряженного боя он потерял своего капитана Джона Уэсткотта, сраженного меткой пулей.

Место капитана тут же занял лейтенант Куберт, который сражался с неменьшим мужеством.

Что касается концевых кораблей нельсоновской эскадры «Александера» и «Свифтшура», то, заходя на абукирский рейд, они направили форштевни своих кораблей прямо на каменный риф. Спасло их только то, что уже сидящий на соседнем каменном рифе на своем «Куллодене» Трубридж предупредил капитанов о грозящей опасности. Оба линкора вовремя отвернули в сторону.

В девятом часу вечера, правя в темноте по огням орудийных вспышек, «Свифтшур» поровнялся с чадыщим корабельным остовом. Посчитав его недобитым французом, капитан Венеамин Галлоуэль приказал готовиться к атаке. Однако одновременно дал запрос «свой-чужой». И вовремя, ибо корабельный остов оказался не чем иным, как разбитым вконец «Беллерофоном». Быстро сориентировавшись в обстановке, Галлоуэль направил свой корабль к «Ориенту» и бросил якорь в каких-то тридцати метрах от него. Взяв паруса на гитовы, он сразу же открыл яростный огонь. Рядом храбро дрался с французским «Франклином» маленький 50-пушечный «Леандер». Подошел и сосредоточил огонь по «Ориенту» концевой корабль английской эскадры «Александр».

Французский флагман бился с неслыханным упорством. Наверное, если бы победа в тот день присуждалась храбрейшему, то именно вице-адмирал Брюе заслуживал быть победителем. Уже в самом начале сражения он получил ранения в руку и лицо, но, кое-как перевязавшись, продолжал руководить боем. В восемь часов вечера английское ядро разорвало его напополам. Последними словами умирающего были:

– Не уносите меня вниз! Французский адмирал должен умирать на шканцах!

Спустя полчаса Брюе не стало. Смерть избавила его от тяжелой участи быть свидетелем разгрома своего флота.

А сражение было в самом разгаре. «Орион» бил по «Франклину» до тех пор, пока «Леандер» не подошел его подменить. Периодически в обстрел «Франклина» подключался и «Минотавр». Когда же в половине девятого «Пепле-Суверен», не выдержав неприятельского огня, спустился под ветер, то освободившийся «Дефенс» тоже принялся расстреливать «Франклина».

Тот из последних сил держался до без четверти десять, а потом, не видя иного выхода, сдался. Именно в этот момент наступил самый драматический момент сражения, настолько поразивший всех его участников, что пальба с обеих сторон была на несколько минут прекращена.

Еще в девять часов вечера начался сильный пожар на «Ориенте». Пламя поднималось настолько высоко, что его видели все.

– Не ясно, кто горит, но ясно, что ему конец! – мрачно констатировал Нельсон, наблюдая за полыхающим в ночи гигантским костром.

Несмотря на это, «Ориент» продолжал упрямо отбиваться. Тогда дравшийся с ним «Свифтшур» немедленно навел пушки на горящую часть огромного корабля, дал несколько точных залпов. Этого оказалось достаточно. Пламя в один миг охватило всю палубу французского флагмана. Взвизвись по рангоуту с необыкновенной быстротой, оно превратило весь линейный корабль в пылающий факел. В десять часов вечера «Ориент» взлетел на воздух с ужасным грохотом. Спустя какое-то мгновение лишь густое облако дыма и пепла указывало место, где он только что сражался.

Сражавшиеся с «Ориентом» английские линейные корабли «Александр», «Свифтшур» и «Орион» немедленно забили свои орудийные порты и люки, убрали с палубы все горючие материалы, а по бортам поставили матросов с ведрами. Они едва успели загасить тот каскад искр, который обрушился на их корабли при взрыве «Ориента». От взрывной волны у трех британских линкоров разошлись пазы в корпусе. И теперь, если наверху одна часть их команд боролась с огнем, то внизу другая – с водой. Горящая часть обломков перелетела близко стоявший «Свифтшур» и упала в воду. Лишь два больших обломка угодили на его фор-грот-марсы, не причинив, впрочем, большого вреда. Часть обломков достала и «Александера», располагавшегося несколько далее от «Ориента». При этом на «Александрере» загорелись бом-брамсель и кливер. Экипаж с трудом, но погасил возникший пожар, но пришлось отрубить утлегарь и блинда-рей, а затем оттянуться подальше от линии баталии.

Из французских кораблей более иных от взрыва «Ориента» пострадал близстоящий «Франклин». Вся его палуба была завалена кусками раскаленного железа, обломками, горящими концами. Корабль вспыхнул, словно свечка, но храбрый экипаж успел вовремя потушить очаги пламени. Еще один из стоящих рядом мателотов «Тоннант» перед самым взрывом успел, обрубив якорный канат, отойти от обреченного флагмана. То же самое проделали и находившиеся несколько в отдалении «Эрю» и «Меркурий».

Со стоявшего рядом с погибшим «Ориентом» «Ориона» матросы по приказанию капитана Сомареца начали спасение погибавших. Те вытаскивали из воды обожженных французов, передевали в матросское белье и загоняли в трюм, чтобы не путались под ногами.

Спустя десять минут после взрыва «Ориента» резко усилился ветер, как бы дав сигнал к продолжению взаимного истребления. Первым опомнился после взрыва и открыл огонь «Франклин», несмотря на то что большинство его пушек уже были сбиты. Но действовал еще его нижний дек, и «Франклин» открыл им пальбу по «Дефенсу» и «Свифтшуру». Оба английских линкора с ответом ждать себя не заставили. Несколько залпов в упор – и на «Франклин» были сбиты все мачты. Потеряв половину команды убитыми и ранеными, «Франклин» сдался на милость победителя.

На протяжении четырех убийственных для французов часов их арьергард только видел и слышал происходящее рядом с ним, но не предпринял даже попытки поддержать своих изнемогающих в неравной битве товарищей. Один лишь «Тимолеон», поставив марсели, напрасно ждал сигнала к съемке с якоря, но такового ему так никто и не дал.

Наступила полночь. А над Абукирской бухтой продолжали греметь залпы. К этому времени из всех французских кораблей продолжал отбиваться от неприятеля только неустранимый «Тоннант». Его ядра по-прежнему наносили большой урон «Свифтшуру», тем более что тот не мог на них отвечать. Однако все же главным противником одинокого «Тоннанта» был не «Свифтшур», а «Маджестик». Они отчаянно бились друг с другом еще целых три часа. Наконец в начале четвертого часа утра «Тоннант» сбил грот- и бизань-мачты «Маджестика», однако почти сразу после этого успеха полетели за борт и мачты самого «Тоннанта».

* * *

В ту ночь было много храбрых, однако капитан «Тоннанта» Дюпти Туар дрался с отвагой, перед которой меркнет любое перо. Он вел огонь со своего корабля, пока не были сбиты все мачты, пока у немногих оставшихся еще орудий не осталось уже живых артиллеристов, способных эти несколько пушек заряжать и наводить. Но даже и тогда, вместо того чтобы сдаться, он обрубил канат и вышел из-под огня. К этому времени «Тоннант» даже отдаленно не напоминал корабль. Это был лишь насквозь дырявый и еще каким-то чудом державшийся на воде корпус. По свидетельству очевидцев (которым просто страшно верить!), Дюпти Туар потерял в начале боя руку, потом другую, а затем ему оторвало еще и ноги. Несмотря на это, Дюпти Туар не разрешил, чтобы его унесли вниз. По приказу капитана матросы наскоро сделали ему перевязку, а затем поставили кровотокающий человеческий обрубок в кадку с отрубями. Находясь в таком положении, капитан «Тоннанта» еще

некоторое время руководил боем, пока окончательно не истек кровью и не умер. Надо ли говорить, что, видя такой пример отваги и чести своего капитана, матросы сражались с противником как одержимые. Уже умирая, Туар подзвал к себе одного из немногих оставшихся в строю офицеров и прошептал:

– Корабль ни в коем случае не сдавать, а при безвыходном положении затопить!

Это были его последние слова...

Ныне Дюпти Туар национальный герой Франции, на примере которого воспитано уже немало поколений французских моряков. И это совершенно правильно, ибо только самые высокие подвиги способны зажечь огонь самопожертвования в молодых сердцах.

Вскоре, прекратив отвечать на огонь англичан, «Тоннант» удалился под ветер и занял новое метро в строю впереди «Вильгельма Теля». Преследовать его противник не решился.

В полной темноте сражение несколько поутихло, лишь в отдельных местах пальба так и не прекратилась. Однако с первым лучом солнца оно было снова продолжено, причем с еще большим ожесточением. В 4 утра французы силами четырех кораблей (среди которых был и неутомимый «Тоннант») обрушились на «Александр» и уже порядком избитый «Меджестик». Однако и здесь добиться перевеса французам не удалось. Вскоре к двум британским линкорам подошли еще два – «Тезей» и «Голиаф». Дав несколько залпов, спустил флаг французский фрегат «Аретуза», командир которого необдуманно выскочил перед ними. С «Тезея» отправили было на «Артемиз» шлюпкой призывную партию, но французы, съехав на берег, взорвали свой фрегат. Тем временем еще четыре французских линкора и два фрегата, дрейфующие под ветер от английских кораблей, намеревавшихся их атаковать, оказались вскоре вне досягаемости английских пушек.

Около 6 часов утра «Зилиес», «Голиаф» и «Тезей» снялись с якоря. Повинуясь сигналу Нельсона, они снова атаковали французские корабли. Вскоре еще два французских линкора, «Эрю» и «Меркурий», выбросились на мель и подняли белые флаги.

В 11 утра линейные корабли «Женере», «Вильгельм Тель» и «Тимолеон» с фрегатами «Джустик» и «Диана», до этого практически не участвовавшими в сражении, подняли все возможные паруса и в самый крутой бейдевинд устремились на выход из бухты. Шедший последним линкор «Тимолеон», находясь под ветром, не сумел выйти из бухты одним галсом, а потому выбросился на берег. Бежавших французов пытался преследовать «Зилиес», однако был возвращен к эскадре сигналом Нельсона.

Командующий не желал более рисковать, так как дело и так было сделано, и сделано блестяще. Из тринадцати французских линейных кораблей один был взорван, а восемь захвачены. Два линкора с двумя фрегатами бежали, а последние два линейных корабля, разбитые вконец, стояли неподалеку от английской эскадры не в силах дать ход. Это были «Тимoleon» и храбрый «Тоннант». На последнем матросы, выполняя приказ своего погибшего командира, прибили флаг к мачте гвоздями. Но и у Нельсона уже тоже не было сил атаковать. В таком неопределенном положении противники провели остаток дня и целую ночь.

* * *

Лишь утром 23 июля «Тезей» и «Леандер» снялись с якоря и подошли к «Тоннанту». Тот отбиваться уже не мог. Поэтому остатки французской команды взорвали свой корабль и переправились на берег. С собой они унесли и обезображенное тело Дюпти Туара.

Вскоре на «Вэнгард» к Нельсону прибыл шлюпкой капитан Джеймс Сомарец. Нельсон встретил его на шканцах. Голова контр-адмирала была забинтована. Сомарецу тоже досталось. У него были контужены бедро и бок. Вначале капитан поздравил Нельсона с победой, и тот заулыбался в ответ. Но затем Сомарец решил высказаться об ошибках Нельсона.

– Очень жаль, что мы не... – только и успел произнести он.

Не желая слушать от подчиненного критику в свой адрес, Нельсон оборвал Сомареца, прокричав в ответ:

– Слава Богу, что мы не находились в желаемом вами порядке!

С этими словами он опрометью бросился вниз со шканцев и скрылся в своей каюте. Обескураженному Сомарецу не оставалось ничего другого, как убраться на свой корабль. Historики считают, что Сомарец решил упрекнуть Нельсона за маневр между французским флотом и берегом, который он считал излишне рискованным и невыгодным. Именно эта стычка на шканцах «Вэнгарда» будет стоять Сомарецу карьеры. Нельсон не смог простить опытнейшему капитану (который был к тому же старше него по возрасту) даже попытки критики в свой адрес. Он отказался представить его к награждению по итогам сражения, где Сомарец сыграл далеко не последнюю роль.

Окончательным итогом абукирского погрома была потеря французами 11 кораблей и 5 тысяч человек. Английские потери составили 895 человек.

Французского Средиземноморского флота больше не существовало!

23 июля на эскадре победителей был отслужен благодарственный молебен, на котором все стояли со слезами на глазах. Затем Нельсон горячо благодарил своих капитанов. Тогда же офицеры английской эскадры собрали 600 фунтов стерлингов, чтобы раздать их вдовам и детям погибших матросов.

Узнав о трагедии в Абукирской бухте, Бонапарт был вне себя. Еще бы, теперь он был отрезан от Франции, а вместе с тем от всякой помощи и предоставлен самому себе. На людях Бонапарт еще держался и даже ободрял своих соратников:

– У нас больше нет флота. Что ж, нам остается только погибнуть или выйти отсюда великими, как древние!

Армия уже не слишком верила в своего полководца, впрочем, и он, оставаясь в одиночестве, хватался за голову:

– Брюе, несчастный, что ты со мной сделал!

Получив известие о разгроме при Абукире, члены французской исполнительной директории распорядились срочно укрепить Корфу, Анкону, Мальту и Корсику, чтобы любая попытка атаки с моря была обречена на неудачу.

* * *

Тем временем в Абукирской бухте Нельсон провел ревизию захваченным французским кораблям. Три из них из-за больших повреждений были сожжены. Остальные шесть под командой Джеймса Сомареца отправлены в Гибралтар в распоряжение командующего британским Средиземноморским флотом адмирала Сент-Винсента.

Весть об истреблении французского флота быстро достигла Тулона. Приморские города погрузились в траур. Почти в каждом доме оплакивали отца, сына, брата. Люди проклинали Директорию, однако до уличных беспорядков дело не дошло. Еще свежи были воспоминания о якобинском терроре.

Причинами сокрушительного поражения французов при Абукире (в Англии и сегодня принято называть его сражением при Ниле) историки единодушно считают выдающиеся командные качества Нельсона, прекрасную выучку команд на его кораблях, которая особенно бросалась в глаза на фоне слабой подготовки французских команд, ослабленных революционными репрессиями, нерешительность адмирала Брюе и трусость командующего французским авангардом адмирала Вильнева. Последнее обстоятельство особенно волнует французских историков, которые вот уже более двухсот лет пытаются найти

объяснение более чем странному поведению командира французского арьергарда.

В отношении преступного поведения Вильнева историк французского флота адмирал Журьен де ла Гравьер писал: «Во власти Вильнева была единственная вероятность склонить перевес на сторону французов, и между тем, удерживаемые какою-то пагубною инерцией, корабли эти так долго оставались спокойными зрителями этой неравной борьбы! Они были под ветром у сражавшихся, но только мертвый штиль мог помешать им преодолеть слабое течение, господствовавшее у этого берега; штиля, однако, не было, и они одним галсом могли бы занять место, более чем приличное. Длина линии не превышала полторы мили, а им достаточно было подняться на несколько кабельтов, чтобы принять участие в деле. Корабли Вильнева имели в воде по два якоря, но они могли бы обрубить канаты в восемь, в десять вечера, чтобы идти выручать авангард, точно так же, как на другой день, в одиннадцать часов утра, они обрубили их, чтобы избежать поражения. Если бы даже они лишились средства вновь встать на якорь, то они могли бы сражаться под парусами, или, наконец, абординовать какой-нибудь из неприятельских кораблей. Словом, что бы они ни сделали, все было бы предпочтительнее, чем их бедственное бездействие...»

* * *

Что касается англичан, то и у них есть своя тайна Абукира. Дело в том, что по сегодняшний день остается вопрос: кто же принял судьбоносное решение обойти французский флот и атаковать его со стороны берега – Фолей или Нельсон? Этот спор весьма напоминает аналогичный спор английских историков о том, кто является автором знаменитого маневра прорезания французского флота в сражении при Мартинике – адмирал Родней или его флаг-капитан?

В случае Абукира авторство Нельсона, как и авторство Фолея, имеет множество свидетельств. Увы, даже этот частный факт наглядно показывает, как мало можно полагаться на память и на мнения людей. Достоверно известно, что Нельсон не делал никакого сигнала своим кораблям обходить неприятельскую линию. Очень характерное признание по этому поводу сделал капитан Гуд, который на своем корабле следовал за «Голиафом» Фолея, с которым они вместе атаковали французский линкор «Геррье»: «Этот корабль стоял всего на 35-футовой (10,5-метровой) глубине, и я все время боялся, что «Голиаф» и «Зилиес» станут на мель, и никак не допускал мысли, что мы попытаемся пройти между ним и берегом». Это признание доказывает, что Нельсон не давал на

обход французов никаких указаний. Однако при этом некоторые капитаны утверждают, что такой маневр якобы обсуждался Нельсоном ранее и Фолей исполнил только то, что он него хотел командующий. Приоритет Фолея подтверждает и английский адмирал Броун, который служил позднее с Фолеем и не раз слышал от последнего рассказ об Абукире. Броун пишет: «Положительно, могу подтвердить тот факт, что Фолей вел британскую эскадру без предварительных условий и указаний». Капитан Берри утверждал: «Составленный Нельсоном план сражения был точно выполнен в бою».

Не соответствует истине утверждение английских историков об уникальности нельсоновского маневра. Именно проходом вдоль берега в 1676 году знаменитый французский адмирал Турвиль разбил объединенный голландско-испанский флот. А еще за 300 лет до этого английский же король Эдуард Третий аналогично выиграл сражение при Слюи. И совсем уж невозможно поверить, что англичане (включая и самого Нельсона) не знали о маневре с обходом под берегом турецкого флота, примененным в 1791 году вице-адмиралом Ушаковым в сражении у мыса Калиакрия.

* * *

Впрочем, Абукир имел еще и послесловие. Через день после сражения Нельсон вызвал к себе капитана Томпсона:

– Дорогой Томас, я предоставляю тебе честь первым известить мир о великой победе британского флота. Вот пакет с моими депешами по Абукиру, доставишь графу Сент-Винсенту.

– Благодарю за оказанную честь!

Спустя несколько часов 50-пушечный линейный корабль «Леандер» покинул Абукирскую бухту, где еще догорали остатки французского флота. Среди трофеев Томпсон должен был отвезти шпаги плененных французских капитанов, которые Нельсон презентовал лондонскому лорду-мэру. На «Леандере» отправился и капитан «Вэнгарда» Берри.

На рассвете 18 августа с «Леандера» увидели к зюйд-осту неизвестный линейный корабль, приближавшийся попутным ветром.

Томпсон с тревогой смотрел на неизвестный корабль. Дистанция была еще очень большая, чтобы рассмотреть флаг, но капитан обеспокоился. Дело в том, что во время сражения корабль уже потерял более трех десятков человек, помимо этого перед выходом в море с «Леандера» передали на захваченные в сражении призы лейтенанта и пятьдесят лучших матросов. Таким образом, у Томпсона не хватало бо-

лее трети команды. Кроме этого «Леандер» никогда не принадлежал к хорошим ходокам, да и полсотни стволов для линейного корабля не бог весть что.

В своей биографии «Леандер» уже имел на счету один поединок с неприятельским линейным кораблем. В 1789 году, крейсируя у берегов Ост-Индии, он встретился с 74-пушечным французским кораблем «Плутон». Тогда все было по-иному. «Леандер» атаковал, а «Плутон» защищался. После двух часов жаркого боя «Плутон» спасся бегством. Что получится на этот раз, не знал пока никто.

Видя, что уйти ему не удастся, Томпсон велел править так, чтобы с наибольшей выгодой встретить возможного противника. Он еще не знал, что наперерез ему спешит 74-пушечный «Женере» капитана Лежоалья. Находясь в арьергарде французского флота при Абукире, Лежоаль успел обрубить якорь и выскочить в открытое море. Теперь у него был хороший шанс поквитаться за пережитый позор.

К 8 часам утра «Женере» под неаполитанским флагом приблизился на пушечный выстрел. «Леандер» в то время шел под всеми парусами в галфвинд левым галсом. Затем «Женере» сменил неаполитанский флаг на турецкий, но это было лишнее – англичане уже опознали противника.

В 9 часов утра французский линейный корабль привелся к ветру и стал выходить на позицию открытия огня.

Томпсон изо всех сил работал парусами, чтобы привести противника под свои пушки. Лежоаль, заметив это, разрядил орудия по «Леандеру», не удачно – большинство ядер пролетели перед носом английского корабля. Зато в ответ получил залп всего борта.

Поединок начался, корабли постепенно сближались. Французы приготовились к абордажу. Имея большое численное превосходство в людях, Лежоаль рассчитывал на успех в рукопашной схватке. Еще один обмен залпами. Осколком щепы был ранен Томпсон. На этот раз точнее был «Женере». Английский линейный корабль получил большие повреждения в мачтах, парусах и такелаже. Вдобавок ко всему стих ветер, что тоже было на руку французам, так как мачты «Женере» были выше, чем на маленьком «Леандере».

Теперь Томпсон не мог уклониться от навала. «Женере» ударил носом в левый крамбол «Леандера», а потом протерся вдоль его борта, сорвав несколько портов нижнего дека. Огонь английских стрелков пока сдерживал французам от атаки. Орудия обоих кораблей в упор расстреливали друг друга. Но в это время подул небольшой ветер. Первыми натянулись паруса «Женере», и, отойдя от «Леандера»,

он повернул ему под нос. Английский корабль был в самом жалком положении. Вскоре «Женере» привелся к ветру, а «Леандер» развернулся и прошел у него за кормой. Томпсон воспользовался ситуацией и разрядил французу в корму свои пушки. Это был успех, но, увы, успех последний. Тут же француз развернулся и ответил всем бортом. А так как дистанция между кораблями была самая минимальная, ни одно французское ядро не пропало даром. Был ранен капитан Берри, в него попал оторванный человеческий череп. Дважды ранен был и Томпсон.

Ветер снова стих, и на море воцарился полный штиль, но перестрелка не прекращалась. В это время «Женере», уловив легкий порыв, спустился к ветру и занял положение на левом крамболе «Леандера». Пушки английского корабля были завалены обломком фор-стенги и не могли действовать. Лежоаль, видя, что противник прекратил огонь, прокричал:

– Так вы сдаетесь или нет?

«Леандер» находился к этому времени уже в совершенно беспомощном состоянии: нижние реи упали на планширь, а весь рангоут, исключая бушприт, был сбит ядрами «Женере». Напротив того, французский корабль имел весь рангоут, исключая крьюс-стенги, целым, а потому спускался вдоль «Леандера», намереваясь зайти ему с кормы. Понимая, что после этого залпа ему конец, Томпсон прицепил на шпагу французский гюйс и принялся размахивать им, крича:

– Мы сдаемся! Не стреляйте!

Так как все шлюпки на «Женере» были разбиты, боцман и несколько мичманов бросились в воду, переплыли на «Леандер» и вступили в командование призом.

Всего бой длился шесть часов. За время боя «Леандер» потерял трех мичманов и более трех десятков матросов, почти шестьдесят человек были ранены. Позднее англичане писали, что французы потеряли сотню убитыми и две сотни ранеными, но эти цифры сильно завышены. Вряд ли потери на «Женере» были больше, чем у англичан.

Историк Джеймс, сам пораженный поведением своих сдавшихся соотечественников, пишет: «Экипаж «Леандера», покорявшийся угнетениям новых владельцев, более всякого другого доказал ненарушимость правил сдачи; львы превратились в ягнят, и неповиновение их оказалось только в самовольном спуске шлюпки для перевоза капитана Томпсона и офицеров на «Женере», также для взятия с французского корабля человека высших достоинств с более благородными чувствами, нежели бессмысленные мичмана, к нам прибывшие. Капитан Томпсон и офицеры его, ждавшие ласкового приема, скоро увидели свою

ошибку. Французский командир совершенно ободрал их. Лежоаль позволил пленнику оставить у себя только три рубашки и взамен платья дал ему старую шинель. Корыстолюбец не позволил даже храброму капитану удержать куртку, в которой он был ранен».

Томпсон и офицеры старались умиловить французов, но тщетно.

– Очень жаль, но мои матросы привыкли грабить, – посмеялся Лежоаль над сетованиями своего английского коллеги.

В разговор вмешался капитан Берри:

– Пусть ваши люди вернут мне пару моих турецких пистолетов, их отнял какой-то ваш матрос.

– Это наглость! – согласился Лежоаль.

Матроса-мародера нашли, отобрали дорогие пистолеты, но они понравились Лежоалу и он забрал их себе.

Отобрали французы ланцеты и у английского врача.

– А чем мне оперировать раненых? – опешил тот.

– Вначале наши врачи прооперируют наших раненых, а потом вы займетесь своими, впрочем, возможно, что к тому времени работы у вас будет уже не так много! – посмеялись французские матросы.

Тем временем английские матросы вооружили фальшивый рангоут, часть запасного такелажа перевезли для этого с «Женере».

Когда оба корабля двинулись к Корфу, вдалеке показался бриг «Мютэн», который вез дубликаты писем Нельсона. Увидев приближение английского брига, французы загнали на «Леандере» команду в трюм, забили люки и приготовились к бою. Любопытно, что на брига избитый «Леандер» не опознали. Его приняли за французский «Вильгельм Тель», а потому предпочли обойти линейные корабли стороной.

На Корфу пленным английским офицерам разрешили вернуться в Англию под честное слово. Матросы же остались в плену.

Мы еще встретимся и с «Женере», и с его капитаном Пьером Лежоалем...

Глава седьмая

ПАРУСА, ПОЛНЫЕ ВЕТРА

В Константинополе известие о высадке французов в Египте и захвате Александрии вызвало настоящий шок. Этого, разумеется, все давно опасались, но надеялись, что ничего подобного не случится, ведь у французов столько дел в Европе! И вот теперь безбожники франки грабят главную житницу Высокой Порты! Напрасно Бонапарт пытался представить захват Египта как свержение мамлюков во имя султана.

Обмануть в Константинополе ему не удалось никого. Там множилось слухи, что Бонапарт поклялся страшной якобинской клятвой разорить Мекку и Медину, а в Иерусалиме восстановить жидов. Это было уже слишком! Разгневанный Селим Третий во всеуслышание объявил:

– Я готов без усталости воевать тридцать лет, спать на войлочной циновке, греться у тлеющего кизяка и питаться прелыми лепешками, но я вышвырну франков из Египта!

Толпы горожан кричали, требуя объявления газавата. Янычары били себя кинжалами в грудь и, истекая кровью, умоляли послать их убивать проклятых франков. Великий визирь Изет-Мегмет-паша немедленно отдал распоряжение о подготовке турецкого флота к нападению на французов у египетских берегов.

После недолгих разговоров с членами дивана Томара понял, что объявление войны Франции – вопрос уже решенный.

А вскоре великий визирь пригласил к себе русского посла и без долгих экивоков предложил объединить флоты.

– Но ведь договор между нашими державами еще не подписан? – на всякий случай поинтересовался Томара, хотя все прекрасно понял.

– Э! Договор – простая бумажка! – махнул рукой Изет-Мегмет-паша. – Мы его все равно подпишем, пока же надо напасть на франков. Слуга дьявола Бонапарт алчен, проглотив Египет, он захочет проглотить и Стамбул. И как знать, наестся ли он тогда и не захочет ли еще полакомиться Россией!

– К сожалению, флот наш сейчас в крейсерстве, – развел руками посол. – И прежде чем плыть к Египту, ему надо вернуться в Севастополь и пополнить запасы.

– Ай! – вскинул вверх ладони великий визирь. – Слушай, зачем возвращаться! Что надо, мы все дадим!

– Думаю, снаряжение не займет много времени. Во главе эскадры известный вам Ушак-паша. Он сумеет быстро приготовить корабли.

– Пусть Ушак-паша и плывет к Египту! – сразу оживился великий визирь. – Вашего капудан-пашу Мордвина нам не надо! Он глуп на море, и франки его побьют. А Ушак-пашу мы помним хорошо, много бед он сделал в прошлую распрю. Пиши царю Павлу, что султан просит только Ушак-пашу!

– Думаю, что через месяц вы сможете предупредить начальников крепостей в Босфоре о прибытии российских кораблей, – подумав, объявил Томара.

* * *

В последние дни июня император Павел Первый разбирался с очередной жалобой с Черноморского

флота. Вместе со своим любимцем адмиралом Кушелевым он решал, как прекратить изрядно всем надоевшую тяжбу двух черноморских флагманов – Мордвинова и Ушакова.

На Черноморском флоте на самом деле было далеко не все ладно. Дело в том, что с момента своего создания при Екатерине Второй Черноморский флот не подчинялся адмиралтейств-коллегии и был почти полностью самостоятельным. На этом тогда настоял всесильный князь Потемкин, который подчинил флот лично себе. Это облегчало светлейшему решение на месте многих вопросов. Но умер Потемкин, потом ушла из жизни императрица Екатерина, а южный флот России так и остался подчиненным самому себе. Старшего черноморского флагмана адмирала Мордвинова такое положение дел вполне устраивало. Еще бы, ведь он никому не был подотчетен и властвовал так, как ему хотелось.

Личность адмирала Николая Семеновича Мордвинова вообще весьма примечательна. В прошлую войну с турками он показал себя как совершенно никчемный флотоводец и был отрешен от командования кораблями. На берегу Мордвинов чувствовал себя увереннее. Он любил заниматься хозяйственными делами, считался просвещенным экономистом, слыл либералом и значился масоном. Уже много лет спустя масоны-декабристы будут именно его прочить в масонское правительство России. А потому частный, на первый взгляд, конфликт между русофилом Ушаковым и масоном-англоманом Мордвиновым на самом деле имел весьма серьезную подоплеку.

Когда после воцарения у Павла Первого дошли руки до черноморцев, то он своим указом вернул самостийников в лоно адмиралтейств-коллегии. Однако одно дело написать указ и совсем другое – воплотить его в жизнь. Известие о подчинении адмиралтейств-коллегии мгновенно разделило черноморцев на две партии. Первая из них, состоявшая из чиновников флотских управлений, сидевших в Николаеве, во главе с главным командиром Черноморского флота и портов адмиралом Мордвиновым, была недовольна указом, ведь отныне они не могли единолично распоряжаться огромными деньгами и властвовать так, как хотела их левая нога. Другая часть черноморского офицерства – корабельные офицеры, и в первую голову командиры судов, находящиеся в Севастополе, наоборот, были рады концу чиновничьего произвола и почти узаконенного воровства. Эту партию возглавил командующий корабельной эскадрой вице-адмирал Ушаков.

Противостояние двух группировок сразу же стало очень острым. Поводом для конфронтации стала постройка двух новых линейных кораблей – «Святой Петр» и «Захарий и Елисавет». Херсонский корабельный мастер Катасонов впервые в российском кораблестроении применил в них новую конструкцию: бак и шканцы были соединены сплошной палубой. Это давало ряд преимуществ, прежде всего, повышалась жесткость корабельной конструкции. Строительство линейных кораблей происходило по инициативе Мордвинова, что сразу вызвало неприятие в Севастополе.

Против новоустроенных кораблей решительно выступил вице-адмирал Ушаков. Севастопольский флагман и его окружение считали новые корабли неудобными в работе с парусами из-за излишней задымленности при ведении огня и большой парусности корпуса, которая затрудняла маневрирование. Дело осложнялось еще и тем, что командиром «Святого Петра» являлся капитан 1 ранга Сенявин, сторонник Мордвинова и давний недруг Ушакова. Когда-то Сенявин, еще будучи молодым генерал-адъютантом князя Потемкина, ослушался и сдержал Ушакову, но был быстро поставлен на место самим князем. Теперь же Сенявин нашел поддержку у Мордвинова и, пользуясь этим, снова частенько выходил за рамки субординации.

Командиром же «Захария и Елисавет» являлся, наоборот, один из ближайших соратников командующего эскадрой капитан 1 ранга Ознобишин. Оба они давали совершенно противоположную оценку мореходным и боевым качествам своих кораблей. Если Сенявин хвалил новую конструкцию, то Ознобишин, наоборот, считал ее весьма неудачной. Для Мордвинова негативное отношение Ушакова к его нововведению было очень болезненным, так как в случае проигрыша спора он оказывался в дураках перед императором Павлом и сразу возникал вопрос о его компетенции как моряка. Так как адмиралтейств-коллегия негативно относилась к сепаратизму Мордвинова и к нему самому, то ее члены немедленно поддержали Ушакова. В затянувшийся на два года скандал постепенно втягивался все более широкий круг людей, вплоть до самого Павла Первого. При этом в ход шло все: подтасовка фактов, давление на подчиненных и доносы, где преуспевала мордвиновская партия.

Поддерживая Ушакова, адмиралтейств-коллегия провела финансовую инспекцию в Одесском порту, где выявила вопиющее воровство. Над Мордвиновым стали сгущаться тучи. Теряя выдержку, он опустился до прямых оскорблений командующего эскадрой. Тот, не оставшись в долгу, написал жалобу на высо-

чайшее имя, жалуясь «на неприятство и политическое притеснение».

Затем последовал откровенный скандал. Началось с того, что на совещании флотских флагманов Ушаков пожаловался Мордвинову на недостойное поведение его любимца Сенявина.

– Вы, Федор Федорович, просто не умеете обходиться со своими подчиненными и поступаете с ними жестоко, – публично одернул Ушакова старший черноморский флагман.

Тот не смог не ответить:

– Таковой сделанный мне штраф делает меня уже недостойным и неспособным выполнять высочайшую волю и повеления.

– А вы и есть точно недостойный! – оскорбил при всех заслуженного флотоводца Мордвинов.

Именно тогда вице-адмирал и написал на высочайшее имя письмо, которое и сегодня нельзя читать без волнения: «Ревность и усердие о сохранении интереса Вашего Императорского Величества с некоторого времени подвергли меня гневу и негодованию моего начальства... Смерть предпочитаю я легчайшую несоответственному поведению и бесчестному служению. Всеподданейше испрашиваю Высочайшего позволения, после окончания кампании, быть мне на малое время в Санкт-Петербурге, пасть к стопам Вашим и объяснить лично вернейшим и обстоятельнейшим донесением о состоянии тех двух кораблей».

Было очевидно, что далее держать двух флагманов на одном флоте нельзя. Но Мордвинов в столицу командующего эскадрой не отпустил. Главный командир Черноморского флота поспешил туда сам, формально якобы для того, чтобы предоставить отчет об административной деятельности флота, на самом же деле чтобы уладить вопрос о вскрытых злоупотреблениях в Одесском порту и нанести удар по ушаковской партии.

Вместо себя на флоте он вынужден был оставить первого по старшинству. Таковым же являлся Ушаков. Однако вместо того, чтобы ехать интриговать в Николаев, вице-адмирал сказался больным и большую часть времени провел в Севастополе.

Впрочем, Мордвинова не зря считали одним из лучших экономистов и администраторов России, от всех обвинений он отбил и из столицы вернулся победителем.

Тем временем всю кампанию 1797 года Ушаков собирал данные о плохом качестве новопостроенных кораблей и по окончании кампании отправил в адмиралтейств-коллегию обобщенную бумагу. Коллегия в свою очередь запросила мнение петербургских корабельных мастеров. Те единодушно высказались за нововведения своего херсонского коллеги

Катасонова. Но Ушакова дружно поддержали члены адмиралтейств-коллегии, а вслед за ними и балтийские флагманы. В этой ситуации Павел Первый долго сомневался, чью сторону принять. Наконец, велел от нововведений отказаться и пока строить корабли по старому.

Но Мордвинов сдаваться не собирался. В пику Ушакову в следующем, 1798 году он велел произвести новые испытания «Святого Петра» и «Захария и Елисавет». Состав комиссии на этот раз адмирал утвердил сам, включив в нее своих людей. Исключение составил лишь Ушаков, которого Мордвинов просто не мог не включить в силу занимаемой тем должности. Разумеется, что мордвиновская комиссия сделала выводы, совершенно противоположные прошлогодней ушаковской. Единственным членом комиссии, который отказался подписать положительное заключение, был, конечно же, Ушаков. Трудно сказать, сколько бы еще продолжался скандал вокруг двух линкоров, если бы 4 августа 1798 года в Севастополь не прискакал императорский фельдъегерь с бумагой, которая сразу ставила точку на всех местных дрязгах.

А пока император и президент адмиралтейств-коллегии решали вопрос, как быть дальше с изрядно уже всем надоевшей историей с двумя линейными кораблями и как лучше развести в стороны двух строптивых черноморских адмиралов.

– Мордвинов хорош как администратор, но совершенно негоден как флотоводец, – внушал императору президент адмиралтейств-коллегии Кушелев. – Что касается Ушакова, то он прекрасный воин и в преддверии событий в Европе будет весьма востребован.

– Что ты предлагаешь? – хмуро посмотрел на своего любимца Павел.

– Если мы действительно соберемся посылать Черноморский флот в Средиземное море, то лучшей кандидатуры для командования и не найти.

– Что ж, когда примем окончательное решение, вернемся и к кандидатуре Ушакова, – закончил разговор император. – Что там еще?

В приоткрытую дверь выдвинулся дежурный генерал-адъютант:

– Ваше Величество, к вам канцлер граф Безбородко по неотложному и важному делу.

– Пусть войдет, – кивнул Павел.

Кушелев привстал, давая понять, что готов удалиться, но Павел махнул рукой, сиди, мол.

По тому, что канцлер просил аудиенции, не дождавшись своей очереди, и по выражению его лица Павел понял – канцлер принес весьма важные и срочные новости. Так оно и было!

Поклонившись, Безбородко молча положил перед императором письмо российского посла в Турции. Пробежав глазами текст, Павел вскочил с кресла. Томара черным по белому писал, что турки созрели к союзу с Петербургом, причем выражают не только готовность пропустить наш флот в Средиземное море, но и сопутствовать ему своими кораблями.

– Немедленно писать указ о выходе в море Севастопольской эскадры и ее готовности к бою с французами, ежели оные дерзнут войти в пределы черноморские! – выкрикнул возбужденный Павел Безбородко. – Старшим флагманом определяю вице-адмирала и кавалера Ушакова.

– Отлично, Ваше Величество, – заулыбался Павлу Кушелев. – Вы только что одним махом разрубили гордиев узел. А я уж велю, чтобы в эскадру Ушакова были включены и два столь неугодных ему корабля. Пусть он их в бою и проверит.

В тот же день из Петербурга в Севастополь к Ушакову поскакал фельдъегерь с новым императорским рескриптом.

* * *

Капитан-лейтенант Шостак прохаживался по правой стороне шканцев – десять шагов в одну сторону, столько же в другую. Правая сторона – привилегия командира. Здесь он может в одиночестве думать и принимать решения. Вахтенный матрос, позевывая, перевернул песочные часы и пробил в рынду восемь склянок – 4 утра, смена вахты.

Почти одновременно со «Святого Павла» ударила сигнальная пушка – начать съемку с якорей.

– Сниматься с якоря! – велел вахтенному начальнику уже давно ждавший сигнала Шостак.

Едва показался из воды якорь, фрегат сразу развернуло кормой. «Григорий» прекрасно слушался руля, матросы на полубаке усердно налегали на брасы, повинувшись командам лейтенанта Ратманова:

– На шпигеле стоять наготове! Ослабить грот! Марсовым приготовиться поднимать топселя!

Шостак слушал команды, не вмешиваясь. Зачем мешать, когда старший офицер и сам прекрасно знает свое дело.

К 8 часам утра при умеренном юго-восточном ветре эскадра снялась с якоря. Передовыми взяли курс на выход фрегат «Счастливый» и транспорт «Красноселье». «Григорий» же, завершив маневр, лег в кильватер выходящей из бухты «Марии Магдалины». Паруса быстро набрали ветер. Ратманов еще немного скорректировал курс, и вот уже фрегат начал легко резать волну. Пока выбирали якорь, пока

выходили из бухты, сменилась вахта. Вместо старшего офицера заступил еще совсем молодой мичман Миша Васильев. Мичман Шостаку нравился и умом, и старанием. Именно поэтому он и доверил стоять Васильеву не простым вахтенным офицером, а вахтенным начальником. Для мичмана это и доверие, и ответственность особые!

Выстроившись в три колонны, эскадра начала повеленное плавание. На российских кораблях пассажиров нет, а потому на время плавания все морские солдаты были разделены на три смены. Одна должна была на палубе дышать свежим воздухом, а остальные помещались внутри судна. Ежедневно все солдаты для чистоты и здоровья мыли жилые палубы теплым уксусом. Когда позволяла погода, открывали нижние порты, выносили проветривать постели и вещи.

Чтобы служивые не маялись бездельем, их сразу же обязали нести караул. Часовые стояли с заряженными ружьями и зорко смотрели вдаль, чтобы не подходили к кораблю никакие суда без донесения о том вахтенному офицеру. Караул был заведомо бессмыслен, но людей надо было хоть чем-то занять. Особый солдат был поставлен наблюдать и за песочными часами в кают-компани. Едва вышли из бухты, гренадеры уже пытались тренироваться метать во вражеское судно гранаты с марса. С матросами солдаты тоже быстро нашли общий язык, выявились и землячки, и старые знакомцы.

...Стоявший в стороне от Шостака штурман то и дело бросал взгляд на барометр, потом оглядел горизонт, пытаясь определить погоду на ближайшие часы.

– Курс зюйд-вест-вест! – велел Шостак.

– Если переменить галс, чтобы удерживать свое место в ордере, достаточно будет лишь держаться круче к ветру, – подошел к командиру Ратманов.

– Дайте распоряжение рулевому и занесите в шканечный журнал, – отозвался командир, а спустя несколько минут добавил: – Вахтенный начальник, пора менять галс!

– Лечь на другой галс! Повернуть грот! Тяни! – уже вовсю командовал старший офицер.

Шостак тем временем перешел на ют, чтобы посмотреть, как будет исполняться маневр, а заодно глянуть, насколько поворотлив сам фрегат при полной загрузке.

Миша Васильев, стоя у штурвала, нервно поглядывал на паруса и пенный след за кормой. Впервые он самостоятельно командовал маневром такого большого судна, да еще на виду всей команды. Это был его экзамен, и мичмана била мелкая противная дрожь.

Вахтенные матросы привычно застыли на местах в ожидании приказаний.

– Руль под ветер, – крикнул, дождавшись подходящего, по его мнению, момента Васильев. – Повернуть кливер и фок!

Шостак поглядел на паруса. Мичман явно поторопился и дал команду раньше, чем нужно. На командира вопросительно глянул Ратманов. Вместо ответа Шостак отрицательно покачал головой – останавливать не надо, пусть молодежь учится на своих ошибках,

Передние паруса между тем заполоскали и начали медленно поворачиваться.

– Закрепить кливер и фок! – кричал Васильев.

Фрегат уже начал поворачиваться, слегка кренясь, еще несколько мгновений, и поворот оверштаг будет завершен.

– Повернуть грот! Тяни! – волнуясь, скомандовал Васильев.

Наступил главный момент всей операции. Матросы свое дело знали. Булины и брасы по левому борту натянулись одновременно со снастями. Заскрипели, разворачиваясь, грота-реи. Но «Григорий» не торопился поворачивать до конца. Он на мгновение застыл, а затем развернулся на два румба в прежнем направлении. Паруса на мачтах заполоскали, сведя на нет все предыдущие усилия. Фрегат беспомощно закачался на волнах. Все надо было начинать сначала. Васильев стоял потупив глаза, красный как рак.

– Ваша ошибка, мичман, в том, что торопитесь. Повторите маневр! – сказал вахтенному начальнику Шостак и снова отошел в сторону, чтобы не смущать своим присутствием.

На этот раз Васильев все сделал как должно, и поворот был успешно завершен.

– Эй, на фок! Подтянуть брасы, закрепить паруса! На руле так держать! – уже бойко командовал довольный собой Васильев, искоса поглядывая на молча прохаживавшегося в отдалении Шостака.

Что ж, для начала вполне неплохо. И Шостак молча спустился к себе в каюту.

Подойдя к проливу, эскадра должна была ждать распоряжения посланника Томары. Штурмана, раскатывая карты, только чесали головы:

– Сколь служим, никогда еще такого не чертили!

На картах тонкая и точная, как стрела, линия перечеркивала все Черное море от Севастополя до Константинополя.

* * *

На море человек предполагает, а Господь располагает. Спустя два дня начал усиливаться ветер, вначале до рифмарсельного, а затем и вовсе до штормового.

Фрегат внезапно провалился носом вперед, и Шостак с трудом удержался на ногах. Приступ морской болезни заставил пошатнуться и ухватиться за планширь. Фрегат снова ушел носом вниз, корма задралась, и капитан-лейтенанта швырнуло вперед. Палуба под ногами вздымалась и кренилась одновременно, так что устоять на ногах не было никакой возможности, но если матросы могли позволить себе передвигаться на карачках, то командир был обязан твердо стоять на ногах, чего бы это ему ни стоило.

– Как слушается руля?

Рулевой для пробы переложил на пару румбов, скривился, услышав хлопанье паруса, и завертел штурвал обратно.

– Хорошо! Зажимает, но самую малость, ежели бы немного на ветер, совсем хорошо бы было.

– И так сойдет!

Чтобы отвлечься от подступающей к горлу тошноты, Шостак смотрел, как мечется стрелка в матке нактоуза, пытался учесть смещение под ветер и скорость фрегата. Но сложить все воедино никак не удавалось. Шторм с каждой минутой усиливался и усиливался.

Так проштормовали почти двое суток. Едва ветер немного спал, командиры начали докладывать Ушакову, что у кого приключилось. На «Святой Троице» был поврежден руль, на «Марии Магдалине» и других судах сильная течь.

В эпоху парусного флота льяльные воды вообще были неизбежным злом, так как герметичности корабельного корпуса добиться было невозможно. Щели в обшивке все время расходились от ударов волн. Порой уровень воды достигал 2-3 футов, а то и больше. По этой причине во время штормов команды были обречены на каторжные шестичасовые вахты у цепных помп. Так было и в этот раз.

Затем над «Павлом» подняли сигнал вызова капитанов на совет. Посовещавшись, Ушаков обошел шлюпкой все корабли и лично их осмотрел. Настроен вице-адмирал был мрачно, еще бы, только вышли в море – и такая незадача. Но делать нечего. Пришлось «Троицу» с авизо «Ириной» под началом Овцына возвращать в Севастополь на ремонт. Остальным же чиниться прямо в море.

Подняв паруса, эскадра продолжила путь к румелийским берегам. Утром 22 числа с салинга фрегата «Счастливей» прокричали:

– По курсу вижу берег!

– Это мыс Эмине, – сразу же уточнили штурмана. – А на зюйд-вест виден Сизеболи. А к зюйд-осту мыс Центавр.

Не доходя Босфора, эскадра легла в дрейф в ожидании возвращения из Константинополя авизо «Панагия». Наконец из пролива показался авизо. На нем Тизенгаузен и чиновник нашей миссии.

– Ваше превосходительство! – доложились они Ушакову. – Султаном Селимом дано разрешение на вход в проливы.

– Тогда не будем задерживаться, – махнул рукой вице-адмирал. – Поднимай паруса!

Впереди по сторонам узкой щели пролива высились его безмолвные сторожа – крепости Пойрас и Карибше.

На входе в Босфор эскадру встретил порывистый нордовый ветер. Один за другим корабли клали якоря в столь непривычном для них месте.

Едва Селиму доложили о появлении русских кораблей, тот радостно потер ладони:

– А теперь по нашему древнему обычаю посадите посла франков в Семибашенный замок на самую тяжелую цепь! Впереди у него теперь целая вечность!

Когда бедного посла тащили на веревке в тюремный замок, толпы народа осыпали его проклятьями и плевали вслед. Увы, но такова была доля многих дипломатов в Турции.

...Корабли Ушакова уже подходили к босфорским кручам, когда император Павел подписал полномочия послу Томаре на заключение договора с Турцией.

В те дни в турецких верхах произошла весьма значимая рокировка: вместо престарелого Изет-Мегмет-паши новым великим визирем был назначен молодой и деятельный Юсуф-Зея-паша, давно известный своими симпатиями к России. Это был знак Петербургу, и там его поняли.

* * *

В полдень 25 августа 1798 года российская эскадра при легком попутном ветре вошла в пролив. Медленно один за другим линейные корабли России втягивались в узкие каменные врата. И офицеры, и команды не сводили глаз с окрестных берегов, зубчатых крепостей и селений. Вот он – Босфор, желанный трофей прошлой турецкой войны, престол великой Византии и мечта российских политиков! Как странно, что на сей раз Андреевский флаг приветствуют здесь не калеными ядрами, а несмолкаемым салютом и криками радости.

Из воспоминаний Егора Метаксы: «Мы сидели все в кают-компании и завтракали. Как вдруг восклицания «Царьград! Царьград!», часто повторенные

наверху матросами, заставили нас взбежать поспешно на шканцы. Какое зрелище поразило вдруг глаза наши! Нет! Ничто не может быть прелестнее, величественнее и живописнее вида Константинополя...»

Константинополь открылся сразу в великолепии Святой Софии, убегающих вверх кварталов, обилия кипарисов. Воды пролива были заполнены снующими лодками, играющими дельфинами и множеством птиц. С палуб офицеры и матросы с интересом разглядывали берега. Проходя мимо султанского дворца, на кораблях посылали матросов по вантам. С берега янычары били в литавры и в барабаны, что-то кричали. Султану наши палили, как и положено по морскому уставу, 21-м залпом.

Якоря бросили у Буюк-дере – загородного района, где жили послы и местные богатеи. Прямо напротив эскадры дом российского посла. Приходу союзников турки радовались несказанно. Были они учтивы, предупредительны и доброжелательны. Из воспоминаний В.С. Томары: «Публика более еще ею (эскадрой. – **В.Ш.**) обрадована, нежели я полагал». Корабли и суда были сразу же окружены большим количеством лодок и фелюг, набитых любопытствующими. Зеваки глазели на непобедимые русские корабли, и каждый надеялся разглядеть на их палубе грозного Ушак-пашу.

Не стал исключением и сам султан Селим. Переодевшись разносчиком воды, он в тот же день обошел всю нашу эскадру, внимательно все осмотрев. При этом и придворная челядь, и гребцы в шести его лодках были наряжены босяками. Большого нормы османского этикета сделать ему не позволили. Более всего Селиму понравился флагманский «Святой Павел», и султан попросил дать его чертеж, чтобы отныне строить и себе такие же. Томарой это было обещано.

Тем временем на борт «Святого Павла» прибыл переводчик-драгоман адмиралтейства с фруктами и цветами. Подарки любезно приняли. В кают-компаниях потом молодые мичмана долго острили насчет цветов для Ушак-паши. Помимо подарков драгоман привез и декларацию о свободном плавании через проливы.

А по городу уже множились разговоры о необычных москвитях. Любимец султана Юсуф-ага не скрывал своего удивления:

– Клянусь Аллахом, но дюжина кораблей москвитов делают шума меньше, чем одна турецкая лодка!

Не скрыл своего удовлетворения и новый великий визирь, заявивший при встрече нашему послу:

– Ваши морские служители столь кротки в обращении, что не причиняют жителям нашим никаких обид.

Для турок, уже давно привыкших к своим вечно бунтующим, дерущимся и грабящим всех подряд матросам–галионджи, это было действительно удивительным.

Вечером первого дня стоянки согласно установленному распорядку матросы собрались на баках своих судов, чтобы попеть любимые песни. В открытое кормовое окно Ушаков услышал, как на «Павле» запевалы прокричали озорую:

*– Сколько по морю ни плавал –
Моря дна не доставал.
Сколько в девок ни влюблялся –
Все по Маньке тосковал!
Я и Манька больно хитры –
Друг на дружку не глядим.*

Веселую плясовую подхватили уже десятки голосов:

*– При народе ходим порознь,
Без народа посидим.
Раз деревня, два село,
Это Матаньку повело.
Напилася самогону
Да и выпала в окно!*

Вице-адмирал велел было пение прекратить, чтобы не нарушать местные обычаи, но собравшиеся вокруг судов на лодках турки криками потребовали продолжения концерта.

– Ладно! – махнул рукой Ушаков. – Пусть поют!

Турки слушали песенников до самого отбоя, весело прихлопывая руками в такт поющим.

На следующий день в Бебекском дворце состоялось совещание союзников. От турок был рейс-эффенди Измет-бей, от англичан – посол Спенсер Смит, от России сразу двое – посол Томара и Ушаков.

Каждая из сторон желала извлечь из нового союза свою выгоду. Турки, получив подлый удар от старого друга, желали вышвырнуть Бонапарта из Египта, а заодно укрепиться на Балканах. Англичане смертельно боялись вторжения французов в Индию и мечтали о полном разгроме ненавистной республики. Что касается России, то она стремилась обезопасить свои южные границы, а также вернуть орден иоаннитов на Мальту.

Перво-наперво все поздравили посла Смита с победой над французами при Абукире. Тон на совещании задавал российский посол. Получив широкие полномочия из Петербурга, Томара был отныне свободен в своих действиях.

– Полагаю, что союзная русско-турецкая эскадра могла бы с успехом действовать в Архипелаге и Венецианском заливе и у Александрии, – заявил он с ходу.

Слушая посла, рейс-эффенди довольно кивал головой. Турки давно облизывались на никогда не принадлежавшие им Ионические острова, и вот наконец появилась реальная возможность прибрать их к рукам. Измет-паша выдержал долженствующую паузу, после чего спросил:

– Хотелось бы выслушать и досточтимого Ушака-пашу.

Вице-адмирал был немногословен:

– Надлежит, не теряя времени, плыть соединенно к Ионическим островам и, прибыв туда, атаковать французов со стороны Албании.

Ответ рейс-эффенди пришелся по вкусу. Относительно дальнейших планов французов мнения разошлись. Английский посланник Спенсер Смит не уставал говорить об опасности Индии. На что возражал Томара:

– Ост-индийский проект лишь завеса, чтобы отвлечь всех нас от главной цели якобинцев, – говорил он. – Пусть даже Бонапарт пересечет Аравийскую пустыню. Но как он доберется морем до Индии, ежели у него там нет ни одной лодки?

– О, вы не знаете этих лягушатников! – всплеснул руками англичанин. – Они всегда имеют в уме какой-то хитрый ход!

– Что же, по вашему мнению, волнует сейчас Бонапарта? – сразу посерьезнел Измет-бей.

– Думаю, что их директория готовит революцию в Морее и собирает для того войска на Венецианских островах.

– Вай-вай-вай! – запричитал рейс-эффенди. – Какое низкое коварство! Наши сердца напоены ненавистью против проклятых Аллахом франков!

Спенсер Смит отдельно переговорил с Ушаковым, попросив его уведомлять контр-адмирала Нельсона о своих планах. Тот не возражал.

В конце совещания Томара зачитал обращение к жителям Ионических островов: «Его Императорского Величества императора и самодержца Всероссийского вице-адмирал и кавалер Ушаков – командующий эскадрой государя своего, с эскадрой Блистательной Порты соединенную приглашает обывателей островов Корфу, Занте, Кефалонии, Св. Мавры и других прежде бывших венецких воспользоваться сильною помощью соединенного оружия государя своего и Его Величества султана для извержения несносного ига похитителей престола и правления во Франции и для приобретения прямой свободы, состоящей в безопасности собственной и имени каждого под

управлением, сходственным с верою, древним обычаем и положением их страны, которое с их же согласия на прочном основании учреждено будет».

Присутствующие с ним согласились. Решили также послать к Родосу по два фрегата от нас и турок для усиления крейсировавшего там английского отряда.

– От российской стороны будут отправлены «Святой Михаил» и «Казанская Богородица» под началом капитана второго ранга Сорокина, – уточнил Ушаков.

Затем Измет-бей клятвенно обещал отправить во все подвластные владения фирман о содействии русскому флоту. А кроме того, вызвался, что отныне довольствоваться всем необходимым славного Ушак-пашу также будут турки. Сам Ушак-паша против этого тоже не возражал.

А стоящие на якорях российские корабли жили своей повседневной жизнью. В 6 утра пробуждение, затем приборка, завтрак, подъем флага, корабельные работы и учения. В полдень обед, затем неизменный адмиральский час и снова работы и учения, до самого отбоя. В море матросы питаются два раза в день. И на берегу, и в море матросы едят артелями по семь человек у котла. Делалось это для удобства расчета, так как сколько полагалось еды семи матросам в один день, ровно столько же полагалось и одному человеку в неделю. Пищу варили в одном большом котле «по-единому, а не по прихотям», при этом кокам категорически запрещалось что-либо принимать для приготовления пищи у команды, кроме свежего мяса и рыбы, да и то только в указанные дни.

Матросская норма считается одной порцией. От нее ведется счет порциям всех должностных лиц команды, которые получали свои порции деньгами. Они так и называются – порционные деньги. Согласно петровскому уставу адмиралы и флагманы имеют 6 установленных порций, капитаны – 4 порции, капитан-лейтенанты, лейтенанты, мичманы, секретари и лекари – по 2 порции, штурманы, шкиперы, боцманы – по 1,5. Священнику, если он из монахов, полагался отдельный котел, если же он являлся представителем белого духовенства, то вкушал пищу вместе с офицерами.

Два дня спустя по просьбе великого визиря Ушаков осмотрел определенную под его начало турецкую эскадру, Топхану (адмиралтейство) и арсенал.

Турецкие корабли были на совесть построены французским мастером Ле-Брюном, обшиты медью и легки на ходу. Пушки тоже были медные и в полной исправности. Паруса, однако, турки шили из бумажной материи, а потому к дальнему плаванию абсолютно негодные, непрочным был и такелаж.

На флагманском корабле турки показали примерную стрельбу из пушек. Хотя зрелище это было весьма жалкое, Ушаков дипломатично похвалил капитана корабля.

С особым интересом побывал вице-адмирал на новом линейном корабле, только что пришедшем из Синопа. Дело в том, что командовал кораблем только что вернувшийся из ссылки известный алжирский пират Сеит-Али. Восемь лет назад именно он похвалялся разбить Ушак-пашу в морском сражении, а самого его привезти султану в клетке. Но сам был наголову разбит при Калиакрии, после чего и отправлен в ссылку. И вот теперь новая встреча. Сеит-Али встретил русского вице-адмирала с трубкой во рту, на поводке ручной лев. При приближении кого-либо к хозяину лев недобро порывкивал. На Ушакова эти причуды впечатления не произвели. Современники не оставили нам описания общения двух бывших противников. Однако, думается, вряд ли эта встреча была особо сердечной.

Прибывший к Ушакову терсан-эмини (генерал-интендант) клятвенно обещал снабжать всем необходимым наших моряков все время его плавания.

– Поживем – увидим, – дипломатично ответил вице-адмирал.

Тогда же он отправил письмо контр-адмиралу Нельсону. Поздравив его с победой у Абукира, Федор Федорович изложил план предстоящих действий русско-турецкой эскадры и заверил, что при необходимости готов оказать английскому флоту помощь. Это послание положило начало переписке двух флотоводцев.

Тогда же прибыл на эскадру и греческий священник Дармаро, посланный патриархом Григорием для возбуждения греков против якобинцев.

* * *

Перед отплытием Селим, желая изъяснить благоволение отходящему флоту, велел выдать нашим матросам две тысячи червонцев. Такая щедрость воспринята была с удовольствием. Затем прибыли лоцманы, знающие Архипелаг и Ионическое море. Привезли из адмиралтейства и новые рули вместо поврежденных штормом.

Выход эскадры был назначен на 4 сентября. Но его пришлось отложить. В тот день на рассвете небо заволкли низкие тяжелые тучи. Начался сильный ветер. С моря появился разбитый штормом турецкий корабль без бушприта и стенок. Ветер с каждым часом набирал силу, и вскоре все вокруг потонуло в бешеном реве бури, шуме волн, грохоте грома. Суда метались, словно испуганные кони на привязи. На ли-

нейном корабле «Святая Троица», вернувшись два дня назад из Севастополя, не выдержали якорные канаты, и его стало опасно дрейфовать к берегу.

А стихия все бушевала, казалось, буйству непогоды не будет конца. Три дня свирепствовал шторм. Лишь к утру 8 сентября ветер стал постепенно утихать, и Ушаков, не дожидаясь, пока он прекратится вовсе, распорядился сниматься с якоря и вступить под паруса.

А ночью ударами молний подожгло фор-стенгу на «Григории», на «Сошествии» же грот-стенгу. Пришлось поволноваться и Шостаку, и капитан-лейтенанту Константинову. Впрочем, едва ветер стих, стены быстро заменили.

Уже перед отплытием на «Святой Павел» прибыл Томара. Посол сразу же перешел к делу:

– Дорогой Федор Федорович, плавание ваше будет весьма необычно по причине присутствия турецких судов. У союзников наших, как вы знаете, свои понятия о правилах войны, и мой вам настоятельный совет: не вмешивайтесь в их обращения ни с пленными, ни с их добром. Турки есть турки, и нам их не исправит!

– А как же человеколюбие? – нахмурился вице-адмирал. – Турки что же, как всегда, начнут головы пленникам резать?

– Увы, увы, увы! – развел руками дипломат. – Впрочем, Кадыр-бей слывет среди прочих злодеев едва ли не самым сострадательным, а потому старайтесь убеждать его к человеколюбию ласкою, если это, конечно, вам удастся.

Наконец 8 сентября, «дав туркам опыт неслыханного порядка и дисциплины», наши корабли выбрали становой якоря и взяли курс к Дарданеллам, где намечалась встреча с турецкой эскадрой.

Легенда говорит, что в дни нахождения кораблей Ушакова в Константинополе неожиданно для всех внутри мечети Аль-Софии осыпалась штукатурка и под ней явились лики старых византийских святых, писанных некогда в соборе Святой Софии. Случившееся было воспринято турками как доброе предзнаменование.

Из записок очевидцев: «В проходе ее каналом и мимо столицы берега и дома наполнены были обоим пола зрителями. Проходя эскадру турецкую, салютовал господин вице-адмирал Ушаков капитан-пашинскому флагу 17-ю выстрелами. Бешикташу, где Его Величество султан присутствовать изволил, 31-м выстрелом при кричании матросами «ура» и при игрании на трубах и барабанном бое. Топхане 15-ю и зимнему дворцу 21-м выстрелом же. На что с эскадры ответствовало ему было 17-ю, а от Топханы 15-ю выстрелами. Прочие же военные корабли и фрегаты

отдавали только одному султану честь ружьем. Барабанным боем, игранием на трубах и кричанием “ура”».

Затем миновали Ак-Деныз – Белое море, называемое европейцами Мраморным. Потом пошли дарданелльские теснины. Миновали все пять крепостей, что по берегам для защиты от нападения. Править из-за сильного течения было сложно, но лоцманы знали свое дело и вели корабли ближе к европейскому берегу, где оно слабее.

Спустя два дня корабли были уже у Галлиполи, где на якорях ждала эскадра Кадыр-бея. Под началом турецкого вице-адмирала имелось 4 линейных корабля, 6 фрегатов, 4 корвета и полтора десятка канонерских лодок.

В прошлую войну между Россией и Турцией Кадыр-бей командовал кораблем «Макед-Бахри». На турецком флоте он считался человеком сведущим, благонравным и уступчивым, кроме того, велено ему было самим султаном почитать русского адмирала «яко учителя». Свой флаг Кадыр-бей держал на 84-пушечном «Патроне-бей», лучшим из турецких линейных кораблей.

После обмена салютами на русский флагманский корабль впервые прибыл командующий турецкой эскадрой. Перед Федором Федоровичем стоял огромный и крепкий человек в форме турецкого капитан-бея (полного адмирала). Вел себя он с первых минут знакомства учтиво, постоянно выказывая почтение русскому адмиралу. Вел себя так Кадыр-бей не только потому, что по повелению султана ему надлежало во всем подчиняться российскому командующему, но и из чувства личного уважения к непобедимому Ушак-паше, которого он высоко ценил и считал своим учителем. Переводчиком выступал лейтенант Метакса.

Оба командующих быстро нашли общий язык. Адмиралы обменялись офицерами-переводчиками. От турок на «Святой Павел» перебрался неплохо знавший русский язык Александр Кальф-оглу, а к туркам лейтенант Егор Метакса. Обговорили и взаимные сигналы.

После совещания адмирал Ушаков отправил в Севастополь посыльное судно с донесением для императора о результатах переговоров и намеченном плане совместных с турками действий.

«По всем ведомостям Блистательная Порты и весь народ Константинополя, – доносил Ушаков, – прибытием вспомогательной эскадры бесподобно обрадованы: учтивость, ласковость и доброжелательство во всех случаях совершенны».

Просил он прислать и десантные войска, подчerkнув, что без них невозможно будет овладеть

сильными укреплениями острова Корфу. О состоянии турецкой эскадры адмирал пока умолчал, хотя оно и вызывало беспокойство.

В ответ Павел Первый писал Ушакову: «Впрочем, поручаю вам стараться избегать и не требовать лишнего от Порты и не терять из виду, что, помогая ей, не должны мы становиться в крайнюю тягость. Я полагаюсь относительно сего на ваше благоразумие, быв уверен, что вы будете, пецись о выгодах ваших подчиненных, притом и о сохранении наилучшего от нас впечатления как в самом султани и министерстве его, так и в простом народе».

* * *

Первым ушел отряд, направлявшийся в помощь англичанам к египетским берегам – десять турецких канонерских лодок и четыре фрегата, в том числе два русских – «Святой Михаил» и «Казанская Богородица». Турецкие фрегаты собственных названий не имели, их различали по имени капитанов. Возглавил отряд командир «Михаила» капитан 2 ранга Сорокин.

Тем временем константинопольский патриарх Григорий с подачи Селима Третьего написал пастырское увещевание грекам, предлагая им «свергнуть с себя иго французского порабощения и учредить у себя под покровительством трех союзных дворов правительство наподобие рагузского или какое ими за благо признано будет».

20 сентября 1798 года, дождавшись попутного ветра, покинули Дарданелльский пролив и главные силы обеих эскадр.

Воздев паруса, корабли в ордере трех походных колонн взяли курс к берегам Мореи.

Мачты кораблей еще не скрылись с горизонта, а довольный Томара уже доносил в Петербург Павлу Первому: «Благоприятство обоих начальников флота, взаимные их похвалы друг другу и добрый успех, хотя и в малом деле, но согласным подвигом обоюдных войск приобретенный, приняты правлением за большую победу».

Императору Павлу согласие союзных флагманов понравилось.

– Соглашениями и соединенным содействием я весьма доволен, желаю, чтобы и дальше так было, – заявил он, прочитав послание канцлеру Безбородко. – И как там дела с заключением договора с турками?

– Желание Вашего Величества – закон, и оный будет исполнен безусловно, – согнулся в поклоне, пряча улыбку, лукавый Александр Андреевич. – А статьи договора должны доставить со дня на день.

В Петербурге пока не очень ясно представляли себе, как обстоят дела на Средиземном море, куда шла эскадра Ушакова.

– Вы знаете, экспедиция Бонапарта исчезла, как дым, – говорил князь Безбородко, наслушавшись рассказов посла Витворта об Абукире.

А в это время Бонапарт победоносно шел с армией по Египту, сметая сопротивление мамлюков и янычар.

Из-за этих ошибок и задачи Ушакову ставились не самые правильные. Историк пишет: «Выходило, что о Египте беспокоиться уже незачем. Нельсон будет «блокировать Тулон и прочее», а Ушаков сможет «овладеть островами венецианскими (т.е. Ионическими)», согласовав свои действия с действиями Нельсона и «охраняя берега итальянские, способствовать блокаде Мальты». Захват Мальты особенно раздражал «гроссмейстера» Павла. А на самом деле Нельсону пришлось блокировать не Тулон и берега Италии, а прежде всего египетские порты и Мальту, и Ушакову необходимо было считаться с требованиями Нельсона о помощи».

Тем временем в Бебеке Томара, рейс-эффенди Измет-бей и анатолийский кадилискер Сеид Ибрагим-бей уже скрепляли подписями статьи союзного договора. После обмена грамотами Измет-бей заулыбался:

– Соединение наших сил может переменить вид всей Европы!

– Дай-то Бог! – перекрестился Томара, уже познавший на себе невероятную турецкую медлительность во всем, что бы они ни делали.

Известный российский историк XIX века А.В. Висковатов так характеризовал заключение неожиданного союза: «В один миг взаимные опасения исчезли, вековая вражда была забыта, и Европа увидела с изумлением, что в то время, когда не заживлена была рана, нанесенная Турции отторжением от нее Крыма, когда свежи были развалины некогда грозного Очакова и не замолкли рассказы о кровопролитных штурмах Измаила и Анапы, два народа, бывшие почти в непрерывной между собой вражде, и разнствующие один от другого и правилами Веры, и языком, и обычаями, вступили между собою в тесный союз против нарушителей общего спокойствия».

Эскадру же Ушакова ждали первые бои и первые победы...

Абордаж – рукопашный бой при сближении противоборствующих кораблей вплотную.

Аврал – работа на корабле, выполняемая всей командой.

Адмиралтейств-коллегия – высший коллегиальный руководящий орган российского флота (совет флагманов) в XVIII веке.

Адмиралтейств-совет – совещательный орган военно-морского управления в России с начала XIX века; был подчинен морскому министру.

Балясина – деревянная ступенька штурмтрапа.

Баргоут (бархоут) – пояса окружной обшивки у ватерлинии корабля; они всегда делаются несколько толще, чем остальная обшивка, для более медленно-го изнашивания.

Бак – носовая часть верхней палубы.

Бакштов – толстый канат, вытравливаемый за корму корабля для привязывания шлюпок во время стоянки корабля.

Бизань-мачта – третья от носа мачта корабля.

Бимс – балка поперечного набора корабля, поддерживающая настил палубы.

Бегучий такелаж – все подвижные снасти, служащие для постановки и уборки парусов, подъема и спуска частей рангоута.

Боканцы – деревянные балки-выстрелы, выступавшие за борт в носовой части парусных судов.

Брамсель – третий снизу четырехугольный парус; поднимается на брам-стенге над марсом.

Брасы – снасти бегучего такелажа, служащие для постановки парусов под определенным углом к ветру.

Бригрот – парус, поднимаемый на грота-реи, когда нет постоянного грота.

Бридель – якорная цепь, прикрепленная коренным концом к рейдовой или швартовой бочке.

Бушприт – горизонтальное или наклоненное рангоутное дерево, выступающее вперед с носа судна.

Ванты – снасти стоячего такелажа, поддерживающие мачту или стенки с бортов судна.

Ватервейс – водопроток на палубе вдоль бортов корабля.

Ватер-шлагги – водяные шланги.

Верп – вспомогательный якорь.

Галионджи – матросы на турецких кораблях эпохи парусного флота.

Галс – курс корабля относительно ветра; если ветер дует в левый борт, говорят, что корабль идет левым галсом, если в правый – то правым.

Галфвинд – курс парусного корабля, при котором его диаметральной плоскостью составляет с направлением ветра угол в 90 градусов

Гальюн – свес в носовой части парусного корабля, на котором устанавливалось носовое украшение.

Гардемарин – учащийся выпускного курса Морского корпуса.

Грот-мачта – вторая от носа мачта.

Дагликс – левый становой якорь.

Диплот – лот, отличающийся большой массой груза и длиной лотлиния; используется для измерения больших глубин.

Дифферент – наклон корабля в продольной плоскости.

Дрейф – боковое смещение, снос корабля с намеченного курса под воздействием ветра и течения; лечь в дрейф – так расположить паруса, чтобы одни двигали корабль вперед, а другие назад, вследствие чего корабль оставался бы приблизительно на одном месте.

Дубель-шлюпка – небольшой парусно-гребной корабль второй половины XVIII века, предназначенный для действий у берега.

Интрпель – топор, предназначенный для абордажного боя, с обухом в форме четырехгранного заостренного зуба, загнутого назад.

Каттенс-помпы – ручные водоотливные помпы.

Капудан-паша – главнокомандующий турецким флотом.

Карлингс – подпалубная балка продольного направления, поддерживающая палубу.

Картушка – главная составная часть магнитного компаса, указывающая стороны света.

Килевание – ремонт бортов парусного корабля на плаву путем поочередного накренивания его до появления килы из-под воды.

Кирлангич – небольшое судно со смешанным парусным вооружением на Средиземном и Черном морях в XVIII—XIX веках; по боевой силе было равно брига или небольшому фрегату.

Кливер – косой треугольный парус, ставящийся впереди фок-мачты.

Констапель – первый офицерский чин морских артиллеристов.

Констапельская – кормовая каюта на средней палубе парусного корабля, где хранились артиллерийские припасы.

Крамбол – деревянная балка, выступающая за борт и жестко соединенная с баком; предназначалась для крепления якоря на ходу.

Крюсель – прямой парус на бизань-мачте, позволяющий маневрировать на самом малом ходу.

Лавировать – продвигаться на парусном корабле против ветра к цели переменными курсами по ломаной линии.

Лоцбот – небольшое парусно-гребное судно, выполняющее задачи лоцманской службы.

Марс – первая снизу деревянная площадка на мачте. Использовалась как наблюдательный пост.

Марсель – второй снизу на мачте парус, ставящийся между марса-реем и нижним реем; на фок-мачте – фор-марсель, на грот-мачте – грот-марсель.

Обсервация – определение истинного места корабля в море по береговому ориентирам или небесным светилам.

Плехт – самый большой из станových якорей, висел в носовой части по правому борту.

Принайтовать – то есть привязать.

Рангоут – все деревянные и металлические части, служащие для постановки, несения, растягивания парусов, подъема тяжестей, сигнализации; к рангоуту относятся мачты, стеньги, реи, бушприт.

Рея – горизонтальное рангоутное дерево, подвешенное за середину к мачте или стеньге и служащее для привязывания к нему парусов.

Рифы – поперечный ряд продетых сквозь парус завязок, посредством которых можно уменьшить его площадь. При усилении ветра берут рифы (подбирают парус), при ослаблении ветра рифы отдают.

Ростры – место на корабле, где устанавливаются крупные шлюпки и хранятся запасные части рангоута.

Румпель – балка, соединяющая руль с штуртросами.

Рында – судовой колокол.

Салинг – площадка в виде рамы, состоящей из продольных и поперечных брусев для соединения стеньги с продолжающей ее в высоту брам-стенгой.

Склянки – песочные часы, которыми отсчитывалось время на парусных кораблях.

Снасти – веревки и тросы, служащие на корабле для постановки и уборки парусов, постановки рангоута и т.д.

Стаксель – косой парус треугольной формы; стаксель впереди фок-мачты называется фока-стаксель и фок-стенга-стаксель, впереди грот-мачты – грот-стенга-стаксель, впереди бизань-мачты – крюйс-стенга-стаксель.

Стеньга – рангоутное дерево, служащее продолжением мачты и идущее вверх от нее. В зависимости от принадлежности к той или иной мачте стеньгам присваиваются дополнительные наименования: на фок-мачте – фор-стенга, на грот-мачте – грот-стенга, на бизань-мачте – крюйс-стенга.

Счисление – графическое изображение пути корабля на карте, производимое для того, чтобы в каждый данный момент времени знать место корабля при плавании и ориентироваться по карте.

Табанить – грести в обратную сторону для дачи шлюпке заднего хода или ее разворота.

Такелаж – все снасти, цепи, канаты на корабле; такелаж разделяется на стоячий и бегучий; стоячий такелаж (ванты, штаги и т.д.) поддерживает рангоутные деревья.

Тибембировка – ремонт парусного корабля, включающий в себя полную или частичную замену деревянной обшивки.

Траверз – направление, перпендикулярное курсу корабля.

Утлегарь – рангоутное дерево, являющееся продолжением бушприта и связанное с ним при помощи эзель-гофта.

Фальшборт – ограждение верхней палубы корабля.

Фальшфейер – тонкая бумажная гильза, наполненная пиротехническим составом, имеющим свойство гореть ярким белым пламенем; применяется для дачи ночных сигналов.

Флагман – адмирал, командующий соединением кораблей, или корабль, на котором пребывает данный адмирал.

Фок – самый нижний парус на фок-мачте.

Фок-мачта – передняя мачта на корабле.

Фордевинд – курс по ветру, дующему прямо в корму идущего корабля.

Форштевень – особо прочная часть корпуса корабля, которым заканчивается набор корабля в носу.

Цейтвахтер – чиновник морской артиллерии, имевший в своем ведении оружие и боеприпасы.

Шканцы – палуба в кормовой части корабля от грот- до бизань-мачты, откуда осуществлялось управление вахтой и командование парусным кораблем.

Шкафут – боковые переходные мостики, соединявшие палубу бака со шканцами.

Шкоты – снасть бегучего такелажа, заложенная за нижний угол паруса, служащая для растягивания и удержания парусов в нужном положении; шкоты принимают название паруса, за который они заложены, например: марсель-шкоты, грот-шкоты, фока-шкоты и т.д.

Штормтрап – наружный трап в виде веревочной лестницы.

Штуртрос – трос, соединяющий штурвальное колесо с румпелем.

Шпирон – таран в носовой части корабля.

Шпринг – способ постановки на якорь, позволяющий поставить диаметрально плоскость корабля под любым углом к линии ветра или течения.

Шхив (шкив) – колесо с желобом на ободке, вращающееся на оси между щетками блока.

Шхеры – извилистые заливы в северной части Финского залива.

Ют – кормовая часть верхней палубы.

Олег ИГНАТЬЕВ

Олег Геннадьевич ИГНАТЬЕВ родился в 1949 году на Южном Сахалине. Детство и отрочество прошли в городе Игарка на Енисее. Окончил Ставропольский медицинский институт и Высшие литературные курсы. Служил в Советской армии в должности старшего врача части в Пскове. Капитан медицинской службы запаса. Автор двенадцати книг поэзии и прозы, лауреат премии издательства «Молодая гвардия» за лучшую книгу года («Северный приют», 1983 г.), премии журнала «Наш современник» и Международной литературной премии имени В. С. Пикуля. Печатался во многих центральных изданиях, в том числе в антологии «Молитвы русских поэтов».

Олег Игнатъев автор исторических повествований «Сын России – заступник славян», «Детство императоров», а также романов «Магия крови», «Пекинский узел», «Циркач для Лолиты», «Ключи от Стамбула».

ЛЮБОВЬ К РОССИИ ТРЕБУЕТ УМА

Собор Победы

*Цветами, солнцем, флагами украшен
Дарованный Всевышним день весны,
Который стал Святым Собором нашим
Во имя тех, кто не пришёл с войны.*

*Во имя тех, кто, павших помянув,
Дошёл до стен фашистской цитадели,
Чтоб мать или жена, припав к окну,
Глаза свои в слезах не проглядели.*

*Чтоб гнёзда вили птицы, не таясь,
Отнюдь не для утех птицылова,
А чтоб сердцам, почуяв с ними связь,
Хотелось мир земной восславить снова.*

*Не шёпотом, а в полный голос, вслух
Народ наш так по совести решает:
В любом, кто чтит Россию, —
русский дух,
А русский дух и мёртвых воскрешает.*

*И те, кто жизни отдали свои
За нашу несравненную державу,
Лишь только кликни их, лишь позови —
Восстанут для отмщенья по праву.*

*Поги, попробуй противстоять,
Когда, исполнясь волей миллионов,
На смертный бой идут —
за ратью рать —
Бессмертные полки и батальоны.*

*Вот нервы у нечистых и сдают,
Их бьёт озноб, как будто в огневице,
Когда гремит торжественный салют
Над празднично украшенной столицей.*

*Собор Победы! Несказанный храм,
Воздвигнутый на подвиге и вере
Всех тех, кто нынче дорог Небесам
И нами не забыт! Ни в коей мере.*

* * *

*Любовь к России требует ума,
Ума, и сердца, и, конечно, веры,
Что с нами Богородица сама,
И это никакие не химеры.*

*Всё так и есть — как неба синева,
Как летний зной и бабочек порханье,
И юностью примятая трава
В степи ночной под сводом мирозданья.*

* * *

*Играем бой. Рокочут танки.
Идём вперёд, как на таран.
Бурьяна жалкие останки
Так и летят по сторонам.*

*И грязь, налипшая на траки,
Летит по следу за травой.
Выходим на рубеж атаки
В чаду завесы дымовой.*

*Не умолкает канонада,
Но что она сейчас для нас,
Когда озвучена команда
И дан приказ? Дави на газ!*

*И мы летим вперёд во мраке,
Победный уловив настрой,
В огне и грохоте атаки,
Почти реальной, фронтовой.*

*Не на параде в полном блеске,
Но каждый памятью согрет,
Что с нами Александр Невский
И славный инок Пересвет!*

Два сонета о России

I

Сказать «бессмертье» — мало что сказать.
Сказать «Россия» — многое поведать.
Россия — ты и радости, и беды,
И царский путь, и Божья благодать.

И бредили тобою на чужбине,
И каялись тебе в своих грехах,
И видели — то речкою в лугах,
То матерью, тоскующей о сыне.

Пасхальный свет в себя вобрала ты
И стала идеалом красоты,
Чтоб мир увидел: нет тебя красивей.

И пусть порою ты лишалась сил,
Никто за упокой не голосил,
Ещё никто не плакал по России.

II

Ещё никто не плакал по России,
Как плачут на кладбищенском ветру.
Не зря щебечут птицы поутру
И майское цветенье входит в силу.

Как ни густа по межам лебеда,
Щедра земля моя под небом синим.
Да, милостыню нищие просили,
Россия не просила никогда!

О как созвучья русские бесили
Врагов, что сатанели от усилий
Твои, Россия, выклевать глаза.

Но ты бессмертна по святым заветам,
И, значит, никогда твоим поэтам
Не застит свет успенская слеза.

* * *

Ночи августа узнали
Вкус отрады и вины,
И темны мои печали,
Как глаза твои темны.

Я тесней к тебе придвинусь
И, наверное, влюблюсь.
Ты считаешь, это минус,
Я считаю, это плюс.

В час вечерний, лучезарный
Ты сравнима, ангел мой,
И с мелодией гитарной,
И с гитарою самой.

Ты молчишь, и мне с тобою
Длится молчанье по душе.

Может, к пеню приборя
Мы приучены уже?

Может, чайки на закате
О любви кричат во тьму?
Может, завтра будет кстати,
Всё что было ни к чему.

Пётр I

Кто царю поклон кладёт,
Кто — его ботфортам.
Но России нужен флот
С пушечным эскортом.

Швед не зря грозит Петру,
Мол, не суйся в море!
Царь, сутулясь на ветру,
Мрачен в разговоре.

В государственной казне
Только пыль да мыши,
А на верфях труд в цене
И цена всё выше.

Кто снабдит его деньгой,
А не грусть-зевотой?
Опустел кошель тугой
Быстро отчего-то.

В чуждеальной стороне
Много вражьей голи —
Как готовиться к войне
В этаккой недоле?

И торгош заморский прёт
В русские пределы.
Нет, России нужен флот,
Флот и корабель.

Нужно биться за простор
С турками до крови!
У Петра темнеет взор,
Всех ветров суровой.

Он Европу пристегнёт
К русской треуголке!
Тучи ходят взад-вперёд,
Словно стаей волки.

Надо немцев приглашать,
Кто в науках дока.
Чад боярских просвещать,
Тоже, вишь, морока.

Кто царю кладёт поклон,
Кто царёвой свите.
Будет так, как скажет он!
Так что не вздыхайте.

И опять он в гуще дел,
К радости артели,
Как заправский корабель,
Конопатит щели.

Надо строить корабли
Для морских сражений.
Чу, поморы подошли,
Выступив из тени.

Поклонились до земли
И сказали прямо:
— С правдой, батюшка, пришли,
Истинною самой. —

Дескать, служим не за страх,
А за веру служим:
— Русский шлюп живуч во льдах,
А чужой не дюже.

У голландских кораблей
Рёбра больно ломки.
Лёд зажмёт — и от людей
Лишь одни тесёмки.

Мы к тебе со всей душой,
Никакого буйства.
Сделай русский шлюп — большой,
Сделай и любуйся.

Учини прямой досмотр
Иноземной справе...
Что уж им ответил Пётр,
Не припомнить въяве.

Отвели поморов прочь
Сиволапой кучей
И тишком прогнали в ночь,
Шапки нахлобучив.

Кто внимал тем ходакам
С думою-заботой,
Кроме баб по деревням
Да икон в киотах?

У голландцев приобщась
К тайному ученью,
Пётр с артелью напоказ
Проявляет рвенье.

Кто царю поклон кладёт,
Кто царёвой тени,
Но России нужен флот —
Нужен без сомнений.

* * *

Много мыслей перебрав,
Говорю, панове:
Кто спокоен, тот и прав,
Кто гневлив — виновен.

Растравляя спесь свою,
Что вы кипятитесь?
Не забудьте, что в бою
Каждый русский — витязь.

Борис Куркин
повесть

Немецкая философия
в жизни
капитана Широкова

Борис КУРКИН родился 22 июля 1951 года в Москве в семье военнослужащих. Доктор юридических наук, профессор. Юрист-международник и востоковед. Полковник милиции в отставке.

Эксперт Фонда гуманитарных исследований Правительства Российской Федерации. Автор повестей и романов приключенческого жанров. Член Союза писателей России.

Печатался в журналах «Воин России», «Наш современник», «Роман-газета», «Москва».

*Светлой памяти моей матери –
Куркиной Веры Николаевны, с которой мне
так и не довелось погулять по Венскому Лесу*

Пролог

- Ты чё здесь делаешь? – спросил он.
- Ищу, где бутылки принимают. Все ноги оттоптал, – ответил я и тряхнул для верности сумкой, из которой донесся характерный хрустальный звон. – А ты чего?
- Живу я здесь, – ответил он. – И много насобирал?
- Три, – скупо, но не без достоинства произнес я, выпуская из трубки кучерявые клубы сизого дыма.
- Красиво жить не запретишь, – сказал он с легким сожалением.
- Но и не научишь, – выдохнул я в тон ему.
- Идем ко мне водку пить.
- Давай. Только закуски сперва прикупим. С утра не емши, – посоветовал я.
- А ты меньше пей.
- В гости с одними пустыми бутылками не ходят, – сопротивлялся я. Впрочем, довольно вяло.
- Я их сдам по выгодному курсу.
- Ты и мертвого уговоришь, – покорно ответил я, обшаривая карманы своей куртки в поисках тройника. Не обнаружив его, я стал по-простецки выбивать пепел из трубки ударами ладони.
- Это было серьезным нарушением этикета. Всякий уважающий себя курильщик выковыривает пепел из чашечки лопаткой тройника, штырем прочищает канал трубки, а третьим элементом, официальное наименование которого мне и по сию пору неизвестно и зовущимся в просторечии «топталкой», прессует забываемый в чашку табак, с тем чтобы он тлел и дымился, а не сгорал соломой.
- Пошли, Хемингуэй! – иронично скомандовал он.
- Я – ледокол.
- Он был невозмутим.
- Кого выводим на чистую воду?
- Самого бы льдами не затерло.

В этой истории не было бы ничего примечательного, если бы не одно обстоятельство: дело происходило в курортном городе Бадене, что под Веной, а с моим собеседником – бывшим сокурсником Кириллом – мы виделись в последний раз на выпускном вечере ровно сорок лет назад.

Мы сразу же, с одного взгляда, узнали друг друга, что говорило об относительности и призрачности времени и условности пространства, в котором оно вихрилось, замирало и текло вспять.

- Откуда топаешь? – спросил Кирилл.
- Из Бад-Фёслау, – ответил я.
- Ты к нам из своего Бад-Фёслау за бутылками ходишь?
- Тут русских больше.

Сказки Венского Леса, или Явление Бытия

В Бад-Фёслау я приехал на рейсовом автобусе, что отправляется каждые полчаса от Венской оперы. Водитель-турок механически спросил, есть ли у меня какая-то «карта», я механически ответил, что есть, но я оставил ее в отеле, и он, не вдаваясь в лишние подробности, сделал мне скидку. Вообще-то карта у меня была. Но то была карта москвича, дававшая право на бесплатный проезд на московском транспорте и еще кое-какие льготы по мелочи. Не пускаясь в неуместные уточнения, я мог утешать себя тем, что формально не соврал.

После того как я выпил изрядное количество декалитров минеральной воды «Фёслауэр», с моей стороны было бы невежливо не почтить сей курортный уголок своим присутствием. Дорога заняла где-то час с четвертью. Бад-Фёслау оказался довольно славным городком. Поднявшись по дороге мимо дачных домиков в верхний город, я очутился в разбитом на опушке Венского Леса парке, композицию которого держал памятник какому-то эрцперцу-герцогу, издали похожему на генералиссимуса Суворова. В недавние времена напротив сего монумента величиной чуть менее человеческого роста был построен ресторан. И теперь у иного посетителя парка могло соз-

даться впечатление, что он выполняет функцию трактирного зазывалы, уравнивающего историко-культурное пространство Бад-Фёслау как в композиционном, так и смысловом планах.

Оглядевшись, я выпил в этом ресторане чашку знаменитого венского меланжа – кофе со взбитыми сливками – и отправился Венским Лесом по направлению к Бадену.

Венский Лес – это не городской лесопарк. Это – австрийская тайга, но тайга окультуренная, комфортная, в отличие от тайги русской, где все всерьез. И тайга эта велика – тысяча с лишним квадратных верст, вдвое больше нашего знаменитого Кологривского леса – настоящей русской тайги с ее хвойным, а не смешанным (как Венский) лесом.

На картах Венского Леса, которые мне попадались, обозначены туристические маршруты с указанием отелей и ресторанчиков, так что можно с немалым удовольствием и пользой для здоровья уходить в многодневные турпоходы одному или всей семьей без боязни заблудиться.

В Венском Лесу давно не водятся злобные гномы, тролли, ведьмы и великаны – товарищи по оружию и борьбе с человеком, дальние родственники лешего с Бабой Ягой и водяного с кикиморой. Они тоже не выдержали испытания комфортом и принуждением к высокому стандарту жизни.

От искушения погрузиться в пессимистическую культурфилософию меня надежно оберегали воспоминания о подмосковных лесах, каждый вынужденный поход в которые грозил сердечным приступом. При взгляде на разбросанную по полянам, лужайкам и лесным тропинкам бумагу, пластик и нехитрые предметы бытовой гигиены создавалось впечатление, что здесь побывали осужденные на вечное изгнание без права переписки существа с неведомой планеты, срывавшие свою бессильную злобу на неповинной в их несчастиях земле.

Итак, я шел, вдыхая целебный лесной воздух: что еще нужно бывалому сердечнику? Ради этого стоило ездить в Баден, к которому я прикипел душой.

Чудом было уже одно то, что я брел по Венскому Лесу, в который в былые времена даже не мечтал попасть. Этот лес вместе с музыкой Иоганна Штрауса вошел в мою жизнь с фильмом «Большой вальс». Много позже я узнал, что снимали фильм не под Веной, а где-то в Югославии, но какая в том, по большому счету, разница? Природа, музыка и прозрачные тени листвы, мелькающие на кипельно-белом платье ослепительной красавицы Милицы Корьюс, навечно осели на заповедное дно моей детской души. И мог ли помыслить я тогда, что окажусь в этом дивном лесу через полвека?

*– Я возмужал среди печальных бурь,
И дней моих поток, так долго мутный,
Теперь утих дремотою минутной
И отразил небесную лазурь.
Надолго ли?... А кажется, прошли
Дни мрачных бурь,
Дни горьких искушений...* – читал я себе негромко под нос.

И вдруг остановился и замер, осознав, что по возрасту я уже гораздо старше Пушкина и даже старше своего отца. Все это стало для меня полной неожиданностью. Совершенно тривиальный, ничем не примечательный факт, факт обыденной жизни никогда прежде не приходил мне в голову. И это при том, что астрономически отец, не говоря уже о Пушкине, несомненно, был старше меня.

Что ж, время памяти есть прошедшее в настоящем, оно и так называемое биологическое время живут и сосуществуют во мне одновременно и неслиянно. И пусть в этом факте не было ничего нового, я продолжал вытягивать ниточку из клубка. Получалось, что возраст Пушкина, моего отца и мой собственный зависят не от скорости протекания каких-то там материальных процессов, а от величины и масштаба моей личности. Вот это было уже любопытно! И как в таком случае было не вспомнить того самого персонажа, который остановил солнце, продлил световой день и растянул время! Но не сам же он это сделал, а Создатель, вняв его молитве!

Здесь опять можно было впасть в банальность и принять этот тезис в качестве очередного доказательства собственной тварности, равно как и тварности, то есть со-творенности, того исторического персонажа, который останавливал солнце. Я мысленно вернулся назад: моя тварность была для меня аксиомой, и вопросов о Создателе и Творце никогда не возникало – и тогда, когда меня принимали в пионеры, и тогда, когда в комсомол, и даже тогда, когда в Коммунистическую партию Советского Союза. Существование Творца мыслилось, вернее, чувствовалось как нечто само собой разумеющееся.

По умолчанию.

Итак, если время зависит от масштаба человека, вполне допустимо и то, что он управляет или может управлять своим личным временем, пусть даже и не вполне осознанно, невольно. И как вариант: в некоторых точках пространства его душа способна попасть в резонанс с окружающим его так называемым объективным миром. И вот тогда человек может оказаться в совершенно новом для себя (или, напротив, некогда утраченном) пространстве-времени. Или пространстве-и-времени. Или и пространстве, и времени. Тут возможны варианты. Тогда-то и получало свое объяснение, точнее, в гораздо большей степени понимание, чувствование и восприятие (прочувствование) пространственно-временных разломов, в которые я и иные мои друзья попадали и в которых с нами происходили удивительные чудеса.

Когда-то я относился к подобного рода чудесам с извещной долей скепсиса, однако глубоко упряманное чувство нашептывало мне, что в этом мире возможно всё. Я помнил рассказанную моим преподавателем историю о том, как некий шенши остановился посмотреть на игру мастеров в шахматы и пришел в себя только через двести лет, когда все знакомые его давно умерли.

Вспомнилась даже не сама эта история, а лицо моего учителя: в тот момент на нем проступило нечто далекое, трудноопределимое, не от мира сего. Теперь мне кажется, что он и сам сталкивался с миром запредельным.

Вспомнился и семинар по философии, на котором мы, предварительно законспектировав соответствующую статью из Философской энциклопедии, горячо обсуждали, что есть «временной след», поскольку дать определение понятию времени и тем более вместить в себя, что это такое, было выше наших сил. Да и сам маститый доцент, проводивший тот семинар, предпочитал отделяться шуточками. Не исключено, что вслед за Сократом он отводил себе роль повивальной бабки, помогавшей нашей мысли родиться, однако, по существу, это больше напоминало искусственное прерывание беременности.

Тут-то и раздался негромкий голос Бори Максимова: «Если существует абсолютная истина, значит, должен существовать и абсолют?»

Запахом скандалом, нищетой диамата и дисциплинарными санкциями.

Доцент переменялся в лице. Оправившись, он пустился в рассуждения, напоминая яростные самооправдания подсудимого на образцово-показательном процессе. Подвел черту под разгоревшейся было дискуссией, грозившей обернуться анархией по форме и поповщиной по содержанию, староста нашей группы – бывший ефрейтор, член партии – Женька Циновкин, по прозвищу Циннобер. Он встал и не мудрствуя лукаво процитировал уже не раз поминавшийся на том семинаре «Материализм и эмпириокритицизм»: «Философский идеализм есть только прикрытая, принаряженная чертовщина».

Но то были споры о видимом физическом времени – о стрелках, движущихся на ходиках с кукушкой, а не о таинственном времени как таковом...

И уж совсем недавно я узнал про случай с афонским старцем Арсением, тяжело страдавшим ногами. К нему явились люди с просьбой причастить умирающего монаха Иоасафа. Старец ушел через два часа после просителей, а пришел намного раньше их, хотя шли они по самой прямой дороге и с большой скоростью¹. «Блаженны не видевшие и уверовавшие».

Но одно дело уверовать в поведенные тебе чудеса, и совсем другое дело испытать их на себе, прочувствовать их. С недавних пор я уверовал, что время может меняться по желанию и сообразно поведению человека. Для того чтобы время остановилось, а люди и вещи предстали в их истинном свете и полноте, нужно отнестись к миру с нелицемерной добротой и быть готовым раскрыться ему. И тогда тебе явится само Бытие.

В данном конкретном случае моя прогулка по Венскому Лесу была обретением утраченного времени, возвращением в прошлое. Но не воспоминанием о нем, а конкретным

¹ Старец Арсений славился по всей горе Афон своими чудотворениями. В 1839 году в келье братьев Корневых лежал больной монах Иоасаф. Однажды ночью сделалось ему весьма тяжело. Ожидая смерти, пожелал он духовника. У Корневых ночевали тогда посторонние. Двое из них пошли с фонарями за отцом Арсением. До его келлии идти было более 5 верст. Придя к нему, монахи сказали, что отец Иоасаф умирает и желает видеть духовника. Они просили, чтобы тот поскорее шел с ними, но обязательно с фонарем, так как ночь очень темная да к тому же льет дождь. Он согласился. «Да, нужно поспешать. Брат действительно умирает. Вы идите вперед, — сказал он им, — а я сейчас соберусь и догону вас со своим фонарем!» Отцы просили его идти вместе с ними и поспешить, но он их отослал и обещал догнать. Они шли скоро, но беспокоились о том, как он пойдет под дождем лесом один. А еще боялись, что больной умрет до прихода духовника.

Когда они добрались до кельи, встретил их монах Филипп и сказал, что отец Иоасаф уже умер, и спросил, почему они так долго не приходили. Те отвечали: «Мы шли быстро и очень торопились, чтобы застать отца Иоасафа живым».

Монах же Филипп укорил их: «Что вы оправдываетесь! Уже духовник пришел более получаса назад, исповедал, причастил умирающего и отходную прочитал. Сию минуту отец Иоасаф скончался».

Они, услышав это, очень удивились, так как не прошло еще и часа, как они ушли от отца Арсения. Подошли к нему, поклонились и спросили: «Отче святой, как же вы пришли так быстро? Мы даже не заметили, как вы нас обогнали».

Он же отвечал: «Нельзя было медлить, и то я едва успел, чтобы застать умирающего живым. А прошел я более прямым путем, которого вы не знаете». Те замолчали, хотя хорошо знали, что никакой другой дороги нет, и втайне помышляли: «Не тем ли путем он шел, которым пророк Аввакум обед носил из Палестины в Вавилон к пророку Даниилу, сидящему в яме?»

Таким же образом приходил старец Арсений еще к двоим больным на Капсале.

переживанием того, что становилось не только моей субъективной, но и, в известном случае, объективной реальностью, существующей одновременно и во мне, и вне меня, и вне зависимости от меня.

Проще говоря, гуляя по Венскому Лесу, хотя слово «гулять» едва ли передавало смысл моего «великого похода», я обретал себя самого и собственное прошлое, становившееся реальным и настоящим, как скамейка, на которую я, не на шутку разволновавшись, присел покурить, потому что у меня уже зашумело в голове. Венский Лес раскрыл мне свои объятия, обнял меня, и я растворился в нем весь без остатка вместе с кроссовками.

И вновь я шел прогулочным шагом по лесной дорожке параллельно шоссе, ведущему из Бад-Фёслау в Баден. По пути я не раз присаживался на скамейку, выкуривал трубку, смаковал водичку «Фёслауэр» с газом (газ вреден для здоровья!), изучая во время перекура стенды с плакатами, рассказывавшими, какая живность – летучая, прыгающая, бегающая и ползающая – обретается в данной местности.

Я шел, а следовательно, был в движении, но не был уверен, что перемещаюсь в пространстве. Часы на руке как будто шли, но время словно бы остановилось. Недаром же местные обитатели с незапамятных времен верили в чудеса Венского Леса. Отголоски этих поверий можно услышать и в вальсе Штрауса, и в местных сказках для детей и взрослых.

Мой Венский Лес был весь пронизан светом. Казалось, он сам был свет. И я вспомнил, что о времени в Писании говорится как о свете:

«И нарече Бог свет день».

«Дондеже свет имате – веруйте во свет».

Больше света – больше времени. Меньше света – меньше времени. Не потому ли и последние дни сократятся по Откровению, что погрузятся во тьму?

Когда-то в детстве у меня был свой собственный сказочный Лес, до которого от моего крыльца было рукой подать. Но стоило мне вырасти, как его тут же без ножа и по живому разрезала автотрасса Москва – Рига, ведущая теперь в никуда. Лес на четверть вырубил, а младое и незнакомое племя поселочан тотчас же превратило обе оставшиеся от него половинки в помойку. Из их нехитрого быта и поведения можно было заключить, что мусорную свалку они мыслили своим биомом и ареалом культуры. И с каждым днем меня все сильнее одолевали думы о разразившейся, но не замеченной ни наукой, ни СМИ антропологической катастрофе.

Но мне повезло, меня пригрел и спас Венский Лес, заменивший мне лес моего детства после его двойного убийства...

Дорожка, до сей поры неуклонно поднимавшаяся в гору, плавно пошла вниз. «Маугли вышел к людям!» – констатировал я, выходя на опушку леса. Вдали, как и предполагалось, виднелись виноградники. В этот миг буквально в двух шагах от меня материализовались две молодые всадницы.

Завидя их, я поспешно снял с головы воображаемую мушкетерскую шляпу и, согнувшись, насколько позволял живот, помахал ею у ног в качестве приветствия.

– Грюсс Готт (Приветствуй Бога!), фройляйн! – обратился я к прекрасным девам с точеными и ухоженными лицами, дабы было что вспоминать потом долгими зимними вечерами. – Не подскажите ли одинокому страннику, как ему пройти в Баден?

Мне удалось их рассмешить.

– Через сто метров сверните налево и идите по дороге между виноградниками. Она приведет вас прямоком

в Баден, – сказала мне, весело улыбаясь, одна из них – та, что была с тугой русой косой до пояса, ниспадавшей ей на грудь из-под защитного шлема.

– Этот день, фройляйн, я запомню на всю оставшуюся жизнь! – заверил их я, картинно прикладывая руку к сердцу.

Дамы вновь рассмеялись.

– А вы поэт, – не то спросила, не то констатировала та, что была с косой.

– Нет. Я просто одинокий созерцатель и воспринимаю жизнь.

Дамы всем своим существом излучали веселость и дружелюбие. Они были просты, как просты в общении истинные аристократы. Еще раз помахав им на прощание воображаемой шляпой, я двинулся в путь. Я и сейчас нередко вспоминаю, как та, что была с косой, помахала мне в ответ своей узкой рукой в белой перчатке. В тот момент я почувствовал себя странствующим рыцарем печального образа, представил себя последним в этом брэнном мире недорезанным романтиком.

На окраине Бадена я очутился как-то сразу, совершенно неожиданно. По всему выходило, что время в этих краях способно было растягиваться, а пространство сжиматься до всех мыслимых и немыслимых пределов.

Улица представляла собой последовательный, нигде не прерывающийся ряд каменных, кованых и литых оград, увитых плющом, укрытых листьями дикого винограда и еще какой-то неведомой мне экзотической растительностью. За этим растительным редутом плотной стеной стоял второй рубеж обороны в виде тисовых изгородей высотой в чело-веческий рост, густых зарослей отцветшей уже сирени, акаций, бузины и прочих милых и любезных глазу кустов, о названии которых мне вечно было недосуг справиться.

Они закрывали лица-фасады низкорослых особняков из кирпича и камня вплоть до нижней кромки глаз под надежно защищенными шлемами черепичных и медных крыш-лов.

Проходя мимо одного из таких особняков – право-преемников замков эпохи феодализма, я остановился, за-слушав за заросшей диким виноградом каменной стеной родную речь и негромкий женский смех. Мне тут же при-помнился эпизод из моего детства. Однажды к ограде дачи, которую мы снимали, подошли двое в меру благообразных пожилых мужчин. Смущенные и безукоризненно вежливые, они попросили у меня разрешения посидеть пять минут в нашем садике, чтобы распить бутылочку «той, что пожиже воды». Застигнутый врасплох и не обладавший должной компетенцией, я поднялся из шезлонга и пошел спрашивать разрешения у бабушки. Та вышла на крыльцо, смерила про-сителей острым взглядом школьного завуча и дала добро, предложив деликатным незнакомцам воспользоваться на-шими гранеными стаканами.

Теперь, спустя полвека, в тихом Бадене я почувствовал себя одним из тех пенсионеров. У меня возникло желание позвонить в ворота и по-русски попросить вынести мне ста-канчик водички: с дороги мне и впрямь хотелось пить.

Я тут же представил себе три варианта своего поведе-ния. В первом я держал в руке термос и просил кипяточку, чтобы залить им лекарство из трав, которое мне необходи-мо было срочно принять.

Самое смешное заключалось в том, что это не было бы с моей стороны лукавством, анахронизмом и даже игрой: попав в Бадене в очередной пространственно-вре-менной разлом, я мог с полным правом утверждать, что это была и есть сущая правда, поскольку друг на друга на-ложились и слились два пространства и два времени, со-

ставлявшие часть моей личной истории. Когда-то давно, в ранней молодости, отпущенный по ранению домой из азиатского захолустья, я еще года полтора, а то и все два, постоянно носил с собой термос, поддерживавший долж-ный градус настоя из трав, минералов, сушеных муравьев и прочих насекомых, помнится, даже личинок летучих та-раканов, который я должен был пить строго по часам. Уди-вительно, но этот настой, которому я присвоил имя «Тропа Хошимина», а также «Фантом» почти не виден», помог мне одолеть не только хвори благоприобретенные, но даже врожденные. Впрочем, возможно, только казалось, что именно он. Или что помог.

А если бы мне отворил ворота знаток классики совет-ского кино, к тому же человек с чувством юмора, моя не-ожиданная просьба могла стать поводом для знакомства, пусть мимолетного, зато веселого и памятного.

Этот вариант был отброшен мною сразу: во-первых, кипятку я мог попросить в ближайшем кафе, до которого, как впоследствии выяснилось, было минут двадцать ходу, а во-вторых, термоса-то у меня с собой и не было. А ведь какой славный римейк фильма «Человек с ружьем» можно было бы сделать! В нем есть классический эпизод: солдат Иван Шадрин ходит по Смольному с чайником, спрашивая всякого встречного, где бы можно было набрать кипяточку. Но никому до него нет дела. Разумеется, такой человек в конце концов находится. Этим добряком оказался не кто иной, как сам Ленин. Однако солдат Иван Шадрин узнает, что то был сам вождь, лишь после того, как Ильич скрыва-ется в гущу революционных масс. И на Ивана нисходит про-светление. Он преобразается из ветхого темного окопника в нового сознательного Солдата Революции. Так что по ходу развития сюжета у меня был неплохой шанс.

Второй вариант заключался в том, чтобы, попыхая трубой и не вынимая ее изо рта, смиренно и с сокрушен-ным сердцем сказать: «Одинокий странник просит приюта и пищи!»

Придумать третий я так и не сподобился, ибо инстин-ктивно, словно услышав давно не слышанную команду «Воз-дух!», посмотрел вверх: оттуда, с первого рубежа обороны, в меня целилась готовая выстрелить в упор кумулятивным зарядом «базука» камеры видеонаблюдения.

– Вы не подскажите, как пройти в библиотеку? – не раздумывая, инстинктивно спросил я, отважно глядя в рав-нодушно поблескивающую оптику «базуки».

Во мне четко сработал условный рефлекс, приобре-тенный еще в детстве, после просмотра знаменитой кино-комедии «Операция «Ы!»». Мой вопрос стал одновременно и тестом: баденская городская библиотека была в двух шагах от Курпарка.

Однако неловкая пауза в моем диалоге с видеокamerой затягивалась. Наконец что-то треснуло, щелкнуло, и металли-ческий голос ответил мне по-немецки: «Подождите, пожалуйста, сейчас к вам выйдут».

Врата рая отворились, и в них обозначила свое при-сутствие миловидная девушка лет двадцати с хвостиком, в светлом лазоревом платье, в белом накрахмаленном кру-жевном переднике.

– Что вам угодно, мой господин? – спросила она по-русски.

Не оставалось ничего иного, как повторить вопрос, за-данный видеокamerе. Он поставил девушку в тупик: она за-думалась, а потом, переверив русские слова и перемежая их общеславянскими, стала объяснять мне, как пройти в центр города, чтобы там я мог узнать уже наверняка, где на-ходится эта самая библиотека.

С удовольствием дослушав ее до конца, я спросил ее: «Откуда сами-то, душенька, будете?» Вопрос был задан мною намеренно в усложненной форме для максимального затягивания нашего диалога. Мой тактический прием сработал.

– Простите, я вас плохо понимаю. Что означает по-русски слово «душенька»?

Я с удовлетворением отметил, что в грамматическом плане она правильно строит предложения.

– «Душенька» – это уменьшительное от слова «душа», – начал я свой бесплатный урок русского. А «быть откуда-то» означает «откуда вы приехали?» или «где вы родились?».

От ее улыбки по сердцу моему пробежала легкая волна.

– Я приехала из Братиславы. Это Словакия.

«Могла бы в разговоре с тобой и не уточнять», – сказал мне мой двойник. Я возразил ему, что этой девушке, видимо, уже не раз приходилось рассказывать своему собеседнику, где находится ее родная Братислава.

– Как же, как же! И какой русский не слыхивал о Словацком национальном восстании! А кроме того, моя любимая певица – Эдита Груберова, – улыбнулся я своими съемными протезами, давая понять, что шиты мы не одним только лыком, да и щи не лаптем хлебаем. – Она тоже из Словакии.

Правду сказать, я не был уверен, что словацкая служанка русской морской царицы слышала что-то о восстании, которое подняли ее земляки-прадеды, или слышала в записи на DVD свою землячку – знаменитую оперную диву, приму Венской оперы. И опять я не соврал, хотя и балансировал на грани, назвав ее своей любимой певицей, поскольку не сказал «самой любимой».

Девчушка расплылась в улыбке, и на щеках ее обозначились детские ямочки. Она была горда за свою Великую Словакию, давшую миру Эдитку Груберову, и благодарна мне за напоминание о ней. – Вы есть, наверное, профессор консерватории?

– Нет, я просто профессор. Юрист. Люблю оперу.

Беседу следовало сворачивать: еще чуть-чуть, и девушка занервничала бы, поскольку точить неслужебные ляды в рабочее время ей было не положено. Но я подумал, что она вполне может сослаться на то, что проситель оказался бестолков, тогда и взятки с нее будут гладки.

Кипяточку у нее забыл попросить и стаканчик «Фёслауер» вынести, – напомнил мне мой внутренний голос. И ехидно добавил: – Ну вот, старый хрен, а все туда же – девочек глазом салить!

«Это не флирт, а дожигание топлива в цилиндрах», – попытался урезонить его я. И он, двойник, как-то сник и смирился.

Внезапно я встал как вкопанный. Меня посетила мысль, что неким странным образом сцена с чайником пародирует евангельскую историю исцеления расслабленного. Расслабленный не может найти того, кто бы опустил его в купальню, когда в ней начнется движение воды от сошествия Ангела, ее возмущающего («человека не имам»). И только Христос исцеляет его. Но прежде чем исцелившийся узнает, Кто Он, Христос скрывается в толпе.

Я брел по улице Бадена, названием которой даже не поинтересовался, мимо дорогих особняков, все еще оставаясь под впечатлением от беседы с юной словачкой. И тут на память мне пришли стихи Семена Гудзенко, написанные им в Братиславе в апреле 45-го:

*После марша и ночной атаки
нашу роту посетила грусть:
нам под Банской Штянницей словаки
Пушкина читали наизусть.*

*Но когда мы с Пушкиным вдали
свиделись нежданно-нежданно,
о чужбине песню завели,
и Россия встала из тумана.*

В 1848 году словаки встречали русских воинов как освободителей от мадьярского гнета. Но кто сейчас, кроме мадьяр с их незадавшимися тогда бунтом, это помнит?

Новая Россия являлась мне в Бадене, одетая в железо и камень. Грешен есмь! Мне очень хотелось посидеть с дороги в саду и понаблюдать за его нынешними хозяевами, не вмешиваясь в их разговор, не привлекая к себе внимания, чтобы мое присутствие было столь же привычно, как куст шиповника или можжевельника. Но для этого мне пришлось бы стать жуком или бабочкой.

Когда-то и у меня был свой сад. Ну не совсем у меня. Мы снимали дачу, на которой я прожил двенадцать лет – с четырех до шестнадцати. В саду росло целых десять полувековых лип, три яблони, в окна заглядывала сирень. Липы, яблони и сирень росли вместе со мной. Этот дом давно снесли, а место, где он стоял, залили бетоном и асфальтом. Липы спилили, яблони срубили, живую сирень выкорчевали с мясом и обустроили на месте прежнего сада помойку, вокруг которой вечно валяется мусор.

Явно по причине смещения и наложения друг на друга пространств и времен мне было бы приятно побыть в саду у незнакомых мне соотечественников, в саду, разбитом на тихой улице милого моего сердцу Бадена – этой открытой для себя новой мистической точки Бытия и одновременно моего наличного бытия в этом мире, «конкретного бытия», «тут-бытия», как сказал бы философ.

Впрочем, может, и хорошо, что посидеть и попить чайку мне не удалось, а то, не ровен час, в самый ответственный момент на стенах особняка могла проступить кровь, а на оконном стекле чья-то незримая рука вывела бы кровавой губной помадой «Мене, мене, мене, текел, фарес». Недаром же русский народ сложил поговорку о праведных трудах и каменных палатах. И тогда все мое солнечное настроение было бы надолго испорчено, а то и весь отпуск мог пойти насмарку.

Так что я по-прежнему пребывал в элегическом настроении, которому бы в большей степени соответствовал тихий и теплый день золотой осени, а не летний, жаркий и безоблачный.

«Свете тихий...»

Я был живым воплощением теоремы о пределе монотонной последовательности, доказанной некогда немцем Карлом Вейерштрассом, в соответствии с которой монотонная ограниченная последовательность в конце концов сходится. В моем случае это означало, что рано или поздно я непременно достигну своей цели – Курпарка – главного парка Бадена, и я неуклонно и неотвратно приближался к нему.

Однажды классе в девятом я отвечал на вопрос о ней своей учительнице математики завучу школы Софье Владимировне Штейнгардт. Софья Владимировна была маленькая, бесформенная, с вечно нечесаной седой головой и гоголевским носом, с которого то и дело сползали очки. Со стороны ее можно было бы принять за нищенку: она давно махнула на себя рукой. Однако она вмещала в себя столько

любви к математике и детям, которых у нее самой не было, что не влюбиться в нее было невозможно. Даже тогда, когда она, собравшись с духом, или, напротив, в сердцах ставила в журнал двойки, а случалось, что и колы. И вот, доказывая как-то раз у доски теорему Вейерштрасса, я ляпнул что-то не то. Содрогнувшаяся Софья Владимировна не выдержала и воскликнула: «Широков! Ну что за ересь ты несешь?!»

Слово «ересь» стало у нее наиболее часто употребляемым, поскольку еретиков по части математики у нас в классе было большинство. Придя домой, я решил уточнить у бабушки – бывшего завуча школы в колонии для несовершеннолетних преступников, что означает слово «ересь», хотя из уроков истории давно вынес, что этих самых еретиков испанская инквизиция жгла в промышленных масштабах. Бабушка, сама того не ведая, подтвердила мои подозрения: слово «ересь», которое незабвенная Софья Владимировна наполняла мощной энергетикой, было эвфемизмом и являлось синонимом слова «фигня».

После того как я был морально раздавлен, Софья Владимировна в целях лучшего усвоения нами материала рассказала историю из своей жизни – о профессоре МГУ, читавшем ей и ее сокурсникам лекции по высшей математике, когда они были в эвакуации. Однажды ночью он приехал из прифронтовой Москвы в зауральскую глухомань и сошел по ошибке на каком-то забытом богом полустанке. В ходе опроса на местности выяснилось, что идти до пункта назначения ему нужно верст десять с гаком. Профессор был старенький, ночь темная, дорога длинная. Но он не впал в отчаяние и утешил себя каким-то следствием из теоремы Вейерштрасса, говорившим о том, что когда-нибудь до пункта назначения верующий в нее непременно дойдет. Старик Вейерштрасс, чьи соплеменники уже разглядывали Москву в цейсовские бинокли, не подвел: утром еле волочившего ноги профессора встречали со слезами на глазах его студенты, эвакуированные ранее.

Я шел по окраине Бадена и вспоминал поведенную мне некогда в прошлой жизни Софьей Владимировной Штейнгардт историю. Назидательную и поучительную. Теперь-то я знал и понимал, что точные науки при правильном их преподавании могут научить человека не только ориентации во времени и пространстве, но и мудрости жизни.

Впрочем, прошлого в Бадене давно уже не было, а было одно сплошное настоящее. Времени больше **не было**. Мне явилось само Бытие.

Старик

Я вступил в Курпарк триумфатором: мне салютовал бронзовый голый мужик на лошади, выполненный в стиле модерн. Он совсем не гармонировал со старинным парком и выглядел в нем вставным зубом, а зелень на его коже больше походила на трупную, нежели на благородную, приобретаемую с годами. Зато белокожая прекрасная Ундина, разбрызгивавшая, как и в прошлый раз, воду из фонтана над своими жертвами, даже не повернула головы в мою сторону, когда я послал ей свой традиционный воздушный поцелуй. Я не был в претензии: мраморная красавица видела во мне мужчину, у которого нет по отношению к ней серьезных намерений. К тому же поклонников лучше, моложе и неизмеримо богаче меня было у нее не счесть.

Я выбрал пустующую в тени лавочку, кряхтя от удовольствия, сел на нее и, громко выдохнул: «Йес! Мы сделали это!»

С наслаждением выпив до дна поллитровую бутылку «Фёслауер» с газом, я достал трубку и неспешно закурил.

Выкурив ее, я вытянул ноги и задремал. Меня убаюкивал монотонный шум фонтана, начальницей которого служила моя Ундина, не дававшая спуску своим подчиненным – каким-то людишкам в крестьянских шляпах, а также прервавшим свой незримый ход морским гадам. Ограду Курпарка обвила дольняя лоза дикого винограда. Она не прозябала. Я смежил свои отяжелевшие и набрякшие после «великого похода» веки и вскоре услышал сквозь сон собственный храп.

Вопрос о том, сколько времени я проспал, был бессмысленным – время остановилось. Я пребывал вне времени в пространстве баденского парка.

Ко мне подошел старичок с дымящейся трубкой в руке.

– Простите, какой табак вы курите? – вежливо осведомился он. – Очень приятный запах, никогда не пробовал такого.

Его внешний вид вызывал невольное сочувствие, а сам он – расположение.

– Всё в наших руках, – сказал я, протягивая ему пачку. – Отсыпьте себе.

Для тех, кто не в курсе: курильщики трубок образуют некое наднациональное братство, товарищество, клуб. Называйте как угодно. Без чинов и рангов. Они всегда здороваются друг с другом на улице, даже если незнакомы. Курение трубки – это нечто вроде принадлежности к некоему ордену.

Старик смутился:

– Что вы, что вы, не стоит. Я просто спросил! Он, наверное, дорогой?

Вид у дедушки был простецкий.

– А что в этом мире нынче дешево, кроме человеческой жизни?

– В Швейцарии этот табак, наверное, еще дороже, чем в Австрии? – спросил он, приняв меня за швейцарца.

Это было неизбежно, поскольку на мне была бейсболка со швейцарской символикой и походно-полевая сумка с белым крестом на красном фоне. Разумеется, случись наша встреча в Швейцарии, он моментально обнаружил бы во мне иностранца: какой швейцарец наденет у себя дома ти-шорт или кепку со своим национальным флагом? И это несмотря на то, что чуть ли не на каждом дачном участке стоит мачта, на которой гордо реет государственный флаг Гельветических кантонов – «Швицеркройц». Иное дело за граница. Тут швейцарец непременно выделит себя среди прочих европейцев.

– Дороже. Но ненамного. В Швейцарии всё или дорого, или очень дорого.

Помолчали.

– Простите, не могу никак определить, из какого вы кантона, – улыбнулся Старик, явно что-то почуявший.

– Я из кантона Россия, – сказал я.

– Вы, наверное, олигарх? – улыбка не сходила с его губ, но стала чуть сдержаннее.

– Представьте, в Швейцарии и Германии мне не раз давали этот вопрос.

– И что же вы на него отвечали?

– Я сказал, что двухнедельный отдых в Швейцарии, не говоря уже о Бадене, обходится дешевле, чем под Москвой. Не говоря уже о Сибири

— По каким признакам вы распознаете моих соотечественников? – спросил я. Мой вопрос был до известной степени провокационным.

– Они скупают дорогую недвижимость.

– Ну вот, и казне прибыль! – сказал я, удовлетворенный этим обстоятельством Австрии.

– А вы не собираетесь перебраться в Баден? – спросил он.

– Меня бы вполне устроило звание почетного гражданина Австрии. Надеюсь, это дало бы мне льготу на бесплатный проезд и скидку в отеле.

Старик засмеялся:

– Хотите стать гражданином бедной страны? Когда-то в Бадене тоже было много русских.

– Они тоже скупали недвижимость? Как вы их тогда распознавали?

– По одежке. Но они не скупали недвижимость.

– Вот как. Когда же это было?

– Сразу после войны, – засмеялся Старик. – Все были одеты одинаково. В униформу.

– И какие впечатления остались у вас от моих соотечественников? Детские впечатления самые живые и памятные.

– Нормальные. Впрочем, они практически ни с кем из нас не общались. Если, разумеется, дело не касалось их служебных обязанностей.

– Но какие-то неудобства они вам все же доставляли? – спросил я, провоцируя Старика на откровенность.

– Некоторые да, доставляли, – улыбнулся Старик. – Перегородили весь город заборами.

– Где военные, там и заборы, – с пониманием вздохнул я. – Это все, что беспокоило баденцев?

Я был настойчив в своем желании узнать о тогдашнем отношении местных к нашим.

– Город перестали посещать иностранные туристы, – сказал, пыхнув трубкой, Старик. – Со всеми вытекающими отсюда последствиями. Потом ваши ушли, и понадобилась уйма денег, чтобы вновь стать курортом. И чтобы иностранцы снова начали сюда ездить.

«Ну да, – подумалось мне, – Маниловка есть, а Заманиловки никакой нет. И какой вообще туризм, кроме военного, был возможен сразу после Второй мировой войны? Немцы, например, начали путешествовать по Германии лишь в середине 50-х. И то благодаря “экономическому чуду”».

– Да, незваные гости доставляют порой известные неудобства, – сказал я, выпустив колечко дыма. – У нас, русских, в этом плане тоже был кое-какой опыт.

Видит Бог, я был предельно деликатен.

– Баден – замечательный город, – Старик решил перевести разговор в нейтральное русло. – У нас бывали очень известные люди: император Франц Иосиф, Бетховен, Моцарт...

Он заглянул мне в глаза, точно хотел убедиться, известны ли мне эти имена. В нем заговорил гордящийся своей малой родиной простоватый и бесхитростный экскурсовод-любитель.

– А Сальери бывал? – не удержался я.

– Кто-кто, простите? – Старик невольно поддался вперед и даже приложил ладонь к уху.

– Антонио Сальери. Был такой композитор. Австрийский. Теперь его мало кто знает.

– Наверное. Здесь кто только не бывал! – сказал слегка смущенный Старик.

Непонятно, к чему относилось его «наверное»: то ли к существованию в этом мире композитора Сальери, то ли к его приездам в Баден.

– Скажите, а романы между нашими и вашими случались? Ваша мама наверняка что-нибудь говорила на сей счет. Женщины, они такие...

– Нет. Не помню, чтобы она нечто подобное рассказывала.

Я поставил себя на место наших солдат и офицеров – молодых, здоровых, красивых, сильных: пережить столько страданий и мучений, а потом, когда настал долгожданный

мир, до которого многие наверняка и не чаяли дожить, не имея возможности предаться простым человеческим радостям. Видно, не зря клялся советский воин «стойко переносить все тяготы и лишения воинской службы».

Представил я себе и невеселых вдов и юниц – молодых, здоровых, красивых, сильных, лишенных мужской заботы и тепла.

– Жаль. А то был бы у меня в Бадене сейчас брат. Или сестренка. Племянники... Впрочем, у меня их и в Москве нет.

Старик засмеялся, но как-то невесело.

– А я здесь курс лечения прохожу. Направили по социальной программе. Сероводородные ванны. Суставы, знаете ли... Простите, мне пора, вынужден вас покинуть. У меня скоро сеанс. Еще раз огромное вам спасибо за табак.

– Не за что! Курение приводит к бесплодию и импотенции.

– Жизнь вредит здоровью, – отозвался старик. Он с видимым усилием поднялся.

Мы пожали друг другу руки, и он направился к выходу. На полпути обернулся и помахал мне. Мне стало жаль, что не пришлось в голову расспросить отца, служившего после войны здесь, в Австрии, как устраивали его однополчане свою личную жизнь и досуг на чужбине. А ведь мог бы! Когда он умер, мне было двадцать восемь. Воистину, «мы ленивы и нелюбопытны»...

А потом стало и впрямь жаль того, что у меня нет в Бадене ни брата, ни сестры. Но... у кого-то они наверняка должны были быть. Я вспомнил странный, полный полунамеков и недомолвок рассказ хозяина венского кабачка «Хамелеон» – моего доброго знакомого. Он был 1946 года рождения. Помнил и короткий рассказ своего приятеля, дед которого был в плену в Австрии. Однако сидел он, по счастью, не в лагере смерти Маутхаузен, а жил работником в хозяйстве одной австрийской вдовы.

Господи, да чего только могло не быть... Особенно тогда, когда прокатываются туда-сюда, взад-вперед и обратно по городам и весям многомиллионные армии молодых, здоровых мужиков. И если бы дед моего друга оказался отцом хозяина кабачка я, пожалуй бы, совершенно не удивился.

Пора было менять дислокацию. Я встал, потянулся, благо никто на меня не обращал внимания, и двинулся на центральную аллею, засаженную молодыми каштанами. Старые и тенистые срубили еще год назад. Чем-то иным, кроме «освоения фондов» отцами города Бадена, объяснить порубку вековых и здоровых деревьев было затруднительно. Впрочем, я не специалист в области паркового искусства и дизайнера. Но не зря говорят, привычка – вторая натура. Слишком уж укоренилось в нас, русских, недоверие к любым формам коммерческой деятельности. Недоверие, перешедшее в стойкую уверенность в неизбежной коррупционности любого серьезного делового начинания или бизнес-проекта.

Прилепы и Милловзоры

По ступенькам я поднялся к памятнику двум вице-королям вальсов – Йозефу Ланнеру и Йоганну Штраусу-отцу, некогда концертировавшим в Курпарке. «Вице» оттого, что королем вальсов стал сын Штрауса – тоже Йоганн.

В прошлой жизни, в иные времена, два маэстро, мягко говоря, недолюбливали друг друга. Точнее, на дух не переносили. Публика же любила вальсы обоих, кокетливо и лукаво признаваясь в любви то одному, то другому, издавательно попеременно присваивая им титул короля вальса,

титул, к которому изменчивая публика относилась со снисходительной иронией, а оба маэстро с чрезмерной, почти трагической серьезностью. Однажды нашего современника – тоже Штрауса, но уже Рихарда, однофамильца короля вальсов, спросили, как он относится к венской публике. «У нее изысканный вкус, и она исключительно доброжелательна», – последовал ответ. «Полноте, венская публика фальшива», – напомнил ему интервьюер-венец. «Да, – ответил Штраус, – но если бы вы только знали, сколь очаровательна ее фальшь!»

«Интересно, – подумал я, – что сказал бы Рихард Штраус о венской и зальцбургской публике, посетив премьеру своего «Кавалера розы» на фестивале в Зальцбурге?»

Почти десять лет назад я смотрел прямую ТВ-трансляцию со знаменитого оперного фестиваля. Наутро я должен был улететь домой. Канадский режиссер-эстет перенес действие оперы из XVIII века во времена, непосредственно предшествующие Первой мировой войне, в Австро-Венгрию и, натурально, в бордель. По сцене слонялись совершенно голые мужики преклонных годов с пивными животами – эрзац молодых полуголых девиц. Это было явной новацией.

В перерыве журналистская пара – он и она – одетые, как и положено на великосветском рауте, пытались взять интервью у безукоризненных джентльменов и декольтированных дам в брильянтах. Не согласился никто. Интервьюерам пришлось буквально гоняться за своими жертвами, но те предпочитали словам шампанское.

А когда спектакль окончился и артисты вышли на поклон, в зале не раздалось ни единого хлопка. Зато бурно зааплодировал я. Аплодировал публике, демонстративно отказавшейся глотать предложенное ей пойло.

Внимание мое привлекла группа из шести человек: молодые и в меру очаровательные дамы и их кавалеры, разряженные под альпийских пейзажей. Возможно, они были участники какого-то костюмированного светского мероприятия, а может, просто гуляя в свое удовольствие в национальных костюмах. И я подумал, что в отличие от австрийских элитариев российские нувориши едва ли наденут на себя сарафаны и косоворотки.

В общем, изображать из себя крестьян могут позволить себе сейчас лишь состоятельные аристократы и прочие хозяева жизни. Во-первых, я давно знаю об этой привычке праздных состоятельных господ прогуливаться в трахах и дирндлях, а во-вторых, я совсем недавно видел в зальцбургских витринах ценники на этих нарядах.

Эти нарядные господа пытались сделать себе на память групповое фото. Прочитав в их глазах просьбу о помощи, я предложил им свои услуги бесплатного фотографа. Я повел себя как маститый театральный тиран, муштрующий своих подопечных: поди туда, встань там!

Лучшими, по всеобщему мнению, были признаны два кадра. Без труда уловив мой далеко не венский акцент, мои подопечные живо заинтересовались, откуда я.

Я ответил, что из России, и добавил:

– Приезжайте теперь вы к нам. Мы будем вам рады!

– В ГУЛАГ? – лукаво улыбнулась одна из дам.

– Можно и туда. Постоянным клиентам скидка, – сказал я со значением и, поприветствовав своих мимолетных знакомых, отправился дальше, «мимо их», как говорил Гоголь.

«Хотя бы ради приличия Достоевского помянули!» – я был всерьез раздосадован. По всему выходило, что слово «ГУЛАГ» прочно вошло в обиход вместе со словом «спутник» и хрестоматийной большой триадой: «перестройка, гласность, Горбачев».

«По ГУЛАГу они истосковались! – с досадным раздражением подумал я. – Не могут они без него!» Я почувствовал, что начинаю злиться и решил подавить в себе это нехорошее чувство. В конце концов, мои мимолетные знакомцы были невольными жертвами стереотипов и им стоило посочувствовать.

Мне захотелось подумать о чем-нибудь хорошем, и я вспомнил водителя такси Вольфганга, с которым мы познакомились накануне в Вене.

Мой венский брат

Всё началось с того, что я заказал такси, чтобы поехать во дворец кино- и фотоаппаратуры с космическим названием «Сатурн», что на Колумбосплатц.

С удобством расположившись в поданном «Мерседесе», я обнаружил на месте водителя не поляка, не сикха в тюрбане, не выходца с Балкан и даже не турка, а самого натурального немецкоязычного австрийца, немца. По виду он был неотличим от какого-нибудь доцента университета.

Для порядка переспросил, куда ехать. Увидев, что он убирает с пассажирского сиденья плеер, я спросил его: «Вы любите классику? Я бы тоже с удовольствием ее послушал!»

Однако, как выяснилось, слушал мой шофер не музыку, а «Человека без свойств» Р. Музиля. На третьем курсе нас заставляли читать этот роман по-немецки в качестве внеклассного чтения.

Для облегчения своей участи мы читали его на русском, а потом пересказывали прочитанный текст, уж как могли, по-немецки. Наши уловки не осуждались: сказывалась недостаточная требовательность нашего педагога. К приходу нового преподавателя мы освоили уже добрую половину «Человека без свойств», но тут в учебной программе что-то переменялось, и вместо Музиля мы стали читать «Трех товарищей».

Пересказывать превосходную прозу Ремарка своими корявыми словами было невозможно, проще было заучивать ее наизусть. На том и строился расчет нашей добросердечной наставницы Гертруды Гестаповны, как назвали мы нашу маму Труды, прозывая ее также мамой Шульц. И вот теперь я жалел, что так и не дочитал роман Музиля до конца и не выучил на немецком ни единой строчки из мурого австрийца.

– Замечательная вещь. Вещь на все времена, – сказал я за версту отдававшую банальностью фразу.

А что еще я мог сказать? И тогда я решил израсходовать последний патрон и процитировал три строчки из «Песни идиота» Рильке, которые прочно осели в моем мозгу с четвертого курса. Больше ничего в моей памяти не задержалось. Стоит, впрочем, подчеркнуть, что это стихотворение я выучил по собственной инициативе исключительно ради собственного удовольствия, а не в качестве домашнего задания:

Sie hindern mich nicht. Sie lassen mich gehn.

Sie sagen, es könne nichts geschehn.

Wie gut.

*Nein man muss wirklich nicht meinen es sei
irgend eine Gefahr dabei.*

Da ist freilich das Blut.

Das Blut ist das Schwerste. Das Blut ist schwer.

*Manchmal glaub ich, ich kann nicht mehr, –
(Wie gut.).*

На Рильке мой водитель никак не отреагировал.

– Это такая редкость нынче, чтобы кто-то читал и любил Музиля, – сказал он мне. – Откуда вы?

Я ответил. Его следующий вопрос заставил меня благодарить Бога, за то, что я сидел, а не стоял. Причем сидел пристегнутый ремнем безопасности, иначе бы въехал со всего размаху головой в лобовое стекло:

– Скажите, как отмечали в России двухсотлетие Гоголя?

Я сказал ему все, что думал по этому поводу. Юбилей певца «Мертвых душ» прошел в основном по районным библиотекам благодаря личным инициативам вымирающего племени библиотекарей: не было ни Большого театра с президиумом, ни парадного портрета Николая Васильевича, ни зеленого сукна, ни графина с водой на трибуне. Не было казенных, сводящих скулы от скуки и неизменно избобляющих банальностями юбилейных речей.

Со стороны можно было подумать, что начальство испугалось сравнений с гоголевскими персонажами, не обнаружив в своей среде аналога мудрому Михал Семеновичу Собакевичу – здоровому консерватору, скрытому революционеру и крепкому хозяйственнику. Но думать так, значило бы грубо льстить нынешнему начальству. Это только советское руководство по сталинской инерции еще соблюдало декорум и отмечало на государственном уровне юбилеи особо чтимых писателей.

Почувствовав мою недостаточную лояльность к руководству моей страны, он сказал:

– А у нас скоро турка президентом выберут.

Он сказал об этом как о давно решенном деле. И мне тотчас же вспомнилась прилепленная к спинке скамейки на Марияхильферштрассе наклейка: «Срочно меняйте политиков, покуда они не поменяли народ».

Его звали Вольфганг.

– Откуда вы знаете Гоголя?! – взмолился я.

Он рассказал, что его отец преподавал литературу в гимназии и был буквально влюблен в творчество Гоголя, настолько сжился с ним, что принялся даже переводить его на немецкий: существовавшие на тот момент переводы его решительно не устраивали. Но не успел. С ним случился инсульт. Как с Музилем, которого они любили вместе с сыном.

– Гоголь очень любил Вену, – сказал я. – Это из его писем видно. Говорил, что Вена приняла его царским образом. И что в ней свобода во всем.

– Правда? – искренне обрадовался Вольфганг.

– Разве можно не влюбиться в Вену? – улыбнулся я. – Здесь он пил мариенбадскую воду, только что открытую, и она ему здорово помогла. Иначе, может быть, и не увидели бы свет «Мертвые души».

О том, что в той же Вене Николай Васильевич чуть не помер, я рассказывать не стал, чтобы не расстраивать Вольфганга.

– Удивительно, – сказал Вольфганг, – выходит, минеральную воду из Богемии возили. А Баден совсем под боком.

– Чудеса логистики, – ответил я. – Интересно, бывал ли Гоголь в Бадене. У него есть одно загадочное место в письме. Он говорит, что последняя свобода убежала из деревень и маленьких городов Европы, где существуют воды и съезды. Парадно так, что мочи нет. Очень вероятно, что все же побывал.

Судя по всему, Вольфганг не был патриотом знаменитого курорта, и тема «Гоголь в Бадене» его не взволновала.

Неожиданно Вольфганг стал зачитывать мне наизусть сцену ночного приезда в город NN Коробочки, потом стал цитировать мне, разумеется, тоже по-немецки, особо полю-

бившиеся ему места и выражения: и про дамский шарф, что легче пирожного беже, и про ночного стражника, казнившего зверя на своем ногте при свете фонаря и вновь заснувшего на своем посту по законам своего рыцарства, и про Чичикова, в котором дамы углядели нечто «воинственное и марсовское», и про дам, что обнажали свои владения до тех пор, пока чувствовали, что те способны погубить человека.

Я был потрясен, мне вдруг впервые захотелось прочесть Гоголя по-немецки.

«Ревизора» в венском Бургтеатре я уже видел. Там обошлось без потрясений.

От Вольфганга я узнал, что к двухсотлетию Гоголя в Германии вышли сразу два новых перевода его поэмы, рецензии на которые были опубликованы в крупнейших газетах Германии, Австрии и Швейцарии. Он лично читал их во «Франкфуртер альгемейне», «Зюддойче цайтунг» и «Нойе Цюрихер цайтунг».

Оставалось лишь гадать, отчего это интеллигентный, образованный и тонкий человек занят делом, являющимся привилегией «понаехавших». Неужто в Вене для него не нашлось другой работы?

– А что, Вольфганг, доедет ли это колесо до Колумбус-платц?

– До Колумбусплатц доедет, – ответил он. – А вот до Москвы может и не доехать.

– Значит, до Казани не доедет, – вздохнул я. – Впрочем, в Казань нам и не нужно.

И тогда Вольфганг зачитал мне по памяти два варианта перевода сцены въезда Чичикова в город NN и диалога русских мужиков о колесе. Ни один из них не удовлетворил меня. Что-то важное и даже главное исчезало в них, так что становилось непонятным, для чего Гоголь изобразил этих стоявших у кабака персонажей.

И в этот момент я поймал себя на мысли, что непонятно, для чего о них было сказано вообще, а без них было никак нельзя.

«Тогда для чего?» Этот вопрос упрямо засел в моей голове, но размышлять на эту тему было не время: Господь послал мне интереснейшего собеседника.

О том, что из перевода сцены явления Чичикова городу и миру в немецких переводах что-то очень важное улетучивалось, я не преминул рассказать и Вольфгангу.

– Потому-то мой отец и хотел сделать свой собственный перевод, – ответил он. – К сожалению, я так и не выучил русский. Очень трудный язык.

– Современным русским он тоже дается с трудом, – я, как мог, пытался утешить Вольфганга. – Особенно журналистам. А со склонением числительных просто катастрофа.

– Сейчас вообще мало читают, – теперь уже Вольфганг утешал меня.

– Однако же в Австрии, Германии и Швейцарии переиздают Гоголя, делают новые переводы...

– Гоголь очень популярный в Австрии автор, – отметил Вольфганг. – За последние пять лет было три новых постановки «Ревизора» в Вене. О Германии и Швейцарии уж и не говорю. Ежегодно что-то обязательно ставят.

Мы приехали.

– Вольфганг! Брат мой! – обратился я к своему gidу. – Может быть, чашечку меланжа? Я приглашаю!

– Спасибо, – улыбнулся он, – у меня, к сожалению, много заказов.

На прощание мы обменялись адресами электронной почты.

Так чем же захватывала с первых слов начальная сцена из «Мертвых душ»?

Я почувствовал, что набрел на очередной пространственно-временной разлом. Погрузившись в него душой и телом, я неожиданно для себя впал в размышления о гоголевском колесе.

Русское колесо

«Что такое философия, и немецкая философия в частности? – подумалось мне. – Она есть **вопросание**».

А русская – молчание.

О чем вопрошать, ежели все нужное для жизни тебе уже открыто в Евангелии?

И что ты можешь познать еще, кроме того, как исхитриться в познании грубой материи исключительно для того, чтобы смастерить новую бричку, колесо которой доезжало бы дальше прежнего? И даже не в познании, а в ориентации в мире грубой материи, сводящейся к умению найти тот заветный краник, повернув который остается лишь немного подождать, чтобы из него полилась потребная для субъекта материя, которая будет пущена на всепобеждающее дело достижения комфорта.

Так что же ты в таком случае «познаешь»?

«Я знаю, что ничего не знаю и не узнаю»?

Вот и весь ваш «прогресс» – он весь сводится к качеству новой брички. Это теперь ее делают такой, чтобы она вскорости ломалась до основания, а затем... а затем покупалась бы новая.

Убить живой мир, Космос, выпотрошить его, сожрать под соусом, пользуясь ножом и вилок, обглодать его кости и выкинуть на помойку. Вот, собственно, и весь ваш хвальный «прогресс»!

Это ли не торжество идей гуманизма и просвещения?

Что там о просвещении незабвенный Михал Семенович Собакевич говаривал? «Толкует — просвещение, просвещение, а это просвещение — фук! Сказал бы и другое слово, да вот только что за столом неприлично».

Просвещение – фук.

А что такое «фук»? Легкое дуновение. Подули, и нет ничего. Шашка, которую снимает партнёр за ваш недосмотр. Приз победителю от зевнувшего игрока. Но то в игре. А в жизни? А в истории? Заезвался – и нет уже тебя. Съели. И не шашку, а тебя самого!

И слышится диалог тех же самых гоголевских мужиков: «Вон какое колесо! Что ты думаешь, доедет то колесо, если б случилось, в Валгаллу или не доедет?» — «Доедет».— «А в Эдем-то, я думаю, не доедет?» — «В Эдем не доедет».

Мужик живет вне линейного времени, он пребывает во времени циклическом, и западное «познание» ему глубоко чуждо, ибо строй его мыслей и чувств совсем иной.

Чичиков же живет как раз в линейном измерении времени. Стремящемся из вечности в никуда, точнее, к своему логическому и неизбежному концу.

Мужик живет в вечности, *пребывает* в ней, ибо занят вечным и богоугодным делом. Чичиков – *существует* во временных пределах, и сфера его деятельности – в сущности, есть сотворение некоей беззаконной виртуальной реальности (аферы с мертвыми душами).

Чичиков – ограничен, мимолетен и преходящ.

За мужиком стоит правда, за Чичиковым – пшик. Ибо и сам он является сыном небытия.

Мужик – бытиен, сущностен, осязаем.

Чичиков же есть фикция, его нет, он лишь видимость, так как по свободной своей воле служит нечистой силе и, следовательно, добровольно утрачивает богоподобную сущность. Чичиков есть экзистенциальное ничто.

Мужик же вечен, как земля, будь то Микула Селянинович или Кола Брюньон.

Это только Карл Маркс, исхитрившийся всю свою жизнь прожить приживалой и кормиться хлебом, добытым в поте лица чужим и чуждым ему мужиком, мог высокомерно рассуждать об «идиотизме деревенской жизни». Придумывать на ходу теории и писать книжки потолще и поувесистее, дабы произвести впечатление на презираемую им профессию – это свое занятие он считал отчего-то делом хитроумным. И не нашлось никого, кто бы спросил его: «Почем ходят заклеянные проклятием мертвые души?»

Мужикам все эти чичиковы не интересны. Все господа для мужика на одно лицо и измеряемы общим аршином. А вот доедет ли колесо до Москвы, интересно, ибо колесо в мужицком хозяйстве вещь незаменимая. Мысль моя плавно перетекла с бинарной пары «мужик – Чичиков» на символику колеса. Как же я раньше не догадался увидеть в этой сцене сокрытые смыслы! Меня не на шутку залихорадило, да так, что я даже перестал любоваться окружающими меня баденскими пейзажами. Я встал и принялся прохаживаться взад-вперед.

«Что есть колесо? – спрашивал я себя. – Это символ мира, символ движущей силы Космоса как живого и организованного внутри себя объекта, символ непрерывного изменения и повторения, символ рождения, смерти и возрождения, символ самой судьбы».

Но если мужик вечно пребывает вне времени и в вечном круговороте Бытия, то Колесо становится и символом Мужика! Сокровенного человека!

Колесо Фортуны. И если колесо Бытия крутится равномерно в одну и ту же сторону, определяя жизненные циклы Космоса, то Колесо Фортуны может крутиться в совершенно ином, противоположном направлении.

Колесо – это помимо прочего одна из ипостасей рода нечистой силы – ведьм и колдунов.

«Ведьма превращается в колесо», говаривала мне в детстве бабушка, разъясняя сказочные символы.

Малороссы были уверены, что ведьма преследует человека в Ивановскую ночь в виде катящегося по дороге колеса, и если его проткнуть палкой, то наутро женщина-ведьма окажется пробитой колом. И если бы это было не так, не сжигали бы они на Ивана Купалу старые колёса и метлы, лишая ведьм и ведьмаков их привычных средств и атрибутов перемещения во времени и пространстве. И малороссу ли Гоголю было того не знать!

О как же много зашифровал Николай Васильевич в одной этой картине!

Ведал ли он сам, что написал?

Понимал ли необъятность сказанного?

Но тут я одернул себя, рассудив, что не стоит впадать в розановщину в день своего рождения и делать глобальные выводы об устройстве мироздания.

Ведь все могло быть гораздо проще: вот губернский город NN, маленький, сонный. Вечереет. Два стоящих у дверей трактира мужика лишь подчеркивают обыденность или даже унылость происходящего. И о чем говорить мужикам, как не о колесе? О первом, что попало на глаза?

Мужики были не пьяные, а скорее всего, так, подвыпившие. А под хмельком русский человек слушает музыку Вселенной. Перебросились репликами о колесе и умолкли.

Спокойствие. Скука. Дремота.

Два мужика. Оба – воплощенное Бытие.

«Свете тихий».

Се – Русский Космос.

Два созерцателя. Два чувствователя жизни.

Спокойствие и умиротворение.

Ан как бы не так! Дьявол приехал. Незаметно. Тихо. Вкрадчиво.

Скоро всё и начнется.

Так же незаметно, тайно он покинет это городок, оставив его обитателей в недоумении: «Что же это было? Уж не выпущенный ли из плена на пагубу всему роду человеческому Наполеон-антихрист?»

«И решилось дело тем, что никак не могли узнать, что такое был Чичиков».

«Черт знает, что такое!»

Мне следовало успокоиться. Я сделал несколько глубоких вдохов и выдохов, после чего буквально заставил себя вновь сесть на скамейку. Незаметно для себя я вновь погрузился в созерцание и чувствование жизни.

Над моей головой в величавом и плавном парении пролетел орел. Правда, он был об одной главе, да и ту не венчала корона, а в лапах его я не приметил ни серпа, ни молота – символов современной демократической Австрии. Но все равно я узрел в этом некий знак и приободрился.

Трактир «Тогда»

Я взглянул на часы: секундная стрелка совершала свой привычный бег. Время снова пошло. Однако порой, чаще всего в сумерках или ближе к ночи, реже при ярком свете дня, стрелки сливались с циферблатом и исчезали вместе со временем. Правда, не было еще случая, чтобы они не обнаруживались вдруг на прежнем месте, сообщая о возвращении в привычную жизнь, повседневность, обыденность.

Я все же перебил себе аппетит внеплановым меланжем в Батценхойзеле и, расплавившись, решил пойти проведать Моцарта, благо жил он поблизости – на Реннгассе, 4. Я подумал, что в день своего рождения имею право заявиться к Леопольдичу без приглашения и протокола. Тем более что сам он уже трижды за сегодняшний день поигрывал мне на своей волшебной флейте, позванивал колокольчиками и даже подарил мне на день рождения свидание с современной Паминой – дочерью Царицы ночи.

Без нужды раздражать Констанцию, о характере которой ходили весьма противоречивые слухи, не хотелось, и я решил пригласить Моцарта отобедать в трактире «Damals», что в переводе означает «Тогда». Располагался трактир во дворике на Ратхаусгассе, неподалеку от дома, где проживал Вольфганг Леопольдович. Я дал себе слово, что не буду тайне от него подливать в его бокал с вином или кружку с пивом водки, дабы потом Констанция вместе со всем прогрессивным человечеством не обвинила меня в том, что я спаиваю гения.

В моей затее не было ничего необычного для человека, как и Моцарт, живущего вне времени. Моцарт был здесь и сейчас. Он пребывал. Вместе со мной. Рядом со мной.

Я был готов пригласить на ужин в трактир «Тогда» и Пушкина, однако в последний момент передумал, опасаясь, что тогда, если Александр Сергеевич согласится, двум солнечным гениям станет не до меня.

А собственно, когда «тогда»?

Где «тогда»?

Кафе-ресторан «Тогда», которому более походило бы определение «трактир», тихий и уютный, был исполнен в весенних жизнерадостных тонах: каменные стены дома были желтые, деревянные двери и резные ставни окрашены в зеленый цвет. Располагался он во внутреннем дворике, в саду с сиренью и парой голых декоративных деревьев, на которых висели украшения в виде игрушек и

соцветий подсолнухов, светившихся теплом и радостью. Чтобы попасть в трактир, следовало пройти метров пять-шесть по подворотне, по стенам которой стояли пивные бочки, куклы да ведра с цветами. На заборе, отделявшем сад заведения от соседнего дома, висели декоративные глиняные горшки, на тележках стояли бидоны, старинные лейки. Декор изобилует различными прикладными объектами, однако он не раздражал глаз, а напротив, вызывал добродушную улыбку: от интерьера веяло доброй самоиронией, дескать, вот как мы умеем украшать и обставлять наше заведение.

На зеленых резных воротах были изображены император Франц Иосиф со своей несравненной Сиси, а на крыше друг против друга расположились два птицелова. Чтобы прохожий не подумал, будто на них изображен Папагено, хозяева позаботились сделать пояснение и написать «Vogelhändler» («Продавец птиц»). И тогда каждый сразу понимал, что речь идет о Карле Адаме Целлере, а не Вольфганге Амадее Моцарте. Впрочем, оба птицелова: и моцартовский Папагено, и целлеровский Адам – зарабатывали себе хлеб насущный ловлей и продажей певчих птиц.

Думается, Моцарт был бы не в претензии от выбора заведения: как истинно благородный человек, он любил не только свою, но и чужую музыку, если та была хороша, а целлерова оперетта наверняка пришлась бы ему по душе. Вся обстановка в кафе-ресторанчике располагала к камерности и даже интимности. Будь я на месте хозяев, я бы для пущей задушевности приглашал кларнетиста или флейтиста. Играть же он должен был бы не в саду, а в глубине основного помещения – крытого, отделанного деревом с фотографиями, в которых сквозила грусть-печаль-тоска по старорежимным временам. Ведь хорошо известно, что музыка, доносящаяся издалека, из глубины, тем более музыка живая, слаще той, что звучит над самым ухом.

Особым почетом пользовался в трактире «Тогда» предпоследний император Австро-Венгрии Франц Иосиф I. С недавних пор в Австрии буквально народился культ этого знаменитого монарха. Культ же его августейшей супруги никогда и не переставал быть.

...Он вззошел на престол в бурном 1848 году после двух последовательных отказов от трона прямыми наследниками: сначала дяди императора Фердинанда I, носившего помимо королевских титулов еще и титул герцога Аушвица, затем отца – эрцгерцога Франца Карла Йозефа, поддавшегося уговорам своей жены. Отец решил взвалить державную ношу на плечи своего восемнадцатилетнего сына Франца Иосифа. Но если бы не русский царь Николай Павлович, без всяких сантиментов укоротивший разбушевавшихся мадьяр, то на троне он вряд ли удержался бы. Сколько собак за это навешали на русского царя зарубежные, включая Карла Маркса, и позднее советские историки. При этом как-то забывалось, что братья-словаки буквально целовали сапоги русским воинам – освободителям от жестокого гнета мадьяр. Да и мог ли император Николай поступиться своим рыцарственным словом и оставить в беде императора Фердинанда, порвав тем узы Священного союза?

За спасение своей империи молодой император ответил русскому царю черной неблагодарностью в Крымскую войну, показав России, что с рыцарством в Европе дела стали совсем плохи.

Он правил своей ставшей вскоре двуединой империей без малого семь десятков лет. Шутка ли? Одно за другим сходили в могилу поколения, а он все правил Австрией, надев за эти годы всем, и в первую очередь бравому солдату Швейку.

Империя старилась и ветшала вместе со своим императором. Она незаметно и постепенно уменьшалась в размерах. То и дело возникавшие войны проигрывались. Но после каждой проигранной войны ставился очередной памятник героям былых времен и сочинялись военные марши. Боль от поражений проходила, памятники и марши оставались. Одним словом, венские политехнологические аптекари исхитрились создать универсальные успокаивающие пилюли.

Тем не менее над домом Габсбургов словно повис какой-то злой рок: старику-императору пришлось пережить своего бездетного сына Рудольфа, погибшего при загадочных обстоятельствах. И то сказать, на трон он явно не годился. Он вообще ни на что не годился. Такой правитель, как он, мог только угробить дело отца. Убил ли отец наследника? Вполне возможно. Остается лишь вообразить себе, чего ему это стоило. Однако империя была превыше всего: сантименты были неуместны, а потому в расчет не принимались. В общем, вполне вероятно, что Рудольф повторил судьбу царевича Алексея.

Пережил Франц Иосиф и своего брата эрцгерцога Карла Людвига, пережил младшего племянника Отто, умершего от не красящих человеческое достоинство болезней, пережил, наконец, и своего убитого в Сараево старшего племянника Франца Фердинанда, отданного на скасание теми, «кому ничто не может быть поставлено в вину».

Едва ли он был счастлив и в личной жизни: его жена, герцогиня Баварии Элизабет Амалия Евгения (несравненная Сиси), кузина меланхоличного и романтического баварского короля Людвига, разлюбила своего венценосного супруга, и они долгие годы жили розно. После гибели сына Рудольфа Сиси до конца жизни не снимала траур. Она была уверена, что Рудольфа убили. Кто? Неужели же неясно кто? Она погибла за три года до начала XX века: ее заколол дегенерат-итальянец. С рациональной, земной точки зрения ее гибель была нелепа и необъяснима.

После ее смерти Франц Иосиф прожил целых восемнадцать лет. Еще при жизни Сиси у него появилась дама сердца – звезда театральных подмостков Берлина и Вены Катарина Шратт. Дом в Бадене, где она родилась, носит теперь ее имя. По некоторым данным, незадолго до смерти Франц Иосиф тайно вступил с нею в брак. Сведения об этом исчезли при невыясненных обстоятельствах в 1983 году. Катарина умерла в 1940 году в возрасте 86 лет, прожив на земле ровно столько же, сколько и ее венценосный избранник.

Кайзер был хорошим отцом австрийцам и из последних сил нес бремя власти, терпя ее невыносимый гнет. Дряхлая, он как мог противился истории и почти обманул ее: империя рухнула лишь после его ухода.

Вена была его детищем. Он вложил в нее свою душу. У него был и утонченный вкус, и живое чувство прекрасного. А потом пришла демократия, и началось невнятное существование в обрубленном виде: не только без Венгрии и славянских земель, но и без Южного Тироля.

Даже нам, пережившим беловежский сговор, трудно вообразить, чем стал для Австрии Сен-Жерменский договор – полный аналог (точнее, предтеча) Версальского договора с Германией.

Однажды на вокзале в Зальцбурге я увидел роскошный настенный календарь под названием «Южный Тироль». То была единственно возможная форма протеста демократической Австрии против грубого отъема у нее исконных земель. А в детстве меня всегда удивляло, отчего многие чемпионы Европы, мира и Олимпийских игр, выступающие за Италию, носят немецкие имена.

Лишившуюся Венгрии, Балканских владений, Богемии и даже части Тироля Австрию охватило отчаяние, и ей страстно захотелось стать частью Германии, которую австрийцы по-прежнему почитали «варварской». Разом забылись и прежние обиды на пруссаков. Старший и младший германские братья вновь поменялись ролями.

Случались в демократии и мятежи. Их вольные и невольные участники, бежавшие в СССР, спасаясь от расправы, учили меня в школе немецкому языку. Но не австрийскому, венскому, а «правильному» общегерманскому «хохдойчу». И благодарность моя им неизбывна.

В 1938 году желание Австрии стать частью Германии сбылось. Что ж, порой Бог наказывает человека и даже целые народы исполнением желаний (нам ли этого не знать!). Дальше была война и вновь демократия с ритуальным покаянием. В такой чехарде событий здоровому национальному чувству зацепиться было не за что. Вот и остался один Франц Иосиф и его несравненная Сиси. Правда, были еще и Мария Терезия, и добрый кайзер Франц, но последнего жестоко бивал его будущий зять Бонапарт. Однако все это было слишком уж давно и потому для австрийского национального чувства являлось лишь предметом антиквариата.

Объявив войну России, Франц Иосиф неизменно терпел от нее поражения, однако его преемник Карл поставил свою подпись под текстом Брестского мира наряду с разгромленными турками и за компанию с болгарскими братьями. Этот мир оказался для Австрии роковым. Было что-то глубоко символичное в том, что комендантом столицы вальсов в апреле 45-го стал бывший поручик Русской армии, уроженец города Люблина, советский генерал Алексей Благодатов.

У меня перед глазами до сих пор стоит фото из апреля 45-го: наш солдат в ватнике играет на трофейном аккордеоне Hohner. Он думает о чем-то своем, в уголке рта папироса. Под его аккомпанемент на площади перед зданием парламента, выполненного в античном стиле, танцуют с венскими дамами наши солдаты и офицеры. Шляпки на дамах по довоенной моде, туфли – изящные, на каблуках. А для русского человека сошлись тогда в Вене «Афины и освобожденный Иерусалим».

Но в трактире «Тогда», здесь и сейчас, всегда и везде, Франц Иосиф и Сиси неизменно и навеки вместе. В витринах магазинов, кафе, на сувенирах – он и она. Он – символ ушедшей Империи, и она – символ непреходящей Красоты. Счастливая августейшая пара. Да, в сущности, кич, дань моде. Однако мне даже в киче виделась неосознанная австрийская тоска: нет, не по величию, хотя и по нему тоже, но даже больше – ностальгическая и пронзительная тоска по Истории. И что мне, русскому человеку, до Франца Иосифа и его несчастной Сиси? Однако же отчего, когда я гляжу на них, мне становится так грустно?

Елизаветъ Воробей

Я отправился было на Реннгассе, но подумал, что могу застать Леопольдыча и в двух шагах от Батценхойзеля – в доме на Пфарргассе, 16. Здесь останавливалась его благоверная Констанция, проходившая курс лечения в баденских термах, а он наезжал к ней по мере возможности из Вены.

Дом 16 по Пфарргассе был двухэтажным, с низкими потолками. Некогда здесь находилось кафе, теперь на первом этаже располагался магазин «Альпийская одежда. Национальная нарядная и повседневная одежда для всей семьи». Взглянув на ценники, я лишний раз убедился: для того

чтобы одеться а-ля альпийские пейзажи, требовалось быть весьма состоятельным человеком.

Памятная доска из черного мрамора свидетельствовала о том, что Вольфганг Амадеус и Констанция Моцарт жили в этом доме в августе 1789 и июне 1790.

«Какое легкомыслие! – подумал я. – Во Франции революция, а они как ни в чем не бывало в термах неге творческой мечты предаются!»

Ниже на доске были изображены какие-то ноты, а под ними начало первого куплета. Мне стало интересно, что это за ариетта. Моих познаний в сольфеджио явно не хватало, чтобы пропеть эту мелодию с листа, точнее, с доски. Уставившись на нее, я шевелил губами, стараясь промывать и озвучить нехитрую партитуру. Неизвестно, чем бы кончились мои потуги, если бы молодой женский голос за моей спиной не пропел игриво: «Un mo-to di gio-ia mi se-nto nelret-to» – «Радостное волнение чувствую я в груди».

Я обернулся. Передо мной стояла миниатюрная шатенка лет тридцати – вылитый воробышек с короткой стрижкой и миловидным лицом с тонкими чертами.

– Bravo! – сказал я. – А теперь давайте споем дуэт Папагены и Папагено!

– Не получится: я слов не знаю, – ответила воробышек.

– Слова там простые: «па-па-па!» и «па-ба-ба-па-па!», – подбодрил я ее.

– Не стоит эпатировать публику. Здесь это не принято. Баден – не Париж, – пресек мои фантазии воробышек.

– Вы просто Эдит Пиаф, – расплылся я, держа в уме, что «пьяф» означает на парижском аргю «воробей». Она наверняка знала это.

Со стороны улыбка моя выглядела, скорее всего, глуповатой, если не сказать дурацкой. Да и реплика моя не отличалась остроумием: какой женщине понравится услышать в свой адрес, что она похожа на другую женщину, пусть и знаменитую? Однако их обеих роднили малый рост, хрупкость и широко расставленные глубоко посаженные глаза.

– Я не Эдит Пиаф. Я – Елизавета Воробьева.

«ЕлизаветЪ Воробей», – подумал я и невольно улыбнулся.

Видимо, эта нехитрая мысль была написана у меня на лбу.

– Да-да. Именно такое прозвище у меня и было, – иронически уточнила она, подчеркивая тем тривиальность моих ассоциаций.

– Константин Широков! – отрекомендовался я, отдавая короткий поклон и пытаясь щелкнуть каблукими сандалий. – Но ежели вы ЕлизаветЪ Воробей, тогда пусть я буду Михаил Собакевич. Или просто Михал Семеныч.

– А я-то думала, вы – Эрнест Хемингуэй! – в ее голосе отчетливо прозвучало обертоном легкое разочарование.

– Я капитан дальнего плавания. Потом меня перевели на ледокол. Да и сам я некоторым образом ледокол.

– И как зовется ваш атомоход?

– Его имя вам уже ничего не скажет: он давно порезан на металлолом, а сам я списан на берег.

– За что же вас списали?

– Претерпел по службе за правду. Как Павел Иванович Чичиков, – объяснил я Елизавете, изображая из себя Дон Жуана местного разлива.

– Куда именно пойдём? – спросила она деловито.

– К Моцарту. На Реннгассе, 4. Может, он там отсиживается.

Мы тронулись. Лиза окончила Институт Гнесиных, подтвердила свой русский диплом в Австрии и вот уже пятый год жила в Бадене, работая учительницей в местной музыкальной школе.

– Вы свистеть умеете? – спросил я ее при подходе к цели.

– А как же!

– Я не про художественный свист, а про свист в два перста. Так, чтобы городской прибежал.

– Музыкант все может, – ответила она. – А почему вы об этом спрашиваете?

– А кто же будет Леопольдыча с улицы высвистывать? Не камушки же в окно ему кидать!

– А сами вы разве не умеете? – искренне удивилась она.

– Я свой милицейский свисток дома оставил.

– Вы же говорили, что вы капитан ледокола.

– Когда мой ледокол порезали, я в милицию подался, – выкрутился я.

Мы подошли к дому 4 по Реннгассе. Улица была пустынная. В доме располагалась клиника для ревматиков. Я запрокинул голову. На втором этаже висела мемориальная доска, издали походившая на домофон. На ней под профилем Вольфганга Леопольдовича значилось: «В этом доме В.А. Моцарт создал в 1791 году свой непреходящий AVEVERUM».

– Ну, свистите! – в моем голосе послышались командные ноты.

Лиза свистнула, но негромко. Очень деликатно. Должно быть, сказались годы, прожитые в Европе.

– Эдак нас даже Моцарт с его абсолютным слухом не услышит, – попенял я своей спутнице.

– Так и все деньги просвистеть можно, – строго сказала Лизавета.

Видя, что толку от нее никакого, я сложил ладони рупором и крикнул по-немецки: «Вольферль! Выходи! Водка греется», а потом по-русски: «Леопольдыч, выходи!» И для верности прибавил, обратясь уже к его жене: «Штанци! Штанцерль! Конци! Мы за вами с Леопольдычем пришли!»

Крикнул я не сказать чтобы громко. Скорее даже вполголоса. Однако не ожидавшая от меня такой выходки Лизавета метнулась прочь, заняв место в мертвой зоне, откуда ее уже нельзя было углядеть из окон. Я же для приличия решил подождать. Авось хоть Констанция выглянет в окошко. Но вместо Леопольдыча и Констанции в отворенном окне показался пожилой господин с седой бородкой и в докторской шапочке. Наши взгляды встретились. Я отдал доктору легкий поклон и прижал руку к сердцу. Тот поклонился мне в ответ и исчез, захлопнув ставни.

– Четко вы среагировали и оперативно зону обстрела покинули! – искренне восхитился я реакцией Лизаветы.

– Хорошо еще, погону за нами не снарядили, – сказала она.

– Тут ревматики лежат, преследователи из них неважные.

– А на Пфарргассе вы, случаем, в окно к Конни лезть не собирались? Как Моцарт. То-то вы высоту потолков в уме измеряли.

– А зачем ему в окно было лезть? – спросил я. – Разве что ситуация типовой была, той, что из разряда «вернулся муж из командировки...»

– Полиция тоже хотела этот вопрос прояснить. Тем более что Штанци в положении была. А застучал его сосед напротив – молодой офицерик. Он тоже в сероводороде растворялся и за Коко приударял. Он-то, ревнивец, Леопольдовича и повязал.

– Да-с, Моцарт известный озорник был. Небось хотел жене показать, что он и после «Женитьбы Фигаро» готов к ней в окно лазить. Романтик! – подытожил я.

– И куда бы мы вчетвером с Моцартами двинулись? – спросила Лиза.

– В трактир «Тогда!» – бодро отпартовал я. – Повод есть. У меня сегодня день варенья. Поскольку Моцарта с Констанцией дома нет, дерзну предложить вам романтически отужинать со мной в трактире «Тогда».

– Что может быть скучнее и банальнее романтического ужина в ресторане! – ответила Лизавета.

Я был поставлен в тупик. Оставался один проверенный, как автомат Калашникова, но рискованный в моем случае вариант. Ничего другого, однако, мне не оставалось.

– Время вообще-то обеденное и потому еще не романтическое, а прозаическое, – сказал я, – но если вы возражаете, могу предложить вам распить бутылку-другую шипучего на лавочке в Курпарке, точнее, в Венском Лесу.

– А вот это совсем другое дело, – отважно согласилась Лизавета. – С этого-то и нужно было начинать, господин-товарищ ледокол «Эрнест Хемингуэй»!

Бодрым шагом мы дошли до ближайшего магазинчика. Выбор шипучего, именуемого в германоязычном мире Сектом, несмотря на скромные размеры маркета, был обширен и повергал в мечтательную задумчивость, граничившую со ступором.

В конце концов, мы остановились на розовом брюте Шлумбергер, который в России называют на французский лад Шлюмберже. Любопытно, что в Москве марка Шлюмберже устойчиво ассоциировалось у меня с шампанским, а в Бадене – с автомобильными покрывками. Возможно, из ностальгии: рядом с моим домом находилось представительство этого самого Шлюмберже, приторговывавшего шинами для дорогих самобеглых карет и недорогих рессорных бричек.

Триумфатором вступая в Курпарк, я заметил, что голый господин на зеленом коне поднес к глазам ладонь козырьком, точно высматривал, с кем это я иду.

– Посмотрите на коня, – сказала Лизавета. – Не кажется ли вам, что у него непропорционально большая шея, а морда его похожа на рожу динозавра?

Я поразился меткости глаза своей спутницы.

– Пожалуй. И конь тумбой стоит. Но меня больше интересует, отчего мужик на нем голый и кого он, голый, высматривает? Местные хулиганы раздели или на бронзе сэкономили?

– Покрали небось выделенную бронзу, – в тон ответила Лизавета, – и попилили. Куда пойдём?

– Предлагаю в беседку.

– Бетховенскую?

– Там сидеть не на чем. Нет, на ту, что на горе справа. На лавочке в парке как-то не авантажно: народ мимо ходит, придется все время бутылку прятать. Лучше уж наверх подняться.

– Вы меня, как граф Альмавива Сюзанну, в беседку зовете...

– Нет, как графиню. Мы же знаем, чем тогда дело кончилось.

– Не боитесь нарваться на маньячку?

– С вами мне ничего не страшно, – бодро отпартовал я.

Медленно, но верно мы вступали в царство Венского Леса.

Моцарт и Суворов

Беседка находилась на одной из самых высоких обзорных точек Венского Леса – Анненхёе. Вся она была живое свидетельство тому, что в гости в Баден были все

флаги, включая гюйсы солнечного Дагестана и вымпелы вольной Чечни. О этом говорили бесчисленные надписи на всех индоевропейских и частью тюркских языках, а также выполненные любительской рукой фривольные рисунки с соответствующими комментариями. Иероглифы, что характерно, отсутствовали. По внушительности и значимости этот шатер из дерева вполне мог бы конкурировать с маниловским храмом уединенного размышления, а по написанному на его стенах – с содержанием чеховской жалобной книги.

Едва я переступил порог интернационального храма самовыражения, как меня тут же потянуло временно – до очередного приведения помещения в порядок – увековечиться. Возможно, именно так стремились запечатлеть себя в вечности наши пращурь, мастера монументального наскального искусства, однако высота их порывов и профессионализм были для меня и моих современников недостижимы. Я хотел было написать на стенке «Бу-бу-бу-у-у-у!» Здесь был Людвиг Бетховен», но ручки у Лизаветы с собой не оказалось. Я спросил, нет ли у нее кровавой помады, чтобы использовать ее вместо фломастера. На это Лизавета ответила, что использовать такую помаду следует лишь для граффити вполне конкретной направленности, причем исключительно на зеркале ванной комнаты.

Мы правильно сделали, что пошли в беседку: покуда мы шли по дорожкам и аллеям, по которым прохаживались еще Моцарт и Бетховен, нам постоянно попадались навстречу празднующие баденцы и гости городка. Очевидно, что распить Шлумбергер незаметно для постороннего глаза в другом месте не вышло бы.

Вид вниз на город загораживали густые кроны деревьев. Лишь слева в просвет была видна гора с каким-то строением, похожим на одинокую башню старого разрушенного замка. Мы с Лизаветой были отделены от суетного мира и можно было сказать, что обстановка выглядела максимально приближенной к романтической.

Вопреки правилам, вместо того чтобы ослабить, но не снимать мюзле, удерживающую пробку, я полностью отвинтил и снял её, ожидая когда ее выбьет концентрированная энергия виноградной лозы. Ждать пришлось недолго: пробка стартовала словно ракета из шахты и рванула под потолок, оставляя за собой брызги шипящей пены.

– Первая пошла! – доложил я, разливая австрийский нектар и амброзию по стаканчикам с габсбургскими орлами, приобретенными ради такого случая в сувенирной лавке. – Ну, за знакомство!

– За наше случайное знакомство! – уточнила Лизавета. Это напоминало обмен паролем и отзывом двух разведчиков.

– В мире нет ничего случайного, Лизанька! – напомнил я ей, срываясь в банальность, граничащую с занудством.

– Значит, всё predetermined? – спросила она, пригубивая вино.

– Не всё. Просто нам задан коридор возможностей и желательно пройти по нему, не натываясь по собственной глупости и прихоти на острые углы и не ломая ноги в колдобинах. Так что наша встреча вполне закономерна, но, скорее всего, не фатальна.

– Ура! – поддержала меня Лизавета.

Пила она очень красиво, я бы сказал, заразительно.

– Соловьи у вас уже отпели? – спросил я.

– Давно. Здесь весна начинается с конца февраля. Так что к маю все соловьи давно женатые. Какой тогда смысл продолжать петь? В этом мае только один надрылся – видно, прозевал свое счастье.

– Жаль, – вздохнул я, – тогда придется мне за него отдуваться. Сейчас спою вам песенку Адама.

Для того чтобы пропеть пару куплетов и припев, мне не пришлось даже открывать свою электронную книгу – трогательные слова арии были давно разучены в ходе шефских концертов для самого себя:

*Когда моему деду было двадцать лет,
Он был отчаянный браконьер.
Как-то раз при свете луны он, полный радости,
Искушал свою вину перед Резерль (Терезой).
Стоило ему начать целовать ее,
Как в долине начинал свою чудную песню соловей.
И с тех пор он и она – ночью и днем – часто думали:
«Еще раз, еще раз, еще раз
Спой, спой, соловей.
Еще раз, еще раз, еще раз
Спой, спой, соловей,
Как когда-то в долине ты пел.*

Дальше я не очень хорошо помнил, а потому решительно перешел к финалу, когда дед состарился и одряхлел. Сидя на берегу ручья и завидев девушку в дирндле, он вздыхал: «Где же, где же ты сейчас, моя Резерль?»

– Я пою, когда никого поблизости нет. Вот допьем ее, родимую, – я щелкнул почти опорожненную бутылку по горлышку, – откроем вторую и споем чего-нибудь.

– Австрийцы скажут, что это пьяные русские.

– А мы по-немецки будем петь. И тогда русские скажут, что это пьяные австрийцы.

Для затравки я пропел ей из «Волшебной флейты» песенку надсмотрщиков-рабов, которых, спасая и себя, и Памину, заколдовал – иначе не скажешь! – звоном колокольчиков Папагено:

*Это звучит так великолепно,
Это звучит так чудесно!
Ла-ла-ла, ла-ла-ла-ла!
Я никогда не видел
И не слышал ничего подобного!
Ла-ла-ла, ла-ла-ла-ла!*

– А как же поете, когда в книге садится аккумулятор? – спросила Лизавета.

– Просто мычу. Как Папагено, когда ему замок на рот три дамы повесили. Иногда про себя. Мой любимый моцартовский герой.

Когда в детстве я впервые услышал его песенку «Я самый знатный птицелов», я вдруг ощутил, что попал в сказку. Нет, не в воображаемую сказку, которая находится где-то там, которая призрачна и литературна, а ту, которая здесь и сейчас! И я не зритель, а ее полноправный участник! Тогда впервые в жизни я попал в пространственно-временной разлом, и пространства соединились, а время упряднилось. Это был какой-то невыразимый восторг.

В общем, «если б милые девицы все могли летать, как птицы...».

Начиная с восьмого класса, а то и с седьмого, я бы против этого не возражал и сахару не жалел бы! Тем более что тот перестал быть дорогим и редким удовольствием. А уже в зрелом возрасте меня пронзил другой «Птицелов» – Эдуарда Багрицкого:

*Трудно дело птицелова:
Заучи повадки птичьи,*

*Помни время перелетов,
Разным посвистом свистит.
... Но, шатаясь по дорогам,
Под заборами ночуя,
Дидель весел, Дидель может
Песни петь и птиц ловить.
Так идет веселый Дидель
С палкой, птицей и котомкой
Через Гарц, поросший лесом,
Вдоль по рейнским берегам.
По Тюрингии дубовой,
По Саксонии сосновой,
По Вестфалии бузиновой,
По Баварии хмельной.
Марта, Марта, надо ль плакать,
Если Дидель ходит в поле,
Если Дидель свищет птицам
И смеется невзначай?*

«Марта, Марта, надо ль плакать?»

И опять я очутился против своей воли в пространственно-временном разломе и поплыл в пространстве, застряв во времени.

А потом еще один Птицелов спел мне по радио песенку о своем деду, и она тоже запала мне в душу... Много спустя я поинтересовался именем автора этой прелестной арии. И теперь я сидел на лавочке в городке, где он жил, писал и умер.

– Кстати, отчего Целлеру нет памятной доски в Бадене? – спросил я Лизавету. – Циреру есть, Милёккеру есть, какому-то Гоге Венскому есть, а Целлеру нет. Безобразия!

– Его, когда он чиновником был, во лжесвидетельстве обвинили, арестовали, судили и к году тюрьмы приговорили. Жена приговор обжаловала, но к тому моменту муж ее умер. Пятидесяти шести лет. Болел тяжело, умом повредился. Нельзя преступникам мемориальные доски устанавливать. Правовое государство.

– Но, может быть, можно называть улицы? И деньги на нем делать можно.

В том, что в Бадене есть проезд Карла Целлера, я мог бы убедиться, если бы внимательнее изучал карту города.

– На родине, в Петербурге, памятник ему все же поставили. Правда, не ему, а Птицелову. Фонтанчик соорудили.

– Наш, стало быть, питерский!

– А какого Гогу вы имели в виду? – спросила Лизавета. – Хуго Винера? Веселый был человек. И песенки милые писал. Их в кабаре в Батценхойзеле распевали. Пластинки с ними выпускали. Мы как-то раз на нашем капустнике их пели. Публика просто угорала. Одна называлась «Новак». Ее моя коллега пела.

– О чем песенка?

– О даме, влюбленной в некоего Новака, не позволяющего ей опускаться.

И тут Лизавета запела, взяв низкую ноту и подпустив в голос хрипотцы.

Я зааплодировал. Я был в полном восторге. Мы выпили за Лизаветин талант. Недаром же она мне с первого взгляда показалась похожей на Эдит Пиаф!

– А еще вот что я пела, – сказала мне моя Папагена и исполнила детским голосом еще одну песенку Хуго Винера.

Родной братец выбил девочке передний зуб, а она пытается выяснить для себя, по какой причине он это сделал: скорее всего, из-за того, что та назвала Мицци (Марию), с которой танцевал брат, «шваброй». Произошло это неза-

долго до дня рождения. «Бьет, значит любит, – утешает себя девочка. – Но это, конечно, неприятно».

В больничной кассе девочке говорят, что она не имеет права воспользоваться страховкой, поскольку сама виновата в случившемся. Девочке снится добрая фея, дарящая ей передний зуб. А наяву девочка хочет, чтобы ее полюбил сосед, хоть и не красавец, зато дантист, который мог бы сделать ей подарок на день рождения в виде нового переднего зуба – чтобы можно было весело улыбнуться своему парню.

Песенка была смешной, а ее исполнение и вовсе умомирительным. Я в очередной раз наполнил наши стаканчики. Мы вновь выпили за Лизавету, благодаря которой и стало возможным это торжество.

– За вас, Лизанька! – сказал я. – Хорошая у вас работа.

Благородная. Детишек прекрасному учителю.

– Хорошая, но опасная, – уточнила Лизавета.

– Вы же взятки за положительные оценки не берете, – возразил я, проецируя ситуацию на свою педагогическую деятельность.

– Взятки не беру. А в тюрьму посадить однажды могли, да Бог уберет. Начинающим скрипачатам я даю пьеску «Перепелочка». Она, во-первых, идеальна для освоения скрипки, а во-вторых, наша, что приятно. Дома шестилетняя Алена попыталась изобразить Перепелочку папе. Папа считал себя великим скрипачом, поскольку закончил три класса советской музыкальной школы, и поставил перед дочерью сверхзадачу передать смысл произведения. Для этого он спел песенку со словами. Все куплеты. Про больные ножки, грудку, головку, старенького мужа, малых голодных деток, для которых нет хлеба. Он долго по системе Станиславского добивался от девочки выразительности всеми доступными средствами. Как результат, на следующем уроке Алена играла «Перепелочку» и плакала. Пальцы не слушались, смычок дрожал, но в целом образ Перепелочки был передан верно. Хорошо еще, что нас никто из начальства не видел, не то бы меня арестовали, а на допросе мне пришлось бы валить вину на папу, и угодил бы он в жернова ювенальной юстиции. Короче, пересадили бы всех.

– Вы обороняете культуру на танкоопасном направлении, – заключил я.

– Это уж, пожалуйста, без меня выясняйте! – тон Лизаветы был на редкость учтив.

Я в очередной раз восхитился неординарностью Лизаветы, и мы тут же выпили за ее талант находить выход из казавшихся безвыходными положений.

Будучи по природе своей толстокожим, я и представить себе не мог все опасности работы с малышами, несмотря на то, что сам был педагогом. Правда, работал я с людьми взрослыми, что называется, тертыми калачами. Но и у меня были свои профессиональные риски.

– Надеюсь, в домогательствах к ученикам обвинить вас было бы сложно. А вот в моей практике такое однажды случилось.

– Расскажите! – оживилась Лизавета.

– Дело было в лихие 90-е. Подрабатывал я в одном частном вузе, каких на Москве, как плесени, тогда развелось. И вот ставлю я одной юной особе заслуженную ею пару, а та хватает графин и об пол им – шварк! И орет на меня. Матом. Потом убегает. Прихожу в приемную президента этого приюта образовательных услуг, пишу заявление. Так, мол, и так: решайте, или я, или эта ненормальная. Через неделю вызывает меня ректор – нос алкаша, рожа красная, опухшая. Президент. Жена – генеральный секретарь. И начинает меня упрашивать принять от этой девки извинения. Оказывается, она на меня заявление написала,

что я хотел ее привлечь к сожительству. Доказательства? Кладет на стол «Плейбой» (русскую версию) со своим соответствующим изображением как неубиваемый козырный аргумент. «Разве можно супротив такого супероружия устоять?» И скорее всего, меня бы беспощадно уволили, но все дело испортила ее мамаша. Испугавшись демарша дочки, прибегает она к президенту с генеральным секретарем, достает из сумочки склянку и бритву и говорит: «Ежели вы мою дочь отчислите, я вас серной кислотой оболью, а себе вены порежу». Потом натурально выясняется, что обе состоят на учете в психдиспансере. Наследственность, так сказать. Вроде как семейная династия. Приемная комиссия при поступлении справки о состоянии здоровья уже не спрашивала, поскольку такого рода требования рассматривались теперь исключительно с точки зрения нарушения прав человека. Да и брали всех, потому как деньги не пахнут.

– И чем дело кончилось? – спросила Лизавета.

– Ушел я. Не стал извинения принимать. Но не из гордости. Просто побоялся, что эта малохолдная таки обольет меня какой-нибудь кислотой.

– Плейбейка. А романы со студентками случались? – подмигнула мне Лизавета.

– Не будем о грустном, – вздохнул я, разливая шампанское по стаканам. – Лучше расскажите, как работаете вам в вашем дружном коллективе. Самое время поговорить о работе. Вы в школе одна иностранка?

– У нас в школе объединенная Европа. Полный интернационал.

– Какой именно? Второй? Третий?

– Депрессивный, – сказала Лизавета.

– А вот с этого места, пожалуйста, поподробнее!

– Один англичанин, женатый вдребезги, пробовал спастись от стресса тем, что махнул в Германию. Один. Не пошло. Решил перебраться в Австрию. Пьет, хандрит.

– От себя не убежишь, – сказал я. – Тем более если ты алкаш.

– Вот и я ему об этом говорю, – сказала Лизавета. – Есть еще одна пара немецкая. Муж и жена. Терпят друг друга из последних сил. Но не расходятся. Ибо – долг! Перед кем долг? Дотерпелись до того, что стало поздно. Психоналитик посоветовал им заняться танго. Занялись всерьез. Теперь ездят в отпуск по миру и учат публику бороться со стрессом при помощи танго. Пьют. Но в меру. Каждый в своей компании. И еще голландец. «Летучий голландец». Тоже спасается от стресса, – добавила Лизавета.

– Грибками? – поинтересовался я.

– По-всякому. Сбежал от нелюбимой немецкой жены к нелюбимой австрийской любовнице, а та родила ему ребенка. Живут вместе. Он всем рассказывает, что мечтает вернуться к жене, но чувство долга ему не позволяет. Так вот и страдают. И терпят.

Я окончательно запутался в вопросе, кто с кем живет, и потому перевел разговор в интересующую меня плоскость:

– А правду говорят, что в Австрии сейчас жизнь, как когда-то в Германии? Австрия еще своим венским духом жива, а Германии крышка настанет.

– Мне немцы то же самое говорили, – подтвердила Лизавета. – Ну да, всегда лучше там, где нас нет.

– Так выпьем же за Австрию, – сказал я. – За островок уюта и спокойствия в этом мире, за хрупкую немецкую мечту и за Германию, которую мы потеряли. За будущее в прошедшем времени и прошедшее время в настоящем.

– Прекрасный тост, хотя и не совсем понятный, – с готовностью отозвалась Лизавета.

– Да что же в нем непонятного-то? – вздохнул я. – За нашу мечту, которая всегда с нами и которая всегда вне времени. Время утекает, прекрасное – вечно.

– Не вздыхайте, – посоветовала мне Лизавета, – а то ваши вздохи провоцируют наше возвращение из вечности во временность.

Нет, что ни говори, а венский дух можно ощущать даже кончиками пальцев. Однажды я увидел его живой образ. По центральной улице – Кэрntenштрассе – шла под руку, скорее всего на спектакль в оперу, молодая пара. Обоим было чуть за тридцать. Они были красивы, их лица светились радостью, и эту радость они дарили всем встречавшимся на их пути. Их костюмы соответствовали торжественности момента. Они показывали уважение к традициям: на ней была пышная бальная юбка, на нем строгий классический смокинг. А еще они демонстрировали, что молоды и веселы: она дополнила наряд байкерской косухой, а он – ботинками и бабочкой сумасшедшей расцветки.

Боже, как же я люблю Вену! Это сочетание несочетаемого – роскоши и мощи с нежностью и утонченностью, изысканности и величавости с уютом и интимностью. Как я люблю величание и грусть ее парков. И восхитительное чувство восторга и свободы, которое испытываешь в них, и чувство умиротворения, охватывающее тебя в ее дышащих запахах роз скверах. Она вся – воплощенная музыка – Моцарта, Гайдна, Шуберта, Штрауса, Целлера, Легара, Кальмана. Только теперь я начинаю немного понимать, как нелегко было моему школьному учителю немецкого коренному венцу Иоахиму Леопольдовичу жить вдали от Вены. После войны его направили на работу в Австрию, где он должен был создавать ячейки компартии. Однако австрийцы, о чем он не раз доносил по начальству, были люди аполитичные и на предложение Иоахима Леопольдовича отвечали вопросом: «А сколько вы мне за это будете платить?»

В итоге Иоахим Леопольдович вернулся на свою вторую родину, в СССР, и стал учить русских детей немецкому. И я не знаю, посетил ли он потом хоть раз свою родную Вену.

Следующий тост – теперь уже в мое здравие – я позволил произнести Лизавете. Но едва я в очередной раз собрался промочить губы Шлумбергером, как последовал ее короткий и резкий, как штыковой удар, вопрос:

– Кто вы, доктор Зорге?

– Какой из меня доктор Зорге? Скажите, как вы с ходу определили, что я русский? – любопытствовал я. – Меня тут за кого только не принимают.

– Вы этим огорчены? – В ее глазах сверкнула легкая насмешка. – Русский русского всегда опознает. Но вообще-то вы стихи себе под нос читали. По-русски. Совершенно без акцента.

– Какие же именно стихи?

– «Ревёт сынок. Побит за двойку с плюсом». Это ваша Дульсинея вас на декламацию вдохновила?

– Ну вот, здравствуй, третья молодость! – вздохнул я.

– Хотите, расскажу вам о ней? Баден – городок маленький.

– Не хоч.

– Вы романтик.

– Романтик сродни идиоту, человеку, не участвующему в общественной жизни или, если угодно, не посещающему партсобрания. Как говорил с тоской один литературный персонаж, «на собрания я не хожу и ничего не член». По-современному, это асоциальный тип. Нет, я просто нелюбопытен. Патологически нелюбопытен. Знаю, что это почти что порок, а поделаться с собой ничего не могу...

...Затем я пальнул в белый свет как в копеечку второй пробкой Шлумбергера.

– А знаете, – сказал я мечтательно, – можно было бы и депрессивному элементу занятие приискать. Авось ожили б!

– Это какое же такое занятие? – искренне подивилась Лизавета, считавшая, по всей видимости, хворь своих коллег неизлечимой.

– Родился у меня сейчас один проект. Благодаря вам, Лизанька! Фишка вот в чем: устраивать здесь, в Бадене, Русские вечера – литературно-музыкальные и музыкально-исторические. И русским, и австрийцам было бы интересно. А начать, как и положено, с Александра Васильевича Суворова. «Суворов и музыка». Суворова в Австрии знают. Они знают кого предали. Впрочем, Гоффригсрат Цесарский и своих солдат предал. Австрийский отряд потом вместе с Суворовым через Альпы из мешка выходил. Мало кто об этом слышивал.

– «Люблю музыку. Особенно военную. В частности, барабан!» – напомнила Лизавета.

– Знаю дело. Только вы судите как человек штатский. Барабан и флейта ритм движения задают. Дух войска поднимают. Недаром же Фридрих II марши для флейты с барабаном писал.

– Выдающийся композитор был, – вздохнула Лизавета. – Его концерты для флейты – просто шедевры.

– А еще Суворов говорил, что «с громогласной музыкой взял я Измаил». И брали его фанаторы – солдаты и офицеры его любимого полка, который он же сам и создал, его дети, его чудо-богатыри. А знаете что за марш был у Фанаторского полка? – спросил я. И, не дожидаясь Лизаветиного ответа, сказал: – «Мальчик резвый, кудрявый, влюбленный». Моцартовский.

– Ничего себе! – присвистнула Лизавета.

– С этим маршем они могли и через Альпы ходить! Нет, официально марш Фанаторского полка аранжировал в 1802 году пражский австриец на русской службе Антон Иванович Дорфельдт. Но ведь музыка могла проникнуть в Россию и раньше. Через посла Разумовского, например. Он по поручению Потемкина Моцарта чуть было в Россию приехать не уговорил. И был бы Леопольд ректором Екатеринославской консерватории, как и планировалось, а заодно великим русским композитором.

– О-о-о-о!!! – воскликнула Лизавета. По ее реакции можно было судить, что эта информация стала для нее новостью.

– Но Суворов мог сию музыку и собственными ушами слышать, – продолжал я. – Он же после Швейцарского похода в Праге вместе со своей армией отдыхал. А из Праги он Ростопчину, тому самому, которого граф Толстой в «Войне и мире» обгадил, писал: «Мы здесь плавали в меде и млеке». Наши целый месяц в Праге стояли, Багратион балы давал. Так что они с Петром Ивановичем вполне могли на «Женитьбу Фигаро» сходить, да и на «Волшебную флейту» тоже. Надо только уточнить, давались ли эти оперы в Праге в конце декабря 1799 – начале января 1800. Будет чем вашим социально-депрессивным заняться. В Прагу скатают. Это рядом.

– Вы же говорили, что вы нелюбопытны, – напомнила Лизавета.

– Любопытство и любознательность – разные вещи, – назидательность лезла из меня помимо моей воли. – Далее не менее интересные темы возникают. Например, о гимнах России, Австрии и Германии в русских, австрийских и прусских военных маршах. Гайдновский гимн Австрии звучит в марше лейб-гвардии Кексгольмского полка, а русский «Коль славен наш Господь в Сионе» – в прусской «Зоре». А

маршем лейб-гвардии Казачьего полка вообще был свадебный марш Мендельсона.

– Не может быть! – ахнула Лизавета. – И сколько же раз вы под него маршировали?

– Я не служил в Казачьем полку. А так – трижды. Но это к делу не относится, – бросил я мимоходом. – Ваша задача заставить ваших душевно увечных коллег засучить рукава и перелопатить военные марши Австрии и найти в них русские музыкально-политические мотивы. Наверняка таковые должны обнаружиться! Например, в марше австро-венгерского пехотного полка императора России Александра Первого!

Чем меньше шампанского оставалось в бутылке, тем больше я воодушевлялся:

– А потом грянем в вашу честь «Елизаветинский марш» Иоганна Штрауса–отца и тут же, без перерыва «Королю верны» и пойдем освобождать наш Южный Тироль от иноземных захватчиков! Объявим войну ЕС! Потом исполним марш Юлиуса Фучика – «Сараево», которое мы отняли у турок. А мы потом увяжем военную музыку с... Гоголем.

– Каким образом? – Лизавета, кажется, уже перестала чему-либо удивляться.

– Самым непосредственным. Переводчиком «Мертвых душ» был Сигизмунд фон Радецкий – дальний родственник маршала Радецкого. А кто ж в этом мире не слышал «Марш Радецкого»? Между прочим, перевод Сигизмунда Радецкого один из лучших, если не лучший. Наш человек. Русский немец. Рижанин. В Туркестане каналы рыл, добровольцем на Великую войну хотел идти, да его по здоровью не взяли. Ничего, что наше, так сказать, застолье обернулось лекцией? Простите. Профессиональная деформация. Да и человеческая тоже.

– Ничего. Плесните мне еще и продолжайте.

Я плеснул:

– Помещение подберем знатное. Дом доброго кайзера Франца на Хауптплатц подойдет. А потом устроим шествие по Бадену с оркестром, и пусть он сыграет «Прощание славянки». Или «Тоску по Родине». После несколько оркестров сразу одновременно «Гром победы, раздавайся!» исполнят. Как там Суворов говорил? «Мы русские! Какой восторг!» А наши орлы в форме фанаторийцев Суворова на руках несут.

Эта сцена из стародавнего советского фильма, когда солдаты несут на руках Суворова после выигранного в Италии сражения, вошла в меня еще в детстве.

– Мне моя подруга, экскурсовод из Швейцарии, рассказывала, что того, кто занялся Суворовым, генералиссимус от себя уже не отпускает, – сказала Лизавета. – Она потом сама Суворовым вплотную занялась. В Швейцарии, в какой-то воинской части из Андерматта, его неизвестный портрет разыскала. Добилась разрешения на съемки. До министра обороны дошла. Фильм сняли, по швейцарскому ТВ крутили. А вы на Чёртовом мосту были?

– Был. До костей, до мурашек продирает. Казалось, на меня наши чудо-богатыри с небес смотрят. И приветствуют меня. Может, среди них и мои пращурки были... Родная земля. Кстати, юридически тоже, – не преминул добавить я. – Но не мост, а участок, где в скале вырублен крест, и площадка перед обрывом. Они принадлежат России.

Помню, как однажды я спросил хозяина ресторана «Тойфельсбрюкке», что у Чертова моста, почему так много иноземцев – немцев, итальянцев и даже англичан, не говоря уже о русских и французах, для которых посещение этого места дань памяти предкам, съезжается сюда, в Андерматт,

к этому и впрямь чертову мосту, к памятнику суворовским чудо-богатырям? Тот посмотрел на меня с явным недоумением: «Как почему? Суворов же!» А однажды я видел у того моста даже пару машин с литовскими номерами. Но то, скорее всего, были русские.

– А Баден тоже родная земля? – улыбнулась Лизавета.

– Тоже. Родная земля для нас везде, где пролилась русская кровь и где лежат русские кости. А здесь, в Бадене, была штаб-квартира наших войск.

– И где же она находилась?

– Неужто не знаете? Во дворце Меттерниха. Сегодня я уже побывал в нем, попивая меланж в кафе «Клементина», и чуть было не допросил двух наших соотечественниц, играл ли в баденском казино Достоевский.

– Надо же! Я этого и не знала.

– Ничего удивительного: австрийцы об этом вспоминать не любят. А о том, как предали нас в Крымскую войну, и подовно.

– Нам непременно надо в Бадене русский фестиваль замутить! – решительность моя крепла от глотка к глотку. – И чтобы духовые оркестры из близлежащих деревень устроили торжественное шествие в честь его открытия!

– Представила себе сводный духовой оркестр Бадена, исполняющий «Марш артиллеристов», – просияла Лизавета. – Вообразите себе: приезжаете вы в какую-нибудь австрийскую, а еще лучше немецкую или даже швейцарскую деревушку, а оркестр в вашу честь «За нашу Родину – огонь, огонь!» исполняет. Вы спрашиваете тамбурмажора, что это за мелодия, а он вам гордо отвечает: «Наша. «Альпийский марш». Еще мой отец его играл».

– Вот это по-нашему! – воскликнул я. – За то, что «бьет и жжет врага стальная наша вьюга в Германии, в Германии, проклятой стороне».

– Вот так и происходит взаимопроникновение культур, – умолял я.

– Все дело в отношении к войне! – заявил я, вознеся к потолку беседки указующий перст. – Для Запада война – спорт, жесткий, с мордобоем, но спорт. В умеренных дозах. Чтобы людишки не скучали. А у нас война – всенародное горе и бедствие. Судьба, а не бокс и не хоккей с выбиванием зубов для пущей зрелищности. Потому и рождаются «Прощание славянки» и «Тоска по Родине».

– Угрюмость и сумеречность духа – это, пожалуйста, к Вагнеру, – заключила Лизавета.

– Да. Там всего густо намешано. Представил себе картину: стоят два гоголевских мужика, а мимо них похоронная процессия идет – Зигфрида хоронят. Один мужик другому: «Что ты думаешь, доедет то колесо, если б случилось, до Валгаллы или не доедет?»

«Доедет», – отвечает другой.

«А в Эдем-то, я думаю, не доедет».

«В Эдем не доедет». Этим разговор и кончается.

– В общем, пожар в Валгалле потушить не удалось, – констатировал я, – однако не будем отвлекаться от темы: плохо кончил кронпринц Рудольф. А написали бы в его честь что-нибудь в духе «Гром победы, раздавайся!», глядишь, был бы кайзер как кайзер, а не гуляка праздный. – В своей неумной гордыне я продолжал настаивать на необходимости принципиальной культурантропологической дифференциации русака и цесарца.

– В таком случае в честь каждого появляющегося на свет следует писать реквием: когда-никогда, а все помрем. Но можно вручать и типовой. Вместе со свидетельством о рождении. Хотите, моцартовский, хотите, вердиевский, а можно и брамсовский.

– А что символизируют фрау и фройляйн в дрындлях во время шествий оркестров? – спросил я Лизавету.

– Себя и символизируют, – ответила она.

– А я-то думал, единство фронта и тыла. Вместе с мужьями и женихами в бой! Кстати, как в Бадене с женихами дело обстоит?

– Я думала, вы про невест спросите.

– Невесты меня сами обнаруживают.

– Вот как? С этого места, пожалуйста, поподробнее.

– Как-то раз в Париже сижу я на бульваре Сюше перед нашей внешторговой гостиницей на лавочке лицом к проезжей части. Вдруг машина передо мной останавливается. В ней дама. Открывает она окно и окликает меня. Вопрос ее меня озадачивает: «Триста франков, месье?» А я уже знал, что это стабильная такса парижских прелестниц при встрече со средним комсоставом. Я сначала подумал, что мне за три сотни развлечься предлагают, а оказалось, что поработать. Вот, думаю, как меня плотно опекают. Не завербовать ли, случаем, хотя? Я ж не знал, что бульвар Сюше и лавочка перед нашей гостиницей знаковое место Парижа! А тут еще и Булонский лес под самым боком!

– Мадам, – говорю я ей, пытаюсь оправдаться, – я первый день в Париже и жду товарища, но сегодня он уже, похоже, не подъедет. Вообще-то у меня другая профессия и призвание, но я с удовольствием пригласил бы вас на чашечку кофе!

Похоже, что этот облом был в тот день у дамы не первый, и говорит она мне:

– А давайте!

Нашли мы уютное кафе в каком-то зеленом переулке, сели на веранде, разговорились. Шутим, смеемся. Чувствую, душа требует продолжения банкета. И позвал я ее поужинать, ибо кофеем сыт не будешь. Возражать она не стала. Я понимаю, что у нее полная безнадега, если она уже и на ужин со мной соглашается, поскольку поход в ресторан – это событие ритуальное.

– Ничего хоть дама была? – спросила Лизавета.

– Вполне. Лет пятьдесят. Выглядела прекрасно. Настоящая француженка, каких я в детстве в кино видел. Привела она меня в ресторанчик, который «только для своих», что в 16-м округе. Сидим, беседуем душевно. Она вдова. Муж летчик-полковник разбился несколько лет назад, дети взрослые... И тут она меня в другой раз за день ошарашивает: давайте, говорит, поженимся. Я говорю, у меня в Москве работа, то да сё... А она мне отвечает, мол, работой я вас обеспечу: будете консьержем в моем доме – работа не пыльная и за жильцами мужской догляд. Дама оказалась домовладелицей. Состоятельной, как я понял. Я вам на карманные расходы буду давать, говорит мне она, а по воскресеньям – на выпивку. Понятное дело: раз русский, значит, отдых по выходным и праздничным полнокровный. В общем, живи – не хочу!

– Ну а вы что?

– Нет, говорю, трудно мне с моей гордыней приживалой работать. Давайте подождем, когда я свою военную пенсию выслужу, чтобы на шее у вас не сидеть и нахлебником себя не чувствовать.

– Не жалеете?

– Как вам сказать... Мне до максимальной пенсии милицейской нужно было еще пару-тройку лет прослужить, иначе зачем я столько лет ляжку тянул и корячился? И не было бы у меня заначки, которую я от своей французской жены мог бы в голенище прятать... А еще представил себе, что, покуда я на вахте сижу и за соседями приглядываю, она на бульвар Сюше по делам своим неотложным наведывается... Такая вот печальная история.

– И чем она кончилась? – спросила Лизавета.

– Как чем? Я, как видите, в Бадене с вами, а не в Париже с нею.

– Из вас бы знатный сказочник получился, – рассмеялась Лизавета. – И как же ее звали? В глаза мне смотрите: Доминик? Франсуаз? Эдит?

Мой мгновенный ответ явно озадачил Лизавету.

– Тан! – выпалил я, глядя не мигая в серые Лизаветины глаза. Я был готов к такому разворачиванию событий. Опыт подобных допросов был уже накоплен.

– Никогда не слыхала такого имени.

– Я до встречи с нею тоже. Хотя, конечно, Клотильда – Клокло, Жужу, Фруфру – звучало бы более романтично, а главное, привычнее...

– Опереточнее. И часто с вами подобные истории случались?

– Они и сейчас случаются, – мрачно сказал я и запел, изображая из себя Лепорелло пополам с Дон Жуаном.

– Страшный человек! – восхитилась Лизавета. – И сколько же женских судеб вы своими сапожищами затоптали?

– У Леопольдыча спросите. Он соврать не даст: в Италии – шестьсот сорок, в Германии – двести тридцать, сотня французенок, турчанок девяносто, ну а испанок – испанок так аж тысячи три.

– А австриек?

– В Бадене дефицит с консьержами? На садовника-то я не потяну: цветов не знаю, а мусорщик – должность блазная, потому как конкурс слишком велик.

– Насчет милиции вы пошутили или серьезно сказали? – неожиданно спросила Лизавета.

– Серьезно. Почти. Я преподавал в академии и форму носил. Тем моя служба и ограничивалась. Службой это называть можно лишь условно. А что?

– Мой папа в той академии учился.

– На каком факультете? – вмиг посерьезнел я.

– На заочном.

– Значит, у меня. Свой предмет я один принимал. Папа, надеюсь, жив-здоров?

Я боялся задавать Лизавете вопросы о ее родителях, но коли речь зашла о ее отце, да еще в таком контексте, то не спросить о нем было бы с моей стороны невежливо.

– Он погиб шесть лет назад.

– Простите... А мама?

– Мама умерла годом раньше...

Помолчали. Что мог я сказать ей в утешение? Да и выражаемое мною сочувствие могло бы показаться формальным.

«Русскому должно все испытать», – к месту вспомнились мне слова Суворова.

Надо же было встретить в Бадене дочь своего ученика... Возможно, я бы даже вспомнил его, но расспрашивать Лизавету о подробностях было бестактно. Я вообще ни о чем не спрашиваю людей. И вовсе не потому, что мне они не интересны. А потому, что считаю, что, если человек захочет что-то поведать о себе, он все расскажет сам. Без наводящих вопросов, которые могут его ранить. Так и в случае с Лизаветой: если бы она хотела, то рассказала бы о нем сама.

Я обнял ее за плечи, как если бы она была моя дочь.

– А музыке вы учились? – спросила Лизавета.

– Да. Мама учила. Я даже до сих пор могу сыграть первую часть седьмого вальса Шопена, – я пошел загибать пальцы, – «Полонез» Огинского, «Турецкий марш» Моцарта и «Вальс» Грибоедова. Да! И «Лунную». Правда, тоже первую часть.

– Дальше совершенствоваться не стали?

– Не получилось: пианино пришлось продать. Вместе с обеденным столом. Отец в 60-м году под хрущевское сокращение армии попал и долго на работу устроиться не мог. Потом, правда, в почтовый ящик устроился. Очень тяжело свое увольнение переживал.

– Что значит в «почтовый ящик»? – спросила Лизавета.
– На почту?

– Эх, молодость-молодость, – улыбнулся я. – В свое время почтовыми ящиками называли оборонные предприятия: у каждого из них был свой номер, а вместо адреса писалось: «Почтовый ящик №...» Оттого и назывались они почтовыми ящиками. Или просто ящиками. Отсюда и выражение «в ящике работаю».

Помолчали. Молчали и птицы. Очевидно, баденский Папагено уже нашел свою Папагену и петь ему было уже незачем. Так мы, два русских человека, сидели в беседке на Волшебной горе на родине Моцарта, в городке, где он дописывал «Волшебную флейту», и пели арии из «Волшебной флейты». Пели, исторгая из русского сердца немецкие слова, наполняя музыку русским чувством, русской любовью. Было отчего закружиться голове.

Стрелок на своих часах я не обнаруживал.

Увлеченные Моцартом, мы не сразу заметили, что мимо нашей беседки проходила группа русскоговорящих туристов. Но как только мы закончили пение и чокнулись стаканчиками, раздался голос руководителя группы, в котором прозвучали едва уловимые командирские нотки:

– Вот так, товарищи, частенько проводят свой досуг австрийцы, в частности, баденцы. Они не просто пьют, но еще и поют. Могут и классику. Как видите, Венский Лес и Курпарк к тому располагают. Здесь это не возбраняется.

– Лиза, – сказал я, – пойдёмте пообедаем, а то мы этим брютом себе кислотность сверх всякой меры повысим.

Лизавета заметно посерьезнела:

– Я очень хотела сходить с вами в ресторан. Правда. Но... мы здесь все друг у друга на виду и все друг у друга под колпаком. Баден – город маленький...

– Понимаю.

– Давайте допьём и будем прощаться. Вам, наверное, действительно нужно срочно поесть. У вас, случаем, не диабет?

– Он самый.

– Тогда тем более.

Настала пора уходить. Я сложил в свою походно-полевую сумку со швейцарской три пустые бутылки, протер салфеткой стаканчики, внимательно огляделся, проверяя, не испачкали ли мы Венский Лес.

– Не забудьте сумку с нотами, – сказал я Лизавете.

– Ой! Как же я сразу не сообразила! У меня все-таки есть для вас подарок! – воскликнула она, вынимая из сумки детскую флейту: – Держите!

– Я смогу играть, как Папагено?

– Будете вспоминать дома Венский Лес. Или можете вызвать меня, когда я вам понадобится.

– Непременно понадобится! Откуда у вас это чудо?

– Сегодня мы с учениками сыграли «Детскую симфонию» Гайдна.

– Никогда не брал в руки флейту. Покажите мне, как играть на ней, чтобы я мог позвать вас.

– Сыграете ку-ку как в «Детской симфонии». Это просто – вот сюда пальцем нажимаете и отпускаете. А теперь дуйте! – приказала она.

У меня и впрямь получилось ку-ку.

– Ну вот, ку-ку мы уже разучили. На следующем уроке разучим «Перепелочку».

– Дайте мне вашу руку! – сказал я.

Елизаветъ Воробей протянула мне свою узкую ладошку с тонкими, почти прозрачными, но сильными пальцами. Рука ее чуть заметно пульсировала.

– Теперь слушайте меня внимательно: все мы как-то связаны друг с другом в этом мире. А через несколько рукопожатий и с нашими предками. Великими предками. Считайте, что вас благословил Гоголь, а быть может, и сам Пушкин. Вполне возможно, что и без меня вы здоровались с Пушкиным и Гоголем, даже не ведая о том, но через меня уж точно!

– Ой, расскажите! – зачирикал воробышек.

– Есть у меня друг. Художник. Прямой потомок скульптора Владимира Осиповича Шервуда – того самого, что памятник героям Плевны в Москве изваял. Маленького Володю Шервуда благословил на занятия рисованием Гоголь. А Гоголь наверняка не раз здоровался с Пушкиным за руку. Так что мы теперь с вами и с Пушкиным, и с Гоголем на дружеской ноге, пардон, на дружеской руке! И даже с Достоевским. Но это уже по линии героев Цусимы...

– Не может быть...

– А если учесть, – продолжал я, – что Владимир Осипович был сын Ивана Шервуда, предупредившего Александра I, взявшего Париж и основавшего лицей, о заговоре, то выходит, что нас с вами удостоил своим вниманием и приметил сам государь-император, он же прославленный в лике святых старец Феодор Кузьмич. А сам Александр Павлович принял царскую эстафету от Михаила Федоровича Романова...

Лизавета смотрела мне в глаза.

– А что до Андрея, – сказал я, отводя взгляд, – то его дядя, полковник Шервуд Алексей Александрович, в Вене увековечен. На доске у памятника нашим воинам. Я даже фото сделал и ему послал. Он знал, что дядька до генерала дослужился, но не ведал, что его имя выбито на венском памятнике. В общем, Пушкин с Гоголем еще и Вену брали, – заключил я, что прозвучало неожиданно даже для меня самого. Как там Суворов говорил? «Русский Бог велик! Охают французы, усмиряются цесарцы!»

Долгие проводы – лишние слезы, и я двинулся в сторону от выхода из Курпарка, чтобы дать возможность Лизавете покинуть его в одиночестве.

У фонтана «Плавающий шар» я столкнулся нос к носу с русским гидом. Тем самым, которому мы с Лизаветой послужили живой иллюстрацией к его рассказу о музыкальных баденцах. Дисциплине в его группе мог бы позавидовать сам Великий Фриц. Очевидно, гид только что рассказывал о том, как устроен фонтан и как используется в его конструкции свойство несжимаемости воды, и о том, что гранитный шар держится на водяной подушке, поддерживаемый благодаря огромному количеству тонких водяных струек. Наверняка он предложил подопечным попробовать вращать шар и так и эдак. Его поднадзорные послушно, удовлетворенно кивая, по очереди вращали массивный гранитный шар.

«Вот так орудуют и человеческим сознанием», – подумалось мне.

– Что оканчивали? – неожиданно спросил я гида, поравнявшись с ним.

– Коломенское высшее артиллерийское ордена Ленина Краснознаменное командное училище имени Октябрьской революции, – четко доложил он, нимало не удивившись моему вопросу.

– Афган?

– Кандагар. А вы?

– Кабул. Где служили?

– В «полтиннике». В 350-м парашютно-десантном. А вы где?

– Академия царандоя.

При упоминании всуе академии царандоя я почувствовал во взгляде экскурсовода легкую снисходительность и даже усмешку. Гид наверняка не раз видел афганскую милицию в деле, а потому наверняка составил себе представление о кузнице кадров сих «орлов Панджшера». Но он едва ли представлял себе во всей красе высокое искусство сыска, которому учили в академии.

– Здрав буди, Командор! – я протянул ему на прощание руку и сказал вполголоса: – «Падать придется нам долго».

Это было начало знаменитой песни десантников. Ее пел мне на берегу Рейна у подошвы горы Драхенфельс, с которой некогда сбросил дракона Зигфрид, мой друг Алексей Козлачков, сам бывший десантник-«афганец», а ныне писатель.

– «... в этот прыжок затяжной», – подхватил так же громко гид. – Честь имею, товарищ полковник.

«Облачко белого шелка чайкой вспорхнет за спиной», – наверняка пропел про себя Командор.

Пожатье каменной его десницы было тяжело.

Скамейка для идиотов, или Носитель Пустоты

С каждым шагом по пути к центру города суворовской бодрости во мне убывало и все сильнее охватывало чувство покинутости. Но я утешал себя тем, что лучшего подарка ко дню своего рождения, чем две последние встречи, невозможно было и вообразить.

Ноги вновь неумолимо несли меня по Терезиенгассе на главную площадь Бадена – Хауптплатц.

«Заколдованное место», – подумал я. Сегодня Николай Васильевич решительно не желал отпускать меня от себя.

Дойдя до центральной площади города, я присел на лавочку перед зданием Ратхауза – местного горсовета, гордости архитектуры послепожарного Бадена. Скамейку эту облюбовали местные не Христа ради юродивые или, выражаясь современным языком, маргиналы и прочие.. Оттого-то у крепко интегрированных в общественно-политическую систему баденцев лавка и получила неполиткорректное название «скамейки для идиотов».

Устроившись поудобнее, я достал из бокового кармана листок бумаги, на котором рукой Лизаветы был написан ярко-красной губной помадой адрес ее электронной почты. Эфир оставался единственным каналом связи между мной и Лизаветой. Надо было срочно найти ручку и надежно зафиксировать e-mail, покуда ее след еще не исчез в этом мире.

И тогда я направился в табачный магазин, что находился в двух шагах от моей скамейки. Прикупив впрок пачку табака, я попросил у продащицы ручку. От взгляда профессионально приветливой фрау не укрылся кровоточивший автограф. «Что ж, – подумалось мне, – теперь у нее будет что отложить в свою копилку курьезов. Все какое-то событие «в этом городе сонном», будет что рассказать подругам за чашечкой кофе».

Я поблагодарил табачную фрау и вернулся на свою скамейку. За время моего отсутствия ее так никто и не занял. Можно было подумать, что это мне баденцы зарезервировали «место для идиота». Распечатав пачку табака, я закурил. Передо мной распростерлась Хауптплатц (б. Адольф Гитлер-платц), по которой вышагивали некогда и царь Петр,

и только что женившийся во второй раз император Французской республики генерал Бонапарт. Царь жил на Фрауенгассе, но дом, где он останавливался, не сохранился, сгорев, подобно многим другим, во время страшного пожара 1812 года.

Справа было кафе «Сентраль», рекламируемое во всех путеводителях по Бадену. На его веранде сидели немногочисленные посетители, три дамы были в дирндлях. Прямо по курсу высилась Чумная колонна (она же Чумной столб, она же Марианский столб, она же колонна Святой Троицы) со статуей Девы Марии – типовой памятник избавлению от чумы.

Через два года баденской колонне Святой Троицы исполнится ровно два века. Между верандой кафе и колонной был устроен фонтанчик: через неравные промежутки времени из-под земли начинали бить струйки воды. Детвора забавы ради отважно прохаживалась по плитке, щечоча себе нервы: окатит фонтан с головы до ног или удастся высочить из него за мгновение до того, как он брызнет вновь?

На противоположной стороне площади находилось скромное трехэтажное здание с двумя колоннами, на которые опирался балкон с литыми чугунными ограждениями, украшенный снизу бегониями, а по краям розовыми кустами. Это был тот самый Кайзерхаус – дом доброго кайзера Франца, который я присмотрел для организации проведения Русских вечеров в Бадене.

Теперь на первом его этаже расположились рыбный кафе-ресторан сети «Nordsee» и магазин ювелирных изделий и часов «Minnich». Дом, если не считать его нижнего этажа, стоял без дела и принадлежал какому-то частному лицу. Добрый кайзер Франц, последний император Священной Римской империи германской нации, был бережлив, если не сказать скуп. Он сэкономил даже на покраске своей летней резиденции, после того как ее изрядно закоптило во время пожара 1812 года. Очевидно, вышние силы решили, что с несчастного хватит и тех бед, что он хлебнул по вине своего не в меру пассионарного зятя – корсиканского чудовища, потому огонь и пощадил дом кайзера.

В общем, дом для Русских вечеров я выбрал вполне себе достойный. С историей. И теперь от нас с Лизаветой требовалось извлечь из его пустоты Историю и оживить ее русской душой.

Я уже видел Лизавету на сцене – в печальном платье, в котором она казалась воспетым Цветаевой Орлёнком – «бледным маленьким герцогом сказочных лет», герцогом Рейхштадтским – внуком кайзера Франца. Лизавета поет романс Вертинского «Бал Господень».

Вынув из внутреннего кармана куртки подаренную мне волшебную флейту, я решил тихонечко позвать Лизавету, чтобы напомнить ей о своем присутствии в этом мире. Ее урок пошел впрок – в центре Бадена прокуковала кукушка: ку-ку, ку-ку.

И тут пространство раздвинулось, и мгновенно заполнившая его Пустота заговорила: ко мне подлетел воробей.

Он был бел.

Это был воробей-альбинос. Одного такого я не раз видел на Чертовом мосту – он сидел на парапете на расстоянии вытянутой руки от меня.

Мимо меня не спеша проходила пожилая, хорошо одетая пара. При виде экстравагантного седеющего субъекта, наигрывающего на детской флейте незамысловатое созвучие и что-то бормочущего себе под нос, пожилая фрау что-то вскользь сказала своему мужу. Старик не расслышал ее и остановился. И тогда она отчетливо проговорила в его тугое ухо: кто только не ситит на этой скамейке для идиотов!

Так перевести с русского на немецкий услышанную мною фразу я не сумел бы никогда. Мне не оставалось ничего другого, как закутить с горя.

В обыденную реальность меня возвратил как бы извиняющийся лай собачки: тяв! тяв!

Передо мной стоял благообразный седой старичок с тростью. Он был в льняном пиджаке беж, в лиловом галстуке-бабочке в мелкий веселый цветочек и с грациозной иригой левреткой на поводке. Он улыбнулся мне в знак приветствия и присел на другой конец скамейки.

Я улыбнулся ему в ответ.

– Прежде они жили при дворах фараонов, императоров и королей, – сказал я, кивнув в сторону собачки, – а теперь у вас при дворе?

– Мой двор, увы, невелик, – улыбнулся Старичок. – Все придворные, включая шута, разбежались кто куда.

– Как зовут вашу прекрасную юную леди? – спросил я, улыбаясь левретке.

– Феона, – ответил Старичок.

– Ничего, что я курю? – спросил я. – Вас это не раздражает?

Вообще-то рядом пустовала еще одна скамейка, но Старичок подсел ко мне.

– Нет, – ответил Старичок. – Я сам любитель трубки, но доктора запретили мне курить. И потому, когда я встречаю трубочника, то стараюсь сесть к нему поближе, чтобы подышать чужим дымом. Это изрядно экономит средства, – уточнил он.

– Феона не будет возражать?

– Феона непротив, – рассмеялся Старичок. – Она любит меня и терпит мои дурные привычки. И хотя беспокоится о моем здоровье, но делает мне порой кое-какие поправки.

Четвероногая леди, как бы соглашаясь со своим хозяином, заглянула мне в глаза и приветливо повилила хвостом. Она поставила передние лапы на сиденье скамейки и потянулась ко мне, пытаясь получше обнюхать. Я нагнулся к ней, и мы поздоровались носами. Нос ее был холоден и влажен.

– Фройляйн непосредственна и любопытна, – сказал я. – Возможно даже, любознательна.

– Вообще-то итальянские левретки застенчивы и даже робки, – сказал Старичок. – Значит, она чувствует себя в полной безопасности.

По его лицу пробежала доброжелательная улыбка.

Относительно симпатий Феоны я не обольщался: у меня уже был опыт ошибок, пусть и не опасных, зато оставивших на сердце маленький рубчик.

– Вы ей явно понравились, – отметил Старичок.

– Женщина непостоянна, – улыбнулся я в ответ.

– Как перышко на ветру, – сказал Старичок, обнаруживая знание оригинального текста песенки Герцога. Глаза его заговорщически заблестели. – Ну, мы ведь с вами тоже редко остаемся в долгу. Впрочем, собак это не касается. Собаки – это нечто особое.

– Феона как истинная левретка тонко ощущает мое настроение. Она очень проницательна. Мне приходится постоянно контролировать себя, чтобы ненароком не расстроить ее. Когда левретка расстраивается, она заболевает.

– Да, собаки воспитывают нас, хотя мы этого часто не замечаем и думаем, что это мы воспитываем их, – поддержал я Старичка. – Больше того, они дисциплинируют нас. Но коты воспитывают нас еще больше. Как говорит мой друг, если умеешь разгадать душу кота, то разобраться в человеке уже не составит труда.

– Пожалуй, – согласился Старичок.

– Коты посылаются нам для смирения нашей гордыни, – вздохнул я.

– А собаки – в утешение, – улыбнулся мой собеседник.

– А все вместе они ниспосылаются нам ради умножения любви в этом мире, – продолжил я.

– А обезьяны – для того, чтобы мы почаще смотрелись в зеркало, – Старичок был серьезен.

– Обезьяну немец выдумал, как говорит русская поговорка, – сказал я.

– Если это шутка, то не очень веселая, – отозвался Старичок и задумался.

Я подумал, что Старичок как немец может принять сказанное мною на свой счет и потому поспешил подстелить соломки.

– Несчастливая Германия, – вздохнул я. – Солнечный австрийский гений Моцарт ничего подобного и помыслить себе не мог. А если б и смог, то тут же реквием по себе и сочинил.

По губам Старичка скользнула тонкая усмешка:

– Вы, случаем, не пишете? Вы похожи на Хемингуэя.

– Попытаюсь, – признался я. – И рыбалку тоже люблю. Остается лишь слегка изменить концовку «Прощай, оружие!», получить Нобелевскую премию и с легким сердцем сжечь второй том «Мертвых душ».

– А вы не пробовали конфертировать ваше внешнее сходство с герром Хемингуэем во что-нибудь более существенное, нежели комплименты? – спросил Старичок.

– Пробовал! – отозвался я.

– А еще меня принимают за капитана дальнего плавания, – сказал я.

– Прекрасная профессия и призвание! Гордитесь этим! – засмеялся Старичок. – Но капитанов дальнего плавания много, а Хемингуэй – один.

Это несколько выбивавшееся из ряда банальных сравнение с капитаном дальнего плавания я услышал однажды в Бильбао. Поздним вечером, уставший после путешествия к океану, я наконец добрался до своего отеля и решил выкурить у входа трубку на сон грядущий. Не успел я достать чубук из любимой сумки со швейцарским ножом, как навстречу мне бросился с раскрытыми объятиями дородный блондин с пивным животом, радостно заоравший по-немецки: «Чувак, ты похож на капитана ледокола!» Немец, приехавший в Бильбао по служебным делам, успел набраться на шумевшей в ресторане отеля баскской свадьбе.

Образ ледокола, ломающего арктические льды, рожденный в испанскую жару пивным германским гением, восхитил меня. Я живо вообразил визитку, на которой значилось: «Ледокол Широков», где «Ледокол» вполне в духе моды 30-х годов прошлого века было порожденное коллективным сознанием новое человеческое имя – имя для настоящего героя первых пятилеток.

Я неспешно дымил трубкой, Старичок гладил Феону.

– Спасибо! Было очень интересно и познавательно, – сказал он. – Но нам, увы, уже пора домой. Феона! Попрошайся с господином!

Я наклонился к Феоне, и она лизнула меня прямо в нос.

– Да пребудет с вами Бог! – сказал я, отдавая легкий поклон своему собеседнику.

– На здо-ро-вье! – ответил мне по слогам Старичок и, хитро подмигнув, отправился в путь. Возможно, это было единственное, что он мог сказать по-русски. Он шел, опираясь на трость, а преданная Феона на бегу то и дело заглядывала в его глаза, желая удостовериться, что с хозяином все в порядке. Я провожал их взглядом до тех пор, покуда они не скрылись за Чумным столбом, или колонной Святой Троицы.

Кир

Он вышел из Чумной колонны, подобно Венере из раковины, и в тот же миг возник передо мной. Пришлось констатировать, что расстояние, разделявшее скамейку для идиотов и колонну Святой Троицы, Кир преодолел практически мгновенно. Логично было предположить, что пространству в районе Хауптплатц свойственно сжиматься, хотя, возможно, были и иные объяснения. Как бы то ни было, но тем зримо подтверждалась правота Парменида и Зенона, утверждавших, что движения нет, а есть лишь ряд последовательных состояний покоя, равно как и то, что Бытие есть, а Небытия нет.

... Кир жил во дворце, некогда облюбованном князем Меттернихом. После войны в нем располагался штаб Центральной группы советских войск в Австрии. Теперь это был уже не дворец, а многоквартирный дом с чудесным внутренним двориком. На первом этаже дома разместилось кафе Clementine, в котором я сегодня уже сидел, смакуя лимонное мороженое.

Занимал мой сокурсник, правда, не весь дом, а всего лишь двухэтажную шестикомнатную квартиру в нем. Но ему, по его словам, этого пока вполне хватало. Спрашивать, во что обошлась ему покупка квартиры, я не стал. А мое равнодушие к убранству дворца, похоже, заронило в душе Кира едва заметное удивление.

Первым делом мы отправились на кухню: пустые бутылки стучали в мое сердце пеплом Клааса. Одну за другой я торжественно выставил их на стол.

– Обогащайся! – сказал я и сделал широкий жест.

Кир сумел сдержать свой восторг в предвкушении выгодной негоции.

– С кем пил? – деловито спросил он.

– С Папагеной одной, – вздохнул я.

– Вижу, что не с Травиатой. Та бы тебя на «Вдову Клико» развела, а то и на «Лоран Перрье».

– Травиаты со мной не пьют, – сказал я.

– А веселые вдовы?

– У веселых вдов мутные истории в анамнезе. В ответственный момент можно подвергнуться немотивированной агрессии. И ничего потом в суде не докажешь.

На кухонной полке блестели семь глиняных чайников, различавшихся формой и объемами.

– Сам их воспитываешь или жена этим заведует?

– Жена.

– Кипятит их в свежем чае или спитом?

– В свежем.

– Под зеленые и желтые чай тоже их воспитывает?

– Тоже.

С точки зрения теории, воспитательница чайников поступала опрометчиво: зеленые и желтые чай не переносят глину и теряют с горя свою нежность. Впрочем, эти догматы могли иметь ту же ценность, что и заключения сомелье о вкусовых букетах шампанского по 20 (двадцать) и 5 000 (пять тысяч) евро за бутылку.

– Чайники из исинской глины? Из настоящей? – полюбопытствовал я.

– Я спектральный анализ не делал, – ответил Кир. – Говорят, настоящая.

– Ну да. Если уж и за границей врут, то кому ж тогда верить.

С недавних пор у «знатных московских чаеводов» вошла в моду исинская глина, за которую выкладывались небольшие суммы. Однако даже заоблачная цена не могла застраховать покупателя от пошлой подмены исинской глины

подмосковной. Впрочем, чайники покупались не для того, чтобы использовать их по прямому назначению.

Обстановка в доме поражала солидностью и небрежной роскошью. Казалось, будто восемь поколений копили здесь своё фамильное добро: столики, шкатулочки, картины, вазы... Если бы я не знал, что Кир купил шесть лет назад коробку с голыми стенами, я бы подумал, что мы зашли без спросу к его немецким соседям.

«Интересно, – думал я, – этот интерьер, такой цельный... они создали, повинувшись исключительно собственному вкусу. Наверняка нанятый ими дизайнер поражался упорству, с которым они противились любому авангардному идеям. А эту миниатюру купили у дорогого антиквара? Кажется, на блошином рынке такие можно выторговать за пять евро».

Я пристально вгляделся в изящную миниатюру, и мне отчего-то сразу вспомнилась ваза в человеческий рост с портретом Рихарда Вагнера в Мефистофелевом берете, украшавшая третий этаж московского военторга в 1959 году. Когда я спросил отца, который зашел со мной купить фурнитуру для нового обмундирования и парадные погоны, что это за дядя, он, на дух не переносивший симфоническую музыку, но исполнявший под настроение на нашем старом пианино «Красный Октябрь» цыганочку и пару песенок из довоенного кино на гитаре, внушительно ответил: «Трофейный!»

На мраморной каминной доске разместилась бронзовая копия медного всадника, стоявшего в дозоре в Курпарке. Я по-приятельски подмигнул ему. Сей мальчик без штанов становился мне отчего-то все более симпатичен: наверное, я уже привык к нему.

– Что-то не видел, чтобы этого व्यюношу продавали в сувенирных лавках, – сказал я.

– Подарок отцов города, – ответил Кир, явно нехотя.

Скрыть сей факт было невозможно: на основании статуэтки была выгравирована дарственная надпись и указан даритель. Из этого можно было заключить, что услуги, оказанные Киrom местной власти, были нетривиальны и куда как осязательны.

– Славная вещь!

– Мюллерера сам кайзер любил, – сказал Кир, как бы извиняясь. – Так ему на приеме и сказал.

– Вот уж не думал, что старик жаловал модерн, – искренне подивился я. – Скорее всего, сделал дежурный комплимент. Ему дали на подпись представление, а он наложил августейшую резолюцию. И некуда стало отступать.

– Ты не прав. Когда Малера в начальники Венской оперы наметили, старик его кандидатуру с лупой изучал. Он во все художественные нюансы детально вникал.

Проведя в задумчивости пальцем по мраморной каминной доске и поглядев вверх, я сказал:

– А вот здесь портрет государя Николая Павловича недурно бы смотрелся. Меттерних, думаю, и возразить бы не посмел.

Кир, явно памятуя о предательстве венского двора и лично тов. Меттерниха по отношению к государю, предпочел отмолчаться, проявив осторожность и осмотрительность.

Обед, что устроил Кир, был таков, что им наверняка остался бы удовлетворен даже привередливый Михал Семенович Собакевич, но его едва ли мог себе позволить князь Меттерних. Таким могла попотчевать клиента венская ресторация, где кормят исключительно «своих», а не толпы залетных туристов, хотя и туристов в Вене кормят как на убой. Мы были вдвоем и могли неспешно поговорить о вечном, в частности, о вороватости нового баденского началь-

ства, обладавшего еще большими по сравнению с прежним аппетитами.

– Каковы перспективы раскрутки «цветочного дела»? – как бы между прочим спросил я.

– Какого-такого «цветочного»? – в голосе Кира я уловил нотки настороженности.

Судя по всему, дело было нешуточное. Наверняка его подноготная была известна лишь узкому кругу посвященных, а зримое дичание парковых клумб являлось его условным маркером, кодовым обозначением. Мой невинный вопрос мог быть истолкован Киром как тонкая провокация невесты откуда нагрянувшего и бог весть кем посланного ревизора, знающего, похоже, больше, чем ему положено. В самом деле: кто я? Откуда я и зачем в Бадене? Впрочем, о наличии растраты и распила бюджетных ассигнований мог догадаться любой мало-мальски зрячий отдыхающий, регулярно посещающий Курпарк.

– Распустил ты местных, Кирюша! Впору ревизором к вам нагрянуть.

– Венским?

– Московским.

– «Смотрящим»?

– Прокурорским. Или из Счетной палаты.

– Тогда нестрашно. Чем сейчас занимаешься? – спросил он.

– Да так как-то всё... Консультирую помаленьку, – сказал я, не глядя ему в глаза и выискивая на блюде кусок поаппетитнее.

То, что я «консультировал», было сущей правдой. Как и у всякого штатного преподавателя, традиционным элементом моей учебной нагрузки являлись консультации. Наша беседа была весомым подтверждением тому, что не человек играет в игру, а игра играет человеком, стоит лишь сделать первый шаг. А шаг этот Кир сделал, подойдя ко мне и пригласив к себе. Так, вольною волей или нехотя, мы осторожно прощупывали друг друга.

Выяснилось, что у Кира есть еще жилплощадь в Уругвае, но не в самом Монтевидео, а в его пригороде – на берегу океана, и зиму он проводит там, лето же коротает исключительно в Бадене. Случалось, правда, что из Бадена ему приходилось мотаться в Коста-Рику, хотя набеги на нее из Уругвая обходятся куда дешевле, а климат для здоровья Кира предпочтительнее. Но не мы выбираем время и место, а они нас.

– Ты, стало быть, самого князя Клеменса уплотниться заставил, – сказал я, ковыряя серебряной вилкой стейк.

– Пространство имеет свойство сжиматься, – меланхолично заметил Кир.

За нашим столом явно недоставало князя Петра Ивановича Багратиона и Михаила Богдановича Барклай-де-Толли. Престарелому светлейшему князю Михайле Ларионучу Голенищеву-Кутузову было бы, скорее всего, не до нас.

– Кстати, – спросил я, – Рокоссовский бывал в Бадене?

– Не знаю. А что?

– По слухам, у него был бурный роман с Марикой Рёкк.

И я рассказал историю о том, как однажды начальник Смерша В. Абакумов доложил Сталину об интимной связи маршала со знаменитой актрисой и выразил опасение, что та может заразить маршала идеологией национал-социализма.

– И что сказал по этому поводу Сталин? – спросил Кир.

– Он сказал, что «идеология фашизма половым путем не передается».

Кир криво ухмыльнулся.

– Интересно, – продолжал я, – где у них свидания проходили? Неужто в Курпарке?

– Они могли и в Германии встречаться.

– Она в Австрии жила, когда война закончилась, а сниматься в Германии и Австрии ей американцы запретили. В нашей зоне запрет, понятное дело, не действовал.

– Вопрос требует доисследования, – оживился Кир.

– Любопытно, а по-каковски они объяснялись? – во мне проснулся дремавший до поры следователь.

– На венгерском, – усмехнулся Кир.

Я представил себе красавца маршала и кинозвезду-красавицу, сидящих в беседке – в той самой, в которой мы сидели с Лизаветой, а может, даже и в Бетховенской или на площадке Бельвю, и распивающих шампанское.

– Как ты думаешь, какое шампанское они пили? Трофейную «Вдову Клико», «Дом Периньон»?

– Наверняка «Советское», – отозвался Кир. – По чисто символическим соображениям.

Я вспомнил, как совсем недавно обнаружил на бутылочной этикетке надпись: «Московский завод шампанских вин. Основан в 1942 г.». Крепка же была в конце 42-го наша вера в Победу!

– А я Марику Рёкк живьем видел, – похвастался я.

Мог ли я представить себе в далеком-далеком детстве, когда смотрел с родителями «Девушку моей мечты», что через много лет увижу эту «красивую тетю», как я выразился после сеанса, в двух шагах от себя? Я уже был студентом, когда тетушка моя в разговоре с моей мамой напомнила ей, как в начале пятидесятых один прохожий засмотрелся на неё на улице и сказал в восхищении: «Это девушка моей мечты!» Какой изумительно красивой была моя мама, я понял лишь после ее ухода, когда на следующий день стал перебирать старые фотографии из семейного архива...

– Где? Когда?! – мой друг явно не ожидал от исторического времени подобной плотности.

– Здесь, в Бадене. Ей уже, почитай, все девяносто было. Сижу я на скамейке для идиотов и вижу, плывёт на высоких каблуках какая-то пожилая дама со следами былой незаурядной красоты. И тут какой-то ксафер, что рядом сидел, мне и говорит: «Это Марика Рёкк. Можешь у нее автограф взять». И тут же попросил у меня «двадцать копеек» и закурить. А ты разве ее не видел?

– Я всего шесть лет здесь. А ты тут недвижимость приглядываешь? – спросил он меня совершенно неожиданно.

Как сказал мне однажды один мудрый еврей, спрашивать деньги в долг и задавать нужные вопросы следует совершенно неожиданно.

– Веришь ли, Кир, – отвечал я ему, – мне пару лет назад в Баден-Бадене замок Меттерниха впарить хотели. Всего за двадцать «лимонов». Долларов. Не евро.

– А ты чего? – спросил Кирилл без тени улыбки.

– Отказался. Дороговато для меня все же. А то жили бы мы с тобой оба у Меттернихов. Ты – у деда, я – у его внука, вернее, правнука. Вернее, они жили бы у нас с тобой приживалами, а мы бы их терпели и на их бывших «шестнадцати квадратных аршинах» дни коротали.

Сказанное мною было сущей правдой: десять лет назад шустрые, как тараканы, германские риэлторы – уроженцы солнечной Жмеринки – предлагали мне в германском городе Баден-Бадене прикупить дворец правнука князя Клеменса – князя Пауля Альфонса, женатого на княжне Татьяне Илларионовне Васильчиковой («женщине с пятью паспортами», как писала она о себе).

Я не стал уточнять, что в той чисто гоголевской ситуации мне пришлось разыгрывать из неподобающего право-

славному человекоугодия роль постсоветского генерала, владельца алмазных приисков в Анголе и торговца подержанными вертолетами. Но ведь мне и впрямь предлагали прикупить замок Меттерниха!

Приплыла жареная форель. Кир нагнулся, чтобы поднять упавшую серебряную вилку, и из нагрудного кармана рубашки у него выпал золотой медальон с изображением, похожим на свастику.

– Я и не знал, что ты подпольный член НСДАП, – сказал я с полным равнодушием. – Сливаешься с рельефом местности?

– Это рысич, – просветил меня Кир, – оберег.

– Здесь без этого не выжить? – полюбопытствовал я.

– Мир во зле лежит, – ответил он.

На берегу были изображены две цифры «2», составленные из пяти неравных, перпендикулярных друг другу прямых линий-отрезков. Такие двойки изображаются, как правило, на электронных часах и на почтовых конвертах – шаблоны для обозначения индекса. При этом одна двойка была наложена на другую под углом 90 градусов с разворотом против часовой стрелки. Обе они были эмалевые, белого цвета и обрамлены на золотом фоне черным контуром. Работа была явно ручная и, надо полагать, недешевая.

– Здесь делают? – полюбопытствовал я.

– В Уругвае.

– А говядина где лучше? Здесь или в Аргентине?

– У нас. – И тут же пояснил: – В Уругвае.

– А правда, что коровам музыку для повышения надоев врубают?

– Правда.

– Там танго, а здесь йодли?

– Когда у тебя день рождения? – спросил Кир.

– Мы умираем и рождаемся каждый день.

– И когда же ты заново в последний раз умер и родился?

– Сегодня. Чуть свет.

– Что тебе подарить?

– Кир, сделай меня немцем!

– Тебе нужен австрийский паспорт?

Он мыслил инструментально. И ему наверняка был известен ответ генерала Ермолова царю Александру. На вопрос последнего: «Что я могу для тебя, Ермолов, сделать?» – тот дерзко ответил: «Государь, сделайте меня немцем!»

– Мне уже предлагали как-то раз ливанский. Но что-то не срослось. А почувствовать себя немцем можно и без паспорта, – ответил я. И тут же пояснил: – Хочу почувствовать состояние немца из Бадена, видящего окрест одних лишь русских и ощущающего себя чужеродным элементом в своем родном городе.

– Мне интересно ощущение «покинутости» у просто-го австрийца. И баденца, в частности, – продолжал я. – Тут могли бы открыться прелюбопытнейшие нюансы...

– А ты поэт!

Меня второй раз за сегодняшний день назвали поэтом. Это и настораживало, и обязывало.

– Я помню, как ты на немецком вечере отрывок из «Трех товарищей» читал, – сказал Кир. – Замечательно читал. На каком курсе это было? На втором?

– На третьем, – уточнил я. Похоже, он проверял мою память. Хотя, с другой стороны, как же мог я забыть год, день и час своего маленького локального триумфа? – Не успокаивай меня, Кир. Я безутешен. Не дали же мне поучаствовать в «Трехгрошовой опере», а ведь роли моя же Мама Шульц распределяла.

Мама Шульц... Таково было прозвище преподавателя немецкого в моей группе Гертруды Иоахимовны Шульц (по мужу Власовой) – природной немки со славянскими корнями – дочери австрийского коммуниста-эмигранта. Она вынимала из своих студентов душу и вбивала в их головы знания, которые не смогли бы выбить ни в одном гестаповском застенке. Может быть, именно поэтому, а также за ее умилительность и кротость ее звали еще Гертрудой Гестаповной, а подруги по кафедре – Труды. Прочие звали ее за глаза на слободской манер Кимовной. Нас же, ее подопечных, скромно величали власовцами.

Вернувшись домой после своей первой и оставшейся единственной заграничной командировки, я узнал, что Гертруды Иоахимовны больше нет: она наложила на себя руки. Отчего-почему – так никто и не узнал.

Но тогда, когда распределялись роли для брехтовского мюзикла, она была живее всех живых, возмутителем спокойствия. Я страшно боялся, что она даст мне одну из главных ролей, например, Брауна или какую-нибудь менее главную, и тогда мне придется выходить на сцену и петь, на худой конец, подавать реплики. Однако, оставшись даже без роли статиста, я ужасно расстроился, но, разумеется, был слишком горд, скромен и труслив, чтобы спросить ее о причинах своей опалы.

– Я, как сейчас, вижу тебя в роли Мекки-Ножа, – сказал я Киру и подмигнул ему: – Ну что, грянем песню удалую?

Не дожидаясь его согласия, растягивая слова и негромко (за «громко» на Кира могли пожаловаться «куда надо» возмущенные соседи) я затянул:

И Джон завербован, и Джимми взят,

И Джорджи в сержантском званье.

Но армия не спросит: «Кто ты, солдат?» –

У армии есть задание.

От Гибралтара

До Пешавара

Пушки – подушки нам.

Если же новая

Желтая, лиловая,

Черного окраса

Попадется раса,

Из нее мы сделаем бифштекс. Трам-там.

Наверное, со стороны мы с Киrom смотрелись в тот момент как ушедшие на покой бывалые солдаты удачи, из которых как минимум одному – Киру – удача, заговорщически подмигнув, и впрямь улыбнулась. И теперь совершенно новый смысл обретали слова, сказанные почти четыре десятилетия назад Киrom-Мэххитом: «Что такое фомка по сравнению с акцией? Что такое налет на банк по сравнению с основанием банка? Что такое убийство человека по сравнению с использованием его в своих интересах?»

– Знаешь, – сказал Кир, резко переключив регистр, – я тут совсем недавно узнал, что всеми нами любимый товарищ Курт Тухольски написал, что «Драйгрoшен опер» ненавидят те, кто ненавидит все новое: социализм, евреев, Россию, пацифизм, запрещение абoртов и народ. Как тебе такая позиция? – сказав это, Кир подмигнул мне.

– Никогда об этом не задумывался, потому что не знал ничего. «И ненавидим мы, и любим мы случайно»...

– А еще я узнал, – продолжал Кир, – что «Драйгрoшен опер» – это двойная пародия. Пародия на «Оперу нищих» какого-то англичанина восемнадцатого века, а та – на Генделя. А сюжет для того англичанина придумал товарищ Ионатан Свифт.

– Никогда не любил Свифта и не мог прочитать из него больше трех страниц. Так вот почему «трехгрошовка» так популярна у англосаксов...

– А что, Лексаныч, прости, старина Браун, не ноют ли у тебя по ночам старые раны?

Кир спустя без малого сорок лет помнил, что я хотел получить роль Брауна, и знал, что я был ранен, хотя о том, что меня посылали на войну, знали немногие. Больше того, он помнил мое отчество, хотя спустя четыре десятка лет мог бы и забыть. Со временем мозг стирает из памяти бесполезную информацию. Получалось, что он знал обо мне больше, чем я мог предполагать. Я же о нем решительно ничего.

– Новые хвори больше беспокоят. А у тебя?

– Мы мирные люди.

– Где же стоит в таком случае твой бронепоезд?

– В паркинге. Ты женат?

– У тебя в Бадене есть кто-нибудь на примете? Мне нравится этот город. Идеальное место для сердечника, печеночника и почечника. Против чего-нибудь элегического, желательного с титулом, я бы не возражал.

– Титулы здесь нынче не в моде.

– Мне самому в свое время титул итальянского графа предлагали. Я бы мог его даже по наследству передать. Константин Широков граф Падунский. Или все же Падуйский? Славно звучало бы!

– Но не Солнцевский же. И не Бирюлевский! – Несмотря на свое бытие на две страны, Кир, судя по всему, был неплохо осведомлен о московских ОПГ. – Почему предлага-ли?

– Копейки. Мне еще удостоверение рыцаря Мальтийского ордена впаривали. Но там цены колебались в зависимости от места посвящения. И я опять пожадничал.

– В случае сватовства в Бадене титул тебе не помешал бы. На какое приданое претендуешь?

– В пределах разумного. Совсем без него было бы как-то неприлично, а то, что тогда обо мне подумает дама, не говоря уже о ее родственниках? Кстати, лучше бы их не было вовсе.

– Так что же тебе все-таки подарить? – спросил Кир.

– Я думал, ты уже забудешь о подарке, – улыбнулся я.

– Увы, ты не сможешь мне подарить того, чего я хочу.

– А ты скажи мне, что именно я не смогу тебе подарить.

– Это имеет смысл?

– Имеет.

– Ты не можешь мне подарить перевод «Мертвых душ» на немецкий Сигизмунда фон Радецкого. Это довольно редкое мюнхенское издание тридцать восьмого года. Я уже обшарил в Вене кучу букинистических магазинов, и все без толку.

– Эк тебя Николай Васильевич перепахал! – усмехнулся Кир.

– Так что будем считать вопрос исчерпанным, – заключил я. – Спасибо тебе огромное, Кир!

– За что?

– За внимание. Кстати, Гоголь бывал в Бадене?

– Бывал. Правда, нигде этого не фиксировал. Он здесь благословение у батюшки брал. – Кир сделал легкую паузу. – На работу в русской разведке.

– Как в разведке?

– А ты думаешь, он по европам на маменькины деньги колесил?

– Ну Тургенев, ну Достоевский... но Гоголь?! Впрочем... изучал жизнь, людей, анализировал...

– Ты веришь в путешествия во времени? – спросил он.

Задавать неожиданные вопросы было, судя по всему, характерной чертой его характера.

– Верю. Читал я в одном из житий Серафима Саровского, что тот был на Голгофе во время казни Христа. Сподоблен был Господом поклониться страстям его.

Кир слушал меня внимательно. Никакой иронии в его взгляде или мимике я не заметил.

– А еще рассказывал мне один академический богослов о спорах, которые ведутся в их среде относительно жития Николая Чудотворца. Одни говорят, что он личность сказочная и житие его – фантастическая выдумка, поскольку-де, прежде чем стать епископом, он ходил на поклонение святым местам в Иерусалим и заходил в храм Гроба Господня. И двери ему сами собой открылись. Но поскольку самого храма Гроба еще не существовало – какой храм мог быть построен в эпоху лютых гонений на христиан! – то соответственно войти в него он не мог никак – некуда ему входить было. Другие им возражают: дескать, в одном житии смешались случаи из двух разных Николаев – Мирликийского и Патарского.

– Интересно, а в воскресение Христа они в таком случае верят? Это ведь чудо куда чудеснее. А в воскрешение Лазаря?

– Хороший вопрос, как говорят немцы, когда не знают ответа. Я обязательно передам своему другу твои соображения на сей счет, – сказал я.

– Что же получается, – оживился Кир, – Серафим Саровский пропутешествовал в прошлое, а Николай Чудотворец в будущее?

– По видимости, выходит именно так. Но мне кажется, что никуда они не путешествовали, поскольку времени как такового нет, а есть вневременное Бытие, и святые угодники пребывают одновременно и в прошлом, и в будущем, и в настоящем, какими мы их понимаем, точнее, не понимаем, а воображаем себе и чувствуем. Но святые живут с нами и в нашем линейном времени – рождаются и умирают. Люди как люди вроде бы. Ан нет! Истинное Бытие от нас сокрыто, и мы, человеки, живем именно во времени. Но иногда и с нами случаются чудеса. – Меня подхватила невесть откуда набежавшая волна. – Так что Серафим Саровский и Николай Угодник никуда ни во времени, ни в пространстве не перемещались, а попросту были, пребывали вне времени, вне нашего с тобой пространства. И всё видели. И всему были свидетели и, быть может, даже участники. А нам, грешным, лишь кажется, что они путешествовали во времени. Можно и так: святые живут одновременно и вне времени, и во времени, а мы – только во времени.

– Теперь я совершенно спокоен за наших академиков, – сказал Кир.

По всему чувствовалось, что кое-какой опыт встреч с миром запредельным у него был. И серьезный.

– И еще один пример, – воодушевился я. – Преображение Господне. Кого видели на горе апостолы Петр, Иаков и Иоанн, беседовавшие со Христом? Они видели Моисея и Илию – живых и действующих, но физически в нашем линейном времени Моисей на тот момент давно умер. И возникает вопрос: отчего академики от богословия не оспаривают истинность этого евангельского эпизода, а в возможность путешествия Николая Чудотворца во времени – в будущее и обратно в настоящее – не верят? Причем как те, так и другие. Логичнее было бы в таком случае вообще отрицать все евангельские чудеса. Лев Толстой так и говорил: раз в обыденной жизни чудес не случается, значит, все они поповская выдумка. А если мне что-то непонятно, значит, сие есть вздор и обман.

– Чё, правда, что ль? – искренно удивился Кир.

– Так и говорил. Даром, что ли, я все его девяносто томов перелопатил! Старик ведь как рассуждал? Раз один не может быть равен трем, значит, никакой Святой Троицы не существует. И вообще, никаких евангельских чудес не было, а был несчастный проповедник Иисус, который, естественно, никогда не воскресал, а все это придумал апостол Павел, Иисуса никогда лично не видевший.

– Превосходит всякое воображение. Нет, было не было – это, конечно, вопрос, но метода калибровать мир по себе – это да, впечатляет. Я и не думал, что их сиятельство так прост был, – искренне подивился Кир. – Хотя сколько умных людей, матерых профи в своем деле, – сущие дети в жизни.

– Да. Гениальный писатель еще не значит умный человек. Тем не менее в великом авторитете ходил, многие на полном серьезе думали, что он пророк. Оттого-то и воду он мутил капитально.

– Счастливы ты. У тебя есть свободное время, – вздохнул Кир.

– Это я выгодный кредит у судьбы урвал, – попытался оправдаться я.

– И на Голгофу восходил? – спросил Кир и, едва замет-но улыбнувшись, прибавил: – На Kalvarienberg?

– Хаживал.

– Вот сюда?

Он обратил свой взор к висевшей на стене миниатюре, на которую я поначалу не обратил должного внимания, изображавшей сцену предотвращения покушения на особу императорских кровей. Двое мужиков простецкого вида – один из них в тирольской шляпе – хватают за руки «чистого господина», в руке у которого пистолет. Поодаль стоят два господина в цилиндрах, в платье начала – середины XIX века. Тот, что повыше, следит за происходящим и как бы говорит своему спутнику: «Идемте отсюда скорее!»

Вдали какая-то Лысая гора. Четыре каменные башенки одна за другой взбираются на ее вершину. На небе туча, похожая на разинутую крокодилюю пасть. В пасти яркий сгусток света. Но это не солнце. Отчетливо виден глаз, источающий мощные потоки света. Один из них накрывает двух спутников. Автор сего шедевра явно хотел показать, что тот, на которого нисходит поток света, не простой смертный.

– Что это было, Бэрримор?

– Это копия миниатюры из Rollettmuseum. Покушение на наследника престола Фердинанда на Мархетштрассе в 1832 году. Один военный пенсионер у кронпринца денег просил, а тот ему отказал. И получил за это пулю.

– «Рука Всевышнего Наследника спасла?» – поинтересовался я.

– Что-то вроде того, судя по небесному глазу. А Лысая гора, как ты изволил выразиться, это собственно и есть Kalvarienberg, Голгофа.

– Когда же она лесом заросла?

– Лес специально высаживали. В несколько присестов. То денег не хватало, то деревья не приживались.

– Всё правильно, Голгофа и должна быть лысой!

– На Kalvarienberg скотина паслась. И постоянно куда-то проваливалась. Пустот на горе много. Карстовые провалы. Вот и решили пещеры ликвидировать, а гору лесом засадить. Несколько пещер, правда, оставили. Уже тогда о туристах заботились.

Странно, но в пещерах этих я ни разу не побывал.

– Много раз на Голгофу ходил? – спросил я.

– Да, случалось иногда. Замечательный прогулочный маршрут, – усмехнулся Кир. – В какую бы сторону ты с Голгофы ни двинулся, непременно пойдешь вниз.

Судя по обстановке в доме и наличию виллы в Уругвае, подниматься на Голгофу и спускаться с нее Кириллу приходилось постоянно.

– Так это на любой вершине так. Голгофа не исключение.

– А ты по-прежнему Вшивую горку покоряешь? – подмигнул мне Кир.

– Не тронь святое! – попытался отшутиться я. – Се – Гималаи мои.

Кир когда-то сам жил на склоне Вшивой горки – в блочной девятиэтажке прямо напротив храма святого великомученика Никиты за Яузой, а в ту пору склада диафильмов. Теперь же на той горке бил ключ живой жизни подворья Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне. Так что при известном дерзновении во Вшивой горке можно было бы узреть образ и символ Святой горы.

– Чудеса на ней по-прежнему случаются? – спросил он без тени улыбки.

– Как всегда.

Однажды Кир, с которым мы случайно встретились на Вшивой горке, показал мне одно из них: с разных точек улицы, ведущей к ней, шпиль сталинской высоты на Котельнической набережной выглядел то тоньше, то толще. В других же – вновь приходил в норму. Точно такую же оптическую аномалию я наблюдал пару раз на мосту через Мойку: шпиль собора Петра и Павла резко утолщался, и казалось, что пространство между собором и мостом куда-то проваливается. Однако на размерах домов на другом берегу Мойки это никак не сказывалось.

– Тебе не кажется, что в наше время чудес становится все меньше, а вот прежде они случались, почитай, на каждом шагу? – спросил Кир.

– Когда Маркс сказал, что нужно не объяснять мир, а изменить его, никто от этого в ужас не пришел. А следом граф Толстой, как из табакерки, со своей калибровкой разума выскочил. Чему ж теперь удивляться-то? А ты говоришь, чудес меньше стало. По вере и чудеса, как говаривали старцы. Раньше-то люди были доверчивее к миру и относились к нему с уважением, можно сказать, трепетно, были открыты миру.

– При чем здесь открытость миру? – удивился Кир.

– А притом, – отвечал я, садясь на любимую тему, – что прежде человек впускал мир в себя, доверялся ему, а не вел себя по отношению к нему по-хамски.

При этих словах Кир усмехнулся. Он-то понимал, что значит довериться миру и впустить его в себя. И чем это может для него закончиться. И я тоже это отлично понимал.

– В общем, семинары по диамату впрод тебе не пошли, – крикнул Кир. – И мир переделывать ты не собираешься.

– Я созерцатель и чувствователь. Это ты практик и преобразователь.

– Представил тебя, – сказал вдруг Кирилл. – Ты стоишь на нашей горке, а под ней облака. Целый ковер из облаков.

– Уже вижу картину в твоём замке: «Костян граф Падуйский на Вшивой горке над морем тумана». Каспар Давид Фридрих. Холст. Масло. Эпично.

– Я потом толкну ее на Сотбисе, если не возражаешь, – сказал Кир. – А ты заметил, что явление великих чудес сопровождалось появлением облаков? Моисей вошел в облако на горе Синае, Илия на горе Хориве, апостолы со Христом на горе Фавор.

– Действительно... Вот уж не думал, что ты так внимательно читал Писание! – искренне подивился я. – И что, твоему, это значит?

– Это значит, что облако – зримый символ пространственно-временного разлома, как ты выражаешься. Или даже не символ, а скорее образ. Доступная нашему глазу явь.

– На облаке сам Господь восходил. «И придет Он на облаке, и праведники будут восхищены навстречу ему на облаке». Так, кажется, у апостола Павла?

В тот момент мне показалось, что я стою у доски, отвечая выученный урок.

– Помнится, святые были восхищаемы в существующий до сих пор рай тоже на облаке, – подхватил Кир, – именно в облаке, в тумане. Помнишь «Сказание о плавании Брендана»?

– Прости, не читал. О чем там?

– Однажды инок из Ирландии поплыл на корабле по морю, попал в туман и оказался на райской земле. Ты в туман часто попадаешь? – Кир хитро прищурился.

– Куды нам! А вот в пространственно-временные разломы порой попадаю...

– Похоже, облако – не ритуальный атрибут, оно, возможно, свидетельство, проявление этих самых твоих пространственно-временных разломов, – сказал Кир. Он был сосредоточен.

– Очень может быть, – ответил я, мысленно аплодируя Киру. – Иду я сегодня по Венскому Лесу, и привиделось мне, что навстречу движется мальчик лет пяти-шести. Я смотрю на него и понимаю, что это я. И спрашивает он меня: «А что будет дальше?»

– И что же ты ему ответил? – спросил Кир. Он был серьезен.

– А что я мог ему ответить? Как я мог рассказать и объяснить ему свою и его жизнь? Скажи, Кир, это неопасно? – подмигнул ему я.

– Карательная психиатрия упрямлена, – крикнул Кир. Он смотрел куда-то в сторону, в одну точку. И мне подумалось, что и он сталкивался в своей жизни с чем-то подобным. – И что было дальше?

– Дальше я взял мальчика за руку, и мы пошли с ним по тропинке. Он обещал мне показать то место, где из-под земли бьет ключ, из которого он любит пить воду. А потом он растворился в лесу.

– Ты нашел то место, где бьет родник?

– Нет. Я все время шел по исхоженной тропе. Боялся заплутать.

– А в джунглях тоже боялся?

– Там были проводники.

Все-то он обо мне знал!

– Боящийся в любви несовершенен, – сказал Кир.

– Никогда ничего не боящихся лечить надо бы, – подхватил я.

– И кем ты видишь себя в истории? Точнее, в этом мире? – спросил Кир после небольшой паузы. В его голосе не чувствовалось ни малейшей иронии, хотя это и не значило, что он спрашивает тебя всерьез. Он умел заставить собеседника врасплох.

– Чувствую себя элементарной частицей, через которую идут токи истории. А ты?

Кир на мгновение задумался:

– Сопротивлением в ее цепи.

Наш разговор прервал резкий звонок в дверь.

– Это Эмма, – сказал Кир. – Моя дочь.

Эмма

Она точно сошла с обложки немецкого молодежного журнала, являя собой образец утонченной немецкой красо-

ты – русоволосая, сероглазая, с тонкими чертами лица. По-морские корни ее отца говорили сами за себя.

Когда ей было десять лет, ее фото разместили в популярном иллюстрированном журнале: редакции потребовался ангелоподобный тип австрийского ребенка, и в Вене и ее окрестностях не сыскалось никакой иной подходящей модели, кроме этой русской девочки.

– Эмма подбросит тебя до дома, – сказал Кир.

– А что, ее колесо и до Москвы доедет? – тужился я быть остроумным, пусть и за счет классика.

– До Москвы не доедет, а до Вены – пожалуй.

Совсем недавно Эмма пошла под венец с respectable бельным венцем, окончила Венский университет и осталась работать в столице бывшей империи.

Жена Кира чем-то занималась теперь в Кремсе. Возможно, отстраивала «тот самый второй особняк», о котором с жаром говорила завистливая тетка из парка.

– Повесилась у себя на даче.

– Как? Почему?

– Сначала сгорела от рака ее дочь. Потом попал под машину муж. Совершенно нелепо – во дворе своего дома. А в сущности... нервы... У нее ведь было несколько жизней.

– Ты хочешь сказать, у Труди было несколько биографий? – тихо произнес я.

Кир посмотрел мне в глаза и ничего не ответил.

Когда мы прощались, мне показалось, что меня сжимает в объятиях лесной архимандрит.

... Мы катили по ночному автобану. Казалось, Эмма «надела» машину на себя, словно пришедшийся ей в самую пору дорогой элегантный костюм и с шиком несла его на себе.

– У вас в Австрии бизнес? – спросила меня Эмма.

– Я путешествую.

– Турбизнес?

– Нет. Так ... один некоммерческий проект.

– Вы хотите открыть офис в Бадене?

– Неплохо было бы.

– А не проще ли подыскать его в Вене? Венское начальство более покладистое, хотя откусывает тоже покрупному. – Эмма была явно «в материале», как выражался один мой знакомый прокурор.

Я тоже был «в материале», хотя и не в доле. Мой знакомый венский кабатчик Хайнц Ифанович, как я его называл, пару раз пожаловался мне на домогательства местных властей. Однажды они потребовали укоротить на 7 (семь) сантиметров длину выдвижного летнего тента, поскольку тот превышал установленные габариты. Сделать это было невозможно по целому ряду причин. Разумеется, можно было прикупить новый, удовлетворяющий неумолимым начальственным предписаниям. Однако непреложные параграфы, в которые облачались административные дерзновения, имели свойство регулярно менять свое содержание.

Хайнц Ифанович немало потрудился на ниве гостиничного бизнеса на Арабском Востоке и потому давно и без полиции понял истину: «То, чего нельзя сделать, можно решить за деньги. А того, чего нельзя решить за деньги, можно добиться за большие деньги». В результате очередного хождения Хайнца Ифановича по властным кабинетам тент остался таким, каким и был. На мой вопрос, не захаивают ли к нему регулярно на огонек полицейские чины, он кротко ответил: «Как везде».

– Баден – пафосный город, – сказала Эмма.

– Да. У вашего папы отменный вкус!

– И как вам наши австрийцы? – спросила она после некоторой паузы.

– Разгильдяи они, эти ваши австрийцы, – отозвался я.
– Совсем как наш брат русак.

– Они говорят, это все потому, что в них много славянской крови.

– Слыхивал я от них такое. Поскреби австрийца и обнаружишь в нем... немца.

... Однажды водитель туристического автобуса Вальтер, везший меня из Вены в Зальцбург, стал ругать на чем свет стоит австрийские порядки и начальство, обвиняя последнее в феноменальной глупости. Поводом для раздражения послужили пробки на ремонтируемой в отдельных местах трассе. «Вот идиоты, – говорил он мне с сокрушением сердечным за чашкой кофе в придорожном ресторане, – по частям чинят! В Германии всю трассу целиком в порядок приводили бы! Неполноценные мы немцы. А все потому, что наполовину славяне!»

Чтобы облегчить страдания немолодого Вальтера от комплекса неполноценности, мне пришлось объяснять ему, что ремонтировать всю трассу целиком – удовольствие не из дешевых, и для этого у властей могло элементарно не хватать денег.

Внезапно из меня полилось вспыхнувшее ярким пламенем поэтическое железо:

– Мозг Германии, дело Германии, сила Германии, слава Германии – вот что такое Австрия! Мы говорим Австрия, подразумеваем – культура, мы говорим культура, подразумеваем – Австрия.

Разошелся я, судя по всему, не на шутку, испугав Эмму, не привыкшую или уже давно отвыкшую от напора и экспрессии, которую могут породить буквально на ровном месте русская жизнь и русская культура.

– Зато в Германии орднунг так орднунг, – сказала Эмма.

– Фюрер был австриец, – напомнил я с легким назидаaniem.

Эмма, несмотря на свои отросшие австрийские корни, была живым свидетельством того, что русскому человеку свойственна непоколебимая вера в то, что где-то далеко – за горами, лесами и синими морями – есть праведная земля.

Русская венка Эмма предстала в моем сознании продуктом проникновения и наложения друг на друга двух несовместимых пространств.

Совершенно незаметно мы въехали в город. Эмма довезла меня до Венской оперы, откуда я начал в тот день свой «великий поход». В день своего рождения я второй раз сэкономил на транспорте.

Хайнц Ифанович

Я шел по центру уютной, нежной и величественной Вены через Кольмаркт и Грабен к Штефансдому – собору Святого Стефана, небесного покровителя города.

Площадь была пустынна. Вот уже три года как были убраны с глаз долой издавна стоявшие перед Штефансдомом стенды с фотографиями, запечатлевшими его разрушения весной 45-го. Они бесследно исчезли в ночь с 3 на 4 мая 2009 года. Не оказалось их и в самом соборе, и я обратился с вопросом к его служителю. Не ожидавший от меня такой любознательности, тот направил меня в кассы, где продаются открытки и буклеты. Но и там тоже никто ничего не знал.

Я спросил, нет ли в продаже открыток с видом порушенного и восстанавливаемого собора. Таких открыток не оказалось. Где можно было бы приобрести фотографии раз-

рушений Штефансдома, никто не знал. Служители, прежде столь обходительные и разговорчивые, теперь едва скрывали раздражение. В конце концов, они направили меня в близлежащие книжные магазины. Таковых окрест было четыре. В каждом из них я говорил, что являюсь русским журналистом и хотел бы сделать материал о разрушении и восстановлении Штефансдома. Продавцы смотрели на меня с удивлением и легкой настороженностью. А вдруг я евровизор, прибывший в Вену incognito? Напоследок мне посоветовали обратиться в городской архив Вены – Stadtarchiv-Wien. Я поблагодарил за ценный совет и пошел прочь.

...12 марта 45-го американцы в очередной раз отбомбились по центру Вены. В тот день крепко достало и Штефансдому. Интересно, какие стратегические объекты помимо собора обнаружила там их разведка? А когда 10 апреля бойцы Красной Армии пробились к площади Святого Стефана, немцы обстреляли на прощание город из гаубиц.

Несколько снарядов попало на крышу собора. Тот загорелся и горел еще два дня и две ночи. Тушить пожар было некому: вместе с вермахтовскими из Вены драпанули и ее пожарные.

На третий день загорелись деревянные опоры колоколов, и главный колокол собора – знаменитый Пуммерин – рухнул. Весте с ним повалилась и одна из башен купола. По Штефансдому заметался, крича на все лады и громко хлопая крыльями, красный петух. Его пугал стук стремительно въехавшего в Вену русского колеса.

И если бы не это русское гоголевское колесо, моей Вены не стало бы. А спустя шестьдесят четыре года Австрия, убрав щиты с историей разрушения Штефансдома, как бы попросила извинения у своих западных партнеров за то, что те бомбили ее. Так изымаются из обращения Время и История.

... У собора Святого Стефана была конечная остановка» фиакров, запряженных неизменной парой лошадей. Увы, скромные и кроткие трудяги не имели возможности поведать катавшимися на них праздным и пресыщенным двуногим, что повидали, прочувствовали и познали они на своем лошадином веку.

Пустынность площади перед Штефансдомом подчеркивала группа юных анархистов лет двенадцати – четырнадцати. На одном из них был ти-шорт с популярным лозунгом на спине.

Постояв в печальном раздумье на Штефансплатц, я двинулся в «Хамелеон», что расположился в Кровавом переулке – на Blutgasse.

Вот уже десять лет кабачок «Хамелеон» принадлежал Хайнцу Ифановичу. До него им владел мой добрый приятель Александр. Когда я спрашивал Александра, что находилось в его заведении до него, тот отвечал: «Кафе-бар». На мой вопрос, а что было в этом доме еще раньше, Александр лишь пожимал плечами. В общем, связь времен на Blutgasse никак не ощущалась: история никого не интересовала, и у меня возникли основания урезонить слишком уж самокритичного Александра Сергеевича: ленивы и нелюбопытны не только мы, русские.

Хайнц Ифанович был занят более чем ответственным делом: он раскладывал денежные купюры – выручку за день – в три стопки. Самую тонкую он вручил словачке Вере, помощнице, среднюю положил во внутренний карман пиджака, а третью – самую толстую – запер в сейфе.

– И кому же это так повезло? – спросил я, кивая на сейф.

– Этим, – сказал Ифанович, воздев глаза в потолок.

«Всюду жизнь, – вздохнул я про себя. – Не дадут покорбеть от души о судьбах мира сего». Теперь я понимал, отчего так популярен в Австрии Гоголь, и в особенности его «Ревизор». Зрителю было смешно и приятно наблюдать историю из жизни дикой России. Но финал-то был таков: «Над кем смеетесь? Над собой смеетесь!» И публике становилось не до смеха.

– Это им к празднику подарок? – любопытствовал я.

– К какому еще празднику? – не понял Ифаныч.

– Что значит «к какому»? Ко Дню Победы над фашистской Германией! Или как там? Дню освобождения Европы от фашизма? Дню Европы? Дню памяти и примирения?

– Ну и был бы ты немец, – сказал с легкой усмешкой Хайнц Ифанович. – Плохо, что ли?

«На пару недель не помешало бы, – подумал я. – Немецкими-то мозгами Хайдеггера разуместь сподручней было бы. А при обратной смене мозгов на русские понимание сохранялось бы?»

– Ифанович! Давай я тебя русским сделаю? – предложил я. – Я бы тебе рекомендацию в партию дал. Подумай, пока не поздно.

Похоже, о возможности и последствиях обратной перспективы в виде добровольно-принудительной русификации Хайнц Ифанович прежде не задумывался и на себя ее не примерял.

Мы были знакомы с ним вот уже десять лет. И десять лет подряд я привозил ему из Москвы две бутылки водки. Каждый раз разную. Это стало доброй традицией.

Первый раз мы встретились с Ифаньчем, когда я привез своему другу-бармену Александру полтора литра «мира Европы». Выяснилось, что он продал полгода назад свое дело Хайнцу Ифановичу, уроженцу кантона Валлис (Валлэ) Швейцарской конфедерации и ее бессменному гражданину.

Тогда в честь знакомства я отдал эти бутылки новому хозяину. Сказать, что этим я поверг Хайнца Ифановича в недоумение, значит не сказать ничего. Постепенно он овладел собой, здраво заключив, что от этих сумасбродных и сорящих деньгами русских можно всего ожидать. В итоге он предложил мне махнуть рюмахи. Я в полной мере оценил его деликатность и великодушие, решив обогатить лексикон ресторатора поговоркой: «Стакан с утра, и день свободен!» В моем неточном переводе на немецкий она прозвучала так: «Водка с утра уносит прочь все заботы».

Хайнц Ифанович пришел в восхищение и попросил, чтобы я транскрибировал русский первоисточник. Он записал русский текст латиницей, а затем попросил, чтобы я помог ему правильно произнести фразу на языке оригинала. С пятого или шестого раза у Хайнца Ифановича это получилось совсем сносно, так что этот лозунг можно было выкидывать при общении с залетными «русо туристо». И мы занялись с Хайнцем Ифановичем русским языком.

Он был очень способным учеником – даром что владел четырьмя иностранными языками в совершенстве и пятым, русским, со словарем, точнее, со шпаргалкой. Мой гонорар состоял в уроках немецкого, в частности, швейцарского немецкого – «швицердюча». К обоюдному нашему удовольствию, мы постоянно лексически обогащали друг друга, благо редкий день моего пребывания в Вене проходил без того, чтобы я не посетил его кабачок.

Однажды он вдруг спросил меня, какими словами ругают в России немцев.

– Фашист, – ответил я не задумываясь. – Во всяком случае, в моем детстве меня обижали именно так.

Мой ответ обескуражил Ифаньча:

– Фашист?!

– Я же учил немецкий язык. Нас всех, изучавших немецкий, так дразнили.

– Значит, я тоже фашист? – насторожился Ифаньч.

– Ты швейцарец, – успокоил его я. – Правда, нескольких швейцарцев-эссосцев наши в Берлине отловили.

– Это были какие-то идиоты! – сказанное мною изрядно озадачило Ифаньча.

– Вся Европа тогда, кроме Швейцарии, в слабоумие впала, – напомнил я. – Пришлось ее лечить. А те швейцарцы были маргиналы, добровольцы. Не принимай это близко к сердцу.

– А как дразнили немцев до фашизма? – не унимался Хайнц Ифанович.

– Вполне безобидно: немец-перец-колбаса.

Эта триада неожиданно для меня больно ударила по достоинству, самолюбию и самосознанию Хайнца Ифановича. Мне показалось, что лучше бы уж я назвал его фашистом. Напрасно я убеждал его, что немцы жили в России больше четырех веков, верно ей служили, занимая высшие государственные посты и даже сживая на царском троне, все было тщетно: душа Хайнца Ифановича была уязвлена.

Напрасно я втолковывал ему, что известная триада есть шутовское отражение в русском сознании бесспорных немецких достижений в сфере производства высококачественной продукции. Увы! Слова мои стучали горохом о стальную броню.

Во второй мой приезд к Хайнцу Ифановичу вышел забавный казус. Я привез ему две литровые бутылки «Столичной», прозываемой иноземцами «Stoli». Поблагодарив за них, Хайнц Ифанович впал в задумчивость: его не на шутку смущало, что пробки на моей «Столичной» и «Столичной», продававшейся в соседнем супермаркете, были разного цвета. Я сказал, что, возможно, на экспорт идут бутылки с одной крышечкой, а на внутренний рынок – с другой.

Видя, что мои доводы не избавляют Хайнца Ифановича от тягостных сомнений и мучительных раздумий, я сказал, что производством «Столичной» ведает мой близкий друг и бывший сокурсник (что было, как это ни удивительно, совершеннейшей правдой), а посему качество продукции я гарантирую. По его совету я прикупил исключительно «Столичную» и не знал благодаря ей горя. Употреблял ее, мамочку, и ее же изготовитель – Серега.

– Приходи сегодня вечером на ужин, – сказал Ифаньч. – Будут те, с кем я делал бизнес в Египте и Тунисе.

Помимо Арабского Востока, о чем я уже говорил, Ифаньч делал свои дела даже в Непале. Оттуда он привез себе жену-непалку, родившую ему дочь. Мне подумалось, что в Гималаях Хайнц Ифанович обустроил свой запасной аэродром, чтобы, в случае чего, пережить там анонсируемый мировой катаклизм. Только сев за столик, выставленный на улице, я узнал от коллег Ифаньча, что у него сегодня день рождения. Смягчало мою неожиданную возникшую неловкость – я ведь явился без подарка! – то немаловажное обстоятельство, что без подарков пришли решительно все.

Удивительное дело, Хайнца Ифановича чествовали как бывшего начальника, а сам он прислуживал гостям как рядовой кельнер. Пили все время за Хайнца Ифановича.

То был сущий англо-саксонский междусобойчик: голландка с мужем-англичанином, просто англичанин без жены, американец. Великую Россию в тот вечер представлял я. Помогал Хансу Ифановичу обслуживать гостей его зять-непалец с исконно непальским именем Пауль.

Но вот под аплодисмент собравшихся Хайнц Ифанович вынес на подносе одну из моих литровых бутылок «Столичной». У меня засосало под ложечкой, и я стал гадать: то ли

Ифаныч поверил в русское качество, то ли решил испытать привезенное мною изделие на своих бывших подчиненных, заявив о себе как фаталисте: «Выживут так выживут. Помрут так помрут».

Больше и чаще всех прикладывалась голландка. Явно со знанием дела она раз за разом давала высокую оценку Серегиному изделию, что на языке народной дипломатии означало просьбу добавить. И я добавлял. Она смеялась басом и, судя по ее манерам и решимости, вполне могла вырубить мужика одним ударом. Не отставали и англосаксы. Правда, ее муж-дохляк скис подозрительно быстро: по всей вероятности, успел размяться перед званым ужином чем-то исконно островитянским. Зато американец и другой англичанин держались огурцами. Оставалось дожить до рассвета, чтобы провести разбор полетов и вынести здравое суждение о качестве употребленного накануне продукта.

Разумеется, наутро я был как стеклышко. Но ведь не нами придумано: что для русского здорово, то для немца смерть. Поэтому на следующий день я, отложив свои дела, зашел к Хайнцу Ифановичу.

– Стакан с утра и день свободен! – бодро поприветствовал он меня.

– Все живы? – спросил в свою очередь я.

– Все! – ответил Хайнц Ифанович и хитро посмотрел на меня поверх своих тонких очков. Затем достал, словно фокусник, уже ополовиненную бутылку «Столичной» и поставил ее передо мной:

– Будешь?

Я в полной мере оценил бережливость Хайнца Ифановича, не давшего гостям употребить оставшиеся поллитра огненной воды из России помимо употребленного накануне литра.

– Даже верблюды не пьют с утра водку.

– С каких это пор самый свободный человек России, – Ифаныч ткнул в меня перстом, – перестал пить с утра водку?

– С тех пор, как меня выгнали за пьянку из группы захвата штати, – четко доложил я.

Мой внешний вид характеризовал меня как автохтонного обитателя дивана и компьютерного кресла. При слове «штати» Ифаныч оглядел меня с ног до головы, словно видел впервые. С тех пор акт сдачи-приемки привозимой мною водки подписывался Ифанычем, словно акт капитуляции Германии – полностью и безоговорочно.

Кабачок «Хамелеон» был полубогемный и почти домашний. Многие посетители становились приятелями Хайнца Ифановича и как следствие его постоянными гостями. С ними он частенько сживал после окончания работы своего заведения, благо все жили рядом. Это было нечто вроде клуба, в котором я числился почетным ассоциированным членом.

Случались в его полубогемном кабачке и разные забавные истории. Однажды днем я зашел в него и увидел, что в углу стоит старенький венский стул – друг моего детства. Два таких стояли у нас дома, в московской коммунальной квартире, в двадцатиметровой комнате на пятерых.

– У вас продается венский стул? – обратился я по-русски к Вере, пребывавшей в тот момент на хозяйстве.

– Этот стул не продается. Но сегодня у нас есть «Kaiser», – четко отозвалась Вера.

«Kaiser» – пиво, до которого я большой охотник, не пользовалось популярностью у гостей Ханса Ифановича, и потому появление его стало для меня приятным сюрпризом.

И в этот миг пространство бара наполнил гулкий звон: но источником его был не церковный колокол, а оброненная

посетительницей кофейная ложечка. Я и не заметил, что за моей спиной у окна сидели две дамы лет шестидесяти. Ошибиться было невозможно: то были мои соотечественницы, наверняка не раз смотревшие в детстве наш героический фильм «Подвиг разведчика».

Если бы я не вычитал из шпионских романов, что бывшим и действующим агентам спецслужб запрещено собираться вместе в кабаках, то мог бы подумать, что «Хамелеон» является местом приятельских встреч отставных и действующих разведчиков самых разных государств. Ведь не стоило забывать, что бар находился в самом сердце Вены – столицы мирового шпионажа. Однако его посетители больше походили на актеров венских театров, примеряющих на себя роли рыцарей плаща и кинжала в современных условиях – кожаных пальто и пистолетов с глушителями.

Как я уже говорил, отношения между мною и Хайнцем Ифанычем установились приятельские. Он только многозначительно усмехался, когда я небрежно бросал: «Привет!» – и как ни в чем не бывало усаживался на его табурет после годичного перерыва.

Для хозяина кабачка, символом которого мне представлялся аполитичный пан Паливец, Хайнц Ифанович вел себя нетрадиционно: он активно интересовался политикой и мог достать из-за барной стойки то карту Кавказа, то журнал с политическим обзором, испрашивая у меня соответствующего комментария. Так, после войны 08.08.08 он удивил меня внезапным вопросом о выборах в Южной Осетии.

Он подробно расспрашивал меня о моем мнении по тому или иному поводу, и было очевидно, что ему очень хотелось узнать альтернативную точку зрения на происходящее, а еще вернее, получить информацию, которую он не мог получить из европейских СМИ.

Частенько мое предельно консервативное, граничащее с обскурантизмом вольномыслие, которого не мог себе позволить Хайнц Ифанович как член свободно-демократического общества и гражданин правового государства, поворачивало его в задумчивость. Иной раз мне казалось, что я опрокинул на его яйцевидную голову ушат студенческой воды.

Нет, я не пытался его переубедить, навязать свою точку зрения и доказать свою вечную правоту, тем более что агитатор и пропагандист из меня был и есть никомушный. Но порой мне казалось, что кое-что из сказанного мною в сознании Хайнца Ифановича все же оседало, недаром он был одним из тех, о ком говорят – себе на уме.

... Прощание с Хайнцем Ифановичем и Верой было коротким: им было не до меня, но они были со мной предельно вежливы. Мне стало любопытно, когда же Хайнц Ифанович, собственно, живет, если ему денно и нощно приходится пахать в своем «Хамелеоне». Но очевидно, в том и состояли его жизнь и ее смысл. «В поте лица будешь добывать хлеб свой». А если не будешь пахать, как Хайнц Ифанович, и будешь иметь хлеб с маслом, значит, ты идешь дорогой змея, ведущей в ад.

Выйдя на улицу, я решил закурить и нечаянно уронил зажигалку, а вслед за нею и трубку. Мне показалось, что звук от их падения на брусчатку Блутгассе был слышен даже на верхних этажах домов.

Когда-то в XVIII веке здесь жила австрийская Салтычиха, убивавшая своих горничных, отчего этот узкий переулок стал называться Кровавым. А за углом расположился дом, в котором Моцарт писал «Женитьбу Фигаро». Под окнами его квартиры висел одно время государственный флаг Австрии. Позже на моих глазах австрийский флаг убрали и вывесили вместо него польский – Леопольдыча выселил с занимаемой им жилплощади Польский культурный центр.

Но и культурный центр Речи Посполитой не удержал за собой завоеванный плацдарм. В следующий мой приезд государственственный флаг Австрии вновь висел на том же уровне, правда, на доме напротив.

Старая венка

Впечатления, обрушившиеся на меня в день моего очередного рождения, накладывались одно на другое, и, чтобы привести в порядок свои мысли и чувства, мне захотелось растянуть и продлить этот день. Лучшего способа, чем выпить кофе, я не измыслил и зашел в ресторанчик, расположившийся рядом с моим пансионом.

За соседним столиком сидела пожилая фрау, не раз пытавшаяся завести разговор с молодой парой, сидевшей рядом. Молодым было не до нее, отвечали они неохотно и вскоре ушли.

– Можно попросить у вас огоньку? – спросила фрау, увидев, что я достаю из сумки табак и трубку.

Второй раз за сегодняшний день моя зажигалка служила мне добрую службу, с тою лишь разницей, что в этот раз инициатива исходила не от меня, а от дамы.

– У вас очень вкусный табак, – сказала фрау и улыбнулась.

– Курение ведет к бесплодию, – напомнил я.

– В таком случае, вам нужно срочно бросать курить! – ответила фрау. – Я уверена, у вас получится.

– Будем надеяться, – улыбнулся я.

Фрау весело рассмеялась. Мы разговорились. С каждой минутой я испытывал к ней все большую приязнь. Когда я сказал ей, что я из России, она ответила:

– На здоровье.

Судя по всему, эта фраза стала в Австрии крылатой и приобрела едва ли не сакральный смысл. Объяснив фрау ее значение, я предложил выпить по бокалу вина (за мой, разумеется, счет). Предложение было с благодарностью принято. Мы познакомились. Ее звали Леони, что означало «львица».

– А у меня был друг русский офицер, – сказала Леони.

– Вот как? – удивился я.

– Да. Но наше знакомство было весьма кратким. Ходила из 4-го округа в 7-й. Я жила в русской зоне – в Видене, а работала – в американской – в Нойбау. Ходить приходилось через Мариахильф – французскую. Она была противной.

– Чем же?

– Французы были не очень вежливы. Интересно, они были столь же бесцеремонны и со своими женщинами?

– После войны французы с дамами, даже с теми, услугами которых пользовались, не шибко деликатничали: стригли наголо, выставляли на позор, издевались. Поначалу даже убивали.

– За что? – ахнула Леони.

Она была явно не в курсе послевоенной ситуации во Франции, когда доблестные французы ставили на вид легкомысленным француженкам их связи с немцами. Даже тем, чьей профессией было дарить маленькие человеческие радости.

– Как за что? За поражение. Не мужики же войну проиграли! А в чем была неприятность прохождения из зоны в зону? Мне казалось, для венцев то была чистая формальность.

– В досмотрах. Когда я шла на работу со своей скрипкой, меня просили открыть футляр, чтобы удостовериться, что я не проношу оружие. Потом мы стали улыбаться друг другу и подружились.

– Так вы скрипачка? – расплылся я в улыбке. – Моя жена играла в оркестре Большого театра. Правда, на альте.

Я не стал спрашивать Леони, где играла она. Но уж, во всяком случае, не в Венской филармонии и не в Венской опере: женщин туда не брали, а первые женщины-оркестрантки появились там лишь в начале 90-х. Их портреты печатались в газетах, словно то были женщины-космонавты. К тому же Венская опера открылась после разрушения в 55-м. Не могла она играть и в Бургтеатре, поскольку он тоже открылся примерно в то же время. Оставались кафе, кино-театры, варьете... И да, Фолькстеатер.

– О-о-о-о-о! – оживилась Леони, почувствовав во мне родственную душу.

– А отец мой служил одно время в Австрии – в Вене, Бадене, Мельке. И вполне может быть, что тем офицером, с которым вы подружились, был он.

– Может быть, может быть, – повторила Леони в некоторой задумчивости.

«Сколько же ей лет?» – подумалось мне. По расчетам, ей было около восьмидесяти. По возрасту она годилась мне в матери.

– Если вы жили в Видене, – сказал я, – стало быть, вашими соседями были Брамс, Глюк, Шиканедер и даже Иоганн Штраус-младший.

– Они умерли задолго до меня, – вздохнула Леони.

– У Бога все живы.

– Вы хорошо знаете Вену, – сказала Леони, – вы здесь жили?

– Я здесь в одиннадцатый раз, – улыбнулся я. – За это время можно было кое-что и узнать. Тем более если под рукой хороший путеводитель.

– У вас в Австрии бизнес? Родственники? Собственность?

– Ни того, ни другого, ни третьего. Исключительно любовь к Вене. И Венскому Лесу. А вы коренная венка?

– Да. Всю жизнь в Вене, всю жизнь в Видене. Когда я училась в школе, мы пели гимн Видена, ну и гимн Вены тоже.

– «На прекрасном голубом Дунае»?

– Да, – ответила Леони. – В каждом округе Вены был свой гимн. А после войны еще и в каждой земле.

– Надеюсь, их авторами являются Моцарт, Сальери, братья Гайдн и примкнувший к ним Бетховен, а не Шёнберг с Бергом?

Леони весело рассмеялась, очевидно, живо представив себе атональные гимны – сумбур вместо музыки.

– Вена музыкальный город, так что гимны было кому заказать помимо Моцарта и Сальери. А вы, я вижу, не поклонник неовенской школы, – сказала Леони.

– Неовенцами, насколько мне известно, они назвали себя сами. Скромность их всемирно известна. В один ряд с Моцартом и Гайдном себя поставили. Знаете, я с трудом представляю себе человека, которому их музыка, точнее, сочетание звуков, могли бы действительно нравиться. Нет, не на словах, в душе. А Шёнберга в СССР зазывали. Неплохой был бы председатель Союза композиторов. А что? Товарищ цепкий был, хваткий. Квартиры бы распределял, дачи, не говоря уже о направлениях в музыку, в смысле кого – куда. Сталинские премии получал бы, а сам бы сочинил балет «Капитал» (либретто Карла Маркса в редакции Карла Каутского).

– О боже! – на глазах Леони от смеха выступили слезы. – Это же надо до такого додуматься!

– Это не я придумал: Сергей Прокофьев кантату для двух хоров написал на слова Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина. Коммунистическую литургию по схеме католической мессы. Это посильнее «Пети и волка» и «Любви к

трем апельсинам» вместе взятым! Жаль, ее тут же на полку положили. А вы говорите Шёнберг! Кстати, он и в начале прошлого века в России побывал. Русские модернисты его «Лунного Пьеро» вполне оценили.

– Вы шутник! – сказала Леони. – С такими взглядами вам пришлось бы в Европе нелегко.

– С моими взглядами только в России и можно жить, – ответил я.

Леони внимательно посмотрела мне в глаза.

– А я тоже пел в школе венский гимн, – сказал я. – «Рабочие Вены».

– Никогда не слышала его, – сказала Леони.

– Ничего удивительного, – ответил я. – Едва ли он был популярен в Австрии после войны. А мы исполняли его всем классом на уроке пения. По-немецки, разумеется. Кстати, среди моих учителей было несколько австрийцев-эмигрантов. Сейчас я вам его спою!

И спел, немало дивясь, сколь многого я еще не успел позабыть.

Я помню каменное лицо Иоахима Леопольдовича, пришедшего к нам на урок, на котором мы пели этот известный чуть ли не с пеленок красный марш. В 34-м Иоахим Леопольдович был участником венского восстания. Этот марш был маршем его молодости, его жизни, маршем о нем самом.

– Знаете, – задумчиво произнесла Леони, – в этом марше отчетливо звучат евангельские темы. Жнецов грядущей жатвы. Вы не находите?

– Мне это и в голову до вас не приходило. В принципе ничего удивительного: Австрия – католическая страна. Была, во всяком случае...

Я вспомнил монахов и их начальников, которых видел в монастырях Святого Креста (Хайлигенкройц) под Баденом и Бенедиктинского в Мельке. Все они, что цистерцианцы, что бенедиктинцы, производили впечатление крепких хозяйственников, занятых с утра до ночи кипучей деятельностью. Непонятно даже, оставалось ли у них за этими заботами время для молитвы.

Однако шампанское, что выделявалось виноградарями на виноградниках аббатства и продавалось в сувенирной лавке Хайлигенкройца, было изумительно, и я всегда заезжал туда, чтобы привезти домой в Москву пару бутылок.

Впрочем, все австрийские аббатства живут исключительно за счет туризма, взимая за вход плату, я даже поймал себя на мысли, что это равносильно тому, как если бы апостолы жили за счет эстрадных выступлений. Но более всего меня поразило то, что главный зал приемов монастыря в Мельке, Мраморный зал, был украшен одновременно и цитатами из отцов церкви, и изображениями языческих героев – богини Афины и Геракла.

... На дне моего бокала барахталась, выбиваясь из сил, пьяная мошка. Пора было прощаться.

– Спасибо вам за чудный вечер, – сказала Леони. – С вами было так приятно вспомнить прошлое.

– А прошлого нет, как нет и будущего и в определенном смысле даже настоящего. Времени вообще нет.

– Вы поэт, философ, – улыбнулась мне на прощание Леони. – Приезжайте еще раз в Вену. Может быть, мы увидимся снова.

– Это было бы просто замечательно! – с некоторой грустью улыбнулся я.

Мне не хотелось, чтобы она уходила.

Через минуту она скрылась за углом. Походка у нее была вполне бодрая.

День завершался на элегической ноте.

Херманн

День выдался прохладным и пасмурным. То и дело начинал моросить дождь. Временами он усиливался, а потом вновь принимался сыпать мелкой крупой. Улицы были безлюдны. Не было даже вечных туристов – кормильцев нынешнего Мелька.

Ноги сами собой привели меня к печальному русскому погосту: я не искал его и даже не знал о его существовании. Он расположился рядом с австрийским кладбищем, которое выглядело по сравнению с ним нарядным и почти что неуместно жизнерадостным. Здесь терпеливо ожидали своего заслуженного воскресения почившие в этом милом городишке обыватели.

На русском же чайли жизни будущего века узники концлагеря Мельк – одного из филиалов не к ночи будь упомянутого Маутхаузена.

В последние недели войны сюда, в Мельк, привозили на расстрел пленных. Расстреливали, однако, не всех: многих лишали жизни с помощью уколов в сердце – прогресс немецкой медицины не мог стоять на месте.

Упокоились на русском кладбище Мелька и члены семей наших офицеров, служивших здесь после войны. Была ли возможность у родственников умерших здесь посетить родные могилы после ухода наших из Австрии?

Русское красноезвездное кладбище выглядело ухоженным, особенно если учесть, что содержалось оно на казенный счет. Однако оно не шло ни в какое сравнение с утопавшим в дарах Флоры австрийским – с его католическими крестами.

Дождь все не прекращался, и, спасаясь от него, я шел в бар автозаправочной станции.

– А где здесь еще одно русское кладбище? – спросил я молодую фразу, стоявшую за стойкой бара и переговаривавшуюся со своей знакомой. – Я читал в Интернете, что оно в четверти часа езды от города. Это старое-престарое русское кладбище.

Дамы прервали свой не очень оживленный разговор.

– Да, говорят, оно где-то поблизости, – сказала барменша, – но точно сказать вам не могу.

Спрашивать ее, где находилась в Мельке советская военная комендатура, я не стал: это было бесполезно. Этого не знал в городке никто. Или не хотел знать.

– А можно от вас заказать такси, чтобы оно меня добросило туда и обратно? – спросил я.

– Разумеется! – живо отозвалась барменша.

Рука барменши потянулась было к телефону, но тут за моей спиной раздался густой баритон:

– Я могу вас отвезти туда.

Обернувшись, я увидел седовласого мужчину – подтянутого, лет шестидесяти, в потертых джинсах и видавшей виды ветровке.

– Был бы вам весьма признателен! – живо откликнулся я. – Но не будет с моей стороны нескромным затруднять вас?

– Это совершеннейшие пустяки.

Взять в Мельке частника и быть убитым, ограбленным и выброшенным затем на обочину я не опасался, но не был уверен, что господин не воспримет мою формальную вежливость в качестве проявления боязни иностранца отправиться неизвестно куда, неизвестно с кем.

При виде моего благодетеля барменша оживилась, глаза ее заблестели.

– Привет, Уши! – бросил ей он.

Его подруга Уши была более сдержанна в проявлении своих эмоций и лишь молча сделала мужчине ручкой.

– Вы ведь из России? – спросил он, вновь обращаясь ко мне.

– Из России.

– Тогда поехали!

На улице нас ждал «Мерседес» серовато-сизого цвета. Похоже, такой же был в начале 70-х у моего институтского профессора международного права Придорожного, известного на весь ученый мир гордеца и мизантропа. Его «мерин» был, надо полагать, предметом зависти коллег, ибо столь породистые железные кони били копытами лишь в конюшнях иностранных дипломатов. Злые языки поговаривали, что профессор сумел прикупить его благодаря тому, что не платил налог за бездетность. Сию подать он и впрямь не платил, сумев доказать компетентным органам свою неспособность к продолжению рода.

– А все говорим, что плохо живем! – бодро отрапортовал я, открывая дверь «Мерседеса». – Какая машина у вас шикарная!

– Эта машина у меня с восемьдесят седьмого года, – сухо уточнил ее хозяин.

И только тогда до меня вдруг дошло, что его «сивому мерину» ровно четверть века. Получалось, что я посмеялся над его хозяином, и от этого мне стало неловко. Только теперь я пригляделся к машине: она и впрямь была не первой и даже не второй молодости. Меня подвела старая советская привычка с почтением относиться к настоящему немецкому качеству, а круглая эмблемка со звездочкой в три луча на капоте была его символом.

Несмотря на почтенный возраст, немецкое колесо катилось и мягко, и резво. Даже такой страшно далекий от автомира человек, как я, и то заметил, что за машиной ухаживает мастер золотые руки.

– Вы бережливый хозяин, – сказал ему я. – Машина-то – зверь!

– У меня автомастерская, – ответил он.

Я протянул ему руку:

– Меня зовут Константин, не знаю, как оно будет звучать по-австрийски: Кони? Консти? Конци?

– Можно еще и так: Тино, Штанги, Конки. Коко, наконец. Выбирайте любое.

– Мне все равно. Только не Коко, пожалуйста.

– А у меня имя очень нехорошее, – сказал он, видимо смутившись.

– Разве бывают нехорошие имена?

– Бывают. Оно у меня даже преступное: меня зовут Херманн.

– И что? Что в нем нехорошего? Что в нем преступного?

«Что в имени тебе моем?» – сказал я про себя.

– Как что? – теперь настал его черед удивляться. – Это же имя Геринга!

– Послушай, Херманн, – незаметно для нас обоих мы перешли ты, – у всех злодеев человеческие имена, так что же теперь из-за них все имена прикажешь запретить? Особенно немецкие. Альфреда, Иоахима, Йозефа, Генриха, Вильгельма. На Руси было немало святых с именем Герман, и мы, русские, их глубоко почитаем. Я знал нескольких человек с таким именем, и все они родились после войны. Кстати, до войны в СССР было достаточно распространено имя Генрих. Как ты думаешь, родители своим чадам это имя в честь Гимmlера давали? Я тебе больше скажу: космонавт номер два в мировой истории звался Герман. Герман Титов. И он был русский, как ты понимаешь!

То, что он был тезкой второго в мире человека, побывавшего в космосе, восхитило Херманна. Этого он не знал.

– Так что выбирай, – продолжал я, – чим именно тезкой ты предпочитаешь быть – русских святых, героя оперы Чайковского или советского космонавта. А если не хочешь быть тезкой русских, считай себя тезкой грека – Константинопольского патриарха и святого.

– Ух ты! – просиял тезка рейхсмаршала. – Спасибо тебе, Конци!

Так я обрел свое австрийское имя.

– Ты очень похож на одного русского солдата из моего детства, – сказал повеселевший Херманн. – Он был уже пожилой и казался мне великаном из сказки. У него была большая черная борода лопатой. Сначала я его очень боялся, но потом мы с ним подружились. Теперь мне кажется, что он полюбил меня. Я даже стал обращаться к нему «дядя Ваня».

Советский солдат с бородой... Довольно редкое явление. И мне вспомнилась давняя фотография: немолодой солдат с черной, поседевшей бородой, вернувшийся с войны. На нем поганы рядового. Солдат преклонил колени, чтобы удобнее было целовать сына в губы. Сынишке лет пять, он боится. Он приподнимается на цыпочках, чтобы достать до отцовских губ. Вполне возможно, это их самая первая встреча.

Нет, это едва ли был тот самый «дядя Ваня» из Мелька.

Дождь усилился, что было совсем некстати.

– Русских мы поначалу жутко боялись, – говорил мне Херманн. – Но ничего плохого они нам не сделали. Кажется, больше всех боялся мой отец. Однажды за ним пришли ваши и арестовали: кто-то донес, что он был членом нацистской партии. Рядовой, впрочем. Уровня корней травы.

– О как! И чем же дело закончилось?

Как раз в это время мы переезжали мост через какую-то задорную речку. Он был достаточно высок, определить, глубока ли река, было невозможно.

– Вот с этого моста мой отец в реку сиганул, когда от ваших сбежал, – сказал Херманн. – Ушел к американцам, но там его арестовали. Ненадолго. Потом отец вернулся.

Этот автомост был для Херманна достопримечательностью, так что в пору было устанавливать на нем мемориальную доску.

– О-о-о! И жив остался? И как он вступил в партию? – меня всегда интересовали вопросы партийного строительства.

– Очень просто, – сказал Херманн. – Местный партийный бонза предложил ему в начале сорок второго вступить в НСДАП. При этом открытым текстом сказал, что члены партии призываются в вермахт не будут.

– Интересное дело, – хмыкнул я. – У нас был лозунг «Коммунисты, вперед!», а здесь, выходит, «Национал-социалисты, назад!»?

– В общем, отец согласился. Но в сорок пятом горько пожалел об этом.

– Я думаю, он поступил правильно, – сказал я. – А то бы на фронт пришлось топтать. А так греха убийства на душу не взял и против совести не пошел.

– Мой отец тоже в 42-м в партию вступил. Правда, на фронте.

– Приехали! – четко доложил Херманн. – Учти, Конци, здесь парковаться негде. Мы нарушаем правила. Так что снимай быстрее, пока полиция не нагрязнула.

Им только дай над людьми поизмываться. Нет чтобы просто оштрафовать! Так они тебя еще унизят и все кишки вынут.

Я вышел из машины. Дождь прекратился. Теперь я мог фотографировать, не рискуя испортить свою аппаратуру. Передо мной было русское мемориальное кладбище. Оно представляло собой обнесенную чугунной оградой площадку, в центре которой высился огромный православный крест из черного мрамора. На нем белыми буквами было начертано: «Вечная память 300 русским воинам, погибшим на чужбине в Мельке и здесь погребенным».

Ниже знаменитое евангельское речение: «Больша сея любви никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя». Еще ниже: «Поставлен по Высочайшему повелению в 1891 г.» По обе стороны креста стояли, точно в карауле, два громадных бука.

Этот памятник в честь погибших русских воинов был установлен на солдатском кладбище в Мельке по указу Александра III. С согласия кайзера Франца Иосифа, разумеется. «Две мировые войны пережил, а остался цел и невредим, – подумал я об этом погосте-памятнике. – Просто чудо Господне».

За закрытой на замок оградой покоились 300 русских воинов, попавших в плен после Аустерлица. Французы поместили их в казематы Бенедиктинского аббатства. В ночь с 13 на 14 декабря 1805 года в монастыре случился пожар, и наши плененные бойцы задохнулись в дыму. Их похоронили за городом, в братской могиле. Как знать, возможно, среди задохнувшихся в казематах мельского монастыря были и те, кто прошел с Суворовым через Альпы и вырвался из каменного мешка.

Я подумал, что пожар 1805 года был неким знаком, прологом к превращению Мелька через полторы сотни лет в лагерь смерти. И вот теперь я стоял перед входом в мемориал, который, быть может, устраивал после войны и мой отец. Он ведь служил здесь, хоть и недолго. Большого я не знал: отец никогда не рассказывал о войне и всячески избегал разговоров о ней. И только вернувшись однажды из тех мест, где иногда убивали, я наконец понял его.

Надпись на арке, установленной перед входом в мемориал, гласила: «Слава великому русскому войску».

На левой колонне на черной мраморной доске было написано:

*«Мы не забыли, как во имя жизни
Вы шли в бои за счастье поколений.
Как победители от имени Отчизны
Стоим пред вами, преклонив колени».*

На правой колонне, на точно такой же черной мраморной доске, четко обозначалась надпись:

*«Мы шли сквозь ночь, сраженья и походы,
Сквозь смерч боев,
Свинца, огня и стали,
И с первых дней до
Светлых дней свободы
Нас вел к победе
Полководец Сталин».*

Сверху на колоннах были видны следы от снятых барельефов. Как сказал мне Херманн, это были барельефы Сталина и еще какого-то русского полководца.

– Суворова? – спросил я.

– Может быть, – ответил Херманн.

Он не знал, кто такой Суворов. Да ему и необязательно было это знать.

Я пригляделся: мне показалось, что на левой колонне и впрямь висел когда-то вырванный с мясом барельеф Александра Васильевича. Отчетливо видны были голова, глаза и нос генералиссимуса. Нижняя часть лица была сбита. Как бы то ни было, но лично на меня смотрел в тот момент сам Суворов. Его образ проступал сквозь время и камень.

– Куда теперь, Конци? – спросил Херманн.

– В комендатуру. Она должна быть где-то поблизости.

Случайно я увидел в Интернете фотографию. Это был групповой портрет сотрудников советской военной комендатуры Мелька. Год съемки был неизвестен, моего отца на ней не было. Группа советских солдат, сержантов и офицеров была заснята на фоне дворца с колоннами, что украшают террасы католических монастырей.

Молодые, спокойные, уверенные в себе, надежные, красивые. Великодушные. Никакой нарочитости в позах. Зима. Офицеры в щегольских галифе, кителях и фуражках. Солдаты в шинелях и шапках. В первом ряду молоденький ефрейтор, почти мальчик. Шапка ему великовата. На лице у каждого написаны характер и судьба. Все вместе они нерасторжимое целое. Они смотрят и спрашивают: «Ну и как ты прожил жизнь?»

Распечатав на принтере скачанный из Интернета файл, я поднес ладонь к бумаге: от фотографии явственно исходило тепло. Шло оно и от последующих копий.

Я попытался дать Херманну вводную для поиска, но это было нелегко: в кадр попала лишь малая часть здания, что крайне затрудняло его идентификацию.

– У тебя есть с собой эта фотография? – спросил Херманн.

– Нет, увы. Я ее распечатал, но оставил в Москве по рассеянности. Идиот! – с досады я стукнул себя кулаком по колену.

– Не ругай себя так, – сказал Херманн, – для этого есть другие люди. Возможно, это дворец Эстерхази.

Мы тронулись. И в этот момент небесные хляби разверзлись прямо над нами. Ливень был так силен, что видимость упала метров до пяти-семи.

– Стопори машину! – скомандовал я, освоившись незаметно для нас обоих с ролью командира экипажа. Я вполне мог этого и не делать: Херманна не нужно было учить правилам безопасности на дороге.

Небеса грохотали и содрогались. Теперь я уже боялся, что водопад проломит нам крышу. Мне показалось, что это был знак: ехать дальше определенно не стоило. Вышние силы не пускали меня.

Может быть, я не был пока готов к событиям, которым надлежало произойти в случае моего приезда. Может быть, должно было произойти нечто ужасное. И тут меня затрясло.

– Что с тобой, Конци? – встревожился Херманн.

– Все в порядке, Херманн, – ответил я. – Со мной такое случается. Не обращай внимания. Когда чуть стихнет, поедем обратно.

Задерживать Херманна было неприлично: у него наверняка были свои дела.

– А как же комендатура?

– Знать, не судьба нынче. Отложим поездку до следующего раза.

– Когда еще он будет, этот следующий раз! – сказал Херманн, однако настаивать на продолжении поисковой операции не стал. Он не хотел быть навязчивым.

– На следующий год! – твердо сказал я, вполне отдавая себе отчет в том, что завтрашнего дня нам никто не обещал. Одна очаровательная дама весьма рекомендовала мне покататься по подземному озеру в Хинтербрюле. Туда, говорят, со всей Европы и даже Америки народ съезжается.

– По Зеегротте? – спросил Херманн. – А ты знаешь его историю?

– Нет. Расскажи.

– Сначала там и впрямь было естественное озеро, но потом случилась авария, и подземелье закрыли. А в середине войны немцы осушили его и устроили подземный авиационный завод, на котором работали военнопленные. Когда стало ясно, что война проиграна и скоро туда придут русские с американцами, немцы его снова затопили. Вместе с пленными. А сейчас это место для водных туристических прогулок.

– Значит, туристы катаются по костям погибших? – спросил я.

– Именно так.

– И они знают об этом?

– Экскурсоводы рассказывают, не вдаваясь особо в детали...

– Не поеду в Хинтербрюль, – сказал я.

– Другого я от тебя и не ожидал, – ответил Херманн.

Дождь заметно ослабел. Видимость улучшилась. Мы осторожно тронулись в обратный путь. Минут через десять свершилось чудо – дождь прекратился, и машина рванулась вперед. Херманн включил радио. Говорили об экономике. Передачу я не слушал.

– Вот сволочи! – неожиданно процедил сквозь зубы Херманн. – В казино такие деньжищи просаживают, на которые тысячи людей могли бы всю жизнь жить, а народ призывают затянуть пояса! Извини, Конци, я вообще-то социалист.

– Бог простит! – рассмеялся я. – Я этот биоматериал сам на дух не переношу. Считаю его ошибкой природы.

«Отец у него был национал-социалист, а сам он просто социалист, – отметил про себя я. – Только убеждения у сына, пожалуй, покрепче папашиных будут».

За несколько дней до того я смотрел у себя в номере телевизор. Выступал какой-то писатель-сатирик, популярный автор варьете. Он читал свои монологи, а хорошо одетая публика весело смеялась и аплодировала ему. Особенно доставалось от него социалистам и туповатому простофилю Ксаферу, им внимающему. Устремив свой взгляд в пол, юморист разговаривал с этим самым воображаемым Ксафером. Он смотрел на него как на мелкое ничтожное насекомое и разговаривал с ним как с ребенком, страдающим синдромом Дауна. В том не было ни для кого ничего нового, однако откровенный цинизм и презрение к простофилю Ксаферу просто-таки зашкаливали.

Публике, собравшейся в театре-варьете, этот цинизм явно импонировал. Можно было подумать, что сей мастер плетения словес сознательно провоцировал людей. Я включил телевизор: не для того я приехал в Вену, чтобы вместо голоса Венского Леса слушать проплаченных циников.

Однажды 1 Мая мне довелось увидеть демонстрацию социалистов. Колонны двигались по Мариахильферштрассе – одной из главных торговых улиц города. Впереди шел оркестр. Музыканты, мужчины и женщины, были в тирольских костюмах. Небольшая колонна дефилировала со снопами пшеницы, символизировавшими хлеб насущный и высокую миссию хлебороба. За ними вальяжно, не торопясь ехала колонна тракторов. Их вели спокойные серьезные мужики – кормильцы Австрии. По режиссуре и стилистике все это удивительно напоминало первомайские демонстрации моего детства. Я шел в такт с колоннами. Они по проезжей части, я параллельно им по пешеходной. Дойдя до Садового кольца Вены, колонны свернули и направились мимо Бурггартена вниз к Опере. С похожего на трибуну пьедестала демонстрантов приветствовал сам Моцарт.

На узкой площадке перед входом в Венскую оперу расположились немногочисленные группы красных, неоднородных оттенков, стоявших с портретами Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, председателя Мао и Че Гевары. Это были почти сплошь выходцы из стран Юго-Восточной Азии, Ближнего и Среднего Востока, люди молодого и среднего возраста. Они с видимым удовольствием давали себя фотографировать.

На бывшей Альбертинаплатц, переименованной в честь бывшего коммуниста, а позднее министра-социалиста и бургомистра Вены в Хельмут-Цилькплатц, собралась другая группа коммунистов – с красными флагами, но уже без чьих-либо портретов. Группа расположилась перед памятником жертвам войны и фашизма. Она была немногочисленна и состояла из людей пожилого возраста. Судя по их внешнему виду, они из последних сил тянули бремя белого человека.

На фоне фигуры входящего в ад Орфея выступал седовласый оратор. Голос его был практически не слышен. Казалось, я смотрю немое кино в замедленной съемке. Я поискал глазами среди собравшихся Иоахима Леопольдовича и не нашел его.

... Мы вернулись на автозаправку и пошли в бар к Уши. Та встретила нас с распростертыми объятьями.

– Прости меня, ради бога, Херманн, – я тронул его за рукав. – Сколько я тебе должен? Только без стеснения и ложной скромности: ведь мы же друзья!

– Ты хочешь обидеть меня, Конци? – спросил Херманн. – Я ни за что не возьму с тебя денег. Поверь мне, этот день – настоящее событие в моей жизни.

Он был смущен.

– Спасибо, брат! – сказал я ему. – Но ты ведь потратил на меня уйму времени. Представим себе, что я взял такси. И если бы не ты, то так бы оно и было. Пойми, мне не хотелось бы оставаться неблагодарной свиньей, тем более что никакого подарка с собой у меня для тебя нет. Так что возьми деньги. Очень тебя прошу! Ну сделай мне такое одолжение! Уважь своего московского гостя!

– Если ты гость, то обязан уважать хозяина, – возразил мне Херманн.

Со стороны мы, скорее всего, напоминали Манилова и Чичикова, изысканно препиравшихся по поводу того, кто должен войти в дверь первым. За всем этим с неподдельным любопытством наблюдала Уши. К ней присоединились двое покупателей ее минимаркета.

В конце концов я сдался и пошел за бутылкой. Водки в магазинчике Уши не было. Самым приличным из выставленных алкогольных напитков было местное шампанское. Я взял две бутылки, и оно в магазине тотчас же кончилось.

– А вот теперь ты не имеешь права их не взять! – твердо сказал я. – А если ты их не возьмешь, я разобью их о ближайший фонарный столб и меня заберет полиция. Ты что, не русский, что ли?

– Это уже шантаж! – внезапно вмешалась в наш разговор Уши. – В конце концов, Херманн, ты мог бы уступить гостю. Не ставь нашего друга в неловкое положение! Заодно у тебя будет повод угостить меня шампанским.

На прощание мы с Херманном крепко обнялись.

На ватных ногах я пошел обратно в центр города. Вновь моросил дождь. Я почувствовал, что ужасно голоден, но больше всего мне хотелось принять горизонтальное положение. Я зашел в какой-то маленький отель.

– У вас есть свободный номер? – спросил я молодую фройляйн, скупавшую с книжкой на ресепшене. – Мне до вечера. Только бы кости свои куда-нибудь кинуть.

Номер, казалось, только и ждал меня. Я рухнул на кровать и какое-то время лежал поперек нее с закрытыми глазами. Наконец, собрав в кулак остатки воли, заставил себя раздеться. Своего храпа я не услышал.

Дома

Вот уже более получаса я стоял в хвосте нескончаемой очереди на паспортный контроль, и было похоже, что двигаться она никуда не собиралась. Две такие же череды возвратившихся из дальних странствий пилигримов прочно удерживали занимаемые позиции, словно стоически выполняли предательский приказ «Ни шагу вперед!».

Впрочем, дальних странствий уже не существовало. Благодаря техническому прогрессу и реактивной авиации привычное уму и глазу пространство сжалось почти до возможного предела. И теперь всякое перемещение из одного мира в другой лишалось своего прежнего волшебства, все больше и больше походя на фантастическую нуль-транспортировку из точки А в точку Б.

Внезапно явилась служительница и объявила, что открыт еще один зал паспортного контроля. «И последние станут первыми!» – победно прозвучало в моем мозгу, а мои ноги разом вспомнили, что когда-то они неплохо бегали на дистанцию 60 (шестьдесят) метров. К заветному финишу я пришел тринадцатым. У меня оставался шанс успеть на последнюю электричку в Москву.

Поблагодарив пограничника, вернувшего мне мой паспорт со свежим штампом о прибытии, я, возбужденный и радостный, шел через зеленый коридор таможенного контроля. «Здра-а-а-сьте!» – сказал я, улыбаясь до ушей молодой таможеннице. Ответом мне было ее сухое и бесстрастное: «Пройдемте на досмотр!»

Наверняка барышня в зеленом приняла мою веселую и глупую улыбку за попытку отвлечь ее внимание от тайно провозимой мною злостной контрабанды. Внимание таможенницы, перебивавшей мой нехитрый скарб, привлекла роскошная папка из натуральной кожи темно-коричневого цвета. На ней крупными золотыми буквами было вытеснено: Universität Wien.

Слева от надписи располагался золотой герб университета, похожий на круглую печать, в середине которой расположился какой-то дядька в короне. В правой руке у него был не то посох, не то скипетр, а в левой – куб, напоминающий по виду кубик Рубика. На гербе значилось: VIENNENSIS: SAPIENTIAESTUDII.

Как назло, папка была завернута в папиросную бумагу и лежала в коробке, в мешке для белья. В укромном углу моей сумки притаилась обернутая в использованные тишорты бутылка вишневого шнапса.

– Что там? – спросила девушка и, не дожидаясь моего ответа, раскрыла папку. В ней лежали ксерокопии. На главном листе значилось:

NikolaiGogol

«Мертвые души»

Deutsch von Sigismund von Radecki

Kösel-Verlag München 1938

На главном листе стоял штамп библиотеки Венского университета.

Это был подарок Кира. Его передала мне накануне отлета его дочь.

Отработанным движением руки таможенница просмотрела ксерокопию, желая, видимо, убедиться, что середина книги не вырезана и в ней не упрятаны оружие или наркотики.

– А по-русски Гоголя читать не пробовали? – бесстрастно спросила она, сияясь, видимо, пошутить. – Куртку снимите. Выньте содержимое из карманов.

Голос ее был ровен, как у робота. Такому досмотру по прилете домой я подвергался впервые. Можно было подумать, что меня досматривает служба безопасности перед посадкой на борт.

Из внутреннего кармана я извлек свою волшебную флейту. Таможенница потянулась было к ней, но я опередил ее и осторожно разобрал дудочку, после чего потряхнул несколько раз обеими ее половинками, словно термометром. Этим я хотел показать, что она пуста и не используется в качестве контейнера для перевозки всякого рода сонных порошков.

«Музыку я разъял, как труп».

Я хотел сказать это про себя, а получилось, что вслух.

– Что вы сказали? – переспросила таможенница.

– Это не я. Это Пушкин, – ответил я, перекладывая ответственность за свои слова на Александра Сергеевича. – Я свободен?

* * *

Я стоял на вершине Вшивой горки, но смотрел не вдаль, а на росток красного бука, пересаженного из горшка в землю. Он взошел у меня дома из семечка, подобранного на площадке Бельвю баденского парка. Бук уже вымахал сантиметров на 15 и уверенно держался в почве. Ему явно стало тесно в родительском доме и хотелось на волю, пустить корни вширь и вглубь. Пришла пора отправить его в большую жизнь.

И тут я впервые осознал, что думали и чувствовали наши пращуры, сажавшие в землю желуди. Они понимали, что никого из них не будет уже в живых, когда вырастут и зашумят цельбоносные дубовые рощи. Мы видим плоды труда своих предков, но нам не дано видеть плоды собственных трудов.

Я опустился на колени, осторожно погладил листочки с красными прожилками и прикоснулся к ним губами: «Расти большой и красивый, мой красный бук, мой венский сын! Ты живешь теперь в благодатном и чудесном месте. Я хочу, чтобы ты жил очень долго и радовал тех, кто придет сюда. Жаль, что в этой жизни не суждено увидеть тебя могучим и сильным, но, даст Бог, смогу взглянуть на тебя из иных пространств. Вспоминай меня, мой сын, когда я уже не смогу прийти к тебе!»

Впервые я увидел красный бук, спустившись с Кальвариенберга – баденской Голгофы. Путь вниз был причудлив: для того чтобы попасть в восточную часть парка, нужно следовать строго на запад. Только потом стало понятно, что лесная тропа вела вниз вокруг горы. Странно, но никакого поворота я не наблюдал: дорога казалась прямой.

И вот передо мной открылась круглая площадка, обсаженная вековыми могучими деревьями с красной, красной-синей и фиолетовой листвой. Почему-то сразу же промелькнула мысль, что это Гефсиманский сад. Я присел на скамейку и просидел на ней невесть сколько, погрузившись незаметно для себя в какой-то неведомый доселе пространственно-временной разлом. Потом я долго стоял под деревом с темно-фиолетовой листвой, приложив ладони к его стволу. От него шло тепло: дерево почувствовало сердечное расположение и отвечало тем же на своем языке.

Попытки выяснить у встречавшихся мне в Бадене людей, что это за деревья, оказались безуспешными. Знать, не только мы, русские, ленивы и нелюбопытны. Вернувшись в Москву, я написал письмо в баденскую городскую библиотеку, представившись русским писателем, пишущим новеллу о Бадене. Ответ пришел неожиданно быстро. Директор библиотеки обратился к директору Курпарка, и тот сообщил мне, что это кровавый бук, разновидность красного бука.

Мне ужасно захотелось вырастить красный бук дома. Однажды по осени, в очередной приезд, я собрал разбросанные по «моему» Гефсиманскому саду семена и привез их в Москву. Шесть семечек посадил в горшок. Месяца через два с половиной – три, когда никаких надежд уже не оставалось, одно из них вдруг вошло. Я смотрел на пробившийся нежный росток, как на новорожденного. Таким стало младенчество моего саженца.

... На красноватых листочках бука заиграло пробившееся сквозь листву старого ясеня солнце.

Подул теплый ветерок, и на Вшивой горке ощутилась благодать бытия.

Бук чуть шевельнулся, и мне почудилось, что он жмурится от удовольствия.

Post Scriptum

Повесть о капитане Широкове

Всё здесь описанное происходит в день, когда на Руси поминают и чтут мастеров, находивших источники вод и копавших колодцы. Место жедля очередной криницы они выбирали на Федора Стратилата, покровителя христианского воинства, святого, мученически погибшего на кресте и воскрешенного ангелом.

По стечению обстоятельств (бывает же такое!) сей день совпадает с днем моего собственного рождения. Потому-то я никогда особенно и не удивлялся, когда в оный день со мной происходили большие и малые чудеса – знаки, как говаривала моя любимая бабушка.

Это она предложила назвать меня Константином в честь императора, основателя Великого Города, временно переименованного в Стамбул. Однако в строгом соответствии с православным месяцесловом моим небесным покровителем является не римский император Константин, а благоверный князь Константин Ярославский, в день обретения мощей которого я не по своей воле появился в этом мире.

В переводе с латыни имя мое означает «стойкий», «твердый», «постоянный». Не мне судить, насколько многогрешный аз соответствует заложенному в этом имени высокому смыслу. Мне же в его звучании всегда чудился укориженный намек на извечное несовпадение идеального и реального, являющегося, увы, печальным фактом моей личной биографии.

Как по мне, так каждому топчущему землю и коптящему небеса следовало бы справиться о знаменьях, случившихся при его рождении. День моего рождения ознаменовался небывалой и выматывавшей нервы жарой, изнурявшей Москву больше месяца. Люди вешали на окна мокрые простыни и спали на полу. То был, как выяснилось через двадцать два года, знак. Со дня своего рождения я не переносу жару и влажность, и надо же было такому случиться, что именно в страну с невероятно жарким и удушающе влажным тропическим климатом Родина сразу же после окончания мною института послала меня отстаивать ее

(и не только ее) интересы, в том виде, в каком они понимались тогдашними начальниками Советского государства. Я имел немалые шансы околотить там от жары и влажности, если бы вовремя не был тяжело ранен и эвакуирован домой. С тех пор-то я постоянно говорю себе и всем: «Слава Богу за все!»

Потом мне пришлось посетить еще одну страну, климат которой был куда комфортнее – свежий горный воздух и райские кущи в долинах рек и гранатовые сады. О фантастических бабочках уж и не говорю.

Из своих путешествий в дальние страны, предпринятых мною по воле начальства, никакого особого профита извлечь мне не удалось. Приятное исключение составили соответствующие записи в моем личном деле, возможно, и по сию пору хранящемся «там-где-нужно». Очень может быть, что когда-нибудь обо мне скажут: «Широков умер, но личное дело его живет!»

Рождение в день колодезника зримым образом отразилось на моем внутреннем облике: томимый вечной жаждой, я тоже любитель рыть колодцы, но не натуральные, а, так сказать, фигуральные, символические, умозрительные. С тою лишь разницей, что колодезники роют колодцы для того, чтобы добывать и хранить воду, источник жизни, и получают удовлетворение от результата своего труда. Я же получаю удовлетворение от самого процесса поиска живой воды, держа в уме евангельскую историю о встрече Иисуса Христа с доброй самарянкой у колодца Иакова.

До видимых результатов дело у меня, как правило, не доходит. Но что есть результат? Это всегда итог неких размышлений, вывод, обретший законченную чеканную форму, свою краткую формулу. А что прикажете делать с этой формулой? Поможет ли она вам вновь пережить однажды уже пережитое и прочувствованное?

И что есть результат? Думается, в данном случае, равно как и в известном вопросе «Что есть истина?», ответ заключается в том, что не «что», а «кто».

В моем случае «результатом» становится сам процесс, течение которого я переживаю, чувствую и воспринимаю как жизнь. В этом отношении я ни в малейшей степени не мыслитель и даже не вполне созерцатель, а чувствователь и переживатель Бытия.

Но таким, как мне чудится, я стал не сразу и не без влияния мудрого Мартина Хайдеггера и его мудреной философии.

О Хайдеггере я услышал впервые, учась в институте, однако ничего, кроме обрывочных сведений о его философии, необходимых и достаточных для сдачи экзамена, в голове моей тогда не задержалось. Заняться наследием философа побудил меня мой редактор, которого я считаю своим Учителем, Армен Георгиевич Арзаканьян – философ в первозданном смысле этого слова, известный еще и тем, что, будучи редактором журнала «Вопросы философии», он писал статьи за советских академиков, ибо времени для неги творческой мечты у советского философского начальства никогда не хватало.

Однажды Армен Георгиевич поведал мне о своей беседе с одним немецким философом – бывшим студентом Хайдеггера и почитателем философии жизни В. Дильтея. Оба философа читали и Дильтея, и Хайдеггера в подлиннике, и потому им было о чем поговорить профессионально. Однако немца волновали уже не мудреные отвлеченные начала, а вполне конкретная и становившаяся день ото дня все более мучительной тема «Что есть Россия?»

С некоторых пор и хайдеггеровское понимание феномена России как «поля под паром», и шпенглеровское – как его «бесформенности» («примитивный московский царизм – это единственная форма, которая впору русскости еще и сегодня», «У Москвы никогда не было собственной души») перестало удовлетворять пытливого ученика, столкнувшегося по долгу службы не с абстракциями, а с грубой и зримой материей. Впрочем, самого Хайдеггера такое понимание России тоже не слишком устраивало. И пусть практический философ считал своего учителя величайшим умом Германии, он пришел-таки к резонному заключению, что правильнее говорить о России не с очередным немецким профессором, а с носителем русского языка и русской культуры.

Так подлинно русский вопрос трансформируется у Хайдеггера в чисто немецкий.

В «Черных тетрадах» философ говорит о русском мире, русскости, о «необозримой простоте русского начала».

Пишет Хайдеггер и об опасностях для русского начала, главной из которых является большевизм как полностью нерусское явление – источник негативного движения, могущий лишить русский народ основы его существования.

Впрочем, о том же и почти в тех же выражениях писал и Шпенглер: «Большевики не есть народ, ни даже его часть. Они низший слой “общества”, чуждый, западный, как и оно, однако им не признанный и потому полный низменной ненависти. Все это от крупных городов, от цивилизации – социально-политический момент, прогресс, интеллигенция, вся русская литература, вначале грезившая о свободах и улучшениях в духе романтическом, а затем – политико-экономическом».

«Задача мышления, – Хайдеггер, как всегда, осторожен, – как раз в том, чтобы помочь человеку в границах его возможностей достичь надлежащего отношения к сущности техники». У него теплилась надежда (во всяком случае, он не исключал этого!), что в один прекрасный день в России или в Китае пробудятся прадревние традиции такого мышления, которое позволит человеку достичь свободного отношения к миру техники.

Он надеялся на Россию. Шел 1966 год. Но какое значение имела временность по сравнению со временем и тем более вечностью?

– Может ли философия играть роль в преобразовании мира, как этого хотел Карл Маркс? – спрашивали его.

— Философия никогда не может непосредственно придавать силы или создавать формы действия и условия, вызывающие историческое событие. А одно лишь действие без первоначального истолкования мира не изменит положения в этом мире.

Жизнь виделась ему одной нескончаемой Мыслью.

У него не было доверия к Богу.

В его философии не оставалось места ни любви, ни надежде.

Он был безутешен.

Он не познал тепла жизни, зато вдоволь испытал на себе и вытерпел ее холод.

Великий шваб напоминал ледокол, тяжело ломающий льды и тщетно силившийся пробиться к чистой воде. Его философию, подводящую итог всей западной философии и культуре, можно было бы с полным правом назвать философией холодного отчаяния.

Он поистине воплощал в себе завершение философии.

Хайдеггер был до мозга и костей европеец, немец и рационалист. Он уверовал в философию, которую сам же

вместе с Европой и выдумал, и в сердце его уже не оставалось места для Царствия Божия.

«Пришедше на запад солнца, видевше свет вечерний...» – все это было уже не для него. «Поем Отца, Сына и Святаго Духа – Бога» – этого он в себя не вмещал.

И все же, что ни говори, а он перепахал меня всего. Он оттолкнул меня от своей философии, но, оттолкнув, научил глядеть на мир собственными глазами, созерцать и чувствовать его.

Я часто вспоминаю любимое место из рассказа философа «Проселок»: «Меж тем твердость и запах дуба начинали внятнее твердить о медлительности и постепенности, с которой растет дерево. Сам же дуб говорил о том, что единственно на таком росте зиждется все долговечное и плодотворное, о том, что расти означает раскрываться навстречу широте небес, а вместе корениться в непроглядной темени земли; он говорил о том, что самородно-подлинное рождается лишь тогда, когда человек одинаково и по-настоящему готов исполнять веления высшего неба и хорониться под защитой несущей его на себе земли»...

Я вновь бреду по Венскому Лесу. Время и история прекратили течение свое и слились в единое неразрывное целое, пространство раздвинулось.

За вековым букром прячется Моцарт: он играет со своим сыном в прятки.

Навстречу выбегает мальчик лет пяти – его сынишка. Он достает свою маленькую волшебную флейту и наигрывает арию Папагено.

Я стою на Чертовом мосту. Только что вместе с Суворовым я спустился с перевала Готхард...

Тропинка становится все уже. На лавочке сидит старик в берете, он опирается на палку. Это Хайдеггер. Он вышел на прогулку в Шварцвальд.

«Проводите меня до дому, Капитан, – обращается он ко мне. – Это в двух шагах отсюда. Что-то мне нехорошо».

Я веду Профессора под руку.

«Итак, вашими покровителями являются колодезных дел мастера, – говорит он. – Вы любите искать источники?»

Он останавливается и заглядывает мне в глаза. В его взгляде хитринка.

«Помните, Профессор? – отвечаю я. – «Всякий, пьющий воду сию, возраждет опять, а кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек; но вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную».

Хайдеггер отводит взгляд. Дыхание его тяжело.

Мне хочется обнять и утешить старика, успокоить его неприкаянную душу.

За лесом сухо бьет колокол деревенской кирхи – той самой, в которой он служил пономарем. Но то было в давно прошедшем времени.

«Свете тихий святых славы», – напеваю я про себя негромко.

Под ногами уже влажный мох. Еще немного, и я дойду до бьющего из-под земли источника, вокруг которого уже не лес, а побелевшая к жатве нива.

СЛУЖБА: ДЕНЬ ЗА ДНЕМ

НОВЫЕ КАРТИНЫ ГРЕКОВЦЕВ

Студия военных художников имени М. Б. Грекова с первых дней существования верна своему главному предназначению – показывать жизнь современной армии и флота языком реалистической живописи. Командировки в войска – неотъемлемая часть жизни художников. Именно там, на полигонах и в походах, с натуры рождается большинство произведений грековцев.

Наиболее актуальная в последние годы сирийская тема нашла отражение в новых полотнах Ильи Лебедева, Алексея Евстигнеева и Сергея Трошина, побывавших в командировках в этой ближневосточной стране и получивших непосредственное впечатление от службы наших летчиков, спецназовцев, военных полицейских и моряков, обеспечивающих мир и спокойствие в этом регионе.

Особое внимание привлекает картина Ильи Лебедева «Портрет Героя России Романа Филипова». Подвиг летчика стал событием международного масштаба. 3 февраля 2018 года при облете провинции Идлиб для контроля режима прекращения огня российский штурмовик Су-25СМ под управлением гвардии майора Романа Филипова был сбит террористами из переносного зенитно-ракетного комплекса. Летчик катапультировался и на земле попал в окружение боевиков. Он отстреливался от террористов, был тяжело ранен и, не желая попасть в плен, подорвал себя гранатой со словами «Это вам за пацанов!». На картине мы видим уверенного в себе летчика, отличного профессионала, готового выполнить боевой приказ. Именно таким он навсегда останется в сердцах своих сослуживцев.

Аэродром базы Хмеймим, с которого взлетал гвардии майор Роман Филипов и десятки других летчиков – на полотне Алексея Евстигнеева. А Илья Лебедев из командировки в Сирию вынес еще и впечатление о боевых беспилотниках – новом виде боевой авиации, способной выполнять такую задачу, которая не под силу обыкновенному самолету. Тепло и домашним уютом веет от картины Сергея Трошина «Вечер на авиабазе Хмеймим». Прокаленная за день сирийским солнцем бетонка аэродрома, ледяная вода из ведра, дружеские подначки летчиков над товарищем, решившим смыть с себя жар полета, – во все это искренне веришь. Такой сюжет не придумать и не срисовать с фотографии. Такое можно было увидеть воочию только там, в Сирии.

Еще одна картина Сергея Трошина «После маневров» написана художником по итогам поездок в воинские части. Красота русской природы средней полосы и грозные танки, приготовившиеся после учений к возвращению в боксы, находятся в гармонии друг с другом. Их объединяют люди – уверенные в себе, знающие свое дело танкисты.

Сергей Трошин трудится в Студии более десяти лет. В 2009 году он окончил Российскую академию живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова. Входит в группу художни-

ков Студии по созданию масштабных диорам. В 2014 году Сергей Трошин самостоятельно создал диораму «Новороссийская десантная операция. 1943 год», которая была установлена в музее Севастопольской ордена Нахимова 41-ой бригады ракетных катеров к 95-летию со дня ее основания.

Картины Александра Сытова «Высадка морского десанта» и Алексея Евстигнеева «Десантирование» и «Учебный пуск» объединяет размах композиции. Такой масштаб мог быть только на очень крупных учениях, когда в небо поднимаются самолеты с сотнями десантников, с кораблей высаживаются на берег морские пехотинцы и боевая техника, а корабли наносят удар по условной цели реактивными бомбометными установками. Эти полотна показывают возросшую мощь нашей армии, ее способность выполнить любую поставленную задачу.

Такая же мощь видна на картинах Вячеслава Потогина и Андрея Двоздова, объединенных одной темой – показом парада Победы на Красной площади. С двух разных ракурсов показывают художники одно из самых заметных событий любого из таких парадов в Москве – проход установок баллистических ракетных комплексов большой дальности «Ярс». Именно они заставляют умерять пыл нашим недоброжелателям и как бы партнерам на этой планете. Именно они несут на своих металлических округлых боках мир и спокойствие.

Эти же баллистические ракеты, но уже в более естественной для них обстановке – на полотне Валерия Мокрушина. По зимней дороге выдвигается на учения установки стратегических ракетных комплексов «Ярс». Все как бы статично и буднично, но именно в этой простоте скрыта грозная сила нашего новейшего оружия.

Из командировки на Камчатку привез с собой целый цикл картин о морях и войнах береговой обороны Олег Ездаков. На одной из них, которую он назвал «Залп Бастиона-П», мы видим залп установки, предназначенной для поражения надводных кораблей различных классов и типов из состава десантных соединений, конвоев, корабельных и авианосных ударных групп. Немалую устрашающую роль сыграл комплекс «Бастион» в Крыму во время попыток натовцев изменить в свою сторону ход событий в 2015 году, когда голосованием жителей полуострова решалась его судьба. Стоит он страже наших рубежей и на Камчатке.

Уроженец Хабаровского края Вячеслав Потогин в последнее время много и плодотворно работает над темой войск связи. В его полотнах не только современная армия, но и связисты времен Великой Отечественной войны, послевоенного времени, а также выполнения нашими военнослужащими интернационального долга в Афганистане. Картина «Полевой узел связи» показывает нам работу сер-

● **Егор СМЕРНОВ. Механик-водитель танка.**

жанта-связиста с самым современным комплексом космической связи, где уже не обойтись без ноутбука с новейшим программным обеспечением и спутниковой параболической антенной.

Такая же техника высочайшего мирового уровня – в картине Егора Смирнова «Работа боевого расчета машины связи». На ней показаны будни воинов-связистов на учениях. Картина довольно необычна для творчества этого художника. Егор Смирнов – художник-график. В его творчестве в последнее время появилось много черно-белых работ на темы современной армии. Один из рисунков представлен в нашей подборке. Во время учений танкистов Егор Смирнов не смог не зарисовать бравого механика-водителя на фоне боевой машины. В Студии он, уроженец Ярославля, работает только с 2015 года, но уже зарекомендовал себя не только как художник-график, но и как интересный портретист.

Новейшие беспилотники застыли перед стартом на полотне Андрея Сибирского. Один из опытейших художников Студии, отдавший ей почти четверть века, Андрей Сибирский в числе первых побывал в командировке в Сирии. Его картины уже давно известны читателям нашего журнала. На них художник запечатлел наших воинов на блокпостах аэродрома Хмеймим, показал их службу и быт. Он одним из первых попал в освобожденную Пальмиру и сделал эскизы с оставшихся строений и колонн. Его картины вошли в фонд лучших полотен о выполнении нашими воинами антитеррористической операции в Сирии.

Морской парад уже давно стал важным событием в жизни страны. Его главная часть традиционно проходит в

Санкт-Петербурге. Один из фрагментов парада запечатлен на картине Александра Ананьева, одного из опытейших художников Студии в жанре батально-исторической живописи. На этот раз обращение к современности получилось у художника удачным. Картина решена в мягких пастельных тонах. Петропавловская крепость в центре как символ Санкт-Петербурга и триколор в небе, созданный авиагруппой, гармонично дополняют корабли с моряками на верхней палубе в белой парадной форме.

Такие же моряки роты почетного караула чеканят строевой шаг по Графской пристани Севастополя на полотне Дмитрия Ананьева, сына Александра Ананьева. Он работает в Студии чуть больше десяти лет, но за это время создал ряд заметных полотен. В числе первых художников он побывал в командировке в Сирии, создал обширную галерею портретов летчиков, спецназовцев, саперов и медиков, проходивших службу на аэродроме Хмеймим. Его картина «День Военно-морского флота в Севастополе» передает всю красоту парада Черноморского флота в городе русской славы, главный символ которого – памятник затопленным кораблям.

В этой подборке представлена лишь малая часть картин на тему современной армии, созданных в последнее время художниками-грековцами. Но даже по ним можно судить о размахе их творчества и мастерстве.

Игорь ДОНЦОВ

Олег ОДНОКОЛЕНКО

Олег Георгиевич ОДНОКОЛЕНКО родился в 1955 году. Окончил Киевское суворовское военное училище, факультет журналистики Львовского высшего военно-политического училища и редакторское отделение Военно-политической академии имени В. И. Ленина. Флотскую службу начинал редактором газеты крейсера «Октябрьская революция», позже перешел в газету Балтийского флота «Страж Балтики». После окончания академии получил распределение в газету «Красная звезда», в отдел боевой подготовки Военно-морского флота, позже перешел в отдел политики. В настоящее время работает на телевизионном канале «Звезда». Капитан 1 ранга запаса.

ТРИДЦАТЬ ТОПОРЧЫХ ПОПАДАНИЙ

Каждому кораблю надлежит иметь свой тактический формуляр – нечто вроде личного дела или официальной биографии. Первая запись – дата вступления в строй, последняя – дата исключения из состава флота, и между ними умещается весь корабельный век. Для крейсера «Октябрьская революция» (в быту – «Октябрина») он оказался не слишком долгим. Военно-морской флаг подняли 15 декабря 1954 года, а 16 сентября 1987 года крейсер был разоружен, вычеркнут из списков ВМФ и в возрасте Христа – тридцать три года безупречной службы! – отправлен на разделку.

Наша последняя встреча с «Октябриной» состоялась на рубеже девяностых. К этому времени от корабля мало что осталось: башни демонтированы, надстройки почти все срезаны. Но за бутылку водки чумазый и не очень трезвый работяга вынес мне из промзоны заклепку, заверив, будто это подлинная часть корабля моей лейтенантской юности. И теперь эта железяка, в идентичности которой остаются большие сомнения, лежит у меня на рабочем столе, время от времени генерируя воспоминания, которые никак не вписываются в тактический формуляр, то есть в официальную биографию крейсера имени Великой Октябрьской социалистической революции.

ВНУЧКИ АЙВАЗОВСКОГО

А первая встреча состоялась в августе 1976 года в Севастополе, куда я прибыл по распределению. Тогда «Октябрина» тоже неважно выглядела – вся в сурике и строительных лесах, она была ошвартована кормой к заводской стенке. С земной твердью помимо швартовов ее связывали сходня в три доски и кабель-трассы, обеспечивающие корабль телефонией и электропитанием. Тут же на юте под сенью замусоленного флага располагалась небрежно сколоченная будка, напоминающая деревенский сортир. Предназначение у будки было сторожевое, но в тот исторический момент она служила укрытием от полуденного зноя для вахтенного, устремившего цепкий взгляд на швартов, посредине которого невозмутимо восседала гигантских размеров крыса. По всей видимости, нахальный грызун, попавший под наблюдение, усиленно обдумывал ход дальнейших действий – то ли сигануть на борт, то ли от греха подальше вернуться на заводскую территорию. И пока две формы жизни фиксировали друг друга, рабочий класс, задействованный в ремонте крейсера, интенсивно сновал по сходне, причем на корабль с пустыми руками, а в обратном направлении с поклажей.

Но это не считалось воровством, поскольку подрядчик пообещал сделать из крейсера конфетку, в

частности, обновить интерьеры до неузнаваемости, поэтому все старье подлежало демонтажу и списанию. А начался демонтаж с кают-компаний. Сначала в неизвестном направлении исчезли кожаные диваны и бронзовые канделябры, потом рояль с костяными клавишами и бильярдный стол с мраморной столешницей, а напоследок с переборок содрали дубовые панели, и все это было заменено на ДСП и дерматин. Рука пролетариата уже была занесена и над флагманским салоном, но ее буквально в последний момент перехватил командир крейсера капитан 1 ранга Борис Иванович Кирюшатов, и только благодаря ему «Октябрина» сохранила фрагмент былого аристократизма.

А в салоне офицерской кают-компаний вместо упомянутого благородного рояля к переборке присобачили пианино, причем настолько халтурно, что оно чуть было не нанесло невосполнимый ущерб офицерскому составу крейсера. Случилось это уже в Бискайском заливе при шторме, когда волны, по выражению бывалых моряков, вздымались выше сельсовета. Именно в такой неурочный момент наш старпом с адмиральской фамилией Макаров замыслил провести совещание, причем место автора этих строк было как раз напротив музыкального инструмента весом в несколько сотен килограммов.

В общем, как два Макаров вещал нечто безусловно ценное для лейтенантских умов, когда на очередном глубоком крене пианино отделилось от переборки и, в щепки круша столы, полетело на диван, приютивший командиров групп, батарей и прочую офицерскую мелочь. Даже не подозревал, что из положения сидя можно так высоко подпрыгнуть! Но мы дружно сделали это, поэтому сохранили способность передвигаться на своих двоих без костылей.

К сожалению, не только интерьеры, но и корабельные механизмы были отремонтированы из рук вон плохо, что, на мой взгляд, существенно сократило морской век «Октябрины». Причем «постарались» все, в том числе и заводская покрасочная команда, состоявшая преимущественно из представительниц прекрасной половины человечества, которых за специфическое владение малярной кистью окрести-

ли «внучками Айвазовского». Так вот, эти мастерицы, активно совмещавшие трудовую деятельность с флиртом, ухитрились покрыть краской даже медные поручни трапа, коим всегда положено блестеть, и под занавес большой приборки по трансляции обычно звучала команда следующего содержания: «Медь, железо драить, резину мелить, барашки расходить и смазать!» Когда у Украины появился свой флот, я с пристрастием допытывался у адмиралов независимой, как они перевели эту команду на мову. Ответа получено не было.

БЕЛЫЙ ПАРУС

Из Севастополя «Октябрина» попала в Средиземноморскую эскадру и на время боевой службы была приставлена к авианосцу «Кеннеди» с задачей, когда суровый час войны настанет, разрушить полетную палубу супостата как минимум десятью попаданиями из главного калибра. Так и ходили будто шерочка с машерочкой, пока «Кеннеди» не направился на уик-энд в Неаполь. Нам же ничего не оставалось, как наматывать галсы в ожидании партнера по холодной войне.

И вот однажды после обеда, в сладкое время адмиральского часа, вся команда, кроме вахтенной смены, включая офицерский состав, разобрала одеяла и расположилась на верхней палубе и надстройках принимать солнечные ванны, причем общая численность отдыхающих насчитывала человек шестьсот. А на горизонте белеет шапка Этносы, а вокруг такая лазурь, которой отродясь не бывало в отечественных водоемах, ну и полный штиль, естественно. Причем такой умиротворяющий, что даже каприз Кирюшатов задремал в командирском кресле.

И вдруг вахтенный офицер капитан 3 ранга Сергеев обнаруживает, что корабль идет с креном. Выскакивает на крыло ходового мостика и видит следующую картину: параллельно «Октябрине», метрах в двадцати по правому борту, следует шикарная яхта под белым парусом, на палубе которой стоят три шезлонга и в каждом по совершенно обнажен-

ной длинноногой наяде, а между шезлонгами курсирует стюард с шампанским. Понятно, что после продолжительного пребывания вдали от берега, как после бутылки водки, некрасивых женщин не бывает. И чему удивляться, что весь свободный от несения вахты экипаж оказался на правом борту и образовал крен.

Надо отметить, что капитан 3 ранга Сергеев числился лучшим вахтенным офицером корабля, и обычно ему доверяли прохождение узкостей, но это был особенно тяжелый случай, нехарактерный для обычной морской практики, и как быть в такой ситуации, Сергеев не представлял. Поэтому действовал согласно требованию Корабельного устава: тотчас доложил обстановку командиру корабля, переваривавшему обед, что характерно, все еще с закрытыми глазами. И ни один мускул не дрогнул на лице обветренного, как скалы, каперанга. По-прежнему, не поднимая век, будто голые тетки – совершенно ординарное явление в открытом море, Кирюшатов лениво произнес: «Учебно-боевая тревога!»

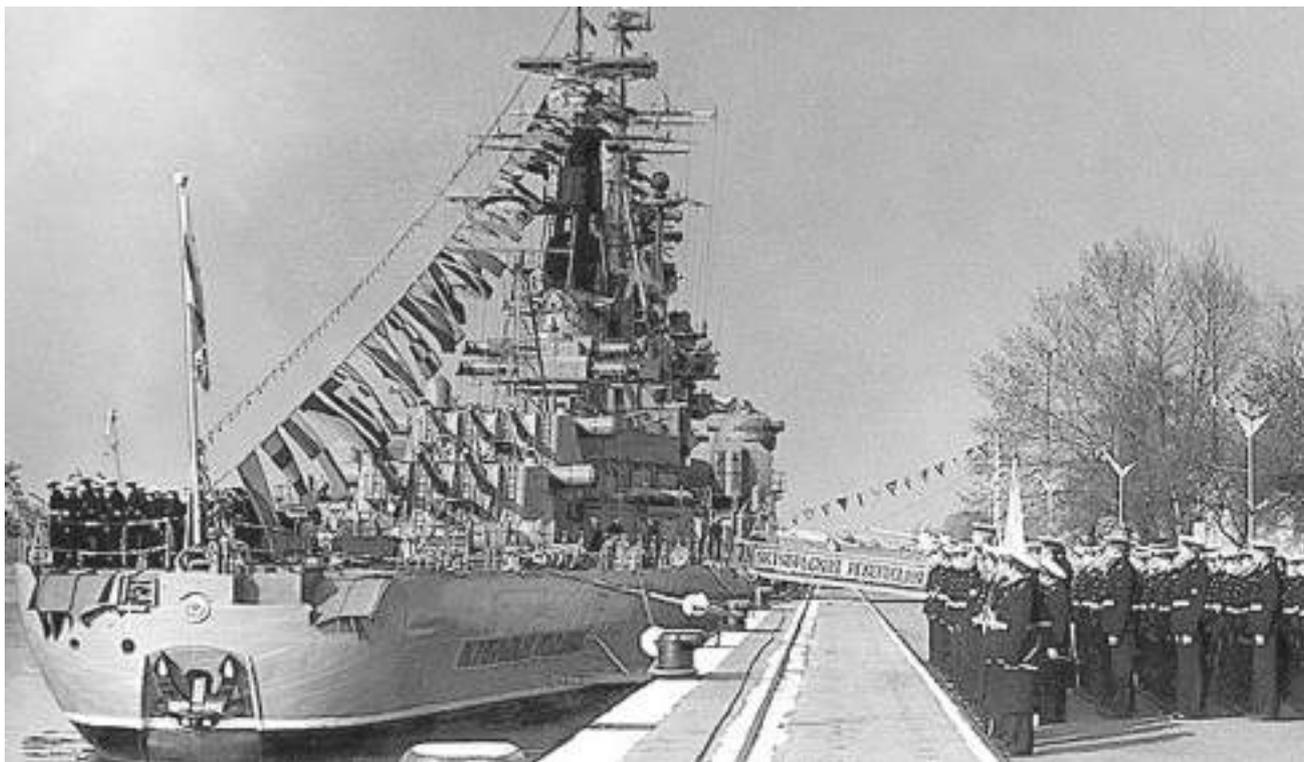
В соответствии со стилистикой флотских газет советского времени следующая строка должна была выглядеть следующим образом: «...и колокола громкого боя позвали личный состав на боевые посты». В общем-то, так оно и случилось: верхняя палуба в мгновение ока опустела, корабль спрямился, а обли-

ко морале советских военных моряков был наглядно засвидетельствован.

НАША МОЛОДОСТЬ – РЕВОЛЮЦИЯ

В 1977 году крейсер «Октябрьская революция» вернулся в родную гавань – военно-морскую базу Балтийск, который во времена Третьего рейха именовался Пиллау. А поскольку это был год 60-летия Великого Октября, понятное дело, что завоевать приз главкома ВМФ по артиллерийской стрельбе должна была только «Октябрина», а никакой другой корабль с не столь символическим названием. Но дело в том, что пять лет крейсер простоял в ремонте, и это не могло не сказаться на выучке комендоров. Поэтому пришлось предпринять дополнительные меры для достижения убедительной победы в упорной борьбе с соперниками по социалистическому соревнованию.

Стрельба, которую предстояло выполнить, относилась к разряду так называемых «этажерок» – по воздушной цели и по берегу. Причем зенитные стрельбы – это, как правило, вещь в себе, здесь, как ляжет, предсказать невозможно, а вот на результаты стрельбы по берегу умеючи вполне можно было повлиять. Поэтому на полигон, расположенный на ныне суверенном эстонском острове Суур-Пакри, заранее была направлена команда во главе с толковым

• День ВМФ в Балтийске.

• Адмирал Флота Советского Союза Сергей Георгиевич Горшков выступает на крейсере «Октябрьская революция».

и энергичным офицером, вооруженная шанцевым инструментом и взрыв-пакетами. Им была поставлена задача в расчете, что малоопытные крейсерские артиллеристы, скорее всего, промажут, выкопать на местности, куда должны лечь снаряды, определенное количество углублений и при помощи взрыв-пакетов придать им подобие воронок. При этом команда, посланная с ответственным заданием, проявила энтузиазм и изготвила десять углублений – ровным счетом на оценку «отлично».

И вот стрельба. По закону подлости авиаторы сбрасывают мишень за пределами дальности стрельбы, но мудрый капитан 1 ранга Борис Кирюшатов как ни в чем не бывало отдает команду открыть огонь, и над седой Балтикой раздаются, как бы написала военная пресса той поры, «раскаты артиллерийского грома». А когда наступило время зафиксировать результаты, с борта застопорившей ход «Октябрины» спустили баркас, к экипажу которого присоединяется старший матрос Мылтасов – бывший детдомовец и вообще бедовый человек. При этом ухмылка на лице у него была глумливая, а из-под бушлата вызывающе торчала рукоятка топора, снятого с пожарного щита.

В общем, когда мишень подняли на борт, на ней не было живого места – члены комиссии из Главного

штаба ВМФ насчитали на ее дюралевом корпусе три десятка пробоин. На что Мылтасов, когда главштабисты потянулись к столу во флагманском салоне допивать и доедать, со знанием дела заметил: «Тридцать топорных попаданий!»

А вот со стрельбой по берегу вышел форменный конфуз. Когда над Суур-Пакри рассеялся дым, выяснилось, что главный калибр отработал отменно: практически все снаряды легли точно в «огород» – в периметр, обозначавший размеры цели. Но дело в том, что воронок оказалось вдвое больше, чем выпущенных снарядов. Уже не помню, как тогда на корабле выкручивались – то ли лишние воронки засыпали, то ли увеличили объемы коньяка для членов комиссии, но приз главкома ВМФ в год 60-летия Великого Октября получила «Октябрина». А как же иначе?

...Несколько лет спустя мы нос к носу столкнулись уже со старшим матросом запаса Мылтасовым в центре Калининграда у винного магазина, выход из которого смотрел на площадь Победы, при немцах – Гитлер-плац. В период совместной службы, хотя он и был в моем подчинении, мы не очень ладили, потому что Мылтасов был старше меня на год, а я был зеленым лейтенантом, и как-то в корабельной библиотеке, когда не было свидетелей, мы поговорили, что

называется, по душам. А теперь он ходил боцманом на СРТ, ловил то ли сайру, то ли хека у берегов Западной Африки, был на хорошем счету в пароходстве и оказался в Калининграде по причине отпуска с полными карманами денег и бон – инвалюты для моряков. Идти ко мне домой он отказался, поэтому зашли в первую попавшуюся подворотню и за встречу глотнули коньяка – по-простому, из горлышка.

– Ты помнишь, как топором завоевал приз для крейсера? – спросил я.

– Не помню, – ответил он, и улыбка при этом у него снова была глумливая.

ОСТРОВ В ОКЕАНЕ

В известном смысле, острова в океане – это не только части суши определенной принадлежности, но и все плавсредства, поскольку согласно Корабельному уставу они тоже являются суверенной территорией того государства, чей флаг несут. Крейсер «Октябрьская революция», в каких бы водах он ни находился, безусловно, был советским «островом» – одно название обязывало. И люди на нем служили советские, со всеми вытекающими из этого статуса свойствами каждой отдельной личности. В общем, это был своего рода социалистический Ноев ковчег, на котором не хватило места разве что прекрасной

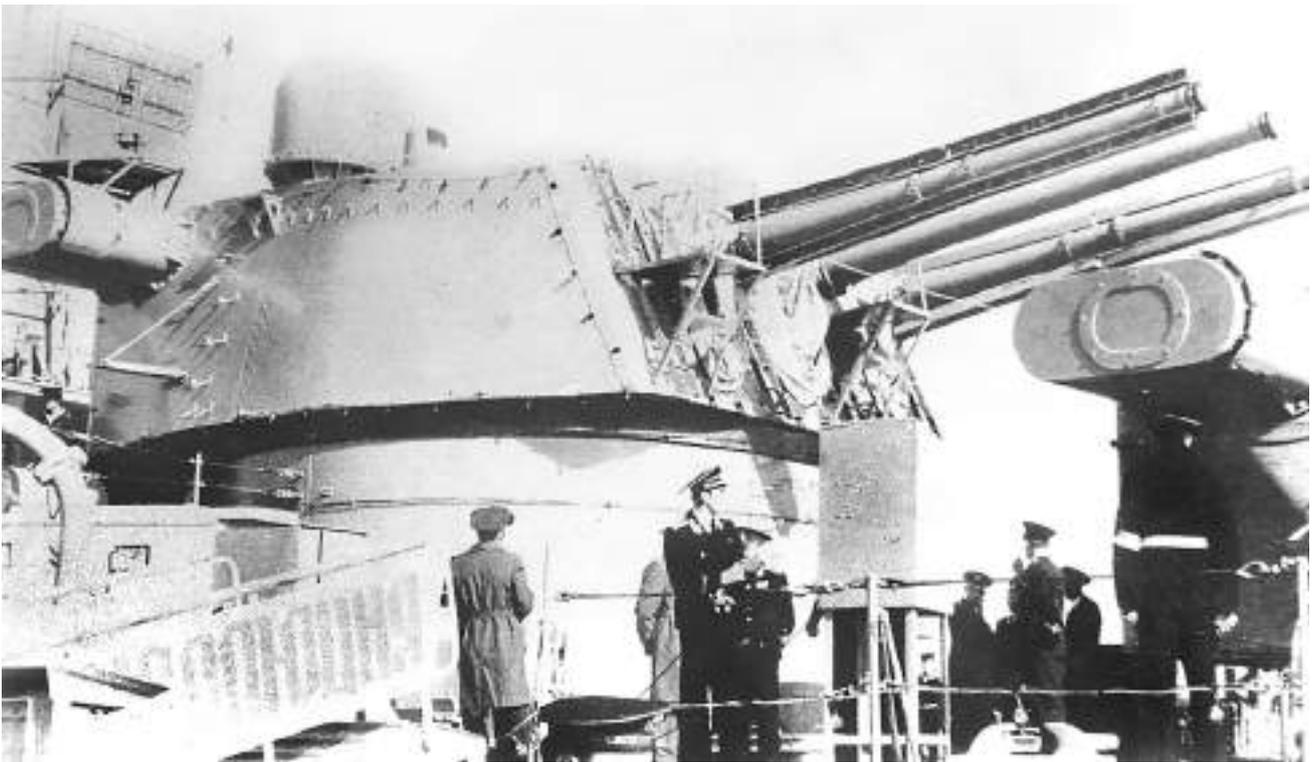
половине человечества. Как говорил главный боцман старший мичман Василий Семенюк, присутствие женщины на корабле категорически не допускается, за исключением рынды, которая гермафродит.

Чтобы лучше понять ход боцманской мысли, надо иметь хотя бы минимальное представление о военно-морском фольклоре, прямо скажем, не всегда отвечающем нормам приличия. Пожалуй, не было в истории флота такого салаги, которому не задали бы вопрос: какой конец на корабле самый длинный и какой самый короткий? Обычно в качестве самого длинного называли швартов и были категорически не правы, поскольку правильный ответ другой: у боцмана! А самый короткий – у рынды, и называется он булинь (именно та «веревочка», держась за которую отбивают склянки). Но поскольку главный боцман Семенюк отлично знал, что Рында – это еще и старославянское женское имя, он позволял себе играть словами.

В общем, несмотря на тяготы и лишения, служить на крейсере «Октябрьская революция» в целом было не скучно. Есть что вспомнить.

КРЕПИТЬ ПО-ШТОРМОВОМУ

В ходе многолетнего ремонта в Севастополе «Октябрину» напичкали различной спецаппаратурой

● Крейсер «Октябрьская революция». 1978 год.

и объявили флагманским кораблем Балтийского флота. После возвращения в Балтийск на крейсере должен был разместиться штаб 12-й дивизии ракетных кораблей (ДиРК). Но на переходе, пока штабные каюты пустовали, в них заселилась разная корабельная мелочь.

Нам на пару с пропагандистом корабля капитан-лейтенантом Евгением Гаркушей досталась четырехместная каюта с иллюминатором на камбузной площадке по левому борту. Верхние койки мы срубили, спали на нижних и чувствовали себя как на круизном лайнере. С той только разницей, что не было кондиционера, его роль исполнял воздухозаборник – изогнутая труба, которую, когда было очень жарко, выставляли в иллюминатор раструбом по ходу движения (японцы и американцы отдыхают!). Но когда мы убедились, что от этого приспособления ни холодно ни жарко, для «советского кондиционера» нашли тихий уголок и напрочь о нем забыли.

Между тем по мере обживания каюта наполнялась различными предметами быта. Сейчас Женя Гаркуша большой ученый, а в ту пору был образцовым офицером и очень следил за собой. Именно он приволок в каюту штангу – многокилограммовое железное чудовище из серии hand-made. С его же легкой, но накачанной руки появилась и 32-килограммовая гиря. Но и это еще не все. Наш большой зам капитан 2 ранга Валентин Емельянович Степанов решил покорить политотдел 12-й дивизии продвинутой наглядной агитацией, поэтому еще во время ремонта на заводе за долю малу была раздобыта внушительная стопка листов плексигласа, которую водрузили на шкаф. А завершалась картина быта трехлитровыми банками, в которых квасились наши кремовые и белые рубашки.

Тут потребуются объяснения. Матросы свою робу стирали элементарно: на шкерт – и за борт, через пятнадцать минут она уже белоснежная. Офицерская рубашка такого испытания морем не выдерживала, а оттирать воротнички руками не было ни времени, ни сноровки. Но голь на выдумку хитра, и был изобретен особый способ стирки. В банку наливалась вода, засыпался стиральный порошок и туда же запикивалась рубашка. Через несколько дней технологичного заквашивания постирушка уже не вызвала особых затруднений. Но случалось так, что банок с рубашками накапливалось изрядное количество.

Это был именно такой случай. Кроме того, наступил день выдачи технического спирта, который на флоте почему-то измеряют не в литрах, а в килограммах. Мне было положено двадцать килограммов в месяц, но старпом выдавал только две поллитровки, почему-то всегда закупоренные пробками, скручен-

ными из периодической печати. Одна бутылка обычно шла в дело, а другую тут же приканчивали в кругу друзей. Видимо, по этой самой причине мы и не услышали команду «Штормовое предупреждение!».

Уже глубокой ночью нас разбудил невероятный треск – это каталась по палубе не закрепленная поштормовому штанга, круша все на своем пути. В это же самое время гиря трамбовала банки с нашими рубашками, а листы плексигласа, срываясь со шкафа, разлетались на осколки, ударившись о противоположную переборку. Свой персональный вклад в разгром внес и летающий по каюте вентилятор, который не был поставлен в отведенное ему по штату гнездо. Самым меньшим злом оказался воздухозаборник, он просто грохотал.

– Надо бы встать, – сказал я.

– А надо ли? – возразил капитан-лейтенант Гаркуша. – Еще ноги переломает. Вот кончится шторм...

Под утро шторм действительно кончился, и Средиземное море расцвело невообразимой лазурью. А наша каюта была похожа на поле Куликово после побоища.

Надо отметить, что шторм, который выражается в качке, – явление фантазмагорическое. Обычно пехотные офицеры, которые впервые попадают на корабль, приходят к преждевременному выводу, что служба на флоте – сплошная малина. Все иллюзии выветриваются из их сухопутных голов после первой же качки.

Уже на Балтике «Октябрину» за отменный табльдот (за хороший стол, в смысле – за питание) негласно прозвали плавающим рестораном «Три пескаря». Естественно, что весь маршалитет и генералитет во время учений размещался только на флагманском корабле. Как говорится, три в одном – комфорт, устойчивая связь с Москвой и приличный камбуз.

Если память не изменяет, это было во время учений «Вал-1977», когда на «Октябрине» собралось все руководство Варшавского Договора. Сначала ничего не предвещало непогоды, а потом слегка заштормило. Маршалы, генералы и приставленные к ним полковники попадали за смертью. Захожу по какой-то причине в кают-компанию. Столы ломаются от невиданных деликатесов, а вокруг пустота, только три адмирала не первой категории что-то пьют из чайных стаканов и энергично закусывают.

Уже на палубе, заметив на кителе знак выпускника суворовского училища, меня перехватил полковник с зеленым лицом:

– А ты как оказался в этом аду?

– Судьба...

Но он меня уже не слышал, потому что висел на леерах лицом вниз к волнам седой Балтики.

С КОМСОМОЛЬСКИМ ПРИВЕТОМ

Крейсеру «Октябрьская революция» доверяли не только громить своими калибрами ненавистного вероятного противника, но и демонстрировать в морях и океанах флаг Родины. Экипажу доверяли значительно меньше, поэтому перед каждым заходом в иностранный порт обязательной процедурой был инструктаж. Сходить на берег полагалось только пятерками с офицером во главе. При этом предписывалось всеми силами блюсти честь советского военного моряка, не поддаваться на провокации, с достоинством отвечать на злобные выпады и вообще быть облик морале, а также при первой возможности разъяснять преимущества советского образа жизни в частности и социализма вообще.

У меня как-то сразу не заладилось. Уже у первого киоска мои старшины и матросы с головой окунулись в западный образ жизни. Выразилось это в том, что за какие-то мгновения ими были раскуплены все имеющиеся открытки с артистами зарубежной эстрады и брелоки с полуобнаженными девицами. Когда мне удалось всеми правдами и неправдами отогнать комсомольцев и молодых кандидатов в члены партии от киоска, на витрине оставалась только открытка с ансамблем «АВВА», коллективно сидящим в наполненной ванной. Но поскольку, кроме счастливых голов, ничего другого видно не было, эта массовая продукция никого не заинтересовала.

Заниматься экспроприацией идеологически вредных предметов прямо на улице было не с руки, поэтому, чтобы не усугублять моральное разложение, я предложил личному составу зайти в сувенирный магазин, где они могли бы приобрести заграничные подарки своим родным и близким, а также любимым. Предложение было принято с восторгом.

Обычный западный магазинчик колониальных товаров, в котором есть все – от ширпотреба до сомнительного антиквариата. Заходим – и тут же нос к носу сталкиваемся с секретарем комитета ВЛКСМ крейсера старшим лейтенантом Геннадием Чуевым, который, поскольку был лицом, приближенным к политическому руководству корабля, передвигался по загранице в свободном режиме.

– О, – говорит Чуев, – как раз ты мне и нужен! Я присмотрел блузку для жены, пообщайся с продавцом.

Пообщались, и цена была названа.

– Дороговато, – сказал Чуев. – Надо поторговаться.

Но для этого мероприятия у меня не хватило словарного запаса, и Чуеву было сказано, чтобы он отцепился. Выходя из магазинчика, краем глаза заметил,

что Чуев пальцем указывает продавцу на искусственно состаренную кавалерийскую шашку. Мелькнула шальная мысль, что Чуеву, который не блистал иностранным красноречием, этой покупки точно не избежать, но я ее решительно отогнал и не пришел на помощь боевому товарищу, потому что надо было возвращаться на корабль.

Еще издали мы заметили, что у сходни стоят большой зам и особист, а у их ног на палубе высится куча всякой всячины. При приближении выяснилось, что это отобранные у матросов буржуазные журналы и открытки с голыми девицами, какие-то плакаты сомнительного идеологического содержания, игрушки для взрослых вроде голого негра, выскакивающего из сортира при нажатии на потаенную кнопку, и т.д.

Ничего хорошего я не ждал, и, как оказалось, напрасно. Когда выпотрошили моих матросов, куча увеличилась как минимум вдвое. В общем, выслушиваю я нотацию от корабельного комиссара и вдруг замечаю, как вытягивается лицо у особиста. Оборачиваюсь и вижу: к «Октябрине» приближается весь увешанный пакетами старший лейтенант Чуев, а под мышкой у него кавалерийская шашка.

– Ну что, Чуев! – сказал особист. – С комсомольским приветом?!

Замполит корабля больше ничего не сказал. Но самое главное, что я не пострадал по служебной линии, видимо, потому, что стал свидетелем происшествия, не подлежащего по соображениям здравого политического смысла разглашению.

ЧУЖИЕ СТРАНЫ И ГОРОДА

Перемахнув Черное море, ранним утром крейсер оказался у Босфора. В общем, Турция стала первой заграничной страной, которую довелось увидеть не только мне, но и, не считая настоящих морских волков, доброй половине экипажа.

Готовились мы к этой встрече тщательно и заранее. Для достойного прохождения узкости все двери и люки были задраены, в иллюминаторы выставлены броняшки, а личный состав загнан в низа. На верхней палубе остались только вахта, часовой у флагштока с автоматом и особист с пистолетом в кармане. Не то чтобы о его намерениях было заявлено публично, но все знали: если кому-то придет в голову мысль изменить Родине и сигануть за борт, особист будет стрелять на поражение. А стрелять он умел и лицо (в смысле – внешность) имел в высшей степени ответственное, какое и надлежит иметь человеку с горячим сердцем и холодным умом.

Каким-то образом мне подфартило оказаться на мостике, поэтому я за границу рассматривал

не только невооруженным глазом, но и через визир дальномера. И она, конечно же, поражала. Причем в большей степени почему-то не правый берег, где София, а азиатский левый. Мы шли так близко к земной тверди, что иногда в открытые окна чужих спален были видны головы, торчащие из-под одеяла. Также можно было рассмотреть пар, змеящийся над кофейными чашками. А какая-то турецкая дама спросонья прямо в пеньюаре выскочила на балкон и застыла от неожиданности: всю привычную панораму занимало серое туловище советского крейсера... Мы встретились глазами, и я до сих пор гадаю, о чем тогда, в ту мимолетность, она подумала. Вряд ли о хорошем, потому что в середине 70-х я еще был под наркозом краткого курса ВКП (б) и вряд ли смотрел на буржуазию дружелюбно.

А чего тут удивительного? Тогда практически ни у кого из нас не было сомнений, что социализм, особенно развитой, самый передовой социальный строй на Земле, и защищать его мы были готовы до последней капли крови. Да и о загранице мы знали, как нам тогда казалось, всю правду: там плохо, там угнетение, там американская военщина, там колонизаторы, а если и встречаются люди доброй воли, то очень редко и все они известны наперечет.

В общем, примерно с такими мыслями мы шли через Босфор, но почему-то не ощущалось, что турки так уж сильно страдают под капиталистическим гнетом. Рожи в основном загорелые и довольные. Но главный культурный шок был впереди, когда мы увидели местных рыбаков в дубленках. В СССР 70-х это был такой дефицит, который могли позволить себе артисты театра и кино, партийные деятели, дипломаты и проходимцы. А тут обыкновенный рыбак напяливает на себя престижную вещь, чтобы не простыть во время утреннего клева...

«Захрались!» – сказал секретарь парткома корабля капитан-лейтенант Сарапульцев, с прищуром посмотрев на безобразия. Думаю, что никто, кроме закаленного борца идеологического фронта, не смог бы дать столь точное определение этой гримасе капитализма. И мы сразу успокоились, потому что убедились: марксистско-ленинское учение правильное, потому что вечное, а вечное – потому что правильное.

ДРУЖБА НАРОДОВ

Мы по всей Средиземке гонялись за авианосцем «Кеннеди», а за нами неотступно следовал американский эсминец типа «Гиринг». Не помню, как у них, а у нас этот процесс назывался слежением. Все знали: когда поступит сигнал от командования 5-й оперативной эскадры, мы должны будем всадить в

полетную палубу авианосца десяток снарядов главного калибра, чтобы тем самым не дать возможность вероятному противнику поднять в воздух авиацию, которая может нести и ядерное оружие. Что должен был сделать с нами «Гиринг», теперь, видимо, установить уже не удастся. Но, предполагаю, тоже ничего хорошего.

В общем, так – будто шерочка с машерочкой – и передвигаемся мы с «Гирингом» по морям, по волнам от одной точки к другой. Если на юте намечается киносеанс (четвертую башню разворачивают и на ней вооружают экран), наш упрямый спутник смещается по корме и пристраивается так, чтобы и там было видно, что происходит на экране. И, как теперь утверждают старые боевые друзья, американцы просмотрели все, чем снабдил нас на боевую службу отдел технических средств пропаганды флота, но особенно им по душе был мультсериал «Ну, погоди!».

Не могу ни подтвердить, ни опровергнуть это утверждение, потому что и «Ленин в Октябре» они тоже смотрели весьма внимательно. У нас же эту ленту запускали или по требованию политического руководства корабля, или когда от «Бриллиантовой руки», которую крутили в режиме нон-стоп, уже невозможно было сдерживать рвотный рефлекс. А когда сеанс заканчивался, «Гиринг» давал ход и становился у нас на траверзе.

Иногда во время этих эволюций корабли сходились достаточно близко, и обязательно кто-нибудь из наших или, наоборот, из их экипажа махнет в приветствии рукой. Когда вот так вот – глаза в глаза, злобы почему-то не было.

ПОЧТИ НАПОСЛЕДОК

А может, и правда, ничего не было – ни «внучек Айвазовского», искавших свое призрачное женское счастье на палубах легендарного крейсера, ни яхты под белым парусом с заграничными красотками в неглиже, ни ревущих сороковых, срезавших волнами, будто автогеном, стальные леерные стойки, ни старпома Макарова, по должности столь ненавистного лейтенантам, ни капитана 1 ранга Бориса Кирюшатова – элегантно, как лорд Адмиралтейства? Может, все это легенды – плоды моего воображения? Не знаю. Вот только корабля с именем «Октябрьская революция» в составе отечественного флота, скорее всего, уже не будет никогда. Но ведь есть и будут другие корабли. И другие легенды.

Всеволод Вишневский

Всеволод Вишневский родился 8 декабря 1900 года в Санкт-Петербурге в семье потомственных дворян.

После выпуска из гимназии 14-летним добровольно ушел на фронт, приписав себе несколько лет.

Во время войны был награжден Георгиевским крестом и двумя медалями «За храбрость».

В 1917 году в Санкт-Петербурге перешел на сторону большевиков.

С 1919 года Вишневский – пулеметчик бронепоездов Первой Конной армии Семена Буденного.

В 1930 году переехал в Москву и активно участвовал в писательской жизни, был ярким противником Михаила Булгакова.

В 1936 году по сценарию Вишневского был снят фильм «Мы из Кронштадта», сопоставимый по популярности с «Чапаевым».

Во время советско-финляндской и Великой Отечественной войны служил корреспондентом ряда изданий, в том числе газеты «Правда».

В 1949 году поставил на сцене свою последнюю пьесу «Незабываемый 1919-й», где одним из героев был Иосиф Сталин.

В 1950 году получил Сталинскую премию первой степени за эту пьесу.

С 1918 года воевал пулеметчиком на корабле Волжской военной флотилии «Ваня-коммунист».

С 1921 года служил политработником на Балтийском и Черноморском флотах, редактировал журнал «Краснофлотец».

В 1933 году написал пьесу «Оптимистическая трагедия», по которой впоследствии был снят фильм.

Участвовал в антифашистском конгрессе писателей в Испании в июле 1937 года.

С 1944 года работал в Москве редактором литературного журнала «Знамя».

В 1948 году был снят с должности за публикацию повести Эммануила Казакевича «Двое в степи».

Умер 28 февраля 1951 года в Москве и был похоронен на Новодевичьем кладбище.

Военные писатели России

Учителем истории Вишневого в Первой Санкт-Петербургской гимназии был Василий Янчевецкий, впоследствии прославившийся романами о Чингисхане и Золотой Орде под псевдонимом В. Ян.

Больше всего из поэтов он ценил Николая Гумилева.

Судьбу женщины-комиссара для пьесы «Оптимистическая трагедия» Вишневецкий позаимствовал из жизни Ларисы Рейснер, первой любви поэта Николая Гумилева.

В 20-е годы он преподавал историю в Военно-морской академии.

В пьесе «На Западе бой», написанной в 1933 году, он предсказал страшную войну с Германией, но Мейерхольд отказался ее ставить.

Во время Первой мировой войны мальчишкой участвовал в нескольких боях в составе лейб-гвардии егерского полка.

Его случайно увидел полковой священник, бывший учитель Вишневого в гимназии, и потребовал от командира полка отправить подростка домой.

Вишневецкий все равно вернулся в родной полк и вскоре получил Георгиевский крест за пленного немца.

При чтении своей пьесы про Первую Конную перед актерами и критиками в театре так распался, что стрелял в потолок из личного браунинга.

Вишневецкий считался одним из лучших ораторов на митингах.

Вишневецкий был награжден медалями «20 лет РККА», «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда» и «За взятие Берлина».

Находился в блокадном Ленинграде в самые тяжелые дни. От недоедания у Вишневого почти постоянно была температура ниже 36 градусов.

В 1942 году он написал совместно с Александром Кронем и Всеволодом Азаровым пьесу для единственного оставшегося в блокадном Ленинграде Театра музыкальной комедии.

Во время работы в журнале «Знамя» лично вел переписку с авторами и скрупулезно подшивал все ответы в папки.

Он был одним из немногих, кто одновременно удостоился медалей «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

За свою литературную и общественную деятельность Всеволод Вишневецкий был награжден 8 орденами.

Во время работы Константина Федина над романом о Гражданской войне консультировал его и давал редкие книги и документы из своего архива.

Именем драматурга Всеволода Вишневого названы улицы в Москве, Санкт-Петербурге и Кронштадте.

Дмитрий ЮРОВ

Дмитрий Николаевич ЮРОВ родился в 1975 году в поселке Огарково Вологодской области в семье военнослужащего. Окончил факультет культуры и журналистики Военного университета Министерства обороны РФ в 1996 году с золотой медалью. Как специальный военный корреспондент сотрудничал со многими газетами и журналами. Возглавлял отдел социально-экономических и правовых проблем газеты «Красная звезда». В запас вышел в звании подполковника с должности начальника Центра информационного обеспечения Министерства обороны РФ.

Лауреат и дипломант ряда премий и конкурсов, имеет ведомственные и общественные награды. Член Союза журналистов России, Союза журналистов Москвы. Ветеран боевых действий. Ныне заместитель главного редактора журнала Министерства обороны РФ «Военные комиссариаты России».

РАССКАЗЫ

ИНИЦИАТИВНЫЙ ПРАПОРЩИК

Неделю полк стоял на ушах: все ждали большую комиссию. И естественно, готовились.

Полковые художники оформляли свою ненаглядную наглядную агитацию, столыяры ремонтировали двери и окна, водители отскребали краску и заново красили технику.

Но самая настоящая работа кипела в столовой. Дело в том, что из достоверных источников поступили сведения о пристрастии председателя комиссии, известного генерала, к проверке центров армейского общепита. Он имел обыкновение заявляться в солдатскую столовую на обед и снимать пробу из солдатского котла, проверяя, насколько хорошо питается служивый люд. Сопровождающие, как правило, делали вид, что для них посещение столовой – полная неожиданность, а генерал, довольный произведенным эффектом, вел себя как Суворов, отец и защитник солдата.

Так было и в этот раз. Проверяющие расползлись по отделам и службам полка. А генерал в сопровождении командарма, комдива, командира полка и целой вереницы разнообразных должностных лиц приступил к обходу объектов.

Полк как будто вымер: весь личный состав отправили в запасной район, якобы для его дооборудования. Лишь одна рота находилась в карауле, а еще одна – в учебном центре, день и ночь готовясь к показательной стрельбе.

Автопарк, казармы, караульное помещение, клуб, жилой городок произвели на генерала благо-

приятное впечатление, и напряжение, связанное с его приездом, понемногу спадало. Приближалось время обеда. Как-то само собой получилось, что комиссия именно в этот момент оказалась возле солдатской столовой.

Ноздри генерала дрогнули, он вопросительно посмотрел на комполка:

– Командир, а ты кормить нас думаешь?

– Пожалуйста, товарищ генерал! Приглашаем в солдатскую столовую! Обед должен быть готов! – отрапортовал тот.

– Товарищ генерал, на обед приготовлены щи из свежей капусты, макароны по-флотски, винегрет и компот из сухофруктов!

Минуту обеденный зал, председатель комиссии прямиком прошел в варочный цех, где, будто часовые перед Мавзолеем, в напряжении застыли повара с черпаками наперевес.

– А ну, хлопцы, давайте-ка снимем пробу щец из солдатского котла, – по-отечески обратился к ним генерал.

Мигом была наполнена миска, и генерал проследил, чтобы ее без подмены пронесли в общий обеденный зал. Ему, конечно, было невдомек, что обед готовили гражданские профессионалы. Желая удостовериться, что солдат в полку не обижают, генерал глубоко погрузил ложку в щи и отправил ее в рот. Сопровождающие застыли. Где-то в конце зала беззаветно билась о стекло муха...

Генерал молча зачерпнул вторую ложку... третью... и наконец изрек:

– Молодец, командир! Заботишься о солдате. Хорошие щи.

Вздых облегчения пролетел по толпе проверяемых и проверяющих. Лица разгладились...

И тут неожиданно вперед выступил прапорщик, начальник столовой. Все получилось прекрасно, и он по праву считал себя обойденным: бессонные ночи, нескончаемый ремонт, замена всей посуды, готовка пищи, инструктаж наряда, наконец, – все было на нем. А получалось так, что генерал считает все это заслугой командира полка. Обида и желание обратиться на себя внимание захлестнули его.

– Товарищ генерал! А вы перчику, перчику добавьте, – склонился он к председателю комиссии.

– И то правда, – согласился тот.

Взяв в руки судок, он вытащил фарфоровую перечницу и потряс ею над тарелкой. Но оттуда выпали только три или четыре крошки, а перец сыпаться и не думал.

Генерал неторопливо перевернул перечницу. К его и окружающим удивлению, с обратной стороны отверстие в ней было забито туго скрученной газетной затычкой.

– Ну что ж вы, товарищи, – удивленно и даже несколько расстроено протянул он.

Было видно, что эта досадная мелочь несколько выбила его из привычной благодушной колеи.

– Товарищ генерал, – пролепетал прапорщик, – сейчас заменим, сейчас другую дадим...

– Да ладно вам, справлюсь сам с этой старой перечницей, – желая шуткой замаять натяжку, произнес председатель комиссии.

С этими словами он вытащил газетную затычку, вновь перевернул перечницу, теперь уже большим отверстием к щам, и дважды резко встряхнул. И только с третьей энергичной попытки в дымящуюся миску нехотя выпал, как будто выполз, окурок сигареты. Он лежал в полной тишине, постепенно намокая с боков, погружаясь в щевую благодать. И все, в том числе и генерал, почему-то пытались прочесть надпись на нем.

– «Прима», – выдохнул комдив.

– «Прима», – подтвердил генерал.

Через месяц командир полка был переведен в Забайкальский военный округ, его заместителя по тылу проводили на пенсию. Комдив получил выговор, командарму строго указали. Не пострадал по службе, как ни странно, только прапорщик – начальник столовой, если не считать партийного взыскания с занесением в учетную карточку, что по тем временам тоже было будь здоров каким пятном в биографии.

Он долго добивался снятия взыскания, но все было тщетно: слишком высок был уровень его провинности. Последний раз пытался это сделать в июле 1991 года. А в августе, после печально известного в

истории современной России путча, проблема решилась сама собой. Ему вернули учетную карточку вместе с выговором.

МЕЧЕННЫЕ АТОМЫ

Зампотыл училища (знаменитого когда-то на всю страну военного вуза) полковник Гвоздь ходил озабоченный: сегодня уже трижды теплотехник докладывал, что кража горячей воды из системы отопления продолжается. Кто-то воровал ее нагло, буквально среди бела дня. Кочегары не успевали подпитывать котлы. Столбик термометра в казармах и учебных корпусах опускался все ниже и ниже.

Бесконечные жалобы и доклады привели наконец зампотыла к волевому решению: принять меры. Благо исполнитель был под рукой.

– Вы, товарищ майор, – обратился он к начальнику КЭО майору Бублику, – кровь из носу, но чтобы завтра к утру вора поймали! Мне кажется, что к нашей системе подключилась какая-то частная лавочка или даже целое предприятие. Читал, наверное, в газетах, как бензовозы накачивают из магистральных трубопроводов: подогнали, пробрили пару отверстий, затарились – и вперед с энергоносителем на рынок.

– Понял! Есть, товарищ полковник! Поймаю! – выдохнул уверенно Бублик, преданно глядя в зрачки начальству. – Запущу меченые атомы!

– Чего-чего? – брови Гвоздя полезли вверх и исчезли под козырьком фуражки.

– Науку на помощь призовем! – одухотворенно заявил Бублик.

– Ты что, второй Чернобыль решил устроить?!

– Да нет, это я образно, насчет атомов-то. Да неужели я на диверсанта похож?!

– Кто тебя знает... – многозначительно пробурчал зампотыл.

– Да вы что, – обиделся майор. – Это раньше кругом враги были, а теперь даже американцы – друзья. Так неужели я, свой, на гадости способен?

– Тогда поясни: я что-то не понял насчет твоих атомов.

– Все очень просто. Запустим в систему краситель – вода сразу зеленой станет, как новобранец. Очень едкий тот краситель: когда получал, случайно на руки капнул – неделю не мог отмыть.

– А не отравишь нас?

– Никак нет, – запротестовал начальник КЭО. – Ведь система-то замкнутая, только на отопление работает.

– И то верно, – веско подтвердил Гвоздь.

– А если и выпьют воры, то так им и надо: бог шельму метит, – довольный, что начальство одобрило его решение, заявил Бублик.

– Ладно, иди. Только поосторожней с этой наукой-то, исследователь. Что-то мало у меня к ней доверия, – подвел итог шеф.

Вор объявился быстро. К вечеру дежурному по училищу из автопарка позвонили, и испуганный прапорщик заявил, что из мочных шлангов хлещет... горячий медный купорос. Сработала система докладов, и вскоре Гвоздь в сопровождении Бублика темнее тучи ходил среди машин.

– Ну что, оглоеды, сами у себя воруете? – рычал зампотыл на водителей и инструкторов.

– Да вы что, товарищ полковник! Просто бойлер в парке неисправен, проржавел, и вода из системы отопления попадает на мойку, – обиделся командир авторы.

– А вы что, не чувствуете, что вода горячая?!

– Мы думали, что котельная наконец-то нормально заработала, – заявил один из прапорщико-инструкторов.

– Специально молчали, негодяи, пока на воре шапка не окрасилась! – образно рявкнул ржавым голосом Гвоздь. – Ждите приказа!

Вскоре состоялся приказ. Всем, кому, по мнению зампотыла, положено, прописали по первое число, а начальнику КЭО за внедрение науки в производственный процесс объявили благодарность. Кстати, отремонтировали и бойлер в парке.

Инцидент, казалось, был исчерпан. Но...

В училище внезапно нагрелась комиссия санэпидемслужбы округа. Видимо, прав был Гоголь, когда говорил, что нечистая сила устраивает козни перед святым праздником. Не иначе как по ее наущению занесло эту комиссию в учебное заведение накануне Рождества.

Сначала все шло прекрасно. И подсобное хозяйство, и склады, и столовая сверкали чистотой.

Зампотыл, начпрод и начальник КЭО за спинами комиссии бросали друг на друга довольные взгляды. В хорошем настроении все зашли в варочный цех.

И тут у полковника Гвоздя челюсть отвисла от неожиданности: двое курсантов сливали из котла для первого блюда воду в огромный бак, весело переговариваясь друг с другом. Наряд работал. Это было нормально. Ненормальной была вода, которая поражала глаз ярко-зеленым цветом!

Комиссию это, понятное дело, очень заинтересовало.

– Ребята, – обратился ее председатель к наряду, – что вы делаете?

– Воду сливаем, – недоуменно ответили курсанты.

– А почему она зеленая?

– Не знаем! Такая идет из кранов...

Наступила пауза. Зампотыл не менял выражения лица. Бублика и начпрод тоже охватил столбняк. По всем законам вода должна была быть прозрачной. Ведь не из парка же ее сюда специально притащили! Между тем председатель комиссии обратился к женщинам-поварам:

– И давно у вас такая вода?

– Уже около недели.

– И вы на ней готовите пищу?

– Да, – удивленно пожали плечами поварихи, – ведь другой нет.

– А кому доложили об этом? – сурово продолжал допрос председатель.

– Не говорили мы никому. В прошлый год трубу прорвало на кухне, так мы целый месяц воду вручную в ведрах выносили, пока сварку нашли да отремонтировали...

В это время в варочный цех влетел врач-санэпидемиолог училища по кличке Бацилла, известный среди курсантов своей принципиальностью и неоднократно по малейшему поводу заставлявший наряд по столовой перебивать всю посуду.

– Что случилось? – с порога обратился он ко всем сразу.

– А это мы у вас хотим спросить, – сказал председатель комиссии. – Вы пробу пищи каждый день снимаете?

– Да. У нас очень хорошо готовят. Снимаю пробу, даже с добавкой.

– И в последнюю неделю кушать здесь изволили?

– А где же еще? У меня жена дома не готовит, знает, что я при столовой.

– На здоровье не жалуетесь?

– Нет, спасибо, здоров!

Самое интересное, что из числа курсантов тоже никто не заболел. Или краска была безвредная, или курсантские желудки приспособились переваривать все, начиная с бубликов и заканчивая гвоздями.

Через неделю зампотыла и его команду пригласил к себе начальник строевого отдела и ознакомил с выпиской из приказа по войскам округа. После того как шеф и его подчиненные расписались, Гвоздь грозно глянул на Бублика и буркнул:

– Это все твои меченые атомы!

– Ну откуда я знал, товарищ полковник, что и в столовой бойлер неисправен! Привык наряд мыть посуду холодной водой, а тут горячая пошла, вот и молчали. Курсанты во всем виноваты, а не наука!

– Проваливай со своими мечеными атомами, пока я тебя самого не пометил! – взвыл Гвоздь, хлопнув дверью строевого отдела.

– Ох и трудный характер у моего шефа, – вздохнул Бублик. – Да и к науке у него душа не лежит...

Леонид ПЕВЕНЬ

Леонид Васильевич ПЕВЕНЬ родился 15 августа 1956 года в семье военнослужащего. Окончил Киевское высшее военно-морское политическое училище, Военно-политическую академию, адъюнктуру при Военном университете и Академию госслужбы при Президенте Российской Федерации. Служил на кораблях Балтийского, Тихоокеанского и Черноморского флотов.

Кандидат философских наук, доцент.

С 2002 года начальник социологического центра Вооруженных Сил Российской Федерации. Имеет около сотни научных трудов по проблемам жизнедеятельности Вооруженных Сил. Капитан 1 ранга запаса. В нашем журнале публикуется впервые.

МОРЕ

Огромное синее море
Опять меня вдаль зовёт.
Оно расплескалась ширью
Под самый небесный свод.

Да, я скучаю по морю,
Глядя в бездонные небеса,
Горжусь, что и моя доля
Связана с ним была.

Что подолгу мне приходилось
С экипажем там штормовать
И что только земное снилось
Мне в походе месяцев пять.

Что была там дружба морская
И там был боевой командир,
Мы, надёжно страну защищая,
Подарили планете мир.

Служили за честь, не за деньги,
Делились все кто чем мог,
Мы редко стояли у стенки,
И с нами был наш морской Бог.

Корабль был домом, семьёю,
Счастливых ждали на берегу,
И выправкой нашей морскою
Влюбляли девчат на бегу.

А жизнь была чистым небом
И синим морем вокруг...
Чего вдруг душа заболела?
Чего мне взгрустнулось вдруг?

* * *

Любовь — это море...
А море — это любовь,
И только на воле
Слышишь любви зов.

Слышишь его душою,
Сердцем слышишь своим,
Только о том мечтая,
Что будешь ею любим.

И вместе с нею желалась
Ты над волной парить,
И видишь: любовь как море.
Она может вечной быть.

СНОВА ОСЕНЬ

Позолотою тронуты листья,
Сквозь прохладу ловлю тепло.
И рябин покрасневшие кисти
Мне заглядывают в окно.

Всё настойчивей капает дождик,
И сквозь тучи сочится свет,
И все легче стелить мне мостик
В ту страну, где давно нас нет.

Помню я, как весной дарила
Ты мне ласку, любовь и свет.
Ничего ты не утаила,
Бабым летом верну в ответ.

КАПИТАН

Я солнце люблю и небо тоже,
Люблю я море и когда волна.
На сказочные парусники похожи
Те белые большие облака.

Плывут, держась намеченного курса —
И где-то там любовь их ждёт, —
Они, гонимые тем нежным чувством.
И знаю я, кто ищет, тот всегда найдёт.

И на одном из них, в небе парящем,
Я — капитан непризнанной любви.
Ведь лишь мужчинам настоящим
На прочность испытания даны.

Штурвал в руках держу надёжно,
Но нужно ещё ветер в паруса поймать!
В регате этой, может, все возможно,
Сложнее в жизни мне тебя завоевать!

Мне б паруса наполнить твоим ветром,
В зеленом море разглядеть твои глаза
И солнцем просиять, как своим сердцем,
Даря тебе тепло, даря любовь, даря себя...

НАЗОВУ Я КОРАБЛЬ...

Назову я корабль твоим именем нежным...
Подыму паруса и мечту я свою догоню.
На борту напишу твоё имя — Надежда.
Ты единственная, кого я навеки люблю.

Паруса наполняются лёгким ветром,
Полной грудью дышу им, вбирая душой.
Для меня стала ты мироздания центром,
Путеводной счастливой моею звездой.

Будет ветер играть надо мной парусами.
Никогда мне не встретится штиль.
Улыбнись мне хотя бы одними глазами,
И скажу я тогда: до тебя я на свете не жил.

Юрий ПАХОМОВ

Юрий Николаевич ПАХОМОВ – постоянный автор нашего журнала. Член Союза писателей России, лауреат международной (имени Валентина Пикуля) и всероссийских литературных премий. Отдельные произведения переведены на языки дальнего и ближнего зарубежья. Некоторые из них экранизированы. Автор публикуется в России и в русскоязычных журналах в Америке и Германии.

Родился Юрий Николаевич в 1936 году, окончил Военно-медицинскую академию, служил на Черноморском и Северном флотах. Несколько лет был главным эпидемиологом ВМФ СССР.

Три Егора

ПОВЕСТЬ

1

Было тепло, сумрачно, на востоке прорезалась розовая полоса, с деревьев капало – прошел дождь. Лодка Егора Васильевича Бурмистрова стояла у входа в лодочную станцию, он кивнул дежурному по станции, свалил в кокпит рыбацью справу, отцепил швартов. Мотор завелся сразу – японская штучка, подарок племянника, нос лодки задрался, она скользнула вперед, оставляя за собой пенистый бурун.

Бурмистров выцелил бухточку на северо-востоке Иваньковского моря – туда никто не совался, знали: старика Егора Васильевича местечко, с хорошим прикормом, лещ и окунь брал сразу, как оглашенный, – через час и уха, считай, обед на два дня. К вечеру в магазине у Дашки можно будет маленькую взять, помянуть усопших. Через час в кокпите билась рыба, даже щуренок попался. И тут со стороны Твери из серой дымки возник белый трехпалубный теплоход, выкатилось солнце, дымка разом опала, и красавец увиделся весь целиком, как на открытке. На крыло мостика вышел капитан в белом кителе и помахал Бурмистрову, словно поприветствовал речной отмашкой. Егор Васильевич ответил, и сразу заняло сердце. Теплоход истаял в тумане – был и нет. Бурмистров тяжело осел на банку, подметил: так и в жизни – мелькнет, высветится красотой и погаснет. И стал собирать рыбу, набралось с ведрышко.

В незапамятные времена на берегу Химкинского залива, неподалеку от Северного порта, стояла усадьба: два деревянных дома, вокруг сад, огороды, на взгорке баня. Деревянная лестница вела к небольшой пристани. Принадлежала усадьба купцу Козодаеву. В начале тридцатых годов купчишку раскулачили, в усадьбу поселили семьи двух старых капитанов буксирных пароходов Василия Бурмистрова и Мирона Малого. Оба капитана люди рукастые, все умеют. Ремонтировать дома помогли матросы с пароходов, работу полегче взяли на себя дети: Егор Бурмистров-младший, его сестра Агния и сын Малого Егорка, веселый, смешливый парень, друг и одноклассник Егора Бурмистрова. После седьмого класса оба двинули в речной техникум. Бурмистров – обучаться судовождению, Малой, любитель техники, в механики.

Бурмистров-старший много лет как овдовел, осиротевшей семьей командовала Агния.

Девка быстро выросла, окончила медицинское училище и работала медсестрой в больнице водников. Крепкая деваха, рослая, в отца голубоглазая, русоволосая. Егор Малой притих, вечерами пел под гитару грустные песни. Два Егора окончили речной техникум с отличием, друзей направили работать на старенький буксирный пароход «Руднев», стоящий в доке Сормовского завода в Горьком. За два месяца молодые волгари облазили пароход от килля до клотика. Егор Малой поражал инженеров знанием машины

и надоел рационализаторскими предложениями. Пароход вышел из дока выкрашенный, сверкая надрабанной рындой.

Егор второй, как называли его речники, добился, чтобы деревянную палубу стальными листами накрыли.

– Это зачем? – ярился сдаточный механик завода.

– А война? Империалисты вон что вытворяют. Поставят пушку, раскаленные гильзы, попадание снарядов противника – пожар. Это понимать нужно.

– Какая война? Товарищ Сталин сказал – войны не будет. Значит, не будет.

Егор Бурмистров получил должность вахтенного офицера, штурмана. Капитан пригляделся к нему, допустил к несению самостоятельных вахт. Удивлялся:

– Откуда лоцию так хорошо знаешь, шкет?

– Я с батей не одну навигацию отпахал.

– Так ты сын знаменитого капитана Бурмистрова?

– Так точно.

– Тогда понятно.

В дни школьных каникул отец стал брать огольца палубным матросом. А это все хозяйство – от чистки картошки на камбузе, до команды «Палубу скатить и пролопатить». Одна швартовка чего стоит. За лето вымахал с отца, накачал плечи. В техникум шел вполне подготовленным матросом-речником.

А тут Бурмистров-старший стал прихварывать, осунулся, похудел. Агния едва не силком затащила отца в больницу водников. Через неделю пришла домой зареванная: у папки плохое подозревают, оставили в больнице, профессору будут показывать. Только при нем ни слова.

Как-то вернулся с рейса Егор, застал такую картину: Бурмистров и Малой сидели на кухне и хлестали водку.

– Садись, сынок. Через неделю операция. Помни, Бурмистров – фамилия известная, тебе капитанские традиции блюсти надо. Мироша, друг ситный, плесни сыну водки. А я отплавался, видать.

Операция прошла благополучно, «плохое» не подтвердилось, зато язва большая, треть желудка отхватили хирурги, но вот незадача: вместе с язвой у лихого капитана вроде как душу вынули. Вышел на пенсию, занялся лечебными травами, даже летом стариковски ходил по дому в обрезанных валенках, полюбилось ему сидеть на скамейке под разросшейся черемухой – и все молчком. А тут Егор второй, сын Мирона Ивановича, по-простому Егорка, как щука из-под коряги выскочил. Постригся, побрился и к старику: «Дядя Вась, мы к тебе за благословением. Решили с Агнией пожениться». Бурмистров аж подпрыгнул: «Ишь скородуй – они решили. А сватовство нынче, что, отменили?»

Егорка опустил голову:

– Партком не одобряет старые обычаи, дядя Вась. Нахлбучку дадут.

Бурмистров-старший партийный устав соблюдал и товарищей из парткома побаивался.

– Да, дела-а. Ладно, считай, что сватовство состоялось. Отец-то непротив, чтоб Агнюшу в дом вести?

– Все сговорено.

– Тайком, как немецкие шпионы. Мать вашу за ногу...

Свадьбу справили крепкую. Председатель портового парткома плясала барыню, вскрикивая: «Эхма!» Присутствовали старые капитаны, молодежи было мало – шла борьба с пережитками прошлого, вступили в брак по-комсомольски: расписались в бумажке и будет, но старые капитаны встали на дыбы: не венчание же, а праздничное застолье. Верно сказал товарищ Сталин: «Жить стало лучше, жить стало веселее».

Молодая вскоре показала норы – отказалась рожать в бане, как в народе принято, только в роддоме, асептика, антисептика, пошла молоть, зато мальца принесла крепенького, одно смутило Бурмистрова-старшего: оголец смуглый и разрез глаз восточный, но вовремя вспомнил, что прадед у него татарин и заткнулся. Вышла заминка с именем. Дед Мирон недоуменно разводил руками:

– Что деется, граждане? Отец Егор и внука, значит, Егором называть. Чудно!

Дед Василий взъярился:

– В роду Бурмистровых все мужики будут Егорами называться, и баста, а коли девку принесет, тут ваша правда, только русским именем называйте, а то на моем судне повариха родила и дочку назвала Энергетика. Тьфу!

Финская война не коснулась семей Бурмистровых и Малых. Молодые волгари буксировали баржи не с песком, а с грузами военного назначения. Незаметно и тихо сошел в могилу Бурмистров-старший. Положили на Химкинском кладбище, рядом с супругой, вместо креста камень поставили, а рядом с ним якорь. А тут грянула Великая Отечественная, грянула внезапно, хотя ее и ждали, верили словам вождя. Егорку первого и Егорку второго призвали на речной флот и отправили в город Горький, где на Сормовском заводе оснащали вооружением волжские колесные пароходы, обшивали броней быстроходные катера, плавучие батареи. На этот раз друзей развела судьба: Егора первого назначили помощником капитана буксирного парохода «Чапаев», а Егора второго – на «Киров», превращенный в канонерку. Все для фронта, все для победы.

Старшая операционная сестра Агния ходила теперь в гимнастерке и синей юбке, в петлицах кубари. Дома бывала раз в неделю, воспитанием внука Егора третьего занимался дед Мирон. Дед чудил, выкопал у бани окоп, вечером уходил дежурить, вооружившись охотничьим ружьем, патроны снарядил жаканом и вольчей дробью.

Кормились с огорода и реки, да еще мать паек приносила.

Химкинский залив пуст, изредка пройдет караван грузовых судов с баржами. Рыбе раздолье. Плотва

идет, случается, лещ заглянет, дед радуется как ребенок. Картофель выбран, спрятан в подполье. Потом Егор третий отправляется за почтой, почтовый ящик у дороги, чтобы почтальону осенью грязь не месить. Вдруг треугольник с фронта? Отец и дядька пишут редко.

А ночью вокруг темень. Немец под Москвой. При свете коптилки дед Мирон латает валенки внука. В небе гудят самолеты, твякают зенитки. Зенитчики разбросаны вдоль залива. Одна батарея стоит в полукилометре от дома.

День стоял хмурый, по брезентовым накидкам шуршал дождь, третий час дед с внуком сидели у причала в старой лодке с удочками. Поклевка не шла. Сзади дыбился холм, на верхушке баня. Вода в реке парила. Как вдруг послышался тяжелый зудящий звук. Из облаков вынырнул бомбардировщик, за ним тянулся шлейф черного дыма.

– «Юнкерс-88», – доложил Егор третий.

– Видать, подбили зенитчики, – прищурился дед.

Самолет терял высоту. Желтое грохочущее брюхо проплыло совсем рядом. Через секунду рвануло, да так, что дед уронил в воду шапку.

– Мать твою... Вроде грохнулся.

Черная вода высветилась отблеском пожара. Внук отбросил удочку и кинулся вверх по деревянной лестнице. Дед заковылял за ним. В отдалении послышался взрыв, потом еще один. Егорка стоял с открытым ртом, не в силах понять, что произошло. Вместо дома зияла черная воронка, откуда тянуло кислой вонью тола, другой дом разнесло, вывернутая стена горела, бросая в разные стороны искры. И только баня уцелела, разве что окно вышибло.

– Пятитонку не пожалел, – сказал дед.

– Какую пятитонку?

– Бомбу. Освобождался от боезапаса – вот и скинул бомбу. – Дед вдруг заплакал. Хлюпая носом, приговаривая по-стариковски: – Святой Создатель, жили люди и вот...

– Дед, ты что? – испугался Егорка.

– Ох лихо навалилось. Лихо-лишенько. Жить-то где будем, исть что?

– Жить в бане, рыбы всяко наловим.

– Мать-то когда прийти пообещала? – спросил дед Мирон и перекрестился. – Пронеси, Господи.

– Как начальство отпустит. Если много раненых, куда же?

Егорка приспособился звонить от дежурного по порту прямо в сестринскую комнату госпиталя. Сердечко и ёкнуло.

– Дед, я к дежурному звонить. А вдруг маму отпустили, я быстро.

– Давай. А я посижу на скамейке, сердце что-то прихватило.

Дежурил старик Михеич. Вредный старик, но, узнав, что в дом угодила бомба, смягчился:

– Звони, парень, ох горе-то. Я на новоселье у твоего деда гулял. Вот те фрукт...

Трубку взяла сестра Надя. Она и жила при госпитале.

– Егор, да ты что! Мамка чуть свет собралась и домой. Нам паек давали. Она должна быть дома или на подходе. В городе строго, на каждой улице патрули. Жди, скоро явится домой.

– Дома нет. Бомбой снесло, – Егорка не выдержал, заплакал.

– Погоди реветь. Пойду дежурному доложу.

К вечеру приехал санитарный автомобиль. Пожилой майор сказал солдатам из охраны:

– Ребенка к воронке не подпускать, да и старика тоже. Двое с носилками со мной. Макаров, а ты дуй к зенитчикам, выпроси ящик из-под снарядов.

Дальше Егорка помнил плохо. К воронке его не подпустили, слышал голос майора:

– Фрагменты тела укладывайте в ящик, переложите простыней. Сумка с продуктами сохранилась, отдайте старику. Собираемся – и на кладбище. Тут недалече. Химкинское. Дед помнит, где семейное захоронение.

– Пацана возьмем?

– А как же. Пусть с мамкой простится.

Слушал Егорка и не мог понять: мамка... Фрагменты тела, кладбище. У деда Мирона тряслись руки, и он непрерывно зевал.

2

В октябре 1941 года была сформирована Волжская военная флотилия. Состояла она из четырех бригад: канонерские лодки, бронекатера, плавучие батареи, речные госпитали. Егора Васильевича назначили помощником командира канонерской лодки «Чапаев», Егора Малого оставили на «Кирове».

В 1942 году вторую бригаду, куда входили канонерские лодки «Чапаев», «Щорс», «Громов», дивизион бронекатеров и других судов, переподчинили Сталинградскому фронту с задачей поддержки сухопутных войск на оборонительных рубежах, не допустить переправ противника через Волгу, обеспечить работу портов в Саратове, Камышине, наладить противоминную и противовоздушную обороны Нижней Волги.

На совещании руководящего состава бригады комбриг коротко поставил задачу: в ходе Сталинградской битвы оказывать артиллерийскую поддержку сухопутным войскам, обеспечить снабжение и переправу войск через Волгу в полосе обороны шестьдесят четвертой и пятьдесят седьмой армий, осуществлять противоминную и противовоздушную оборону перевозок с Нижней Волги.

...Дымное небо, свист бомб, водяные столбы по обоим бортам. Спал Егор Васильевич урывками: прикорнул в рубке на диванчике в затишье – и опять на ногах. В особо острых ситуациях сам становился к штабвалу. Единственная канонерская лодка в бригаде без особых повреждений. Места-то знакомые. В тяжкие бои в августе сорок второго года очередь из пу-

лемета «мессера» срезала обслугу у носовой пушки, так карапинами отделались, перевязали ребят, дали по стакану спирта – и к орудию.

Командир «Чапаева» как-то спросил Егора Васильевича:

– Скажи, ты в Бога веруешь?

– Я партиец. А что?

– Тогда уж точно с чертом дружбу водишь. По всей логике судовождения, ты сейчас должен отвернуть влево, а ты поворачиваешься вправо, и «юнкерс» промахивается. Почему, ядрена вошь?

– Не знаю, интуиция, должно.

– Должно.

– Я же волгарь, потомственный речник.

– Ну и что? Без чертовщины тут не обошлось, точно. Нужно тебя на партячейку вызвать да поспросить.

Но были в жизни моменты, которые Егор Васильевич вспоминал с холодком в спине. Волга встает на зиму, по хрупкому льду несет поземку. В заливе, где расположились канонерские лодки «Чапаев» и «Усыскин», все вокруг кипит от вражеских мин, канонерские лодки ведут успешную контрбатареиную борьбу – немецкое подразделение численностью до батальона окружено в лесу на мысочке. С канонерок бьют прицельно, по заявкам, артиллерийская разведка хорошо налажена. Корректировщики тоже лапти не жуют. И вдруг мина рядом с бортом ухнула, следующая уж точно в рубку угодит, за кормой льдина, заперла ледяную купель. Все, конец. Как бы со стороны слышит Егор Васильевич свой голос: «Мало назад». Механик дает «малый», и убийственный снаряд в сантиметре минует рубку.

– На лед вылезешь задницей, мать твою!.. – орет командир.

Рулевой смущенно ощупывает штаны, бормочет:

– Верняк обмочился с испугу. Мина стекло рубки лизнула и ушла. Впервой со мной такое.

В рубке стоит безудержный хохот.

Командир наливает из фляги в ржавую кружку спирт, протягивает Егору Васильевичу и говорит срывающимся голосом:

– Хлебни, колдун. Точно нечистая сила.

И так неделю в ледяной ловушке. Последний выстрел был дан по противнику 30 января на канонерской лодки «Усыскин». Вражеская группировка была уничтожена.

Командир Сталинградской бригады кораблей контр-адмирал Семен Воробьев вызвал к себе Егора Васильевича и спросил:

– Бурмистров, говорят, ты с нечистой силой знаешься, с чертом корешишь?

– Никак нет, товарищ контр-адмирал. Врут!

– Мне такой черт позарез нужен. Немца мы прижали, сейчас главное – траление, провод конвоев, противовоздушная оборона. Особенно на Нижней Волге. А ты волгарь, места родные. Короче, назначаю тебя командиром «Иркутска» и старшим соединения кораблей. В подчинение дивизион тральщиков.

Открытый бой – все ясно, а идти по минному полю совсем другое дело, особенно когда знаешь: сзади на буксирном тросе баржа с авиационным бензином и соляжкой для танков. Один промах – и весь караван полыхнет. Вроде тральщики прошли по фарватеру, а тревожно, мины у немцев акустические, да и «мессеры» за караванами охотятся. И ведь не сманеврируешь, идешь как по струне, отвернул чуток и налетел на сюрприз.

Как ранили, командир «Иркутска» не помнил. В глазах темно. Очнулся на плавучем госпитале, потом долгая дорога в санитарном поезде на Урал.

3

Весной 1943 года на Казанском вокзале с поезда сошел высокий капитан-лейтенант, на кителе орден Красного Знамени, два ордена Красной Звезды, медали, вещей немного – рюкзак, чемодан, в руке трость с медным набалдашником. Моряк взял носильщика, сдал чемодан в камеру хранения и отправился искать попутку. Повезло сразу. Студебекер с грузом отправлялся в Северный порт.

– Куда ехать, командир? – спросил водитель, пожилой мужик.

– Речной вокзал, Северный порт.

– Далече.

– Ничего, не обижу.

– Проездом?

– Москвич, из госпиталя добираюсь.

Моряк был хмур, с трудом забрался на переднее сиденье, скомандовал:

– Малый вперед.

Прошел дождь, в лужах плескались голуби, по проспекту шла рота пехотинцев, лица серые, усталые.

– Где пришлось воевать? – спросил водитель, косо взглянув на капитан-лейтенанта. – Балтика, Северный флот?

– Сталинград, – коротко ответил моряк и посуровел.

За окном побежали знакомые предместья, сверкнула на солнце темная вода залива. Около здания вокзала моряк сказал:

– Дальше пехом, нужно с мыслями собраться. Сколько с меня?

Водитель улыбнулся:

– Со сталинградцев не беру. Крепко вы там фрицам вломили. Удачи тебе, командир. Чтобы дома все было хорошо.

– Нет у меня дома, друг. Прощай.

Шел Егор Васильевич по разбитой грунтовке, культя ныла: постеснялся в поезде снять протез, шел, не глядя по сторонам, оставляя позади санитарные поезда, госпитали. Оперировали дважды – пробитое легкое трудно зарастало, болела отнятая стопа, а стопы-то и не было. Без малого год провалялся в госпиталях. По весне стало легче. О горестных событиях в семье знал из писем, написанных детским

почерком. Как дальше жить, не знал Егор, ехал как на погост. В задумчивости свернул на знакомую тропинку и оказался на краю воронки, заросшей чертополохом. На глубине воронки – черная вода, рядом обгоревший остов дома Малого. Глянул дальше – на яру торчала баня, рядом с дверью на скамейке сидел дед Мирон, опираясь подбородком о палку, дремал. Егор Васильевич скрипнул зубами, пытаясь унять душевную боль, и пошел к баньке, не разбирая дороги, свернул на деревянный тротуар, крепко вбитый в глинистую почву. Старик ожил, проснулся. Взмахнул руками и, опираясь о костыль, пошел навстречу, и издали было видно, как кривятся, дрожат его губы, как немощно несет он отощавшее легкое тело.

– Сынок, сынок, живой! Слава тебе, Господи!

Дед Мирон шарил взглядом по лицу Егора Васильевича, колот бородой, а глаза за толстыми стеклами очков казались огромными, взгляд дикий.

– А я слепнуть стал. Пойдем в дом. Банька ох как нас выручила. Я еще в силе был, утеплить баньку остатками своего дома, полки достроил, выбитое окно в предбаннике забил, мужики помогли буржуйку поставить. Хорошо на зиму в баню теплые вещи снесли – выручили нас с Егоркой.

Егор Васильевич распахнул тяжелую дверь, в лицо пынуло березовым теплом.

– Угостить тебя есть чем. С хлебом плохо, Егорка со школы пойдет, принесет горбушку. Хлеб-то по карточкам.

– Все есть, старик, я паек получил. Да по дороге на станциях отоварился. Дай присяду, культя ноет. Я же безногий теперь. Ничего, расхожусь.

– А Егорка мой пропал без вести. Написал письмо в часть, где он служил. Ответили: получил тяжелое ранение, прооперирован, на самолете эвакуировали в Москву, а там пропал без вести. Может такое быть?

– Может, Мирон Иванович. Там такое творилось. Похоронку получил?

– Нет.

– Значит, живой. Во время эвакуации много путаницы было, сам знаю.

– Внук Егор во второй класс пошел. Сноровистый парень. Учится на одни пятерки. Без него я бы пропал.

– Когда придет?

– Бог знает. В магазин забежать нужно, отовариться, на почту заглянуть – месяц писем от тебя нет.

Дед Мирон накрыл простыней стол.

– Мы с Егоркой все, что осталось от пепелища, собрали и в баньку. Когда стену взрывной волной вышибло, стол этот вылетел в огород. Стоит целехонький. Кое-что из посуды сохранилось. Мы с твоим батькой до войны погреб за домом выкопали. Настоящий блиндаж, место для картошки выделили, полки для солений, бочки с рыбой. Даже самогон был. Зенитчики за бутылку самогона вскопали огород – тоже подмога. Люди хорошие. Хороших людей больше, сынок.

Егор Васильевич достал из рюкзака круг домашней колбасы, шмат сала, разные консервы, лаваш, бутылку водки, не сучок – магазинную. Дед Мирон с замиранием смотрел на продукты, потом сказал:

– Я и запах такой еды забыл, ей-богу. Давай Егорку-то подождем. Погоди, вот вроде его шаги. У меня от жизни в сутеми слух обострился.

Распахнулась дверь, на пороге возник и замер Егорка в ладной курточке, перешитых дедовых брюках, немецких ботинках на шипах. Стоял с приоткрытым ртом, начал деревянным голосом:

– Товарищ командир...

Потом не сдержался, с плачем кинулся к Егору Васильевичу:

– Дядя Егор, жив...

– Ну а реветь нельзя. Какой же ты будешь речной капитан?

– Да-а, а мамка?

Дед Мирон, вытирая тряпицей глаза, строго сказал:

– Ну будет, будет. Еще намилуетесь. Давайте к столу. Дядька вон какие деликатесы привез. Первым делом помянем усопших. Как в жизни они вместе жили, так и на Химкинском вместе лежат. Разливай, Егор Васильевич. Рюмки я в развалинах дома откопал – устояло от немецкой бомбы московское стекло.

Выпили (кроме Егорки, ему томатного сока налили), помолчали. Егор Васильевич нахмурился:

– Что же вы писем-то не писали? Напишу письмо – ответа нет. Извелся весь.

Хрумкая подогретым на буржуйке хлебом, Егорка сказал:

– Почта виновата. По поселку пошел слух, что наша семья от немецкой бомбы погибла. Меня мало кто знает, зенитчики разве. Банька на отшибе, дымок из трубы только к ночи видать, труба выведена в общий дымоход. На почте бабка Матрена командует, ей в помощницы семиклассницу Надьку дали – все же на фронте или в эвакуации. Я решил на почту сходить. Надька, как увидела меня, в рев. Бабка тоже перепугалась – приняли за привидение. Да жив я, говорю, и дед Мирон жив. Письма где?

Надька лепечет: я письма, что из-за отсутствия адресата не дошли, в отдельный мешок складывала. Вдруг кто откликнется? Матрена принесла мешок, стали искать и сразу нашли: три письма от дяди, два от отца, отправлено почему-то из Конаково. Я сразу по письму в ответ отправил. Сейчас шел мимо ящика – письмо от отца.

– Что же ты, поганец, мне не сказал? – возмутился дед Мирон.

– У тебя сердце слабое.

– Егор Васильевич, ты письмо отбери, Христа ради, да прочти вслух поскорей.

Бурмистров вскрыл конверт. Подошел к окну и стал читать:

– «Родные мои, знал и верил, что вы живы, тетка Мария напутала – послала подругу в Москву узнать, живы ли родичи. Та увидела воронку вместо дома, так

сразу сообщила – все погибли, а нет старой в банку-то заглянуть. А со мной вот что. Когда заливал горючку на базе, немец-то и жамнул. Я вырубился, ни слова сказать не могу. Меня самолетом в Москву – случилась оказия. Спрашивают, кто я. А я рот открываю, как рыба, а сказать ничего не могу. Такая сильная контузия. Документы в архив. Я месяц не знал, что ноги мне оттаяли. Понемногу стал говорить и писать. Написал тебе, Егор. Ответ был: направлен к новому месту службы. Был адрес тетки Марии из Конаково, написал ей, та о гибели семьи сообщила и стала звать к себе. А у меня мысль одна чернее другой. Кому нужен калека безногий, не лучше ли пулю в лоб, и привет, я и брякнул на комиссии: родных нет, все погибли. Намекнули на интернат для участников войны. Одни инвалиды кругом. На что такая жизнь? А тут является тетка Мария, да на полutorке. Вот и свезла меня к себе. Муж ее, протоиерей Илья, скончался в самом начале войны. Дом огромный, дед ставил его при купце Кузнецове. Фаянсовую посуду купчина поставлял ко двору самого царя. Сколотил я коляску на шарикоподшипниках, дали инвалидную коляску – я и ожил. О семье стараюсь не думать – с ума сойдешь. Только сынок и радуется.

Вот что, Егор, собирайся и ты в Конаково, в бане не выживешь. Напиши скорее. Тетка Мария не радуется, хочет собрать родных под одной крышей. Тут Волга рядом и речка Донховка под боком. Твой Егор второй».

Неделя ушла на разные дела-делишки. Сходил в военкомат, отметил, получил продовольственные карточки, съездил на вокзал за чемоданом, заглянул к начальнику Северного порта. Тот обрадовался:

– На одной ноге, зато живой. Садись, в ногах правды нет. Циркуляр пришел: при защите Сталинграда погибли до десяти тысяч речников, а судов сколько порушили. Теперь канонерки разоружают, возвращают речному флоту. А то тишина, пройдет караван – и опять тихо. Работой обеспечим, хотя бы сменным диспетчером. С месяц погуляй, и что-нибудь придумаем. С жильем худо. Нога болит?

– Ноет, паскуда. К протезу привыкнуть нужно.

Дед Мирон ожил, помолодел. Целый день в деле: баню чинит, рыбачит – три мужика в доме, кормить нужно. Временами прихватывало сердце. Полежит, выпьет лекарство и опять за работу. Как-то рано утром Егорка разбудил Егора Васильевича и, лязгая от страха зубами, прошептал:

– Похоже, дед Мирон помер. И холодный уже. Я мертвяков боюсь. Вставай.

Егор Васильевич встал с деревянного полка, натянул протез и, как был в кальсонах, подошел к полку деда Мирона, глянул, закрыл глаза старику и сказал Егорке:

– Все, стоптался старый капитан. Ты чаю попей и дуй в школу, а я в милицию, потом на речной вокзал подамся. С достоинством Мирона Ивановича похоронить нужно. Заслужил. – И стал натягивать китель с орденами.

Постоял на пороге, вздохнул, потом сипло сказал:

– Вот так, Егор Егорович. Уезжать нужно, а то я к банке иду, словно на кладбище. Надо ехать. При такой численности личного состава надо в кучу собраться, теплом друг друга обогревать.

Хоронили Мирона Ивановича достойно. Гроб выставили в клубе, народу собралось много: старики, женщины, начальство из Министерства речного флота. В гробу дед Мирон лежал как живой.

4

Отметив сороковины, два Егора ехали в Конаково, ехали долго, пропуская воинские эшелоны – война шла, но уже виден был ее победный конец.

Дом тети Марии сразу глянулся Егору Васильевичу: двухэтажный, сложен из бревен, под железной крышей. Наличники резные, к крыльцу приложен слип, чтобы удобнее было спускаться и подниматься в дом на коляске, – хитроумное приспособление. Понравилось, что дом на высоком кирпичном фундаменте на случай паводка – речка Донховка рядом. Тетку Марию Егор Васильевич помнил плохо, разрыв отношений произошел еще до войны, когда пригреяла она протоиерея Илью, вернувшегося из лагеря на Соловках, а потом и замуж за него вышла. Отец, когда говорил о сестре, презрительно выпячивал нижнюю губу: попадья. Она с молодости чудила: девушкой постриглась в монахини, а когда монастыри закрыли, устроилась учительницей в младших классах. Отец был мастером на фабрике купца Кузнецова, зарабатывал хорошо, давал деньги на революцию, прятал в доме революционеров, оттого и дом не тронули. Так на фабрике и трудился до самой смерти.

На крыльце появилась высокая старуха в строгом сером платье, на голове черный платок. Увидела гостей, всплеснула руками и пошла открывать калитку, лицо ее лучилось радостью и покоем. Остановилась, смахнула слезу:

– Радость-то какая, Господи. Племяш, да с мальчонкой...

Поцеловала Егора Васильевича, Егорку, перекрестила их. Егор Васильевич глухо кашлянул:

– Друг отца дед Мирон помер, как отметили сороковины, и к вам.

– И правильно. А то помру, кому дом отойдет. Время тяжелое, нужно вместе собираться.

– А где же Егор Миронович?

– Наряжается, друзей встречать. Который день ждем. Пошли в избу.

В широких сенях ждал их Егор Миронович в коляске, культы укрыты пледом, рубаха новая, сиреневая. Поднес ладонь к виску, громко сказал:

– Здравия желаю, товарищ старший лейтенант, докладывает половинка Егора второго. – Подбородок у него дрогнул, слеза сорвалась и покатила по щеке.

Егор Васильевич обнял друга, с трудом проглотил ком, застрявший в глотке, и сипло сказал:

– Ты что же меня в звании понизил. До каплея дослужился. Командиром «Иркутска» был.

– Мы с тобой, считай, всю войну и не виделись. Бортами стояли, а от машины в такой котовасии не отойдешь.

– Наговоритесь еще, приглашай к столу, Мироныч, попотчевать чем Бог послал.

– Тетя Маня, а правда ты монахиней была? – встрял Егорка.

– А как же, была. Потом деток в начальной школе учила. Вот так, Егорушка.

Горница была заполнена солнцем, сервант блеснул стеклом, русская печь в фаянсовых изразцах, стулья с гнутыми ножками – все говорило о былом достатке. На столе грибочки, рыба, огурцы соленые, графин с водкой, настоянной на березовых почках.

– Руки мыть! Мироныч воду подвел из колодца, моторчик запустил, и не надо по утрам к колодцу бежать.

Выпили за встречу, потом помянули усопших. Тетка Мария рассказывала:

– В доме четыре комнаты, да на втором этаже одна. Зимой всегда тепло – старые мастера печь клали. Директор школы попросила взять на постой учителя немецкого языка, одинокого человека, отсидел срок ни за что, в Москве жить нельзя, вот на сто первый километр и отправили. Приняла как родного. Поместимся. Егору Васильевичу я отвела самую большую комнату, кровати с шпешечками, белье новое застелила, остальным по комнате.

Вечером за чаем засиделись допоздна. Тетка Мария беспокоилась: Аркадий Васильевич задерживается. Темно уже.

Под утро сквозь сон Егор Васильевич слышал легкие шаги на лестнице, что вела на второй этаж. Потом все стихло. Егорка посвистывал носом. Из открытой форточки тянуло запахом сена. На Донховке орали лягушки.

Часов в десять утра Егор Васильевич вышел в кухню. За столом сидел худой человек с бритой головой в белой майке и спортивных брюках. Возраст – круто за сорок. Он встал, учтиво поклонился, сказал:

– Здравствуйте, будем знакомиться. Абашев Аркадий Васильевич. Преподаватель.

– Егор Васильевич, речник, инвалид войны.

– Очень приятно. Что это вы скромничаете? Участник Сталинградской битвы – герой. Вся Европа отстоявших Сталинград считает героями. Я в прошлом переводчик – немецкий, французский. «Юманите» читаю, когда удастся в Москве раздобыть. В Париже есть кафе «Сталинград» – очень популярное. А я ведь припозднился. Пришлось ехать на Тверь, вышел в Новозавидово и первым автобусом в Конаково. Хорошо, что у меня уроки во второй смене. Парень ваш в какой класс ходит?

– Во второй.

– Рослый мальчик.

– У нас в роду все за метр восемьдесят. Отцовская порода.

– Давайте я мальчика отведу в школу. Школа на хорошем счету, да и недалеко от дома.

– Очень обяжете.

– Вечером поговорим. Я из ссыльных, – сказал Аркадий Васильевич, – в Москве жить нельзя, а там у меня мать-старушка. Вот и приходится выкручиваться.

Утром Егор Васильевич собрался, надел парадный китель с орденами-медалями и отправился в райком партии становиться на учет. Его встретила инструктор райкома, миловидная девушка. Глянула на иконостас на груди ветерана, порозовела:

– Где воевали, на каком фронте?

– В Сталинграде, в составе Волжской военной флотилии. Командовал канонерской лодкой «Иркутск». Пока не ранило. На протезе много не поплаваешь.

– Если бы не палка, я бы не заметила.

– Спасибо, милая. Стараюсь держаться.

– У нас большая группа ветеранов войны. При ней ячейка. Народ серьезный, есть и совсем тяжелые, лезжиче. Сталинградец один, Малой Егор Миронович.

Бурмистров улыбнулся:

– Мой дружок. Вместе воевали. Только на разных кораблях. Не повезло Егору, без обеих ног остался, да и жена во время вражеского налета погибла.

– Но он держится. Шутник, весельчак. Почему о работе не спрашиваете?

– Неловко.

– У нас большая лодочная станция. Начальник – пьяница, бездельник, снимать нужно. Народ рыбой живет, огородами. На катерах и лодках старики и бабы. Порядка нет. Хозяин нужен, с характером. Не согласились бы пойти?

– А что, можно. И от дома недалеко.

– Через полчаса подъедет секретарь райкома. Потолкуете с ним. А пока я вас чаем напою с клюквой.

Минут через пятнадцать подъехал секретарь райкома, рыжий, лет тридцати, без левой руки. Весело сказал:

– Нашему полку прибыло. Где ноги лишился?

– Сталинград.

– Ух ты, крепко вы там немцам врезали. А я руку еще на финской потерял. Летчик-истребитель. Пошли в кабинет, потолкуем.

Секретарь поинтересовался, как с жильем, и с ходу спросил про лодочную станцию.

– Гибнет станция. Рыбки-то хочется, закон нарушают – это ладно. А пьянка каждый день, во главе – начальник станции. Бездельник каких мало. Поборы устраивает, а что с людей брать – беднота. Будем снимать. Помощь окажем всяческую. Что нужно – ко мне. Вот бы еще механика, специалиста по моторам, где найти.

– Есть механик – мой кореш. С любым мотором справится. Хоть подвесник, хоть дизель. Он, правда, без ног. Но оборудует мастерскую под себя.

- А как он будет на стоянку добираться?
- Живем рядом, на коляске доскачет.

Собрание владельцев маломерных судов прошло в строго деловой обстановке. Представлял Бурмистрова сам секретарь райкома. Коротко рассказал о трудовой и военной деятельности капитан-лейтенанта, когда сказал, что Егор Васильевич участвовал в Сталинградской битве, зал одобрительно загудел. Взял слово Бурмистров, говорил коротко, по-военному. Сказал о реорганизации лодочной станции: необходимы рундуки для хранения моторов, распределение каналов – суда побольше ставить ближе к выходу, нужна доставка топлива – бензина, солярки. А когда сказал о мастерской по починке моторов, зал взорвался аплодисментами.

- Вопросы есть?

Одна бабенка подняла руку.

- Говори.

- А товарищ моряк женат?

Секретарь райкома усмехнулся:

- Холост. Успокойся.

В зале засмеялись.

Глядел Бурмистров в зал и думал: одет народ плохо, недокормлен, рыбалка не развлечение, а добыча пропитания, в основном женщины, мужиков мало, на фронте мужики, а кто уже и не вернется. Детей кормить надо.

За Егора Васильевича проголосовали единогласно. Через неделю работа кипела. Привезли две машины горбыля для обустройства каналов, из бросового железа смастерили мастерскую, среди женщин нашлись опытные сварщики. Егор Миронович сбил деревянный верстак под свой рост, скамьи, стойки для подвесных моторов. Инструмент собрал. Приезжал на инвалидной коляске рано, пересаживался на самодельную колясочку с ляжкой через плечо, в руках колодки. Таким образом ловко передвигался по настилам каналов, исчезал в машинных отделениях промысловых судов. Привел в порядок подвесные моторы – все старье оживало в руках мастера.

Бурмистров по случаю купил немецкий трофейный мотоцикл с коляской, стало легче по разным учреждениям мотаться, да и Егора Мироновича подвозить к станции поздней осенью и зимой. Станция за три месяца обрела приличный вид. Выпивать на станции не прекратили, но начальник в пьянках не участвовал, с женщинами держал себя строго, не подкатывался. Близко сошелся Бурмистров с Аркадием Васильевичем, узнал его печальную историю. Работал в наркомате иностранных дел переводчиком, видел Молотова, Ворошилова, Жукова, участвовал во многих переговорах, с началом войны призвали в армию, дали звание капитана, под Клином раненым попал в плен, бежал, вместе с окруженцами перешел линию фронта, был задержан контрразведкой, обвинили в шпионаже, три года провел в наших лагерях и шарашках. Потом выпустили, но не реабилитировали,

запретили жить в больших городах, мотался по стране, пока не осел в Конаково.

- А как же дипломаты? Не вступились?

– Сразу отвернулись. Отвернулись и забыли. Я не в претензии – время военное.

Потянулся к Аркадию Васильевичу и Егорка. Учение давалось ему легко. Под руководством учителя занялся французским языком и к пятому классу почти свободно говорил по-французски. Учился только на отлично. Ходил, подражая Аркадию Васильевичу, в глаженных брюках и начищенных ботинках, даже причесываться стал, как учитель, на пробор.

Лето прошло в заботах. Как-то вечером Мария Ивановна сказала Егору Васильевичу:

– Егор, что ты все бирюком ходишь? Тебе скоро сорок стукнет, жениться пора. Место есть, куда молодую жену привести.

- Куда мне жениться? Кому инвалид нужен?

- Господь велел плодиться...

– На этот счет у меня Егорка есть. От сестры моей покойной.

– Ты подумай, я не вечная. Помру, кто за вами будет смотреть? Женщина в доме нужна. За тебя всякая пойдет. Мужик при деле, не пьет, не гуляет, из себя статный, не стыдно в люди выйти. Мужиков вон сколько поубивало. На танцах шерочка с машерочкой танцуют. Вот у нас соседка Лидия, инженером на заводе. И собой хороша, и хозяйка ладная. Приглядишься.

– Не могу, Марья Ивановна. Как на культу свою гляну, так и отшибает все. Да и привык я. Я не особото ласков. Ты лучше скажи, отчего такой раздрай в семье произошел?

– Долгий разговор. Ежели коротко. Батюшка мой Иван Григорьевич служил у купца Кузнецова мастером. Привор рукой был. Зарабатывал хорошо. Отдал отца твоего в реальное училище в Твери. Хотел к своему делу приспособить. А батька твой нрав проявил, уехал в Москву, поступил в речное училище, плавал по Волге помощником капитана. А потом стал капитаном грузового судна. Отбил, словом, от дома. С характером был крутым. А меня батюшка определил в частный пансионат мадам Бланш. Был такой в Твери, на манер института благородных девиц. Только проще и ближе к жизни. Французский, русский языки, домоводство, кулинария, танцы. Дочери купцов, разночинцев.

А тут война. Мы в госпитале за ранеными ухаживали. И глянулся мне поручик Владимир Лодзинский, батюшка его в тверской духовной семинарии преподавал. Отцы нас благословили, обручились мы, свадьбу решили после войны сыграть. А Володя вскоре погиб. Я с горя ушла послушницей в Новодевичий монастырь. Батюшка мой благословил, а брат, отец твой, в ярость пришел: скоро революция, а она с полами связалась. Несколько лет послушницей была, потом постриг приняла, а через несколько лет монастырь закрыли. Пошла в учительницы. Батюшка уже совсем плох был. Последнюю точку в отношениях с братом поставил мой брак с протоиереем Ильей. А

Илья вернулся с Соловков худой, бледный, но крепкий духом, а человеком был добрым, образованным.

Миновала суровая зима. Лед на Ивановском море трещал, дымы на ГРЭС торчком стояли. Надевал Егор Васильевич тулуп, что от протоиерея Ильи остался, шел на лодочную станцию, поглядеть, все ли в порядке.

Аркадия Васильевича наконец реабилитировали и дали однокомнатную квартиру. Матушка его к этому времени умерла, он прописку московскую потерял, квартира досталась пришлым людям. Аркадий Васильевич шутил: «Мне на роду написано – жить и умереть в Конаково». Захаживал часто, идет со школы и заглядывает.

На лодочной станции стоял на кильблоках бесхозный катер: хозяин погиб на фронте, родственников у него не было. Друзья сложились и купили катерок по остаточной стоимости. Катер килеватый, приемистый, со шведским дизелем и салоном. Всю раннюю весну возились, привели в порядок, покрасили и к началу навигации спустили на воду.

Раньше Егор Васильевич к рыбалке был равнодушен. А тут зацепило, Ивановское море, считай, все исходил. В воскресные дни к нему присоединялся друг, Егор второй, а то и третий, племянник, катер так и называли «Три Егора».

День за днем мелькали, как блесна, в солнечный день. Из школы Егор-третий выпустился с золотой медалью. Готовился к поступлению в Московский институт водного транспорта. Поступил легко. Каждое воскресенье домой, в Конаково. Окончил институт с отличием, получил назначение в Мурманское пароходство на судно типа «река–море». Через два года, после специальных курсов, его назначили на атомный ледокол «Ленин».

5

После отъезда Егорки дом опустел, а на семью посыпались несчастья. Сошла в могилу тетка Мария Ивановна, сошла тихо, как и жила, не болела, была бодра, возилась на огороде, в саду, села на скамейку и откинулась. Стояло бабье лето, по саду летали серебристые паутинки. Егор Васильевич так и нашел старуху в саду на скамейке – лицо повернуто к солнцу, открытые глаза ловили последнее тепло.

Через полгода стал чахнуть Егор Миронович. Бурмистров не раз по ночам слышал, как ворочается, постанывает друг. Егор Васильевич настоял показать друга врачу, тот направил в больницу на обследование, а Егор Миронович стал бледнеть, сильно похудел, смотреть на него было больно. Наконец, выяснился диагноз: рак поджелудочной железы четвертой степени. Остались живыми только глаза.

Егор Васильевич приносил другу маленькую водку.

– Затухаю, дружище, – говорил он Бурмистрову, – сны стали сниться странные: отец, молодой капитан, из-под фуражки кудри торчат, мать, хотя ее

помнить не мог, в родах померла, нянька Матрена, пляшущая под граммофон. А вот сын не снится, во льдах он на своем ледоколе, месяцами во льдах. О ледоколе пишет как о живом, а про мое здоровье не спрашивает. Дай-ка хлебну из горлышка. Ты на мое место возьми солдата Сережу, я ему много передал, толк будет. А ведь мы с тобой, Егор, всю жизнь вместе прожили и ни разу не поссорились.

Был Егор Миронович, и не стало его. Бурмистров горько плакал. Сыпал снег, уже легкий, предзимний. На Волге образовались полыньи. На похороны пришло много народу. Гроб Егор Васильевич заказал длинный, как будто хоронили механика в полный рост, с ногами.

По весне Егор Васильевич продал катер, купил в магазине пластиковую лодку с японским мотором. Далеко на рыбалку не ходил, так, в заповедные места. Ловил на двойную уху и домой. Как-то глянул на себя в зеркало: в густоволосье образовалась седая прядь. Мучила тоска, особенно по ночам, и жизнь казалась бессмысленной.

6

Как-то возвращаясь с лодочной станции, Егор Васильевич встретил Абашева, тот шел опираясь на трость, такой же прямой, стройный. Костюмчик глаженный, туфли надраены. Старила борода клинышком, но глаза живые, полные энергии. Руку пожал крепко, по-мужски.

– Что это вы, голубчик, посуровели? Хворь какая случилась?

– У меня одна хворь – одиночество, ночью точно мышь в груди грызет. Один ведь в опустевшем доме остался. Тетушка Мария Ивановна отошла, друг вслед за ней, племянник на похороны отца приехать не смог – был в проливе Велькицкого на своем ледоколе, караван вел. Вот и замучила тоска-кручина.

– Тоска, уныние – грех большой. В церковь ходите?

– Не хожу. Партийный билет держит. Как-то зашел в городской храм, срам один: батюшка лопочет не поймешь что, служба змеей шипит – не так стоишь, не так руки держишь, не храм Божий, а зона. Махнул рукой и ушел.

– Да, бывает, да где ж их, хороших священников, раздобыть? А я вот в деревню Селихово собрался. Послушать проповеди отца Бориса, да и по разным делам. Я же руковожу воскресной школой при церкви. Отец Борис, несмотря на молодость, достойный священник. Храм в запустении был, привлек молодежь, храм поднял. Немец сюда не дошел – все сохранилось: церковная утварь, иконы старого письма. Я ведь тоже один, бывал в Москве, бывал урывками, пока жива была мамаша, а сейчас остыл. Прощение подавать нужно, чтобы в партии восстановили, унижаться, а за что я в лагерях маялся? Да партия нынче не та, гниет изнутри. А давайте в Селихово прокатимся, я такси заказал. Минут через десять подъедет. Я

вас с отцом Борисом познакомлю – силища в нем духовная непомерная. Поедем, голубчик, может, хворь и отойдет.

«А что, поеду, – подумал Бурмистров. – Одет прилично. До Селихова километров десять, не более». Минут через пятнадцать подъехало такси. И как теперь часто с ним случалось, отключился Егор Васильевич от реальной жизни, ушел в воспоминания. Встала перед глазами Мария Ивановна в монашеском одеянии, вся светлая, улыбочивая. Сколько вечеров провел с ней Егор Васильевич, слушая ее рассказы о прошлой жизни, живо так рассказывала, с картинками.

– Приехали, отцы, – сказал водитель, распахивая дверцу автомобиля.

И когда выбрался Егор Васильевич из такси у белой церковной ограды, невольно замер: так хороша, так необычна была церковь пророка Илии на фоне бледного неба. Церковь как бы явилась из того, иного времени. Все вокруг разрушило, смело, вдавило в землю страшным катком, а это рукотворное чудо сохранилось, и над обращенным к востоку крестом плыло белое облако.

Они пошли вдоль церковной ограды. А навстречу то и дело попадались пьяные мужики с одинаково темными, бессмысленными лицами, одинаковыми сумками, и даже походка у них была схожая, дергающаяся, но при том ожесточенно-целеустремленная. Из коротких, состоявших в основном из матерщины слов Егор Васильевич уяснил, что куда-то, в какой-то ларек, завезли дешевую водку.

– Спивается народ, – с печалью сказал Аркадий Васильевич.

У входа в церковь висела икона «Утоли мои печали». Аркадий Васильевич перекрестился и сказал:

– Я люблю эту икону. Поражает простое поэтическое название. Вслушайтесь: утоли мои печали... Точно далекий голос слышится, оттуда, через столетия, горькая просьба о милосердии.

Шла служба. На клиросе пел хор, пели слаженно, красиво, мужские голоса вели партию, перекликаясь с женскими, и столько в этом пении было горячи и страсти, что Егор Васильевич невольно вздрогнул. Церковь была скудно освещена. Тускло мерцали оклады икон. Егор Васильевич подошел ближе к амвону и различил голос священника – глубокий, хорошо поставленный баритон, потом увидел и его самого, в облачении, рослого, красивого, с великолепной бородой. Проповедь длилась минут сорок. Отец Борис говорил простые слова и о простом, жизненном, но многие прихожане плакали. И много было молодых.

После проповеди Аркадий Васильевич подвел Бурмистрова к священнику, поклонился:

– Вот, отец Борис, представляю вам моего старшего друга, командира канонерской лодки, участника битвы за Сталинград, тяжело ранен. Живет в Конаково.

Отец Борис поклонился:

– Очень рад, что такие герои посетили нашу церковь. А ваш портрет я видел в школе. Очень рад. Прошу в трапезную, пообедаем чем Бог послал.

После обеда уже беседовал с отцом Борисом в сторожке. Аркадий Васильевич откланялся – дела, заночует у дьякона.

Сторожка – так называла одноэтажный дом старуха служительница – строение древнее, середины позапрошлого столетия. Сруб врос в землю. Внутри жилище вполне современное. Без роскоши, но все необходимое есть: просторная гостиная, спальня, где у образов трепетали свечи, современная ванная комната, газ.

Егор Васильевич смотрел на отца Бориса, чело века красивого, умного и, надо думать, удачливого – мастер спорта по баскетболу. Играл за молодежную сборную страны, учился в институте физкультуры, увлекся психологией, перешел в Московский университет, поступил в аспирантуру, защитил диссертацию. Смотрел и думал: какое же озарение на него должно снизойти, чтобы стать деревенским священником, да еще в годы, когда подобный шаг выглядел странно и принесил много неприятностей.

Егор Васильевич как-то незаметно для себя разговорился, рассказал о глодавшей его тоске по вечерам, бессоннице, видениям. Отец Борис слушал внимательно, потом мягко сказал:

– В медицине это состояние называется субдепрессией. Вы не одиноки, это ошибочное мнение. С нами всегда Бог. Приезжайте к нам. Из Конаково ходит автобус, приезжайте просто так, без сверхзадачи. – Отец Борис прикоснулся к руке Бурмистрова и внимательно посмотрел ему в глаза:

– Много печали скопилось в вашем сердце, но печаль уйдет, в ближайшее время вас ждет светлая радость. А нас не забывайте, хорошо бы выступить перед детьми и их родителями в воскресной церковной школе. Рассказать о войне, рассказать правду. А вас я полечу, я ведь окончил факультет медицинской психологии. И все войдет в норму.

В Конаково ехали на машине отца Бориса. У реки Донховки Егор Васильевич попросил водителя остановить машину. Подходя к дому, он издали увидел у калитки большой внедорожник. Открытый багажник был ярко освещен, на этом фоне мелькала громоздкая тень.

«Неужто Егорка приехал?» – подумал Егор Васильевич, вспомнились слова отца Бориса: «В ближайшее время вас ждет светлая радость».

Человек остановился, снял фуражку, снова ее надел и пошел навстречу Егору Васильевичу.

– Привет, старина! Дай я тебя обниму. Новый ледокол принимал, два года без отпуска, гостинцев тебе привез.

– Откуда ты, полярный капитан?

– Прямо из Мурманска. На машине быстрее. А ты не изменился, вот и живи так дальше.

Сергей ДМИТРИЕВ

Сергей Николаевич ДМИТРИЕВ родился в 1959 году в Великом Новгороде. С 1977 года живет в Москве. Окончил исторический факультет Московского государственного педагогического института имени В. И. Ленина. С 1981 по 1994 годы работал в издательстве «Молодая гвардия», пройдя путь от младшего редактора до главного редактора издательства. Кандидат исторических наук, автор около двадцати книг, в том числе десяти сборников стихотворений.

В настоящее время Сергей Дмитриев – главный редактор издательства «Вече», секретарь правления Союза писателей России, действительный член Академии российской словесности и Российской академии естественных наук.

Сергей Дмитриев награжден государственными и общественными наградами, лауреат ряда литературных премий, заслуженный работник культуры РФ, автор проекта «Поэтические места России».

ПЯТЬ ВОЙН ПОЭТА ГРИБОЕДОВА

Жизненный подвиг Александра Грибоедова состоял не только в создании бессмертной комедии «Горе от ума», но и в том, что он был поэтом-воином, участником пяти войн и выдающимся дипломатом, девять лет прослужившим на дипломатическом поприще и отдавшим свою жизнь, находясь на посту посланника России в Персии. До сих пор эта сторона жизни Грибоедова не освещалась должным образом и оставалась неизвестной для широкой общественности, хранила в себе множество тайн. Хотелось бы приподнять завесу этих тайн с помощью архивных документов.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА

Александр Грибоедов поступил корнетом в Московский гусарский полк 26 июля 1812 года, 1 сентября выступил с ним для доукомплектования в Казань, но 8 сентября остался по болезни во Владимире, куда переехали к тому времени из Москвы родные поэта.

В конце мая – начале июня 1813 года Грибоедов отправился в Белоруссию, в место дислокации Иркутского гусарского полка и резервной армии, куда полк перевели еще в декабре 1812 года.

26 июня Александр прибыл в полк (Кобрин, Дрогичин), а с 21 июля был назначен «для производства письменных дел» при командующем кавалерийскими резервами генерале А. С. Кологривове. До конца апреля 1815 года служил в этой должности в Брест-Литовске, изъездив почти всю Беларусь и Царство Польское.

И хотя Грибоедов не участвовал тогда непосредственно в боевых действиях, а только хлебнул сполна гусарской разбитной жизни, этот воинский опыт дал ему обширные военные познания и закалку, навыки прекрасного наездника и искусного стрелка, приучив к бесстрашию, которое он потом проявлял в жизни неоднократно.

С мая 1815 года Грибоедов находился в Петербурге в отпуске, а отставку получил 25 марта 1816 года. Официально Александр прослужил в армии в офицерском звании три года и восемь месяцев, хотя фактически находился в частях лишь два года и десять месяцев.

ИРАНО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1821-1823 ГОДОВ

9 июня 1817 года Грибоедова приняли на службу в Коллегию иностранных дел губернским секретарем.

● Д. Кардовский. Портрет А.С. Грибоедова в гусарском мундире.

рем, а 31 декабря произвели в переводчики Коллегии. 6 июля 1818 года назначили секретарем русской миссии в Персии при поверенном С. И. Мазаровиче с повышением в чине до титулярного советника (на три ступени) с 12-го класса.

В это время открывалась новая глава в противостоянии великих держав. И Персия стала камнем преткновения в этой борьбе. В ней свое слово суждено было сказать и Александру Грибоедову, который поступил на службу в Коллегию иностранных дел как раз тогда, когда в Персии находилось российское посольство во главе с Алексеем Петровичем Ермоловым (1777—1861 гг.), который еще девятнадцатилетним юношей принимал боевое участие в персидском походе 1796 года, а потом стал героем Отечественной войны 1812 года.

Грибоедов был секретарем, то есть фактически заместителем при русском поверенном в Персии Симоне (Семене) Ивановиче Мазаровиче, медике и дипломате, венецианце (или далматинце) по происхождению, который был принят на русскую службу в 1807 году в качестве врача, в 1812 году исполнял дипломатические поручения при дворе молдавского господаря, в 1817 году сопровождал миссию Ермолова в Персию как медик, а в следующем году был утвержден в новой должности поверенного в Персии.

Немаловажно, что постоянная дипломатическая миссия в Иране была учреждена именно по итогам посольства Ермолова, а Грибоедова назначили вторым лицом в самое первое такое представительство

России в Персидской империи, что характеризовало его деловые качества.

Выехав 29 августа 1818 года из Петербурга, 15 октября Грибоедов достиг Владикавказа, а 21 октября – Тифлиса. Он одним из первых открыл Кавказ, эту Мекку русских поэтов как место поэтического вдохновения. Ему суждено было четырежды совершить путешествия на Восток, проехав при этом из Санкт-Петербурга в Тифлис и обратно семь раз, а это две тысячи шестьсот семьдесят верст и сто семь почтовых станций в один конец, что в итоге составило около двадцати тысяч верст. А ведь были еще переезды по России, в том числе по территории современных Белоруссии, Польши, Грузии, Армении и Азербайджана, а также поездки из Тифлиса в Персию — в Тавриз, Тегеран и обратно, и не один раз...

В Тифлисе Грибоедову суждено будет прожить не менее двух лет и десяти месяцев. Поэт считал этот город почти родным.

«Спешите в Тифлис, — писал он после короткого нахождения в городе, — не поверите, что за роскошь!» В этом городе поэт нашел и применение своему таланту дипломата и государственного деятеля, и вдохновение для творчества, в том числе для создания «Горя от ума», и встретил свою истинную любовь.

28 января 1819 года, ровно за десять лет до своей гибели, Грибоедов отправился вместе с русской миссией в Персию, в Тегеран, куда он прибыл после опасного зимнего пути по горам и перевалам лишь около 10 марта. Поэт, называя себя «ничтожным странствователем», продолжал свои «Путевые заметки» в виде письма к другу С. Н. Бегичеву, и так уж распорядилась судьба, что заметки стали самым значительным произведением о Персии, которое осталось от Грибоедова.

Важно отметить, что русская дипломатическая миссия в Тавризе была учреждена впервые именно в 1819 году именно Мазаровичем и Грибоедовым, которые передали Аббасу-Мирзе судьбоносный документ — акт императора Александра I о признании его наследником персидского престола.

Далее последовала долгая служба Грибоедова в Персии, прерванная выводом Грибоедовым ста шестидесяти восьми пленных русских солдат на территорию России с 4 сентября по 2 октября 1819 года.

В 1821 году вспыхнуло греческое восстание против османского владычества. В сложной обстановке, когда Англия делала все, чтобы ослабить русское влияние на берегах Средиземного моря, оказывала всемерную поддержку Турции и препятствовала освобождению из-под ее владычества многих народов, в том числе греческого, Грибоедов смог так воздей-

ствовать на наследника персидского престола Аббаса-Мирзу, ведавшего внешней политикой страны, что тот все-таки начал войну с Турцией с целью захвата Ванского санджака и других спорных пограничных территорий, которые ранее входили в состав Персидской империи, а также для наказания Турции за постоянные вылазки ее войск на территорию иранского Азербайджана якобы для поимки бежавших мятежников.

Еще в середине августа 1821 года на встрече с Аббасом-Мирзой Грибоедов и Мазарович завели между делом речь о необходимости противостоять Турции, и Аббас-Мирза объявил, что готов выставить против турок пятидесятитысячную армию. Об этом было сообщено Мазаровичем в Петербург 17 августа, а 23 августа Мазарович и Грибоедов получили письмо Ермолова из Тифлиса, в котором он, говоря о намерении России обуздать «неистовства и зверскую ярость» турок против братьев-христиан, просил «проникнуть в отношения Персии к Порте», узнать, «может ли война... соединить сии державы» против России, и также просил по возможности отворотить «таковые последствия». Ермолов спрашивал своих дипломатов об Аббасе-Мирзе: «Невозможно ли под обольщением наружностью дать уразуметь ему, что ничем нельзя лучше приобрести доверенность народа и его приверженность, как расширив пределы государства присоединением нескольких областей от турок».

Ирано-турецкая война была в интересах России, во-первых, потому, что она ослабила бы обоих ее противников и способствовала дальнейшему освобождению балканских народов. Ермолов писал по этому поводу Нессельроде, возглавлявшему Коллегию иностранных дел, что эта война «весьма для нас выгодная, ибо в случае разрыва с турками, хотя не имеем мы нужды в пособии персиан, но вражда их между собой бесполезна». Во-вторых, эта война

отвлекла бы остальные силы турок от Балкан, где Россия хотела усилить свое влияние, помогая восставшим против османского ига, и, в-третьих, для завоевания иранского рынка необходимо было вытеснить оттуда англичан и турок, а это было невозможно сделать без закрытия дороги Трапезунд—Тавриз, по которой импортировались товары, в три с половиной раза превышавшие тогда стоимость всех товаров русско-иранской торговли.

В русской миссии призывы Ермолова поняли правильно, и Грибоедов начал свою игру по укреплению антитурецких настроений Аббаса-Мирзы, играя на той честолюбивой струне, что лишь при поддержке его Россией в качестве наследника престола он сможет не только получить в перспективе заветный трон Персии, но и добиться успехов в войне против Османской империи.

Как свидетельствовал в своих записках Н. Н. Муравьев-Карский, Грибоедов на встречах с Аббасом-Мирзой разъяснил ему суть разногласий между Россией и Турцией, указав, что неподобающее поведение турок вызвало гнев русского императора, который не ищет новых союзников, но лишь извещает о неправильных поступках турок против него. Аббас-Мирза обрадовался такому случаю и обещал выступить против турок, что он и сделал.

Принимая такое решение, Аббас-Мирза надеялся, что турки отведут часть войск из Анатолии и других регионов для борьбы с восставшими греками и не смогут оказать ему достойный отпор, а также что Россия непременно выступит в защиту греков, о чем свидетельствовали ультиматум, предъявленный Россией султану Турции, и последовавший в августе 1821 года разрыв дипломатических отношений между Россией и Турцией. Аббас-Мирза даже уведомил Ермолова, что выступить его заставили совершенные турками зверства против греков. С целью начать войну в тоге защитника христиан он даже попросил в

Эчмиадзине каталикоса Ефрема Дзорагетци освятить свой меч на православном алтаре. Наследного принца несколько не смущало, что в это же время он финансировал кавказских мулл в Чечне и в горном Дагестане, поднимая их на священную войну против неверных.

А конкретными поводами для начала войны стали переход в результате происков правителя Баязета Селим-паши нескольких курдских племен на территорию Турции, взбесивший персидскую

● Тифлис в начале XIX века.

сторону, и конфискация турецкими войсками имущества одной из жен Фетх-Али-шаха во время ее паломничества в Мекку.

Иранский историк Абдула Рази в «Полной истории Ирана» писал также о религиозных трениях между Персией и Турцией, продолжающихся, кстати, до сегодняшнего дня: «В Багдаде и Эрзеруме велась злобная антишиитская пропаганда. Турция притесняла у себя подданных шаха и предъявила претензии на Салмаст, а когда начальник эрзерумского гарнизона расстрелял иранского посланника Садек-бека, наследный принц решился на войну».

Любопытно, что с именем Садек-бека была связана в 1820 году нота Грибоедова английскому поверенному в делах, в которой осуждалась вербовка русских солдат на службу Персии, которую осуществляли тогда Эдуард Уиллок и переводчик-дипломат Садек-бек. Смерть этого посланника в Эрзеруме еще раз показывает, какой напряженной и опасной для дипломатов самых разных стран была обстановка на Востоке в 20-х годах XIX века.

Осенью 1821 года Аббас-Мирза вторгся с пятидесятитысячным войском на территорию Западной Анатолии в районе озера Ван и взял крепости Битрис и Арчеш, а затем и столицу одного из османских пашалыков Карс. Немаловажно, что в ходе этих боев, избегая персидского плена, более пятисот армянских семейств с согласия карского Осман-паши переселились на российскую территорию. Но многие армяне были тогда насильно угнаны персами в Тавриз, Эривань и Тегеран, где через семь лет об их освобождении будет хлопотать Грибоедов.

При этом иранские войска действовали успешно также в районе Баязета, в направлении нынешнего Иракского Курдистана и Багдадского пашалыка Османской империи, где правил воинственный Дауд-паша. Персы захватили тогда Мосул и Киркук. Иранскими войсками, воевавшими под Багдадом, командовал тот самый Мухаммед-Али-Мирза, старший сын Фетх-Али-шаха, на которого пытался сделать свою ставку в борьбе за персидский престол в 1817 году Ермолов во время пребывания в Персии.

Тайные контакты с Ермоловым, а также дальнейшие постоянные попытки интриговать против брата, используя в своих интересах военные успехи под Багдадом, заставили Аббаса-Мирзу действовать решительно, в жестоком восточном духе: Мухаммед-Али-Мирза был убит в Керенде.

Показательно, что это произошло после того, как руководимые Мухаммед-Али-Мирзой войска разбили турок под Багдадом и принудили их к капитуляции, что было плохим знаком для Аббаса-Мирзы. А англичане, с которыми во время войны Аббасом-Мирзой

● *Командующий персидскими войсками Аббас-Мирза.*

были прерваны дипломатические отношения, в пик наследному принцу или, наоборот, чтобы отвести от себя подозрения в причастности к убийству, сопровождали останки убитого принца до шиитских святынь в Кербеле. Так свершилась еще одна трагедия в борьбе за персидский трон внутри Каджарской династии, видимо уже привыкшей к заговорам и убийствам. Пройдет несколько лет, и в эту борьбу с драматическими последствиями окажется вовлеченным, сам того не желая, Грибоедов.

Уиллок не уехал в Англию, а отправился под крыло Ост-Индской компании в Калькутту, оттуда он вскоре вернулся в Иран как ни в чем не бывало и даже привез вместе со своим братом английское оружие для борьбы с Россией.

Весной 1822 года сложился уникальный момент, когда из-за конфликта с английскими дипломатами их влияние в Иране оказалось фактически на нуле. Казалось бы, этот момент надо было использовать в полной мере для закрепления в Персии позиций русской дипломатии, однако из-за проанглийских действий министра иностранных дел России К. В. Нессельроде, проявившихся еще в конце 1821 года в истории с критикой действий Грибоедова и Мазаровича, «свято место» оказалось пусто. В Тавризе просто некому было воспользоваться ситуацией.

Решающее сражение войны с турками иранские войска выиграла в Верхнем Басене близ Гасан-калы, откуда открывался путь на Эрзерум. Да, именно тот самый Эрзерум (Арзрум), куда совершит свое путешествие в 1829 году А. С. Пушкин, участвуя в походе войск генерала И. Ф. Паскевича. Но вспыхнувшая эпидемия холеры, не прекращавшиеся в различных частях империи восстания племен и непокорных ханов заставили персов отступить. Хитрые англичане, раздувавшие эти восстания, выступили посредниками между Турцией и Ираном, обещая каджарам деньги и оружие после заключения мира.

15 июля 1823 года в Лондоне при участии иранского посланника Мирзы-Салеха и турецкого посла было подписано при посредничестве английской стороны секретное «политическое соглашение, касающееся Закавказья», подразумевавшее завершение войны и будущий союз Турции с Ираном.

Вскоре, 28 июля 1823 года, при активном участии англичан, которые с самого начала давили в своих интересах и на российское министерство иностранных дел, был заключен Эрзерумский мир, согласно которому границы стран остались неизменны, сохранился статус-кво, а персы вернули султану всех военнопленных и все завоеванные города, в том числе Баязет, Киркук и Мосул. Англичане же опять усилили свое влияние в Тавризе и Тегеране. Сотрудник русской миссии А. К. Амбургер через некоторое время получил в Тавризе информацию о том, что Эрзерумский договор имел секретную статью, предусматривающую помощь Турции Ирану в случае конфликта с Россией. Впоследствии эта информация подтвердилась.

Аббас-Мирза в итоге не смог воспользоваться плодами начавшейся победоносно войны. Многое в таком результате объяснялось тем, что его отец Фетх-Али-шах не очень-то спешил помогать своему сыну войсками и финансами. Присланную им на подмогу армию под командованием зятя шаха Аллаяр-хана Аббас-Мирза не случайно называл «чашей с ядом», так как все тяготы ее содержания легли на плечи наследника престола. Ходили даже слухи, что бездействие шаха вызвало «получение из Багдада мешков с золотом, потому что жадность была в свойстве шаха».

Самое любопытное, что Аббас-Мирза в начале войны был не прочь войти в союз с Россией и воевать вместе с ней против Турции («грибоедовские посулы» и беседы не прошли даром), но, опасаясь гнева англичан, Нессельроде отверг эту комбинацию и не принял предложение о союзе с Ираном против Османской империи. Даже активную помощь греческо-

• *Министр иностранных дел России Карл Нессельроде.*

му восстанию Россия начала оказывать только в 1825 году. В итоге была утеряна прекрасная возможность ослабить Турцию и добиться возможного мирного сосуществования с Персией в дальнейшем. И получилось, что впереди Россию ждали Русско-персидская война 1826–1828 гг. и тяжелейшая Русско-турецкая война 1828–1829 гг., в ходе которых те же самые вопросы обострились вновь и привели в итоге к тегеранской трагедии Грибоедова.

Поразительно, но именно в 1828 году, когда уже полыхала новая Русско-турецкая война, Грибоедов вновь обращался в Петербург с идеей вовлечь Аббаса-Мирзу в эту войну на стороне России, но получил вновь решительный отказ: в который раз недальновидность Нессельроде и его единомышленников, чересчур потакавших английским интересам, испортила все дело, поставила Грибоедова в труднейшее положение и сказалась в итоге на последующих драматических событиях.

В своем письме к И. Ф. Паскевичу от 3 декабря 1828 года Грибоедов как раз и признался в той самой неизвестной многим дипломатической победе, которая ему удалась в 1821 году с Аббасом-Мирзой. «Хорошо бы его вооружить против турков. Я без особого подтверждения начальства не могу на себя это взять, — писал дипломат. — В 1821 году я это очень успешно произвел в действие и получил головомойку от Нессельроде, хотя Ермолов вполне одобрил меня. Так и теперь может случиться. Вы похвалите, а черти меня расклюют». Под «чертями» здесь Грибоедов по-

• **Генерал Иван Паскевич.**

нимал своих начальников в Петербурге — Нессельроде и начальника Азиатского департамента К. К. Родофиникина.

Конечно, забытая даже историками Ирано-турецкая война 1821–1823 гг., которой суждено было стать последней в ряду десяти подобных войн, сыграла важную роль в определении грядущих событий. Она не могла в силу военных успехов иранских войск не придать уверенности и не усилить агрессивность Аббаса-Мирзы, что проявится довольно скоро, когда он коварно и жестоко нападет на Россию в июле 1826 года. Эта война, окончившаяся ничем, продемонстрировала также, какое влияние на ход событий в этой части Азии оказывает Англия, жестоко и бескомпромиссно отстаивающая свои интересы, и как сложно России противостоять ей, не забывая собственные геополитические интересы, особенно при определенной зашоренности руководителей внешней политики России тех лет.

А для Грибоедова эта война дала бесценный дипломатический опыт, показав, что даже его скромные усилия могут приносить зримые результаты, несмотря на противодействие чиновников из Петербурга. Поэт-дипломат учился противостоять английским козням, и, конечно, успехи молодого одаренного дипломата не прошли незамеченными для английских резидентов в Персии, увидевших в Грибоедове своего опаснейшего противника на ближайшие годы. Причем его неординарность и профессионализм были ясны англичанам еще в октябре 1819 года. Так,

в письме министру иностранных дел Великобритании о взглядах Грибоедова на русское влияние в Иране Уиллок писал, что Грибоедов — сторонник установления российского господствующего влияния на иранские власти, «в то время как г. Мазарович, о котором он отзывался весьма непочтительно, недостаточно поддерживает достоинство своего государя и слишком умерен и смиренен в его сношениях с персидскими министрами».

Кстати, одним из поводов уехать из Персии и поступить на службу в Тифлисе для Грибоедова стало как раз охлаждение его отношений с Мазаровичем, действия которого поэт воспринимал все более скептически, осуждая нередко его поведение как поведенного в делах и представителя Русского государства на Востоке.

Что стоило хотя бы поведение Мазаровича на одном из приемов у Аббаса-Мирзы во время обсуждения темы ирано-турецкой войны. Когда последний подтвердил свое согласие вступить в эту войну, Мазарович в знак благодарности схватил его руку и поцеловал. Н. Н. Муравьев-Карский по этому поводу написал: «Вот поступок, достойный иностранца, наемщика в нашей службе». Таковым «наемщиком» Мазарович и был, ведь присягу на подданство России он принес только в 1836 году.

Грибоедов выехал из Тавриза в Грузию в середине ноября 1821 года, как раз в самый разгар Ирано-турецкой войны, для точного информирования Ермолова о положении дел в Персии. По пути в Тифлис он сломал в двух местах руку, потом ее пришлось для правильного срастания «переломить в другой раз». Длительное лечение послужило для Грибоедова одним из предлогов, чтобы перевестись при поддержке Ермолова на Кавказ. Последний писал К. В. Нессельроде, оценивая в целом вклад поэта-дипломата в «персидские дела», следующее: «С сожалением должен я удалить его от занимаемого им места, но, зная отличные способности молодого сего человека и его трудолюбие и желая воспользоваться приобретенными им в знании персидского языка успехами, я прошить Ваше Сиятельство покорнейше честь имею — определить его при мне секретарем по иностранной части, ибо по оной не состоит при мне ни одного чиновника... Во-первых, пользование находящимися здесь минеральными водами возвратит ему здоровье, и он, при склонности его к изучению восточных языков, начав уже заниматься арабским языком, как основанием всех прочих, имеет здесь все средства усовершенствовать свои познания, во-вторых, и что я почитаю главнейшим предметом, со временем, Ваше Сиятельство, можете препоручить ему заведение школы восточных языков... Не смею я испрашивать

• **Генерал Алексей Ермолов.**

большого жалования Грибоедову, как 200 червонцев, и хотя лишается он двух третей того, что получал доселе, но к сему побужден я сравнением с прочими, при мне служащими чиновниками...»

Как видим, Ермолов очень ценил Грибоедова, выделяя его из всех окружавших его чиновников. Его первое представление начальству о присвоении Грибоедову следующего чина было направлено уже 18 октября 1819 года, второе — 4 мая 1820 года, а еще одно — 5 декабря 1820 года. При этом Ермолов в письме к заведующему секретным архивом Министерства иностранных дел П. Г. Дивову удивлялся, что на первые два представления он не получил ответов и не знает «причины, по коей справедливо испрашиваемая трудящимся награда отказывается. Позвольте, Ваше превосходительство... надеяться на благосклоннейшее внимание к моим представлениям, ибо не делаю я таковых иначе как о служащих ревностно и достойных и не умею быть равнодушным, когда начальство их не уважает».

Однако тогда эти просьбы так и не были услышаны: по всей видимости, в Петербурге не очень-то жаловали молодого и строптивого дипломата. 20 ноября уже следующего, 1821 года Ермолов опять просит Нессельроде о производстве «в следующий чин секретаря персидской миссии Грибоедова, способности которого весьма полезны службе». Ермолов писал тогда: «Если прочие удостоились награды,

то в. с., как начальник их, смею уверить, что сей несравненно более имеет на то право. Он знает хорошо и в правилах персидского языка. Кроме заслуг его одного пребывания между персиянами столь долгое время может уже обратить на него внимание».

И на этот раз обращение наконец сыграло свою роль: 17 января 1822 года сенатским указом объявляется о высочайшем пожаловании Грибоедова в чин коллежского асессора, 19 февраля 1822 года по тому же высочайшему повелению поэт был назначен секретарем при Ермолове по дипломатической части, а 10 марта того же года ему было разрешено принять и носить врученный ранее Аббасом-Мирзой персидский орден Льва и Солнца 2-й степени. Заметим здесь особо, что история с затянувшимся на два года присвоением Грибоедову очередного чина разбивает напрочь часто звучавшие впоследствии обвинения в адрес поэта, что он был якобы карьеристом и желчным «петербургским чиновником» (если не считать первого периода службы в Коллегии иностранных дел, в Петербурге он вообще почти не служил!). А постоянные ходатайства за поэта-дипломата Ермолова сами по себе опровергают те критические замечания, которые будут звучать в отношении Грибоедова из уст заместителя Кавказа после его отставки.

Н. Н. Муравьев в своем дневнике 2 февраля 1822 года подтвердил те особые успехи, которых Грибоедов добился в изучении восточных языков: «Пришел ко мне обедать Грибоедов; после обеда мы сели заниматься и просидели до половины одиннадцатого часа: я учил его по-турецки, а он меня по-персидски. Успехи, которые он сделал в персидском языке, учась один, без помощи книг, которых у него тогда не было, поражают. Он в точности знает язык персидский и занимается теперь арабским. Я нашел его очень переменившимся, он очень понравился вчера...»

Исследователь Б. П. Балаян в своей книге «Международные отношения в Иране в 1813—1828 гг.» высказал иное, по сравнению с приведенным выше, видение случившегося отъезда Грибоедова из Персии. Он показал, что Нессельроде, страшно недовольный инициативами Грибоедова и Мазаровича, устроил им «головомойку», заставил этих дипломатов явиться к Аббасу-Мирзе и официально объявить, что Россия воздержится от совместного выступления против Турции. После этого Грибоедов и был отозван в Тифлис, причем именно по распоряжению Нессельроде, недовольного прытью молодого дипломата.

Тогда в Петербурге победила линия Александра I и Нессельроде, которые, в отличие от одного из руководителей внешней политики грека И. Каподистрии и начальника Главного штаба И. И. Дибича, выступали против союза с Ираном и немедленной

войны с Османской империей, чтобы не помогать Греции, «ставшей на гибельную стезю революции». 17 декабря 1821 года Нессельроде снова предписал Ермолову «избегать всего того, что могло дать повод Великобритании считать, что Россия хочет вооружить Персию против турок и дать Порте Оттоманской выгодную в ее затруднительном положении возможность примириться с Ираном».

Существенно, что вслед за Грибоедовым с докладом по вопросу ирано-турецкой войны в Тифлис прибыл и Мазарович. Ермолов одобрил тогда действия Грибоедова, но в то же время не нашел оснований для смены русского поверенного в Персии и, вероятнее всего, не рассматривал на эту должность кандидатуру Грибоедова: тот был все-таки еще не так опытен, очень устал от пребывания в Персии, да еще и болел. Пройдет шесть лет, и назначение поэта на более высокую должность полномочного министра в Персии состоится, но уже в совершенно иных условиях. А в конкретных условиях весны 1822 года, когда русские дипломаты были отозваны из Тавриза, чтобы не будоражить английских резидентов, русская миссия в Персии оказалась фактически закрытой.

Следует, забегая немного вперед, отметить, что отъезд из Персии Грибоедова, не совсем умелые и продуманные в дальнейшем в Тавризе шаги продолжавшего приезжать туда в 1824 и 1825 годах Мазаровича привели в итоге к снижению эффективности русской дипломатии в Персии, что и положило в конце концов начало новой русско-персидской войне. Получилось, что благоприятная ситуация, связанная с Ирано-турецкой войной, не была использована в должной мере.

Вернемся в 1822 год, когда наш герой, приехав в Тифлис, был назначен помощником по дипломатической части при Ермолове. Хотя он был явно рад своему назначению, даже с учетом того, что потерял в своем должностном окладе, равнявшемся шестистам червонцам (около шести тысяч шестисот рублей ассигнациями в год), почти две трети заработка, а именно триста пятьдесят червонцев, этот факт подтверждает, что он был отправлен в Тифлис, скорее всего, в качестве наказания за самовольные действия в Тавризе.

Скромная должность Грибоедова казалась многим несправедливой для такого успешного дипломата. Как писал, например, Василий Андреев, долго служивший с Ермоловым на Кавказе, Грибоедов «не мог втайне не оскорбляться, что он составляет только штат Ермолова по дипломатической части, но не имеет от него серьезных поручений». Главное для Грибоедова было то, что в Тифлисе, где он находился с многочисленными разъездами с ноября 1821 по

• *Поэт-дипломат Александр Грибоедов.*

февраль 1823 год, он мог не только отдохнуть, но и вспомнить, что он поэт, продолжать работу над «Горем от ума» и окунуться в атмосферу приятного во всех отношениях тифлисского общества. А о том, что судьба может преподнести различные сюрпризы, свидетельствовало намерение Ермолова учредить в Грузии школу восточных языков, и во главе ее он предполагал поставить именно Грибоедова. Но ход событий эту возможность сначала отсрочил, а потом отверг...

В феврале 1823 года благодаря содействию Ермолова Грибоедов получил четырехмесячный отпуск в Москву и Петербург «по дипломатическим делам». Этот отпуск в итоге затянется надолго, и на Кавказ поэт возвратится только в октябре 1825 года, уже известным на всю Россию автором «Горя от ума». Еще в мае 1824 года по «высочайшему соизволению» Грибоедов получил разрешение ехать за границу для лечения, но за неимением средств (отпуск был предоставлен без содержания) не смог им воспользоваться. Из-за безденежья поэт даже заложил в ломбард орден Льва и Солнца. Он рвался в чужие края («Скоро отправлюсь, и надолго...»), но у него ничего не вышло. И в итоге после распоряжения о возвращении поэта на службу в Грузию в мае 1825 года он направился туда через Киев и Крым, получив возможность первого в своей жизни путешествия, не отягощенного служебными обстоятельствами.

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА

Третьей войной, в которой пришлось участвовать Грибоедову, стала Кавказская война, которая с перерывами, обострениями и затишьями продолжалась очень долго – с 1817 по 1864 год и заключалась в постепенном завоевании и усмирении Русской армией Северного Кавказа.

Напомним, что первый раз на так называемой Кавказской линии, состоявшей из укрепленных казачьих станиц и поселений, и на Военно-Грузинской дороге Грибоедов оказался еще в октябре 1818 года. Он познакомился тогда в Моздоке с главнокомандующим на Кавказе генералом А. П. Ермоловым, участвовавшим во многомесячной военной экспедиции против горцев Чечни и Кабарды, а путешествовать поэту приходилось с караваном в шестьсот человек и конвоем с пушками, опасаясь постоянных налетов горцев. Пробыв первый раз в Тифлисе с 21 октября 1818 года по 28 января 1819 года и отправившись оттуда в Персию, Грибоедов не успел поучаствовать в событиях Кавказской войны. Но ему представилась такая возможность после его возвращения в Тифлис из Персии в ноябре 1821 года и назначения его в феврале 1822 года секретарем по дипломатической переписке при Ермолове. Начались частые поездки Грибоедова по Грузии и Кавказу, в том числе для сопровождения иностранных приезжих (англичане Мартин, Роберт Лайолл, Клендс). До своего отъезда в отпуск 20 февраля 1823 года Грибоедов, постоянно занимаясь вопросами дипломатической переписки Ермолова, не мог не быть в курсе и не касаться так или иначе вопросов отношений с кавказскими народами и военных действий против горцев.

Отпуск Грибоедова в Москву и Петербург сильно затянулся, благодаря чему появилась на свет бессмертная комедия «Горе от ума». Он отправился назад на Кавказ только в конце мая 1825 года, посетив после этого Киев и обстоятельно обследовав Крым. И именно осенью и зимой 1825 года Грибоедову пришлось с головой окунуться в реалии Кавказской войны.

Дело в том, что в течение многих месяцев 1825 года Чеченская и Кабардинская области Кавказа были охвачены всеобщим восстанием против русского владычества, и генерал Ермолов почти весь год провел вне Тифлиса, участвуя в экспедициях против горцев. К концу осени его ждали в Чечне, а Грибоедов, оказавшись в сентябре 1825 года в Пятигорске, дождался там генерала А. А. Вельяминова, чтобы с ним вместе ехать в Чечню к Ермолову.

Вельяминов возглавлял отряд, призванный подавить возмущение кабардинцев и черкесов, раз-

грабивших 29 сентября станицу Солдатскую. Вместе с этим отрядом Грибоедов находился в укреплении Каменный мост на реке Малке, потом в крепости Нальчик, где поэт был свидетелем гибели при аресте кабардинского князя Джамбулата Джамхотова, затем в станице Червленая, где была учреждена главная квартира отряда Вельяминова, и в станице Екатериноградская, куда из Дагестана прибыл 22 ноября Ермолов и куда пришла вскоре весть о смерти Александра I.

В это время Грибоедов писал, что «Кабарду Вельяминов усмирил, одним ударом свалил двух столпов вольного, благородного народа» и что поэт решил «пуститьсь в Чечню» из любопытства и «навязался» к Ермолову в поход: «Теперь меня... занимает борьба горной и лесной свободы с барабанным просвещением... будем вешать и прощать и плюем на историю».

Ермолов долго отговаривал Грибоедова от участия в походе, но «наконец неохотно согласился», и поэт поехал с войсками на Терек, в станицу Червленую. Там 4 января 1826 года Ермолов, все чиновники и офицеры присягнули новому императору Николаю I.

Грибоедов тогда еще не знал, что 2 января по распоряжению императора вследствие показаний некоторых декабристов был отдан приказ об его аресте, как причастного к деятельности тайных обществ. И вот когда Грибоедов с Ермоловым уже находились в крепости Грозной (ныне г. Грозный), туда прибыл 22 января фельдъегерь Уклонский с приказом арестовать Грибоедова и отобрать все его бумаги. Началась новая страница в бурной биографии автора «Горя от ума». Далее последовало почти четырехмесячное содержание поэта под стражей, его освобождение 2 июня и встреча с императором Николаем I 6 июня 1826 г. Поэт получил очистительный аттестат о невиновности, был произведен в надворные советники и, как бы предчувствуя наступление грандиозных событий, поспешил вернуться на кавказскую службу.

РУССКО-ПЕРСИДСКАЯ ВОЙНА 1826-1828 ГОДОВ

Поэт приехал после освобождения в Москву из Санкт-Петербурга примерно тогда же, когда на Востоке запыхала новая Русско-персидская война: 16 июля 1826 года шестидесятитысячная армия Аббаса-Мирзы без объявления войны, имея численное превосходство, начала наступление на Гюмри и на Карабах, захватив менее чем за два месяца большинство областей Восточного Закавказья. Клубок трагических событий начал завязываться в запутанный узел, который и оборвался в итоге в январе 1829 года в Те-

геране, лишив жизни не только Грибоедова, но и его товарищей из состава российского посольства.

Кроме дипломатической и государственной деятельности на Кавказе Грибоедову пришлось более чем на девять месяцев окунуться в самое пекло Русско-персидской войны с «жаждой побед», получив на стыке войны и дипломатии совсем новые ощущения и опыт.

12 мая 1827 года поэт вместе с генералом И. Ф. Паскевичем и войсками выступил в поход из Тифлиса в направлении на Эривань и начал вновь вести свой дневник, который до этого последний раз вел в Крыму в июле 1825 года. Этот дневник, занимающий всего чуть более шести страниц в Полном собрании сочинений поэта, охватывает период с 12 мая по 1 июля 1827 года, то есть всего полтора месяца.

Данные путевые заметки не только прекрасно демонстрируют то, через что пришлось пройти Грибоедову, но и являются его последним сохранившимся публицистическим, хотя необработанным и не подготовленным к печати произведением, в котором смешались художественность и документальная точность. Сколько в этом дневнике точных и «вкусных» фраз, наблюдений, конкретных примет времени, сколько географических мест и точек на путях странствий поэта, сколько имен действующих лиц! Вот действительно полная деталей драма жизни поэта в военных условиях! Как жаль, что своим дневником Грибоедов охватил только полтора месяца войны (далее она продолжалась еще более семи месяцев) и что этот дневник оказался столь кратким и беглым. Писался он автором, вероятнее всего, для дальнейшей обработки и приведения в литературный вид, но судьба на эту работу поэту времени просто не оставила.

Самыми интересными в этом дневнике являются строки, посвященные описанию впечатляющих примет кавказской природы и горьких примет развернувшейся на фоне этой природы войны. На таком контрасте и складывалась драма сражений и битв русско-персидского противостояния в 1826—1828 годах. С одной стороны, «пустыни знойные и беспыльные», «чистый водопад дробится о камни», «узкая стежка вьется над пропастью», «роза расцвела в роще», «Арагат безоблачный возвышается до синевы во всей красе», «степь ожила при свете огней», «два аиста на мечете стерегут опустелую деревню». А с другой – «все больны», «перехватывают и режут наших посланных», «ночью от блох житья нет», «гром, убита лошадь», «ночью головы сняты с двух людей», «тону в реке», «неприятель оставил город накануне», «засада в деревне», «из крепости стреляют на правую»...

Кроме дневника свои военные приключения поэт описал в нескольких письмах, адресованных старой знакомой П. Н. Ахвердовой, с которой у него в Тифлисе сложились самые доверительные отношения. Эти личные письма прекрасно дополняют общую картину, прежде всего, потому, что только им и суждено было сохраниться, не считая служебных донесений за период боевых действий, пережитый тогда поэтом. Вот, к примеру, что писал поэт об этих действиях 28 июня 1827 года из Нахичевани: «Муравьев (Н. Н. Муравьев-Карский. — С. Д.) сегодня утром ходил в рекогносцировку крепости Аббас-Абад. Я был слишком занят, чтобы следом за ним сесть в седло. Но так как я из всей компании лучше всех устроен в отношении помещения и из окон моих великолепно можно обозревать всю местность, я часто поднимал голову от своих бумаг, чтобы направить подзорную трубу в то место, где происходило дело. Я видел, как неприятельская кавалерия скакала во всех направлениях и переправлялась через Аракс, чтобы отрезать Муравьева и две сотни его казаков. Он удачно выбрался из этого дела, никакой серьезной схватки не произошло, и он к нам вернулся цел и невредим, хотя и не успев ничего разведать из того, что хотел видеть».

Грибоедов, если серьезно отнестись к его словам, вроде бы как-то на войне даже скучал и жаждал новых испытаний и битв. Но это была только игра человека, никогда не показывавшего своего уныния. На самом деле война протекала в ужасных условиях неопишуемой жары, рисковать приходилось каждый день. И уже в следующем своем письме к Ахвердовой, от 3 июля 1827 года, из Аббас-Абада Грибоедов красочно рассказал об осаде этой крепости, во взятии которой он сыграл заметную роль: «Я велел оседлать мою лошадь и поехал к Аббас-Абаду, к стенам которого были посланы пятьдесят казаков, чтобы тревожить гарнизон или, вернее, кавалерию, которая находится в крепости, и завлечь ее в засаду, где поставлены были главные силы нашей кавалерии. Я присоединился к нашему небольшому отряду, но весь маневр не удался по нелюбезности противника, который не пожелал дать себя провести. Несколько охотников явилось погарцевать вокруг нас, но слишком далеко от того места, где их ждали. Мы отделались несколькими пулями, которые просвистали над нашими головами, не задев никого; так продолжалось до десяти часов утра, когда главнокомандующий приказал произвести серьезную рекогносцировку силами двух уланских, двух казачьих и одного драгунского полка с двадцатью двумя орудиями легкой артиллерии. Я поместился на расстоянии выстрела от одной из сторон крепости, откуда было видно,

как проходили наши войска, как если бы я смотрел из самого центра крепости. Долго палили из пушек с обеих сторон. Зрелище было красивое, довольно ничтожное, думаю, в отношении военного успеха, но великолепное для глаз, а мне большего и не надо, поскольку я тут нахожусь только для собственного развлечения. В этот самый момент генерал Бенкендорф пустил две тысячи кавалеристов вплавь через Аракс, они его мигом перешли, и неприятель был вытеснен со всех высот по ту сторону реки...

Этим утром наше общество чуть было не лишилось Влангали, из-за семи злосчастных ядер, которые прогрохотали над его палаткой или, верней, над всей главной квартирой, где и упали в разных местах, не убив никого. Все это вносит развлечение в мою жизнь, я начинаю до некоторой степени находить в этом вкус; это лучше, чем плесневеть в городах».

И конечно, Грибоедов немного бравировал, когда писал, что он находился на войне «только для собственного развлечения», что все это «вносило развлечение» в его жизнь. Но он все более становился солдатом и воином, которого «могучие обстоятельства» делали таковым. Однако проходит всего лишь полмесяца, и Грибоедову уже не до шуток: война обострялась, и «счастливые дни» уходили в прошлое, им на смену шли «болезни, солнце, пыль», «скорее страдание» изнемогавшего от всего этого, казалось бы, уже «закаленного» поэта. Сам тон письма к Ахвердовой от 15-19 июля 1827 года из селения Карабаба совсем другой:

«Я весь в огне, это начало горячки. Шаумберг пишет за меня. Дело 5-го числа и взятие Аббас-Абада были нашими последними счастливыми днями. С тех пор только болезни, солнце, пыль, скорее страдание, чем существование, и я первый изнемогаю от этого, я, который считал себя уже приспособившимся к этому климату в продолжение бесконечной миссии Мазаровича... Я же ничем не доволен. Прощайте!»

Поэт заболел горячкой, и даже письмо за него писал на французском языке его сослуживец — дипломат Шаумберг. В это время Грибоедов, понимая, что война несет освобождение кавказским народам от угроз и диктата персидских властителей, прекрасно видел тем не менее все негативные ее стороны, утверждая, что «вообще война с персиянами самая несчастная, медленная и безотвязная». Между тем, присутствуя лично при всех схватках и сражениях, поэт неоднократно проявлял свое бесстрашие, приучив нервы к свисту пуль и ядер. Паскевич в своем письме в Москву жаловался, что «слепой (Грибоедов был близорук. — **С. Д.**), не внимая никаким убеждениям, разъезжает себе в первых рядах под пулями».

Знаток Кавказской войны В. А. Потто в своем

фундаментальном труде об этой войне следующими словами описал воинскую доблесть Грибоедова: «Весной 1827 года персидская война дала Грибоедову несколько случаев участвовать в военных действиях. Он делал кампанию в свите Паскевича и был во всех важнейших делах того времени, выказывая пыл и горячность бывалого наездника. Гусарская кровь не раз заговаривала в молодом дипломате, и он с каким-то фатализмом приучал себя переносить опасности, назначая себе вперед известное число выстрелов, которые должен был выдержать, разъезжая спокойно по открытому месту под огнем неприятеля».

Здесь Потто имеет в виду ставший довольно известным случай, который подтверждается многими свидетельствами и был подробно описан К. А. Полевым: «Между прочим, речь зашла о власти человека над самим собою. Грибоедов утверждал, что власть его ограничена только физической невозможностью, но что во всем другом человек может повелевать собою совершенно и даже сделать из себя все. “Разумеется, — говорил он, — если бы я захотел, чтобы у меня был нос короче или длиннее... это было бы глупо, потому что невозможно. Но в нравственном отношении, которое бывает иногда обманчиво физическим для чувств, можно сделать из себя все. Говорю так потому, что многое испытал над самим собою. Например, в последнюю персидскую кампанию, во время одного сражения, мне случилось быть вместе с князем Суворовым (внуком великого полководца. — **С. Д.**). Ядро с неприятельской батареи ударило подле князя, осыпало его землей, и в первый миг я подумал, что он убит. Это разлило во мне такое содрогание, что я задрожал. Князя только оконтузило, но я чувствовал невольный трепет и не мог прогнать гадкого чувства робости. Это ужасно оскорбило меня самого. Стало быть, я трус в душе? Мысль нестерпимая для порядочного человека, и я решился, чего бы то ни стоило, вылечить себя от робости, которую, пожалуй, припишете физическому составу, организму, врожденному чувству. Но я хотел не дрожать перед ядрами, в виду смерти, и при случае стал в таком месте, куда доставали выстрелы с неприятельской батареи. Там сосчитал я назначенное мною самим число (сто двадцать четыре — **С. Д.**) выстрелов и потом тихо поворотил лошадь и спокойно отъехал прочь. Знаете ли, что это прогнало мою робость? После я не робел ни от какой военной опасности. Но поддайся чувству страха — оно усилится и утвердится”».

В этих словах кроется разгадка того героического поведения, которое поэт продемонстрировал в последний день своей жизни. Участвуя бесстрашно и в

дипломатических баталиях, и в военных сражениях, Грибоедов следовал своему жизненному кредо, которое он сформулировал именно в своем дневнике «Эриванский поход» 18 июня 1827 года: «Наблюдать деятельность других можно не иначе, как лично участвуя в делах – одинаково при изучении света или любви. Нужно начинать с того, чтобы самому упражняться в том, что хочешь изучить».

Развитие событий Русско-персидской войны постепенно переводило их в дипломатическую плоскость, в которой Грибоедову выпало сыграть выдающуюся роль. Если в первый период войны, когда успехи сопровождали персиян, англичане, всячески помогавшие им, в дипломатической сфере хранили полное молчание, ожидая развязки дела в свою пользу, то уже после Шамхорской битвы осенью 1826 года, опасаясь продвижения русских войск в глубь Ирана, английское правительство начало все более настойчиво навязывать России свое посредничество в переговорах с Персией. Для этого британский министр иностранных дел Джордж Каннинг пошел даже на признание того факта, что войну развязала именно Персия и что Англия якобы пыталась удержать Аббаса-Мирзу от этого «безрассудного, столь и неприятного» решения.

Уже с осени 1826 года параллельно с военными действиями началась запутанная, интригующая и непредсказуемая дипломатическая битва Ирана и России, в которой видную роль пытались играть английские дипломаты и которая растянулась в итоге вплоть до февраля 1828 года, когда был заключен наконец-то Туркманчайский мир.

В этой битве было много ярких моментов, но один из них связан с Грибоедовым: именно его Паскевич послал на ключевые переговоры с Аббасом-Мирзой, определившие дальнейший ход событий. 20 июля 1827 года поэт из Аббас-Абада за семь часов проскакал пятьдесят верст до лагеря Аббаса-Мирзы в Каразиадине, в Чорской долине. Разбитый под Нахичеванью и Аббас-Абадом, Аббас-Мирза просил незадолго до этого в адресованном Паскевичу письме о прекращении военных действий, и дипломат-поэт был послан для прояснения сложившейся обстановки и начала переговорного процесса.

Еще в апреле 1827 года Паскевичем из Петербурга была получена подробная инструкция, в которой излагались те цели, которых следовало добиваться на переговорах: установление мира, подтверждение положений Гюлистанского договора, оформление границ Ирана и России по Араксу с включением в состав России Талышинского ханства, а также Эриванской и Нахичеванской провинций Ирана, выплата Персией контрибуции в размере десяти

миллионов рублей серебром, исключительное право России иметь военный флот на Каспийском море, льготы для русской торговли в Персии, возврат пленных в Россию, а также выдача перебежчиков и дезертиров.

Все эти положения и должен был Грибоедов донести до Аббаса-Мирзы. И какое же хладнокровие, выдержку и умение, в том числе умелого разведчика, ему пришлось проявить в этой поездке, в которую он направился лишь в сопровождении переводчика, своего товарища по службе, азербайджанского историка и поэта Аббаса-Кули-ага Бакиханова (1794—1847) и десяти конвойных казаков! Напомним, Грибоедов делал это в ходе еще продолжавшейся жестокой войны, фактически отдавая себя противнику в качестве заложника. И кто может после этого сомневаться в смелости молодого дипломата-воина!

О том, насколько сложной оказалась миссия поэта, свидетельствует хотя бы тот факт, что он, больной лихорадкой, в мучительную жару за сорок градусов вел тяжелые переговоры целых пять дней, по шесть—десять часов в день (позднее именно за эти переговоры он был произведен в коллежские советники). Сохранилось уникальное по своим подробностям и объему более четырнадцати страниц (в формате книжного издания) донесение Грибоедова об этих переговорах к Паскевичу от 30 июля 1827 года, свидетельствующее, во-первых, об очевидном прозаическом таланте автора, умудрившегося официальный документ превратить в яркий рассказ, а во-вторых, о просто превосходном знании поэтом реалий персидской жизни и психологии.

Сделаем исключение из сложившегося ранее стиля повествования для этого важного документа и процитируем его довольно обстоятельно, чтобы предоставить слово Грибоедову и почувствовать дыхание тех судьбоносных дней из уст самого главного героя.

«30 июля 1827.

Лагерь при селении Карабаба

*Командиру Отдельного Кавказского Корпуса,
генералу от инфантерии,
Генерал-адъютанту и Кавалеру Паскевичу
Иностранной коллегии надворного
советника Грибоедова*

ДОНЕСЕНИЕ

20-го числа июля я по приказанию Вашего Высочайшего превосходительства отправился из крепости Аббас-Абад в персидский лагерь, куда в тот же день прибыл перед вечером,

семь часов езды скорой, расстояние около сорока девяти верст от Аракса до опустелой деревни Каразиадин, где я должен был ждать, когда позовет меня к себе Аббас-Мирза. Скучно разбросанные палатки не означали присутствия многочисленного войска. Вечером прибыл ко мне Мирза-Измаил с приветствиями от Шахзады (шахзаде — наследник престола. — С. Д.), который на ту пору прохладился в горах и только на другой день намерен был спуститься к Каразиадину, или в Чорскую долину (так называется целый округ из двенадцати деревень). К моей палатке поставлен караул почетный, разумеется чтоб иметь надо мною надзор, но все условия вежливости были соблюдены, даже до излишества.

21-го поутру подошва гор к югу, со стороны Хоя, запестрела вооруженными конными и сарбазами, и вскоре был разбит лагерь на большом протяжении.

В час пополудни за мною прибыл наиб Эшика-Агаси от Аббаса-Мирзы, к которому я отправился с толпою народа, при мне же были Мирза-Измаил и Мирза-Сале. Я был допущен к аудиенции тотчас без предварительных церемоний. Аббас-Мирза один был в обширной палатке, со мною взошли несколько человек из его приближенных. <...> Переводчик мой пространно объяснил ему, чего требует наше правительство; но, по данным ему от меня наставлениям, ни разу не уклонялся от должной учтивости и уважения к тому, с кем говорил, всячески щадя его самолюбие. Шахзада несколько раз покушался его прервать, но я с покорностью просил его быть терпеливее, иначе мое поручение останется недоверженным. Когда все с нашей стороны было объяснено, он едва не вскочил с места.

— Так вот ваши условия! Вы их предписываете Шаху иранскому как своему подданному! Уступка двух областей! Дань деньгами! Но когда вы слышали, чтобы Шах персидский сделался подданным другого Государя? Он сам раздавал короны. Персия еще не погибла.

— И Персия имела свои дни счастья и славы; но я осмелюсь напомнить Вашему Высочеству о Гуссейне-Шахе-Софии, который лишился престола, побежденный афганцами (Султан-Хусайн-шах Сафави, представитель династии Сефевидов, вынужден был отказаться от престола, когда в 1722 года в Иран вторглись афганские племена. — С. Д.). Предоставляю

собственному просвещенному уму вашему судить, насколько русские сильнее афганцев. — Кто же хвалит за это шаха Гуссейна, он поступил подло, разве и нам следовать его примеру? — Я вам назову великого человека и государя Наполеона, который внес войну в русские пределы и заплатил за это утратою престола. И был истинный герой, он защищался до самой крайности. Но вы, как всемирные завоеватели, все хотите захватить, требуете областей, денег и не принимаете никаких отговорок. — У вас тоже не одна воля, в Петербурге одно говорят, Ермолов другое; у нас был муштаид для мусульман, вы тоже, для возбуждения против нас армян, выписали в Эчмеадзин христианского калифа Нерсеса и так далее. — После многих отступлений мы опять обратились к условиям будущего мира. — Итак, генерал Паскевич не может или не хочет сделать никакой отмены в объявленных вами предложениях. Мы заключим перемирие; это он может. Тем временем я сам к нему прибуду в лагерь, скажу ему, чтобы он указал мне путь к Императору, сам отправлюсь в Петербург или пошлю моего старшего сына, он наследник мой, как я шахский, будем целовать руку Великого Государя, престол его, мы его оскорбили, будем просить прощения, он сам во всем властен, но великодушен; захочет областей, денег, и деньги, и весь Адзербидзам и самого себя отдам ему в жертву, но чистосердечным сим поступком приобрету приязнь и покровительство Российского Императора. <...>

Потом объяснил ему, что у нас одна господствующая воля самого Государя Императора, от которой никто уклониться не может, в какую бы власть облечен ни был; условия будущего мира начертаны по воле Государя. Исполнитель — главнокомандующий, и прочее. Это завлекло меня в сравнение с Персиею, где единовластие в государстве нарушается по прихоти частных владетелей и разномыслием людей, имеющих голос в совете шахском, даже исступлением пустытника, который из Кербелая является с возмутительными проповедями, и вовлекает государство в войну бедственную. — Аббас-Мирза часто оборачивался к занавеске, за которой сидел Аллахяр-хан (первый министр Персии в 1824—1828 гг., зять шаха Фетх-Али. — С. Д.), и сказал мне: он снова говорил, что знает, чувствует это, готов исправить вину свою,

снискать утраченное им благоволение Государя, эти уверения он повторял до бесконечности. — Скажите, г<осподин> Грибоедов, вы жили в Тавризе, чего я не делал, чтобы с вами остаться в дружбе, чем можете укорить меня, каким проступком против трактата? — Я привел ему на память рассеяние возмутительных фирманов в Дагестане, на которые в свое время жаловался генерал Ермолов. — Видели ли вы их? Где они? Это нелепости, вымышленные моими врагами Ермоловым и Мазаровичем, так как и уши и носы убитых на Кавказе русских, которые будто бы привезены были лезгинами ко мне в Тавриз. Когда же это было? Вы свидетели, что это ложь; между тем император Александр выговаривал это Мамед-Гуссейну-хану в Петербурге, такими клеветами возбуждали против меня покойного вашего Императора и так же умели лишить меня благосклонности его преемника. С кн<язем> Меншиковым можно было иметь дело, умный и не коварный человек; но он всегда отговаривался, что не имеет власти делать мне иных предложений, кроме тех, которые мне уже объявлены были генералом Ермоловым. Теперь, если мы вам отдадим области, заплатим требуемую сумму, что приобретем в замену? — новые предлоги к будущим распрям, которые со временем созреют и произведут опять войну. При заключении прежнего мира мы отказались в пользу вашу от обширнейших провинций, на все согласились, что от нас хотели. Англичане тому свидетели; и что же приобрели, кроме новых притязаний с вашей стороны, обид нестерпимых, мир во сто раз хуже войны; нынче посланные мои принимаются ласковее генералом Паскевичем, сообщения его со мною вежливее, чем во время так называемого мира, я перечесть не могу всех оскорблений, мною претерпленных в течение десяти лет. Нет! Я или сын мой, мы непременно должны ехать к Императору и проч<ее>. — Я опять представлял ему невозможность Вашему Высокопревосходительству допустить этого, и в обыкновенное время приличие требует писать предварительно в Петербург и просить на то соизволения Его Императорского Величества. — Он начал рассчитывать, как скоро может прибыть ответ из Петербурга, требовал от меня ручательства, что Государь допустит его к себе, просил меня стараться об этом дружески и усердно при Вашем Высокопревосходительстве,

а Вас самих — ходатайствовать за него в С<анкт>Петербурге, в то самое время, как я неоднократно изъявлял ему мое сомнение о том, возможно ли такие предложения делать и принимать в военное время. Способ трактовать, исключительно свойственный персиянам, которые разговор о деле государственном внезапно обращают в дружескую гаремную беседу, и поручают хлопотать в их пользу чиновнику воюющей с ними державы, как доброму их приятелю. <...>

Ночью я написал проект перемирия по данному наставлению мне от Вашего Высокопревосходительства. Потом заставил его перевести. Случай казался удобным привести к окончанию это дело. Аббас-Мирза сам подал тому первый повод. Притом я в трехлетнее мое пребывание в Тавризе никогда не видел его в таком расположении духа, с такою готовностью ко всякого рода соглашениям, в такой горячности раскаяния. — Впоследствии однако подтвердились наблюдения, не одним мною сделанные, что у персиян слова с делами в вечном между собою раздоре. <...>

Сим заключается все то, что идет к делу, посторонних разговоров было много, ибо Шахзада продержал меня еще долее, нежели в первый раз. Я заметил, между прочим, что переход к нам Мехти-Кули-Хана много озаботил персиян насчет доверия, которое это происшествие внушает всякому, кто пожелает поискать российского покровительства. Аббас-Мирза сказал мне, между прочим: самым опасным оружием генерала Паскевича я почитаю то человеколюбие и справедливость, которые он оказывает мусульманам своим и нашим. Мы все знаем, как он вел себя против кочевых племен от Эривани до Нахичевани; а солдаты никого не обижали, и он всех принимал дружелюбно. Этот способ приобрести доверие в чужом народе и мне известен, жаль, что я один это понимаю во всей Персии; так я действовал против турок, так и в Карабахе прошлого года, с другой стороны, Гассан-Хан усердствовал вам сколько мог и ожесточил против себя всю Грузию. Генерал Ермолов, как новый Чингисхан, отомстил бы мне опустошением несчастных областей, велел бы умерщвлять всякого, кто ни попадется, и тогда об эту пору, у меня две трети Адзербидзама стали бы в ружье, не требуя от казны ни жалованья, ни прокормленья. — Я отвечал ему, что генерал Ермолов так же,

как нынешний главноначальствующий, наблюдал пользу Государства; можно одной и той же цели домогаться разными путями. <...>

Я оставил персидский лагерь с ободрительным впечатлением, что неприятель войны не хочет, она ему тягостна и страшна; от повторенных неудачей все духом упали, все недовольны. В день моего прибытия от появления десяти конвойных казаков пикеты повсюду разбежались, едва могли собрать их. Сарбазы, которые у меня стояли в карауле, жалуются, что их не кормят. Керим-Бек-Султан их просто изъяснялся, что начальники у них глупцы, и они с ними пропадут. Несколько раз, несмотря на крепкий присмотр, конные подъезжали и спрашивали моего переводчика, скоро ли мир? Зачем мы их тревожим, и что война им ужасно надоела. Гаджи-Махсуд-Ага, присланный ко мне от Аббаса Мирзы, чтобы наведаться о моем здоровье, когда я ему сказал, что мы в нем уважаем человека, который служил при князе Цицианове, обрадовался и тотчас предложил готовность свою служить нам, и много рассказывал о недостатках и неустройстве в их войске. Этот человек может нам быть полезен, притом он не бежал, а с позволения генерала Ермолова удалился в Персию и ныне находится адъютантом при Аббасе-Мирзе. Я поручил нашему Аббасу-Кули вступить в разговор с курдами (не эриванскими), которые на обратном пути были у меня в конвое. Они тайно просили его, чтобы русский главноначальствующий написал доброе слово их хану, и они тотчас перейдут все к нам. Таков дух войска, о расположении управляющих государством Ваше Высокопревосходительство можете заключить из объяснения со мною Аббаса Мирзы. Все обмануты в своих ожиданиях. Наши, где только встретятся, разбиты и не испытывают щедрости Шаха, который теперь так же мало склонен рассыпать казну, как и в прежнее время. Мирза-Мехмед-Али нешуточно уверял меня, что шахское войско наводит гораздо более трепета жителям, нежели наше. Двенадцать тысяч хальваров хлеба наложено подати на Хойскую провинцию под видом покупки. Шах насильно велел брать по туману хальвар, тогда как он продает по пяти между народом.

Из униженного тона, с которым говорили со мною Аббас-Мирза и его чиновники, очевидно, что они не ослепляются насчет срав-

нительного положения их сил с нашими. Но ожидать невозможно, чтобы они сейчас купили мир ценою предлагаемых им условий, и для этого нужна решительность; длить время в переговорах более им свойственно. В совете шахском преобладающие и ныне голоса Аллахяр-хана и сардаря с братом, они еще твердо стоят против мира и имеют на то личные свои побудительные причины; первый поддерживает прежнее свое мнение и боится, что дело доходит до расплаты за ту войну, которой он главнейший возбудитель. Сардарь и брат его, с уступкою нам Эриванской области, лишаются значительного источника их богатства. <...>

Стороною я, однако, узнал, что они готовятся к покушению на Аббас-Абад. Вероятно, что начальники не захотят долго держать в бездействии войска, которых, по разным слухам, у них шестьдесят пять тысяч, и можно наверное полагать до сорока пяти тысяч, потому что они тогда непременно разбегутся, не видя случая к грабежу и испытывая всякого рода недостатки.

Итак, из пространного донесения, богатого колоритными деталями увиденного и прочувствованного поэтом, мы узнаем, что персы «внимание, приветливость и лесть расточали перед» ним с избытком, пытаясь добиться перемирия на десять месяцев без заключения какого-либо договора. Грибоедов же в свою очередь, выдерживая «диалектику XIII столетия», настаивал на признании самого факта вероломного нападения Персии на Россию, передаче ей Эриванского и Нахичеванского ханств, а также выплате значительной контрибуции. Он подметил весьма показательные особенности поведения персидских начальников, которые еще и еще раз опровергают несостоятельные обвинения поэта в том, что он якобы не знал особенностей местной политики: в Персии «единовластие в государстве нарушается по прихоти частных владельцев и разномыслием людей»; особый способ трактовать свойственен исключительно персиянам, «которые разговор о деле государственном внезапно обращают в дружескую гаремную беседу»; когда войска Персии напали на наши границы, «несколько сорванных голов наших фуражиров возбудили надежды их до крайней дерзости, – характер народа известен».

Поэт сравнивал «характеры двух народов»: «персиян – смелых при счастье, но теряющих бодрость и даже подчиненность при продолжительных неудачах», и наших, «которые во всех обстоятельствах одинаковы, повинуются и умирают». Он писал о том, что персы

больше «любят прятаться, чем сражаться... подлецы, а миру нет», что «правление здешнее удивительно как мало приспособлено к местным соображениям... один человек... при нем несколько писцов и рассыльных чиновников гораздо бы лучше соответствовали цели».

В донесении Грибоедов, как заправский разведчик, подробно описал весь персидский лагерь «с ободряющим впечатлением, что неприятель войны не хочет, она ему тягостна и страшна». Он рассказал о своих попытках увлечь на свою сторону некоторых персидских военачальников и курдов, которые были в конвое поэта и просили, «чтобы русский главноначальствующий написал доброе слово их хану, и они тотчас перейдут все к нам». В итоге поэт, проанализировав сложившуюся ситуацию, сделал весьма важный вывод, во многом определивший дальнейший ход событий: «Тогда только, когда падет Эривань и персияне увидят себя угрожаемыми в столице Адзербидзама (Тавризе – столице Южного Азербайджана, находившегося под управлением Аббаса-Мирзы. – С. Д.), можно, кажется, ожидать заключения мира на условиях, которые мы нынче им предлагаем».

Миссия, которую выполнил Грибоедов в Караиадине, несмотря на то что Аббас-Мирза отверг его предложения, имела очень важное значение: иранская сторона теперь четко знала русские условия, и эту «горькую пилюлю» наследник престола получил именно от молодого дипломата, которого прекрасно помнил по его предыдущей работе в Тавризе. Паскевич и его окружение высоко оценили труды Грибоедова, даже не любивший поэта генерал Н. Н. Муравьев признал, что «Грибоедов в сем случае действовал с надлежащей твердостью и говорил с персиянами с приличною ему и в тех обстоятельствах дерзостью, но без успеха».

Еще через полмесяца, 14 августа, Грибоедов в письме к П. Н. Ахвердовой продолжил описание своих последующих приключений и тягот: «Начну с того, что вас более всего интересует. Муравьев чувствует себя как нельзя лучше, что до меня, то три раза начиналась было у меня лихорадка, а теперь я страдаю от жары до обмороков, ртуть не опускается никогда ниже 33 градусов в тени, это, я думаю, 50 градусов на солнце, на ногах не держусь больше. Мне не дают воли выбраться навсегда из этого пекла, а в конце концов придется поспорить мне с высшими властями, иначе рискую здесь изжариться, и без малейшей пользы для кого-либо. Вы, я думаю, знаете, что я был послан с поручением к Аббасу-Мирзе; принимали меня, как принца крови, и лишь немного времени недоставало, чтобы заставить подписаться под нашими условиями противника, который больше любит прятаться, чем сражаться».

Из этого письма становится ясно, что переипетии войны нелегко доставались поэту, уже готовому «выбраться навсегда из этого пекла» и настроенному даже «поссориться с высшими властями», чтобы совсем «не изжариться» без «малейшей пользы» для дела. Однако его усилия и советы, сформулированные им в донесениях и при личных встречах с Паскевичем и генералами Кавказского корпуса, возымели действие: 1 октября русские войска взяли Эривань, а 4 октября отряд князя Г. И. Эристов, в котором был и Грибоедов, переправился через Аракс и направился к Тавризу. Этот город пал 13 октября.

Позже прекрасно осведомленный Д. А. Смирнов совершенно справедливо писал о Грибоедове: «Он беспрестанно старался приводить в действие главную пружину дела — “не уважать неприятеля, который того не стоит”. Движения к Аббас-Абаду, даже к самой Эривани, были следствием личных самых убедительных настояний Грибоедова. Во время этой войны явились во всем блеске его огромные дарования, вполне обработанные многосторонней правильной образованностью, его дипломатический такт и ловкость, его способность к труду, огромному, сложному и требующему больших соображений».

Смирнов пришел к выводу, который доказывает, какого триумфа добился молодой дипломат на своем сложном поприще: «Жаль, а так всегда делается, что слава принадлежит не главному, а старшему... Превосходно знавший персидский быт и самый дух народа и даже самую местность, друг Аббаса-Мирзы, Грибоедов был правою рукою Паскевича... Все движения к Аббас-Абаду, Эчмиадзину и даже к самой Эривани были подвигнуты решительностью Грибоедова, который беспрестанно, так сказать, толкал вперед Паскевича, не знавшего ни персиян, ни местности... Эривань была взята и Паскевич получил титул Эриванского».

На всех этапах штурма Эривани Грибоедов находился рядом с главнокомандующим Паскевичем, используя свой боевой опыт, который был им накоплен в боях и схватках при взятии Нахичевани, Аббас-Абада, Джаванбулаха, в районе Гарни, Арташата и Арарата. 19 июня 1827 года при рекогносцировке крепости Эривани Грибоедов даже чудом спасся от шальной пули. За свою храбрость он был награжден позже боевой медалью «За взятие Эриванской крепости», которую высоко ценил.

6 ноября 1827 года в местечке Дей-Каргане (Дей-Карган) недалеко от Тавриза начались двухмесячные переговоры с персидской стороной, в которых особую роль было суждено сыграть Грибоедову. После этого последовали разрыв переговоров, новое наступление русских войск и еще один этап диплома-

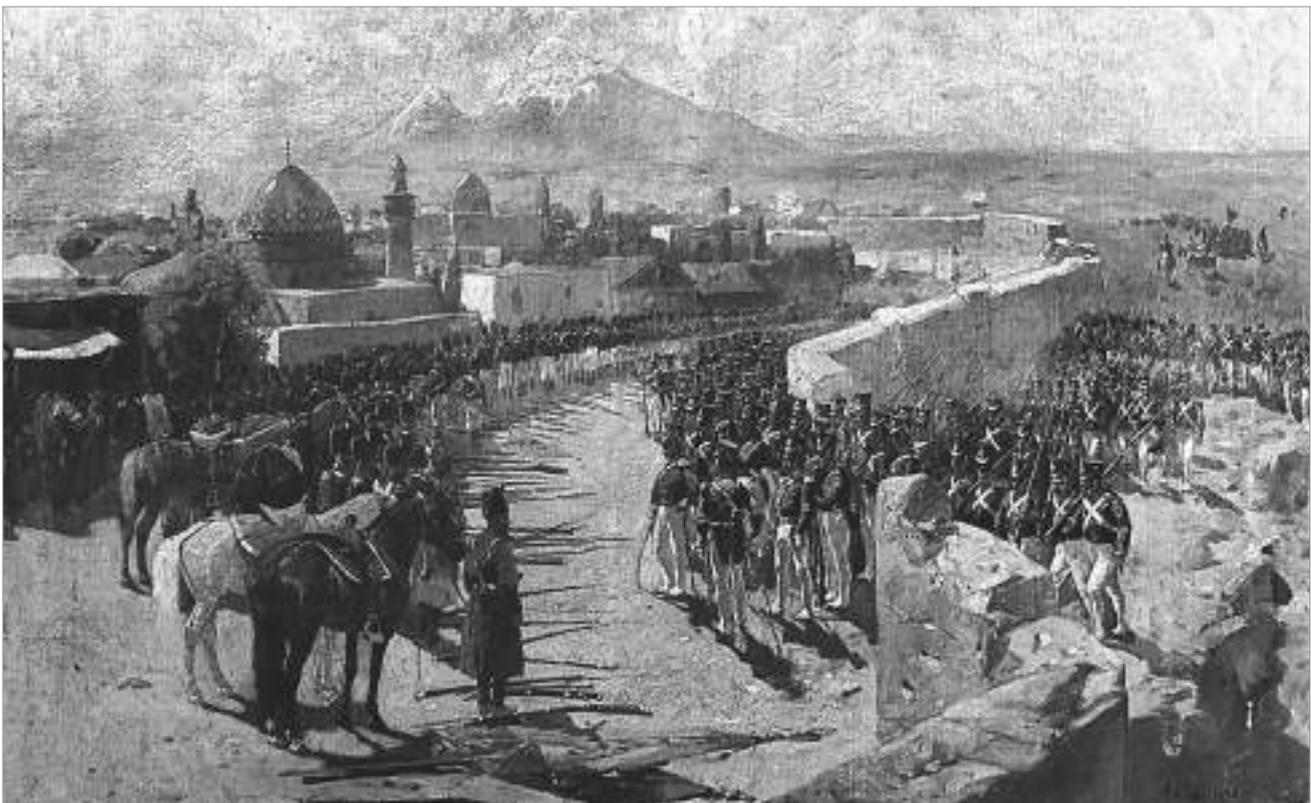
тической битвы в Туркманчае. Грибоедов и тут сыграл самую заметную роль, особенно в деле составления документов и редактирования материалов конференции. Лучше всего об этом может свидетельствовать уникальный документ под названием «Наставление Коллежскому Советнику Грибоедову, каким образом поступать в Туркманчае при мирных переговорах, в особенности относительно Адербиджана». Этот документ был подписан Паскевичем, а адресован... самому его автору — Грибоедову, написавшему «Наставление» собственноручно.

Длительная переговорная эпопея, длившаяся с ноября 1827 года, в Туркманчае развивалась стремительно и увенчалась ярким дипломатическим успехом, когда в ночь на 10 февраля 1828 года (момент подписания трактата в 12 часов ночи Аббас-Мирза избрал по совету сопровождавшего его астролога) был подписан мирный договор между Россией и Персией. Сто один выстрел из русских орудий в ночной темноте возвестил всем о заключении долгожданного мира. В лагере прогремело стократное «ура», и даже персияне изъявляли нескрываемую радость, обнимая друг друга. Печальным оставался лишь Аббас-Мирза, да и он вскоре оправился и, принимая поздравления, раздавал, по иранскому обычаю, леденцы всем присутствующим.

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1828-1829 ГОДОВ

Грибоедов не успел отдохнуть после своего приезда в Петербург в марте 1828 года с текстом Туркманчайского договора, как новые тучи сгустились и над Россией, и над судьбой поэта. Ввиду целого ряда недружественных по отношению к России действий Николай I своим манифестом объявил 14 апреля 1828 г. войну Турции и приказал войскам Дунайской армии, стоявшим в Бессарабии, вступить в оттоманские владения, занять Молдавию, Валахию и Добруджу и овладеть Варной. Отдельный Кавказский корпус должен был отвлечь турецкие силы с Дуная и овладеть в азиатской Турции местами, необходимыми для укрепления русских границ, а именно Карским и Ахалцихским пашалыками, а также приморскими крепостями Поти и Анапа.

В этой ситуации чрезвычайно важное значение приобретала та позиция, которую займет в ходе начавшейся войны Персия: поддержит Турцию или займет выгодный для России нейтралитет, соблюдая Туркманчайский договор? Чтобы воздействовать на Персию должным образом, следовало как можно быстрее возобновить деятельность в ней русской

• Ф. Рубо. Взятие русскими войсками Эриванской крепости.

дипломатической миссии, ведь эта миссия в ходе войны перестала функционировать. Передний край и форпост борьбы за влияние России на Востоке вновь концентрировался в Тавризе и Тегеране, и ключевую роль здесь должен был сыграть новый посланник России в Персии, которому следовало иметь огромный опыт и прекрасно разбираться в реалиях персидской политики.

Нетрудно догадаться, почему на эту важнейшую роль выпало претендовать в первую очередь Грибоедову. Накануне объявления войны, 12 и 13 апреля, Грибоедов был в Азиатском департаменте, где, по всей видимости, с ним начали обсуждать вопрос о его назначении новым посланником в Персии. Для нашего повествования крайне важно, что поэт-дипломат не рвался на почетный пост министра-посланника, что он прекрасно понимал всю сложность и опасность предстоящей миссии, начав высказывать друзьям свои мрачные предчувствия сразу же после своего назначения.

Сначала Грибоедов действительно думал, что его идея замены временного поверенного – этой низшей ступени дипломатического представительства – на министра-посланника в Персии при недостаточности его чина отведет от него назначение. Но, как писал Вяземский, от «матушки России» никуда не

уйдешь, «попечительная лапушка ее всегда лежит на тебе»: стране вновь потребовались умения Грибоедова, и именно он 25 апреля 1828 года был назначен по высочайшему повелению полномочным министром Российской императорской миссии в Персии. Уже 6 июня 1828 года поэт отправился в путь, прибыв в Тифлис 5 июля. Далее Грибоедова ждала первая неудачная поездка в действующую армию к Паскевичу, сватовство к Нине Чавчавадзе и новая поездка на фронт.

Казалось бы, к 5 июля, когда Грибоедов прибыл в Тифлис, ситуация на Кавказском фронте была в пользу русских войск – к этому времени были взяты Карс и Анапа. Но удар в спину русских войск нанесла... чума. Ее принесли из Эрзерума турецкие солдаты. Только строгие меры могли спасти от распространения смертельной болезни, и Паскевич пошел на них без промедления, чем спас ситуацию.

Знаменательно, что Грибоедов прибыл в армию, в Ахалкалаки, 25 июля, когда еще войска только-только отдыхали после взятия этого важного стратегического места. Путь Грибоедова туда пролегал по такому сложному и изогнутому дугой маршруту: Тифлис—Джалал-Оглы (ныне Степанаван)—Гюмри—Казанчи—Ахалкалаки—Гюмри—Тифлис. Даже по сегодняшним дорогам этот путь в одну сторону составляет

• Я. Суходольский. Штурм крепости Карс 23 июня 1828 года.

более трехсот километров, а туда и обратно более шестисот. И это расстояние пришлось преодолеть верхом, в обстановке войны!

О том, как на этот раз пришлось странствовать Грибоедову, он рассказал в своем письме Ф. В. Булгарину от 24 июля — 8 сентября 1828 года: «На самой крутизне Безобдала гроза сильнейшая продержала нас всю ночь, мы промокли до костей. В Гумрах я нашел, что уже сообщение с главным отрядом прервано, граф оставил Карский пашалык, и в тылу у него образовались толпы турецких партизанов, в самый день моего прихода была жаркая стычка у Басова Черноморского полка в горах за Арпачаем. Под

Гумрами я наткнулся на отрядец из двух рот Козловского, двух 7-го Карабинерного и ста человек выздоровевших, — все это назначено на усиление главного корпуса, но не знало, куда идти, я их тотчас взял всех под команду, четырех проводников из татар, сам с ними и с казаками впереди, и вот уже второй день веду их под Ахалкалаки, всякую минуту ожидаем нападения, коли в целости доведу, дай Бог».

Вот тебе и новые приключения, начавшиеся с ночной грозы на том самом Безобдале — горе, названной впоследствии Пушкинским перевалом в честь проследовавшего по ней в Эрзерум и встретившего неподалеку от нее арбу с грибоедовскими останками Пушкина. Грибоедов (а он по Табели о рангах имел чин, приравняваемый почти к генеральскому званию), по сути, взял тогда под свое командование большой отряд в шестьсот человек и, прекрасно зная местную территорию, невзирая на угрозы нападения турок, которые после поражения под Карсом и Ахалкалаки разрозненными, но многочисленными отрядами действовали в тылу русских войск, привел этот отряд в итоге к основным силам Паскевича. Причем это было сделано вообще без потерь.

Ранее уже приводились примеры того, что Грибоедова без всяких поправок и преувеличений можно причислить к немногочисленным в русской истории поэтам-воинам. И его боевое поведение в ходе новой Русско-турецкой войны, когда поэт опять жил на «военной ноге», еще раз подтверждает этот вывод.

Прибыв со своим внушительным отрядом в ставку Паскевича без каких-либо потерь 25 июля, после недельных скитаний по горам, лесам и пыль-

• П. Броель. Встреча Пушкина с телом Грибоедова в 1829 году.

ным дорогам, Грибоедов был радушно встречен главнокомандующим, удивившимся новому, чисто воинскому «предприятию» поэта, возглавившего крупный отряд русских войск. С Паскевичем Грибоедов расстался пять с половиной месяцев назад, уехав из Туркманчая. И как же много воды утекло с тех пор: главнокомандующий мог похвастаться новыми победами в тяжелейшей войне, а Грибоедов, рассказав обо всем, что ему пришлось видеть и пережить в последнее время, поделился с Паскевичем своим видением дальнейших действий на посту министра-посланника. Конечно, обсуждены были и многие другие важные вопросы: план дальнейших военных действий против Турции, способы нейтрализации происков англичан, нацеленных на вступление Персии в войну на стороне Османской империи, идеи Грибоедова по созданию Российской Закавказской компании.

А далее последовала насыщенная событиями семимесячная дипломатическая эпопея Грибоедова, закончившаяся разгромом российского посольства в Тегеране 30 января 1829 года. И, конечно, в случившейся драме существенную роль сыграла кипевшая в эти месяцы Русско-турецкая война.

Грибоедов погиб на боевом посту, но труды его не пропали даром: после страшной трагедии и изменения геополитической обстановки, связанной с победами русского оружия в борьбе с Османской империей, Россия и Иран больше никогда не воевали друг с другом. И сейчас их связывают отношения сотрудничества и партнерства.

Виктор КОСТЕНКО

Виктор КОСТЕНКО родился на Украине, в селе Кашперовка Киевской области. Отслужив срочную службу, окончил Рижское высшее военно-политическое Краснознаменное училище им. Маршала Советского Союза С. С. Бирюзова. Служил в РВСН, а параллельно окончил юридический институт, защитил диссертацию, кандидат юридических наук. Преподавал в Серпуховском военном институте ракетных войск. Работал в Управлении информации и общественных связей аппарата министра обороны РФ. Полковник запаса.

С 2009 года проходит службу в управлении кадров Следственного комитета РФ. Член Союза писателей России. В нашем журнале печатается впервые.

МИРУ БЫТЬ

*Ещё мальчишкой прочитал я в книжке,
Что в мире есть страна, где не было войны,
Где матери не плачут о погибших
И все враги давно побеждены.*

*Как оказалось, это была сказка,
А я, наивный, думал о своём:
А что мешает сказку сделать былью,
Построить в мире наш единый общий дом?*

*Чтоб не было войны на всей планете
И в ней не гибли, не страдали дети,
А наша жизнь была бы действительно как сказка,
А войны потерпели бы фиаско.*

*Чтоб все монархи, короли и президенты
Нашли достойные для жизни аргументы
И приняли решение: миру быть!
И стали бы гражданам страны своей служить.*

МОЙ ДЕД-ГЕРОЙ

*Мой дед не генерал, он рядовой солдат,
В годы войны, как зазвучал набат,
Он Родину достойно от фашистов защищал,
И клятву воина он с честью выполнял.*

*Прошло сто лет со дня его рождения –
Дед и сейчас для нас источник силы, вдохновения.
Героем был по жизни он, героем и остался,
Перед врагами никогда не преклонялся.*

*Солдатский орден Славы на груди у деда,
Да, нелегко, видать, далась ему Победа.
В годы войны такие ордена за подвиги давали,
А мы детьми тогда ещё всего не понимали.*

*Он раненый пришёл с войны, его так долго ждали,
А на груди два ордена, медали у него сверкали.
Война заметно голову посеребрила
И отпечаток на судьбу его печальный наложила.*

*Он преданно, сердечно любил своих детей,
Четырёх дочек и сыновей – троих богатырей.
После войны его душа всё так же молода была,
И с новой силой взялся он за мирные дела.*

*Приветлив и открыт всегда был его дом,
И круглый год так шумно было в нём,
И каждый год здесь собиралась вся родня –
Ведь дед героем был не только для меня.*

*Прошли года, но дедушку мы помним
И в памяти своей навечно сохраним,
Для нас всегда он был простым героем,
Самым отважным и самым дорогим...*

ВОЙНА В КИНО И НАЯВУ

В последнее время в России появилось немало кино- и телефильмов, посвященных Великой Отечественной войне: «Апостол», «Бронепоезд», «Сволочи», «Штрафбат», «Мы из будущего» – список при желании можно продолжить. Само по себе такое внимание деятелей кино к военной истории Отечества, особенно к Великой Победе над фашизмом, можно только приветствовать. В любом случае это лучше, чем убогие бандитско-ментовские сериалы, заполонившие телеэфир в девяностые и пришедшие им на смену нулевые. Однако впечатление от фильмов на военную тематику было бы гораздо лучше, если бы их создатели внимательнее относились к историческим реалиям и не повторяли набившие оскомину мифы горбачевских и ельцинских времен.

Первое, что бросается в глаза, – набор одних и тех же штампов, кочующих из фильма в фильм. Так, например, советский солдат на экране непременно грязный, небритый, в рваной гимнастерке и с одной винтовкой на двоих. В отличие от гитлеровцев, которые, по мнению киношников, воевали исключительно в чистеньких, наглаженных мундирах и все поголовно были вооружены автоматами.

То же самое и с немецкой бронетехникой. Если на экране появляется немецкий танк, то он непременно похож на грозного «тигра» или «пантеру». Причем это относится даже к начальному периоду войны. Выходит, что советскую границу в июне 1941 года фрицы пересекли исключительно на «тиграх», которые, разумеется, вгоняли в ужас наших желторотых необстрелянных бойцов.

На самом деле основное оружие немецкого пехотинца, особенно в начальный период войны, – это винтовка «Маузер-98к», что хорошо видно на кадрах кинохроники. А знаменитые «тигры» и «пантеры», которые фигурируют в каждом современном российском фильме о войне, появились у немцев только летом 1943 года на Курской дуге. А в начале войны на вооружении вермахта были в основном легкие

и устаревшие машины, причем собранные со всей Европы. Однако германские танкисты значительно превосходили советских в тактике ведения боя. Это, а также подавляющее превосходство немцев в воздухе и послужили одной из главных причин поражения советских механизированных корпусов уже в первые дни Великой Отечественной войны, в результате чего Красная Армия потеряла почти все свои танки. Паритета с немцами в бронетанковых силах удалось добиться только к лету 1943 года.

Еще один любимый киношниками штамп – образ сотрудника органов государственной безопасности: чекиста, особиста, смершевца и иже с ними. Все они стараниями режиссеров и продюсеров, в лучшем случае, ничего не делают, а в худшем – создают массу проблем нашей армии и народу, изнемогающему в борьбе с фашистами. Даже странно, что мы вообще сумели одолеть врага на поле брани – так сильно нам мешали Берия и его подручные.

Однако реальные факты не имеют ничего общего с киношной трактовкой нашей истории. Вот лишь несколько конкретных примеров того, чем занимались советские спецслужбы в годы войны.

Во-первых, 22 июня 1941 года организованным сопротивлением встретили врага пограничные войска НКВД СССР. Практически все заставы задерживали на несколько часов, а то и дней наступление вражеских колонн. Известный русский писатель Иван Шевцов, автор многих нашумевших романов и повестей, летом 1941 года служил на румынской границе. Его застава семь дней (!) сдерживала атаки гитлеровцев. И это при том, что пограничники в отличие от регулярных частей Красной Армии были вооружены лишь легким стрелковым оружием и минометами. Однако большинство пограничных застав сумели организовать достойное сопротивление численно превосходящему противнику, а вот многие командиры Красной Армии, напротив, проявили абсолютную неготовность к современной войне.

Иван Шевцов вспоминает, что 22 июня командиры стрелковых подразделений, дислоцированных неподалеку от его заставы, пребывали в полной растерянности и тупо ожидали приказов сверху. Пришлось Шевцову, тогда молоденькому лейтенанту НКВД, брать командование на себя и руководить действиями не только своей заставы, но и целого стрелкового батальона с артиллерийской батареей в придачу. И только когда фронт откатился далеко на восток, пришел приказ: оставить позиции и отходить. Еще несколько дней Шевцов с оставшимися в живых пробирались к своим. Все, кому удалось вырваться из этого пекла, снова попросились на фронт и затем отлично воевали в составе различных частей и соединений внутренних войск НКВД СССР.

С первых же дней войны на оккупированной немцами территории стали создаваться партизанские отряды. Поначалу многие из них состояли из кадровых сотрудников НКВД, специально оставленных в тылу противника. Это потом, к 1942 году, партизанское движение стало поистине массовым: народ понял, что ничего хорошего от немецкого «нового порядка» ждать не приходится, и целыми селами стал уходить в леса к партизанам. А в первые месяцы войны партизанское движение состояло в основном из окруженцев из числа командиров и бойцов Красной Армии, чекистов, партийных и комсомольских активистов. Так что далеко не все сотрудники НКВД ошивались по особым отделам и жрали без толку паек, многие еще и рисковали жизнью в тылу у немцев.

Только в 1941-1942 годах в немецкий тыл было заброшено более двухсот специальных отрядов и групп, укомплектованных сотрудниками НКВД. Сражались бойцы этих отрядов героически. Кстати говоря, прототипом главного героя «Повести о настоящем человеке» вполне мог стать не летчик, а боец одного из таких спецотрядов – сержант НКВД Александр Татъянин. Оказавшись в тылу противника, он одиннадцать суток в одиночку отбивался от гитле-

● Кадр из фильма «Ржев».

ровцев, а затем еще несколько суток полз по снегу к своим. Естественно, отморозил ноги, их ему ампутировали. Но сержант не сдался, полгода тренировался ходить на протезах, а затем снова попросился в строй и в течение многих лет служил в пожарной охране, которая в те годы входила в структуру НКВД.

Почему-то эти и многие другие факты реальной истории упорно игнорируются теми, кто клепают один за другим кинофильмы о войне. В результате на экране сотрудник НКВД появляется лишь в обличье эдакого живодера, для которого единственная отрада в жизни – расстрелять как можно больше соотечественников. Этот миф упорно навязывается современному зрителю посредством киношного языка. Кино, как известно, вообще состоит из штампов и условностей, но в случае с чекистами и особистами это переходит все границы здравого смысла.

А теперь посмотрим кинопремьеры 2019 года на предмет соответствия исторической правде. В минувшем году на экраны страны среди прочих вышли два полнометражных художественных фильма о Великой Отечественной войне: «Т-34» и «Ржев». Кроме того, по Первому каналу ТВ был показан многосерийный телефильм «Зорге», снятый о жизни и деятельности замечательного советского разведчика. Начнем со «Ржева».

Как явствует из названия, фильм посвящен ликвидации ржевского выступа. Он образовался в результате ожесточенных боев под Москвой и довольно лихо вдавался в нашу оборону, нависая как дамоклов меч над советской столицей. Уничтожить ржевскую группировку противника Советские войска безуспешно пытались в течение всего 1942 года. И только в начале 1943-го в результате общего наступления Красной Армии по всем фронтам Ржев наконец удалось освободить.

Впрочем, ничего этого зритель не увидит. О времени и месте действия говорит лишь название фильма. Никаких других примет, по которым можно было бы догадаться, о какой операции идет речь, в картине просто нет. То, что показано на экране, могло произойти на любом участке огромного советско-германского фронта. Тем более что ситуация, положенная в основу сюжета, вполне типична для начального периода войны. Наши войска, перейдя в контратаку, занимают какую-то деревушку, коих на просторах русской равнины видимо-невидимо, а потом пытаются ее удержать. При чем тут Ржев – непонятно. С таким же успехом фильм можно было назвать именем любого другого советского города или населенного пункта, где в годы войны шли ожесточенные бои.

Поэтому, строго говоря, «Ржев» – это не исторический фильм. По сути, это боевик, снятый по всем

законам жанра, с использованием спецэффектов, просто его действие разворачивается в условиях, напоминающих Великую Отечественную войну. В таких фильмах главное – передать атмосферу военного времени, чувства бойцов, накал страстей, поразить зрителя спецэффектами и лихо закрученным сюжетом. О том, насколько это удалось авторам «Ржева», пусть судят кинокритики, психологи и прочие знатоки человеческих душ.

Историку же приходится лишь с сожалением отметить, что очередной российский «киношедевр» не обошелся без набивших оскомину штампов. Здесь и грязные советские бойцы, одетые почти в лохмотья, и опрятные немцы, и не в меру ретивый особист, готовый расстрелять полроты, и бездарность командования, бросившего на произвол судьбы своих бойцов. Словом, полный набор всех тех несуразностей, которые, по мнению современных кинематографистов, являются отличительной чертой Красной Армии и Великой Отечественной войны.

Таким образом, слово «Ржев» в одноименном фильме – это не просто название населенного пункта. Это символический образ того, как бездарно мы воевали и буквально чудом вырвали победу, завалив противника трупами. Миф о чудовищных потерях Красной Армии, во много раз превышающих потери немцев, как известно, отнюдь не свеж. Однако по-прежнему популярен среди определенной части общества, в том числе и благодаря неустанным стараниям киношников.

В этом отношении «Т-34» производит куда более приятное впечатление. Во всяком случае, советский солдат в фильме показан не пушечным мясом, а достойным противником, а события, разворачивающиеся на экране, вполне можно идентифицировать и по месту, и по времени.

Итак, начинается фильм с того, что советская полторка проезжает по заснеженному полю мимо таблички с указанием расстояния до Москвы и Берлина на немецком языке. Судя по тому, что до Москвы всего 35 километров, можно сделать вывод, что действие происходит в ноябре 1941 года, когда фашисты действительно подошли к столице России на расстояние пушечного выстрела. А дальше зрителю показана танковая дуэль, в которой принимают участие экипаж советского Т-34, с одной стороны, и целая танковая рота немцев – с другой. В этом неравном поединке наши танкисты во главе с лейтенантом Николаем Ивушкиным подбили четыре вражеские машины.

Эпизод в целом достаточно правдив. Трудно сказать, было ли что-либо похожее именно в ноябрьские дни под Москвой, но примеры такой артиллерийской дуэли история войны знает, и немало. Например, в июне 1942 года на Воронежском фронте командир орудия истребительной противотанковой

батареи 49-й танковой бригады сержант Зубков с первого же выстрела поразил цель, находившуюся на расстоянии восьми километров.

Далее по сюжету картины главный герой попадает в плен, три года мыкается по фашистским лагерям и каким-то чудом остается жив. А в 1944-м бывшего лейтенанта Красной Армии Ивушкина вместе с другими его товарищами-танкистами немцы используют для тренировок своих панцерваффе. Во время учебного боя экипаж нашего Т-34 во главе с Ивушкиным угоняет танк на глазах у немцев и несколько дней блуждает по вражеским тылам.

Несмотря на кажущуюся фантастичность сюжета, в реальной истории Великой Отечественной есть похожие эпизоды. Известно, к примеру, как пленный советский летчик Михаил Девятаев угнал из Германии самолет. Случилось это 8 февраля 1945 года в секретном концлагере на острове Узедом, где немцы испытывали новейшие ракеты Фау-2.

Удрать из такого лагеря в принципе невозможно. Однако Михаил Девятаев и девять его товарищей по лагерю сумели не только подняться в воздух тяжелый немецкий бомбардировщик, но и перелететь через линию фронта к своим. Все выглядело настолько фантастично, что Девятаеву и его команде просто не поверили. Любой киношный особист расстрелял бы их не раздумывая как вражеских агентов. Однако реальные смершевцы, проведя проверку, не нашли оснований для ареста. Все беглецы были возвращены в действующую армию и воевали до конца войны. Правда, самого Девятаева в авиацию больше не пустили, как он ни просил, а заслуженная награда – Золотая Звезда Героя Советского Союза – нашла его только много лет спустя, в конце пятидесятых. Вот такая потрясающая история, которая вполне может стать сюжетом прекрасного фильма о войне.

Что касается танков, нечто похожее произошло 3 июля 1941 года в оккупированном немца-

• *Танкисты из фильма "Т-34".*

ми Минске. Туда среди бела дня въехал советский танк, правда, не Т-34, а Т-28 – средний трехбашенный танк, разработанный еще в начале тридцатых годов. Очевидно, танк отстал от советских частей, откатившихся на восток, и оказался в немецком тылу. В составе экипажа оказались майор Васечкин, старший сержант Малько и пятеро курсантов военного училища.

Подъехав к ликеро-водочному заводу, танкисты расстреляли группу фрицев, грузивших ящики с алкоголем, а стоявшую рядом бронемашину сожгли. Пока немцы соображали что к чему, советский танк переехал речку Свислочь и, встретив колонну немецких мотоциклистов, расстрелял ее в упор. После чего выехал на центральную улицу Минска – Советскую, обстрелял немцев у здания театра, а затем свернул на Пролетарскую. Улица была забита пехотой и техникой врага. Уже через несколько минут она была устлана трупами вражеских солдат и офицеров и остовами сгоревших машин.

Неизвестно, сколько еще немцев нашли бы смерть на улицах оккупированного ими Минска, но у наших закончился боезапас. Тогда танк стал прорываться за город, на Московское шоссе, но на выезде из Минска попал под огонь противотанковой батареи. После двух попаданий Т-28 загорелся и остановился, экипаж покинул его. В перестрелке с гитлеровцами погибли майор Васечкин и два курсанта. Сержант Малько сумел выбраться из города, встретил в лесу окруженцев и вместе с ними добрался до своих. После чего прошел всю войну в составе бронетанковых частей Красной Армии. Еще один участник этой потрясающей истории Фёдор Наумов несколько дней прятался в доме у местного жителя, а затем ушёл в партизаны. Пулемётчик правой башни Николай Педан попал в плен, до конца войны провёл в концлагерях и был освобожден Красной Армией весной 1945 года.

● **Александр Домогаров в роли Рихарда Зорге.**

Так что киношная история, показанная в «Т-34», имеет вполне реальную основу: на войне, как говорится, и не такое случалось. Но в целом, как и «Ржев», киноленту вряд ли можно считать историческим фильмом в прямом смысле этого слова. «Т-34» – это эффектно снятый боевик, действие которого перенесено на 75 лет назад. От «Ржева» его выгодно отличает лишь то, что авторы сумели избежать расхожих мифов, без которых, увы, не обходится ни один современный фильм о войне.

Иное дело сериал «Зорге». Сюжет не просто основан на реальных событиях, он претендует на их точное воспроизведение. В сериале фигурируют конкретные исторические персонажи, обыгрываются конкретные исторические события. Разумеется, зритель вправе ожидать от создателей сериала максимального погружения в исторический контекст. К сожалению, ляпы начинаются уже с первых кадров телеэпопеи.

Итак, начало сериала. Токио, тюрьма Сугамо, 1944 год. Эпизод казни Рихарда Зорге. Стоя на эшафоте и обращаясь к японскому чиновнику, киношный Зорге в исполнении Александра Домогарова заявляет: «Напишите в отчете о казни, что Зорге умер со словами «Красная Армия», «Коминтерн», «Коммунистическая партия Советского Союза». Чиновник кивает в знак согласия, после чего Зорге накидывают на шею веревку...

Трогательная сцена, способная выбить слезу у какой-нибудь сентиментальной домохозяйки, по уши влюбленной в Домогарова. Однако настоящий Зорге вряд ли мог столь проникновенно говорить о Коммунистической партии Советского Союза по той простой причине, что никакой Коммунистической партии Советского Союза в 1944 году не было. Организация, в любви к которой признается на эшафоте киношный Зорге, называлась Всесоюзной коммунистической партией (большевиков), или ВКП(б). Аббревиатура КПСС появилась спустя восемь лет – в 1952 году на XIX съезде ВКП(б), где она была переименована в Коммунистическую партию Советского Союза. Зачем авторам фильма понадобились эти фантазии – непонятно. Ограничились бы словами «Красная Армия» и «Коминтерн», и сцена получилась бы вполне правдоподобной.

Далее события в фильме разворачиваются с весны 1938 года. Один за другим на экране демонстрируются реальные исторические события: аншлюс Австрии, измена начальника УНКВД по Дальневосточному краю комиссара госбезопасности третьего ранга Генриха Люшкова, назначение послом Германии в Токио генерал-майора Ойгена Отта и другие. Правда, то и дело нарушается хронология: сначала почему-то зрителям подробно показывают побег Люшкова, а затем назначение Отта послом

• **Лаврентий Берия (актер Сергей Багиров) и Климент Ворошилов (Василий Мищенко) в сериале «Зорге».**

Германии в Японии. На самом деле эти события происходили в иной последовательности: Ойген Отт был назначен послом в апреле, а Люшков сбежал в Японию в июне 1938 года.

Кстати, о побеге. В историю предательства Генрих Самойлович Люшков вошел как первый высокопоставленный руководитель органов госбезопасности, ставший перебежчиком и агентом иностранных спецслужб.

Радости самураев не было предела. Предатель не только сдал всю агентурную сеть НКВД в Маньчжурии, но и подробно рассказал о Дальневосточной армии, ее боеспособности и дислокации отдельных частей, поведал об экономическом положении советского Дальнего Востока. Этот момент в сериале обыгрывается в сценах допроса Люшкова в японской контрразведке.

Дальнейшая судьба Люшкова оказалась весьма любопытной. В целях обеспечения безопасности столь ценного агента японцы пустили слух о том, что он уехал в одну из европейских стран. На самом деле Люшков остался в Японии и даже принял японское подданство и новое имя — Ямогучи Тосикадзу. Впрочем, смена имени и гражданства не спасла предателя от заслуженной кары. Однако советские спецслужбы к этому не имели никакого отношения. В августе 1945 года, когда на территорию Маньчжурии вступили советские войска и стало ясно, что самураям скоро конец, Люшков попытался удраить. Но японцы сказали, что настоящие самураи так не поступают, и предложили ему добровольно уйти из жизни, совершив харакири. Люшков отказался. Тогда ставшего бесполезным агента убили, а труп сожгли.

Но это случится значительно позже, а тогда, в июне 1938 года, предательство Люшкова – человека, занимавшего серьезную должность в системе НКВД СССР, весьма болезненно переживали в Москве. По этому случаю у Сталина было созвано совещание с участием наркома обороны Климента Ворошилова и наркома внутренних дел Николая Ежова. Эта сцена достаточно обстоятельно разыграна в телесериале. Правда, и здесь не обошлось без ляпов.

Итак, кабинет вождя. Сталин, как обычно, прохаживается, Ежов стоит на вытяжку и оправдывается,

Ворошилов сидит за столом. А еще рядом с ним, причем ближе к креслу вождя, восседает человек в пенсне, похожий на Лаврентия Берия. Из дальнейшей беседы становится понятно, что это и есть Берия. Причем, судя по тому, как он себя ведет и где сидит, Берия должен был занимать пост, как минимум равнозначный постам Ворошилова и Ежова, то есть быть наркомом.

Однако весной–летом 1938 года Лаврентий Павлович трудился начальником Главного управления государственной безопасности НКВД СССР, то есть был непосредственным подчиненным Ежова. Наркомом внутренних дел Берия стал лишь в декабре 1938 года после отстранения Ежова от должности. Почему в сериале начальник главка сидит рядом с вождем и, сверкая пенсне, наблюдает, как его начальник отдувается, объясняя Сталину измену Люшкова, непонятно. И уж тем более странно, почему киношный Берия сидит в кабинете у Сталина в гражданском пиджаке, а не в военной форме, как того требовал устав.

В этой же сцене допущена и другая неточность. Разговор, напомним, идет об измене Люшкова, потом плавно касается армейской разведки и ее начальника Яна Берзина. Сталин интересуется его судьбой, на что Берия отвечает: расстрелян как враг народа. По сути, конечно, Лаврентий Павлович не покривил против истины: Берзина действительно расстреляли как врага народа. Вот только случилось это позже – 29 июля 1938 года. Так что на момент совещания у Сталина, показанного в сериале, Ян Карлович еще находился под следствием. Авторы фильма явно поторопились привести смертный приговор в исполнение.

В дальнейшем, на протяжении всего сериала, в кадре рядом с вождем регулярно появляется Климент Ворошилов. Причем именно с ним Сталин обсуждает самые острые, злободневные вопросы. Например, осенью 1941 года речь идет о критической ситуации под Москвой. Именно Ворошилову Сталин приказывает срочно связаться с Рамзаем (оперативный псевдоним Рихарда Зорге) и дать ему команду в двухнедельный срок выяснить истинные намерения японцев. Именно Ворошилову вождь под большим секретом сообщает, что отдал приказ взять на борт самолета икону Богоматери и облететь с ней Москву. Такое впечатление, что других советников у Верховного Главнокомандующего тогда не было, причем по всем вопросам – начиная от глобальных и заканчивая узкопрофессиональными, связанными с работой советской резидентуры в далекой Японии.

Спору нет, Климент Ефремович Ворошилов был человеком незаурядных способностей и сыграл видную роль в становлении Красной Армии и Советского государства. Но в годы Великой Отечественной войны Ворошилов ничем особенным себя не проявил, он не был ни наркомом обороны, ни начальником Генерального штаба. С чего это вдруг Сталину понадобилось обсуждать с Ворошиловым стратегические вопросы обороны Москвы и переброски на запад дальневосточных дивизий? Тем более что осенью 1941 года Климента Ефремовича даже в Москве не было: он как член Государственного Комитета Обороны находился в Куйбышеве и 7 ноября принимал военный парад по случаю 24-й годовщины Октября.

И уж совсем нелепо выглядит сцена, в которой Сталин обсуждает с Ворошиловым деятельность нашей резидентуры в Японии и даже дает ему поручение связаться с Рамзаем на предмет зондирования планов японского командования. Такие вопросы, как известно, решают специально обученные и уполномоченные люди, например, начальник военной разведки. С ним по данному вопросу и должен был общаться Сталин.

Интересно, что при явной любви сценаристов фильма к персоне Ворошилова они даже не удосужились выяснить, чем и когда был награжден их кумир. Поэтому на протяжении всего сериала Климент Ефремович сидит в кабинете у Сталина с одним и тем же набором государственных наград на груди: двумя орденами Ленина и четырьмя орденами Красного Знамени. Между тем в феврале 1941 года Ворошилов был награжден третьим орденом Ленина. Но, видимо, забыл прикрепить его к гимнастерке...

А вот еще пример очевидной несурезицы. Несколько сцен сериала происходит в кабинете германского посла в Токио Ойгена Отта. На стене ка-

бинета то и дело в кадр попадает огромная карта Европы, где обозначены успехи немецкой армии на Восточном фронте. Об этом же с пафосом говорит своему другу Рихарду Зорге и сам Отт. И действительно осенью 1941 года, когда гитлеровцы стояли у стен Москвы, этот пафос был весьма уместен. Но присмотритесь к самой карте, а точнее, к стрелочкам, которые на ней нарисованы. Все они направлены к Москве, что вполне логично: именно туда и рвались немецкие армии осенью 1941 года. Но часть стрелочек почему-то красные, а часть – синие. Причем, некоторые начинаются откуда-то от Каспийского побережья и даже из-за Волги. Кроме этих нелепых стрелочек, намалеванных фломастером, на карте ничего больше нет: ни линии фронта, ни расположения частей и соединений – словом, всего того, что обычно отмечается на оперативных картах. Либо у немецких штабистов был географический кретинизм, либо киношники, как обычно, второпях нарисовали на карте первое, что им пришло в голову.

Подобного рода неувязок в сериале предостаточно. Даже слово «Маньчжурия» в титрах почему-то написано без мягкого знака. А официальные приемы для иностранных дипломатов и журналистов в Токио проходят в президентском дворце, хотя никаких президентов в императорской Японии отродясь не было.

Что же касается самого Рихарда Зорге, он в сериале напоминает скорее отмороженного идиота, чем опытного разведчика-интеллектуала: гоняет как полоумный на мотоцикле по Токио, ходит в кожаной куртке советского производства, крутит бесконечные любовные шашни и физически устраняет всех неугодных с помощью какого-то знакомого ниндзя. Кстати, изменника Люшкова, по версии авторов сериала, укукошил все тот же неутомимый Рамзай...

И это, увы, характерная примета современного кино: полное пренебрежение историческими фактами и здравым смыслом. Считается, что зритель и так все проглотит, главное, чтобы на экране мелькали раскрученные актеры, зависали в воздухе пули и эффектно взрывались снаряды и бомбы. И надо обязательно по ходу сюжета смачно плюнуть в советское прошлое, особенно в сталинские времена. На такое кино, увы, находятся государственные деньги, и покажут его в самое удобное время по самому главному телеканалу страны. Надеемся, что эти времена проходят.

Сергей ХОЛОДОВ,
историк

Недавно в московском издательстве «Голос-Пресс» вышла новая и долгожданная книга стихотворений и прозы Марины Георгиевны НЕКРАСОВОЙ – замечательной поэтессы, писателя, журналистки, нашей коллеги и сотрудника журнала «Воин России», члена Союза писателей СССР – России с 1979 года.

ПЕРЕСАЖЕННОЕ ДЕРЕВО

Тот, кто прочтет эту книгу до конца, до последнего стихотворения, заметит одну примечательную особенность – это фотография на заставках, условно отделяющих одну часть книги от другой. Девушка на портрете, стоящая спиной к дереву – красивая, жаль, что она тут не в полный рост, – смотрит с присущей ей уверенностью куда-то вдаль, словно бы сквозь объектив. Фото захватило еще и ствол чинары, и примыкающую к ней землю, совсем немного. Это лето, конечно, это точно лето. И очень жаркое, слепящее, судя по тому, что в правой руке у нее, у девушки этой, солнечные очки. Давайте еще раз посмотрим и запоем ее такой, потому что дальше нас от этого снимка начнет отделять время. Да, время и, пожалуй, исчезающее пространство, захватывающее, растворяющее и уносящее с собою и это лицо, и фигуру девушки, и дерево, и землю, к нему примыкающую. И все, что вокруг. Пространство будет не то чтобы тускнеть, нет, наоборот, словно разгораться солнечным светом, как будто ослепляя даже объектив, который не сможет, подобно человеческому глазу, вынести эту белесую слепящую мглу, и она постепенно растворит в себе все. Последняя заставка в книге и будет означать как раз странную мглу – немую, поглотившую все краски, все их оттенки, тени, глубокие и прозрачные, разные оттенки одного и того же слова...

Может быть, мне легче, чем кому-то из читателей, понять поэта Марину Некрасову, потому что я потерял ровно то же, что и она.

Однажды в разговоре со знакомой женщиной-прозаиком я уловил недоумение: она никак не могла понять, что могло так уж кардинально измениться в жизни вместе с крушением нашей страны, империи по имени СССР. Беседа происходила вечером во вре-

мя прогулки, и, помню, я вдруг ничего не смог ответить, потому что внезапно перехватило горло. Раньше такого со мной никогда не случалось. Я мог негодовать, спорить, что-то доказывать, а тут – слова высказать не смог. Просто остановился, закурил...

Сегодня я бы посоветовал своей собеседнице, хорошему и очень чуткому человеку, прочитать книгу поэта Марины Некрасовой «Атлантида», где прозаические миниатюры пластично сочетаются со стихами, все объясняющими всем – пережившим и, что еще важнее, просто не заметившим этого Распада. И тем, кто тогда был мал или еще не родился. Эта книга предписана всем – как лекарство для иммунитета. Всем – не ощутившим, не увидевшим, либо попросту не понявшим того, как огромный материк нашей жизни постепенно начал погружаться в пучину. А те, кто пережил это и остался в живых, – те воспримут эту книгу с благодарностью, потому что там кроме грустного много красочного, возвращающего уже почти забытое, почти исчезнувшее ощущение плещущейся в душе радости и уверенности:

*Вновь Большая Медведица мне улыбалась:
В чем же жизни твоей сокровенная суть?
И акация белая – девочка с бала –
Этой ночью, как я, не пыталась уснуть.
Кто-то пел о любви своей голосом ломким,
Огонек сигареты маячил звездой...
И тянулась граница – по карте полоской
По земле сквозь туманы, тревоги и дождь.
Нам с тобой эта вера всегда помогала!
И сказала мне Женька,
Что здорово жить!
Если знаешь, простора душе твоей мало –
Надо снова начать по дорогам кружить...*

Это стихотворение сразу вернуло меня в те золотые времена, когда я только что купил книжку «Тюльпаны с далеких застав» и читаю вот такие, чуть наивные, горячие и горной свежестью отдающие стихи, которые только юность и способна вслух высказать.

Ведь это тогда нам казалось, что простора все равно у нас мало, что надо «кружить по дорогам», разным дорогам, вбирая все больше и больше простора в себя. Та маленькая книжка о тюльпанах с далеких застав сложилась очень рано у Марины, потому что сразу скопилось много впечатлений – отец ее был офицером, начальником погранзаставы, и часть детства ее пролетела там, на горных рубежах большой страны, которую мы утратили...

Когда Марина издала вторую книгу, всех удивило название – «Пересаженное дерево». Многих в то время это, наверно, даже смутило. Книжка вроде бы о Севере, о любви. Да, больше о Севере, о Воркуте, но вот название... Что-то непривычное в этом подспудно ощущалось, о чем вслух говорить тогда было не принято, да что там – невозможно! Ведь мы жили в национальной республике. Если ты «пересаженное дерево» - пытаешься ли вобрать в себя соки той почвы, в которую сейчас погружены твои корни?

Я не задавался этим вопросом, потому что изначально поставленный судьбой между Европой и Азией (мой отец таджик, а мать – русская), очень скоро понял, а может быть, даже почувствовал, как только книгу прочитал, что Марина Некрасова хочет сказать и чего она опасается, воспринимая происходящее поэтическим зрением, чутьем и слухом и своей способностью предвидеть. Поэт раньше других все определяет по догадке – в этом и преимущество его, и большая беда одновременно:

*Мне на радость землю даны
Эти дикие, терпкие краски.
Предаются сегодня огласке –
Потому что сбываются – сны.
Колесница грядущих годов
Налетает бесшумно, с размаху.
Вот уж кто-то натерпится страху,
Вот уж кто-то не будет готов!..*

Сквозь тему любви и разлуки явственно проступала, ощущалась какая-то зыбкость этого бытия, какая-то «отдельность» от всех, кто до остатка не относит себя к вот этой безбрежной и беспредельной территории, чьи границы с мужеством и самоотречением охранялись ее отцом, начальником заставы, которому за сутки на сон часто оставалось не более пятнадцати минут. Потому что это была действительно самая ответственная служба - стоять на рубеже рубежей и научить этому молодых воинов. А поскольку происходило это в Средней Азии, вспомним, что

именно тут потом и начнется война, качнувшая впервые нашу Атлантиду...

И вот – в новой книге поэта - пространство уже само собой размывается, растворяясь в белесом ослепительном солнечном свете... Проза перемежается в книге «Атлантида» с поэзией, рисуя – сквозь призму поэтического мировоззрения автора, – как все происходило, как душа не могла с этим справиться, как почва уходила из-под ног, автоматные очереди били по недавнему прошлому, и его кровавые лохмотья долго тлели под беспощадными лучами азиатского солнца... И, конечно, любовь к этой насыщенной красками земле, к этому пыльному и благодатному краю. И гамма самых разных чувств: недоумение вместе со злостью и горечь от собственного прозрения – выходит, не зря внутри жила постоянная, до поры до времени неясная тревога – а это подступало время покидать, бросать, уезжать. Время Пересаженного дерева. Невольно вспомнишь Ахматову: «Будто я свои же рыдания/ Из чужих ладоней пила».

У Марины есть стихи той же проникновенности и глубины. Одно из них приведу целиком, по-другому невозможно:

*Оранжевый закат падет на горы.
Я буду ждать последний самолет.
Затихнут птицы и умолкнут споры,
И он чуть-чуть помедлит, но придет.
Закатные лучи глядеть мешают.
Мотор спугнет тоскующую тишь.
Толкаются, встречаются, провожают.
Сегодня ты еще не улетишь...
О чем грустишь? Твои какие годы?
Успеется еще: Москва, толпа.
Уходит в направлении свободы
Твоя велосипедная тропа...
Зачем сюда хожу?
Какого черта
По этой пыльной, выжженной земле
Топчу дорогу до аэропорта,
До самолетной звездочки во мгле?..*

Зачем мы протоптали эту дорогу? Зачем ходили по ней? Почему не собирались возвращаться? Всякие были поводы, у кого радостные, у кого и грустные. Возможно, пишет Марина, «здесь никто не поймет этих странных корней». Но так было. Люди, помните об этом.

**Анвар ТАВОБОВ,
член Союза писателей СССР,
лауреат Всероссийской премии
имени Н.С. Лескова**

ГЛАВНЫЙ ПАРАД СТРАНЫ

Великую Победу отмечают и парадом. Первый из них состоялся 24 июня 1945 года на Красной площади в Москве. Командовал парадом Маршал Советского Союза Константин Рокоссовский, а принимал его Маршал Советского Союза Георгий Жуков.

Этот парад стал самым массовым и самым длительным из всех проводившихся в столице в советское время. Перед Мавзолеем и трибунами почетных гостей прошли двенадцать сводных полков и почти две тысячи единиц военной техники. Страна увидела множество героев, лучших представителей десяти фронтов и выделенных в отдельные полки военных моряков и представителей наркомата обороны. Каждый полк состоял из пяти батальонов общей численностью более тысячи человек. В соответствии с приказом Верховного Главнокомандующего в каждом сводном полку фронта были шесть рот пехоты, по одной роте артиллеристов, танкистов, летчиков и одна сводная рота, в которой были представлены кавалеристы, саперы и связисты.

Художественно-производственные мастерские Большого театра специально для парада изготовили десять штандартов, под которыми должны были выйти на парад сводные полки фронтов. На вертикальное дубовое древко с серебряным венком, обрамлявшим золотую пятиконечную звезду, закрепили горизонтальный металлический штырь с золотыми шпильками на концах. На нем подвесили двустороннее алое бархатное полотнище штандарта, окаймленное золотой узорчатой ручной вязью и наименованием фронта. По сторонам спадали отдельные тяжелые золотые кисти.

В собранном виде штандарт весил более десяти килограммов. На предпарадных тренировках не каждый мог без наклонов пронести столь тяжелый штандарт. Положение спас знаменосец конного полка Лучанинов. Он предложил применить особые портупей, перекинутые на широких ремнях через левое плечо, с кожаным стаканом, в котором крепилось древко штандарта. Сот-

ни орденских лент, венчавших древки 360 боевых знамен, также были изготовлены в мастерских Большого театра. Большинство знамен были гвардейскими.

Знамя Победы, привезенное в Москву 20 июня 1945 года, предполагалось пронести по Красной площади, но водрузившие его над рейхстагом и откомандированные в Москву знаменосец капитан Степан Неустроев и его ассистенты лейтенант Алексей Берест, сержант Михаил Егоров и младший сержант Мелитон Кантария прошли на репетиции крайне неудачно. У Неустроева к 22 годам было пять ранений, а ноги повреждены настолько, что он физически не мог идти строевым шагом. Назначать других знаменосцев выглядело нелепо, и Жуков принял решение Знамя не выносить.

Самым тяжелым для фронтовиков, прибывших в Москву в начале июня, были строевые занятия. На Центральном аэродроме имени М. В. Фрунзе они ежедневно занимались по шесть-семь часов. Высокий моральный подъем участников парада был усилен вручением всем участникам парада новой медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». Одновременно проводился обмен орденов и медалей, имевших дефекты. С воодушевлением встретили участники парада постановление Верховного Совета СССР о награждении высшего командного состава армии и флота. Маршалам Г.К. Жукову, И.С. Коневу, Р.Я. Малиновскому, К.К. Рокоссовскому и Ф.И. Толбухину вручили орден «Победа». Кроме того, Жуков получил третью Золотую Звезду Героя Советского Союза, а Рокоссовский и Конев – вторую. Звание Героя Советского Союза получили маршалы И.Х. Баграмян и А.И. Еременко.

Для участия в параде отбирались солдаты и офицеры ростом не ниже 170 сантиметров. Предпочтение отдавалось тем, кто имел много государственных наград, поэтому наиболее внушительно смотрелись парадные расчеты летчиков всех фронтов.

На параде движение войск сопровождал оркестр из почти полутора тысяч музыкантов. Каждый сводный полк проходил под свой боевой марш почти без пауз. После их прохождения оркестр вдруг смолк, и в этой тишине под бой барабанов вперед вышла особая рота с двумя сотнями вражеских знамен.

Поравнявшись с деревянными помостами у подножия Мавзолея, бойцы делали поворот направо и с силой бросали на них знамена и штандарты побежденного Третьего рейха. Любопытно, что две сотни знамен и штандартов разгромленных немецких частей бойцы несли в перчатках, подчеркивая то, что в руки древки этих штандартов брать омерзительно. И бросали на специальный помост, чтобы штандарты не коснулись мостовой Красной площади. Первым швырнули личный штандарт Гитлера, последним – знамя армии Власова. А вечером того же дня помост и все перчатки были сожжены.

Парад длился более двух часов под проливным дождем, но тысячи людей, заполнивших Красную площадь, не замечали его. Из-за непогоды предполагавшийся по плану пролет авиации над Красной площадью и демонстрация трудящихся столицы были отменены.

Второй парад в честь Победы прошел в мае 1965 года. Тогдашний руководитель государства Леонид Брежнев в звании генерал-майора принимал участие в Параде Победы 1945 года в знаменной группе своего фронта. До этого День Победы не ставили в один ряд с главными советскими праздниками 1 Мая и 7 Ноября. 9 мая даже не являлось выходным днем. Именно в 1965 году указом Президиума Верховного совета СССР 9 мая было объявлено нерабочим днем, а по советскому радио и телевидению первый раз транслировалась минута молчания.

На параде 1965 года впервые по Красной площади пронесли Знамя Победы. Знаменосцем был Герой Советского Союза полковник Константин Самсонов, ассистентами – Герои Советского Союза сержант Михаил Егоров и старший сержант Мелитон Кантария, которые 1 мая 1945 года водрузили это Знамя над рейхстагом. У зрителей уже тогда возник вопрос: почему Знамя короче и уже, чем должно быть по приказу. Действительно, у Знамени не хватает полосы длиной 73 и шириной 3 сантиметра. По одной из версий полосу оборвал и взял на память 2 мая 1945 года бывший на крыше рейхстага рядовой Александр Харьков, наводчик «Катюши» из 92-го гвардейского минометного полка. Ну откуда ему было знать, что именно это, одно из нескольких, ситцевое полотнище станет Знаменем Победы? Вторая версия прозаичнее: Знамя хранилось в политотделе 150-й стрелковой дивизии. В основном там работали женщины, которых летом 1945 года начали демобилизовывать. Они решили оставить себе сувенир на память, отрезали полосу и поделили на кусочки. Эта версия наиболее вероятна: в начале семидесятых в Музей Советской Армии пришла женщина, рассказала эту историю и показала доставшийся ей лоскуток.

В параде 1965 года приняли участие только части Московского гарнизона и курсанты высших военных училищ и академий, почти треть участников парада составляли ветераны Великой Отечественной войны.

Только через 20 лет состоялся следующий парад. Он был приурочен к 40-летию Победы. В 1985 году на главной площади столицы помимо воинских частей

● Герои Советского Союза полковник Константин Самсонов, ассистенты Михаил Егоров и Мелитон Кантария у Знамени Победы. 9 мая 1965 года.

были представлены участники исторической части, одетые в форму воинов Великой Отечественной войны. По брусчатке также прошли легендарные боевые машины времен войны танки: Т-34-85, самоходные артиллерийские установки СУ-100 и гвардейские реактивные минометы БМ-13 «Катюша».

Четвертый парад, посвященный Победе в Великой Отечественной войне, вновь был приурочен к очередному юбилею и состоялся в 1990 году. Его главным отличием от предыдущих парадов было появление на Красной площади тягача с макетом точной копии памятника Воину-освободителю, установленного в Трептов-парке в Берлине.

С 1991 по 1995 годы парады на Красной площади не проводились. В день 9 Мая в центре столицы проходили шествия, организованные различными общественными организациями, в которых принимали участие ветераны.

В 1995 году был принят Федеральный закон «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». В соответствии с ним военные парады с привлечением вооружения и военной техники, использованием копий Знамени Победы должны были проходить ежегодно в Москве, городах-героях, а также в городах, где дислоцированы штабы военных округов, флотов, общевойсковых армий и Каспийской флотилии.

Особенностью парада 9 мая 1995 года на Красной площади стало воспроизведение исторического Парада Победы 1945 года. Организаторы смогли собрать в

● *На параде в честь 70-летия Победы.*

сводные полки ветеранов, воевавших именно на этих фронтах. Десять фронтов военных лет со своими боевыми знаменами прошли перед зрителями. Также в параде приняли участие военнослужащие Российской армии в военной форме времен Великой Отечественной. В тот же день на Кутузовском проспекте у Поклонной горы состоялся военный парад частей Московского гарнизона, курсантов военных учебных заведений, боевой техники и авиации.

Необычным оказался парад в честь 60-летия Победы в 2005 году. На нем в качестве гостей присутствовали ветераны вермахта, приехавшие вместе с канцлером Германии Герхардом Шредером. В том же году было возобновлено прерванное в 1957 году участие авиации в парадах. Над Красной площадью пролетели истребители МиГ-29, Су-27 и штурмовики Су-25.

В 2008 году по Красной площади впервые с 1990 года прошла тяжелая военная техника – танки Т-90, бронетранспортеры БТР-80, боевые машины пехоты БМП-3, самоходные артиллерийские установки «Спрут» и «Мста-С», различные зенитные системы, а также тактические и стратегические ракетные комплексы «Искандер» и «Тополь». До этого боевые машины не участвовали в параде из-за работ по реконструкции Манежной площади и восстановления Иверских ворот у въезда на Красную площадь.

Особенностью парада 2010 года стало участие иностранных военных из 13 стран, в том числе Великобритании, США, Франции, Польши и государств СНГ.

Рекорд по числу участников Парада Победы был установлен в 2011 году. Перед трибунами прошли почти двадцать тысяч человек, а также 106 единиц военной техники и 5 вертолетов Ми-8.

Парад Победы на Красной площади, приуроченный в этом году к 75-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне, в связи с существенными рисками, связанными с распространением коронавируса, перенесен. В ходе встречи с членами Совета безопасности президент России Владимир Путин заявил: «Поручаю министру обороны, руководителям силовых ведомств, органам власти всех уровней изменить график и перенести подготовку к военному параду на Красной площади, к парадам в регионах, отложить все массовые публичные мероприятия, которые были запланированы в ознаменование 75-летия Великой Победы». Он отметил, что и парад, и марш «Бессмертного полка» пройдут в 2020 году, а также выразил уверенность, что этот праздник будет отмечаться в каждой семье и объединит общество, как и всегда.

А в день 9 мая в Москве и других городах состоялся авиационный парад и был дан праздничный салют.

Виктор КОРНЕЕВ.
Фото Вадима САВИЦКОГО
и из открытых источников

НЕВИДИМЫЙ ВРАГ

Мировые новости, даже самые актуальные, редко живут более трех-четырех дней. Коронавирус COVID-19 не покидает ленты мировых информагентств уже почти полгода. Начавшись в Китае, он с поразительной быстротой распространился по планете. Страдают миллионы людей, страдает мировая экономика, рвутся связи между странами и между регионами в самих странах. Самыми популярными товарами стали медицинские маски, респираторы и одноразовые перчатки.

В этих условиях Россия прилагает титанические усилия, чтобы не только остановить пандемию, но и найти средства от новой страшной болезни. Невероятная нагрузка ложится на медицинские учреждения. Врачи с полным правом становятся героями новой войны с невидимым врагом.

Серьезную работу по профилактике заражения и борьбе с коронавирусом проводит Министерство обороны. Подразделения радиационной, химической и биологической защиты (РХБЗ) военных округов осуществляют дезинфекцию строений и территорий воинских частей, помогают медицинским службам в регионах. Специальными растворами обрабатываются дороги общего пользования, предприятия, больницы, станции скорой помощи, учебные заведения, аэропорты, вокзалы, торговые комплексы и многие другие здания и помещения. Для этого воины-химики в средствах индивидуальной защиты применяют специальные машины АРС-14КМ и войсковые комплекты ДКВ-1К.

• **Обработка военной техники.**

К примеру, на территории Западного военного округа уже проведена специальная обработка более десяти тысяч объектов гражданской и военной инфраструктуры, дорог общего пользования. Военнослужащие подразделений РХБЗ провели специальную обработку объектов и прилегающих территорий ОАО «Тверской вагоностроительный завод», расположенных в Санкт-Петербурге и Твери, обеззараживание дорожного покрытия и остановок общественного транспорта в Пскове, Великих Луках и Острове, в Курске военнослужащие обработали защитными составами территорию 1-й городской больницы имени Н.С. Короткова.

В гарнизонах Северного флота для борьбы с коронавирусной инфекцией сформировано около четырехсот подразделений, предназначенных для поддержания санитарного режима в условиях сложной эпидемиологической обстановки. Уже осуществлена специальная обработка зданий различных учреждений Министерства обороны и военных правоохранительных органов, а также комплекса зданий Мурманского филиала Военно-морского нахимовского училища. Привлекаются также флотские специалисты РХБЗ для дезинфекции объектов судостроительных и судоремонтных предприятий.

Особый подход применили в своей работе специалисты РХБЗ Центрального военного округа. Подчиненные полковника Александра Родионова из Самарской области доработали обычную установку для временного поста спецобработки транспортных средств гражданского назначения. Его проверили осенью прошлого года на стратегическом командно-

• **Проверка температуры у военнослужащего.**

● **Дезинфекция детской площадки в военном гарнизоне Западного военного округа.**

штабном учении «Центр-2019». Результат практического применения был блестящим. Разработка стала автоматизированной, поэтому время санитарной обработки автомобилей сократилась в четыре раза.

Таких примеров можно привести множество. По всей стране от Калининградской области до Камчатки ведется борьба с новой, еще не до конца разгаданной инфекцией. Специалисты РХБЗ получили огромный по масштабам фронт работ и возможность совершенствовать свое мастерство.

На передовой борьбы с коронавирусом находятся медики. Инфекционные отделения развернуты не только в штатных госпиталях Министерства обороны, но и в новых, только недавно построенных в рекордные сроки. В конце апреля строителями с опережением графика был сдан такой типовой госпиталь в Смоленске. В нем многое продумано на уровне современных требований к безопасности. Установлена специальная вентиляционная система, пациентов будут привозить со стороны открытой галереи, по коридорам которой могут передвигаться только медицинские работники. Они будут наблюдать за состоянием больных, в том числе и через специальные окна. Каждый этаж оборудован системой оповещения, а стены покрыли специальными панелями, которые можно мыть и дезинфицировать. Поскольку для соблюдения мер безопасности важно, чтобы инфицированных не транспортировали внутри здания, то в нем спроектированы и построены так называемые уличные галереи, позволяющие довести больных сразу до своих палат. Штат медперсонала в количестве более ста человек уже определен. Все они прошли обучение и повышение квалификации в Военно-медицинской академии имени С.М. Кирова. После спада пандемии коронавируса медицинское учреждение легко может быть перепрофилировано под любое другое отделение. Новый медцентр Смоленску был очень необходим. Госпиталь вмещает в себя триста койко-мест, а прикре-

плены сюда будут жители, военнослужащие и члены их семей не только из Смоленской, но и Брянской и Калужской областей.

Такие же многофункциональные центры для больных коронавирусом были открыты в Одинцово Московской области, в Нижнем Новгороде и других городах. Все они построены рекордными темпами. Каждый из них способен принять не менее ста пациентов, в отделении реанимации имеется десять одноместных палат, в случае необходимости каждый такой центр будет готов развернуть еще десять боксов интенсивной терапии. Больницы оборудованы компьютерным томографом, аппаратами ультразвуковой диагностики, искусственной вентиляции легких и рентгеновской техникой.

Высокий уровень подготовки военных медиков смогли оценить не только жители России.

Большую помощь они оказали пострадавшему от коронавируса населению Италии и Сербии.

Жители итальянского города Бергамо, расположенного в провинции Ломбардия, навсегда сохранят в своих сердцах чувство благодарности к нашим военнослужащим, оказавшим существенную помощь местным врачам в остановке распространения опасного заболевания. Начальник полевого госпиталя в Бергамо Оливьеро Волотти в интервью местным средствам массовой информации отметил высокий профессионализм военных медиков из России. Итальянский врач рассказал, что его российские коллеги лечат самых тяжелых пациентов. По словам Волотти, развернутый военный госпиталь значительно облегчил работу главной больницы в провинции.

Также в Италии специалисты войск РХБЗ Министерства обороны России провели полную дезинфекцию пансионатов для пожилых людей. Командир роты специальной обработки капитан Андрей Горшков, руководивший на месте этой работой, расска-

● **Новый военный госпиталь в Смоленске.**

● **Совместная работа российских и итальянских медиков.**

● **Обработка военного госпиталя в Сербии.**

● **Продуктовые заказы ветеранам.**

зал: «Коллектив у нас слаженный, все оказывают помощь друг другу, совместно обсуждают, как лучше, качественнее сделать ту или иную операцию. Тем более что наша работа очень востребована в Италии. Это доказывает и то доброжелательное отношение к нам, которое итальянцы демонстрируют каждый день. По их поведению и той признательности, которую они проявляют, хорошо понимаешь, что мы им нужны и насколько важна для них наша помощь. И это только повышает нашу ответственность за проводимую работу».

Самые теплые слова высказывают нашим военнослужащим и жителям Сербии. Российскими специалистами РХБЗ проведена дезинфекция нескольких медицинских учреждений в Республике Сербия, в том числе столичного научно-исследовательского института вирусологии, вакцин и сывороток «Торлак», медицинских клинических центров в городах Ниш и Крушевац. Военными эпидемиологами России проведены оценка и анализ эпидемиологической обстановки, уточнен объем дезинфекционных мероприятий, скорректированы мероприятия противэпидемического режима в военно-медицинском центре, расположенном в Белграде, в доме студентов и полицейском управлении в городе Ниш, а также в поликлиниках и больнице города Вране. Российские врачебно-сестринские бригады также приняли участие в осмотре и лечении пациентов с подтвержденным диагнозом COVID-19 в медучреждениях десятков городов Сербии.

Борьба с новым невидимым врагом проникла во все сферы жизни. Не оставила она в стороне и работников культуры. Ансамбль песни и пляски Западного военного округа создал гимн «Белые халаты», воспевающий работу врачей, борющихся с вирусом. В условиях самоизоляции артисты ансамбля совместно с певцом и композитором Игорем Демариным записали клип на песню «Белые халаты» и посвятили его медицинским работникам, которые борются с вирусными инфекциями, военным строителям, возводящим многофункциональные медицинские центры, и военнослужащим подразделений радиационной, химической и биологической защиты. В клипе демонстрируется работа врачей, военных строителей и военнослужащих, ведущих борьбу с коронавирусом. Борьбу, в которой в году 75-летия Великой Победы невидимый и страшный враг будет повержен.

Игорь АЛЕКСЕЕВ.
Фото Константина МОРОЗОВА
и Дениса ПРОХОРОВА

Лев ДОКТОРОВ

Лев Юрьевич ДОКТОРОВ родился в Витебске. Окончил Военно-медицинскую академию имени С. М. Кирова. Полковник медицинской службы в запасе. В настоящее время – заведующий отделением военного санатория «Пятигорский». Автор девяти поэтических сборников, член Союза писателей России. В содружестве с композиторами написал более тридцати песен. Дипломант поэтических конкурсов «Твои, Россия, сыновья» и «Ростовская лира». Заместитель руководителя литературного объединения «Слово» в Пятигорске.

«КАТЮША»

*В трамвае две девчонки лет восьми
Восторженно «Катюшу» исполняли.
И пассажиры, что в вагон вошли,
Их пенье с добротой принимали.*

*И в детских неокрепших голосах
Была такая искренность, напевность!
В улыбке ласковой на их губах
Сквозили чистота и задушевность.*

*Невольно взрослым вспомнилась война,
Погибшие в огне отцы и деды.
И навернулась на глаза слеза
От этой песни, звавшей нас к Победе.*

БУШУЕТ МОРЕ

*Опять бушует море,
Гудит морской прибой.
И чайки звонким хором
Летают надо мной.*

*А тучи, брови хмура,
Грозят опять с небес.
Вот-вот начнется буря,
Запляшет синий бес.*

*А море вновь грохочет,
И налетает шквал.
Похоже, дьявол хочет
Устроить карнавал.*

*И небо разразилось
Мельканьем молний, гром...
Природа отбесилась,
И стихло все кругом.*

* * *

*Одни переживания —
Я снова одинок.
И долгое молчание.
Когда же твой звонок?*

*И снова муки множатся.
Мгновенья как года.
Как наши судьбы сложатся?
И сложатся когда?*

*Так в жизни много прожито.
Не многое сбылось.
Но дни ведь и погожие
Нам встретить довелось.*

*Сердца не успокоятся
От утешенья слов.
Но лучшее запомнится:
Весна, мечты, любовь.*

ПРИСНИЛАСЬ

*В небе ясном, васильковом
Ты явилась мне во сне:
В платье нежно-бирюзовом
Лёгким шагом шла ко мне,
Грациозною походкой,
Вся воздушна и легка.
Ты сказала так негромко:
«Я пришла издалека.
У тебя прошу прощенья,
Говорю без лишних слов.
Жизнь дана для озарений,
И не надо мрачных снов.
Если любишь, не теряйся —
Шанс тебе даю один,
На союз со мной решайся,
Мой любимый господин».
Я проснулся: неужели
Так случилось не во сне?
Боже мой, на самом деле
В платье нежно-бирюзовом
Ты пришла навек ко мне.*

ИЗ ЗАСЛУЖЕННОГО В НАРОДНЫЕ

Черноморцу старшему мичману Сергею Шевченко присвоено звание «народный художник Крыма». Он стал первым обладателем высшего почётного звания Республики Крым в области изобразительного искусства. Одним из первых с этим знаменательным событием флотского художника поздравил заместитель командующего ЧФ по военно-политической работе контр-адмирал Игорь Курочкин.

– Во многом благодаря вниманию и помощи Игоря Валентиновича Курочкина мне присвоили это высокое звание. Удостоверение и знак «Народный художник Крыма» мне вручил в Симферополе в торжественной обстановке заместитель председателя Госсовета Республики Крым Ефим Фикс, – рассказывает Сергей Шевченко. – Это событие было приурочено к празднованию Дня Республики Крым. Ровно десять лет назад здесь же, в Симферополе, мне вручили знак и удостоверение заслуженного художника Крыма.

С Сергеем Шевченко мы давно хорошо знакомы. Он более тридцати лет служит на Черноморском флоте. Сергей Анатольевич родился 2 декабря 1966 года в городе Коканде Узбекской ССР. В 1986 году с отличием закончил Кокандское училище искусств и был призван на Черноморский флот. Службу по призыву проходил в штабе Краснознаменного Черноморского флота в Севастополе. После срочной службы в 1989 году он остался на сверхсрочную с присвоением воинского звания мичмана. Именно на этом этапе формируется творче-

• *Бухта Батилиман.*

ское мировоззрение Сергея Шевченко. Черноморский флот, город русской славы Севастополь, Русская Таврида – Крым стали основной темой его творчества.

Он проходил службу на гвардейском ордена Нахимова ракетном крейсере «Москва», на других кораблях флота, принимал участие в дальних походах, участвовал в создании «Морской галереи Черноморского флота», оформлении музея боевой славы эскадры ЧФ, является организатором и участником выставок картин севастьяпольских художников на Черноморском флоте. Мне не раз довелось выходить с ним в море на кораблях с визитами дружбы и деловыми заходами в иностранные порты. Я видел, как он делал наброски будущих картин, был и на презентации некоторых его произведений, открытии выставок в Севастопольском Доме офицеров. Свои морские дороги флотский художник прокладывал на больших противолодочных кораблях «Керчь» и «Азов», сторожевых кораблях «Пытливый», «Сметливый» и «Ладный», больших десантных кораблях.

Особо запомнился визит гвардейского ракетного крейсера «Москва» во французский город

• *Ефим Фикс вручает Сергею Шевченко удостоверение народного художника Крыма.*

● *Погрузка торпед.*

Канны. Работы флотского художника были представлены не только на борту ракетного крейсера, но и на площадке всемирно известного Каннского дворца кинофестивалей.

● *Поздравляю, сын!*

– Среди французских посетителей выставки сразу появились желающие приобрести мои картины, – вспоминает флотский художник. – Я выставлял их не на продажу и потому отказывал про-

сителям, но все же одну из своих работ оставил в Каннах. Очень просили.

Это было два десятка лет назад. Вместе с Сергеем Шевченко свои картины представлял в Каннах и другой флотский художник – офицер Олег Танцюра.

– Всего мною написано более тысячи двухсот картин, – делится Сергей Шевченко. – Более тысячи из них я создал для Черноморского флота. Часть из этих полотен представлены в зимнем саду Севастопольского Дома офицеров. Большей частью это портреты известных городу и флоту людей.

Со многими из тех, кто терпеливо позировал флотскому художнику, я был знаком лично. Например, фронтовик, защитник Москвы, бывший начальник тыла Черноморского флота контр-адмирал Михаил Павлович Бочкарев, доживший почти до

● *Ракетный крейсер «Адмирал Головкин».*

• **Адмирал Геннадий Сучков.**

• **Генерал-майор Виктор Колядин.**

своего столетия. Кстати, по случаю его столетия на здании тыла флота установлена мемориальная доска. Это начальник политотдела 5-й оперативной Средиземноморской эскадры контр-адмирал Павел Романович Дубягин, фронтовик, Герой Советского Союза, почетный гражданин города-героя Севастополя, создатель Аллеи городов-героев в нашем городе, заслуженный военный летчик СССР, сбивший в годы Великой Отечественной шестнадцать фашистских самолетов и во время корейской войны пять американских генерал-майор авиации Виктор Иванович Колядин и многие другие.

Работы художника выставлялись на выставках в Москве в Центральном Доме художников,

Санкт-Петербурге, Ростове-на-Дону, Краснодаре, Новороссийске и других городах, в том числе

• **Фрегат "Святой Петр".**

крымских. На них представлены батальные сцены, символические композиции, отражающие историю Севастополя и Черноморского флота, портреты и пейзажи.

– В моей коллекции как акварели, так и работы, выполненные маслом, – говорит художник. – Акварельные работы, как мне кажется, у меня лучше получаются. К своим учителям могу отнести севастопольца заслуженного художника Украины Виктора Коваленко, Алишера Гафурова, Анатолия Шорохова. Благодарен за науку «писать корабли» заслуженному художнику Крыма Андрею Лубянову.

Мастерская художника расположена в одной из береговых воинских частей Черноморского флота. Военные будни, романтика флотской службы, боевые походы, тренировки и учения, визиты черноморских кораблей в зарубежные порты сформировали его мировосприятие и мироощущение, наложили отпечаток на творческий мир живописца. Военная и патриотическая темы играют главную роль в его творчестве.

Сергей Анатольевич Шевченко внес свой вклад в укрепление русского духовного стержня Севастополя, сохранение неповторимой, особенной идентичности города-Героя, главной морской крепости юга России, пропаганду флотских традиций, развитие культуры и искусства в среде моряков-черноморцев и горожан. Он стал первым членом Союза художников России, постоянно проживающим и работающим в Севастополе и Крыму. Именно он инициировал создание в Севастополе – новом субъекте Федерации, городе федерального значения – региональной организации Союза художников России, совместно с коллегами-подвижниками организовал ее работу. Шевченко организовал первый пленер

севастопольцев-художников в Батилимане в 2015 году.

Динамика жизни военного моряка, неоднократные походы в Италию, Грецию, Францию, Турцию, Сирию, Тунис и другие страны отразились на тематике, в сюжетах и композициях его работ. Впечатления от этих стран сформировали любовь к теплому яркому колориту. А выставки в этих походах, проводимые в иностранных портах на кораблях ВМФ, принесли драгоценный опыт. Важна его работа по поднятию престижа русских моряков в странах зарубежья и организации культурного диалога между народами. Его картины находятся в экспозициях и частных коллекциях ряда стран Европы, Африки и Азии, а также Кубы, Никарагуа, Венесуэлы.

Сергей Шевченко принимает активное участие в выставках, в том числе республиканских и международных. Он стал одним из организаторов выставки крымских и севастопольских художников, прошедшей в Москве на Крымском валу в конце 2015 года. Сергей Шевченко отмечен рядом престижных наград творческого сообщества.

В настоящее время флотский художник работает над живописным полотном, посвященным 75-й

● Адмирал Флота Советского Союза Николай Кузнецов.

годовщине Великой Победы советского народа над фашистской Германией.

– На этом полотне будет немало лиц ветеранов войны, хорошо известных старшему поколению черноморцев и севастопольцев, – говорит Сергей Шевченко. – Хочу увековечить их в этой большой картине. Работу над ней намерен завершить в конце апреля, чтобы она увидела свет к всенародному празднику.

Владимир ПАСЯКИН.
Фото автора

● Вячеслав ПОТОГИН. Парад на Красной площади.

● Андрей ДРОЗДОВ. Парад Победы.

● *Алексей ЕВСТИГНЕЕВ. На авиабазе Хмеймим.*

● *Илья ЛЕБЕДЕВ. Портрет Героя России гвардии майора Романа Филипова.*

● **Илья ЛЕБЕДЕВ.** *Беспилотник в Сирии.*

● **Сергей ТРОШИН.** *Вечер на авиабазе Хмеймим.*

● **Алексей ЕВСТИГНЕЕВ.** Учебный пуск.

● **Александр СЫТОВ.** Высадка морского десанта.

● *Алексей ЕВСТИГНЕЕВ. Десантирование.*

● *Сергей ТРОШИН. После маневров.*

● Вячеслав ПОТОГИН. Полевой узел связи.

● Егор СМОРНОВ.
Работа боевого расчета машины связи.

● Валерий МОКРУШИН. Будни ракетных войск стратегического назначения.

● **Олег ЕЗДАКОВ.** *Залп «Бастиона-П».*

● **Андрей СИБИРСКИЙ.** *Перед стартом беспилотников.*

- *Дмитрий АНАНЬЕВ. День Военно-Морского флота в Севастополе.*
- *Александр АНАНЬЕВ. Военно-морской парад в Санкт-Петербурге.*

